

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

А. С. Стыкалин

Венгерский кризис

1956

года

в исторической
ретроспективе

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2016

УДК 94(4/9)
ББК 63.3(2)632
С88

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Серия основана в 2012 году

Рецензенты:

доктор исторических наук, научный сотрудник Русского фонда
содействия образованию и науке, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН *А. С. Степанов*,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей
истории Курского государственного университета *И. Н. Селиванов*,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН *В. В. Волобуев*

Стыкалин А. С.

С88 Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. — М.: Русский фонд
содействия образованию и науке, 2016. — 720 с.: ил. (Серия «Холодная война»).

ISBN 978-5-91244-182-0

К остродраматическим и во многом трагическим событиям, происходившим в Венгрии осенью 1956 года, было приковано внимание всего мира. Неудивительно, что именно собирательный образ венгерского борца за свободу был признан «человеком года» (1956) по версии американского журнала «Тайм». Венгерскому кризису 1956 года посвящены сотни работ, опубликованных в разных странах мира, в самой же Венгрии память о «будапештской осени» продолжает не только активно присутствовать в историческом сознании нации, но то и дело проявляет себя в политической жизни.

При всем обилии публикаций не утихают споры о сущности тех событий, их истоках, международном значении, и мнения высказываются совершенно разные. В настоящей книге собрано полтора десятка очерков, объединенных общей темой — «Венгерский кризис осени 1956 г. в 60-летней исторической ретроспективе». Широко используя архивные документы и опираясь на основные достижения исторической науки последних десятилетий, автор пытается показать международное значение «будапештской осени», осмыслить ее долгосрочные последствия для самой Венгрии, всего советского блока, межблоковых и международных отношений.

Книга рассчитана на историков, политологов, специалистов по проблемам международных отношений, журналистов, на всех, кто интересуется ключевыми историческими событиями второй половины XX века.

УДК 94(4/9)
ББК 63.3(2)632

ISBN 978-5-91244-182-0

© Стыкалин А. С., текст, 2016
© Райнер Я. М., вступительная статья, 2016
© Степанов А. С., приложение, 2016
© Ормонт М. А., дизайн и оформление, 2016
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Содержание

- 7 Янош М. Райнер. Память о 1956 годе
в сегодняшней Венгрии
- 21 От автора
- 33 Советский дипломат перед национал-
коммунистическим вызовом. Ю. В. Андропов
в Венгрии (1953–1957)
- 79 Президиум ЦК КПСС в поисках путей
разрешения венгерского кризиса 1956 года.
Влияние внешних факторов на принятие
решения
- 93 Имре Надь — реальность и мифы. Заметки
на полях политической биографии И. Надя
- 125 Кардинал Миндсенти на политической
сцене Венгрии
- 167 Венгерский кризис 1956: к вопросу о роли
журналистского сообщества
- 207 Венгерский кризис 1956 года и советско-
югославские отношения второй половины
1950-х — начала 1960-х годов
- 257 События октября 1956 года в Польше и Венгрии
и коммунистическое руководство Китая

- 287 К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество, 1956–1957
- 341 К вопросу о реакции советской интеллигенции на венгерские события 1956 года
- 359 Илья Эренбург и осень 1956 года. К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада
- 403 Опыт 1956 года в 12-летней ретроспективе. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии
- 447 От революции 1956 года к «смене систем» в 1989 году: эволюция исторической памяти венгерской нации
- 483 Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе
- 517 Венгерские события 1956 года в западной историографии и общественно-научном сознании (1956–1989)
- 571 По замкнутому кругу. О некоторых веяниях современной российской историографии в трактовке роли Запада в венгерском кризисе 1956 года. Заметки на полях одного несовершенного издания
- 595 Заключение
- Приложение
- 615 А. С. Степанов. От «освободительного похода» 1939 года до «доктрины Хрущева». Некоторые размышления о восточноевропейской политике СССР
- 697 Библиографическая справка

Память о 1956 году в сегодняшней Венгрии

Янош М. Райнер

— Считаю приятным долгом для себя представить читателю сборник работ моего уважаемого коллеги Александра Стыкалина, который известен не только как лучший в России специалист по венгерской истории второй половины XX века, но пользуется в научных кругах международным авторитетом: его мнение, в частности, внимательно выслушивается в профессиональном сообществе, когда речь заходит не только об установлении режимов советского типа в Восточной Европе, но и по различным проблемам истории холодной войны. Нас, венгров, разумеется, особенно интересует написанное им в последние более чем два десятилетия о событиях, происходивших у нас в 1956 году. Здесь стоит также упомянуть участие Стыкалина в осуществлении ряда первопроходческих проектов по публикации архивных документов и принадлежащую его перу первую действительно научную русскоязычную монографию о венгерском 1956 году¹. Считаю важным собрание под крышей одного издания его основных работ по этой теме.

Для нас, венгров, «1956 год» — это нечто большее, нежели просто значительное историческое событие середины XX века. В 1956 году у нас была предприня-

.....
¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998; *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы*. М., 2003.

та попытка вывести страну из того состояния, которое было предопределено установлением в Венгрии режима советского типа и внешнеполитической зависимостью от соседней большой державы. Эта попытка в то время оказалась неудачной, однако удалась позже, в 1989 году, в совсем иных исторических условиях, во многом благодаря демократизации Советского Союза и горбачевской перестройке. В процессе трансформации венгерской системы в иное качество память о 1956 годе играла очень значительную роль (А. Стыкалин детализированно и тонко показывает это в одной из статей, включенных в сборник). Но что происходило в дальнейшем и как поддерживается сегодня в Венгрии историческая память о тех событиях? Об этом хотелось бы поделиться некоторыми мыслями с российскими читателями, развивая и дополняя содержащийся в книге ценный анализ.

В 1989 году один из важных вопросов, вставших в ходе демократического переустройства Венгрии, заключался в том, как видит общество свое недавнее прошлое. Память о революции², казалось бы, спланивала тех, кто выступал сторонниками перемен, способствуя достижению политического консенсуса. Одним из поворотных событий в процессе трансформации системы в иное качество стало торжественное перезахоронение 16 июня 1989 года Имре Надя, в 1956 году премьер-министра Венгрии, осужденного и казненного двумя годами позже. Вся властная машина, ее представители находились в состоянии некоторой растерянности. Ведь после 1956 года они вначале определили произошедшее как контрреволюцию, а Имре Надя называли предателем. Затем, по прошествии некоторого времени, «будапештскую осень» стали всё больше замалчивать. Причем те события замалчивались не только властями, но и венгерским обществом, вначале потому, что оппозиционные мнения нещадно пресекались, а позже в самом общественном сознании стала срабатывать реакция на подавление, вытеснение этих событий из исторической памяти. Состоявшееся в 1989 году торжественное перезахоронение Имре Надя и ряда других лиц, казненных

.....
 2 О том, как автор этих строк понимает революцию, речь пойдет ниже.

за участие в событиях 1956 года и покоившихся в неизвестных могилах, способствовало установлению в обществе морального единства. Сторонники кадаризма и системы советского типа оказались в явном меньшинстве. Акция перезахоронения явилась не только катарсисом, она могла стать отправной точкой для осмысления прошлого. Венгерское общество могло, взглянув в лицо фактам, признать, что вся послевоенная история не сводится лишь к истории дружного противостояния нации малочисленной горстке коммунистов. Нужно было осознать все случившееся, и в 1989 году для этого наступил подходящий момент. Но он быстро миновал.

После 1989 года память о событиях 1956 года уже не сплывала, а напротив, всё более разделяла венгерское общество. К опыту 1956 года всё чаще обращались в качестве аргумента в острой и полной конфликтов общественно-политической борьбе. Вначале казалось, что между двумя основными партиями, возглавившими процесс смены системы, нет заметных различий в оценке «1956 года». Как консервативно-националистический Венгерский демократический форум, так и либеральный Союз свободных демократов расценивали революцию 1956 года как непосредственную, органичную предпосылку новой венгерской демократии. Радикально-либеральная по своим тогдашним установкам партия ФИДЕС выдвинула своим кандидатом на пост президента Венгрии Шандора Раца, который в 1956 году был председателем Рабочего Совета Большого Будапешта. Первый закон, принятый избранным демократическим путем венгерским Госсобранием, был посвящен выявлению исторического значения событий 1956 года. Но как раз в момент подготовки этого закона образовалась трещина в той складывавшейся новой концепции исторической памяти, которая воспринималась в качестве общей в лагере сторонников перемен. Ведь одержавшие победу в политической борьбе национал-консерваторы выбросили из текста закона имя Имре Надя. Тем самым они ясно дали понять, что отвергают любые интерпретации тех событий с левых позиций и не воспринимают коммуниста Имре Надя как фигуру, символизирующую революцию 1956 году. В том же 1990 году развернулись политические споры о гербе и национальных праздниках Венгерской

Республики, только углубившие образовавшуюся трещину. Консервативно-националистическое парламентское большинство сделало выбор в пользу герба с короной, унаследованного от Венгерского королевства, существовавшего до 1945 года. Тем самым был отвергнут республиканский герб Кошута, возникший в условиях антигабсбургской революции 1848–1849 годов и использовавшийся во время революции 1918 года, как и в 1956 году. Государственным праздником было провозглашено не 15 марта (день начала революции 1848 года) и не 23 октября (день начала революции 1956 года), а 20 августа, день Святого Иштвана, короля-основателя венгерского государства, возникшего в начале XI в. Акцент в исторической памяти, таким образом, делался не на движениях нового и новейшего времени, выступавших под знамёнами демократии, социального и национального прогресса, а на сохранении преемственности с 1000-летней венгерской государственной традицией. В соответствии с возобладавшими представлениями, разрыв традиции произошел в 1944–1945 годах, вследствие чего страна была заведена в тупик, связанный с эпохой коммунизма. И дела несколько не меняли события 1956 года, органично включенные в ту же эпоху. Первый посткоммунистический премьер-министр Венгрии Йожеф Анталл был историком по своему базовому образованию и многолетней сфере деятельности, и, таким образом, можно предполагать, что произошедшее изменение концепции исторической памяти было делом сознательным и хорошо продуманным. Как и начавшиеся в это время акции правосудия в отношении лиц, ответственных за преступления прошедших десятилетий, а это только углубило возникший раскол.

Вопрос о привлечении к персональной юридической ответственности тех, кто организовывал фальсифицированные судебные процессы в эпоху сталинизма, разгонял безоружных демонстрантов осенью 1956 года, осуществлял репрессии в отношении участников той революции, встал уже в 1989–1990 годах. В это время, однако, в обществе еще доминировала парадигма мирного, основанного на строгом соблюдении законности перехода к новому общественному состоянию. Это, несомненно, открывало путь для ухода от ответственности представителей прежней коммунистической элиты — виновников репрессий и

гонений, жертвами которых стали тысячи граждан. Тем самым возник хорошо ощущавшийся в обществе дефицит морально-го подхода, ставший, надо сказать, довольно серьезным грузом для молодой венгерской демократии. После первых свободных выборов 1990 года различные политические силы, в том числе партии правящей коалиции, развернули настоящую кампанию в целях расследования всех «преступлений» эпохи коммунизма, ставился вопрос о привлечении к ответственности виновников конкретных несправедливых акций. Социалистическая партия, ставшая преемницей кадаровской ВСРП, естественно, против этого возражала. Такую же позицию заняли, в сущности, и либералы, ставя во главу угла при создании новой государственной системы принцип законности и правовой защищенности; необходимость же привлечения к моральной ответственности виновных в несправедливых деяниях прежнего режима при этом никак не ставилась под сомнение. Надо заметить, что наиболее активные сторонники возмездия происходили, как правило, из числа непосредственных участников революции 1956 года. Вместе с тем движущие пружины в этом споре были связаны с актуальными, текущими задачами политической борьбы.

В первые годы существования молодой венгерской демократии либеральное крыло на политической арене предложило альтернативную картину недавнего прошлого. В ней делался сильный акцент на исторической значимости оппозиционных идейно-политических течений, выступавших с критикой системы советского типа, т. е. на важности именно того исторического феномена, которому в консервативной оптике не придавалось большого значения. Социалисты в то время занимали пассивную позицию, фактически устранившись от участия в выработке новой концепции исторической памяти. Причина этого хорошо понятна: ведь в руководстве социалистической партии были в немалой мере представлены лица, вышедшие из второго-третьего ряда кадаровской партийно-государственной элиты. Председатель соцпартии Дюла Хорн в конце 1956 года был бойцом одного из отрядов «охраны общественного порядка», подавлявших революцию. Когда в 1994 году социалисты одержали победу на следующих выборах, они сделали некоторые жесты воздаяния поче-

стей революции 1956 года и ее героям. Так, Хорн демонстративно возложил венок на могилу Имре Надя, стоя рядом с дочерью казненного премьера. Политику памяти в этот период определяли не столько социалисты, сколько их союзники по коалиции, либералы. Начиная с этого времени консервативная оппозиция ещё более усиливает антикоммунистическую направленность своего подхода. Когда в 1998 году новая консервативная сила, ФИДЕС (в первые годы своего существования выступавшая в качестве альтернативной либеральной партии), одержала победу на следующих выборах, ее лидер В. Орбан отчасти вернулся к идейному наследию времен правления Й. Анталла. Политика исторической памяти снова стала делать упор на 1000-летнюю традицию венгерской государственности. Согласно представлениям Анталла, весь мрак коммунистической эпохи на миг развеяло всего одно, молниеносное и почти мифическое событие — «будапештская осень» 1956 года, ничего радикально не изменившая. Орбан тоже попытался встроить «1956 год» в свою систему представлений о недавнем прошлом, определявшую политику исторической памяти. В соответствии с его концепцией, весь период между 1945 и 1990 годами стал черной полосой обид, нанесенных венгерской нации, и испытанных ею страданий. В качестве коллективной жертвы воспринималось всё венгерское общество без всякой дифференциации, тогда как источник страданий как бы раздваивался — зло исходило как от чуждой внешней силы (Советы), так и от собственных венгерских левых. Насилие, испытанное нацией за годы существования коммунистического режима, согласно официальным представлениям, охватило более широкий круг людей, было более долгим и тягостным, чем, скажем, венгерский Холокост, ответственность за который несли не только немецкие нацисты, но отчасти и собственное, венгерское государство.

Социалисты, возглавляемые Ференцем Дюрчанем, только после третьей своей победы на выборах, состоявшейся в 2006 году, выступили со своей самостоятельной концепцией исторической памяти. По представлениям Дюрчани, социалисты оказались в ситуации выбора между двумя частями своего исторического наследия — традицией Имре Надя и традицией Яноша Кадара. Выбор был сделан в пользу И. Надя и стоявшего за ним левого спектра

идей и движений, представленных в революции 1956 года. Впрочем, эта система построений не вызвала слишком большого отклика даже в собственной партии, на консервативном же фланге всё это воспринималось с ещё большим недоверием, как пустая, бессодержательная риторика, если не сознательное введение нации в заблуждение. В 2010 году на выборах вновь победил Орбан, который вернулся к прежней своей консервативной концепции о произошедшем в новейшее время дисконтинуитете в историческом развитии венгерской нации. Как отклонение от естественного пути национального развития воспринимался весь период начиная от 1944 года и кончая 1990 годом (иногда даже 2010 годом!). Это была растянувшаяся на несколько долгих десятилетий тёмная полоса, своего рода провал, который не поддавался никакому иному толкованию, кроме как в категориях бесконечных страданий, испытанных нацией. События осени 1956 года воспринимались в этой оптике не более чем как случайный «луч света в темном царстве». У них не было ни предпосылок, ни последствий, если не считать извлеченного из тех событий морального урока, заключавшегося в том, что уничтожить эту мощную силу, довлеющую над нацией, можно только таким же силовым путем: условия для этого созрели после 1989 года. В этой системе исторических координат такой герой революции 1956 года, как коммунист Имре Надь, — немалая помеха в создании убедительной конструкции. Ведь коммунисты не могут трактоваться иначе, чем как «сила тьмы». Политика в области исторической памяти становится с возвращением Orbana к власти довольно активной, возникают всё новые и новые институты, занимающиеся изучением новейшей истории, делается ряд символических жестов, направленных на то, чтобы представить режим Хорти в качестве образца. Но в рамках всей этой исторической парадигмы не отведено подобающего места событиям 1956 года, не говоря уже об Имре Наде. Память о революции 1956 года разобщает не только элиту с ее представлениями об оптимальной политике в области исторической памяти. Значительная часть венгерского общества сегодня воспринимает (а если вспомнить кадаровские годы, можно даже сказать, что вновь воспринимает) те события как своего рода «смутное время». Одна из причин этого заключается в глубоком

расколе сегодняшней венгерской политической жизни. Другая причина — в том, что в коллективной памяти нации «1956 год», как и предшествовавшие ему события, рассматривается сквозь призму воспоминаний о последующей кадаровской эпохе и опыта турбулентного общественного развития начиная с 1989 года. Эпоху Кадара консервативное течение в современной венгерской политике осуждает без сколько-нибудь дифференцированного к ней подхода, и это зачастую вызывает законное неприятие у тех, кто тогда жил в достаточном достатке и спокойствии, удовлетворяясь имевшимся уровнем свобод. Третья причина заключается в том, что опыт событий 1956 года в очень малой степени может дать ответы на вопросы, вставшие перед Венгрией после 1989 года. Новая демократия основывается на принципах народного волеизъявления и свободных выборов. Использование же ее представителями в политической борьбе исторических аргументов зачастую воспринимается в обществе как проявление неискренности и некий анахронизм. Многочисленные памятники, мемориальные доски, разного рода объекты поклонения и т. д. покрыли Венгрию целой сетью памятных мест, связанных с революцией 1956 года. Но отношение общества ко всему этому меняется. Установление на рубеже 1980—1990-х годов на месте захоронения жертв репрессий надгробий, а затем и кладбищенского мемориала не сопровождалось какими-либо дискуссиями. Совсем иной была ситуация через полтора десятилетия, в канун 50-летнего юбилея революции, когда развернулись жаркие споры вокруг создания главного в стране мемориала — на площади Дёрдя Дожи в Будапеште, на том самом месте, где стояла скульптура Сталина, сброшенная в 1956 г.³ Между политикой в области исторической памяти и самой исторической памятью, бытующей в обществе, сегодня, может быть, уже нет столь глубокой пропасти, как та, что была в эпоху Кадара. И все-таки эта пропасть существует и поныне.

Как бы то ни было, венгерская историческая наука многое сделала для раскрытия правды о событиях, происходивших в 1956 году. На результаты исследований венгерских историков

.....
³ Появилась даже группа энтузиастов, соорудивших перед зданием технического университета альтернативный памятник.

многokrатно ссылается в своей книге А. Стыкалин, поэтому здесь нет необходимости давать конкретные ссылки. Хотелось бы только заметить, что память о 1956 годе стала и для историков серьезным профессиональным вызовом, который, что вполне естественно, породил споры в исторической науке.

В последние годы наиболее значительную, заслуживающую внимания попытку определить суть событий 1956 года предпринял академик Габор Дяни, в своем основательном анализе отталкиваясь от работ Ханны Арендт, Раймона Арона, но учитывая также и марксистское понимание революции. Дяни пришел к выводу о том, что применительно к Венгрии 1956 года не работает восходящее к Великой Французской революции (1789 год) понимание революции как события универсального по размаху и последствиям, открывающего широкие (в восприятии современников бесконечные) всемирно-исторические перспективы (и в том числе перспективу смены формаций), обладающего строго определенным классовым содержанием и такими атрибутами, как разрушение до основания старого общества, начало строительства нового с чистого листа и т. д. Дяни не считает обоснованным в отношении венгерских событий 1956 года и применение термина «пролетарская революция», ведь всё происходившее отнюдь не было движением какого-то одного класса. Едва ли годится и такое понятие, как «антитоталитарная революция», распространенное и живо обсуждавшееся в литературе, ведь тоталитарная система, в сущности, так и не была поколеблена. Дяни напоминает о том понимании революции, которое было в ходу до 1789 года, оно первоначально возникло отнюдь не в социальной науке и было связано прежде всего с изучением вращения небесных сфер. Такое понимание исходит из возможности кругового вращения, попятных движений. Когда это понятие попытались распространить на анализ политических явлений нового времени, его использовали применительно к насильственным действиям по свержению власти. Но применяли также и при описании эволюции форм политического устройства от монархии к власти толпы, а затем по кругу к следующей монархии — это естественное круговращение происходило независимо от воли людей. Речь могла

идти и о революции в целях возвращения прав, некогда утраченных, и о восстановлении естественного и законного порядка, который был нарушен вследствие насилия (так понималась, например, революция в случае с английской «Славной революцией» конца XVII века). Согласно этой логике, и революция 1956 года была попыткой возвращения в прошлое, а именно к 1945 году, к тому общественному состоянию, которое внушало надежды на подлинное осуществление демократии, так и не состоявшееся. На воплощение демократического идеала, так и не реализованного⁴.

С этим вопросом тесно связано следующее. Независимо от того, какого типа революцией был венгерский «1956 год», всё окончилось неудачей. Тогда в чем его значение, и можно ли вообще говорить о его значении? По мнению крупнейшего немецкого специалиста по истории понятий Райнхарта Козеллека, «историческое событие» — это такая последовательность (секвенция) эпизодических происшествий, которую уже современники (а впоследствии и рассказчики) считают достаточно значимой и которая предопределила перестройку важных, базовых структур. Консенсус в этом вопросе рождается далеко не сразу. Никогда нельзя с уверенностью утверждать, что оценка потомков обязательно совпадет с мнением современников.

Петер Кенде в работе 1995 года увидел историческое значение венгерской революции 1956 года в том, что оно потрясло до оснований «советскую империю», которая доселе казалась неподверженной мощным потрясениям. Были поколеблены политические и философские догмы советского социализма. Венгерскими событиями была задана также модель для тех массовых народных движений, которые в конце концов положили конец тоталитаризму⁵. При таком подчеркнута телеологическом взгляде на венгерскую революцию от 1956 года пролегал прямой путь к событиям 1989–1991 годов, когда «советская империя» действи-

⁴ См.: Gyáni Gábor: Forradalom, felkelés, polgárháború. 1956 fogalmi problémáiról // BUKSZ, 2007. 1. sz. 41–49. o.

⁵ См.: Kende Péter: A magyar forradalom jelentősége négy évtizedes távlatból // Még egyszer a párizsi toronyból. Kortörténeti és politikai esszék 1973–2003. Budapest, 2003, 294–304. o.

тельно пала. Венгерская революция, таким образом, явилась как бы увертюрой к длительному процессу, приведшему в конечном итоге к полному изменению политических структур. Есть, однако, и другое мнение — о том, что «венгерский 1956 год» как таковой не изменил коренным образом действующие структуры. Может быть, потому что коммунистические режимы претерпевали после смерти Сталина определенную эволюцию независимо от «венгерского Октября» и в этом плане роль венгерских событий не была слишком значительна, тем более что эта революция завершилась неудачей. Да и вообще можно спорить о том, насколько значительные структурные трансформации претерпели режимы советского типа до конца 1980-х годов. В основе разных трактовок лежат, как правило, представления о том, что тоталитарные режимы советского типа прошли в своем развитии некий посттоталитарный (авторитарный) этап. Один из возникающих при этом вопросов состоит в том, являются ли произошедшие перемены в характере власти хотя бы отчасти следствием какого-либо травматического по своему воздействию события, массовых общественных движений или же речь идет об объективной логике развития тоталитарных режимов, а также об эволюции сознания правящих коммунистических элит. Согласно некоторым концепциям, тоталитарные институты остаются в принципе неизменными, меняются только методы осуществления власти, политический стиль. Вдобавок среди исследователей, которые исходят из длительности кризиса режимов советского типа, попадают те, кто связывает поворотные пункты в истории этих режимов с совсем иными явлениями и прежде всего с экономическим ростом, повышением уровня жизни населения и т. д.; соответственно водораздел между разными этапами в развитии соответствующих режимов должен приходиться не на середину 1950-х, а скорее на середину 1960-х годов. Нельзя все-таки забывать о существенной роли венгерской революции 1956 года в контексте истории холодной войны как события, закрепившего послевоенный статус-кво в Европе.

По моему личному убеждению, большие изменения, произошедшие в конце 1980-х годов, нельзя автоматически выводить из событий середины 1950-х годов. «1956-й год» не изменил коренным образом существующий общественный уклад. Однако

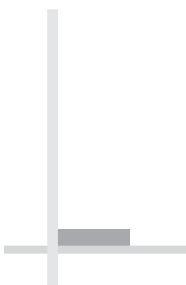
он изменил отношение людей к этому укладу, т. е. общественную ментальность, психологическое восприятие диктатуры как естественного состояния жизни. Новое отношение проявилось прежде всего в иных индивидуальных и общих целях, которые люди ставили перед собой, при этом новые поколения, выбирая и формулируя свои цели, критически осмыслили опыт и поведение отцов. И один из важнейших факторов, определявших этот процесс, был связан как раз с тем, рассматривало ли общество существующий режим как нечто постоянное, извечное — или, напротив, как нечто временное. Именно здесь, именно в этом плане 1956-й год и принес изменения: итогом борьбы явилось осознание того факта, что придется долгое время жить в условиях режима советского типа в той или иной его вариации и господства советской империи. В том способе, которым общество пережило 1956 год, был заключен парадокс, ведь пережитой опыт, с одной стороны, указывал на то, что перемены возможны, а с другой стороны, и на то, что собственными силами, без поддержки великих держав, а тем более вопреки их интересам, сделать ничего нельзя.

«У истоков всех великих демократий стоят революции — революции, в ходе которых порой слетали королевские головы», — писал в 1945 году Иштван Бибо. «Революции эти, — продолжает он, — не обязательно связаны с определенными этапами в общественно-экономическом развитии: социальные и экономические переходы могут происходить и без больших политических потрясений, но для того, чтобы можно было говорить о демократии [...], непременно должна свершиться единственная революция — революция человеческого достоинства».⁶ Под политическими революциями, как правило, понимают поворотные пункты в историческом развитии, когда вовлекаются в действие широкие массы, выступающие под лозунгами демократических свобод, создания более совершенного демократического устройства. Нередко всё это сопряжено с насилием, заставляя вспом-

.....
⁶ *Bibó István. A magyar demokrácia válsága* // Kemény István – Sárközi Máttyás (szerk.) *Bibó István Összegyűjtött Munkái* 1. köt. Genf, 1981, Európai Protestáns Magyar Szabadegyetem kiad. 62. o.

нить чарующие и вместе с тем пугающие образы Великой Французской революции 1789 года. В повестку дня политических революций неизменно ставятся и требования модернизации и прогресса — решение этих задач в принципе достижимо и при недемократических политических системах, однако демократические формы устройства обеспечивают более благоприятные для человека условия их осуществления. Венгерский «1956 год» соответствует такому пониманию революции, ведь в результате тех событий был разрушен, пусть не до самых оснований, весь прежний порядок, при котором политические свободы жестоко подавлялись во имя воплощения туманной утопии, а вместо строгого выполнения законности и демократических процедур существовал произвол власти, причем власти, подчинившей страну интересам внешней силы — империи, в основе которой лежала иная культура. Заложенный в той революции потенциал не был реализован, то подлинно новое, что должно было прийти на смену свергнутому режиму, предстает перед нами в неоформленном виде. Венгерский «1956 год» не только был развилкой, открытой для реализации разных альтернатив, но нес в себе многозначное содержание. Его можно трактовать и как мощное антитоталитарное восстание, и как попытку возвращения к идеалам либеральной демократии, и как эксперимент, устремленный в будущее, осуществлявшийся во имя более справедливого социалистического устройства, основанного на принципах подлинного самоуправления, и как яркое проявление борьбы против ущемления национального достоинства.

От автора

Внимание читателя предлагается полтора десятка собранных под одной крышей очерков, объединенных общей темой — «Венгрия. Кризис осени 1956 года». В нашей книге речь идет отнюдь не только о происшедшем на улицах Будапешта в те драматические дни. И не только о внешнеполитических аспектах событий, приковавших к себе внимание всего мира — достаточно сказать, что именно собирательный образ венгерского повстанца стал «человеком года» (1956 года) по версии американского журнала «Тайм». В центре нашего внимания находятся также долгосрочные последствия тех событий для Венгрии, советского блока, межблоковых отношений, осмысление и учет венгерского опыта 1956 года в политической практике последующих десятилетий, основные тенденции международной историографии. Книга продолжает и развивает на обширном фактическом материале тему, разработке которой была посвящена моя монография 2003 года «Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы». В отличие от той монографии, пытавшейся создать целостный образ этого заметного события европейской истории второй половины XX в., уделив вместе с тем основное внимание советскому фактору, новая книга сосредоточена на более углубленном изучении отдельных, существенных с точки зрения автора, аспектов «венгерской трагедии», рассмотренных в 60-летней исторической перспективе.

Речь в книге идет о событиях, которым посвящены многие сотни работ, опубликованных в разных странах мира; в самой же Венгрии они до сих пор привлекают внимание не только историков, но и политиков, публицистов, широкого общественного мнения. О том, насколько жива в сегодняшнем венгерском обществе память об осени 1956 года, автор многократно имел возможность убедиться, бывая в Венгрии. Так, в дни, когда отмечалось 50-летие «будапештской осени», в октябре 2006 года, состоялись мощные антиправительственные демонстрации. Хотя мотивы, заставившие в этот раз людей выйти на улицу (недовольство неэффективной экономической политикой социалистического правительства Ф. Дюрчания), не имели ничего общего с истоками событий полувековой давности, манифестанты воспринимали и позиционировали себя как продолжатели своеобразно ими интерпретированных традиций осени 1956 года, поскольку им это пытались внушить современные политики.

Споры о сущности, значении и последствиях тех событий не утихают, и мнения высказываются совершенно разные. Так, Имре Кертес, первый венгерский лауреат Нобелевской премии по литературе, в одном из эссе заметил, что не надо переоценивать значения тех событий, поскольку они в сущности ничего не изменили в мире. Но, с другой стороны, о мировом значении «будапештской осени» писали выдающиеся интеллектуалы XX века — Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, Ханна Арендт и Раймон Арон, Дьердь Лукач и Агнеш Хеллер, Клод Лефор и Иштван Бибо. Международное значение тех событий видится нам в том, что после ноября 1956 года обе сверхдержавы — СССР и США — должны были вести свою внешнюю политику по-другому, с учетом венгерского опыта. Венгерский кризис, как мы пытались показать на страницах этой книги, стал испытанием на прочность, своего рода пробным камнем, ялтинско-потсдамской системы международных отношений, сложившейся по итогам Второй мировой войны. В Москве убеждали в том, что локальный конфликт внутри советской сферы влияния может быть разрешен Советским Союзом силовым путем и это не вызовет жесткой ответной реакции со стороны

США и их союзников и не приведет к большой войне. В свою очередь, в Вашингтоне могли убедиться в непродуктивности концепции «освобождения» стран Восточной Европы из-под «ига Москвы», с которой выступала администрация Д. Эйзенхауэра. Она заменяется в 1960-е годы более гибкой и реалистичной концепцией «наведения мостов». Опыт венгерских событий 1956 года должны были учитывать и оппоненты коммунистических режимов в странах советской сферы влияния. Убедившись в бесперспективности вооруженного восстания при существующей расстановке сил в мире, они обратились к поискам иных, политических, а не силовых методов придания существующей общественной системе более «человеческого лица». Венгерский вызов, вопреки всей обновительной риторике XX съезда КПСС, продемонстрировал неготовность официальной Москвы к решительной смене методов осуществления контроля над своей сферой интересов в Восточной Европе, нетерпимость к слишком явному отходу своих союзников от образцовой советской модели общественного устройства. Этот вызов оказал несомненное влияние и на внутрисоветскую ситуацию в СССР, породив в сознании советской партократии контрреформаторский «венгерский синдром», сдерживавший процессы десталинизации советского общества. Этот синдром зримо присутствовал в нем по крайней мере до февраля 1984 года, пока был жив Ю. В. Андропов, который, будучи послом СССР в Венгрии в 1954–1957 годах, сумел превратить «венгерскую трагедию» в трамплин для головокружительного карьерного взлета.

В 1968 году, когда внимание во всем мире было приковано к процессу обновления в Чехословакии, Венгрию осени 1956 года вспоминали постоянно. Вспоминали все: и коммунисты-реформаторы («архитекторы» Пражской весны), всё делавшие для того, чтобы избежать эксцессов «будапештской осени»; и их противники, напротив, постоянно пугавшие обывателя и Москву возможностью развития событий по венгерскому варианту; и советское руководство, начиная с марта на заседаниях Политбюро то и дело проводившее параллели с венгерскими событиями; и западные наблюдатели, прогнозировавшие силовое вмешатель-

ство СССР как наиболее вероятный вариант разрешения чехословацкого кризиса¹.

При всём международном значении венгерских событий, в первую очередь они, конечно же, повлияли на дальнейшую внутрисполитическую эволюцию самой Венгрии. Кадаровский режим, с конца 1960-х годов ставший своего рода витриной «социалистического содружества», хотя в конечном счете и потерпевший неудачу, явился результатом, продуктом того компромисса между коммунистическим руководством страны и венгерским обществом, а также и компромиссом между венгерской коммунистической элитой и Москвой, который не мог быть достигнут без памяти о событиях 1956 года. Хотя эту память власти и пытались вытравлять из общественного сознания (о чем будет сказано подробно на страницах этой книги), она присутствовала в обществе по крайней мере на подсознательном уровне. Присутствовала и в качестве примера, но прежде всего в качестве предостережения.

Разумеется, перед автором встает вопрос о дефиниции описываемых событий. Что это было в своей основе? Восстание, революция? Можно ли говорить о венгерском кризисе как о феномене международных отношений? Несомненно, в октябре — ноябре 1956 года достиг своей кульминации системный внутренний кризис, охвативший все сферы общественной жизни Венгрии. В международном плане венгерские события тех недель вошли в историю как наиболее мощное вплоть до 1989 года антитоталитарное выступление в одной из стран сферы влияния СССР, подавленное силой советского оружия. «То, что случилось, вырвалось из осатаневшей от страданий, готовой на все нации, как пожар в засуху от случайного возгорания», — писал в свободной прессе тех дней классик венгерской литературы XX века Ласло Немет². Стихийно вспыхнувшее 23 октября 1956 года в Будапеште восстание быстро распространилось на всю страну,

1 *Стыкалин А. С.* Память о венгерских событиях 1956 года в период Пражской весны 1968 года // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. редактор Е. П. Серапионова. М. — СПб., «Нестор», 2014. С. 279–287.

2 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 535.

и, несмотря на военную помощь, без промедления оказанную венгерским коммунистическим лидерам со стороны СССР, вся система власти в центре и на местах рухнула в считанные дни. Суть венгерских событий определило активное участие в них самых широких масс населения и прежде всего рабочего класса. Опираясь на поддержку снизу, на обломках прежнего режима повсеместно возникают новые органы: революционные и национальные комитеты — в городах и областях, рабочие советы — на предприятиях. Начинается процесс возрождения политических партий, прекративших существование с установлением в конце 1940-х годов коммунистической диктатуры. В программных документах различных сил, участвовавших в массовом движении, все четче вырисовывается идеал плюралистического общества, свободного от монополии одной партии, и даже вставший во главе правительства по рекомендации руководства правящей Венгерской партии трудящихся убежденный коммунист Имре Надь быстро осознает обреченность любых попыток восстановить без помощи извне однопартийное государство и принимает идеи политического плюрализма.

«Накануне восстания даже оппозиция и лагерь недовольных не думали о революции. Чего они хотели? Чтобы были пересмотрены процессы жертв сталинизма, чтобы судопроизводство снова было поставлено на правовую основу, чтобы была открыта дискуссия в партии, чтобы хозяйственное руководство учло реальные интересы населения, чтобы отношения с Советским Союзом были поставлены на новую основу, чтобы была произведена смена правительства: Имре Надь вновь вернулся бы к власти. Короче: они требовали реформ. Но когда в борьбу вступил рабочий класс, когда государство распалось, те, кто до этого хотел реформ, тоже стали революционерами и действовали как революционеры», — писал в 1970-е годы о венгерских событиях известный французский независимый левый политолог Клод Лефор³. Массовый характер народного движения, радикализм требований и действий восставших, быстрота, с которой

.....
³ Лефор К. Беспрецедентный радикализм, невероятная изобретательность // Мост. Бу-
дапешт, 1992. № 1–2. С. 58.

пали основные институты партийно-государственной власти в Венгрии и начали формироваться новые институты, — всё это дает, на наш взгляд, основания определить венгерские события 1956 года как беспрецедентную в истории социалистического лагеря, вплоть до конца 1980-х годов, революцию, свергнувшую диктатуру, типологически близкую сталинской в СССР, и открывшую перед страной перспективы коренных, хотя, очевидно, и неоднозначных перемен во всех областях общественной жизни. Эти перспективы не могли, однако, воплотиться в реальность, поскольку развернувшийся политический процесс был прерван вмешательством извне. Для того чтобы предотвратить консолидацию новой власти, потребовалась наступательная мощь незамедлительно пущенных в ход 17 дивизий Советской Армии.

Прерванная венгерская революция (кстати, в своих программных документах и публицистике осознававшая себя именно в революционных категориях и широко обращавшаяся в выступлениях своих идеологов к национальной революционной традиции, в частности к революции 1848 года⁴) носила в целом общедемократический, антибюрократический и антипартократический характер, ибо ее наиболее значительные силы выступали в политическом плане с требованием решительной демократизации — не только проведения свободных парламентских выборов на многопартийной основе по апробированным

.....
4 Показательно возрождение символики 1848–1849 годов. Так, перезахоронение главной жертвы режима Ракоши Ласло Райка состоялось 6 октября, в день, когда в трансильванском городе Араде австрийские власти после подавления в 1849 году революции казнили 13 генералов венгерской революционной армии. Лозунги студенческой демонстрации 23 октября под броским заголовком «16 пунктов» вызывали в памяти венгров ассоциации с «12 пунктами», с которыми молодежь Пешта выступила 15 марта 1848 года против власти Габсбургов. В число программных требований инициаторов этой массовой манифестации входили восстановление в качестве герба страны герба, утвержденного Л. Кошутом, и провозглашение 15 марта национальным праздником (кстати, одна из революционных газет так и называлась — «15 марта»). 1 ноября правительство одобрило использование Национальной гвардией воинских званий и знаков отличия образца 1848 года. Примеры можно продолжать. Следует также заметить, что в венгерском общественном сознании осени 1956 года под контрреволюцией понимали только стремление к реставрации хортизма, но отнюдь не возврат к ситуации 1945 года и не поиски новых форм общественного устройства, призванных прийти на смену свергнутой коммунистической диктатуре.

западным моделям, но и совершенствования механизмов рабочего контроля над деятельностью бюрократии. Решение остро стоявших перед страной экономических, социальных, а также внутривластных задач дополнялось требованиями восстановления подлинного национального суверенитета, установления равноправных отношений с Советским Союзом — и это дает основания говорить о венгерской национально-демократической революции 1956 года.

Массовое движение октября — ноября 1956 года в Венгрии было идейно и политически разнородным, однако значительная часть программных выступлений отражала поиски национального венгерского пути к социализму — при том, что «венгерский социализм» понимался по-разному коммунистами-реформаторами из окружения Имре Надя, идеологами левых крестьянских партий, приверженцами социал-демократических традиций. Ярким проявлением социалистической тенденции стала деятельность рабочих советов, применительно к хозяйственной сфере выдвигавших задачу народного, антибюрократического контроля именно над плановой экономикой, находившейся в государственной собственности. Четко сформулированные платформы антисоциалистической направленности заняли периферийное положение среди политических программ октября 1956 года. Характерно, что даже стоявший на крайне правом фланге общественной жизни Венгрии тех дней кардинал Миндсенти выступал в защиту «частной собственности, ограниченной социальными интересами». Однако по мере развития событий социалистическая составляющая в программных документах революции слабела, отходила на задний план, поэтому можно считать упрощенным и односторонним высказывание известного французского леволиберального политолога венгерского происхождения Ф. Фейто, писавшего по свежим следам о венгерских событиях как об «антисоветской социалистической революции». За неполные две недели развития событий вплоть до решающего советского военного вмешательства 4 ноября процесс политического размежевания не успел зайти слишком далеко. А потому скорее можно говорить о венгерской революции как о событиях с открытым финалом

и не совсем ясной, нереализованной вследствие вмешательства внешних факторов перспективой дальнейшего развития.

Как бы то ни было, предпринятая в Венгрии в 1956 году попытка совместить государственную собственность на основные средства производства и, соответственно, социалистическую перспективу развития с западными «институтами свободы» — парламентаризмом и многопартийностью — при одновременном обогащении существующих в мировой практике демократических механизмов новыми формами контроля над государством и бюрократией (рабочие советы в их венгерском варианте) явилась началом крупномасштабного и прерванного только вследствие военного вторжения эксперимента, с интересом встреченного за пределами Венгрии. Притом что поражение венгерской революции ознаменовало собой не только неудачу в деле обновления социализма в конкретной стране, но и — в широком международном плане — крах иллюзий «третьего пути» в условиях господствующей в мире биполярности, венгерский опыт был воспринят в 1950-е годы и как обнадеживающий некоторыми идеологами левых общественных движений, поскольку стремление синтезировать демократические и социалистические ценности было поддержано в Венгрии большинством политически активного населения страны.

Конечно же, было бы глубоко неверным свести массовое национальное движение в Венгрии к совокупности строго определенных идейно-политических платформ и целенаправленным действиям по их реализации. Как и в любой революции, в венгерских событиях 1956 года проявилось сильное стихийное начало, особенно в выступлениях повстанцев; широкий спектр участников движения был не только социально разнородным, но включал в себя силы совершенно разных ориентаций, при этом далеко не всегда четко формулировавшие свои позитивные программы. Однако, как замечал в 1957 году получивший впоследствии всемирную известность венгерский политический мыслитель Иштван Бибо, «то, что в условиях свободы на свет божий вырвались и самые консервативные силы сторонников реставрации... было страшным только для тех, кто привык считать: того, что запрещено, и не существует вовсе, а тот, кто имеет

возможность выйти на свет и заговорить, уже в силу этого страшен»⁵. Основные движущие силы революции составили отнюдь не выходцы из прежней, в частности хортистской социальной элиты, стремившиеся к политическому реваншу, а рабочий класс, в своей массе стихийно приверженный социалистическим ценностям (что в полной мере, как уже отмечалось, проявилось в деятельности рабочих советов), и учащаяся молодежь рабоче-крестьянского происхождения, всецело сформировавшаяся после Второй мировой войны и испытывавшая в Венгрии первой половины 1950-х годов массированное воздействие марксистско-ленинской пропаганды. А из тех 30 и 40-летних венгров, кто в 1956 году устремился на баррикады, участвовал в работе новых, революционных органов или просто поддерживал главные требования революции, многие в 1947–1948 годах составляли опору компартии, помогли ей одержать верх над своими соперниками в нелегкой внутривнутриполитической борьбе. Кризис социализма в Венгрии, ярчайшим выражением которого явилась революция октября — ноября 1956 года оказался кризисом системным, затронувшим все основные сферы общественной жизни — экономический механизм, политическую организацию общества, идеологию, культуру. Будучи явлением многомерным, он имел и свое социально-психологическое измерение — речь идет здесь не только и не столько о кризисе марксистского, коммунистического мировоззрения в сознании тех, кто ранее был ему привержен, сколько о всеобщем крахе ожиданий установления более справедливого и благополучного общества вследствие полного провала курса коммунистических властей на форсированное построение социализма в Венгрии.

События 1956 года в Венгрии стали проявлением глубокого кризиса сталинской модели социализма в ее конкретно-историческом венгерском варианте. Поскольку сталинская модель восходила своими корнями к большевистской концепции диктатуры пролетариата, применительно к Венгрии 1956 года есть основания говорить и о кризисе социалистического обществен-

.....
⁵ Бибо Иштван. Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост. Будапешт, 1992. № 1–2. С. 31.

ного устройства, реально воплощенного в условиях определенной страны в соответствии с марксистско-ленинскими теориями. В международном плане выход Венгрии из Организации Варшавского договора ознаменовал собой «тектонический сдвиг в империи» (Г. Киссинджер), обозначивший реальную возможность крушения ялтинско-потсдамской биполярной модели, закрепившей в себе решающие итоги Второй мировой войны. В силу этого он стал вызовом не только для СССР, в сферу влияния которого входила Венгрия, и не только для молодой, начавшей складываться лишь в конце 1940-х годов мировой системы социализма, но и для их антагонистов в межблоковом противостоянии — США и их союзников.

Всему миру была наглядно продемонстрирована решающая роль силового фактора в сохранении Восточной Европы под контролем СССР. Венгерские события породили и кризисную ситуацию внутри мирового коммунистического движения, поскольку в ряде компартий наметился раскол между теми, кто, выступая под знаменем «национального коммунизма», осудил, и теми, кто поддержал советские действия в Венгрии. К тому же силовая политика СССР оттолкнула на Западе от коммунистического движения многих из тех, кто ранее ему симпатизировал, в первую очередь интеллектуалов. Наконец, события в Венгрии и вокруг нее повлияли, хотя и не слишком долгосрочным образом, на состояние отношений между Западом и Востоком в условиях «холодной войны», что позволяет говорить о венгерском кризисе 1956 года и как о факторе международных отношений в послевоенной Европе и мире.

Понимая необходимость отказа от многих стереотипов, долевших ранее над историками, обращавшимися к этой сложной проблематике, мы вместе с тем осознаем реально существующую опасность нового субъективизма, механической смены оценок с плюса на минус, волюнтаристского подбора фактов в целях подтверждения уже готовых схем. В венгерском оппозиционном движении 1956 года, как уже отмечалось, были представлены совершенно разные политические силы со своими конкретными целями и способами их достижения. Признание политической нецелесообразности, моральной неприемлемости и юридиче-

ской незаконности советского военного вмешательства в Венгрии отнюдь не должно означать оправдания насилия и террора, вершившихся в те трагические дни над коммунистами экстремистски настроенными элементами. Венгерская революция явилась не только примером мужества в отстаивании демократических идей. Показав, к каким кровавым эксцессам могут привести как запаздывание «верхов» с необходимыми реформами, так и нетерпение «низов», она стала грозным предостережением для последующих поколений борцов с тоталитаризмом.

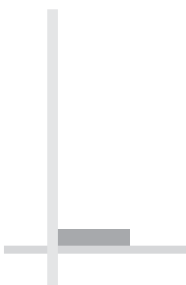
Очерки, собранные в книге под одной крышей, публиковались ранее в исторических, главным образом, периодических изданиях, причем не только российских. При подготовке настоящего издания все они, хотя и в разной степени, переработаны с учетом новейшей историографии. В своем нынешнем виде книга стала плодом моего четвертьвекового общения с коллегами, конструктивные советы которых помогли более глубоко проникновению в суть изучаемых событий. Хотелось бы здесь почтить память уже ушедших — моего учителя Тофика Исламова, Елену и Александра Ореховых, и поблагодарить ныне здравствующих — Вячеслава Середу, Магдольну Барат, Яноша Райнера, Андрея Едемского, Артёма Улуяна, Леонида Гибианского, Вадима Волобуева и других. Необходимо также выразить признательность Русскому фонду содействия образованию и науке, проявившему инициативу издания книги и поддержавшему этот проект.

**Советский дипломат
перед национал-
коммунистическим
вызовом**

**Ю. В. Андропов
в Венгрии
(1953–1957)**

В день смерти Ю. В. Андропова, 9 февраля 1984 года, автор этих строк, в то время начинающий журналист-международник, находился в Будапеште. В самом центре города, у гостиницы «Астория», на многолюдном выходе из метро, продавцы свежих газет громко зазывали публику самой важной новостью дня, молнией прилетевшей из Москвы: «Андропов умер!» К ним устремлялись, опережая друг друга, десятки венгров. Неудивительно, ведь в историческом сознании этой нации незаурядный и яркий советский политик оставил свой собственный, неизгладимый след...

Когда в конце 1953 года 39-летний сотрудник МИД СССР Юрий Владимирович Андропов получил назначение советником-посланником в посольство СССР в Венгрии, едва ли кто-то мог предвидеть его будущий головокружительный взлет на самые вершины кремлевского олимпа. Скорее напротив, можно было предположить бесславное завершение весьма многообещающей карьеры. Ведь всего за два года до этого Андропов был вторым человеком в партийной организации одной из 16 союзных республик СССР — Карело-Финской, уже позже, в 1956 году, пониженной в статусе до положения российской автономии. В Петрозаводске ему протектировал председатель Президиума Верховного совета республики Отто Вильгельмович Куусинен (1881–1964) — основатель финской компартии и видный деятель Коминтерна, ставший на склоне лет высокопо-

ставленным функционером КПСС, вошедшим в 1957 году, после антихрущевского путча, даже в Президиум ЦК. Переведенный в 1951 году, очевидно, с подачи Куусинена в Москву, Андропов успел поработать инструктором и зав. подотделом в аппарате ЦК, а затем, уже после смерти Сталина, недолго возглавлял отдел в МИДе. Так что его направление в Венгрию не в качестве посла выглядело со стороны не как повышение в должности, скорее напротив¹. Андропов едва ли в чем-то провинился, ему просто в данный момент не очень повезло. Кадровые перестановки были неотъемлемой составной частью закулисной аппаратной игры, развернувшейся между наследниками Сталина после его смерти. Активно участвовавший в этой борьбе Н. С. Хрущев не противился направлению кадровых партаппаратчиков в государственные ведомства, включая МИД, видя в этом путь к усилению собственных позиций.

Дело существенно не менялось и с назначением Андропова послом летом 1954 года (он сменил Е. Д. Киселева, вскоре уехавшего в Египет, и вручил верительные грамоты 26 июля). Ведь полномочия советского посла были в то время весьма ограничены. «Наша дипломатия 30-х, 40-х, 50-х годов была очень централизованной, послы были только исполнителями определенных указаний», — вспоминал впоследствии, в 1970-е годы, В. М. Молотов, беседуя со своим поклонником, публицистом Феликсом Чуевым². Да, в случае успешного выполнения своих функций в Венгрии Андропов мог, конечно, рассчитывать на продолжение дипломатической карьеры — стать послом в одной из крупных западных держав, а со временем и заместителем министра иностранных дел, как, например, один из его предшественников, работавший в Венгрии в 1945–1949 годах Г. М. Пушкин. Однако если это и означало причастность к высшим сферам кремлевской политики на

1 Соловьев В., Клепикова Е. «Черный суп» турецкого султана // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С. 60. Как замечают (может быть, несколько категорично) в этой связи первые биографы Андропова публицисты-эмигранты В. Соловьев и Е. Клепикова, «для человека с амбициями перевод из аппарата ЦК на дипломатическую работу, да еще в соседнюю социалистическую страну, означал конец партийной карьеры».

2 Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 113.

определенном направлении, то лишь весьма условную, ведь ревниво относившийся к влиятельному Молотову Хрущев все делал для того, чтобы ограничить роль МИДа в системе партийного государства, особенно когда дело касалось социалистического лагеря. Ситуация не изменилась и после отставки Молотова с поста министра иностранных дел СССР в конце мая 1956 года. «В соответствии с действовавшим тогда порядком всеми наиболее серьезными проблемами наших отношений с социалистическими странами занималась Старая площадь. МИДу в этих условиях отводилась довольно скромная роль ведения текущей, по большей части технической работы на двустороннем направлении. Вся кухня большой политики варилась в здании ЦК КПСС. Даже моя скромная должность референта в отделе ЦК (по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран — А. С.) открывала доступ к таким вершинам наших отношений с Венгрией, к которым в МИДе допускалось разве что самое высокое руководство», — вспоминает в своих мемуарах В. А. Крючков, на протяжении многих лет человек команды Андропова, в 1988–1991 годах председатель КГБ СССР³. В 1956 году он служил в малозаметной должности третьего секретаря посольства СССР в Венгрии, а через год последовал за Андроповым в аппарат ЦК. Добавим к этому, что даже бессменный шеф советского внешнеполитического ведомства А. А. Громыко первые 16 из 28 (с 1957 по 1985 год) лет своей работы на посту министра иностранных дел не был членом Президиума (Политбюро) ЦК КПСС и при принятии принципиально важных решений (например, о вторжении войск ряда стран Организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году) обладал лишь правом совещательного голоса.

В борьбе за власть, обострившейся после смерти Сталина, удачливее других уже к 1955 году оказался Н. С. Хрущев. Неудобных первому человеку в партии функционеров высшего ранга все чаще переводят на дипломатическую работу. Так, кандидат в члены Президиума ЦК П. К. Пономаренко

.....
³ Крючков В. Личное дело. В 2 частях. Часть I. М., 1996. С. 72.

в 1955 году отправляется послом в Польшу (Хрущев не мог забыть, что в годы Великой Отечественной войны ему, члену Политбюро ЦК ВКП(б) и первому секретарю ЦК компартии Украины, пришлось находиться в унижительном подчинении первому секретарю ЦК КП Белоруссии Пономаренко как начальнику Центрального штаба партизанского движения). Несколько позже, в период укрепления позиций Хрущева, подобная практика расширяется. Один из самых сильных в стране хозяйственных организаторов, член Президиума ЦК КПСС и зампред Совета Министров СССР М. Г. Первухин, робко поддерживавший в июне 1957 года так называемую «антипартийную группу» (т. е. антихрущевский заговор), вскоре отправился в ГДР и мог с полным на то основанием считать это подарком судьбы: ведь В. М. Молотову пришлось поехать аж в Монголию. При Л. И. Брежневе почетные дипломатические ссылки получили, как известно, еще более широкое распространение.

Конечно, к 1954 году Андропов был слишком малозначительной фигурой в партийной номенклатуре, чтобы считать ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла (а тем более должность посла в одной из стран «народной демократии») опалой. Но с точки зрения карьерного роста полученная им должность действительно была, пусть не тупиковой, но не слишком перспективной. Для того чтобы посол СССР в Венгрии смог рассчитывать не просто наординарное служебное повышение, но на внедрение в кремлевскую элиту, в «подведомственной» ему стране должно было произойти нечто чрезвычайное, такое, что дало бы возможность послу в полной мере проявить свои далеко не только профессиональные качества и заставить обратить на себя внимание руководства КПСС. В чем можно быть уверенным — далеко не каждый дипломат сумел бы как следует воспользоваться представившейся возможностью отличиться.

Андропов своего шанса не только не упустил, он воспользовался им блестяще, хотя тот выпал ему отнюдь не сразу. Летом 1954 года, когда его назначали послом, «венгерский участок» советской внешней политики не считался кремлевскими стра-

тегами самым сложным на восточноевропейском и центрально-европейском направлении, куда больше занимали их в то время германский вопрос и проблема нормализации отношений с Югославией. «Во внутренних событиях в Венгрии не ждали чего-либо неожиданного и плохого. Спокойно было», — вспоминал позже Молотов⁴. Еще далеко было до осени 1956 года, времени острейших столкновений, когда до прибытия высокопоставленных эмиссаров из центра послу в ежечасно менявшейся обстановке иной раз приходилось самому принимать ответственные решения. Пока же на долю Андропова и его подчиненных выпадала по большей части рутинная работа — сбор информации о положении в стране и правящей партии, настроениях в венгерском обществе. Эта информация оказалась востребованной в начале 1955 года, когда с подачи венгерского партийного лидера Матяша Ракоши послесталинское «коллективное руководство» КПСС подвергло резкой критике за «правые перегибы» премьер-министра Имре Надя, вызванного в Москву для серьезного разговора. В апреле того же года И. Надь был отстранен от своей должности, выведен из партийного руководства, а позже, в декабре, исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности⁵.

О методах работы Андропова в роли посла свидетельствуют как его донесения из Будапешта, частично опубликованные⁶, так и отзывы коллег. «Андропов не боялся принимать ответственных решений, но при этом проявлял разумную осмотрительность, избегал чрезмерного риска», — вспоминает Крючков⁷. Эти слова вполне подтверждаются записями бесед Андропова с членами руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ). Встречавшиеся с советским послом функционе-

.....
⁴ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 89.

⁵ Подробно см.: Райнер М. Я. Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006. Глава 7.

⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Донесения Андропова из Венгрии — ценнейший источник для изучения немаловажного в его биографии «венгерского этапа», показывающий, как готовился разбег для прыжка на кремлевский олимп.

⁷ Крючков В. Личное дело. Часть 1. С. 42.

ры не только систематически информировали его о ситуации в стране. Весной 1956 года, когда внутри партии разгорелась острая борьба за власть, к послу по традиции, сложившейся еще при Сталине (и обусловленной характером отношений между СССР и странами Восточной Европы), все чаще обращались за советом даже по вопросам сугубо внутренним. Зная, насколько весомо мнение посла соседней великой державы, Андропов, как правило, не решался давать какие-либо конкретные рекомендации без предварительного согласования с Москвой. Так произошло, например, 7 мая 1956 года во время его беседы с членом Политбюро Иштваном Ковачем, который на волне XX съезда КПСС возглавил созданную под давлением партийного актива комиссию по делу бывшего министра обороны Михая Фаркаша, причастного к организации «дела Ласло Райка» и других репрессивных акций конца 1940-х — начала 1950-х годов и избранного на роль «козла отпущения». Ковач довольно неожиданно спросил у посла совета, надо ли привлекать Фаркаша к суду — компрометирующих его материалов было собрано к этому времени вполне достаточно. Андропов доносил в МИД, что «уклонился от ответа, сказав лишь то, что дело Фаркаша, по его мнению, следовало бы расследовать так, чтобы от этого укрепился авторитет партии и ее руководства среди венгерского народа»⁸. Проблема, собственно, состояла в том, насколько результаты работы комиссии угрожают положению Ракоши, запятнанного причастностью к репрессиям не в меньшей мере, чем Фаркаш. Решать же вопрос о дальнейшей поддержке Москвой первого секретаря ЦК ВПТ могло только самое высокое кремлевское руководство.

Личные качества, несомненно, накладывают отпечаток на деятельность любого дипломата, тем более важно их учитывать, когда речь идет об Андропове, при всей своей осмотрительности человека крайне честолюбивого, амбициозного и обладавшего всеми данными для заметного возвышения по ступеням служебной лестницы. Однако распорядиться своими личными качествами любой дипломат мог только в рамках принципи-

.....
⁸ АВРП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 6. Л. 61.

альной политической линии, направленной на утверждение в Восточной Европе советского проекта как универсального и образцового. Следование этой линии и строгое выполнение указаний, поступавших из центра, не означало, конечно, что послы никогда не превышали своих полномочий и не вмешивались, ссылаясь на мнение КПСС, во внутренние дела стран «народной демократии». Иной раз это вызывало жалобы, на которые в Москве считали нужным реагировать. Так, в 1954 года после жалобы польского лидера Болеслава Берута посол СССР в Польше Г. М. Попов был отозван из Варшавы и подвергся резкой критике Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 года за нетактичное вмешательство в дела ПОРП, иногда доходившее до оскорбительных выпадов в адрес ее руководителей.

Горький опыт Попова не могли не учитывать его коллеги в других странах «народной демократии», и в том числе недавно назначенный посол в Венгрии. Жестко отстаивая интересы Москвы, как они виделись из Кремля, Андропов поддерживал совсем иной стиль в отношениях с венгерскими лидерами. Он не только категорически не допускал окриков, но соблюдал все правила дипломатического этикета, облекая даже самые жесткие рекомендации в форму «советов» и там, где можно, проводя линию СССР чужими руками — через наиболее доверенных, преданных Кремлю и советской модели представителей венгерской партноменклатуры.

Эта линия после XX съезда КПСС подлежала определенной корректировке, ведь обстановка за годы, прошедшие после смерти Сталина, заметно изменилась. К середине 1950-х годов в странах «народной демократии» все отчетливее обнажаются симптомы глубокого кризиса в экономике, свидетельствуя о несбыточности сталинской программы форсированного построения в них социализма и настоятельно требуя изменения курса. На фоне объективных трудностей возымел действие и субъективный фактор. Хрущев на XX съезде не только осудил Сталина, но и заявил о многообразии форм продвижения к социализму, и это поставило в непростое положение лидеров братских партий, служивших «верой и правдой» официальной Москве и советскому проекту. Видимый поворот в политике

Кремля дал моральную опору сторонникам реформ. Исходившие от коммунистов-реформаторов призывы к переменам оказались созвучны официально провозглашенному курсу КПСС на частичный разрыв со сталинским наследием и тем самым обрели значительно больший вес в общественном мнении. В Польше и Венгрии они стали реальным фактором внутривластной жизни, с которым приходилось считаться властям. Реформаторские течения здесь заметно окрепли и партийные руководства, оказавшись под массированным давлением снизу, начали постепенно сдавать свои позиции.

Наращение кризиса власти в некоторых странах требовало от советской дипломатии более оперативного отклика на происходящее. Надо было уже не только информировать центр, но и вносить на рассмотрение вышестоящих инстанций конкретные предложения относительно дальнейшей политики Москвы в той или иной стране, а затем осуществлять эту политику на практике в меняющейся непростой обстановке. Роль послов, таким образом, возрастала, самостоятельность их повышалась, тем более что четкие указания из Москвы не всегда своевременно поступали — об этом вспоминает в своей книге и Крючков.

Отсутствие четких указаний объяснялось сутью конкретного момента. Еще не была как следует проработана новая концепция политики СССР и КПСС применительно к «народно-демократическому» лагерю и — шире — международному коммунистическому движению, которая должна была отразить специфику отношений как с Китаем, так и с титовской Югославией. В Москве искали такой баланс отношений с великой дальневосточной коммунистической державой, который бы удовлетворил амбиции Китая, не угрожая в то же время подрывом советской гегемонии в лагере и нарушением единства сил международного коммунизма. С другой стороны, надо было так адаптировать фразеологию XX съезда к внешней политике, чтобы она не только не помешала СССР сохранить завоеванные при Сталине позиции в Восточной Европе, но и позволила бы, если хватит сил, приумножить завоевания за счет возвращения в советский лагерь титовской Югосла-

вии. Формула о многообразии путей перехода к социализму была призвана помочь решить именно эту сверхзадачу, уже сама постановка на XX съезде КПСС этого вопроса была актуальна из-за невозможности подвести под общий ранжир не только Китай, но и Югославию, проводившую активную, самостоятельную внешнюю политику. Формальное упразднение Коминформа в апреле 1956 года также явилось жестом доброй воли, прежде всего, в адрес маршала Тито, от которого ждали ответных шагов⁹. Ведь в грубой антиюгославской кампании, развязанной Сталиным в 1948 году, именно Коминформ был главным инструментом советской политики (утратив после 1953 года подобную роль, он сразу же потерял свое значение). Образовавшийся с его ликвидацией вакуум надо было чем-то заполнить, найти новые формы советского контроля над Восточной Европой, однако весной 1956 года в этом вопросе не было ясности.

Особенно много головной боли советским лидерам доставлял именно югославский вопрос. Ждали итогов назначенной на июнь встречи с маршалом Тито в Москве. Визит президента ФНРЮ в СССР 1–23 июня вопреки обилию фанфар (достаточно вспомнить о многотысячном митинге советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня) лишь в малой степени оправдал ожидания. Тито, вкусивший за годы опалы щедрых западных вливаний в экономику своей страны, был не прочь торговать и даже дружить с Москвой на выгодных условиях, но явно не хотел подставить шею под «кремлевский поводок», вновь, как и годом ранее на встрече в Белграде, отказавшись от заключения с СССР политического договора, ко многому обязывающего¹⁰. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения — слишком велико было стратегическое значение Югославии на Балканах и в Средиземноморье.

.....
⁹ Стыкалин А. С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение, 2014. № 1. С. 12–29.

¹⁰ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том I. 1946–1964 / гл. ред.: М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томина. М., 2014.

Задача дальнейшего, поэтапного сближения с этой страной, постепенного вовлечения ее в орбиту советского влияния продолжала считаться актуальной — тем более в силу притягательности югославского примера для многих коммунистов во всем мире (в том числе в странах «народной демократии»), искавших возможностей для достижения большей независимости от Москвы. Именно югославская версия социализма представляла собой в тех условиях главную реальную альтернативу советскому проекту, в целях нейтрализации ее влияния на коммунистов разных стран в Кремле (зная о международном авторитете маршала Тито) стремились теперь уже не отлучить югославов от коммунистического движения, а, напротив, затушевать (насколько возможно) различия между двумя моделями, сделав акцент на единство коммунистического движения. Это не очень удавалось. Делегация СКЮ так и не приехала на XX съезд, Тито ограничился присутствием на съезде своего посла в качестве наблюдателя, который зачитал приветствие от имени лидера Югославии.

В условиях, когда уже не всегда срабатывали привычные сталинские схемы унификации отношений внутри соцлагеря, но еще не до конца было ясно, какие новые формы контроля над «братскими партиями» придут на смену изжившим себя старым методам, особое значение приобретала информация, поступающая из посольств. Послы были уже не просто проводниками линии Москвы, своими оценками ситуации и рекомендациями они все более ее формировали, что отчетливо видно как раз на примере донесений Андропова, неоднократно пересылавшихся из МИДа в ЦК КПСС и даже выносившихся на обсуждение Президиума ЦК.

Между тем давно сложившиеся, привычные подходы, рожденные в сталинскую эпоху представления и стереотипы об особой миссии СССР в социалистическом лагере, о критериях его безопасности и т. д. продолжали и после XX съезда довлеть в сознании советских дипломатов, что хорошо показывают как раз послания Андропова, оценка им конкретной внутрисполитической ситуации в Венгрии весной 1956 года и ее возможных перспектив с точки зрения долгосрочных

советских интересов. Естественный гарант их обеспечения в одной из стран «народной демократии» посол видел в сохранении власти у «наших друзей» — так на языке донесений Андропова и его коллег по дипломатической службе назывались просоветски настроенные партийно-государственные функционеры, которым противопоставлялись «правые» и тем более «контрреволюционные» элементы, то есть самый широкий спектр политических сил — от сторонников робких реформ в духе «национального коммунизма» югославского образца до непримиримых противников социализма как такового. При этом даже на общем, весьма одноцветном фоне дипломатических донесений из восточноевропейских столиц докладные Андропова иной раз выделялись особой жесткостью позиций. Даже самый умеренный реформаторский курс в «подведомственной» ему стране будущий генсек считал чреватом ослаблением контроля со стороны Москвы, а потому крайне нежелательным, и это особенно проявилось весной 1956 года в настороженном отношении Андропова к Яношу Кадару.

Один из лидеров венгерского коммунистического подполья в годы Второй мировой войны, Я. Кадар после 1945 года занимал самые ответственные должности в партии и правительстве, но плохо вписывался в руководство, где задавали тон старые коминтерновцы во главе с Ракоши, которых поддерживали молодые партийцы послевоенного призыва. Видя в Кадаре, как и в казненном в 1949 году Ласло Райке, опасного конкурента, Ракоши задумал его устранение. Арестованный в апреле 1951 года, Кадар был обвинен в сотрудничестве с хортистской охранкой в годы войны и приговорен к пожизненному заключению. Реабилитированный летом 1954 года, он занимал второстепенные должности. Обладая сильным характером и незаурядными организаторскими способностями и пользуясь немалым авторитетом в партийной среде, Кадар, однако, вполне мог рассчитывать на продолжение своей карьеры. Весной 1956 года часть партактива, склонявшаяся к ограниченным реформам в духе XX съезда, но не разделявшая более радикальной программы опального

премьер-министра Имре Надя и его сторонников, начала усиленно проталкивать Кадара в высшие эшелоны партии. Требования о его кооптации в ЦК и избрании в Политбюро, неоднократно звучавшие на заводских и районных партсобраниях, были поддержаны даже некоторыми влиятельными членами Политбюро, заинтересованными как в ослаблении позиций Ракоши, так и в укреплении социальной базы своей власти. В обстановке, когда после долгого перерыва в венгерской политике вновь начал, пусть поначалу робко, заявлять о себе такой фактор, как общественное мнение, Ракоши проявлял все больше обеспокоенности активизацией сильного соперника. «Кадар стал героем, все оппозиционно настроенные элементы сделали его имя своим знаменем в борьбе против партийного руководства», — говорил он советскому послу в ходе их встречи 18 апреля¹¹. Чтобы несколько «попридержать» потенциального конкурента, Ракоши решил ознакомить партактив с материалами, раскрывающими весьма неблагоприятную роль Кадара, в то время министра внутренних дел, в фабрикации обвинений против Л. Райка и его соратников в 1949 году. Только собственная причастность к расправе над Райком заставляла первого секретаря партии подходить к этому делу с предельной осторожностью, без излишней спешки. Время, однако, работало не на Ракоши. По мере укрепления в партии реформаторского крыла его фигура все чаще попадала под обстрел публичной критики, что доставляло все больше неудобств всему партийному руководству.

В связи с работой комиссии по делу Фаркаша И. Ковач доверительно говорил 30 марта Андропову о намерении провести расследование этого дела «как можно организованнее и не дать ему возможность переложить свою вину на т. Ракоши»¹². Тем не менее к середине мая комиссией был собран огромный материал, компрометирующий и первого секретаря партии. В этих условиях даже такой влиятельный в Политбюро чело-

.....
¹¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 62.

¹² Там же. С. 53.

век, как Эрнё Герё, не пытался направить ход работы комиссии в более «спокойное» русло, вероятно понимая, что при существующем в высших кругах партии раскладе сил может сложиться ситуация, когда сохранить Ракоши в роли лидера окажется невозможным, поэтому более надежна выжидательная позиция; поплыв же «против течения», можно лишь усугубить собственное и без того непростое положение. Инстинкт самосохранения, таким образом, оказывался сильнее личной преданности вождю; все больше людей в руководстве было внутренне готово к тому, чтобы пожертвовать первым секретарем партии ради спасения системы и сохранения своего статуса. Более того, из бесед этих людей с Андроповым подчас отчетливо прочитывается их подспудное стремление ускорить развязку в деле Ракоши. Лица из ближайшего окружения первого секретаря, осознавая его крайнюю непопулярность и очевидную политическую обреченность, сначала очень осторожно, а затем все более открыто и решительно совершали «подкоп» под Ракоши, формировали против него мнение советской дипломатии, а значит, и официальной Москвы. Рассказывая послу об утрате первым секретарем партии интереса к насущным экономическим проблемам, о нарушениях им коллегиальности, о его консерватизме, о который разбиваются любые начинания, эти люди не просто хотели через посольство склонить Москву повлиять надлежащим образом на лидера ВПТ. Они шли дальше, стремясь заранее осторожно прозондировать почву: а как поведут себя в Кремле, если вдруг обнаружат, что об избавлении от Ракоши начинают уже подумывать даже в венгерском Политбюро. В атмосфере, сложившейся после XX съезда КПСС, мысль о «дворцовом перевороте» уже не была утопией — позиции вождя значительно ослабли. Хотя Ковач и жаловался Андропову, что в Политбюро пока мало людей, способных возражать Ракоши, на самом деле именно под давлением своих соратников первый секретарь выступил 18 мая на будапештском партактиве с непривычно острой самокритикой, публично признав свою ответственность за культ личности и репрессии. Об ослаблении позиций свидетельствовало и многое другое. Ракоши так и

не смог воспрепятствовать следствию по делу Фаркаша, чреватому крайне нежелательным исходом для него самого, как и не сумел воспротивиться выдвижению кандидатур своих политических оппонентов в ЦК (правильнее: ЦР — Центральном Руководстве) и Политбюро. Проблема могла заключаться лишь в негативной реакции Кремля на несогласованную акцию. Перед лицом, однако, был свежий пример Болгарии, где в апреле с согласия руководства КПСС потеснили с руководящих постов В. Червенкова.

Как бы то ни было, в Москве упорно продолжали делать ставку на действующего лидера. Ситуация в Венгрии по-прежнему не вызвала слишком больших беспокойств и вопрос об изменениях в ее руководстве пока еще не воспринимался как неотложный. Андропов, как и подобало послу, следовал линии центра. В сохранении Ракоши у власти он видел гарантию стабильности в Венгрии и именно в таком духе формировал мнение в Кремле и на Смоленской площади, подкрепляя, таким образом, свежими аргументами давно сложившуюся позицию Москвы. В силу этого он с немалой настороженностью воспринял политическую активизацию Кадара, расценив его предполагаемое восстановление в Политбюро как «серьезную уступку правым и демагогическим элементам», угрожающую единству партии, а потому совсем нежелательную для дела построения социализма в Венгрии¹³. О своих опасениях посол сообщил в Москву. В Кремле к его сообщению отнеслись весьма серьезно: Президиум ЦК 3 мая рассмотрел телеграмму Андропова и поручил курировавшему международные связи КПСС М. А. Суслову углубленно изучить положение дел в Венгрии¹⁴. Позиция Андропова, занятая в отношении Кадара, вдребезги разбивает довольно распространенный у нас миф о том, что будущий умеренный прагматик и реформатор Я. Кадар был едва ли не выдвиженцем советского посла. Этому мифу отдал дань и влиятельный в свое время либеральный партократ академик Г. А. Арбатов, не удосужившийся перед написанием

.....
¹³ Там же. С. 63–66.

¹⁴ Там же. С. 66.

М. Ракоши и Э. Герё беседуют в ходе заседания

своих многократно издававшихся мемуаров хотя бы бегло просмотреть донесения Андропова из Будапешта, к тому времени уже изданные¹⁵.

Еще недавно всесильный в Венгрии Ракоши не мог не ощущать напряженности вокруг своей персоны. Начав терять опору в лице ближайших соратников, он рассчитывал теперь, прежде всего, на поддержку Москвы и видел главного своего союзника именно в Андропове. «Ракоши чувствовал надвигающуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой... неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю. В. Андропову, интересовался его личным мнением», — вспоминает Крючков¹⁶.

.....
¹⁵ Арбатов Г. А. Моя эпоха в лицах и событиях. Автобиография на фоне истории. М., 2008. Другой соратник Андропова по работе в аппарате ЦК КПСС в 1957–1967 годах, Ф. М. Бурлацкий, также и после публикации в 1998 году большого корпуса андроповских дипломатических донесений из Венгрии, продолжал безосновательно утверждать, что именно Андропов обратил внимание советских лидеров на Кадара как на оптимальную кандидатуру для того, чтобы возглавить венгерскую братскую партию. Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 104.

¹⁶ Крючков В. Личное дело. Часть 1. С. 45–46.

Для того чтобы на месте разобраться в ситуации и дать рекомендации венгерским коллегам, 7 июня в Будапешт прибыл член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов. В отличие от Андропова, упорно нагнетавшего страсти вокруг Кадара, он считал, что активность этого ветерана партии не представляет угрозы для власти. «После длительной беседы с Кадаром, — сообщал Суслов в Москву, — я сомневаюсь, что он отрицательно настроен против СССР. Введение же его в Политбюро значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет»¹⁷. В сравнении с донесениями посольства его информация, переданная в ЦК КПСС накануне отъезда из Венгрии, 13 июня, вообще отличается большей сдержанностью в оценке масштабов «правой» опасности. Вместе с тем Суслов тоже не хотел компрометации Ракоши, видя в этом подрыв авторитета всего партийного руководства, а потому с немалой тревогой воспринял ход работы комиссии по «делу Фаркаша», слишком далеко, по его мнению, зашедшей в своих разоблачениях. Ему удалось убедить своих венгерских коллег отказаться от первоначальной идеи рассмотреть это дело на специальном пленуме ЦК без постановки на нем других вопросов, а значит, сконцентрировать на этом деле все внимание общественного мнения.

Из лидеров «народно-демократических стран» Ракоши в свое время проявлял особое усердие в антиюгославской кампании, направляемой из Кремля: ему нужно было оправдаться перед Сталиным за свою прежнюю близость с югославским руководством. Именно «дело Райка» дало ей наиболее мощный толчок, привело к эскалации обвинений против Тито и его команды. Основываясь на этом деле, в ноябре 1949 года второе совещание Коминформа приняло известную резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». После всего этого не кажется удивительным, что в ходе июньской 1956 года встречи с Хрущевым Тито дал понять, что не склонен идти на сближение с Венгрией, пока

.....
¹⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 86.

Ракоши находится у власти. Но и после этого Москва не сразу пересмотрела свои установки, не видя альтернативы Ракоши. Рабочая встреча Хрущева с руководителями братских партий 22–23 июня подтвердила это. Первый секретарь ЦК ВПТ вернулся из Москвы в Будапешт, не разуверенный в поддержке своей персоны советским руководством — в момент, когда он особенно в ней нуждался. Лишь последующее развитие событий заставило Кремль, причем очень скоро, пересмотреть свои позиции.

С начала июня все больше хлопот доставлял венгерскому руководству молодежный дискуссионный клуб — Кружок Петёфи. Острые споры по самым жгучим проблемам, волновавшим венгерское общество, начали выходить из-под контроля властей. Советские дипломаты бывали на дискуссиях, но чаще узнавали о происходящем из бесед с их участниками и свидетелями. Круг постоянных информаторов посольства был очень узок. Как правило, это были те, кто причислялся Андроповым к категории «наших друзей», — не просто люди активной просоветской ориентации, но приверженцы охранительной, контрреформаторской линии из числа партийных и государственных функционеров высшего и среднего звена, реже деятелей культуры. Некоторые из этих людей с окончанием войны вернулись на родину после долгих лет жизни в СССР и много сделали для насаждения в Венгрии сталинской модели. Происходившее на Кружке Петёфи они воспринимали как разрушение устоев, что, в свою очередь, влияло на содержание и тональность поступавших в Москву донесений. Бывали случаи, когда, встречаясь с советскими дипломатами, венгры, не из числа постоянных информаторов посольства, обращали их внимание на то, что ограниченность круга общения не может не вести к получению односторонней, тенденциозно поданной информации, заимствованию предвзятых трактовок. Между тем круг общения был, конечно, совсем не случаен, доверия удостоивались люди идейно и политически близкие. В решающей же мере восприятие советскими дипломатами событий общественной жизни Венгрии (таких, как дискуссии Кружка Петёфи)

и их оценка предопределялись, конечно же, не узостью круга общения, а общей политико-идеологической линией Москвы, которая, в свою очередь, вырабатывалась с учетом информации, поступающей из посольства, и, как уже отмечалось, унаследованными от сталинской эпохи идеологическими стереотипами — характерны в этой связи одномерность оценок и частое использование в донесениях таких устойчивых стереотипов, языковых клише, как «враждебные элементы», «чуждые взгляды», «честные коммунисты» и т. д. Говоря же о круге общения, стоит заметить, что он был достаточно широк для того, чтобы Андропов мог оценить остроту ситуации, почувствовать угрозу для режима.

Дискуссия о свободе печати 27 июня превзошла все предшествующие как по количеству участников, так и по накалу страстей. Выступлением одного из крупнейших писателей Венгрии Тибора Дери был сделан шаг от поверхностной критики отдельных лиц и явлений к стремлению выявить коренные пороки системы, ущемляющей права личности. Правда, один из очевидцев, не греша против истины, заверял беседовавшего с ним советского дипломата в том, что никто из выступавших и «не помышлял» о свержении «народно-демократической власти»; речь шла лишь о том, чтобы найти более гуманный вариант продвижения к социализму, и с такой же энергией, с какой устраивалась овация при упоминании популярного в реформаторских кругах Имре Надя, аудитория кричала «Да здравствует партия!» Эти уверения, однако, мало успокоили Андропова, который увидел в происходящем не только свидетельство дальнейшего усиления нежелательных тенденций, но очевидную попытку подрвать существующую власть, а значит, прямую угрозу советским интересам в Венгрии. В очередном донесении его выводы вполне определены: органы государственной безопасности Венгрии «не проявляют должной решительности в борьбе против контрреволюционных элементов, которые стали вести себя недопустимо нагло»¹⁸. В такой позиции ему помогли укрепиться

.....
¹⁸ Там же. С. 122.

и события, происходившие в те же дни в Польше, — познанные беспорядки 28 июня.

Напутствия, полученные в Москве, придали Ракоши уверенности в борьбе с оппозицией. Происходят исключения из партии. Иницируется шумная кампания в прессе. Но курс на ужесточение вызывал сильное противодействие, даже в партаппарате. В конце июня на внеочередном пленуме едва ли не половина членов ЦК колебалась при обсуждении резолюции, осуждающей Кругок Петёфи, некоторые влиятельные партийцы открыто высказывались против. На ряде предприятий рабочие угрожали забастовкой. Андропов в своих донесениях вновь и вновь упрекал венгерских лидеров в недостаточной твердости. Но обстановка в стране уже настолько накалилась, а позиции Ракоши настолько ослабли, что он теперь едва ли мог при всем желании пойти по пути ужесточения, как советовал венгерским лидерам, проезжая несколько позже через Будапешт, албанский партийный руководитель Энвер Ходжа¹⁹.

В начале июля Андропов был ознакомлен с письмом бывшего шефа венгерской госбезопасности Габора Петера из тюрьмы с явным компроматом на Ракоши, который непосредственно руководил выбиванием показаний из политических заключенных, редактировал текст обвинительного заключения по делу Райка. Э. Герё и некоторые другие влиятельные партийцы к этому времени в беседах с послом все более определенно выражали сомнения в целесообразности прежней ставки Кремля на Ракоши. Венгерское руководство, как говорил 11 июля Андропову И. Ковач, «связано в решении вопроса о тов. Ракоши советами, которые были даны тов. Сусловым», оно не хочет действовать вразрез мнению КПСС. Но обстановка за прошедший месяц изменилась и на предстоящем очередном пленуме ЦК вопрос о Ракоши после зачитания письма Г. Петера может встать гораздо более остро, чем ожидалось в дни пребывания Суслова в Будапеште. Значит, есть нужда в новых советах Москвы. Надо ли на пленуме, докладывая, как было запланировано, об итогах работы комиссии по делу Фаркаша, огласить письмо Петера? Что делать: пойти на обман

.....
¹⁹ Там же. С. 239–240.

пленума или поставить Ракоши в явно безвыходное положение? Ведь при существующем раскладе сил после оглашения письма на пленуме оставить его во главе партии будет едва ли возможно, это окончательно подорвало бы влияние руководства, и пленум на это не пойдет. Андропов все это понимал²⁰, но снова попытался уклониться от совета по существу дела. В Москву он докладывал о принятом венгерским руководством решении перед пленумом обсудить письмо Петера на Политбюро в присутствии самого Ракоши. По мнению посла, такое обсуждение заставило бы членов Политбюро более четко определить свои позиции, а Ракоши помогло бы увидеть реальное положение дел. Андропов осознавал, что письмо Петера было инициировано именно с прицелом на оглашение его перед партактивом для полной компрометации Ракоши, уже лишившегося к тому времени поддержки большинства своих соратников²¹.

Движимые инстинктом самосохранения, эти люди действительно, хотя и с оглядкой на Москву, но упорно и последовательно подготавливали уход первого секретаря, стараясь придать ему, по возможности, форму наименее болезненную для себя. По сути дела, они пытались спустить конфликт на тормозах, чтобы избежать на пленуме открытого «бунта на корабле» со всеми непредвиденными последствиями. Как и подобало послу, Андропов по-прежнему руководствовался рекомендациями вышестоящего лица, в данном случае Суслова. Поэтому, подробно проинформировав Москву о содержании своих бесед с венгерскими функционерами, он не только не решился выступить с какими-либо собственными предложениями по вопросу, далеко выходящему за рамки его полномочий (даже намек посла на нецелесообразность

20 Там же. С. 142. В Москву он доносил: «Если указанное письмо будет оглашено на очередном пленуме ЦК, то положение тов. Ракоши окажется весьма затруднительным» (Телеграмма Ю. В. Андропова в МИД СССР от 9 июля 1956 года о беседе с Э. Герё).

21 Там же. С. 145. «У меня создалось впечатление, — резюмировал Андропов, — что упомянутое письмо Петера написано с целью обострить и без того сложную обстановку в ВПТ». «Комиссия тов. Ковача, которая почти вся состоит из лиц, недовольных нынешним руководством партии и лично тов. Ракоши, вероятно, будет пытаться использовать это письмо на очередном пленуме ЦК ВПТ», — предвидел посол 11 июля.

дальнейшей поддержки Ракоши мог бы показаться наверху явным превышением им своих prerogativ, вмешательством «не в свое дело» и никак не мог бы понравиться в Кремле), но лишь повторил звучавший в прежних его донесениях вывод: «наши друзья до сих пор слабо реализуют данные им советы... о проведении твердой линии в отношении враждебных элементов и демагогов»²². «В связи с этим, — подводил итоги посол, продолжавший придерживаться совершенно однозначной позиции, — было бы крайне необходимо до пленума ЦК... в удобной форме еще раз высказать венгерским друзьям наши опасения относительно создавшейся внутривластной обстановки, которая опасна не потому, что враги являются очень сильными, а главным образом тем, что Политбюро ЦК ВПТ, оказавшись перед фактом известного вражеского нажима, не проявляет должной уверенности и решительности в руководстве партией и страной»²³.

Первые биографы Андропова публицисты-эмигранты В. Соловьев и Е. Клепикова еще в 1980-е годы, основываясь на доступных в то время обрывочных источниках, сконструировали версию о его предельно жесткой позиции в связи с углублявшимся венгерским кризисом и при этом не были далеки от истины. Вместе с тем они акцентировали в действиях посла момент выбора. Упорно делая ставку на Ракоши и формируя в таком духе мнение Москвы, Андропов, считали они, вел игру с неизбежным риском, ведь его установки шли вразрез с генеральной линией XX съезда КПСС²⁴. На наш взгляд, этот риск не стоит преувеличивать: ведь, получив некоторое право на совещательный голос при выработке Москвой ее политики на венгерском направлении, посол придерживался мнения, соответствовавшего прежней, остававшейся пока еще в силе линии Кремля. Значительно больший риск заключался бы в попытке преодолеть инерцию, предложить принципиально новый подход.

.....

²² Там же. С. 141.

²³ Там же. С. 143–147.

²⁴ Соловьев В., Клепикова Е. «Черный суп» турецкого султана // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С. 60–72 // Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева. М., 1991.

Не может быть никакого спора лишь о том, на чьей стороне был Андропов²⁵. Все, что он делал и писал в те месяцы, вдребезги разбивает миф о человеке, который под влиянием своего венгерского опыта стал (задолго до прихода на высший пост в КПСС) сторонником далеко идущих реформ в русле социалистического выбора. А миф этот, рожденный в перестроечной публицистике конца 1980-х годов (особенно в выступлениях Ф. М. Бурлацкого), жив и сегодня. Люди более высокого ранга, выезжавшие летом 1956 года в Венгрию (не только весьма либеральный по кремлевским меркам А. И. Микоян, но даже жесткий ортодокс М. А. Суслов), как правило, давали более умеренные оценки положения в стране и рекомендации относительно путей разрешения кризиса, в их докладных сильнее полутона. Хотя, конечно, надо учитывать, что члены Президиума ЦК КПСС были значительно свободнее в суждениях, чем посол, сильнее связанный установками центра. Своими докладными Андропов, как правило, достаточно адекватно передавал остроту ситуации, но единственный выход видел не в поисках компромисса (чему не чужд был Микоян), а, напротив, в дальнейшем усилении пресса. Бескомпромиссное отношение советского посла к «правым элементам», требовавшим уступок, его склонность к предельной драматизации происходивших событий, нагнетание обеспокоенности Москвы положением дел в соседней стране, слабой реакцией руководства ВПТ на происки «враждебных сил» были на протяжении всех месяцев кризиса той постоянной величиной, без которой нельзя себе представить советскую политику в Венгрии.

Итак, к началу июля фигура Ракоши, вызывая острое раздражение в обществе, становится серьезной обузой для венгерского руководства. Усилия недавних соратников, предпринятые с тем, чтобы избавиться от этого балласта, были видны и в Москве — под влиянием все новых и новых сообщений от Андропова беспокойство советских лидеров нарастало как

.....
²⁵ В. Соловьев и Е. Клепикова правы по существу, когда дело касается принципиальной позиции будущего генсека — жесткой в своих охранительских установках.

снежный ком. В момент, когда, готовясь к пленуму, Герё и ряд его коллег все с большим нетерпением ждали из Кремля добро на отставку Ракоши, в Будапешт прибыл член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян. Поначалу и он в соответствии с принятой (не без влияния Андропова) линией призывал к более твердому руководству, и в том числе арестам «главарей враждебных элементов». Но, изучив на месте ситуацию более детально, Микоян быстро откорректировал свою позицию. Он понял, что для сохранения советского влияния в Венгрии надо пойти на уступку тем, кто добивается удаления Ракоши, не только полностью скомпрометированного репрессиями, но — что было важнее для Москвы — не способного вывести страну из перманентного кризиса²⁶.

Когда речь зашла о преемнике Ракоши, выбор при отсутствии третьей сильной кандидатуры предстояло делать фактически лишь между Э. Герё, несшим главную ответственность за провалы начала 1950-х годов в экономической политике, и умеренным реформатором Кадаром. Причем Москва была явно психологически не готова к тому, чтобы поставить во главе «братской» партии и союзного государства человека, прошедшего через репрессии — на нем продолжало лежать клеймо недоверия, и не столько из-за прежних мифических «проступков», послуживших в свое время основанием для ареста, сколько потому, что в нем видели человека, которого личная обида может подтолкнуть к непредсказуемым шагам. Пройдут еще долгие, полные драматизма месяцы, пока В. Гомулка и тот же Я. Кадар не завоеуют делом доверие Кремля. А пока, летом 1956 года, Микояну и его коллегам по Президиуму ЦК КПСС приходилось преодолевать психологический барьер, соглашаясь даже на избрание Кадара в Политбюро ЦК ВПТ. Выбор был сделан в пользу Герё. «Моя и Микояна вина, что Герё предлагали, а не Кадара. Поддались Герё», — посетует Хрущев на заседании Президиума

.....
²⁶ А. И. Микоян находился в Венгрии с 13 по 20 июля, оттуда выехал в Югославию для встречи с Тито, что создало в мире впечатление о советско-югославском сговоре в деле отстранения Ракоши. Тито, ненавидевший Ракоши, и в самом деле был доволен итогами поездки советского эмиссара в Будапешт. Донесения Микояна из Венгрии опубликованы: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 152–184.

ЦК КПСС 3 ноября 1956 года, в канун решающей советской военной акции, при обсуждении с участием Кадара состава нового венгерского правительства²⁷. Избрание ближайшего соратника Ракоши означало максимальное сохранение преемственности прежнему курсу. Москва, несомненно, избавлялась от излишних беспокойств в связи с возможным слишком резким изменением политики ВПТ. В Кремле, однако, достаточно быстро поняли, что с избранием Герё была лишь приглушена, но отнюдь не разрешена проблема недоверия партийных низов к своему руководству. Что же касается Андропова, то и он уже через считанные дни после пленума был вынужден в донесении признать неоптимальность сделанного выбора: «Герё не пользуется должной популярностью среди широких партийных масс, сухость в обращении с людьми заставляет многих работников сдержанно принимать его кандидатуру»²⁸. Июльский пленум, заметно обновив руководство, все же почти не снял остроты политических противоречий в Венгрии. Если ранее перед партией стояла проблема Ракоши, то теперь встала аналогичная проблема Герё.

Первые несколько недель после июльского пленума все-таки стали временем относительного затишья. Как в партии, так и в самом обществе преобладали настроения выжидания. В конце августа Андропов доносил в Москву о том, что внутриполитическая обстановка стала менее напряженной. Достигнутое равновесие, однако, не было устойчивым. 2 сентября, перед уходом в месячный отпуск и отъездом в СССР, Герё жаловался советскому послу, что покидает страну без уверенности в том, что «все будет хорошо»²⁹ — оппозиция хотя и притихла, но не сложила оружия, лишь изменила тактику, она восприняла решения пленума только как первый шаг, ожидает дальнейших уступок. Отсутствие единства в партийном руководстве советский посол считал главным препятствием при проведении

.....
²⁷ Там же. С. 545.

²⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 6. Л. 156–158. Показательно, что и сам Герё, беседа 23 июля с Андроповым, говорил об отсутствии должного доверия к Политбюро ВПТ со стороны части партийного актива: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 203–206.

²⁹ Там же. С. 256.

твердой линии в отношении оппозиции. Причем излишнюю уступчивость он готов был ставить в упрек даже такому одиозному сталинисту, как Ракоши³⁰.

С начала сентября оппозиция в самом деле активизируется. Тот совсем небольшой кредит доверия, который возник в обществе в результате июльского пленума, окончательно исчерпался. Встречаясь с советскими дипломатами, противники реформ выражали опасения в связи с происходящим. Речь шла о том, что на базе союза писателей и ряда органов столичной прессы формируется альтернативный идеологический центр. Ориентируясь на Имре Надя, он отличается наступательностью и согласованностью действий. Андропов как всегда незамедлительно информировал об услышанном МИД СССР³¹.

Посольство все это время глубоко занимала проблема Имре Надя. Начиная с конца весны исключенный из партии политик упоминается в большинстве дипломатических донесений. В июле на Имре Надя пытался повлиять встречавшийся с ним за закрытыми дверями Микоян. Опальный премьер широко распространялся потом об этой встрече, подавая ее как «изменение отношения со стороны руководителей КПСС к нему, как полную его реабилитацию» и, более того, желание видеть его в центральных органах партии³². На самом деле в Москве, как

.....
30 Там же. С. 241. В своей записке от 29 августа он следующим образом характеризовал политику ВПТ до июльского пленума: «партия не имела ясной и четкой программы действий. Политбюро и лично т. Ракоши, обремененный грузом старых ошибок, в борьбе с враждебными элементами и оппортунистами вели себя нерешительно, допускали элементы растерянности и пассивности».

31 Там же. С. 261–263. На основании донесений, полученных от Андропова, в МИД СССР в сентябре была составлена записка для Президиума ЦК, в которой отмечалось, что «за последнее время важнейшие участки идеологического фронта постепенно переходят в руки людей, никогда прочно не стоявших на позициях марксизма-ленинизма». Антипартийные элементы, говорилось далее, связаны между собой не только идейно, но, по всей видимости, и организационно. При этом они находят откровенную поддержку в агитпропотделе ЦК, а Политбюро «ничего не делает для того, чтобы бороться с их враждебным влиянием», оно, «по сообщению т. Андропова, фактически встало на путь уговоров и уступок по отношению к этим активизировавшимся антипартийным элементам».

32 Там же. С. 231–237.

и в Будапеште, от Надя ждали уступок и самокритики, о чем недвусмысленно говорил и Микоян во время июльских встреч с венгерскими лидерами³³. Однако, бывший премьер-министр, чувствуя прочную опору в венгерском общественном мнении, явно противился навязываемой ему логике действий и не хотел возвращаться в партию на условиях публичного покаяния во имя очередного подтверждения ее непогрешимости. Как и лидеры ВПТ, советское посольство видело в упорстве И. Надя покушение на «святая святых» большевистской этики — единство партии, о чем с тревогой сообщало в Москву. Уступка опальному премьеру считалась невозможной, так как могла бы повлечь за собой серьезное усиление «правых настроений» и даже возникновение фракционности в партии.

Внимательно наблюдая за развитием событий в «подведомственной» ему стране, посол весьма критически относился к тактике умиротворения. Он был встревожен тем, что выполнение обещаний, данных на пленуме, «наши друзья не сочетают с проведением твердой политики, обеспечивающей укрепление власти в стране, они очень нерешительно используют власть даже в таких случаях, где это совершенно необходимо». Пользуясь нерешительностью руководства, «враждебные элементы», поначалу потерявшие почву под ногами, инспирируют все новые требования. Линия на умиротворение, по мнению Андропова, «в течение некоторого времени действительно позволит нашим друзьям избежать столкновений с оппозиционными элементами, но в своей основе она является неправильной и опасной, поскольку она может привести венгерских товарищей к сползанию с позиций марксизма-ленинизма». В сложившихся условиях, напротив, «было бы особенно важным продемонстрировать твердость партийной линии, крепость государственной власти»³⁴. Как всегда, крайне жесткая позиция посла строилась на явных противоречиях.

.....
³³ Исторический архив, 1993. № 4. С. 117. См., в частности, сделанную Ю. В. Андроповым запись выступления А. И. Микояна на заседании с его участием Политбюро ЦК ВПТ 13 июля.

³⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 242–243.

Андропов был недалек от истины, когда замечал, что одна из главных причин неуверенности и непоследовательности «венгерских товарищей» кроется в отсутствии должного авторитета партии и власти. Между тем ужесточение политики никак не могло вести к повышению их авторитета. Руководство ВПТ, не имевшее конструктивной программы по выведению страны из кризиса, к осени 1956 года само загнало себя в положение, когда в одинаковой мере пагубной для него была любая из двух альтернатив — идти на новые уступки, упуская власть из рук, или «завинчивать гайки», еще более усиливая напряженность в обществе. Один из партийных функционеров, беседовавший с советским дипломатом 13 сентября, уже мог с полным на то основанием констатировать: обстановка в стране стала настолько напряженной, что уже не отличается от той, что была до пленума³⁵.

Круг общения сотрудников посольства по-прежнему, как правило, ограничивался противниками реформ, которые, опасаясь за собственное положение, оценивали происходящее все более панически. Критика Политбюро за нерешительность и уступчивость, становившаяся главным лейтмотивом в ходе бесед, всегда находила понимание Андропова и его подчиненных. Особенно беспокоили посла острые публикации в венгерской прессе, свидетельствовавшие о ее продолжающемся выходе из-под партийно-государственного контроля. «На средства, сэкономленные недоеданием рабочих», содержатся многочисленные показательные учреждения, «не делающие абсолютно ничего полезного», говорилось в одной из статей. Андропов, увидев в этой публикации «прямой призыв к выражению недовольства», назвал тон подобных статей «явно угрожающим», а методы написания «провокационными»³⁶.

Важным психологическим рубежом в противостоянии народа и власти стало перезахоронение 6 октября останков Ласло Райка и еще нескольких жертв незаконных репрес-

.....
³⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 10. Л. 146.

³⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 341.

сий — десятки тысяч людей вышли на улицы Будапешта, почувствовав в себе достаточно сил для открытого протеста. Хотя советская пресса тех дней сочла излишним уделять внимание этому событию, его чрезвычайное значение не укрылось от посольства СССР. После перезахоронения Райка «было очевидно, что решающая схватка не за горами и что вопросы будут решаться теперь не в кабинетах, а на улицах», — вспоминает Крючков³⁷.

Герё, вернувшийся в Венгрию из СССР уже в октябре, с озабоченностью говорил 12 октября Андропову о том, что положение в стране значительно острее, чем он ожидал: недовольство выражает не только интеллигенция, но и рабочий класс, не говоря уже о крестьянстве, которое заметно волнуется, требуя во многих местах роспуска кооперативов³⁸. Партийный лидер в беседе с послом впервые был вынужден открыто признать: власть постепенно выпадает из рук, ибо «создалась такая обстановка, при которой Политбюро не может в ряде случаев влиять на решение вопросов». Это касалось и позиции партийной прессы. Прогнозируя дальнейший ход событий, Герё заметил: через некоторое время И. Надя, вероятно, придется взять в руководство партии и страны, где он окажется хозяином положения. «В случае если Надь получит возможность осуществить свою политику (а такая опасность в данное время имеется), в Венгрии в ближайшем будущем могут произойти такие изменения, в результате которых ее общественный и государственный строй будут походить на социалистический еще менее, чем это имеет место в Югосла-

37 Крючков В. Личное дело. Часть 1. С. 51.

38 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 250. В августе были опубликованы плановые показатели по проведению кооперирования в годы второй пятилетки. В соответствии с планом предполагалось, что к 1960 году около 60 % мелких сельских собственников станут членами производственных кооперативов. Обнародование цифр, предрекавших судьбу сотен тысяч крестьян, вызвало крайне негативную реакцию в деревне, на что обратил внимание и Андропов, в своей записке Президиуму ЦК КПСС о внутривнутриполитическом положении в Венгрии от 29 августа расценивший этот шаг как серьезную тактическую ошибку, способную лишь усилить антикооперативные настроения.

вии»³⁹. Ни лидер венгерской компартии, ни высокопоставленный советский дипломат не придавали, как видим, слишком серьезного значения фразеологии XX съезда КПСС о многообразии путей к социализму. Последний они по-прежнему по сути дела отождествляли с эталонной советской моделью, любые отступления от которой расценивались как антисоциалистические проявления.

По итогам беседы с Герё Андропов лишь утвердился в своем мнении о причинах обострения обстановки. По представлениям посла, «нерешительность Политбюро и ряд беспринципных уступок, которые оно делало без всякого политического выигрыша, сильно расшатали положение венгерского руководства, а похороны останков Райка еще больше способствовали этому»⁴⁰.

Через два дня после беседы Андропова с Герё советского посла посетил член ЦК ВПТ Золтан Ваш. Посольство почти не имело прямых контактов со сторонниками Имре Надя, беседа с Вашем — одно из редких исключений. Один из старейших и влиятельнейших членов партии, бывший член Политбюро, функционер Коминтерна, долгие годы проводивший в хортистских застенках и выпущенный в 1940 году на свободу вместе с Ракоши (согласно известной, на самом деле, несколько упрощенной версии, в обмен на трофейные знамена венгерской революционной армии 1848–1849 годов), откровенно высказал Андропову свое мнение: бесперспективна та политика, которая упорно делает ставку на людей, не пользующихся поддержкой в обществе. «Ваш считает, что наступило время, когда член ЦК должен выбирать, с кем ему идти. Лично он, Ваш, решил, что пойдет с Надем», который в самом ближайшем будущем возглавит партию и правительство на том посту, который сам для себя выберет. Надь, по мнению Ваша, имеет ясную программу действий, чтобы вывести страну из кризиса, но самое главное, обладает поддержкой народа, без чего невозможна прочная власть. Ваш не согласился с бытующим

.....
39 Там же. С. 302.

40 Там же. С. 304.

Начало студенческой демонстрации. Будапешт, 23 октября 1956 года

среди некоторых советских и венгерских коммунистов мнением о том, что И. Надь является «антисоветски настроенным человеком». Вместе с тем ветеран ВПТ охотно признал, что тот хочет строить социализм «по-венгерски, а не по-советски»⁴¹. Для Андропова построение социализма «по-венгерски» означало не только отход от образцовой модели, но, прежде всего, ослабление советского влияния в стране. А значит, было неприемлемо в принципе. Он направил в Москву телеграмму,

.....
⁴¹ Там же. С. 306–309.

в которой охарактеризовал своего собеседника как человека с «крайне правыми настроениями». При всей предвзятости своих исходных позиций Андропов все-таки (как, впрочем, вся Венгрия) верно предвидел ближайшие перспективы: «Если наши друзья будут и дальше вести такую же непротивленческую политику, появление Надя Имре, как руководителя партии и страны, представляется делом вполне возможным», — отмечал он 12 октября, за два дня до формального восстановления И. Надя в партии⁴². Спрогнозировать же те драматические события, которые произошли в стране начиная с 23 октября, не мог никто.

В полдень 23 октября, за два часа до начала демонстрации солидарности с польскими борцами за обновление социализма, переросшей вечером в вооруженное восстание, Андропов отправляет в МИД СССР новую телеграмму. «Оппозиционеры и реакция», писал он, активно подготавливают «перенесение борьбы на улицу». В который уже раз отметив «растерянность венгерских товарищей» и, более того, потерю ими «уверенности в том, что из создавшихся затруднений еще можно выйти», посол сделал предположение, что в сложившейся обстановке «венгерские товарищи вряд ли смогут сами начать действовать смело и решительно без помощи им в этом деле»⁴³. Телеграмма Андропова была получена на Смоленской площади в 12.30, а к 15.20 расшифрована, отпечатана и разослана членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, собиравшимся поздно вечером на заседание.

Все предшествующие месяцы донесения Андропова упорно и целенаправленно формировали в сознании советских лидеров образ контрреволюции, наступающей в Венгрии. Под влиянием информации, поступающей из посольства, в Кремле отдавали себе отчет в серьезности положения. Существовало, правда, и мнение, что посол «перегибает», чересчур нагнетает

.....
⁴² Там же. С. 305. Восстановление И. Надя в партии было призвано не только угодить общественному мнению в собственной стране, но и создать хороший фон накануне поездки Э. Герё в Югославию для окончательного примирения венгерского партийного руководства с Тито.

⁴³ Там же. С. 339–342.

страсти⁴⁴. Столь мощного взрыва народного негодования, конечно же, не ожидали.

В первые часы восстания Герё, только к полудню вернувшийся из Югославии, пытался выяснить, можно ли навести порядок с помощью советских войск, дислоцированных в Венгрии⁴⁵. Андропов живо откликнулся на обращение венгерского лидера. Еще в первой половине дня он беседовал по телефону с командующим Особым корпусом советских войск в Венгрии генерал-лейтенантом П. Н. Лашенко, указывал на чрезвычайность ситуации, настаивал на приведении войск в полную боевую готовность. Около 19 часов, когда масштабы манифестации переросли любые ранее мыслимые пределы, посол старается убедить генерала отдать приказ о вступлении военных частей в Будапешт — прежде всего в целях демонстрации силы⁴⁶. Командование Особого корпуса было хорошо информировано о ситуации в стране, о нарастании оппози-

44 Свидетельство Н. Т. Дзюбы, работавшего в это время в аппарате ЦК КПСС референтом на венгерском направлении и переводчиком.

45 Особый корпус советских войск в Венгрии, подчинявшийся непосредственно министру обороны СССР Г. К. Жукову, включал в себя 4 дивизии (две механизированные и две авиационные), а также ряд других частей. Командование корпуса находилось в г. Секешфехерваре в 60 км к юго-западу от Будапешта. Вступивший в силу в 1947 году мирный договор с Венгрией сохранял за СССР право держать на территории страны только воинские части, необходимые для поддержания коммуникационных связей с советской зоной оккупации в Австрии. В 1949 году в обстановке резкого обострения советско-югославских отношений численность контингента Советской Армии в Венгрии была увеличена. В течение трех месяцев после прекращения оккупационного режима в Австрии советские войска должны были оставить венгерскую территорию. В мае 1955 года был подписан Государственный договор четырех великих держав с Австрией, определивший ее международно-правовой статус. В соответствии с этим договором части Советской Армии покинули Австрию. Подписанный в те же дни Варшавский договор не мог стать должной, отвечающей нормам международного права юридической основой для оставления в Венгрии (как и в соседней Румынии) советских войск, поскольку военное присутствие СССР в восточноевропейских странах самим текстом договора не предусматривалось. Однако контингент Советской Армии не только не покинул Венгрию — его численность в стране заметно увеличилась, поскольку большинство частей, выведенных из Австрии, задержалось в Венгрии. В сентябре 1955 года приказом министра обороны был образован Особый корпус.

46 Свидетельство генерал-лейтенанта Е. И. Малащенко, осенью 1956 года полковника, в октябрьские дни исполнявшего обязанности начальника штаба Особого корпуса: *Малащенко Е. И. Особый корпус в огне Будапешта* // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 26.

Танки около здания аппарата партии. 24 октября 1956 года

ционных выступлений. Оно знало об этом не в последнюю очередь от Андропова. Посол неоднократно выступал перед командным составом, призывал к усилению бдительности, при этом предупреждал, что венгерское руководство может обратиться к советским частям за помощью. «Теперь, через много лет, мне кажется, что некоторые инициативы в оказании помощи венгерскому правительству исходили именно от Ю. В. Андропова», — вспоминал в середине 1990-х годов генерал-лейтенант Е. И. Малащенко, в 1956 году 32-летний полковник⁴⁷.

.....
47 Там же. С. 24.

Советский танк в центре Будапешта

Таким образом, генерал Лашенко мог ожидать, что ведомому им корпусу придется участвовать в операциях по подавлению внутренней венгерской оппозиции. Но когда вечером 23 октября Андропов предложил ему ввести в столицу воинские части, генерал, не имевший соответствующего приказа от министра обороны Г. К. Жукова, ответил отказом. Впрочем, приказ из Москвы поступил через считанные часы⁴⁸. Вступление советских танков в Будапешт к утру 24 октября вызвало всплеск патриотических настроений, сотни людей с оружием в руках выступили в защиту национального суверенитета Венгрии. На сторону повстанцев перешла и часть армии. Под давлением снизу по всей стране распадались прежние, рожденные в эпоху однопартийной диктатуры, государственные структуры, власть на местах переходила к стихийно формировавшимся революционным комитетам, а на промышленных предприятиях к рабочим советам, требовавшим

.....
⁴⁸ Об обстоятельствах принятия советским руководством важнейших решений по венгерскому вопросу см.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы*. М., 2003. Глава 3.

Регулярная часть Венгерской народной армии переходит на сторону повстанцев. 26 октября 1956 года

вывода советских войск, роспуска сил безопасности, широкой политической демократизации.

Ставший снова премьер-министром И. Надь, осознав невозможность нормализации с помощью посторонней военной силы и почувствовав, что широкие массы отказывают в поддержке новому правительству, 28 октября пошел на решительное сближение с повстанцами. Выступая в тот день по радио, он назвал происходящие события грандиозным народным движением, ставящим своей целью обеспечение национальной независимости. Было объявлено о повсеместном прекращении огня, ликвидации Управления государственной безопасности, формировании новых органов охраны порядка с привлечением повстанцев. Правящая партия фактически распадается, с конца октября разворачивается процесс образования новых партий⁴⁹.

В дни восстания и в первые недели после его подавления, когда в осуществлении советской политики в Венгрии роль

.....
49 Там же.

посольства отходит на второй план, Андропов продолжал находиться на переднем крае событий, выступая советником выезжавших в Будапешт А. И. Микояна, М. А. Суслова, Г. М. Маленкова, председателя КГБ И. А. Серова. 1 ноября премьер-министр И. Надь вручил советскому послу ноту с протестом против военных передвижений, происходивших без разрешения венгерской стороны. Не получив от Андропова удовлетворительных объяснений, венгерское правительство расторгло свои обязательства по Варшавскому договору, заявило о превращении Венгрии в нейтральное государство, обратилось в ООН с просьбой о помощи в защите нейтралитета⁵⁰. Эта мера, однако, не слишком повлияла на дальнейший ход событий, поскольку еще накануне, 31 октября, в Кремле было принято принципиальное решение о новом военном вмешательстве в Венгрии⁵¹. Предстояло устранить «ненадежное» правительство Имре Надя и сформировать новое, полностью контролируемое Москвой. Действуя «железной рукой», оно навело бы «порядок» в стране и предотвратило утрату власти коммунистами.

В ночь с 3 на 4 ноября Андропов участвовал в переговорах об условиях вывода советских войск с территории Венгрии, проходивших по настоянию правительства Имре Надя на военной базе в Тёкеле. Москва согласилась сесть за стол переговоров для отвода глаз, а завершились они арестом членов венгерской делегации. Эту акцию осуществил непосредственно председатель КГБ И. А. Серов. Более месяца он почти безвыездно находился в Венгрии и руководил всеми действиями по «изъятию контрреволюционного элемента» (как формулировалось в его докладных в Президиум ЦК)⁵².

Образованное в Москве 2–3 ноября правительство Я. Кадара⁵³ в первые дни существовало лишь фиктивно, собраться вместе в Будапеште его министры смогли лишь 7 ноября. До

50 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середина, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 499–500, 522–523.

51 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 475.

52 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середина, А. С. Стыкалин. М., 1998. Раздел IV.

53 Там же. С. 515–521, 542–546.

тех пор, чьи бы то ни было попытки «найти представителей нового правительства для того, чтобы получить от них необходимые указания», оказывались безрезультатными, о чем Андропов сообщал в Москву⁵⁴. И после того, как члены нового кабинета прибыли в Будапешт в советском бронетранспортере, от внимания посла не укрылось, в каком безвоздушном пространстве действовало правительство. Андропов посетил кабинет Кадара в здании парламента 8 ноября, в 11 часов дня, то есть в самое рабочее время. «Несмотря на это, в огромном здании парламента было совершенно безлюдно; кроме 6 министров и наших солдат, там никого не было». Правда, посол, живший мифом о непоколебимом единстве партии и народа, склонен был объяснять это тем обстоятельством, «что наши друзья все еще не смогли связаться с активом и работают пока еще в отрыве от него»⁵⁵.

В месяцы консолидации новой власти позиция посла оставалась столь же жесткой. Во время переправки около 1000 арестованных молодых венгров на территорию СССР, в Закарпатскую Украину, из железнодорожного эшелона заключенные сумели передать «на волю» записки о том, что их собираются этапировать в Сибирь. Слух о том, что их ожидает именно такая судьба, не без влияния западных радиостанций широко распространился среди населения. Это забеспокоило новых венгерских лидеров Я. Кадара и Ф. Мюнниха, 14 ноября прямо заявивших И. Серову и Ю. Андропову, что не одобряют подобных действий, ибо они ведут к усилению напряженности в стране. В ответ на это были приняты меры по обеспечению большей секретности — речь шла, в частности, об отправке заключенных «на закрытых автомашинах под усиленным конвоем»⁵⁶. Жесткость обращения с «классовым врагом»

54 Там же. С. 581–582.

55 Там же. С. 627.

56 Там же. С. 651–652. Справедливости ради необходимо все же заметить, что большинство депортированных на территорию СССР молодых венгров было уже в ноябре отправлено домой, некоторые из них освобождены (Докладная записка заместителя министра внутренних дел СССР М. Н. Холодкова министру Н. П. Дудорову от 15 ноября. Там же. С. 652–656), правда, позже часть из них была снова арестована и подверглась репрессиям.

Временные захоронения жертв вооруженных столкновений
в Будапеште

довольно разительно контрастировала со сдержанной, внешне тактичной (не в пример некоторым иным высокопоставленным советским дипломатам) манерой общения Андропова со своими венгерскими собеседниками, производившей, в общем, благоприятное впечатление на них: можно сослаться хотя бы на отзыв Ш. Копачи, осенью 1956 года начальника будапештской полиции, приказавшего передать повстанцам имевшееся в его распоряжении оружие и приговоренного позже за это к пожизненному заключению. Выйдя по амнистии на свободу в 1960-е годы, он вспоминал впоследствии, что при личной встрече с ним Андропов казался человеком демократических настроений, сторонником реформ⁵⁷. Образ «жандарма в смокинге» применительно к Андропову вообще оказался в Венгрии довольно живучим.

Ко всему вышесказанному нелишне добавить: в дни драматических октябрьских событий, когда советское посоль-

.....
⁵⁷ Коркин В. Ф. 1956: Осень в Будапеште Изд-во «Март», М., 1996. С. 71. См. также мемуары Ш. Копачи: *Kopacsi S. Életfogytiglan*. Budapest, 1989.

Бытовая сцена в Будапеште

ство — и это понятно — работало в крайне напряженном ритме, Андропов не раз оказывался в ситуации, когда его жизни всерьез угрожал опасность: вооруженные повстанцы (а среди них были не только сознательные патриоты, но и люмпены, включая выпущенных из тюрем уголовников) обстреливали машину советского посла, стреляли в окна зданий дипломатического корпуса⁵⁸. Если вдруг «возникла опасная ситуация, — вспоминает В. Крючков о работе с Андроповым осенью 1956 года, — он никогда не терял головы, не лез напролом, но и не сдавал без боя свои позиции. Может быть, именно

.....
⁵⁸ Свидетельство дипломата В. Н. Казимирова. О том же самом свидетельствует и В. А. Крючков: в конце октября «значительно осложнилась и ситуация вокруг советских учреждений, посольство оказалось в осаде, каждый выход из здания был сопряжен с опасностью. Дипломаты давно уже перешли, по существу, на казарменное положение, ночевали в своих служебных кабинетах... на полчаса поочередно вырывались на армейских бронетранспортерах домой, чтобы навестить семьи, которые оставались в жилом доме, расположенном в нескольких кварталах от посольства». См.: Крючков В. Личное дело. Ч. 1. С. 57.

поэтому его сослуживцы всегда чувствовали себя с ним как за каменной стеной, никогда не впадали в панику, даже когда в силу каких-то обстоятельств Андропов делал ошибочный шаг»⁵⁹. Более дорогого стоит, однако, отзыв не сослуживца Андропова, а его непримиримого врага генерала Белы Кирая, заочно приговоренного к смертной казни военного руководителя венгерского восстания, а в годы эмиграции профессора военной истории в престижных американских университетах. Андропов, считает Кирай, проявлял значительное мужество, приезжая на машине в здание парламента для встречи с Имре Надем, когда советские войска продвигались вглубь страны. «Он находился в страшной опасности. С ним могли расправиться прямо на улице самосудом»⁶⁰.

Нельзя забывать и о том, что 1956 год и венгерские события омрачили жизнь Андропова неприятностями личного плана. Его жена так никогда и не оправилась полностью от нервной болезни, полученной в дни «будапештской осени». Сам же Андропов уже зимой 1956–1957 годов вследствие большого перенапряжения на несколько недель вышел из строя, оказавшись (в свои неполные 43 года) в кардиологическом отделении больницы.

Впрочем, для Андропова «венгерская трагедия» стала не только началом болезни жены и фактором, совсем не благоприятствовавшим собственному, подорванному еще на карельском фронте здоровью, но прежде всего прекрасным трамплином для головокружительного карьерного взлета. Отличившийся в Венгрии посол уже в 1957 года пошел на повышение, возглавив созданный специально под него отдел ЦК КПСС, ведавший отношениями с компартиями социалистических стран. Через несколько месяцев он принял участие в фабрикации судебного процесса по делу Имре Надя, которого обвиняли в организации заговора, направленного на свержение народно-демократического строя. Советская сторона,

.....
⁵⁹ Там же. С. 42.

⁶⁰ Коркин В. Ф. 1956: Осень в Будапеште Изд-во «Март», М., 1996. С. 71. О контактах Кирая и Андропова см. также: Király B. Honvédségből néphadsereg. Budapest, é.n.

представленная Андроповым, генеральным прокурором СССР Р. Руденко и заместителем председателя КГБ П. Ивашутиным, ознакомилась с составленным в МВД ВНР проектом обвинительного заключения. Она сочла его в основном приемлемым, хотя и нуждающимся в доработке (в частности, усилении той части, где речь шла о связях И. Надя с Западом, участии западных спецслужб «в подготовке и проведении контрреволюционного мятежа»)⁶¹. Чтобы не создавать Венгрии излишних осложнений на предстоявшей осенью сессии ООН (а венгерский вопрос не сходил с повестки дня ООН до 1962 года), закрытый судебный процесс решено было отложить до окончания этой сессии. Были и другие обстоятельства, заставлявшие откладывать суд — например, опасения охладить решимость титовской Югославии к сближению с СССР в канун запланированного на ноябрь 1957 года совещания компартий в Москве⁶². Смертный приговор бывшему премьер-министру Венгрии, шокировавший мировое общественное мнение, был вынесен в июне 1958 года. К этому времени зав. отделом ЦК Ю. В. Андропова в большей мере уже занимал не венгерский, а югославский вопрос — новая программа СКЮ, принятая весной 1958 года, была объявлена в СССР ревизионистской. Тито никак не могли простить «особой позиции» во время венгерских событий.

Можно подвести итоги: все месяцы, что длился венгерский кризис, Ю.В. Андропов и его подчиненные последовательно отстаивали позиции охранительных, контрреформаторских сил. Именно в них они видели главный гарант обеспечения интересов СССР в Венгрии. Выезжавшим в Будапешт эмиссарам КПСС иной раз приходилось корректировать линию посольства в направлении несколько большей гибкости (М. А. Суслову в вопросе об избрании Кадара в Политбюро⁶³, А. И. Микояну, когда речь шла о поддержке Рако-

⁶¹ Исторический архив, 1993. № 6. С. 141–142.

⁶² РГАН. Ф. 89. Оп. 45. Док. 75.

⁶³ Встречи с Я. Кадаром М. Суслова, а затем А. Микояна в Будапеште в июне-июле 1956 года откорректировали сложившееся в Москве (не без влияния донесений

ши). Это, однако, не означало, что в центре были недовольны деятельностью посла. По мнению Кремля и МИДа, Андропов неплохо справлялся с отведенной ему ролью информатора и аналитика происходящего в Венгрии, его советы так или иначе учитывались при принятии на высоком уровне решений по венгерским вопросам. Судя по известным отзывам, но главное, по дальнейшей карьере Андропова, его работа в Венгрии вполне отвечала тем требованиям, которые руководство КПСС предъявляло послам в меняющейся непростой обстановке. В частности, исключительная бдительность советского посла в Будапеште и его нетерпимое отношение к любым попыткам пойти дальше дозволенного в толковании идей XX съезда воспринимались с неизменным одобрением. Характерен отзыв Н. С. Хрущева, относящийся к концу 1960-х годов: «Советским послом в Венгрии был тогда Андропов. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в других событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации»⁶⁴. Но, что интересно, и вечный оппонент Хрущева В. М. Молотов оставил об Андропове сходный отзыв, говорил об удаче с назначением посла в Венгрии⁶⁵. Донесения Андропова не просто служили источником информации для руководства СССР, они стали существенным фактором формирования советской политики в Венгрии, что подтверждается как документами, так и свидетельствами участников тех событий.

Наперекор широко распространившимся мифам, поддерживаемым прессой и телевидением, осмелимся утверждать: ***приобретенный Андроповым в Венгрии жизненный опыт не*** .....

Ю. Андропова) представление о нем как о потенциальном национал-уклонисте. Показательно в то же время, что и после июльского пленума, избравшего Кадара в Политбюро, он не относился к числу людей, находившихся в постоянном контакте с советским посольством. Сознывая большое влияние Кадара как фактически второго секретаря ЦК, Андропов отнюдь не был склонен видеть в нем будущего лидера партии. Лишь в ноябре 1956 года, в совершенно новых условиях, он устанавливает с ним, как и подобало послу, нормальные рабочие отношения.

⁶⁴ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории, 1994. № 5. С. 75.

⁶⁵ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 89.

только не пробудил в нем интереса к глубинным, системным реформам социализма, напротив, лишь укрепил в его сознании и без того глубоко укорененный антилибералистский и анти-реформаторский настрой. Кстати, это готовы признать и некоторые из сослуживцев Андропова по аппарату ЦК, склонных к его идеализации. «С 1956 годом связан и определенный «венгерский комплекс» Андропова. Он всегда с большой настороженностью, даже подозрительностью относился к таким явлениям в социалистических странах, которые не укладывались в советский образец», — пишет Ф. М. Бурлацкий⁶⁶. Известно, с каким раздражением воспринял курировавший связи с соцстранами секретарь ЦК Ю. В. Андропов неожиданное увлечение Н. С. Хрущева югославским опытом после поездки по Югославии в августе 1963 года⁶⁷. Полученные указания об изучении югославской экономической модели в целях внедрения в СССР каких-нибудь ее элементов по сути дела саботировались вплоть до отставки Хрущева в октябре 1964 года. Ниже речь пойдет и о крайне жесткой позиции председателя КГБ Ю. В. Андропова в августе 1968 года, когда советское руководство обсуждало вопрос о военном вмешательстве в Чехословакии. Правда, в 1981 году тому же Андропову хватило здравого смысла не поддержать идею военного вмешательства в Польшу. Лимит военных решений в европейских социалистических странах уже исчерпан, говорил он, а потому надо искать политические средства⁶⁸. Война в Афганистане уже шла, не предвещающая скорого и успешного окончания. Развязанный одновременно вооруженный конфликт в Польше, учитывая численность и боеспособность Войска Польского и общественные настроения в этой стране, мог иметь самые роковые (скорее в плане внутренней политики) последствия для СССР, и в Москве это поняли.

Ю. В. Андропов обладал достаточным интеллектом для того, чтобы корректировать тактику, исходя из не оправдав-

.....
⁶⁶ Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 153.

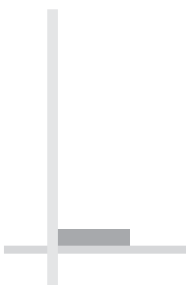
⁶⁷ Бернов Ю. В. Записки дипломата. М., 1995. С. 81–82.

⁶⁸ Свидетельство В. Л. Мусатова, долгие годы работавшего на восточноевропейском направлении в аппарате ЦК КПСС и МИД СССР. См., в частности: Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа: связь времен. М., 2008. С. 193.

шихся или не полностью оправдавшихся решений. Что ни в коей мере не меняло, конечно, его принципиальных позиций: истинные реформы социализма, как он их видел, были неотделимы от «завинчивания гаек», преодоления идеологической разболтанности, расхлябанности, борьбы за дисциплину, против материальных «излишеств», порочащих честь членов ленинской партии, и т. д. Что же касается венгерского синдрома, то он сыграл немалую роль во всей последующей, как внешнеполитической, так и внутривнутриполитической (борьба с инакомыслием) деятельности одной из наиболее крупных фигур в кремлевской элите 1960-1980-х годов, чье политическое наследие сегодня (тому есть много симптомов) оказывается весьма востребованным элитой постсоветской России.

Президиум ЦК КПСС
в поисках путей
разрешения венгерского
кризиса 1956 года
Влияние внешних
факторов на принятие
решения

 Публикация в середине 1990-х годов черновых протокольных записей заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября — начало ноября 1956 года позволила сделать существенный шаг в процессе реконструкции отклика официальной Москвы на целый ряд внешнеполитических вызовов, перед которыми оказалось осенью 1956 года руководство КПСС. Речь идет о мощном общественном движении в Польше под знаком более равноправных отношений с СССР, о венгерском восстании 23 октября 1956 года, вследствие которого в течение считанных дней в этой стране рухнула вся система коммунистической власти в центре и на местах, наконец, о Суэцком кризисе — военной акции Великобритании и Франции при участии Израиля, направленной против Египта, национализировавшего в конце июля Суэцкий канал¹.

Из записей, выполнявшихся чиновником, близким к Н. С. Хрущеву, заведующим общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малиным, при всей обрывочности, заведомой не-

.....
¹ Записи, относящиеся к периоду апогея Венгерского кризиса, были опубликованы сначала в 1996 года в российском журнале «Исторический архив» (№ 2, 3), а в том же году и в Венгрии. Позже вошли в книгу: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. Раздел III. Более позднее, дополненное издание: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / главный редактор академик А. А. Фурсенко. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 176–208.

полноте этих записей² можно составить представление о позициях отдельных членов Президиума ЦК КПСС и их проявлении в ходе дискуссий. Имели ли место реальные дискуссии, или же решения принимались по большей части автоматически, в порядке одобрения точки зрения первого секретаря ЦК Н. С. Хрущева? Превратился ли Президиум (Политбюро) ЦК из совещательного в лучшем случае органа, каким он был при жизни Сталина, в полновластную структуру? Как изменялся характер обсуждения по мере укрепления положения Хрущева, его ведущей роли в послесталинском «коллективном руководстве» КПСС? В какой мере можно говорить о противоборстве либеральной и консервативной тенденций в осуществлении линии Президиума ЦК? Как сосуществовали в сознании советских лидеров и проявлялись при выработке принципиальных решений идеологические стереотипы, идущие от коминтерновской, большевистской традиции, и сугубо державный подход? Можно ли говорить о том, что наряду с интересами борьбы за власть для кого-то в партийном руководстве не утратила своего значения и забота о благополучии народа?

Попытки ответить на все эти вопросы предпринимались и ранее, но главным образом на основе мемуаров. Ознакомление с рабочими записями заседаний и постановлениями Президиума ЦК КПСС, причем не только за осенние месяцы 1956 года, но за весь 10-летний период³, позволяет исследователям дать гораздо более рельефную картину принятия решений, больше узнать об их механизмах, о характере и стиле работы высшего органа партии, опираясь на более достоверный, чем мемуары, источник. Источник тем более существенный, что вопреки действовавшему законодательству Политбюро (Президиум) ЦК правящей партии на протяжении всего советского периода было реальным органом власти в стране. Этот орган предстает в записях Малина уже не как некая аноним-

² *Стыкалин А. С.* Советско-венгерские отношения 1954–1964 годов в записях заседаний Президиума ЦК КПСС // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы / отв. редактор О. В. Хаванова. СПб., 2010. С. 107–118.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1–3. М., 2003–2008. Новое, исправленное издание: М., 2015.

ная обезличенная инстанция, принимавшая ответственные решения от имени партии, — в документах находят отражение разногласия мнений, борьба отдельных деятелей за доминирование своей позиции и неизменно сопутствующие этой борьбе интриги, прослеживается возникновение временных тактических союзов, складывавшихся с целью закрепления властных позиций.

Публикация записей заседаний руководства КПСС позволяет преодолеть некоторые стереотипы, устоявшиеся в исторической науке, отбросить не подтвержденные документами версии. Согласно одной из них, в Президиуме ЦК уже 28 октября взяли верх сторонники силового разрешения венгерского кризиса⁴. Однако внимательное прочтение записи заседания за этот день⁵ свидетельствует об обратном. С одной стороны, советское руководство действительно не исключало возникновения ситуации, когда «может быть придется назначить правительство самим» («выработать свою линию, к ней присоединить венгерских людей»). Вместе с тем, при всей озабоченности кремлевских лидеров происходящим в Венгрии и при всем их недовольстве уступчивостью премьер-министра Имре Надя, в руководстве КПСС на данном этапе после долгих дискуссий возобладала точка зрения о предпочтительности мирного пути — необходимости удержать под контролем действующее правительство, подвергавшееся сильному давлению справа. И это несмотря на то, что правительство Имре Надя именно 28 октября объявило о прекращении вооруженной борьбы с повстанцами и отказалось от оценки происходящих событий как контрреволюции, провозгласив их «национально-демократическим движением» (о чем знали в Москве из донесений членов Президиума ЦК КПСС А. И. Микояна и М. А. Суслова, находившихся в Будапеште с 24 октября⁶). Как это ни парадоксально, главный советский «силовик» маршал

4 Желицки Б. Й. Имре Надь // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 50–77.

5 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. С. 181–187. Далее цитаты из выступлений на заседаниях Президиума ЦК даются по этому же изданию.

6 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Раздел III.

Г. К. Жуков первым призвал соратников к проявлению политической гибкости. Возникла идея подготовить обращение к венграм от имени советского правительства в поддержку Имре Надя («а то только стреляем», — красноречиво заметил при этом Хрущев). Решение о поддержке правительства Имре Надя было принято единогласно: в его пользу сдержанно высказались даже «ястребы» — В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов («Не на кого опираться. Иначе война»). Премьер-министр Н. А. Булганин отметил, что продолжение боевых действий в Венгрии «нас втянет в авантюру», а Л. М. Каганович добавил, что оно «уведет нас далеко». Решено было не возражать против требования правительства Имре Надя о выводе советских войск из Будапешта, куда они вступили в ночь на 24 октября для «наведения порядка»⁷, в места их постоянной дислокации. Г. М. Маленков при этом затронул вопрос о необходимости согласия правительств соответствующих стран на пребывание советских войск.

При обсуждении ситуации в Венгрии принимался во внимание свежий опыт мирного разрешения кризиса в Польше. Смирившись с возвращением на польский политический олимп В. Гомулки, выступавшего за расширение самостоятельности Польши в рамках социалистического выбора, и пожертвовав маршалом К. К. Рокоссовским, освобожденным с поста министра обороны ПНР, лидеры КПСС пошли на уступки, которые, однако, сразу оправдали себя: уже 24 октября в Кремле не могли не заметить первых признаков ослабления напряженности в Польше. Рискнув после долгих колебаний сделать ставку на В. Гомулку с его прочной репутацией «правонационалистического уклониста», в Москве увидели, что менее зависимое от нее, но в то же время более популярное в своей стране коммунистическое руководство может оказаться для СССР предпочтительнее марионеточного правительства, поскольку способно собственными силами нейтрализовать недовольство в обществе и тем самым доставить

.....
⁷ Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 2.

меньше хлопот. Сдвиг вправо был предотвращен, Польша сохранена в качестве военного союзника. Удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность вооруженной акции в Венгрии, где ввод советских войск только подлил масла в огонь вооруженного противостояния, заставили советских лидеров еще раз всерьез рассмотреть вопрос о возможностях мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы. При этом, конечно же, осознавались пределы уступок: можно было вывести войска из Будапешта, можно было позволить венгерским коммунистам включить в правительство в целях расширения его социальной базы деятелей из крестьянских партий 1945–1948 годов, можно было в крайнем случае даже разрешить венгерским властям признать справедливость многих требований повстанцев, но никак нельзя было допустить утраты коммунистами власти, ухода их в оппозицию.

Согласно распространенной версии, декларация правительства СССР от 30 октября об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами была не более чем уловкой, предпринятой для отвода глаз от военных приготовлений⁸. Однако запись заседания Президиума от 30 октября показывает, что советское руководство на основе венгерского опыта всерьез рассматривало вопрос о необходимости некоторой корректировки характера отношений внутри социалистического лагеря. «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии», — говорил министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов. Антисоветские настроения в этих странах широки, продолжал он, и для того, чтобы их преодолеть, необходимо «устранить элементы командования» из практики межгосударственных отношений. Г. К. Жуков расценил венгерский кризис как урок «для нас в военно-политическом отношении». «Упорствовать дальше — неизвестно, к чему это приведет», — заключил он.

.....
 8 Желицки Б. Й. Имре Надь // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 50–77.

Зампред Совета Министров СССР М. З. Сабуров связал истоки происходящих событий с недостаточно последовательным воплощением идей XX съезда КПСС.

Силовая политика в Венгрии, таким образом, не оправдывала себя. Очевидная неудача военного вмешательства 24 октября не только заставляла советских лидеров искать другие, более действенные способы разрешения венгерского кризиса, но и вплотную подводила их к мысли о необходимости определенного пересмотра характера отношений с восточноевропейскими странами, поскольку, при всей видимой всеохватности советского контроля над Восточной Европой, на самом деле не решалась главная задача — сохранения внутривнутриполитической стабильности в странах этого региона, находящегося в непосредственной близости от СССР и входящего в сферу его жизненных интересов. Пребывая в состоянии немалой растерянности — ведь все испытанные до тех пор средства оказались неэффективными, — советские руководители решили всерьез (!) испробовать мирный вариант, увидев в курсе Имре Надя на компромисс с повстанцами (при условии сохранения основ коммунистического правления) последний шанс на стабилизацию обстановки.

Однако и эти надежды себя не оправдывали. Последующее разочарование в мирной тактике было связано с осознанием слабости правительства И. Надя, неспособного контролировать ситуацию («мы пошли навстречу, но нет теперь правительства»). Сказался и еще целый ряд факторов: давление китайского руководства⁹, развитие событий на Ближнем Востоке, где дружественный СССР Египет, за несколько месяцев до этого национализировавший Суэцкий канал, подвергся атаке со стороны Великобритании и Франции с участием Израиля. 28 октября военные приготовления на Ближнем Востоке были для Хрущева аргументом в пользу мирного разрешения венгерского кризиса — он хотел противопоставить свою

.....
⁹ См.: *Стыкалин А. С. Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г. // Российско-польский исторический альманах. Вып. IV / отв. ред. А. Н. Птицын. Ставрополь, Волгоград, Москва, 2009. С. 78–101.*

способность к выработке мирного пути силовой политике империалистов. Однако массированная атака на Египет, произошедшая в последующие дни, заставила советского лидера пересмотреть свое отношение. Перспектива поражения Египта и угроза утраты власти коммунистами в Венгрии были восприняты им как звенья одной цепи, симптомы фронтального наступления сил империализма и отступления сил социализма и их союзников во всемирном масштабе («Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов-империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет»). Демонстрация военной силы в Венгрии стала бы, с точки зрения Хрущева, поддержанной соратниками, наилучшим опровержением представлений о слабости СССР. Именно так она была бы воспринята во всем мире.

Не меньшую роль сыграл и внутренний фактор — реальные опасения Хрущева, что утрата Венгрии как союзника вызовет негативный отклик многих его соратников по партии и не только крайних сталинистов, покажется им явным симптомом ослабления державного положения СССР за годы, прошедшие после смерти Сталина (показательно его высказывание на заседании Президиума ЦК 31 октября: «Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия»)¹⁰. Как справедливо заметил еще в 1958 году первый биограф Имре Надя известный публицист и политолог Тибор Мераи, Хрущеву нужно было предотвратить образование враждебной ему коалиции консерваторов и силовиков, доказав, что он дорожит целостностью державы не меньше других.

За один день установки руководства СССР кардинально изменились: «Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии». С таким трудом, но, казалось бы, уже обретавшая свои очертания новая концепция восточноевропей-

¹⁰ Стыкалин А. С. Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей / под ред. Н. И. Басовской. М., 2009. С. 183–197.

ской политики СССР, предоставлявшая союзникам большее поле самостоятельности, была на следующий же день, 31 октября, отброшена, произошел откат к более традиционной политике силового диктата. И это несмотря на то, что сложившаяся международная обстановка и однозначно декларированная позиция США едва ли давали серьезные основания говорить о возможности межблокового конфликта: «большой войны не будет», — признал сам Хрущев.

Впрочем, Декларация 30 октября не была мертворожденным документом. В ноябре — декабре 1956 года делегации Польши и Румынии, ссылаясь на нее, добились от Москвы определенных подвижек в двусторонних отношениях, не в последнюю очередь экономических. Показательна и хрущевская трактовка сути декларации, выраженная в словах: «мы придерживаемся Декларации. С Имре Надем это невозможно». По мнению советского лидера, принятый документ применим только, когда речь идет об отношениях между социалистическими странами; в Венгрии же коммунисты уже теряют власть.

Бесспорно, антиегипетская акция Великобритании и Франции стала тем внешним фоном, на котором советские военные действия в Венгрии, начатые 4 ноября, могли бы вызвать более снисходительное отношение мирового общественного мнения. Кроме того, вовлеченность стран НАТО в Суэцкий конфликт снижала вероятность активного вмешательства этого блока в Восточной Европе, тем более в момент, когда внутри западного лагеря впервые за послевоенный период столь отчетливо проявились разногласия — президент США Д. Эйзенхауэр в разгар предвыборной кампании однозначно не поддержал ближневосточную операцию союзников, осуществленную без должного согласования с Вашингтоном. Самостоятельные, несогласованные действия Лондона и Парижа в условиях столь острого международного кризиса были восприняты в Белом Доме как определенное проявление нелояльности¹¹. Как бы там ни было, благодаря Суэцкому кри-

.....
¹¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. Гл. 24.

зису СССР получал больше свободы рук в венгерских делах. Ближневосточные события, насколько можно предполагать на основе записей заседаний Президиума, ускорили принятие ключевого решения по Венгрии.

Как видно из записей, членам Президиума ЦК приходилось параллельно заниматься Суэцким и Венгерским кризисом. Что касается жесткого, ультимативного заявления советского правительства в адрес Великобритании и Франции, сделанного в ночь с 5 на 6 ноября и интерпретированного на Западе как угроза применения стратегического оружия, его также необходимо рассматривать в венгерском контексте. Проявление временной слабости в Венгрии заставляло искать пути компенсации в Египте. И военная акция в Венгрии, и ультиматум, адресованный европейским державам, воспринимаются как две составные части единого плана демонстрации военной силы, причем предпринятые шаги были до известной степени синхронизированы. При осуществлении советской политики расчет делался как на декларированное невмешательство США в венгерские дела¹², так и на не поддержку Соединенными Штатами ближневосточной политики своих союзников. В Москве могли позволить себе блефовать, имея представление о позиции Вашингтона. В сложившейся ситуации США пытались повлиять на союзников, принуждая их к прекращению акции, в Вашингтоне резонно опасались, что затягивание операции, крайне непопулярной в общественном мнении всех развивающихся стран, только упрочит авторитет президента Египта Г.-А. Насера в качестве харизматического лидера всего арабского мира, сделает его знаменем антиколониалистского движения и этим неминуемо воспользуется СССР в целях укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и — шире — в «третьем мире». Американские дипломаты убеждали своих европейских партнеров не давать СССР повода, чтобы закрепиться в регионе. Задача эта не была достигнута. Приложив огромные пропагандистские

.....
¹² Гати Чарльз. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006.

усилия и использовав уже приобретенные рычаги влияния на формировавшееся с 1955 года движение неприсоединения, СССР сумел приписать себе главную заслугу в прекращении огня в зоне Суэцкого канала. Провалившаяся военная акция двух европейских держав объективно способствовала усилению советских позиций на Ближнем Востоке. Если на венгерском направлении СССР, учитывая крайне негативный отклик в мире на свою акцию, в немалой мере проиграл, то на ближневосточном направлении он однозначно выиграл. В Кремле это хорошо понимали. Можно сослаться на высказывания А. И. Микояна, который на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года, не поддержав предпринятую перед этим попытку отстранить от власти Хрущева, записал в актив первому секретарю ЦК КПСС то, что после Суэцкого кризиса Запад уже не может без согласования с СССР проводить свою ближневосточную политику¹³. Что касается самого Н. С. Хрущева, то он на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 года увидел взаимосвязь венгерского и ближневосточного кризисов в том, что наступление СССР в Венгрии послужило сдерживанию империализма в Египте: «если бы мы не набрались смелости и упустили бы, не дали отпора венгерской контрреволюции, то ими была бы перейдена красная линия [на Ближнем Востоке]. А сейчас англичанам приходится выбираться из Египта, ведь это позор»¹⁴. Но через считанные недели, осознавая, что дальнейшая демонстрация силы может нарушить в «третьем мире» представление об СССР как о миролюбивой державе, Президиум ЦК КПСС активно обращается к обсуждению проблем разоружения¹⁵. За демонстрацией силы в качестве компенсации произведенного впечатления должна была последовать демонстрация миролюбия.

При всех разногласиях между членами Президиума ЦК КПСС и при всех столкновениях амбиций постсталинское «коллективное руководство» (плод конкретно-историче-

.....
¹³ Исторический архив. 1993. № 4. С. 33–34.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 111–113.

¹⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 228.

Будапешт. 4 ноября 1956 года

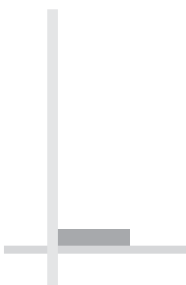
ской ситуации весны 1953 года)¹⁶ вплоть до наступившего в 1957–1958 годах хрущевского «единовластия» выступало как орган, в целом способный к результативному, согласованному принятию оперативных внешнеполитических решений. Глубоко укорененные традиции большевистской этики не позволяли никому упорствовать в своих взглядах, ведь любое чрезмерное упорство могло повлечь за собой обвинения во фракционности. Каждому следовало вовремя присоединиться к мнению большинства. Надо при этом иметь в виду, что даже между самыми крайними флангами политического спектра в Кремле — «ультраконсерватором» В. М. Молотовым и «ультралибералом» А. И. Микояном — не было принципиальных расхождений по самым существенным вопросам, связанным с пониманием геополитических интересов СССР, особенно

.....
 16 На Западе, в частности, в социал-демократических кругах, довольно скептически восприняли звучавшие в Москве утверждения о «коллективном руководстве» как факторе демократизации внутрипартийной жизни в КПСС. Как отмечалось, в частности, в материалах сессии Социнтерна (март 1956 года), введение «коллективного руководства» не изменило характера режима, ибо речь может идти лишь о «коллективном руководстве» диктатурой.

там, где дело касалось сохранения контроля СССР над своей сферой влияния в Восточной Европе, обеспечения власти компартий в странах блока. Устранение Хрущевым конкурентов в 1957–1958 годах, усилив позиции первого секретаря ЦК КПСС и лишив его противовеса в лице так называемого «коллективного руководство», негативно сказалось на эффективности работы Президиума ЦК и усилило риск принятия авантюрных решений, создававших, как в случае с Карибским кризисом октября 1962 года, реальную угрозу крупномасштабного ядерного конфликта.

**Имре Надь —
реальность и мифы**
Заметки на полях
политической
биографии
И. Надя

С тех пор, как в начале 1990-х годов российские историки получили возможность более дифференцированного подхода к оценке венгерской «национальной трагедии» 1956 года, отказавшись от прежней упрощенной схемы «контрреволюционного мятежа, поддержанного мировым империализмом», не утихают споры вокруг личности Имре Надя, центральной фигуры политической жизни Венгрии в те драматические дни. Более того, успел сложиться целый ряд стойких мифов, сквозь призму которых воспринимается российским историческим сознанием этот трагический персонаж венгерской истории новейшего времени. Согласно наиболее экстравагантному из этих мифов, Имре Надь, недавний австро-венгерский военнопленный, примкнувший в период революции в России к большевикам и служивший в органах ЧК, был якобы непосредственно причастен к расстрелу царской семьи¹. Праведный гнев, овладевающий российскими патриотами при одном только упоминании о грубом вмешательстве иноземцев в драму русского

.....
¹ К созданию этой версии приложил руку небезызвестный автор исторических бестселлеров Э. Радзинский в своих жизнеописаниях Николая II, изданных также на Западе. См. также: Кузьмичев П. Если не закрывать глаза // Литературная Россия, 1991. 20 декабря, С. 22 – 23. См. полемику с Радзинским известного американского историка Ч. Гати: Гати Чарльз. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006. С. 45.

народа, вполне закономерно проецируется и на сотрудника ЧК И. Надя. Данностью же является простой исторический факт: Имре Надь летом 1918 года находился в Забайкалье, за тысячи верст от Екатеринбурга, и уже поэтому не мог иметь никакого отношения к той кровавой расправе².

Покрыта легендами и деятельность Имре Надя в период эмиграции, в Москве 1930-х годов. В 1989 года по инициативе тогдашнего председателя КГБ СССР В. А. Крючкова были извлечены из архивов документы о связях И. Надя с органами НКВД, а 27 февраля 1993 года их впервые опубликовала, наделав немало шума, итальянская газета «Ла Stampa»³. При том, что Крючков явно преследовал сиюминутные и не слишком чистые политические цели — компрометации реформаторского крыла кадаровской ВСРП, склонного к реабилитации И. Надя⁴, документы отнюдь не являются подделкой и, в общем, не оставляют сомнений в причастности Надя к агентурной разработке некоторых из тех венгерских коммунистов-эмигрантов, которые стали в 1937–1938 годах жертвами сталинских репрессий. Эта деликатная тема нашла отражение в литературе об И. Наде (в первую очередь в работах Я. Райнера). Правда, читая труды Я. Райнера (и некоторых других ведущих венгерских историков), трудно отделаться от впечатления о стремлении по возможности обойти существующие острые углы⁵. Иногда даже получается, что информация, поступавшая

2 Макаркин А. Расстреливал ли Имре Надь царскую семью? // Сегодня, 1999. 15 июня. Заметим, что биограф Имре Надя Я. Райнер в своих работах даже не удостоивает эту версию вниманием как совершенно несерьезную.

3 Népszabadság, 1993. március 2, március 5. На русском языке: Агент «Володя». Известные факты из биографии Имре Надя // Источник, 1993. № 1. С. 71–73. (См. также: Родина, 1993. № 2. С. 55–57); Имре Надь — провокатор? По архивным материалам КГБ // Стерх, 1992. № 2. С. 24–26; Мусатов В. Кем был Имре Надь? // Обозреватель: проблемы, анализ, прогнозы. Дайджест. Спец. выпуск. М., 1993. С. 71–76; Мусатов В. Кем был Имре Надь. Путь из сексотов в национальные герои // Новое время, 1993. № 19. С. 40–42; Надь был агентом НКВД // Родина, 1993. № 3. С. 65.

4 Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история, 1994. № 1. С. 164–173. См. также интервью В. А. Крючкова газете «Непсабадшаг»: Népszabadság, 1993, április 14. В 1989 году руководство ВСРП решило не давать этим документам ходу.

5 Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. I. köt. 1896–1953. Budapest, 1996. Подобное стремление вполне понятно, учитывая давление внеученных факторов, в частно-

в органы от И. Надя, была приобщена к следственным делам как бы вопреки его воле. Между тем российский дипломат и исследователь В. Л. Мусатов, много лет посвятивший изучению Венгрии в новейшее время, приводит в качестве неоспоримого свидетельства собственноручно написанную 20 марта 1940 года автобиографию И. Надя, где указывалось: «С НКВД я сотрудничаю с 1930 года. По поручению я был связан и занимался многими врагами народа»⁶.

С другой стороны, встречающиеся иногда даже в серьезных научных публикациях утверждения о том, что 15 или более человек были расстреляны или погибли в лагерях именно по доносам И. Надя, кажутся слишком безапелляционными⁷. «Писатель Антал Гидаш говорил, что он сел по навету Имре Надя. Всемирно известный философ Дьердь Лукач, экономист Ене Варга также оказались в «расстрельных списках» из-за Имре Надя», — читаем в статье квалифицированного журналиста-страноведа, не одно десятилетие проработавшего в Венгрии корреспондентом «Правды»⁸. Так вот если не ограничиваться слухами, распространенными в среде венгерской коммунистической эмиграции в СССР, а углубиться в тему, обратившись к архивным первоисточникам, возникают серьезные вопросы. В конце 1990-х годов автор этих строк вместе с известным переводчиком венгерской литературы Вячеславом Середой по просьбе наследников получили доступ к следственному делу Дьердя Лукача — один из крупнейших

.....
сти большое внимание венгерского общественного мнения к личности Имре Надя, ставшего для многих венгров фигурой знаковой, символом сопротивления сталинскому тоталитаризму и борьбы за национальные ценности. Сам факт обнародования в первом томе полной политической биографии Имре Надя документов о его деятельности в качестве агента НКВД стал предметом судебных тяжб между Институтом по изучению истории революции 1956 года и родственниками И. Надя.

⁶ Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история, 1994. № 1. С. 167. Не в качестве оправдания И. Надя, но возникает, правда, естественный вопрос: что могло бы ожидать в конце 1930-х годов в случае отказа от сотрудничества с НКВД человека с довольно туманной биографией — долго работавшего за границей, исключавшегося из партии.

⁷ Там же.

⁸ Герасимов В. Венгерский октябрь. Что происходило в Будапеште 23 октября — 4 ноября 1956 года. // Независимая газета, 1998. 29 октября.

философов-марксистов XX в. был арестован в июне 1941 года и два месяца находился в застенках НКВД. В результате была опубликована книга⁹. Скажем сразу: во всем многостраничном следственном деле нет ни малейшего упоминания о доносах Имре Надя — факт, безусловно, говорящий сам за себя. И даже если удастся доказать прямую причастность И. Надя к уничтожению некоторых соратников по партии, следует признать: вышеназванные документы, хотя и важны для составления полной картины об Имре Наде как личности, вместе с тем не дают сами по себе каких-либо оснований для пересмотра, переоценки его роли в общественно-политической жизни Венгрии середины 1950-х годов и революции 1956 года¹⁰.

Еще одна распространенная легенда: Имре Надь — человек Л. П. Берии. Этой версии, похоже, придерживался и Янош Кадар. Неизвестно, правда, насколько искренне, но он говорил об этом М. С. Горбачеву в сентябре 1985 года¹¹. Причем если для Кадара мнимая причастность Надя к команде Берии означала только компромат и ничего больше, в современной России названную версию можно связать с новомодной попыткой некоторых историков и особенно публицистов увидеть в деятельности Берии весной — летом 1953 года планы далеко идущих системных реформ, представить его в качестве несостоявшегося реформатора¹². Причастностью к команде Берии иногда объясняют и провозглашенный правительством И. Надя в Венгрии с лета 1953 года «новый курс» — отказ от форсированной индустриализации, смягчение методов коллективизации, перенесение центра тяжести на производство предметов потребления. Между тем доста-

⁹ Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лукача. Материалы к биографии / под ред. В. Середы и А. Стыкалина. 2-е, исправленное и дополненное издание. М., 2001.

¹⁰ Остается открытым также вопрос: почему документы 1930-х годов из архивов НКВД, компрометирующие Имре Надя, не были использованы против него в 1957–1958 годах при подготовке судебного процесса.

¹¹ Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история, 1994. № 1. С. 165.

¹² Безиргани Т. Лаврентий Берия: сто лет и сто дней // Независимая газета, 1999, 3 апреля. Такая тенденция в трактовке деятельности Берии проявилась в ряде публикаций, вышедших из печати в дни его 100-летнего юбилея.

точно изучить запись встречи советских и венгерских лидеров в июне 1953 года, чтобы увидеть: фигура И. Надя на пост премьер-министра отнюдь не была навязана Берией вопреки воле других, она не вызвала возражений кого-либо из членов советского руководства¹³.

Наконец, в отечественной литературе последних десятилетий (чаще всего в литературе строго определенной идейно-политической ориентации) получила хождение еще одна спорная версия: возвращение на венгерский политический олимп в октябре 1956 года Имре Надя, за которым к этому времени прочно закрепилась репутация «правоуклони́ста», связывают с уступчивостью А. И. Микояна, не разглядевшего в И. Наде скрытого «врага» и убедившего коллег по Президиуму ЦК КПСС сделать ставку на него¹⁴. Роль Микояна иногда преувеличивается (хотя при этом пользуются совсем другой оптикой) и в западной литературе — не только в силу привычного для ряда политологических школ стремления выявить в политической элите какой бы то ни было страны своих «ястребов» и «голубей», но и потому, что на отношение к И. Надю механически проецируется особая позиция А. И. Микояна в венгерском вопросе: он был единственным членом Президиума ЦК КПСС, довольно последовательно выступавшим против советского военного вмешательства, что нашло отражение в записях заседаний Президиума ЦК КПСС как за 23 октября, так и за начало ноября 1956 года, многократно публиковавшихся начиная с 1996 года.

.....
 13 T. Varga Gy. Jegyzőkönyv a szovjet és a magyar párt- és állami vezetők tárgyalásairól (1953. Június 13–16.) // Múltunk, 1992. 2–3 sz. На английском языке см.: The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents / Ed. by Cs.Békés, M.Byrne, J. M. Rainer. New York — Budapest, 2002, pp. 14–23. На русском языке подробно о содержании беседы см.: Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 18–21. См. также субъективное свидетельство тогдашнего лидера Венгерской партии трудящихся (ВПТ): «Любям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3.

14 Версии о том, что А. И. Микоян «верил» И. Надю и связывал именно с ним надежды на политическую стабилизацию в Венгрии, придерживался, например, бывший председатель КГБ В. А. Крючков (в 1956 году третий секретарь посольства СССР в Венгрии). См.: Крючков В. Личное дело. Часть 1. М., 1996. С. 55.

Кстати сказать, и венгерский биограф Имре Надя Я. Райнер несколько упрощает, как нам кажется, реальную картину, когда пишет о том, что Микоян предлагал восстановить в партии И. Надя, исключенного из нее в конце 1955 года по обвинению во фракционной деятельности. Ведь какова бы ни была субъективная позиция самого А. И. Микояна, на встрече с лидерами Венгерской партии трудящихся (ВПТ) 13 июля 1956 года он, выступая от имени всего советского руководства, выразил мнение, едва ли дающее простор столь однозначному толкованию: мы «считали и считаем ошибкой исключение из партии Надя Имре, хотя он своим поведением этого заслужил. Если бы Надь остался в рядах партии, он был бы обязан подчиняться партийной дисциплине и выполнять волю партии. Исключив его из ВПТ, товарищи сами себе затруднили борьбу с ним. Следовало бы откровенно заявить Надю, что, борясь с партией, он закрывает себе возможность вернуться в ее ряды. Путь борьбы с партией — это путь, который неизбежно ведет его в тюрьму. Наоборот, если он изменит свое поведение, то он может рассчитывать на восстановление его в рядах партии»¹⁵. Таким образом, необходимым условием восстановления И. Надя в партии должна была стать, по мнению Микояна, как минимум самокритика с его стороны.

Учитывая обилие мифов и спорных версий, следует признать: перевод на русский язык книги известного венгерского историка Я. Райнера и ее издание к 50-летию венгерских событий 1956 года и 110-летию со дня рождения И. Надя были вполне своевременны¹⁶. Эта книга позволила отбросить явные мифы, пересмотреть в некоторых случаях недостаточно

¹⁵ Исторический архив, 1993. № 4. С. 117. Дано в изложении посла Ю. В. Андропова, сделавшего запись выступления А. И. Микояна на заседании Политбюро Центрального руководства ВПТ 13 июля.

¹⁶ Райнер М. Я. Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006; англоязычная версия биографии И. Надя: *Rainer M. János. Imre Nagy. A Biography.* London — New York, 2009. Полная версия на венгерском языке в двух томах: *Rainer M. János. Nagy Imre. Politikai életrajz. Első kötet.* 1896–1953. Budapest, 1996; *Második kötet.* 1953–1958. Budapest, 1999. Сокращенная версия на венгерском языке опубликована в 2002 году.

аргументированные версии, создать в сознании российской читающей публики реальный, полнокровный образ венгерского политика, представить его подлинную роль в событиях более чем полувековой давности. Выход в свет в 1990-е годы двухтомной биографии Имре Надя стал событием в венгерской исторической науке — тем более значительным, что на родине личность этого политика (что вполне естественно) куда в большей степени, чем в России, становилась предметом домыслов и политических спекуляций. В своих работах, основанных на огромном фактическом материале, Я. Райнеру пришлось опровергать устоявшиеся стереотипы, полемизировать с некоторыми спорными точками зрения, бытующими в венгерской и западной историографии, где никогда не было единства мнений об И. Наде, существовал широкий диапазон оценок. Впрочем, полная демифологизация той или иной исторической личности — задача, непосильная для историка, тем более когда речь идет о государственном деятеле, концентрирующем в себе существенные политические тенденции в национальном развитии новейшего времени, о человеке, чье наследие продолжает оставаться востребованным и сегодняшним политическим сознанием.

Споры об Имре Наде периодически оживляются в Венгрии, особенно в дни очередных годовщин событий 1956 года. И мнения высказываются подчас диаметрально противоположные. Здесь можно выделить две важные тенденции. С одной стороны, трагизм судьбы венгерского премьера, казненного в июне 1958 года, бросает ответ на все его действия и поступки, правые и неправые; мученическая смерть располагает историков, а тем более публицистов и широкое общественное мнение к апологетике, дает простор для идеализации личности Надя, к явным ошибкам и просчетам подходят менее критически. Это характерно, кстати, и для большей части западной историографии, стремящейся признанием заслуг Надя *post mortem* как бы компенсировать ту поразительную близорукость в оценке его политического лица, которую западное общественное мнение демонстрировало на протяжении всей венгерской революции. Приветствуя

приход к власти В. Гомулки в Польше, оно вместе с тем упорно продолжало видеть в Наде заурядного сталиниста даже тогда, когда для этого было все меньше оснований¹⁷.

Что касается современной Венгрии, то там зачастую наблюдается и другое. Участники споров нередко и не стремятся докопаться до исторической истины, преследуя сиюминутные политические цели. Спекуляция на памяти о драматических событиях «будапештской осени» ради сведения счетов между партиями-конкурентами давно стала реальностью политической жизни современной Венгрии. Иногда просто удивительно видеть, как политики, родившиеся через много лет после 1956 года, апеллируют к истории национальной революции главным образом для того, чтобы скомпрометировать своих же сверстников в глазах избирателей. В развернувшейся борьбе за «наследие 1956 года» (а Имре Надь здесь остается центральной фигурой) участвуют все: от воинствующих националистов до умеренных социалистов. Особенно заметным явлением в последние два десятилетия стала публицистика и мемуаристика консервативно-националистической ориентации. Она умаляет, а то и полностью дискредитирует роль Имре Надя и его окружения — всех, кто не отделял национальных интересов от идеалов общества социальной справедливости.

Ветеран партии, прошедший коминтерновскую выучку и долгие годы работавший в СССР, И. Надь не был в то же время фигурой вполне типичной в коммунистической среде. «Осколочек, отколовшийся от нашего московского гранита», — сказал о нем как-то его непримиримый оппонент М. Ракоши. Особость И. Надя бросалась в глаза и людям, далеким от компартии, — об этом вспоминает, например, автор предисловия к англоязычному изданию биографии, известный американский историк венгерского происхожде-

.....
¹⁷ Причем отношение к Имре Надю находилось в явном противоречии с провозглашавшейся в Вашингтоне установкой делать ставку в странах советской сферы влияния не на несуществующих (к концу 1940-х годов уже полностью выпесненных из политической жизни) либералов, а на нечто более реальное — «титоиство», сторонников национального коммунизма, способных дистанцироваться от советской политики.

ния Иштван Деак. Показателен и отзыв крупного политолога Иштвана Бибо: И. Надь выделялся в когорте окружавших его коммунистов по крайней мере внешним отсутствием мессианской экзальтированности и той идущей от фанатизма, пугающей бесчеловечности, на которую всегда обращали внимание со стороны. Экономист-аграрник по призванию, при всей недостаточности своего базового образования охотно занимавшийся научными штудиями и с удовольствием читавший лекции студентам, Надь был создан скорее для скромной академической карьеры, чем для профессиональной политической (тем более подпольной революционной) деятельности и в иных условиях мог бы закончить свои дни уважаемым университетским профессором.

Как эксперт по политике в отношении крестьянства, в 1930-е годы работавший в Коминтерновском Международном аграрном институте, он оказался наиболее подходящей фигурой для того, чтобы занять одно из вакантных, предназначенных для компартии мест в первом послевоенном коалиционном правительстве, и стал министром земледелия. Это позволило ему «попасть в обойму», оказаться включенным на десять последующих лет в новую (левую, а затем исключительно коммунистическую) политическую элиту Венгрии¹⁸. В отличие от подавляющего большинства коммунистических политиков своей генерации И. Надь (человек из совсем небогатой мелкобуржуазной семьи, так и не сумевший из-за начавшейся Первой мировой войны получить законченное образование и всю жизнь всерьез занимавшийся самообразованием) всегда тянулся к интеллигенции. Попад

.....
¹⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 300–304. Был ли И. Надь действительно властолюбив или оказывался каждый раз на венгерском политическом Олимпе только вследствие особого стечения обстоятельств? Ставя этот вопрос, биограф уходит от однозначного ответа на него. По нашему мнению, политическую амбициозность И. Надя не надо приуменьшать. При внешней пассивности все его действия в условиях углубления внутривнутриполитического кризиса летом – осенью 1956 года свидетельствуют об упорном стремлении добиться возвращения на пост главы правительства с тем, чтобы наконец реализовать свою программу реформ, провозглашенную в 1953 году. Это бросалось в глаза и его политическим противникам, и единомышленникам.

Митингующие перед зданием парламента вызывают на трибуну Имре Надя. Вечер 23 октября 1956 года

в опалу в 1955 году, он сделал шаг навстречу поддержавшим его писателям и журналистам, в чем Я. Райнер справедливо видит поступок, свойственный скорее интеллигенту, чем партийному функционеру. Впрочем, преувеличивать «особость» И. Надя также было бы неправильным — он не только всю свою сознательную жизнь идентифицировал себя (и без оговорок!) с коммунистическим движением и марксистско-ленинской идеологией, но воспринимался в других лагерях как инородное тело — даже попутчиками коммунистов из левых

крестьянских партий. Один из них, писатель и деятель национальной крестьянской партии Й. Дарваш, осенью 1947 года во время поездки в СССР в составе делегации венгерско-советского общества культурных связей говорил советскому собеседнику, что И. Надь (в 1945 году министр земледелия, а позже — человек, отвечавший за аграрную политику в руководстве компартии) не оправдал надежд, его теоретические знания не связаны с практикой, венгерского крестьянства он, по мнению Дарваша, не знал¹⁹.

Человек, пришедший в коммунистическое движение в годы, когда на повестку дня выдвигались лозунги мировой революции, И. Надь был верен сделанному выбору до конца своей жизни. «Святая святых» большевистской этики, единство партии, никогда не было для него пустым звуком, меньше всего он хотел дать своим противникам повод для обвинений во фракционности и подстрекательстве недовольной режимом молодежи против правящей партии. Известно, что во взрывоопасной обстановке середины октября 1956 года И. Надь предпочел как бы внешне устраниваться и возвратился к активной политической деятельности лишь под сильным давлением не только близких единомышленников, но всего партийного актива. Он, конечно, опасался провокаций, которые помешали бы ему вернуться в правительство и заняться осуществлением давно назревших реформ. Но его позиция была довольно четкой, он последовательно придерживался той реформаторской программы, которую не успел реализовать в бытность премьером в 1953–1955 годах, хотел сделать эффективнее коммунистический режим и совсем не собирал-

.....
¹⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Пор. 43. П. 124. Л. 161. Отзыв Дарваша резко контрастировал с отзывом Ракоши, относившимся к 1945 году. «Тов. Надь хорошо развился, имеет большое влияние и очень хорошо понимает сельское хозяйство. Он по существу единственный специалист, который прекрасно понимает вопрос, и наши аграрии иногда с ужасом спрашивали, откуда у вас коммунист, который даже в лошадях понимает. Это для них совершенно непонятно». См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 750. Л. 211–212. Информация Ракоши о положении в Венгрии и деятельности компартии Венгрии на заседании в отделе международной информации ЦК ВКП(б) 23 июня 1945 года.

ся вводить многопартийность (даже в рамках левого крыла послевоенной антифашистской коалиции), содействовать формированию легальной оппозиции, пусть даже в форме фракции правящей ВПТ. Он не был склонен ни на минуту примкнуть к движению, которое ставило бы под сомнение политическую монополию компартии (известно его высказывание в беседе с близкими соратниками: совсем не дело правящей партии заботиться о создании собственной оппозиции). Программа, с которой И. Надь выступил вечером 23 октября на площади перед парламентом, была столь умеренной, что показалась миллионам венгров (и была на самом деле) неадекватной текущему моменту²⁰. Видимая нерешительность и растерянность И. Нады в первые дни революции (а размах выступлений действительно оказался для него неожиданным) осложнила его отношения с более радикальными реформаторами из числа коммунистов (Г. Лошонци, Ф. Донатом, тем более М. Гимешем) и отрицательно сказывалась на его популярности, подрывала веру тех, кто прежде связывал с ним определенные надежды²¹.

С другой стороны, Имре Надь острее подавляющего большинства коммунистов столь высокого ранга осознавал противоречие между коммунистической доктриной (а тем более советской политикой), с одной стороны, и национальными приоритетами, а также реальными народными чаяниями, с другой. Он старался и в теории, и на практике способствовать их примирению. Неоднократно востребованный своей нацией на крутых поворотах истории, он не только всегда проявлял

.....
²⁰ «Надь, как дисциплинированный партиец, заставил толпу ждать в течение двух часов, и этих двух часов, похоже, оказалось достаточно, чтобы контроль над событиями — на все время или по крайней мере на несколько дней — выскользнул из его рук», — так впоследствии комментировал события того дня их активный участник А. Гёнци, будущий первый президент посткоммунистической Венгерской Республики: *Гёнци Арпад*. Будапешт, 1956...// Новое время. М., 1991. № 35. С. 30.

²¹ Таких людей было немало. Деятель венгерского союза писателей критик и литературовед И. Кирай говорил 12 июля советскому дипломату о том, что многие венгры считают именно И. Нады «подлинным выразителем чаяний народа»: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 149.

чуткость к национальным особенностям, но обладал глубоким чувством ответственности перед народом и стремился (при всех неизбежных компромиссах) поставить, насколько это было возможно, во главу угла интересы не узкой касты партийцев, а широких масс в своей стране. Весной 1945 года, будучи министром земледелия, И. Надь немало сделал для проведения аграрной реформы, положившей конец остаткам феодального землевладения и удовлетворившей требования венгерского крестьянства. Через четыре года, в 1949 году, он выступил за более умеренные темпы и по возможности свободные от насилия способы кооперирования крестьянства, что стоило ему временного изгнания из Политбюро и стойкой репутации «правоуклониста» и «бухаринца» (эти ярлыки навешивали на И. Надя и в советских посольских донесениях)²². Тем не менее еще через четыре года, в 1953 году, катастрофическое положение в венгерском сельском хозяйстве вынудило Москву поручить именно закоренелому «бухаринцу» ключевой пост премьер-министра. И. Надю в известном смысле повезло: как справедливо замечает Я. Райнер, его сделали ответственным за проведение политической линии, которая в целом не противоречила его убеждениям. С другой стороны, не повезло: он унаследовал тяжелый груз острейших экономических и социальных проблем, вызванных губительным курсом на превращение Венгрии в страну тяжелой индустрии без учета объективных возможностей страны.

Если какое-то доверие к И. Надю и было²³, он быстро его лишился, поскольку начатые им в Венгрии, описанные в работе Я. Райнера реформы (какими робкими сегодня они

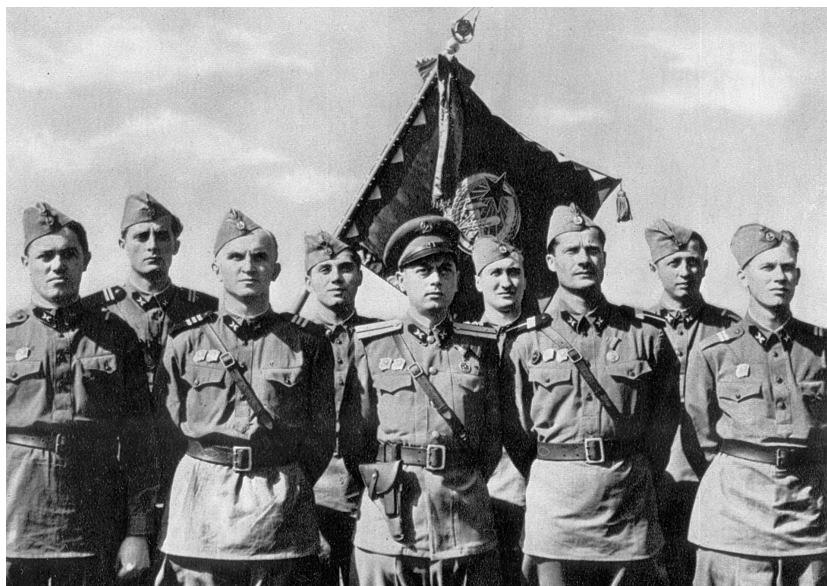
.....
22 Вскоре после этого, в 1951 году, Надь был вынужден пойти на один из самых серьезных в своей жизни компромиссов. Иезуитским решением Ракоши человек, последовательно выступавший за более щадящие темпы и условия кооперирования, был назначен «по воле партии» отвечать за изъятие продуктов у крестьян в масштабах всей страны.

23 Применительно к июню 1953 года вернее было бы говорить не о доверии, а скорее о том, что в Москве считали И. Надя предсказуемым, учитывая коминформовское прошлое, склонность к компромиссам (проявившуюся и после 1949 года), и не в последнюю очередь тот факт, что И. Надь мог действовать только в окружении более надежных с точки зрения советского руководства коммунистов.

не казались бы) были восприняты в Кремле как слишком радикальные. Пробуксовывавшие реформы так и не смогли обеспечить стране экономического подъема, но вместе с тем вступили в противоречие с новыми внешнеполитическими и внутривнутриполитическими приоритетами руководства СССР. Ярлык правоуклониста еще плотнее прикрепляется к И. Надю. Тем не менее в трагические октябрьские дни 1956 года в Кремле осознали или, скорее, инстинктивно почувствовали: разочарование народа в действующей власти настолько велико, что из всей венгерской коммунистической элиты разве что только И. Надь и его «правоуклонистское» окружение могут рассчитывать хоть на какую-то поддержку снизу. Надь снова возглавил правительство, чему советские лидеры теперь уже не препятствовали. Между тем логика его действий все сильнее расходилась с кремлевскими ожиданиями. Его нежелание идти наперекор воле народа в его самых фундаментальных, основных требованиях и неспособность собственными силами овладеть ситуацией создали положение, нетерпимое для советского руководства. Опасаясь за утрату коммунистами власти в Венгрии, оно приняло 31 октября (надо сказать, после долгих колебаний²⁴) решение образумить выходившего из повиновения союзника силовым путем. В полной мере проявившаяся именно в последние полтора года жизни бескомпромиссность Имре Надея, его готовность до конца отстаивать свои принципы привели его в итоге на скамью подсудимых, а затем, в июне 1958 года, и на эшафот.

Если в первые послевоенные годы в Имре Наде сосуществовали и драматически противоборствовали коммунист-интернационалист и защитник интересов венгерского крестьянства, то в октябре 1956 года он предстает еще в одной ипостаси — как венгерский патриот. Впрочем, этот поворот был вполне подготовлен всей его предшествующей духовной эволюцией. В 1955 году в своих записках, адресованных пар-

²⁴ Колебания нашли отражение в записях заседаний Президиума ЦК КПСС, выполненных зав. общим отделом ЦК КПСС В. Малиным: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Раздел III.

Венгерская армия на пути советизации. Начало 1950-х годов

тийному руководству и ставших достоянием публики позже, он радикально пересмотрел некоторые сталинские догмы. Особенно те, где дело касалось характера отношений между социалистическими странами: неизменная чувствительность Надя к национальной специфике логически приводила его к требованиям большего равноправия в советско-венгерских отношениях. В дни октября 1956 года он шел дальше. Если незадолго до начала решающих событий в беседах с единомышленниками он принципиально отвергал многопартийную систему с позиций традиционной коммунистической ортодоксии, то позже, приняв во внимание голос народа, пришел к признанию политического плюрализма, как и правомерности требования о выводе советских войск из Венгрии.

Все прежние попытки примирить большевистско-ленинскую концепцию социализма с национальными интересами, создать социализм, отвечающий не только этим догмам, но и конкретным венгерским условиям, оказались утопическими и были в октябрьские дни, если не отброшены, то на время

оставлены. В ситуации, когда надо было делать решительный выбор, венгерский патриотизм возобладал над глубокими коммунистическими убеждениями И. Надя, старый коминтерновец превращался в венгерского национального революционера, последователя традиций 1848 года. Более того, не перестав быть в душе коммунистом, ищущим пути примирения близкой ему идеи с национальными ценностями²⁵, И. Надь стал для многих на несколько последующих десятилетий (здесь, вероятно, можно сказать: против своей воли) символом антикоммунистического сопротивления в Венгрии, а в конце 1980-х годов антикоммунистических по своему основному содержанию реформ, направленных на смену системы. Существеннее, однако, другое: 28 октября, сделав решительный шаг к сближению с массовым народным движением, И. Надь переступил грань, отделяющую функционера-партийца, исходящего прежде всего из интересов своего движения, от политика общегосударственного, общенационального масштаба.

Стремительная эволюция политического лица И. Надя всего за несколько октябрьских дней 1956 года иногда вызывала обвинения в непоследовательности даже со стороны некоторых его доброжелателей («вчера говорил одно, сегодня другое»²⁶). Конечно, можно по-разному оценивать про-

.....
²⁵ Позже, в румынской ссылке, Надь писал: «Страны и народы воспримут социализм, только если он гарантирует независимость, суверенитет, равенство или если станет отправной точкой на пути к ним. Суть венгерской трагедии состоит в том, что идея социализма и идея национальной независимости вступили в противоречие. Основопологающее значение венгерского восстания заключается в попытке любыми путями устранить это противоречие и восстановить необходимую гармонию этих двух идей»: *Nagy Imre. Snágoti jegyzetek. Gondolatok, emlékezések 1956–1957* / Szerk. Vidá István. Budapest, 2006. 127. о.; цит. по: *Райнер М. Я. Имре Надь*. М.: Логос, 2006. С. 237. При этом, оставаясь убежденным коммунистом, Надь называл возврат к многопартийной системе образца середины 1948 года и альянс с некоммунистическими партиями не только необходимым и неизбежным компромиссом в целях восстановления доверия масс, но и определенным шагом назад.

²⁶ Примерно так расценил действия И. Надя министр культуры в его правительстве, крупнейший философ-марксист Д. Лукач: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик*. М., 2001. Глава 7. Здесь следует заметить, что 31 октября в беседе с представителями Национального комитета Задунайского края Надь говорил о том, что незави-

Уличная сцена в Будапеште. Конец октября 1956 года

возглашение выхода Венгрии из Организации Варшавского договора с точки зрения соответствия этой меры принципам реальной политики²⁷. Вместе с тем истоки непоследовательности в заявлениях и действиях И. Надь с 24 октября по 3 ноября 1956 года коренились не в «оппортунизме» его натуры, как считали в Москве (это следует и из донесений Микояна и Суслова из Будапешта), а в стремлении, оказавшись на гребне событий, овладеть быстро меняющейся реальностью, найти общую платформу для разнородных политических сил, проявивших себя в дни революции, и в то же время со-

.....
симости можно в принципе добиться и в рамках Организации Варшавского договора. Однако целый ряд факторов (опубликованная в «Правде» в тот же день Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими государствами, продолжавшийся вопреки официальным заявлениям ввод советских войск на венгерскую территорию и, наконец, не прекращавшееся давление повстанцев и более широкого общественного мнения) заставил его уже на следующий день выступить с инициативой о разрыве Венгрии с Варшавским пактом.

²⁷ Тот же Д. Лукач, например, небезосновательно видел в этом всплеск эмоций, не приличествующий серьезной политике.

хранить социалистическое содержание правительственной программы. Попытки оказывались тщетными, овладеть ситуацией никак не удавалось²⁸, поиски дальнейших путей выхода из кризиса были пресечены новым советским военным вмешательством.

Янош Райнер анализирует причины неудач, раскрывает ошибки и просчеты, не идеализируя своего героя, проявлявшего очевидную слабость в практической политике. Вместе с тем действия И. Надя в период революции оцениваются не только в политических, но и в моральных категориях. По мнению исследователя, утром 4 ноября, в момент решающей советской военной акции, Надь оказался не на высоте положения и стоявших перед ним задач, его поведение ознаменовало собой шаг назад от выполнения общенациональной миссии к узкопартийной политике. Известное заявление по радио с обращением к народу только дезориентировало многие тысячи венгров, а бегство в югославское посольство не только нанесло удар по легитимности правительства, но было само по себе проявлением человеческой слабости.

Совсем по-другому вел себя в той же ситуации один из министров в правительстве И. Надя, Иштван Бибо, человек, в меньшей мере обладавший политическими амбициями, однако мыслитель совсем иного, чем Надь, — международного масштаба, один из крупнейших венгерских интеллектуалов XX в. Когда около 8 часов утра советские солдаты вошли в историческое здание парламента на берегу Дуная, они застали там лишь одного министра действовавшего правительства — это был И. Бибо. Перед тем, как быть задержанным со-

.....
²⁸ «При всем уважении к доброй воле и патриотизму Имре Надя и его коллег, признавая, что первое значительное восстание против советского господства в Европе было тяжелейшим и, пожалуй, безнадежным предприятием, не следует закрывать глаза на неумелость и неуклюжесть венгерского революционного правительства», — отмечает в этой связи Ч. Гати: *Gati Ч. Обманутые ожидания*. М., 2006. С. 11. «Бесстрашное, бескомпромиссное поведение Надя на судилище, приговорившем его к смерти в 1958 году, не должно затенять того, что, несмотря на благие намерения, он не обладал политическим мастерством, которое могло бы привести революцию к победе. В частности, ему не удалось провести страну между максималистскими ожиданиями борцов за свободу и довольно умеренными требованиями Москвы». (Там же. С. 12).

ветскими спецслужбами, он попытался провести нечто вроде пресс-конференции, чтобы обратиться с новым воззванием к венгерскому народу от имени правительства — через считанные часы после того, как И. Надь в своем радиообращении заверил нацию, что правительство находится на своем посту, сам же после этого укрылся в югославском посольстве. Все-таки Надь избежал морального падения, отказавшись признать новое правительство, навязанное извне. А позже своим героическим сопротивлением попыткам заставить себя играть по чужому сценарию искупил (опять же в моральном плане) свои ошибки, допущенные в минуту слабости.

Импре Надь был не просто типичным восточноевропейским национал-коммунистом середины XX в., продуктом кризиса, если не краха советских амбиций на полный контроль над мировым коммунистическим движением (а этот кризис явно обнаружился уже в 1948 году, когда Тито отказался повиноваться Сталину). И не просто, если прибегнуть к другой оптике восприятия тех же вещей, человеком, чье активное участие в коммунистическом движении не убило в нем политика, преданного национальным ценностям. Образ действий И. Нады в условиях революции 1956 года имел свои корни в венгерской исторической традиции. За 100 лет до этого, во время революции 1848 года, премьер-министр граф Лайош Баттяни (казненный, как и Надь, после поражения революции) также стремился оставаться на почве существующей законности, сложившейся легитимности. Признавая правомерность требований восставших, он в то же время не выступал за немедленный слом старой системы, искал пути мирного разрешения конфликта.

Однако, как и в 1848 году, в 1956 году неумолимая логика революционного действия, динамика событий вели дальше, и И. Надь, объявивший о выходе своей страны из Организации Варшавского договора, был востребован в роли не только Баттяни, но и Л. Кошута, пошедшего на решительный разрыв со своим «сюзереном», австрийским императором. Трагедия Нады заключалась в том, что он оказался неготовым для исполнения этой роли — не только вследствие объективного

стечения неблагоприятных обстоятельств, но отчасти и в силу субъективных причин. В большей степени был, пожалуй, готов к выполнению схожей миссии польский коммунистический лидер В. Гомулка. Польское руководство сумело вовремя совершить решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов перед диктатом Москвы, что нейтрализовало наиболее радикалистские настроения в обществе, чрезвычайно чувствительном к неравноправию в польско-советских отношениях, предотвратило развитие событий по венгерскому варианту.

Впрочем, В. Гомулка тоже оказался позже не на высоте положения. Относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в Польше в октябре 1956 года не был закреплен подлинным реформированием системы, что обусловило явное попятное движение, откат к хотя и не слишком тиранической, но все же весьма неэффективной административно-бюрократической модели социализма. И это, кстати сказать, несколько контрастировало с положением в Венгрии, где режим Кадара с начала 1960-х годов развивался по пути либерализации, а в 1968 году приступил к экономической реформе, хотя и не реализованной в полном объеме в силу внешних и внутренних факторов²⁹.

.....
²⁹ Свидетель венгерской революции польский публицист и поэт В. Ворошильский в послесловии к своему знаменитому «Венгерскому дневнику», написанном 20 лет спустя, в середине 1970-х годов, имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 год — А. С.) “вождь нации” Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи — ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускаясь в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией» (*Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 145–146*). На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению И. Дойчера, клеймо «Made in Stalinism», и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму, как он его понимал. Однако общая тенденция эволюции двух режимов была схвачена польским публицистом довольно верно. И вполне закономерен вопрос, которым задавался В. Ворошильский: может быть, «именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия,

По мере эволюции режима Кадара, формирования специфической венгерской модели социализма, при которой Венгрия за 10 лет из обузы для СССР превратилась в витрину «социалистического содружества», западным политологам приходилось все чаще сопоставлять потерпевшего тяжелое поражение идеалиста И. Надя с более успешным, хотя и циничным прагматиком Я. Кадаром, попытавшимся в непростой обстановке, сложившейся после поражения венгерской революции, реализовать на практике с оглядкой на Москву некоторые из реформаторских идей 1956 года. Иногда сравнение оказывалось в пользу Я. Кадара, чьи эксперименты с реформированием «реального социализма» привлекали в начале 1970-х годов пристальное внимание на Западе и внушали кое-кому неоправданные иллюзии (разочарование пришло к началу 1980-х, когда чётче обозначилась экономическая неэффективность сложившейся венгерской модели). Конечно, реформаторскому имиджу Кадара сильно вредила жестокая расправа над И. Надем и для того, чтобы образ венгерского лидера выглядел более незапятнанным, приходилось многое, если не всё, списывать на Москву³⁰.

Кстати, в решающей роли Москвы не сомневались, как правило, и западные левые. Мать известного русского писателя Виктора Ерофеева Галина Ерофеева — в 1958 году жена советского дипломата, работавшего в Париже — вспоминает в своих мемуарах, как крупнейший французский поэт-коммунист Луи Арагон, прочитав в «Юманите» сообщение о судебном приговоре, прибежал в советское посольство возмущенный до глубины души: «неужели у вас не хватило бы чечевичной похлебки, чтобы прокормить Надя до конца его дней?!», — гневно вопрошал он принявшего его атташе по культуре³¹. Инерция такого подхода живет по сей день —

.....
в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?» (Там же).

³⁰ Shawcross W. Crime and Compromise. János Kádár and the politics of Hungary since revolution. London, 1974.

³¹ Ерофеева Г. Нескучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни. М., 1998. С. 85.

достаточно взять в руки нашумевшую биографию Н. С. Хрущева, принадлежащую перу американского историка У. Таубмана и опубликованную в русском переводе в 2005 году³². Между тем эта версия никогда не находила подтверждения в источниках.

Сегодняшний уровень разработки проблемы, в первую очередь в работах Яноша Райнера и Золтана Риппа, дает основания утверждать: позиция Москвы в деле И. Надя не была столь однозначной, как это принято думать, меняясь с течением времени и находясь к тому же в тесной зависимости от состояния советско-югославских отношений. В начале 1957 года в Кремле демонстрировали довольно жесткий подход, призывая Кадара усилить репрессии. Начало судебного расследования по делу И. Надя было одобрено советской стороной, каждый новый шаг в этом деле согласовывался между Москвой и Будапештом. Вместе с тем после разгрома в июне 1957 года внутрипартийной оппозиции Маленкова — Кагановича — Молотова Хрущев значительно укрепил свои позиции в руководстве КПСС, что избавляло его от прежней необходимости и дальше демонстрировать предельную жесткость в венгерском вопросе, дабы нейтрализовать возможные обвинения своих оппонентов в нерешительности и непоследовательности, ведущих к сдаче позиций СССР.

Гораздо более, чем мнение внутри собственной партии, Хрущева теперь заботил международный отклик на свои действия, и суд дважды откладывался по инициативе Москвы — именно по тем соображениям, что международная обстановка была не совсем благоприятной для его проведения. Для того чтобы продемонстрировать всему миру мощь СССР, вполне хватало теперь спутника, запуск которого в начале октября стал главной мировой сенсацией 1957 года (Хрущев стал человеком года по версии журнала «Тайм», сменив в этой роли собирательный образ венгерского «борца за свободу»). Проведение на этом фоне суда над Имре Надем, напротив, могло подпортить имидж «страны Советов» в глазах тех, кто, востор-

.....

³² Таубман У. Хрущев (серия ЖЗЛ). М., 2005.

гаясь техническими достижениями СССР, в той или иной мере был склонен распространить свои симпатии и на ее политическую, экономическую систему. Еще важнее, пожалуй, было то, что этот суд мог охладить решимость югославы к сближению с советским лагерем, причем в самый канун международного совещания компартий, намеченного на ноябрь 1957 года³³.

Впрочем, опасения отпугнуть югославы были напрасными, или точнее: перенос процесса не мог повлиять на позицию Союза коммунистов Югославии (СКЮ). Ознакомившись с проектом Декларации совещания компартий социалистических стран, югославские коммунисты его отвергли, увидев, что КПСС по-прежнему хочет диктовать зарубежным коммунистам свои правила игры. В отношениях двух компартий вновь наметилось охлаждение и проведение суда над Имре Надем могло теперь оказаться кстати — в случае, если бы в Кремле была избрана установка на дальнейшую эскалацию конфликта с СКЮ. В Москве в ноябре 1957 года Я. Кадар встретился с лидерами многих компартий и убедился, что идея суда над И. Надем находит их поддержку как действенная мера во устрашение «ревизионизма». Однако и позже суд переносился — в феврале 1958 года, и вновь по инициативе Москвы, опасавшейся, что процесс по делу И. Нады испортит впечатление от советской программы мер по разоружению, адресованной Западу.

.....
³³ При этом необходимо, конечно, иметь в виду, что, находясь в серьезной внешнеполитической изоляции, режим Кадара, как и Москва, отнюдь не был заинтересован в обострении отношений с югославами, тем более что Тито и его команда своим сопротивлением сталинскому диктату в 1948–1953 годах снискали немалое уважение на международной арене. А потому югославские связи группы И. Нады не хотели выпячивать в обвинительном заключении. Однако на случай, если югославские руководители выступят с протестом по поводу осуждения Имре Нады (вопреки договоренности не привлекать его к судебной ответственности), наготове был собранный против них компромат. Был подготовлен проект ноты в адрес правительства ФНРЮ, не только якобы незаконно предоставившего И. Нады и его группе убежище в своем будапештском посольстве (на самом деле неформальные бривонские соглашения между Н. С. Хрущевым и И. Броз Тито, заключенные в ночь со 2 на 3 ноября 1956 года, допускали это — правда, только в случае, если Надь добровольно уступит власть Кадару), но и давшего им возможность вести, находясь в посольстве, подрывную деятельность против правительства Кадара (что вообще было полным вымыслом).

Янош Райнер еще в работах 1990-х годов выдвинул следующую версию. По его мнению, Я. Кадар в конце зимы 1958 года оказался в ситуации выбора. Он мог отложить процесс по делу И. Надя «до лучших времен», но мог провести суд, как это было запланировано, в феврале, смягчив при этом меры наказания обвиняемых, прежде всего отказавшись от вынесения смертных приговоров. В 2003 году была опубликована краткая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля, подтверждающая это предположение. Суть советской позиции резюмировали всего три слова, зафиксированных ведущим записи зав. общим отделом ЦК В. Н. Малиным: «Проявить твердость и великодушие». Как явствует из этих слов, в Москве считали целесообразным, доведя дело до суда, до осуждения венгерских «ревизионистов», все же пойти по пути смягчения приговоров. Коммунистический лидер Венгрии избрал другой путь, сознательно не воспользовавшись предоставившейся было возможностью компромиссного решения. Выбор Я. Кадача, ответственность за который всецело лежит на нем, был в первую очередь продиктован соотношением сил в руководстве его партии, и для того, чтобы понять мотивы его поведения, нужно лучше представлять себе этот расклад.

В первые месяцы существования правительства Я. Кадача его положение было предельно шатким, режим опирался почти исключительно на советскую военную помощь. В условиях, когда подавляющее большинство населения выступало за вывод советских войск, восстановление правительства Имре Надя, проведение свободных выборов, сохранение всех основных завоеваний революции, Я. Кадар, ставший орудием осуществления курса на ее подавление, мог найти себе внутреннюю опору, прежде всего, в рядах венгерских сталинистов, ностальгировавших по режиму Ракоши. По сути дела, он выступал их заложником. Для того чтобы расширить поле для политического маневра, он должен был не только завоевать более широкую поддержку в обществе, но и укрепить доверие к себе Москвы. Как следует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС от 4 и 6 ноября 1956 года, где Н. С. Хрущев защищал главу нового венгерского правительства от нападок В. М. Молотова, отмежевавшись одновременно от М. Ракоши, ставка на Я. Кадача была сделана серьезно. Вместе с тем послед-

ний не мог не понимать: если его политика не удовлетворит Москву, может реально встать вопрос о реставрации прежней власти. Ракоши, Герё и ряд других бывших лидеров в надежде на свое скорое возвращение в Венгрию и занятие ответственных должностей буквально бомбардировали ЦК КПСС письмами с резкой критикой «правых» ошибок Кадара. Вопрос об их возможном водворении на партийно-государственный олимп оставался до известной степени открытым вплоть до апреля 1957 года, когда Президиум ЦК КПСС принял решение об ограничении контактов М. Ракоши с Венгрией, сочтя, что его деятельность препятствует укреплению кадаровского режима. Бывший лидер венгерских коммунистов был отправлен из Москвы в Краснодар.

В Москве были в целом удовлетворены ходом венгерской нормализации, и выбор в пользу Я. Кадара был сделан в это время окончательно и бесповоротно, что явилось первым его серьезным тактическим успехом в отношениях с Кремлем. Но и после того, как М. Ракоши перешел в СССР, по сути дела, на положение политического ссыльного, его потенциальные сторонники в руководстве ВСРП продолжали составлять значительную силу. Лишь отчасти ослабил их позиции пленум ЦК КПСС 1957 года, нанесший удар по оппонентам Хрущева в Президиуме ЦК, которые (прежде всего Молотов и Ворошилов) выступали за более активное приобщение людей Ракоши к власти в Венгрии. Проявив предельную жесткость в деле Имре Надя, в общем не очень свойственную этому прагматичному политику, Кадар в 1958 году окончательно выбил оружие у своих критиков слева, сторонников полной реставрации той системы, что была решительно отвергнута венгерским народом в октябре 1956 года. Необходимо также помнить, что Имре Надь до конца своей жизни был бы не только центром притяжения для оппозиции, но и самим своим существованием напоминал бы венграм и всему миру о нелегитимности прихода Я. Кадара к власти и был в силу этого крайне неудобен для последнего³⁴. Таким образом, советское предложение проявить велико-

.....
³⁴ Отставке И. Надя Я. Кадар в первые месяцы консолидации придавал огромное значение, ведь от этого в значительной мере зависело международное признание его правительства (А. Кетли, выехавшая на Запад еще в начале ноября 1956 года, проявляла немалую политическую активность, позиционируя себя в качестве министра «за-

душие не нашло поддержки венгерского лидера. Он предпочел перенести процесс, но не переписывать уже разработанный сценарий, по которому Имре Надя предполагалось казнить. К этому можно добавить, что после триумфального для Я. Кадара визита Н. С. Хрущева в Будапешт в апреле 1958 года венгерский лидер мог позволить себе больше самостоятельности в принятии внутриполитических решений.

Момент для проведения процесса был выбран наиболее удобный с точки зрения интересов советских лидеров. Мирные инициативы, заставившие Я. Кадара отложить судебный процесс, не нашли ожидавшейся поддержки на Западе, ни сам суд, ни приговор по делу И. Надя уже никак не могли повлиять на их судьбу. С другой стороны, состояние советско-югославских отношений к маю 1958 года достигает своей низшей в послесталинский период отметки, что было связано с принятием в конце апреля на VII съезде Союза коммунистов Югославии новой программы партии, хотя и не ознаменовавшей собой поворота в политике СКЮ, но приведшей в систему многие положения югославской концепции самоуправления, неприемлемой для руководства СССР. К тому же новая программа СКЮ в целом ряде пунктов вступала в противоречие с Декларацией Совещания компартий в ноябре 1957 года. В результате Москвой была развязана довольно шум-

.....
конного» венгерского правительства). И через несколько десятилетий после событий 1956 года Я. Кадар неустанно возвращался к этой теме. Согласно некоторым свидетельствам, он говорил: «Если бы Надь подал в отставку, он ходил бы среди нас» (См., об этом, например: *Aczél Gy. Közélkép Kádárról* // *Rubicon*. Budapest, 2000. № 6. 7–8 о.). Можно вспомнить и о том, насколько болезненно Я. Кадар отреагировал на публикацию в июне 1968 года чехословацким литературным еженедельником статьи к 10-летию казни И. Надя, в которой последний был назван провозвестником демократического социализма. Эта публикация решающим образом повлияла на эволюцию отношения венгерского лидера к «Пражской весне». Можно вспомнить, однако, и другое. В своих выступлениях периода «Пражской весны», когда у многих напрашивались параллели с начальным этапом венгерских событий 12-летней давности, Я. Кадар по сути дела признал, что И. Надь стал «контрреволюционером» (в его однозначной интерпретации) в силу обстоятельств. Так, в марте на дрезденской встрече лидеров социалистических стран он говорил о том, что логика развития событий может привести в стан «врагов» и тех, кто, как И. Надь, не был изначально «контрреволюционером». См.: *Huszár Tibor*. 1968. Praga — Budapest — Moszkva. Kádár János és a csehszlovákiai intervenció. Budapest, 1998; *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история, 2012. № 5. С. 21–41.

Имре Надь на судебном процессе. 1958 год

ная пропагандистская кампания антиюгославской направленности, пошедшая на убыль лишь через год, в 1959 году. В отличие от 1948–1949 годов в ходе новой кампании критика лидеров Югославии удержалась на уровне их обвинений в ревизионизме и национализме, не привела к разрыву дипломатических отношений, о «шпионах», «убийцах» и «фашистах» во главе этой страны речь уже не заходила — желая «проучить» «ревизиониста» Тито, в Кремле, однако, не отбросили долгосрочную задачу поддержания со стратегически важной Югославией нормальных партнерских отношений, что заставляло воздерживаться от перегибов в критике³⁵. Таков был внешнеполитический фон, на котором 15 июня 1958 года в ходе закрытого суда был вынесен смертный приговор Имре Надю и его соратникам П. Малетеру и М. Гиме-

.....
³⁵ Тькалин А. С. Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 года и Союз коммунистов Югославии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2014. С. 265–311; Он же. «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х // Электронный журнал «Мир истории», 2015. № 1.

Памятник Имре Надю близ здания венгерского парламента
в сегодняшнем Будапеште

шу, на следующий день приведенный в исполнение. Г. Лошонци скончался в тюрьме за полгода до суда. Й. Силади был казнен еще в апреле. Генерал Б. Кирай, находившийся в США, был приговорен к смертной казни заочно. Другие проходившие по делу И. Надя подсудимые получили различные сроки тюремного заключения (в начале 1960-х годов практически все они были амнистированы).

Расправа над Имре Надем и его соратниками, ставшая венцом целой серии судебных процессов по делам участников революции 1956 года, вызвала широкий резонанс во всем мире. Для многих была очевидной несостоятельность обвинений против бывше-

го венгерского премьера, главная «вина» которого заключалась в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, вступавшего в слишком резкое противоречие со сложившейся еще при Сталине и остававшейся в силе и после его смерти практикой отношений внутри советского лагеря.

Как бы там ни было, июнь 1958 года в известном смысле поставил точку в истории венгерской революции и подвел черту под определенным периодом в развитии Венгрии в послевоенное время; политическая обстановка в стране к этому времени стабилизировалась и для дальнейшей консолидации режима необходима была смена тактики — задачи запугивания непокорных отходят на второй план, уступая место поискам путей наведения мостов к венгерской нации. Показательно, что расправа над Имре Надем почти совпала по времени с публикацией первых документов, заложивших основы кадаровской либерально-прагматической модели социализма, которая отличалась, пожалуй, наибольшей гибкостью в сравнении с другими его реально воплощенными моделями.

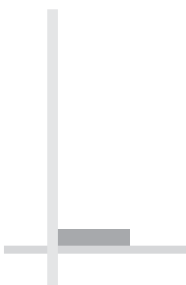
1957 и 1958 годы оставили черный след в истории Венгрии. Казнь Имре Надя и ряда его соратников, аресты многих тысяч людей стали для кадаровского режима несмываемым пятном позора. Но с начала 1960-х годов наметился поворот к более либеральной политике, многие находившиеся в заключении участники восстания получили амнистию — приступив к реформаторским экспериментам, кадаровская власть всё делала для того, чтобы вычеркнуть 1956 год из исторической памяти нации. Но должны были пройти долгие годы, пока Яношу Кадару политикой уступок и компромиссов, непревзойденным мастером которых он со временем стал, удалось, дав венграм максимум свобод, возможных при однопартийной коммунистической диктатуре, завоевать относительную поддержку в обществе и заставить своих соотечественников признать существующий в стране режим как, возможно, наименьшее среди всех неминуемых зол на пути к построению «светлого будущего».

Став на некоторое время витриной «социалистического содружества», кадаровский режим, как и родственные ему политические системы в других странах Восточной Европы,

показал в конечном итоге свою нежизнеспособность. Изменение расклада сил на международной арене, прекращение советского контроля над регионом способствовали быстрой его трансформации в иное качество. Кончина Яноша Кадара в июле 1989 года, символизировавшая завершение целой эпохи в истории Венгрии, почти совпала по времени с перезахоронением Имре Надя. Человек, управлявший страной более 30 лет, еще при жизни смог увидеть сделанный своей нацией выбор в пользу чуждых ему западных моделей, основанных на политическом плюрализме. С 33-летней дистанции стал очевиден парадокс: не будучи в отличие от Я. Кадара сильным практическим политиком и менее четко представляя себе пределы возможного, И. Надь, являвшийся знаменем сил, выступавших в конце 1980-х годов за смену системы, заочно доказал перед Я. Кадаром свою историческую правоту. Главный же вывод, к которому приходишь на основании глубоких исследований Я. Райнера, таков: политические ошибки И. Надя, его неспособность овладеть ситуацией в трагические дни октября 1956 года не перечеркивают значения морального примера, который он дал в последние полтора года жизни последовательным отстаиванием убеждений, в своих основных, наиболее значительных моментах совпадавших с чаяниями венгерской нации.

Кардинал Миндсенти на политической сцене Венгрии

— Личность кардинала Йожефа Миндсенти неоднократно привлекала внимание исследователей как в Венгрии, так и за ее пределами. Однако споры об этой исторической фигуре продолжаются по сей день¹. Это касается в первую очередь кратковременного, но, пожалуй, самого яркого эпизода биографии многолетнего главы венгерской католической церкви — его деятельности в дни восстания осени 1956 года, мощнейшего в послевоенной Восточной Европе вплоть до 1989 года оппозиционного выступления, которое в течение считанных дней разрушило все структуры правящего коммунистического режима в центре и на местах и создало очаг крупномасштабного, упорного повстанческого сопротивления частям Советской Армии, вмешавшейся в конфликт. Особенно большой международный резонанс вызвало выступление Миндсенти по радио вечером 3 ноября, в канун решающего наступления советских войск, свергнувших на рассвете 4 ноября неконтролируемое Москвой (и неспособное вывести страну из глубокого внутривластного кризиса) правительство

.....
 1 Против идеализации Миндсенти с некоторыми венгерскими публицистами правого толка с начала 1990-х годов боролся авторитетный историк либерального направления Д. Литван, сам участник венгерских оппозиционных движений 1956 года, получивший известность острой публичной критикой партийного лидера М. Ракоши на одном из партактивов в марте того года. См.: *Litván Gy. Az 1956-os magyar forradalom hango-mánya és irodalma*. Budapest, 1992.

Имре Надя и приведших к власти лояльное руководству СССР правительство Яноша Кадара, готовое жесткими методами при помощи извне «навести порядок», восстановив монопольное правление компартии. Это не удивительно, ведь после нашумевшего открытого судебного процесса 1949 года, приговорившего кардинала к пожизненному заключению на основании, главным образом, вымышленных обвинений, имя Миндсенти было достаточно широко известно в мире, его фигура в определенной мере символизировала сопротивление венгров режиму сталинского типа. Будучи важным программным документом венгерской революции, в наиболее концентрированной форме артикулировавшим требования правоконсервативных сил в политической жизни страны, оно породило немало мифов, домыслов и спекуляций, особенно в политико-пропагандистской литературе 1950-х — середины 1980-х годов, в искаженном свете представлявшей историю венгерского восстания. Некоторые из них живы по сегодняшний день. Один из наиболее распространенных мифов заключался в том, что глава венгерского католицизма якобы выступил за ревизию границ в Дунайском регионе, акцентировав внимание на несправедливом характере Трианонского мирного договора 1920 года, а это напрямую задевало интересы соседних Чехословакии, Югославии и Румынии. Для того чтобы развеять этот и многие другие мифы, связанные с личностью Йожефа Миндсенти (1892–1975) и его политической деятельностью, необходимо реконструировать основные вехи его биографии, представив их в более широком контексте венгерской истории XX века².

Выходец из небогатой швабской³ мелкобуржуазной семьи Йожеф Пем, получивший при рукоположении в сан священника церковную фамилию Миндсенти (в буквальном переводе на русский язык: Всесвятский), сделал в эпоху Хорти

2 Среди обширной венгерской биографической литературы о Миндсенти выделяются работы М. Балог. См., например: *Balogh Margit. Mindszenty József (Élet-kép sorozat)*. Budapest, 2002. Совсем недавно вышла ее фундаментальная монография: *Balogh M. Mindszenty József – 1892–1975*. Budapest, 2015.

3 Т. е. из немцев-католиков, переселившихся в венгерские земли в позднее средневековье и раннее Новое время.

неплохую карьеру — к началу 1940-х годов достиг положения епископа. Человек, известный аскетическим образом жизни, в период службы в Залаэгерсеге он вместе с тем уделял большое внимание именно благотворительной деятельности церкви — больницам, приютам и т.д. Будучи позже епископом в Веспреме, довольно смело и независимо вел себя в период нацистской оккупации Венгрии (с 19 марта 1944 года) и террора, развязанного крайне правой, прогитлеровской силой — нилашистами, пришедшими к власти в середине октября того же года. Так, Миндсенти был едва ли не единственным иерархом венгерской католической церкви, оказавшим реальное сопротивление властям, пытавшимся экспроприировать церковное имущество на нужды армии. Он, в частности, направил меморандум протеста лидеру нилашистов Салаши. В ноябре 1944 года Миндсенти был арестован после попыток воспрепятствовать размещению солдат в своем епископском дворце, и до начала апреля 1945 года находился в г. Шопроне на крайнем западе Венгрии в заключении⁴. Благодаря проявленному мужеству и непреклонности убеждений Миндсенти пользовался в 1945 года авторитетом в широких кругах венгерского общества, в том числе среди членов партий левой ориентации. В знак уважения к нему правительство левоцентристской коалиции при осуществлении аграрной реформы 1945 года оставило во владении веспремского епископата земельные угодья. Вопреки этому жесту Миндсенти, став в октябре 1945 года главой (примасом) венгерской католической церкви, архиепископом Эстергомским и получив через несколько месяцев от Ватикана кардинальский сан, отнюдь не пошел на сближение с новыми властями⁵. Он выступил не только решительным оппонентом социалистической перспективы развития страны, но и противником далеко идущей модернизации унаследованной от хортистской эпо-

4 *Balogh M. Mindszenty József veszpremi püspök nyilas fogságban // Újragondolt negyedszázad. Tanulmányok a Horthy-korszákról. Szeged, 2010.* Будучи швабом, Миндсенти, однако, с 1930-х годов последовательно дистанцировался от любых прогитлеровских акций немецкого фольксбунда Венгрии.

5 Прежний примас, Ю. Шереди, скончался весной 1945 года.

хи политической системы. Так, зимой 1946 года Миндсенти, с молодости известный своими легитимистскими убеждениями и симпатиями к дому Габсбургов⁶, пытался опротестовать провозглашение Венгрии республикой. Особенно решительно кардинал выступал против ущемления позиций церкви в духовной жизни и школьной системе. Национализация 20 июня 1948 года 6500 школ, находившихся в ведении католической администрации, была осуществлена вопреки его жесткому противодействию; именно на июнь 1948 года пришелся пик острейшего противоборства церкви и власти⁷.

Надо помнить, однако, и о другом. Выступая на политической арене Венгрии с правых позиций и жестко оппонируя любым попыткам властей ограничить позиции церкви в экономической и духовной жизни, кардинал Миндсенти вместе с тем проявил гуманизм в отношении некоторых несправедливо, по его мнению, притесняемых категорий населения, что прибавляло ему популярности⁸. У советских эмиссаров, посещавших Венгрию в первые послевоенные годы, складывалось впечатление

6 В 1921 году, после двух неудачных попыток бывшего императора Карла совершить в Венгрии государственный переворот и добиться власти, Габсбурги были лишены прав на венгерский престол. Между тем в 1943 году, к явному неудовольствию регента королевства Венгрии адмирала Миклоша Хорти Миндсенти среди других иерархов был определенным образом замешан в попытках части венгерской элиты установить связи с главой венского императорского дома Отто Габсбургом и выразить поддержку его возможным планам предложить свой проект послевоенного переустройства Средней Европы. Более того, по некоторым данным, Миндсенти в этот же период собирал в Западной Венгрии среди паствы подписи в защиту полноценной монархической власти.

7 Так, именно убийство 3 июня 1948 года радикально настроенными сторонниками Миндсенти полицейского в одном из сел дало властям повод для решительного наступления на церковь, о необходимости которого лидер коммунистов М. Ракоши начал говорить еще за полгода до этого, в январе.

8 В литературе о Миндсенти см. конкретные факты, свидетельствующие о том, что во второй половине 1940-х годах он довольно активно выступал против преследований людей в Венгрии по политическим мотивам, а также против планов депортации коренного венгерского населения из Южной Словакии, как и против поголовного выселения из Венгрии немцев, живших там на протяжении веков: *Balogh M. Hadifoglyok, internáltak, kitelepítettek. Mindszenty József bíboros-érsek és az emberi jogok védelme (1945–1948)* // Századok, 2011. № 1. 39–74. о. Janek I. Mindszenty József tevékenysége a felvidéki magyarok megmentéséért 1945–1947 között // Századok, 2008. № 1. 153–181. о.

не только об активности венгерской католической церкви в деле послевоенного восстановления страны, но и о ее широкой общественной поддержке⁹.

Чтобы в полной мере понять общественное значение конфликта между властью и католической церковью, необходимо представлять себе масштабы влияния последней на общественную и культурную жизнь страны, и не в последнюю очередь ее экономического влияния до 1945 года, а отчасти даже и до 1948 года. Правоавторитарный хортистский режим, установившийся в результате свержения Венгерской Советской республики 1919 года, с первых лет своего существования стремился активизировать деятельность «исторических» церквей Венгрии — католической, к которой было официально приписано более 65 % населения, а также протестантских — кальвинистской и лютеранской. Цель, которая преследовалась этой политикой, четче других сформулировал в начале 1920-х годов министр просвещения и культов граф К. Клеббельсберг: «Борьба идет между церковью и социализмом... В связи с этим на венгерские церкви ложится громадная ответственность. Только сильная церковь сможет поставить преграды на пути дехристианизации человеческого духа. Беда, если церковь не выдержит испытания, проиграет в схватке с социализмом за умы людей. Именно это случилось, как мы знаем, в России... Мы должны дать нашей церкви всю ту поддержку, которая ей необходима от нас для успеха в этой борьбе»¹⁰.

В межвоенный период в Венгрии существовало около 1500 различных религиозных организаций (от культурных, благотворительных обществ и христианских профсоюзов до политических объединений ярко выраженной консервативной направленности).

⁹ «Для нас — советских людей — темпы восстановления города в целом кажутся крайне медленными, и совсем дико для нас видеть, что в первую очередь это восстановление начинается с церквей», — так в своем отчете в вышестоящие инстанции описывал впечатления от посещения в 1946 году Будапешта известный медик и физиолог академик В. В. Парин. См.: АВПР. Ф. 077. Оп. 26. Папка 119. Д. 44. Л. 42.

¹⁰ *Стыкалин А. С.* Трианонский мирный договор 1920 года и идеология хортистского режима // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 52–71.

сти). В них состояло до 15% всех католиков. В 1920–1930-е годы в стране имелось столько же действующих монастырей, сколько их было в эпоху австро-венгерского дуализма, хотя территория венгерского государства по итогам Трианонского мирного договора 1920 года уменьшилась втрое¹¹. Глава католической церкви (примас) обладал правом накладывать вето на принятие любого закона, касающегося деятельности клира, существовала также практика предварительного ознакомления епископата со всеми проходившими через парламент законопроектами. Епископы и другие высокие церковные иерархии (католики и протестанты) автоматически входили в верхнюю палату венгерского парламента. Идеологи консервативного хортистского режима пытались именно на христианском фундаменте возводить свою систему взглядов, неизменно облакали ее в христианские одежды. Функцию официальной идеологии в Венгрии эпохи хортизма на протяжении по меньшей мере полутора десятилетий пыталась выполнять так называемая «христианско-национальная» доктрина, которой был придан межконфессиональный характер. Господствующим направлением официальной художественной культуры становится необарокко, широко эксплуатировавшее христианскую символику.

Довольно сильны были экономические позиции «исторических» церквей. Так, католической церкви принадлежало

¹¹ Согласно Трианонскому мирному договору 1920 года Румыния получила Трансильванию и прилегающие к ней земли Банат, Парциум (по румынской терминологии Кришана) и Марамуреш, Чехословакия — словацкие земли и Закарпатскую Украину, Австрия — область на крайнем западе Венгрии (в дальнейшем австрийская земля Бургенланд). Королевству сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Югославия) были переданы Хорватия (обладавшая некоторой автономией в рамках венгерской половины монархии Габсбургов) и Воеводина. Таким образом, территория венгерского государства, установленная в соответствии с условиями договора, составила менее 30 % владений венгерской и хорватской корон в составе Австро-Венгрии — с 325 тыс. кв. км она сократилась до 93 тыс. кв. км. Численность населения уменьшилась с 18 млн (без автономной Хорватии) до 7,6 млн человек. При этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства — хорваты, сербы, румыны, словаки, русины (украинцы), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса, в частности, в Южной Словакии. В этих странах оказалось около 3 млн венгров, многие из которых проживали компактно, в пограничных с Венгрией районах. Травмирующее влияние Трианона на венгерское национальное сознание новейшего времени заслуживает самостоятельного большого разговора.

более 15 % всех земельных угодий, 5 банков, многочисленные предприятия легкой промышленности, одна треть всех учреждений здравоохранения и социального обеспечения. Особенно велика была роль церквей в управлении школьной системой: до 1948 года в ведении церковных администраций находилось 67 % начальных школ, половина гимназий, 80 % средних педучилищ, ряд вузов¹².

В конце 1930-х — начале 1940-х годов значительная часть католического клира сопротивлялась усилению влияния праворадикальных сил на венгерскую политическую жизнь, выступала за сохранение консервативного статус-кво, против реформ политической системы в соответствии с современными германскими образцами и введения антисемитских законов. В 1944 году, в черные дни Холокоста, некоторые священнослужители прятали евреев, подвергая тем самым себя нешуточной опасности. Как бы там ни было, христианский консерватизм не сумел стать той духовной силой, которая смогла бы в 1930-е годы установить преграду на пути все большего сближения хортистской Венгрии с нацистской Германией. Оказавшись во враждебном окружении стран Малой Антанты, создававших защитные механизмы против венгерского ирредентизма, Венгрия уже с конца 1920-х годов все больше ориентировалась в своей внешней политике сначала на Италию, а затем на Германию, как и она сама, глубоко неудовлетворенную Версальской системой и жаждавшую реванша. Все это не могло не привести хортистский режим к бесславной кончине.

После войны коалиционные левоцентристские правительства взяли курс на ограничение политической и экономической деятельности церквей, воспринимавшихся ими как оплот реакции. По справедливому замечанию крупного венгерского историка и общественного деятеля консервативно-антифашистской ориентации убежденного католика Дюлы Секфю (в 1946–1948 года посла Венгрии в СССР), застыв-

.....
¹² *Стыкалин А. С. Венгерская культура в середине XX века (от Хорти до Кадара). М., 1991. Глава 1.*

ший в своей неизменности венгерский католицизм, которому не удалось сплотить против гитлеризма широкий фронт, не казался в новых условиях надежным партнером¹³. В результате антифеодальной аграрной реформы 1945 года, проводившейся под руководством министра земледелия коммуниста Имре Надя, католический клир безвозмездно лишился более 90 % своих земельных владений. Епископат воспринял это стоически. «Давайте помолимся за то, чтобы успехи новых владельцев смогли бы утешить служителей церкви, понесших утраты», — говорилось в послании к священнослужителям от 24 мая 1945 года¹⁴. Многочисленные школы, находившиеся в ведении церковной администрации, благотворительные учреждения, монастыри, служители церковных приходов лишились большей части средств к существованию в тот момент, когда в условиях послевоенной разрухи компенсировать утраты было совершенно нечем. К тому же летом 1946 года по обвинениям в пособничестве реакции было распущено большинство организаций светских католиков. Тем не менее ведущее положение церквей в управлении школьной системой сохранялось до лета 1948 года. До сентября 1949 года существовало обязательное обучение в школах основам религии. Довольно сильны были позиции церквей и в сфере массовой коммуникации — на церковные издания приходилось до 10 % общего тиража газет и журналов Венгрии. Попытки правительства ограничить влияние церквей в общественной и духовной жизни со временем стали вызывать все более сильное противодействие высших церковных иерархов.

В течение 1947–1948 годов успех во внутрисполитической борьбе сопутствовал коммунистической партии. Хотя она получила на свободных парламентских выборах в ноябре 1945 года всего 17 % голосов, но с самого начала овладела ключевыми позициями в силовых структурах. Фактором, несомненно усиливавшим реальный политический вес ВКП, было

.....
¹³ Секфю Дюла. После революции / Перевод О. В. Хавановой. Примечания А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. М., 2011. Глава 2.

¹⁴ Документ представлен в Музее террора в Будапеште.

покровительство со стороны Союзной контрольной комиссии во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым, функционировавшей до подписания в 1947 года мирного договора с Венгрией. В этой комиссии однозначно задавали тон советские представители. Весной 1947 года коммунисты ловко использовали в борьбе за власть непомерно раздутое дело об антиреспубликанском заговоре, обвинив в причастности к нему группу руководящих деятелей наиболее влиятельной в стране партии мелких сельских хозяев и добившись в конце мая отставки премьер-министра Ференца Надя. Значительно укрепив свои позиции в новом правительстве, сформированном по итогам сопровождавшихся фальсификациями парламентских выборов в августе 1947 года, коммунисты предприняли решающее наступление на оппонентов. К концу зимы 1949 года из политической жизни Венгрии была полностью вытеснена оппозиция, установлена монополярная власть Венгерской партии трудящихся (ВПТ), образованной летом 1948 года в результате объединения компартии и левой социал-демократии. По мере перерастания режима антифашистской коалиции в коммунистическую диктатуру сталинского типа конфронтация между церковью и властью заметно усиливалась, что проявилось и в повышении градуса антицерковной риторики прокоммунистической прессы.

К концу 1948 года, когда позиции правых партий в венгерском парламенте были окончательно подорваны, именно католический епископат становится усилиями Миндсенти и его окружения самым мощным в стране центром антикоммунистической оппозиции. Это не могло не вызвать реакции властей, арестовавших кардинала 26 декабря 1948 года, сразу после большой рождественской службы в его эстергомской резиденции. Можно предположить, что вопрос об аресте кардинала был согласован со Сталиным, 16 декабря принявшим лидера венгерских коммунистов Ракоши в своей кремлевской резиденции — их встреча продолжалась более часа¹⁵.

.....
¹⁵ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 годы). М., 2008. С. 513.

В феврале 1949 года кардинал Миндсенти предстал перед судом¹⁶. В традициях показательных процессов сталинских времен ему инкриминировались ложные обвинения — в попытках реставрации власти Габсбургов в Венгрии, шпионаже в пользу США и т. д. Однако в качестве оснований для выдвижения обвинений послужили не только вымышленные связи Миндсенти¹⁷, но и его реальные контакты с американской миссией в Будапеште, а также уже упомянутые связи кардинала с окружением Отто Габсбурга в годы войны. На процессе, проходившем 3–8 февраля, было зачитано письмо Миндсенти американскому посланнику от 31 августа 1947 года, в котором содержалась просьба не возвращать правительству Венгрии важнейшей национальной реликвии, короны «святого Иштвана», попавшей в руки американцев на завершающем этапе войны, а отправить ее на хранение в Ватикан.

Процесс по делу Миндсенти проходил на фоне острого советско-югославского конфликта, инициированного Сталиным в 1948 году, и стал одним из самых ярких проявлений массовой кампании по разоблачению классового врага, развернувшейся в Венгрии под непосредственным влиянием этого конфликта¹⁸. Министр иностранных дел Венгрии коммунист Ласло Райк дал в дни суда над Миндсенти пресс-конференцию для иностранных журналистов, на которой гневно разоблачал происки Ватикана против стран народной демократии. А в сентябре того же года он сам предстал перед судом по сфабрикованному делу, имевшему прежде всего антиюгославскую направленность, на еще более шумном показательном судебном процессе. 15 ок-

16 Этому предшествовал часовой прием Сталиным в своей кремлевской резиденции 8 января 1949 года деятелей ВПТ Э. Герё и М. Фаркаша, в ходе которого могли быть согласованы некоторые детали судебного процесса. См. там же. С. 514.

17 При фабрикации обвинительного заключения были использованы наработки советских спецслужб. Так, 15 января 1949 года министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов передал в МИД СССР материалы допросов находившегося до августа 1948 года в советском плену хортистского генерала И. Уйсаси «для соответствующего использования содержащихся... сведений в ходе следствия и предстоящего суда над Миндсенти»: АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 14.

18 См. новейшую комментированную публикацию: Mindszenty József a népbíróság előtt. Budapest, 1989. См. также: Gergely J. A Mindszenty-per. Budapest, 2001.

тября 1949 года Миндсенти внимательно наблюдал за казнью своего недавнего разоблачителя из окна тюремной камеры, о чем упомянул в воспоминаниях¹⁹.

С февраля 1949 года Миндсенти, приговоренный к пожизненному заключению, находился в тюрьме. При том, что бескомпромиссность кардинала вызывала неоднозначное отношение в венгерском обществе, в том числе среди священнослужителей, жестокая расправа над главой католической церкви Венгрии и связанная с ней массированная пропагандистская кампания задела религиозные чувства миллионов венгров и скорее способствовали повышению популярности Миндсенти²⁰.

После устранения Миндсенти католические иерархи пошли на вынужденные уступки. Летом 1950 года было подписано соглашение между католической церковью и государством,

.....
19 Выдающийся венгерский леволиберальный политик, в конце 1918 — начале 1919 года глава первого республиканского правительства Венгрии, а затем и ее первый президент граф Михай Каройи (с 1947 года посол Венгерской республики в Париже) после ареста Миндсенти пытался убедить лидера венгерских коммунистов М. Ракоши отказаться от идеи проведения суда, отпустить кардинала за границу, сам хотел выступить посредником в переговорах между венгерским правительством и Ватиканом. Однако все его усилия оказались тщетными (как не было воплощено и предложение некоторых коммунистических политиков обменять Миндсенти на находившихся в заключении испанских коммунистов). Вскоре Каройи порвал со своим правительством и навсегда остался во Франции. См.: A Mindszenty-ügy «diplomáciai» rendezésének kudarca // Történelmi Szemle. Budapest, 2000. № 1 № 1–2. 69–90. о.

20 Процесс по делу Миндсенти не только вызвал большой международный резонанс, но и усилил антикоммунистическую составляющую во внешней политике Ватикана. Вместе с тем в окружении римского папы были крайне недовольны поведением Миндсенти на открытом суде, тем, что он публично признал предъявленные ему вздорные обвинения. После процесса 1949 года он, несмотря на свое мученичество, считался в европейских католических кругах наиболее дискредитированной фигурой в святейшей коллегии, человеком, чье поведение сильно повредило репутации католической церкви. «Он должен был даже погибнуть, но не признавать предъявленных ему обвинений. Глава церкви не должен был вести себя таким жалким образом. В истории церкви за последние 200 лет не было подобного случая», — уже в 1957 году говорил своему собеседнику, связанному с наиболее влиятельной на Западе итальянской компартией, один из кардиналов (Информация о политике Ватикана, переданная из ЦК ИКП в ЦК КПСС. 26 марта 1957 года. // РГИАИ Ф. 5. Оп. 28. Д. 476. Л. 80).

в соответствии с которым власть обязалась обеспечить необходимые условия для отправления религиозного культа в обмен на жесткое требование политической лояльности²¹. Церковь оказалась в полной финансовой зависимости от государства, ее экономическое влияние было совершенно подорвано; начиная с лета 1948 года были отобраны находившиеся под ее контролем учреждения здравоохранения и социального обеспечения (дома приюта для престарелых и т. д.). Закрылись многие монастыри. В ведении клира был оставлен самый минимум учебных заведений²². Какая-либо внерелигиозная, в том числе благотворительная и просветительская, деятельность церкви нещадно пресекалась. В последующие годы соглашение постоянно нарушалось, религиозные свободы верующих ущемлялись, а подписавший соглашение епископ Й. Грес, после ареста Миндсенти исполнявший обязанности примаса, разделил судьбу своего кардинала, оказавшись в 1951 году на скамье подсудимых, — властям не нравилась его пассивность в мобилизации священнослужителей на участие в движении сторонников мира, контролируемом Москвой²³. Выйдя на свободу, он вновь приступил к своим обязанностям в мае 1956 года.

Принятый еще в 1946 году закон о защите республики и конституционного строя был использован властями для юридического обоснования репрессивных мер — в 1949–1950 годы были ликвидированы все до тех пор сохранявшиеся легальные общества светских католиков; начиная с 1946 года по обвинениям (как правило, вымышленным) в причастности к разного рода

.....
²¹ Ранее аналогичные соглашения были подписаны с протестантскими церквями Венгрии — реформатской (кальвинистской) и лютеранской (евангелической), также подвергавшимися преследованиям. Особенно негативно были восприняты в обществе притеснения реформатской церкви, обладавшей сильными позициями в восточной части страны и традиционно воспринимавшейся общественным мнением как один из оплотов в отстаивании национальных чаяний венгров (благодаря своей большой роли в национальных движениях XVII–XIX вв.).

²² Среди закрытых в эти годы учебных заведений были и такие, как Теологическая протестантская академия в Шарошпатаке, сыгравшая важную роль в истории венгерской культуры.

²³ Конкретно ему инкриминировался саботаж сбора подписей под так называемым Стокгольмским воззванием борцов за мир.

антигосударственным заговорам были арестованы и осуждены около 100 католических, десятки протестантских священников, в том числе епископы. Выносились даже смертные приговоры.

Ограничение деятельности церквей отнюдь не исключало, впрочем, использования лояльно настроенных священнослужителей в качестве инструмента конфронтационной в отношении Запада внешней политики — такова была в конце 1940-х — начале 1950-х годов общая линия в странах советской сферы влияния, санкционированная Сталиным²⁴. Делалась ставка на раскол духовенства, политика нейтрализации священников сменилась попытками властей заставить часть из них играть по продиктованным сверху правилам. Официальной поддержкой венгерских коммунистических властей пользовалось инициированное в 1950 году государством и непризнанное Ватиканом движение священнослужителей за мир. Аналогичные движения существовали и в других странах «народной демократии». Священники, к нему примыкавшие, зачастую видели в этом гарантию своего выживания в тяжелых условиях, а иногда попросту способ получения средств от местных органов власти на ремонт храмов. Однако в реальности произошел, как и в других странах советской

²⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008. В условиях Великой Отечественной войны произошел, как известно, поворот в сталинской политике в отношении православной церкви, ранее нещадно притеснявшейся. Во время войны церковь использовалась в интересах достижения национального единения на патриотической платформе, а после войны становится специфическим инструментом имперской внешней политики Сталина, реализации геостратегических планов советского руководства, важным каналом расширения влияния Москвы в контролируемой ею Восточной Европе в противовес Западу (и Ватикану). Обслуживание Русской православной церковью внешней политики сталинского режима проявилось среди прочего в установлении контактов с некоторыми представителями западных конфессий в целях противодействия претензиям Ватикана на доминирующие позиции в духовной жизни стран советской сферы влияния в Центральной Европе, а также униатских областей Советской Украины. Прорабатывались планы создания независимых от Ватикана католических церквей в Венгрии и Польше, так и не воплотившиеся. Сталину не были чужды даже идеи утверждения в противовес Ватикану вселенскости РПЦ, в последней он видел силу, способную объединить не только православные церкви, но и часть католико-протестантского клира на антизападной платформе.

сферы влияния, раскол в церковной среде: властям удалось превратить часть клира в послушное орудие осуществления своей репрессивной внутренней и просоветской внешней политики. Определенное смягчение прежней жесткой линии в отношении католической иерархии произошло лишь в 1953 году, когда во главе правительства встал и находился до весны 1955 года «правый уклонист» Имре Надь, начавший курс на либерализацию режима²⁵. Это сказалось, хотя и далеко не сразу, и на положении Миндсенти, который был переведен в 1955 году под домашний арест²⁶.

В обстановке общественно-политического подъема, сложившейся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС (февраль 1956 года), происходит заметная активизация католической церкви. Встречаясь с советскими дипломатами, работники аппарата ВПТ говорили им о переполненных храмах, о том, что священники стали смелее выступать с критикой в адрес властей, о том, что церковь, продолжавшая владеть немалыми культурно-историческими ценностями (памятниками архитектуры, музейными и книжными собраниями, архивами), в условиях смягчения внутренней политики пытается активнее заниматься культурно-просветительской деятельностью²⁷. Уроки закона божьего к осени 1956 года посещало 30–40 % детей, в том числе дети членов партии, переставших в изменившихся условиях придавать значение получаемым за это, а также за соблюдение обрядов крещения и т. д., формальным партийным взысканиям.

.....
 25 Так, 17 октября 1953 года он принял делегацию епископов, обещав содействовать скорейшему решению накопившихся проблем, прежде всего, касавшихся материального обеспечения деятельности церквей.

26 От предложенной амнистии Миндсенти гордо отказался, согласившись принять только полную реабилитацию и не дав обещаний, что устранился от политики.

27 АВПР. Ф. 077. Референтура по Венгрии за 1956 год. См. документ, подготовленный еще за неделю до открытия XX съезда КПСС, — справку посольства СССР в ВНР в МИД СССР «Политика Венгерской партии трудящихся в отношении католической церкви» от 8 февраля 1956 года: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., 2009. С. 83–94. Одним из лейтмотивов советских дипломатических донесений явился тезис о том, что венгерские коммунисты, увлекшись задачей более широкого вовлечения священников в движение сторонников мира, совершенно упустили из виду атеистическую пропаганду.

Представители церкви обращались к государству с требованием увеличить тиражи церковных газет, разрешить функционирование католических юношеских организаций. Не дожидаясь позволения властей, церковные круги создавали для молодежи спортивные секции, для женщин курсы шитья и т. д., привлекавшие немалое количество людей. Сохранявшиеся у церкви богатые библиотеки (например, протестантская библиотека в Дебрецене), архивные собрания, музейные коллекции (в частности, эстергомская картинная галерея) все шире раскрывали двери перед светскими посетителями. В г. Эгере, одном из католических центров Венгрии, широко было отмечено столетие местной базилики — после 1948 года страна не видела многотысячных религиозных шествий. Довольно заметным было участие католической церкви и в прошедших в августе 1956 года торжествах по случаю 500-летия победы венгерского войска под командованием Яноша Хуняди над османами в битве у Белграда.

Если Миндсенти, находившийся под домашним арестом, продолжал занимать непримиримые позиции в отношении коммунистического режима, то большинство католических епископов выражало готовность к диалогу с властями, рассчитывая в новых условиях на уступки в пользу католиков²⁸. Надежды не были беспочвенными: 10 лет ограничений и преследований католической церкви только способствовали повышению ее престижа как социально-политического института в глазах многих венгров, отнюдь не только активных участников католических движений, и власти с этим не могли не считаться²⁹.

.....
28 Показательна реплика и. о. примаса, епископа Д. Цапика о том, что недовольство Ватикана его мало волнует, так как в Ватикане ему едва ли когда-либо придется снова побывать, тогда как с венгерскими партийными функционерами он сталкивается каждый день.

29 Активизация католической церкви в Венгрии вызывала все более сильную обеспокоенность советского посольства. Посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов со ссылкой на «достоверные источники» писал 31 июля 1956 года заместителю министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецову о том, что папа римский Пий XII принял в начале июля лидера венгерской эмигрантской организации «Акцио католика» Дежё Тота. В ходе беседы речь якобы шла о возможностях в ближайшие месяцы в Венгрии оппозиционных выступлений католиков. Д. Тот заявил, что смотрит на вещи оптимистически, поскольку «венгерские тайные католические органы работают очень успешно в настоя-

23 октября 1956 года многотысячная демонстрация в Будапеште, к проведению которой представители церкви не имели ни малейшего отношения, переросла в мощное вооруженное восстание, приведшее в течение нескольких дней к распаду всей системы власти. Советское военное вмешательство лишь подлило масла в огонь вооруженной борьбы³⁰. Уже в первые дни драматических октябрьских событий народные делегации, посещавшие вернувшегося к власти премьер-министра Имре Надя, выступали с требованием освобождения Миндсенти из-под домашнего ареста. Призывы к освобождению Миндсенти и возвращению его в свою архиепископскую резиденцию в Эстергоме звучали на стихийных уличных митингах, а также нашли отражение в резолюции самопровозглашенного национального комитета Чепеля (рабочий район на юге Будапешта), в программных документах возрождавшейся в конце октября партии мелких сельских хозяев, других активизировавшихся в новых условиях политических сил³¹. 30 октября влиятельнейший министр нового правительства деятель партии мелких сельских хозяев Золтан Тилди (в прошлом протестантский священник, он в 1945–1946 годах в течение ряда месяцев был премьер-министром, а затем, после провозглашения в феврале 1946 года Венгерской республики, до 1948 года ее президентом) на встрече с делегацией рабочих заявил, что не видит препятствий для возвращения Миндсенти в Эстергом, где он мог бы после длительного перерыва вновь приступить к выполнению обязанностей примаса венгерской римско-католической церкви, внося посильный вклад в стабилизацию положения в стране³². Как раз за 2 дня до этого, 28 октября, в Польше по инициативе обновленного руководства ПОРП во главе с В. Гомулкой был

.....
 щее время» (АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 38. Л. 8). Среди ватиканских иерархов доминировало мнение о том, что в Венгрии сложилось благоприятное положение для активизации борьбы католиков за свои права под политическими лозунгами, поскольку действует немало ячеек политически активных светских католиков.

³⁰ *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 2.

³¹ 1956 és a politikai pártok. Válogatott dokumentumok / Szerk. Vida I. Budapest, 1998. 112. о., 180. о.

³² *Ibid.*, 293. о.

выпущен на свободу другой харизматический католический лидер — кардинал Стефан Вышиньский. Прибыв в Варшаву, он выступил с призывом к консолидации польской нации в условиях охватившего страну внутривнутриполитического кризиса. Очевидно, в окружении венгерского премьер-министра Имре Надя существовали расчеты на то, что и Миндсенти, подобно Вышиньскому, смог бы сделать заявление в интересах нового правительства. Эти расчеты, однако, не оправдались.

Уже 30 октября кардинал был освобожден своей охраной из-под домашнего ареста. После этого он прибыл не в Эстергом, находящийся на венгерско-чехословацкой границе, а в Будапешт, где разместился в будайской крепости, неподалеку от королевского дворца, в большом особняке, принадлежавшем до 1948 года венгерской католической церкви. Проезд кардинала Миндсенти по столице в бронемашине, ведомой хотя и офицером Венгерской народной армии, но выходцем из старинного аристократического рода А. Палинкашем-Паллавичини, был встречен овациями толпы³³. Освобождение главы венгерской католической церкви было с энтузиазмом воспринято широко-

.....
³³ *Tyekvicska A.* A bíboros és a katona. Mindszenty József és Palinkas-Pallavicini Antal a forradalomban. Budapest, 1994. Главы 12–13. Офицер, который освободил и привез Миндсенти в Будапешт, был впоследствии казнен по обвинению в «контрреволюционной деятельности», хотя его действия по сути не противоречили указаниям тогдашнего правительства. В период репрессий против участников октябрьских-ноябрьских событий 1956 года, особенно в 1957–1958 года, за реальные или мнимые связи с кардиналом было осуждено довольно много людей, прежде всего, активистов партий христианской ориентации. Содействие освобождению Миндсенти, участие в сговоре с ним и т. д. фигурировали как один из пунктов обвинительного заключения в судебном деле Имре Надя, казненного в 1958 году на основе ложных обвинений, инкриминировались также З. Тилди, который пережил арест и более двух лет находился в заключении.

В информационном сообщении о вынесении приговора И. Надю говорилось о том, что в целях обеспечения захвата власти сгруппировавшиеся вокруг него заговорщики вошли в соглашение даже с группами, представлявшими крайнюю реакцию, и дошли до реабилитации кардинала Миндсенти и поощрения его антикоммунистических настроений. Якобы именно после заключения соглашения с этой группой (при посредничестве Тилди) Миндсенти провозгласил 3 ноября по радио программу «капиталистической реставрации» (на самом деле кардинал явно дистанцировался от команды И. Надя, о чем см. ниже). Подробнее о судебном деле И. Надя см.: *Райнер Я. М.* Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

ми массами, что нашло отражение в свободной прессе тех дней, резолюциях многих собраний, заявлениях представителей разных политических сил.

В Будапеште Миндсенти сразу же включился не только в церковную, но и в политическую жизнь, пять дней его пребывания на свободе (30 октября — 3 ноября) были предельно насыщенными³⁴. В одной из первых подписанных после освобождения директив примас венгерской католической церкви отстранил от выполнения своих пастырских функций более 50 священнослужителей, активистов прокоммунистического движения священников за мир — кстати сказать, требования об их отстранении звучали и снизу.

Среди многочисленных партий, формировавшихся с конца октября после провозглашенной правительством Имре Надя свободы политических объединений, были и партии, ставившие во главу угла христианские ценности. В их программных декларациях, в целом довольно умеренных, фигурировали среди прочего требования о восстановлении христианских обществ, расширении культурно-просветительской деятельности церквей, даже о пересмотре в пользу церкви школьной реформы 1948 года; вместе с тем речь, как правило, не шла о возвращении ей земельной собственности, отобранной в ходе аграрной реформы весной 1945 года³⁵. Некоторые политики правохри-

.....
³⁴ Подробную хронику пяти дней пребывания Миндсенти на свободе (краткого «интермеццо» между неполными 8 годами ареста и 15 годами нахождения в здании посольства США в качестве политического беженца) см.: *Szabó Cs. Mindszenty József bíboros szabadon töltött napjai 1956-ban // AVH — Politika — 1956. Politikai helyzet és az állambiztonsági szervek Magyarországon*, 1956. Budapest, 2007. 223–234. о. См. также более общую работу о реакции венгерской католической церкви на события осени 1956 года: *Szántó K. Az 1956-os forradalom és a katolikus egyház*. Budapest, 1993. Из новых публикаций: *A katolikus egyház 1956*. Budapest, 2006.

³⁵ Включившись после 1945 года в политику и заняв крайне правый фланг на венгерской политической арене, Миндсенти дистанцировался и от наиболее влиятельных потенциальных своих союзников по антикоммунистическому лагерю, в частности, из правого крыла партии мелких сельских хозяев, а также от политиков демохристианской ориентации (И. Баранкович и др.), выступавших с более умеренных позиций. Эти политики, как правило, ориентировались на современные западные христианско-демократические доктрины; апологетика и стремление возродить традиции венгерского политического консерватизма эпохи Хорти не были для них характерны. Таковы же

Освобождение кардинала Миндсенти из мест заключения

стианского направления поднимали Миндсенти в качестве своего знамени, в определенных, впрочем, весьма маргинальных кругах получила хождение идея о том, чтобы избранное вследствие свободных выборов Национальное собрание поручило бы именно ему сформировать новое правительство³⁶. Это означало,

.....
были их программы при возрождении соответствующих партий осенью 1956 года: 1956 és a politikai pártok. Válogatott dokumentumok / Szerk. Vida I. Budapest, 1998. 437–490. о. Наиболее видной из партий, провозглашавших свою приверженность христианско-демократическим принципам, была демократическая народная партия, самораспустившаяся в начале 1949 года. 1 ноября правительство на своем заседании дало согласие на ее восстановление (См. протокол: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 490). Реорганизаторы партии выступили против любых попыток реставрации довоенного строя, а также пересмотра результатов национализации ключевых отраслей промышленности. «Мы не можем назвать христианской ни одну партию, если ей не присуще твердое намерение идти только вперед и никогда не поворачивать назад», — отмечалось в программном заявлении партии. См.: Там же. С. 492–493.

³⁶ См.: 1956 és a politikai pártok, 442. о., 495. о. На будапештских улицах можно было встретить и плакаты с требованием сделать Миндсенти премьер-министром. Такую перспективу, кстати говоря, не исключал и премьер-министр И. Надь, горячо доказывавший

что силы правой ориентации, пытавшиеся встать в оппозицию Имре Надю и создаваемому им правительству левоцентристской коалиции, увидели альтернативу в выдвижении кардинала на пост премьер-министра. Проект этот не получил, однако, поддержки самого главы венгерской римско-католической церкви. Принимая 2 ноября ряд деятелей, стремившихся возродить демократическую народную партию, в 1940-е годы придерживавшуюся христианско-демократической ориентации, Миндсенти дистанцировался от них, сославшись на свой надпартийный статус³⁷. Предложение ряда сторонников о выдвижении своей кандидатуры на пост премьер-министра кардинал однозначно отверг и таким образом сделал шаг к пресечению процесса складывания политической оппозиции вокруг собственной персоны.

Тем не менее в более левых кругах существовали серьезные опасения именно такого развития событий. Видная деятельница венгерской социал-демократии, в 1948–1956 годах находившаяся в опале, Анна Кетли выехала в начале ноября в Вену для участия в работе сессии Социнтерна. В своем выступлении перед западноевропейскими единомышленниками Кетли выражала озабоченность в связи с политической активизацией известного своей непримиримостью, жесткостью и глубоко консервативными убеждениями кардинала Миндсенти³⁸. При том, что даже в наиболее консервативных христианских политических кругах, желавших видеть кардинала в роли премьер-министра, не получили распространения требования радикального пересмотра системы собственности, Д. Келемен, избранный первым секретарем руководства возрождающейся социал-демократической партии, 2 ноября в беседе с послом Югославии в Венгрии Д. Солдатичем называл ближайшей перспективой для своей партии острую борьбу с той политической силой, которую поддержит и за которой будет стоять Минд-

.....
своим более радикальным соратникам, что проведение свободных выборов может в сложившейся обстановке привести к власти крайнюю реакцию в лице кардинала Миндсенти.

³⁷ Ibid., 440. о. Правда, в беседе с известным деятелем ПМСХ Б. Ковачем кардинал был несколько менее категоричен. По некоторым сведениям, он не скрывал от своего собеседника, что собирается принять участие в создании католической партии.

³⁸ Ibid., 170. о.

сенти³⁹. Речь шла отнюдь не только о партиях христианского направления. Они принимали участие в создании ее первичных парторганизаций, иногда придавая их деятельности ярко выраженный оппозиционный прежней власти и коммунистам характер. В рамках ПМСХ духовенство тяготело, как правило, к правому крылу возрождающейся партии. Вместе с тем роль священников в событиях не следует преувеличивать. Большинство из них вело себя довольно осторожно, в повсеместно возникавших национальных и революционных комитетах служители култов встречались довольно редко. Система отношений между государством и церковью, испытанная на прочность событиями 1956 года, оказалась достаточно устойчивой.

Хотя Миндсенти не связал себя напрямую с какой-либо определенной политической силой и не имел непосредственного отношения к созданию партий христианской ориентации, его активность вызывала тем большую обеспокоенность на левом фланге политической жизни Венгрии, что кардинал совсем не отказался от роли духовного лидера не только антикоммунистической, но — шире — антисоциалистической оппозиции. Об этом можно судить по его насквозь пронизанному политическими мотивами радиовыступлению 3 ноября⁴⁰. Вообще выступления Миндсенти в те дни были характерными программными документами именно правоконсервативного фланга на политической арене Венгрии, свидетельствовавшими не только о прежней бескомпромиссности кардинала в неприятии коммунистического режима, но вместе с тем об учете им геополитических реалий, а с другой стороны, о его чуткости к настроениям, социальным и политическим требованиям масс, о готовности, не поступившись принципами, вместе с тем до известной степени откорректировать свою позицию с учетом этих настроений.

Первое краткое выступление Миндсенти по радио состоялось еще 1 ноября. В тот же день правительство на своем заседании поручило вице-премьеру З. Тилди и заместителю

.....
³⁹ Ibid., 234. о.

⁴⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 538–541.

Кардинал Миндсенти перед микрофоном. 3 ноября 1956 года

министра обороны П. Малетеру встретиться с Миндсенти и уговорить его сделать «заявление в поддержку восстановления мира и порядка, а также в поддержку правительства»; независимо от них переговоры с кардиналом должен был провести председатель Президиума ВНР И. Доби⁴¹. Тогда же, 1 ноября, Тилди и Малетер посетили кардинала в его будапештской резиденции. Отдав дань уважения своему собеседнику, правительственные эмиссары попросили его высказаться за восстановление мира и порядка, прекращение забастовок. Обещали содействовать возвращению католической церкви части недвижимой собственности, ранее ей принадлежавшей, а также передаче ей здания, где до конца октября 1956 года находилось госуправление по делам церквей. О каком-либо выступлении непосредственно в поддержку нового правительства речи не шло⁴². Своеобразным ответом на эту просьбу явилась развернутая, в полном смысле этого слова программная речь Миндсенти, произнесенная вечером 3 ноября, транслировавшаяся по радио и привлекавшая огромный интерес общественного мнения, в том числе далеко за пределами Венгрии.

С самого начала кардинал во избежание любых кривотолков, связанных с выявлением его нового политического лица, заявил, что ему порывать с прошлым нет необходимости. Происходящее в Венгрии Миндсенти принципиально считал не революцией (в силу марксистских коннотаций этого термина он был неприемлем для убежденного и последовательного консерватора⁴³), а освободительной борьбой, продолжением многовековой традиции борьбы венгров за свободу, во имя полнокровного национального развития.

Во внешнеполитической части своего выступления Миндсенти акцентировал желание венгров «жить в дружбе со всеми народами и странами». Не только соотечественникам, но и их

.....
41 Там же. С. 490.

42 1956 és a politikai pártok, 282. o.

43 Интересно, однако, что другой церковный иерарх, кальвинистский архиепископ Л. Равас, все же назвал происходящее в Венгрии революцией — «во имя защиты национального достоинства венгров». См.: Significant Documents of the Hungarian Revolution of 1956. № 2. Budapest, 2006. P. 32.

ближайшим соседям, опасавшимся активизации в Венгрии ирредентистских настроений и возрождения территориальных претензий к другим государствам, были адресованы слова о необходимости пересмотра «старого национализма», о том, что национальное чувство, расцветающее «в сфере культурных ценностей, составляющих общую сокровищницу народов», должно стать «залогом мирного сосуществования на фундаменте истины». Кардинал то и дело возвращался к пониманию национализма как исключительно культурного феномена, тем самым снова отмежевываясь от требований пересмотра трианонских границ Венгрии, характерных для венгерского консервативного политического сознания межвоенной эпохи.

«В настоящей, а не искусственно провозглашенной дружбе», во взаимоуважении Венгрия, по заверениям Миндсенти, хотела бы жить не только с соседями, но и со сверхдержавами — в равной мере с США и СССР. В тот день, когда кардинал стоял перед микрофоном, по стране распространялись сообщения о вводе на венгерскую территорию новых военных соединений из СССР, правительство И. Надя еще 1 ноября обратилось в ООН с просьбой о поддержке в защите венгерского суверенитета. Миндсенти отдавал себе отчет в том, что положение Венгрии «решающим образом зависит от того, как намерена поступить двухсотмиллионная русская империя с военной силой, находящейся в наших границах». Глава венгерской католической церкви пытался заверить Москву, что, став нейтральной страной, Венгрия не даст «русской империи» поводов для кровопролития. Но не возникает ли у руководителей СССР мысль, что «мы проникнемся к русскому народу куда большим уважением, если он не будет держать нас под игмом?» — задавал свой риторический вопрос венгерский кардинал.

С точки зрения внешней политики выступление свидетельствовало о достаточно реалистическом понимании расклада сил на международной арене, адекватном представлении о существующем «поле маневров» для маленькой Венгрии, граничащей с СССР. В речи кардинала не было ничего оскорбительного, способного задеть самолюбие советских лидеров. Что же касается внутривнутриполитической части выступления Миндсенти,

то она оказалась более спорной и потенциально конфликтной, поскольку содержала ряд положений, способных вызвать острые возражения и недовольство, в частности, на левом фланге венгерской политической жизни.

Перейдя к характеристике внутреннего положения страны, кардинал справедливо обратил внимание на опасность экономической катастрофы и всеобщего голода, вызванную резким падением производства после начала восстания 23 октября. Он призвал народ незамедлительно взяться за восстановительные работы. Решение задач, стоявших на повестке дня, требовало, по его мнению, консолидации нации во имя жизни и заботы о насущном хлебе, никак нельзя было себе позволить, чтобы на первый план вышли межпартийные склоки и раздоры. В этой своей части выступление Миндсенти удивительным образом перекликалось с тем, что говорили и писали в те дни люди довольно далекие от него в политическом плане⁴⁴.

Вместе с тем, заявив, что режим насилия выстраивался начиная не с 1948 года — года установления монопольной власти коммунистов, — а уже с 1945 года, кардинал навел на резкость свои разногласия с теми левыми антисталинистски настроенными политиками, которые, независимо от партийной принадлежности, призывали к восстановлению левоцентристской коалиции 1945–1948 годов. Миндсенти требовал проведения свободных от злоупотребления выборов под международным контролем, всячески подчеркивая при этом свою внепартийность, надпартийность своего статуса.

Кардинал конкретизировал свою программу, которая, при всей устойчивости его политического лица последовательного консерватора, была, как оказалось, не чужда отдельным положениям христианско-демократической и даже христианско-социалистической доктрин — тезисы о предпочтительности бесклассового общества (!), развитии демократических традиций, о том, что частная собственность должна быть «разумно и справедливо ограничена социальными интересами» (!). Заявив, что не яв-

.....
⁴⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 487–490.

ляется противником исторически оправдываемого прогресса и «здорового развития во всех областях», Миндсенти к этому, как и подобает убежденному консерватору, не преминул добавить, что «венгерский народ считает естественной заботу об учреждениях с богатыми традициями и большими заслугами».

Подчеркнув свой особый общественный статус и внепартийность своего положения, кардинал вместе с тем довольно резко отмежевался от формировавшегося с конца октября коалиционного левоцентристского правительства во главе с коммунистом Имре Надем — причислив его членов, судя по контексту, к наследникам свергнутого венгерским народом режима, теперь клеймящим «раскаленным клеймом отрицания, презрения, позора и осуждения каждую его частицу». Не ограничившись неоднократно повторенными уничижительными откликами о наследниках рухнувшего режима⁴⁵, кардинал затронул вопрос и о привлечении к персональной ответственности всех, кого следует привлечь за свои несправедливые действия. В соответствии с законом, т. е. через независимые и надпартийные суды (мести по личным мотивам он призывал всячески избегать). В качестве информации для шести с половиной миллионов венгерских католиков он добавил, что по линии церкви уже ликвидируются «все следы насилия и обмана, свойственных рухнувшему режиму». Этот тезис вызвал в обществе разноречивые толкования: имел ли кардинал в виду только уже начавшееся отстранение от своих приходов священников, запятнавших себя слишком тесным сотрудничеством с режимом, или нечто большее, т. е., по сути дела, готовящуюся мобилизацию церкви на борьбу с государством за восстановление своих прежних позиций в полном объеме. Правда, несколько ниже кардинал конкретизировал: речь идет о восстановлении

.....
⁴⁵ Через 2 дня, 5 ноября, уже находясь в американском посольстве в роли беженца, Миндсенти на организованной пресс-конференции заявил, что считает свергнутое накануне правительство И. Нада законным правительством Венгрии: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok*. Budapest, 1995. 230. о. Это сильно задело Я. Кадара (главу нового, установленного при решающей поддержке Москвы правительства), который то и дело вспоминал в своих выступлениях о резко изменившейся позиции Миндсенти. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 690.

свободы обучения закону Божию, о возвращении католической церкви отнятых у нее учреждений и организаций, а также прессы. Не до конца ясно, заявил ли тем самым Миндсенти среди прочего претензии на возвращение церковной администрации школ, отнятых вследствие школьной реформы 1948 года. О возврате церкви земельных угодий речи явно не шло.

Как бы то ни было, выступление Миндсенти не слишком отвечало задачам консолидации венгерской политической жизни на какой-либо единой, компромиссной платформе. В кругах, составлявших левый политический фланг (не только в реформистских коммунистических кругах, но и среди социал-демократов, деятелей левых крестьянских движений и т. д.), предпочли акцентировать в речи кардинала реваншистские нотки⁴⁶. Насколько можно судить по имеющимся источникам, и в Ватикане выступление Миндсенти считали не слишком разумным. Оказавшись на свободе, «он должен был выйти на улицу и убеждать людей не прибегать к вооруженной борьбе и не проливать кровь», именно это должно было стать основным пафосом его выступления, а не сведение счетов с теми, кто его освободил⁴⁷.

Однако при том, что выступление Миндсенти мало способствовало успокоению общества, а скорее содействовало снижению популярности самого прелата, его можно рассматривать как свободно высказанное мнение в стране свободной от монополии одной политической силы. Переданное в 8 часов вечера 3 ноября, накануне решающей советской военной акции по

.....
⁴⁶ Significant Documents of the Hungarian Revolution of 1956. № 2. Budapest, 2006., pp. 31–33. Если сравнить речь Миндсенти с выступлениями других иерархов – реформатской церкви Л. Раваса, лютеранской церкви Л. Ордаша, видно, что последние были более умеренными. Иерархи других церквей, хотя и солидаризировались с борьбой за свободу нации, вместе с тем сделали больший акцент на необходимости прекращения кровопролития, насилия и незаконных расправ, недопущении хаоса, достижении национального единства в условиях кризиса. Равас также подчеркнул: «никто не должен думать и мечтать о восстановлении минувшего строя». О реакции представителей реформатской (кальвинистской) церкви на революцию см.: *Ladányi S. A magyar református egyház 1956 tükrében*. Budapest, 2000.

⁴⁷ Отзыв одного из кардиналов в беседе с представителем ИКП. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 476. Л. 81. (Информация о политике Ватикана, переданная из ЦК ИКП в ЦК КПСС. 26 марта 1957 года).

свержению правительства И. Надя, оно никак не могло повлиять на дальнейший ход событий⁴⁸. Вместе с тем продолжает оставаться дискуссионным вопрос: могли ли Миндсенти и его окружение реально претендовать на власть, выступив в роли правой альтернативы правительству И. Нады.

Такой возможности действительно, на наш взгляд, нельзя полностью исключать, поскольку другой харизматической фигуры, тем более такого масштаба, на правом фланге политической жизни не было⁴⁹. Это осознавалось и в окружении И. Нады. Как известно из работ венгерского полониста Я. Тышлера⁵⁰, во второй половине дня 3 ноября, т. е. тоже за считанные часы до решающего наступления Советской армии, состоялась последняя встреча Имре Нады с польским послом А. Вильманом. Венгерский премьер-министр среди прочего просил, чтобы кардинал С. Вышиньский, беспрецедентным в истории польского католицизма образом проявивший в тех конкретных условиях готовность к компромиссу с коммунистом В. Гомулкой, повлиял на куда менее гибкого кардинала Й. Миндсенти в интересах урегулирования ситуации в Венгрии. Речь Миндсенти от 3 ноября действительно довольно резко контрастировала с программными выступлениями Вышиньского.

Достаточно серьезно относились к Миндсенти как альтернативе правительству И. Нады в американской администрации. 1 ноября на заседании Совета национальной безопасности США директор ЦРУ Аллен Даллес (родной брат тогдашнего госсекретаря США Джона Фостера Даллеса) в очередной раз подверг сомнению способность Имре Нады контролировать внутривнутриполитическую ситуацию в Венгрии и указал в этой

.....
⁴⁸ В этом можно согласиться с Тибором Мераи, автором одной из первых серьезных книг о венгерской революции 1956 года, впервые опубликованной еще в 1958 году: *Merau T. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года.* М., 2007. С. 193.

⁴⁹ В этой связи показательным, что после свержения правительства И. Нады и укрытия Миндсенти в американском посольстве правый фланг политической оппозиции не проявил себя в каких-либо заметных публичных выступлениях, тон задавали рабочие советы, а также интеллектуалы социалистической и леволиберальной ориентации.

⁵⁰ *Tischler J. Lengyelország és Magyarország 1956-ban // «Tizenhárom nap, amely...» Tanulmányok az 1956-os forradalom és szabadságharc történetéből.* Budapest, 2003. 86.o.

связи на кардинала Миндсенти как на фигуру, которая, по его мнению, в большей мере была бы способна получить широкую общественную поддержку⁵¹.

Боясь утраты своих геополитических преимуществ в Венгрии, советское руководство, хотя и не без колебаний, избрало, как известно, силовой способ разрешения кризиса⁵². В ночь на 4 ноября, ближе к утру, кардинал приехал в здание парламента на пештской стороне Дуная — в нем располагалось правительство. Он не чувствовал себя в безопасности в пустом и плохо освещенном будайском архиепископском дворце, хотел также выяснить, что происходит в городе. Наступающие советские танки были на подступах к Будапешту. Имре Надя в здании парламента уже не было — он укрылся в югославском посольстве. Второй по своему реальному влиянию человек в кабинете министров, бывший протестантский священник Золтан Тилди при встрече с наиболее жестким оппонентом действующего правительства, насколько можно судить по мемуарам кардинала, заявил, что может гарантировать примасу безопасность лишь в той степени, в какой располагает ею сам. В свое время, в 1946 году, Миндсенти резко возражал не только против провозглашения Венгрии республикой, но и против избрания слишком левого Тилди ее первым президентом, но в эту ночь не было никакого смысла припоминать старые обиды.

С вторжением советских войск в Будапешт ранним утром 4 ноября кардинал Миндсенти, в отличие от И. Нады и ряда других коммунистических политиков, укрывшихся в посольстве титовской Югославии, нашел убежище в близлежащем от парламента здании американской миссии — поступок сам по себе едва ли способствовавший повышению авторитета кардинала в среде верующих⁵³. Это обстоятельство очевидно сыграло свою роль

.....
⁵¹ *Machcewicz P.* Lengyelország az Egyesült Államok külpolitikájában, 1956 // 1956-os Intézet. Évkönyv V. 1996/1997. Budapest, 1997. 100. o.

⁵² *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 3

⁵³ В Ватикане некоторыми иерархами поступок Миндсенти был воспринят как проявление (и уже не первое) им малодушия, компрометирующее католическую церковь: «Основным и строжайшим законом Ватикана является то, что в случае восстаний, войн

в том, что в политике Ватикана довольно быстро возобладала линия на компромисс с правительством Кадара. Это проявилось среди прочего в согласии на восстановление в прежних должностях священнослужителей, уволенных Миндсенти. В начале мая 1957 года начальник управления по делам церкви ВНР признал в беседе с советским дипломатом, что Ватикан проводит в отношении венгерской католической церкви довольно реалистическую политику, учитывает ситуацию в стране⁵⁴. В свою очередь человек из окружения папы Пия XII заявил в частной беседе, что в Ватикане отнюдь не занимают непримиримой позиции применительно к новому венгерскому режиму, требуют только минимальной автономии католической церкви и создания нормальных условий для отправления культа⁵⁵.

Прецедент предоставления американской дипломатической миссией политического убежища иностранному гражданину, независимо от масштаба и значимости той или иной политически активной персоны, был достаточно уникален для того времени. Предоставив венгерскому кардиналу возможность получить укрытие на территории посольства, американская дипломатия в Будапеште действовала явно вразрез с обычной своей практикой в услови-

и других подобных событий все служители церкви, начиная с епископа и кончая церковным сторожем, не должны ни по какой причине покидать свой пост, а должны делить судьбу со своей паствой, т. е. с верующими» (Информация о позиции и о политике Ватикана, переданная из ЦК ИКП в ЦК КПСС. 26 марта 1957 года). РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 476. Л. 80. Предшественник Миндсенти кардинал Ю. Шереди зимой 1945 года оставался на своем посту, когда Красная армия заняла Эстергом. Соответственно, и Миндсенти «не должен был оставлять своего поста, что бы ни случилось. Он должен (был) вынести все, но не оставлять своих верующих и духовенство и должен (был) разделить их судьбу». Подумав в первую очередь о собственной безопасности, кардинал «забыл основную заповедь церкви о том, что к любому правительству, даже самому худшему, следует относиться... терпимо и с уважением. В любом положении, даже самом трудном, всегда есть возможность найти с правительством минимальное взаимопонимание, которое позволит жить и существовать до тех пор, пока не изменятся события» (Там же. Л. 80–81). Оказавшись не на высоте положения, Миндсенти мог бы, по мнению одного итальянского кардинала, спасти свою репутацию лишь одним поступком: «явиться к властям своей страны и принять на себя последствия этого» (Там же. Л. 81). Руководствуясь такой позицией, Ватикан фактически устранился от участия в вынуждении Миндсенти, проявляя заботу лишь о судьбах верующих католиков в Венгрии. 54 АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Том 2. Л. 110–112.

55 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 476. Л. 82.

ях внутривластных кризисов в странах пребывания⁵⁶. Другой венгерский политик, деятель партии мелких сельских хозяйств Бела Ковач, также обращался в посольство США с просьбой об убежище, но получил отказ, что было более естественным. Предоставление Миндсенти укрытия в сложившихся обстоятельствах не было безупречным и с точки зрения международного права — оно давало основания для обвинений во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства (учитывая внутривластную активность кардинала). С первых же недель пребывания кардинала в здании миссии тяготило американскую дипломатию, искавшую пути разрешения неожиданно возникшей проблемы⁵⁷. И едва ли кто-нибудь в ноябре 1956 года мог предположить, что его пребывание там затянется на 15 лет, став камнем преткновения на пути урегулирования отношений Венгрии с США.

В Москве, где Миндсенти рассматривался как один из вождей венгерской «контрреволюции», поначалу вынашивались планы похищения кардинала из здания американской миссии⁵⁸. Однако вскоре они были отброшены. Арест Миндсенти, в том числе и в случае его добровольного выхода из здания американского

.....
⁵⁶ В Вашингтоне это хорошо понимали. Через несколько лет, в 1961 году, тогдашний госсекретарь США Д. Риск указывал на это в письме на имя президента Дж. Кеннеди. См.: *Borhi L. «We Hungarian Communists are Realists»: Janos Kádár's Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967 // Cold War History. London. Vol. 4. № 2 (January 2004). P. 29.*

⁵⁷ Это заметили и советские эмиссары, находившиеся в ноябре 1956 года в Венгрии и помогавшие правительству Я. Кадара в «наведении порядка» (См.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция*). Согласно имеющимся данным, «американское посольство в Будапеште начинает тяготить присутствие кардинала Миндсенти в миссии. Получив отказ от венгерского правительства в предоставлении возможности вывоза Миндсенти из страны, американцы обратились за помощью к Папе Римскому, который также отказался помочь в этом деле» (Из донесения председателя КГБ И. А. Серова от 27 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середина, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 704).

⁵⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середина, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 704. К разработке этих планов был непосредственно причастен председатель КГБ И. А. Серов, в ноябре почти безвыездно находившийся в Будапеште. В американскую миссию к Миндсенти предполагалось направить агента с предложением о его нелегальном вывозе из страны. В случае если бы кардинал принял это предложение, его можно было бы задержать после выхода из здания.

диппредставительства, был весьма нежелателен для правительства Я. Кадара, так как вызвал бы новую волну протестов в венгерском обществе, прилив ненависти к незаконной власти. Кроме того, представ опять в роли мученика, кардинал дал бы лишний повод для усиления в мире направленной против режима Кадара пропаганды, а это было нежелательно в условиях поиска выхода кадаровской Венгрии из внешнеполитической изоляции. Проблематичным было бы также оставление кардинала на свободе: по всей вероятности, он не отказался бы от политической деятельности и не только мобилизовал бы католическую церковь на сопротивление властям, но и стал бы центром притяжения для широкого спектра оппозиционных сил. Как минимум он отчаянно мешал бы продвинуть на видные позиции лояльных коммунистическому режиму и приемлемых для него священников. Интернировать кардинала при всей политической нецелесообразности этого шага, вероятно, пришлось бы, что вызвало бы в мире крайне негативный резонанс. Что же касается разрешения на выезд за границу, то и оно было не совсем желательным, ибо в сложной внутривнутриполитической обстановке 1957 года могло быть воспринято и дома, и за рубежом как проявление политической слабости правительства Кадара, потеря лица. Помимо всего прочего пребывание ярого врага режима под американским «крылышком» было удобно тем, что всегда могло дать повод для дежурных антиамериканских и антизападных заявлений, когда в них появлялась необходимость. Предпочтение, таким образом, отдавалось статус-кво — в любом другом качестве, кроме амплуа политического беженца, нашедшего пристанище в американском посольстве, Миндсенти был бы для венгерских властей еще менее удобен.

В начале мая 1957 года функционер, стоявший во главе венгерского государственного управления по делам церквей, довольно откровенно говорил советскому дипломату: в отношении Миндсенти венгерское правительство, в сущности, устраивает существующее положение, при котором кардинал фактически находится в изоляции, в отрыве от своих сторонников, а вся ответственность за его поведение ложится на американскую сторону. Именно потому, что статус-кво для венгерской стороны

был в принципе до поры до времени приемлем, она отвергла предложенное югославским посольством посредничество в урегулировании вопроса о Миндсенти⁵⁹. Своим пребыванием на территории американской миссии кардинал доставлял больше неудобств США, чем новому венгерскому правительству, хотя и в случае освобождения прибавил бы американцам хлопот в силу своей непредсказуемости.

Зная желание американцев избавиться от кардинала, пусть и не афишируемое публично, венгерская сторона со временем согласилась превратить дело Миндсенти в предмет торга с США. Дипломатия ВНР не скрывала от советского посольства своих намерений: МИД Венгрии не будет возражать против выезда Миндсенти за рубеж, если США пойдут на свертывание антивенгерской пропагандистской кампании, урегулирование многих спорных вопросов в двусторонних отношениях⁶⁰. Проявив уже в 1957 году готовность пойти на переговоры относительно выезда Миндсенти за рубеж, венгерская сторона взамен собиралась получить гарантии, что ему не дадут возможности делать публичные политические заявления, которые, как легко можно было себе представить, носили бы остро враждебный кадаровскому правительству характер. При этом венгерские власти никак не хотели показать свою заинтересованность в скорейшем его выдворении за пределы страны. Напротив, они искали способ дать Западу понять, что в интересах разрядки готовы пойти на большую уступку в «деле Миндсенти», и ждали первого шага от американцев, которые в свою очередь не хотели завышать цену за освобождение кардинала.

Решение проблемы было к тому же невозможно без компромисса со стороны самого Миндсенти (его маловероятного отказа от публичной политической деятельности). В Будапеште ждали большего и от Ватикана — хотели, в частности, чтобы Миндсенти был освобожден от обязанностей архиепископа Эстергомского, а значит и главы венгерской католической церкви. Однако

⁵⁹ АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Том 2. Л. 110.

⁶⁰ Там же. Л. 110–112. Подробнее о роли проблемы Миндсенти в развитии венгерско-американских отношений см.: *Borhi L.* «We Hungarian Communists are Realists»: Janos Kádár's Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967.

в Ватикане при всем недовольстве поведением кардинала в дни венгерских событий не торопились принять такое решение, которое в глазах мирового общественного мнения выглядело бы как неоправданная уступка режиму, установленному вследствие внешнего силового вмешательства и проводящему репрессии против своих оппонентов.

Проблема Миндсенти зашла, таким образом, в тупик. Но пользуясь изоляцией несговорчивого кардинала, режим Кадара получил полную свободу рук в осуществлении своей церковной политики. Как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические обстоятельства, и в том числе нежелание обострять отношения с Ватиканом, заставляли новые венгерские власти, не обладавшие в то время сколько-нибудь значительной общественной поддержкой, проводить осторожный, компромиссный курс, избегая конфронтации с миллионами верующих. В одном из программных документов кадаровского правительства — декларации, опубликованной 6 января 1957 года, говорилось об обеспечении свободы религии⁶¹. Государство обязалось соблюдать заключенные ранее с церквями соглашения, решать путем переговоров все возникающие спорные вопросы, обещало создать условия для беспрепятственного факультативного обучения детей основам религии. Миндсенти упоминался в документах конца 1956 — начала 1957 года как один из представителей «контрреволюционных» сил, его ноябрьское решение об освобождении от исполнения своих функций участников движения священников за мир называлось недопустимым преследованием людей за их прогрессивные политические убеждения. Вместе с тем о роли церковных институтов, «клерикальной реакции» в развязывании «контрреволюции» речь, как правило, не заходила — государство ожидало от священнослужителей встречных шагов в интересах консолидации положения в стране. Правда, в декларации от 6 января содержалась важная оговорка о том, что правительство не потерпит использования церковных организаций в антигосударственной деятельности⁶².

.....
⁶¹ Népszabadság. 1957. 06. 01.

⁶² Как бы то ни было, декларированная правительством бесконфликтность в отношениях с церквями вызвала недовольство такого жесткого ортодокса, как бывший партийный лидер М. Ракоши, находившийся в это время в Москве. В письме от 9 января

Некоторое ужесточение в церковной политике имело место весной 1957 года, когда в партийном руководстве пришли к выводу о том, что «клерикальная реакция», воспользовавшись рядом уступок со стороны государства, предприняла в школах под предлогом обучения вере атаку против «народно-демократического строя»; особую озабоченность вызывало сильное влияние церкви на молодежь. Зная о лояльности многих священников своему кардиналу, 7 марта 1957 года госуправление по делам церкви обнародовало указ, согласно которому Миндсенти больше не выполняет своих функций главы католической церкви Венгрии и любое следование священнослужителей его распоряжениям квалифицируется как действие, вступающее в противоречие с государственным законодательством. В апреле, опасаясь многотысячных шествий, власти запрещают крестный ход. Однако уже в мае правительство разрешает выход католических печатных изданий, приостановленных в ноябре 1956 года.

Указ Президиума ВНР 1957 года в сравнении с предыдущими указами от 1948 и 1950 годов предполагал еще большее вмешательство государства во внутренние дела церквей. В частности, власть отныне вмешивалась в процесс назначения не только епископов, директоров церковных школ, настоятелей малочисленных монастырей, но и приходских священников — проверялась благонадежность, проявленная осенью 1956 года. Но уже в 1958 году доминирующей становится компромиссная линия. В постановлении ЦК ВСРП от 22 июля отмечалось, что нельзя проводить знак равенства между чуждым марксизму религиозным мировоззрением и враждебной политической деятельностью клерикальной реакции. Утверждалось, что провозглашенная политика народного фронта предполагает союз атеистов и верующих в интересах укрепления народной демократии. По сути дела, это был такти-

.....
1957 года, адресованном в ЦК КПСС, он жаловался на продолжающиеся в церковной среде бойкот и преследования верных «народной демократии» священников и выражал неудовольствие по поводу того, что в прессе слишком широко было, по его мнению, отмечено Рождество, а венгерское радио можно было вполне принять за радио Ватикана — столько проповедей, богослужений, рождественских песен: *Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárából* / Vál. V. Szereda, A. Sztikalin. Budapest, 1993. 205–215. o.

ческий шаг, направленный на нейтрализацию противодействия церкви проводимой коллективизации⁶³. Реалистическая позиция католической иерархии во главе с Й. Гресом, ее готовность соблюдать правила игры⁶⁴ в свою очередь вели к снижению конфронтационности, хотя случаи преследования священников за деятельность, направленную против режима (подстрекательство и т. д.), неоднократно имели место, способствуя попятным движениям в церковной политике⁶⁵.

Что же касается дела Миндсенти, то некоторый шанс в его урегулировании представился со смертью папы Пия XII 9 октября 1958 года. Уже на следующий день посольство США в Италии отправило в госдепартамент письмо, в котором предложило связаться со Святейшей коллегией, чтобы та настояла на выезде Миндсенти в Рим для участия в выборах нового папы. Не дожидаясь ответа из Вашингтона, посольство предприняло необходимые шаги. В результате из Ватикана в Будапешт было послано приглашение для Миндсенти. Американская дипломатия надеялась, что венгерское правительство разрешит примасу выехать, получив гарантии, что он не будет заниматься политической деятельностью. Однако правительство ВНР переоценило соб-

.....
⁶³ Идеолог ВСРП Д. Каллаи говорил в июне 1958 года советскому дипломату: нам нет никакой выгоды отталкивать верующих, преданных народной демократии, мы не собираемся стеснять религиозность; конечно, мы «будем и дальше пропагандировать материалистическое мировоззрение, но ни попам, ни верующим никаких препятствий для религиозной деятельности не будут до тех пор, пока не увидят проявлений клерикализма, стремления к установлению власти церкви в общественной жизни» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 58. Л. 53).

⁶⁴ Так, 29 августа 1957 года католический епископат в надежде на освобождение двух епископов, находившихся в заключении, принял резолюцию, осуждающую рассмотрение «венгерского вопроса» в ООН. Секретарь ЦК ВСРП Д. Каллаи с удовлетворением говорил советскому дипломату, что у государства складываются ясные и честные отношения с католической иерархией. Когда «такой-то поп занимается не тем, чем он должен заниматься как священнослужитель», мы ставим перед Гресом вопрос: «будет ли лучше, Ваше преосвященство, если вы его прогоните в шею... или это придется сделать нам самим. Положение таково, что Грес вполне правильно считает наиболее желательным первый вариант» (Там же. Л. 54).

⁶⁵ Egyházüldözés és egyházüldözők a Kádár-korszákban. Budapest, 2010. Две волны арестов и обысков прошли в ноябре 1960 года и феврале 1961 года, затронув священников, которых считали неблагонадежными. 34 священнослужителя лишились в это время своих приходов.

ственные возможности, завывсив цену своей уступки. Оно надеялось, что с выездом кардинала из Венгрии будет снят венгерский вопрос с повестки дня ООН, а поняв, что этого не произойдет, отвергло предложение, сославшись на то, что вопрос о Миндсенти — это внутреннее дело Венгрии; его судьба как гражданина Венгрии не может стать предметом внешнеполитической сделки, только лишь венгерские компетентные органы вправе решать, надо ли его судить, можно ли выпустить за границу и т. д. Торг не состоялся. Возможность решения проблемы была упущена, само предложение по поводу выезда Миндсенти было использовано в пропагандистском плане для обвинений США во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства⁶⁶. В Вашингтоне пришли к выводу, что венгерское правительство в целом удовлетворено существующим положением и считает, что для США оно создает больше неудобств, чем для Венгрии.

Правда, уже в следующем 1959 году в позиции руководства ВНР произошли некоторые подвижки. С тем чтобы все-таки добиться снятия «венгерского вопроса» с повестки дня ООН, было признано необходимым заняться решением проблемы Миндсенти, но без принципиальных уступок и ущемления престижа Венгрии. Предполагалось выступить перед США с соответствующей инициативой после принципиально важной встречи Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра, намеченной на май 1960 года (венгерско-американские отношения находились в прямой зависимости от советско-американских). Однако встреча не состоялась: помешал американский самолет-разведчик, сбитый в небе над Уралом 1 мая 1960 года. Советско-американские отношения временно ухудшились, и вопрос повис в воздухе. Предложение о снятии в обмен на Миндсенти «венгерского вопроса» с повестки дня ООН опять-таки свидетельствовало о переоценке

.....
⁶⁶ Borhi L. «We Hungarian Communists are Realists»: Janos Kádár's Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967; Borhi L. Iratok az 1956–1958 közötti amerikai-magyar viszony történetéhez // Történelmi Szemle. 1998. № 3–4. 341–380. о. Кстати, сам Миндсенти, с которым связались, не очень-то хотел уезжать, согласился с предложением лишь после долгих уговоров. Посольство США в Будапеште доносило в Вашингтон, что поведение гостя не облегчает решение проблемы и только Ватикан может повлиять на него.

режимом Кадара своих возможностей, о занижении цены. Вопрос был действительно снят в феврале 1963 года, но цену пришлось платить иную и значительно большую — провести крупномасштабную амнистию арестованных участников событий осени 1956 года. Дело же Миндсенти не сдвинулось с мертвой точки и на этот раз.

В последующем обе стороны рассматривали вопрос о Миндсенти как главный камень преткновения на пути улучшения венгеро-американских отношений. Сам кардинал, к мнению которого и в США, и в Ватикане, впрочем, все менее прислушались⁶⁷, делал все возможное для того, чтобы воспрепятствовать процессу их нормализации. В 1966 году в знак признания результатов проведенной режимом Кадара внутривластной либерализации госдепартамент США проявил инициативу поднять уровень дипломатического представительства, обменявшись с Венгрией теперь уже не посланниками, а послами. Миндсенти резко протестовал против этого, угрожая покинуть посольство и передать себя в руки первого встречного венгерского полицейского. Для того чтобы удержать его от подобных поступков, пришлось прибегнуть к услугам приехавшего в Будапешт спецпредставителя Ватикана кардинала Казароли. И в США, и в Ватикане после этого утвердились во мнении, что гарантировать «молчание» Миндсенти после его отъезда на Запад чрезвычайно трудно⁶⁸. В ходе одной из встреч с венгерским представителем госсекретарь США Д. Раск признал, что Миндсенти для США при осуществлении венгерской политики подо-

⁶⁷ Миндсенти направил немало писем в американские государственные структуры и непосредственно президентам США, на некоторые письма получил ответ. См.: *Somorjai Á. — Zinner T. Szeizmograt a Szabadság téren. Mindszenty bíboros levelezése az USA elnökeivel és külügyminisztereivel. 1956–1971. Budapest, 2010.* О его отношениях с Ватиканом см.: *Somorjai Á. Ami az emlékiratokból kimaradt VI Pál és Mindszenty József. 1971–1975. Pannonhalom, 2008.*

⁶⁸ *Borhi L. «We Hungarian Communists are Realists»: Janos Kádár's Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967.* В июле 1963 года Кадар в ходе визита в СССР встретился с находившимся там заместителем госсекретаря США А. Гарриманом. Во время беседы, состоявшейся в присутствии Н. С. Хрущева, венгерский лидер заметил, что главное условие выпуска Миндсенти из Венгрии — получение твердых гарантий, что он откажется от публичных заявлений.

бен кости в горле, тогда как временный поверенный США был еще менее дипломатичен в оценках: «что нам прикажете с ним делать — уж не отравить ли нам его?» — саркастически спросил он венгерского дипломата⁶⁹. Вообще покидать Венгрию, а значит, здание американского посольства в Будапеште кардинал не очень-то хотел, заявляя, что это вызовет непонимание паствы и будет расценено как отступление, сдача позиций.

Упорство и непреклонность кардинала находились в прямой зависимости от состояния его здоровья. Сделку удалось совершить только в 1971 году — Миндсенти покинул родину 28 сентября. Платой за освобождение 80-летнего кардинала явилось твердое обещание возвратить венгерскому правительству национальную реликвию венгров — корону «святого Иштвана», попавшую в США в конце Второй мировой войны (правда, реально она вернулась в Венгрию только в январе 1978 года). Случилось то, против чего Миндсенти возражал еще в 1947 году, настаивая на том, чтобы корона находилась в Ватикане до тех пор, пока в его родной Венгрии коммунисты не будут изгнаны из власти. В Вашингтоне смотрели по-другому — готовность вернуть корону подавалась как награждение режима Кадара за политическую либерализацию и попытки экономических реформ. Выехав из Венгрии, через некоторое время Миндсенти был освобожден Ватиканом от обязанностей главы венгерской католической церкви. В последние годы жизни, живя в австрийском монастыре, кардинал работал над мемуарами⁷⁰. При всем их крайнем субъективизме, они интересны для понимания характера и системы взглядов этого радикального в своих убеждениях консерватора.

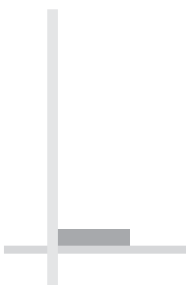
.....
69 См.: Там же. Вашингтон неоднократно обращался в МИД Италии с просьбой предоставить кардиналу убежище в итальянском посольстве, но итальянцы тоже не хотели взваливать на себя такой груз. См. подробнее: *Pankovits J. A Mindszenty-kérdés és a magyar-olasz kapcsolatok (1956–1977)* // *Múltunk*. 2004. № 1. См. также о посреднической миссии австрийского кардинала Кёнига, неоднократно приезжавшего в Будапешт, чтобы повлиять на Миндсенти: *Pallagi M. «Az osztrák kapcsolat»*. Franz Köni g bécsi bíboros látogatásai Mindszenty József hercegprímásnál (1963–1971) // *Aetas*. 2010. № 1.

70 *Mindszenty J. Emlékirátaim*. Budapest, 1990 (на Западе впервые были опубликованы в 1974 году).

В 70 км от Будапешта, близ словацкой границы расположен на высоком берегу Дуная живописный город Эстергом, резиденция глав католической церкви Венгрии. В подземельях кафедрального собора Эстергома находится склеп — окончив свой земной путь, там с давних пор переселяются в лучший из миров венгерские кардиналы. Традиция была временно прервана лишь в 1975 году: почивший в Австрии Йозеф Миндсенти был погребен на одном из монастырских кладбищ по другую от его родины сторону реки Лейты, разделявшей венгерскую и австрийскую половины двуединой монархии в последние десятилетия правления глубоко чтимых им Габсбургов. Но отведенная ему ниша в склепе пустовала недолго. Уходила в прошлое эпоха социализма. В конце 1980-х годов, еще при жизни Кадара, оппозиционные силы поставили вопрос о перезахоронении Миндсенти. В мае 1990 года состоялась торжественная процессия, и бранные останки мятежного кардинала нашли свое, теперь уже окончательное, пристанище в родной венгерской земле.

**Венгерский кризис
1956 года:**
к вопросу о роли
журналистского
сообщества

*Тирания на первый взгляд —
 Это топот тысяч солдат,
 Это толща тюремных стен,
 Заключающих тело в плен.
 Это следователь за столом,
 Это крик во мраке ночном,
 Это конвоир, коридор,
 Это суд, скамья, прокурор /.../
 Только цепь сковав из нас всех,
 Закрепила она успех.
 Как сбежать от зловещей тьмы?
 Тирания — это ведь мы /.../*

(Дюла Ийеш. Одной фразой о тирании // Irodalmi Újság. 1956. 2 ноября)¹

Как и подобает значительному историческому событию, привлечшему большое внимание в мире и заставившему обе сверхдержавы скорректировать свою дальнейшую восточноевропейскую политику, венгерский кризис 1956 года стал предметом обширной меж-

.....
¹ Стихотворение классика венгерской литературы Д. Ийеша было написано в 1950 году, но впервые опубликовано в бесцензурной прессе в дни революции 1956 года. Дало название первой антологии венгерской революционной публицистики 1956 года, вышедшей в 1957 году на Западе (One Sentence on Tyranny: Hungarian Literary Gazette Anthology / Ed. by Gy. Paloczi-Horvath. London, 1957). Дается в переводе А. Грибанова.

дународной историографии². Продолжаются дискуссии о характере венгерских событий октября — ноября 1956 года. Массовый размах народного движения, радикализм лозунгов и действий восставшей молодежи, а самое главное, произошедший в течение считанных дней распад сверху донизу по всей стране существующих властных партийно-государственных структур и начавшееся формирование новой, плюралистической политической системы — все это дало многим исследователям основания говорить о революции³. Речь может идти о национально-демократической по своему содержанию революции, ибо постановка общедемократических внутриполитических и социальных задач дополнялась требованиями восстановления подлинного национального суверенитета.

Выявление характера любого массового движения предполагает постановку вопроса о его движущих силах, который начал обсуждаться неравнодушными наблюдателями буквально со второго дня венгерских событий. По мнению Н. С. Хрущева, высказанному 24 октября 1956 года на срочно созванном совещании с лидерами ряда европейских социалистических стран, «судя по всему, почву для путча подготовили писатели, а студенты их поддержали», население же «в общем и целом ведет себя пассивно»⁴. Уверенность Хрущева в том, что, по

² 1956 kézikönyve. II. Bibliográfia / Szerk. Hegedűs B. A. Budapest, 1996. Наиболее полная к моменту своего выхода библиография по теме была подготовлена к 40-летию событий. Более поздние работы нашли отражение в библиографиях, которые регулярно публиковались в ежегодниках будапештского Института по изучению революции 1956 года. (1956-os Intezet Évkönyv).

³ В англоязычной литературе наиболее распространенным является слово *revolt*.

⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 364. Впоследствии, по мере дальнейшего развития ситуации в Венгрии Хрущев не мог, конечно, не откорректировать свою позицию и, в частности, признать активное участие в событиях не только интеллигенции и студенчества, но и рабочего класса. Этому он дал свое объяснение. «Говорили и продолжают говорить, что в Венгрии произошла не контрреволюция, а настоящая революция, потому что в ней приняло участие много трудящихся. Это, конечно, верно, и этого нельзя отрицать. Но мы знаем, по опыту нашей гражданской войны, что тогда тоже часть народа была против нас. Это, конечно, не значит, что те, кто составлял эту часть, были правы... Во всех странах, во все эпохи находятся люди, которые не осознают своего классового долга. Так случилось во время нашей гражданской войны... Так случилось теперь в Венгрии» (Изложение корреспондентом итальянской газеты «Messagero» сво-

сути, именно творческая интеллигенция спровоцировала венгерскую «контрреволюцию», в его однозначном понимании сущности тех событий, заставляла его неоднократно обращаться к этой теме в беседах с советскими деятелями культуры в целях предостережения⁵. Глубокое изучение в последние десятилетия венгерскими историками социального состава массового движения не столько разоблачает миф, которым жил Хрущев, сколько позволяет получить более адекватное представление о роли некоторых категорий творческой интеллигенции в событиях.

Как и любое неординарное историческое явление, венгерская революция породила яркую публицистику, прекрасно передающую духовную атмосферу «будапештской осени», исполненную одновременно пафоса и трагизма⁶. Вместе с тем опыт функционирования печати и радио в Венгрии 1956 года интересен и в другом плане — как дающий пищу для размыш-

.....
ей беседы с Н. С. Хрущевым на дипломатическом приеме 5 января 1957 года. См. пересланный в аппарат ЦК КПСС из посольства СССР в Италии перевод репортажа о встрече с Хрущевым: Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 73).

⁵ Долматовский Е. «Я из-за тебя ночь не спал...» // Родина. 1992, № 3. Когда 22 октября состоявшееся в Центральном Доме литераторов в Москве обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» вылилось в критические выступления ряда писателей против идейного наследия сталинской эпохи, а на следующий день из Будапешта пришли сообщения о многотысячных митингах, в конце концов переросших в вооруженные столкновения, разгневанный Хрущев в промежутке между почти не прекращавшимися в те дни заседаниями Президиума ЦК вызвал к себе руководителей Союза писателей и, устроив им головоломку, кричал о международном заговоре писателей против социализма. Через полгода первый секретарь ЦК КПСС снова вернулся к этой теме. См.: «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н. С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 года. // Источник, 2003. № 6. С. 77–88. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись на это выступление незамедлительно. «Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов», — вспоминал писатель В. Каверин (Оттепель 1957–1959. Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 75).

⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Некоторые яркие образцы венгерской публицистики 1956 года доступны на русском языке в совершенных переводах Ю. Гусева и В. Середы.

лений о роли средств массовой информации в условиях кризиса политической системы, заведомо не допускающей плюрализма и тем самым исключающей адекватное выражение интересов отдельных социальных групп. Не парламентская трибуна и другие представительные органы, формирующиеся, как правило, из ставленников власти, а в большей мере именно пресса способна выступить в качестве подлинного рупора общественных настроений и даже в обстановке сохраняющегося контроля над печатным словом пробить брешь в стене тотально насаждаемого единомыслия. Будучи наиболее мобильными, чувствительными к изменениям духовного климата в обществе институтами, пресса и радио, реагируя на общественное мнение и в свою очередь формируя его, сохраняют определенную способность влиять на события не только при подспудном протекании кризиса, но, до известной степени, и в условиях митинговой стихии, когда недовольство масс прорывается на улицу. В этой связи встает вопрос и о роли профессионального журналистского сообщества как одного из неотъемлемых институциональных элементов любого общественно-политического пространства в новейшее время.

Вступив вместе с СССР и под давлением СССР⁷ в условиях апогея «холодной войны» в изнурительную гонку вооружений, Венгрия переживала к 1953 году серьезные экономические трудности. Если в 1947–1948 годы в стране были в основном завершены послевоенные восстановительные работы, преодолена глубокая инфляция и начался подъем в экономике, то разорительная индустриальная гигантомания начала 1950-х годов, поглощая огромные средства, повела к новой стагнации. Назревавшее недовольство населения

⁷ Исторический архив. 1997. № 3, 4, 5–6; 1998. № 3, 5–6; 1999. № 1. В начале 1951 года Советский Союз, как известно, настоял на резком увеличении затрат на вооружение в странах «народной демократии». О январской встрече у Сталина, посвященной этой теме, историкам известно не в последнюю очередь из требующих к себе весьма критического отношения мемуаров венгерского лидера М. Ракоши, публиковавшихся и в России. Есть также источники польского и румынского происхождения. Наиболее полный, на наш взгляд, — это запись, которую выполнил по итогам встречи министр обороны Румынии Э. Боднэраш (Document. Buletinul arhivelor militare române. Bucuresti, 1998. № 2–3).

жизненным уровнем могло принять открытые формы протеста, что создавало угрозу дестабилизации политического режима. Всерьез обеспокоенные ситуацией в Венгрии, преемники Сталина по руководству КПСС, опасаясь эксцессов, дали зеленый свет корректировке экономического курса. Новый премьер-министр И. Надь выступил летом 1953 года с программой, предполагавшей снижение темпов индустриализации, некоторую активизацию мелкого товаропроизводителя в городе и на селе. Расширение экономических свобод сопровождалось первыми признаками «оттепели» в политике, идеологии и культуре. Едва ли не главным реальным достижением «нового курса», провозглашенного июньским (1953 год) пленумом Центрального Руководства (ЦР) Венгерской партии трудящихся (ВПТ), стало начавшееся в 1954 году освобождение политзаключенных⁸.

Поворот к более взвешенной, реалистической экономической политике с первых же недель отразился на тональности прессы, которая после установления к 1948 году однопартийной диктатуры полностью лишилась права на плюрализм и перестала, по сути, быть зеркалом общественного мнения, всецело превратившись в инструмент пропаганды монополично правившей партии. Даже самое незначительное ослабление цензуры благотворно сказалось на публицистике реформаторского и социально-критического направления, главным рупором которой становится еженедельник Союза писателей «Irodalmi Újság» («Литературная газета»)⁹. Публицисты, продолжавшие традиции так называемых «народных писателей» 1930-х годов, показывали бедственное положение крестьянства и обращались к драматическим конфликтам в венгерском селе, возникавшим вследствие нещадного изъятия государством сельхозпродукции, а также попыток проведения коллективизации по советским образцам. Острые социальные проблемы начинают подниматься и в публикациях партийной

⁸ Райнер М. Янош. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006. Глава 6.

⁹ Rainer M. János. Az író helye. Viték a magyar irodalmi sajtóban. 1953–1956. Budapest, 1990.

прессы, включая печатный орган ВПТ «Szabad Nép» («Свободный народ»). В первые месяцы 1954 года дискутируются вопросы экономических реформ, при этом проводятся параллели с НЭПом 1920-х годов в СССР, развивается идея о мирном вращении мелкого сельского товаропроизводителя в социализм, названная в 1929 году в СССР правоуклонистской¹⁰.

В выступлениях ряда публицистов партийной прессы и писателей, издавна связанных с коммунистическим движением, проявилось стремление к очищению идеи социализма от антидемократических наслоений, наполнению ее подлинно гуманистическим содержанием. 23 октября 1954 года один из крупнейших писателей Венгрии Тибор Дери в открытом письме Имре Надю отмечал, что «прежнюю экономическую политику отличало в корне неверное понимание социализма, человека она оставляла за пределами своего внимания, представления о социализме сводились к увеличению производства чугуна и стали, к сверхиндустриализации»¹¹. По мнению Дери, новая концепция социализма должна ставить во главу угла интересы не государства, а личности. Приобщение широких масс к принятию решений виделось ему главным залогом оздоровления общественной жизни.

Звучавшая в прессе критика касалась главным образом частных явлений и отдельных персоналий (в частности, функционеров, ответственных за конкретные провалы в экономике) и, как правило, не распространялась на системные пороки сложившегося в конце 1940-х годов режима. Вместе с тем некоторые известные журналисты послевоенной некоммунистической прессы, оказавшиеся не у дел с установлением монополии одной партии либо склонившиеся к серьезным компромиссам, с энтузиазмом восприняли провозглашенную

.....
¹⁰ New Course Economics: The Field of Economic Research in Hungary after Stalin, 1953–1956 // Peteri Gy. Academia and State Socialism. Essays on the Political History of Academic Life in Post-1945 Hungary and Eastern Europe. Boulder, 1998, pp. 155–207. О необходимости большего учета венгерской национальной специфики в построении социализма говорилось в специальном партийном постановлении по вопросам пропаганды, принятом в октябре 1953 года.

¹¹ Irodalmi Újság. 1954, oktober 23.

правительством И. Надя в 1954 году доктрину активизации Отечественного народного фронта в целях расширения диалога властей со всеми слоями общества, и в том числе не составлявшими социальную базу правящей партии. Общественным организациям, входящим в ОНФ, согласно представлениям И. Надя, не следовало ограничиваться функцией «приводных ремней», они должны были доносить до государственного руководства общественное мнение по поводу ситуации в стране и проводимой политики. Реализацию данной концепции эти люди увязывали с возрождением после 5-летнего перерыва в венгерской политической жизни и прессе элементов плюрализма. Один из них, член Президиума ВНР редактор газеты «Magyar Nemzet» («Венгерская нация»), рассчитанной главным образом на интеллигенцию, Д. Парраги 8 октября 1954 года в беседе с дипломатом Ю. Черняковым приветствовал планы реорганизации политической системы и при этом довольно откровенно излагал свое мнение о том, что венгерской политической традиции и «национальному духу» в принципе чужда однопартийность¹².

По мере выработки далеко идущих реформаторских проектов и их обнародования происходило все более резкое размежевание внутри партии, вокруг И. Надя спланивались сторонники его линии. В условиях противодействия со стороны первого секретаря ЦР ВПТ М. Ракоши и его команды опорой премьер-министра и его политики становятся пресса и журналистское сообщество, стремившиеся не просто более четко определить свое место в институциональном поле вступившей в состояние эрозии коммунистической диктатуры (по аналогии с «четвертой властью» в развитых демократиях), но позиционировать себя как авангард

.....
¹² См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 159. Л. 140. Д. Парраги ожидал скорейшего оживления партии мелких хозяев и национальной крестьянской партии (формально они не были запрещены, но деятельность их парторганизаций была приостановлена в 1950 году). Как комментировал итоги беседы советский дипломат, соображения Парраги характерны «для тех кругов венгерской буржуазной интеллигенции, которые в мероприятиях ВПТ по реорганизации народного фронта увидели возможность усиления своего политического влияния и снова обрели некоторую надежду на замену режима народной демократии режимом буржуазной демократии».

прогресса, и даже как оппозицию партаппарату, саботировавшему реформы. Приверженцы Надя занимали ответственные должности в редакциях центральных газет «Szabad Nép», «Népszava» («Народное слово») и др., способствуя пропаганде нового курса. Посольство СССР в Венгрии, не без опаски воспринимавшее далеко идущие реформаторские планы, видя в них угрозу ослабления советского влияния, заметило в одном из обзоров венгерской печати, что пресса встала «на путь такой критики, когда забывались и бесследно исчезали положительные основы политики, проводившейся ВПТ до настоящего времени»¹³.

В октябре 1954 года партийная организация редакции газеты «Szabad Nép» приняла на своем собрании меморандум в поддержку более радикальных реформ, разослав его затем в другие парторганизации и в высшие органы партии. Свою правоту журналисты центральной газеты продолжали отстаивать и на заседании Политбюро, куда их пригласили в целях проработки. Член Политбюро М. Фаркаш 25 ноября с озабоченностью говорил послу Ю. В. Андропову о формировании на базе газеты «Szabad Nép» альтернативного политического центра, противостоящего руководству партии¹⁴.

С благословения Москвы, явно не готовой принять столь радикальное, особенно в сфере аграрной политики, обновление доктрины социализма в одной из стран советского блока, в начале 1955 года антиреформаторские силы во главе с М. Ракоши предприняли широкое контрнаступление. И. Надь, отказавшийся по свежему примеру советского премьера Г. М. Маленкова выступить с ритуальной самокритикой, был весной смещен со своего поста, выведен из Политбюро, позже исключен из партии по обвинению во фракционности. Вслед за отстранением премьер-министра не замедлили последовать оргвыводы в отношении его сторонников из числа журналистов центральной прессы — снятия с должностей, исключения из партии¹⁵.

.....
¹³ Там же. Д. 17. Л. 84.

¹⁴ Там же. Д. 160. Л. 229–230.

¹⁵ Vasárhelyi M. Ellenzékben. Budapest, 1989. Среди исключенных в 1955 году из партии последовательных сторонников и пропагандистов программы И. Надя был, например, известный журналист М. Вашархейи (1917–2001), в это время возглавлявший

Как и за год до этого, осенью 1955 года именно журналистское, а также литературное сообщества были особенно активны в выработке и отстаивании альтернативных политических проектов. Письма с требованием реформ, меморандумы протеста и другие акции заполняли образовавшийся при отсутствии легальной оппозиции политический вакуум, выражая широкое общественное недовольство¹⁶. Вполне понятно, что главный удар контрреформаторски настроенной власти был направлен именно против этой категории интеллигенции. Апофеозом антиреформаторского курса явилось принятое в конце 1955 года партийное постановление «О правах явлениях в литературной жизни». Группа журналистов, писателей, деятелей искусств, подписавших меморандум протеста против ряда конкретных административных мер культурной политики — изъятие одного из номеров еженедельника «Irodalmi Újság», запрещение театральной постановки и т. д., — была обвинена в подрыве руководящей роли партии.

.....
пресс-службу в аппарате Совета Министров (в 1958 году он был в числе осужденных на процессе по делу И. Надя, а уже в 1990-е годы стал известным общественным деятелем, депутатом венгерского парламента).

¹⁶ *Середа В. Т., Стыкалин А. С.* Из истории одного противостояния: союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе / отв. редактор Ю. С. Новопашин. М., 1993. С. 93–145; *Irodalom és politika, 1956 (Dokumentumok)* // *Literatura*. Budapest, 1989, № 1–2; *Iróklázádása. 1956-os írószövetségi jegyzőkönyvek*. Budapest, 1990. М. Ракоши ждал приезда в Венгрию советских «литературных генералов», надеясь, что общение с ними внесет «успокоение» в ряды венгерских писателей. Нелетная погода предоставила ему в ноябре 1955 года случай для проведения встречи с И. Эренбургом и Н. Тихоновым, следовавшими в Вену на заседание Всемирного Совета мира. Однако венгерскому партийному лидеру пришлось сильно разочароваться: склонный к некоторому фрондерству Илья Эренбург своими высказываниями лишь подлил масла в огонь выступлений венгерской литературной оппозиции, а по возвращении в Москву, несмотря на свой статус беспартийного, писал объяснительную записку секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову. Глава мемуаров И. Г. Эренбурга, посвященная этому эпизоду, была впервые опубликована только в 1987 году (Огонек, 1987. № 23). См. также: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы / отв. редактор В. Ю. Афиани. М., 2001. Док. № 111, 117; «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши / Публикация, вв. статьи и комментарии А. С. Стыкалина, В. Т. Середы и др. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 25. Подробнее см. в настоящем издании очерк о позиции И. Эренбурга осенью 1956 года.

Вместе с тем «оттепель» в достаточной мере прогрела все поры общественной жизни Венгрии, чтобы воспрепятствовать расправам власти с политическими оппонентами, подобным тем, которые имели место до 1953 года. С другой стороны, в венгерском обществе стала исчезать атмосфера страха, и это было главным завоеванием политики «нового этапа», связанного с деятельностью И. Надя. Чем более шумными становились нападки на сторонников реформ, тем сильнее накалялась внутривнутриполитическая обстановка в стране. В атмосфере все большего недовольства широкого общественного мнения политикой Ракоши и его окружения делегация ВПТ во главе с ее первым секретарем выехала в феврале 1956 года в Москву для участия в работе XX съезда КПСС, разоблачением Сталина давшего мощный импульс реформаторским силам в странах советского блока.

Важным рупором формировавшейся в послесъездовской атмосфере оппозиции (в то время пока еще почти исключительно внутривнутрипартийной) продолжал оставаться еженедельник Союза писателей «Irodalmi Újság». Драматург и критик Д. Хай (литератор, писавший на немецком и венгерском языках, в начале 1930-х годов он играл видную роль в литературной жизни Веймарской Германии, а затем до 1945 года работал в СССР), 5 мая отмечал на страницах этого издания, что последствия культа личности затронули все сферы жизни: «принятые без возражения неправильные и вредные резолюции, бездумная сервильность, большие и малые собрания всему поддакивающих людей, преследования за критику, лакировка и демагогия, ... поспешное изменение законов и прав», — все это стало в предшествующие годы в Венгрии обыденным явлением, отягощая повседневное существование миллионов граждан. XX съезд КПСС был назван в статье «великим триумфом человеческого достоинства», влияние которого не может обойти стороной Венгрию. Статья Хая вызвала резкую отповедь публицистов охранительно-сталинистского лагеря и восторженные отклики сторонников реформ. Публикации, подобные ей, привлекали внимание все более широкой публики, иной раз обсуждались на партсобраниях, имена писателей и публи-

цистов, отстаивавших реформаторские взгляды, становились популярными в среде интеллигенции.

Антидогматический пафос некоторых публицистических выступлений сочетался со стремлением их авторов рассчитывать с собственным прошлым. Публицист Т. Тардош в одном из апрельских номеров «Irodalmi Újság» в статье «Самостоятельное коммунистическое мышление» вспоминал, как в годы юности испытал радость знакомства с марксизмом. Позже, однако, коммунистические идеи усилиями массовой пропаганды были превращены в стальной каркас догм. «И постепенно, не отдавая себе отчета, как и почему, мало-помалу, с верой, достоинством и чуть ли не чванливо я стал отвыкать мыслить... Я говорил себе: не беда! Есть люди, которые думают за меня. Когда приходилось слышать жалобы, я считал их преувеличенными или даже голосом врага... Так мы изгнали из наших душ уважение к жизни людей, пожертвовав им ради нашей веры... Мы, те, кто когда-то давно, в юности, присягнул головокружительным возможностям разума, теперь... кивали в ответ на все, что бы нам ни говорили... Лишь XX съезд возвратил взрослому человеку способность к самостоятельному мышлению и право на него».

П. Панди, один из ведущих журналистов «Szabad Nép», своими очерками об СССР, доброжелательными и в то же время не идеализировавшими советскую действительность, пытался разрушить сложившийся в венгерской прессе за годы коммунистического правления стереотип изображения «страны Советов» в розовом свете, отталкивавший читателя своей заведомой неправдоподобностью¹⁷. XX съезд КПСС вообще несколько повысил интерес читательской аудитории к давно утратившей свежесть восприятия советской тематике.

.....
17 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Даже посол Ю. В. Андропов, с большой настороженностью относившийся к любым попыткам дистанцироваться от советского опыта, не мог не признать «имевшуюся раньше практику чрезмерного захваливания советской действительности». С другой стороны, образ СССР в очерках Панди, сильно расхоdivшийся с привычными пропагандистскими клише, давал основания писать в дипломатических донесениях об охаивании и выпячивании недостатков.

К концу весны главным форумом формировавшейся в партийных низах антисталинистской оппозиции стал Кружок Петефи, дискуссионный клуб студенчества и молодой интеллигенции, функционировавший как орган политпросвещения в системе Союза трудящейся молодежи, венгерского аналога комсомола. Происходившие на заседаниях кружка дискуссии по актуальным проблемам экономики, политических реформ, гуманитарных наук, литературы и искусства, иногда сопровождавшиеся выдвижением конкретных реформаторских проектов, привлекали все большее внимание общества, собирали значительную аудиторию.

К этому времени реформаторские силы внутри ВПТ заметно укрепили свои позиции в центральной прессе, становившейся более восприимчивой к настроениям масс. Иницируются дискуссии с участием экономистов, предлагавших конкретные проекты реформ. На страницах ряда изданий, включая «Szabad Nép», поднимается вопрос о соотношении в социалистической экономике планового и рыночного начал, действии закона стоимости, необходимости активизировать товарно-денежные отношения. Хотя И. Надь продолжал находиться в опале, многие положения его экономической программы 1953–1955 годов были снова востребованы в ходе дискуссий.

24 июня «Szabad Nép» выступила с положительной оценкой Кружка Петефи, назвав его «светочем подлинного марксизма». Ю. В. Андропов, видевший в деятельности Кружка, прежде всего, угрозу политической монополии ВПТ, докладывал в Москву, что редактор газеты М. Хорват проявляет колебания, «теряет правильный курс в ряде вопросов, впадает в панику, предоставляет страницы партийной газеты для опубликования статей, в которых нередко протаскиваются чуждые партии взгляды»¹⁸. Аналогичным образом расценивалась и линия

¹⁸ Запись беседы Ю. В. Андропова с председателем Совета Министров ВНР А. Хегедюшем. Позднее 27 июня 1956 года. Там же. С. 120. Сходная характеристика содержится и в другом документе — обзоре выступлений венгерской печати о Кружке Петефи, подготовленном будущим шефом КГБ и членом Политбюро ЦК КПСС В. А. Крючковым, в то время занимавшим скромную должность третьего секретаря

старейшей в Венгрии профсоюзной газеты «Népszava» (до 1948 года орган самостоятельной социал-демократической партии). Комментируя 24 июня одну из дискуссий на Круге Петефи, в ходе которой прозвучало требование полной реабилитации и торжественного перезахоронения Л. Райка и других репрессированных режимом Ракоши деятелей венгерского рабочего движения, «Népszava» призывала поместить образы этих людей в «пантеон национальных героев» Венгрии.

24 июня «Szabad Nép» проинформировала читателей о предстоящей дискуссии Круга Петефи по актуальным проблемам печати и массовой информации. Эта дискуссия, продолжавшаяся в течение 9 часов вечером 27 июня, превзошла все предшествующие не только по накалу страстей, но и по количеству участников — более 6000 человек заполонило не только вместительный зал будапештского дома офицеров, но и близлежащие дворы, слушая эмоциональные речи выступавших через громкоговорители. Писатель Т. Дери призывал сделать шаг от поверхностной критики отдельных лиц и явлений к разоблачению коренных пороков системы, ущемляющей права личности. Входивший в ближайшее окружение И. Надя журналист Г. Лошонци (в прошлом зам. министра просвещения, в 1951 году арестованный и три года проведенный в застенках) выступил за отказ от чрезмерной централизации в сфере массовой информации, передачу ряда печатных органов в ведение общественных организаций, превращение их в подлинных выразителей мнения народа. Некоторые из ораторов обращались к традициям революции 1848 года, когда в Венгрии впервые широко прозвучало требование свободы печати. По свидетельству очевидца, генерального секретаря союза венгерских журналистов Ф. Вадаса, «кульминационный момент наступил тогда, когда потребовали восстановить

.....
посольства СССР в Венгрии: АВПР. Ф. 077. Оп. 36. Папка 48. Дело 178. Л. 42–51. По мнению Крючкова, венгерская пресса «допускала неоправданные восхваления» деятельности кружка и тем самым создавала почву для антипартийных выступлений, «сбивала с толку многих честных товарищей». Это объяснялось тем, что Центральное Руководство ВПТ «не направляло должным образом работу печати, не осуществляло необходимого контроля за ней».

в партии и ввести в Политбюро Имре Надя. В едином порыве вся масса присутствующих поднялась со своих мест и устроила бурную овацию Надю», не присутствовавшему на собрании. Вместе со всеми поднялся и весь президиум собрания, включая главного редактора «Szabad Nép» и двух других высокопоставленных посланцев партии, «ибо сидеть на месте было просто невозможно. В такой обстановке нельзя было даже не аплодировать»¹⁹. Информацию о дискуссии 27 июня советское посольство получило от непосредственных свидетелей, один из которых в беседе с дипломатом отмечал, что никто из выступавших и «не помышлял» о свержении «народно-демократической власти», что речь шла лишь о необходимости найти более гуманный вариант продвижения к социализму, и с такой же энергией, с какой устраивалась овация при упоминании Имре Надя, аудитория кричала «Да здравствует партия!»²⁰. Эти уверения, однако, мало успокоили Андропова, расценившего дискуссию как симптом дальнейшего усиления тенденций, ведущих к подрыву диктатуры ВПТ, а следовательно, угрожающих советским интересам в Венгрии. В очередном донесении в Москву его выводы вполне определены: органы государственной безопасности Венгрии «не проявляют должной решительности в борьбе против контрреволюционных элементов, которые стали вести себя недопустимо нагло»²¹.

.....
¹⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 125. Материалы дискуссии о печати на русском языке см. там же: С. 100–117.

²⁰ Там же. С. 125.

²¹ Там же. С. 122. О позиции Ю. В. Андропова в связи с деятельностью Кружка Петефи подробнее см. первый очерк в настоящей книге, посвященный Андропову в роли посла СССР в Венгрии. Стоит еще раз подчеркнуть, что докладными Ю. В. Андропова о дискуссиях Кружка Петефи начисто опровергается сложившийся в перестроечной публицистике конца 1980-х годов и живущий по сей день миф о нем как о стороннике далеко идущих реформ в рамках социалистического выбора. Причем венгерский опыт 1956 года только укрепил в нем антилибералистский и антиреформаторский синдром. Показательно, что донесения более высокопоставленных советских эмиссаров, выезжавших летом 1956 года в Венгрию (не только слывшего наибольшим «либералом» в постсталинском «коллективном руководстве» А. И. Микояна, но также М. А. Суслова) отличались, как правило, большей умеренностью в оценке политической ситуации в стране и перспектив разрешения кризиса, хотя конечно, здесь надо учитывать, что

Подобной оценке дискуссии о печати суждено было стать доминирующей на долгие годы.

Как бы там ни было, к середине июля в Москве осознали, что фигура Ракоши, вызывавшая острое раздражение в венгерском обществе, стала серьезной обузой для руководства ВПТ. Посетивший Будапешт А. И. Микоян дал добро на его отставку. Половинчатый характер решений июльского пленума и особенно избрание первым секретарем ближайшего соратника Ракоши Э. Герё не благоприятствовали, однако, снижению остроты ситуации. С начала сентября стал намечаться новый общественный подъем. Вновь, как и раньше, в эпицентре борьбы за реформы оказывается пресса. Газеты поднимают острые, прежде замалчивавшиеся проблемы: от привилегий партноменклатуры до тяжелого положения венгерского национального меньшинства в румынской Трансильвании. Возобновивший критику ретроградных сил в ВПТ литературный еженедельник «Irodalmi Újság» за считанные недели увеличил тираж с 8 до 30 тыс. экземпляров. Большой резонанс вызывали также публикации в газетах «Esti Budapest», «Magyar Nemzet», «Szabad Ifjúság», «Hetfői hírlap». К разрыву со старыми методами, отказу от сталинской политической практики все чаще призывал и центральный партийный печатный орган «Szabad Nér». Считая отставку Ракоши лишь первым шагом в процессе перемен, реформаторски настроенные публицисты хорошо осознавали, что кадровые изменения на вершине пирамиды власти, как и некоторые послабления интеллигенции, направлены, прежде всего, на нейтрализацию формирующейся оппозиции и носят тактический, а не принципиальный характер. Главным тормозом на пути обновления им представля-

.....

члены Президиума ЦК КПСС обладали значительно большей свободой суждений, чем посол, сильнее связанный установками, поступавшими из центра. Склонность посла к предельной драматизации венгерских событий, нагнетание им в Москве обеспокоенности по поводу положения дел в Венгрии и слабой реакции руководства ВПТ на происки «враждебных элементов» (в том числе в прессе) в целом находила понимание в МИД СССР и была на протяжении всех месяцев венгерского кризиса той постоянной величиной, которую необходимо учитывать при рассмотрении факторов, определявших советскую политику в Венгрии.

лись уже не отдельные лица, а вся система, не отвечавшая их представлениям о настоящем социализме.

Проблему свободы печати затронул 8 сентября на страницах «Irodalmi Újság» Д. Хай. Для литераторов, отмечал он, «не должно быть запретов ни в чем, кроме того, что запрещено законом для всего общества... И, напротив, писателю, как и всем смертным, должно быть дозволено без ограничений говорить правду; критиковать всех и вся... верить в Бога, не верить в него; сомневаться в правильности плановых показателей; думать не по-марксистски... считать несправедливым то, что официально, быть может, считается справедливым; не любить отдельных руководителей; изображать недостатки, не предлагая при этом рецептов их устранения..., использовать непривычный стиль... называть никудышными произведения, которые некоторыми авторитетами выдаются за образцовые; высказывать определенные литературные мнения, чихать на определенные литературные мнения и т. д. и т. п... Вот свобода, за которую нам, писателям, нужно стоять до конца». В статье открыто поднимался вопрос о противоестественности существования в демократическом обществе учреждений, специально созданных для контроля за мыслью. «Ослабленная узда — это еще не свобода... Всякий открытый или завуалированный, прямой или косвенный надзор за выпуском книг, спектаклями, всякую цензуру нужно упразднить государственным актом... Пока этого не произойдет, мы не можем говорить о свободе литературы, а можем говорить, самое большее, лишь о временном, в любую минуту могущем быть опять ликвидированном либерализме». Не предварительная цензура должна определять, что можно и что нельзя публиковать в прессе, а сами редакторы, на которых тем самым будет возложена гораздо большая ответственность. Этот тезис, воспринятый в сентябре 1956 года партийным руководством как еретический, вместе с тем в определенной мере предвосхитил культурную политику кадаровского режима в период его расцвета. Г. Лошонци 2 сентября в газете «Művelt Nép» не только торопил с принятием конкретных решений, направленных на улучшение положения масс, но призывал сделать выводы в от-

ношении лиц, которые своей «сектантской ослепленностью, нетерпением и упрямой бесчеловечностью нанесли людям плохо заживаемые раны, но, несмотря на это, продолжают находиться на руководящих постах». В прессе поднимается вопрос и о необходимости привлечь к ответственности Ракоши за все прегрешения, совершенные им перед народом, вскоре после июльского пленума он выехал в СССР.

Острые публикации в венгерской прессе вызвали нервную реакцию советского посольства, увидевшего угрозу монополии ВПТ в сфере массовых коммуникаций и доносившего в Москву о том, что «командные высоты» на идеологическом фронте постепенно переходят в руки «правых сил», связанных между собой не только идейно, но и организационно, стремящихся к созданию «второго идеологического центра» — при попустительстве агитпропа ЦК, вставшего на путь «уговоров и уступок» по отношению к активизировавшимся антипартийным элементам. Опубликование статьи Д. Хая с требованием предоставления «полной свободы» литературе «показывает, насколько далеко зашли венгерские писатели в своих выступлениях против партийного руководства и насколько ЦК ВПТ выпустило из своих рук дело руководства литературой», отмечалось в записке МИД СССР от 28 сентября, адресованной в ЦК КПСС М. А. Суслову²². Однако вопреки той версии проис-

.....
²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 13. Л. 82. См. также записку первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в ЦК КПСС от 17 сентября: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 261–263. Посольство внимательно изучало публикации прессы и, кроме того, черпало информацию о событиях идеологической и культурной жизни из своего постоянного источника — от не просто лояльных Москве, но, как правило, антиреформаторски настроенных представителей журналистского сообщества, резонно опасавшихся полной утраты своих позиций. В этой связи характерна запись беседы Ю. Андропова с заместителем главного редактора газеты «Magyar Nemzet» И. Комором от 8 сентября (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 249–253; Опубл.: Hianyó lapok 1956 történetéből / Vá. V.Szereda, A. Sztikalin. Budapest, 1993. 288–293. о.), который тенденциозно преподносил советскому послу картину происходившего в средствах массовой информации — говорил о широком наступлении на социализм в Венгрии «ревизионистских», «оппортунистических» и «антимарксистских» сил, об уступках партийного руководства, не использующего, по его мнению, благоприятную обстановку для усиления своего влияния, не ведущего борьбы против «вредного» влияния части интеллигенции. Информация Андропова об этой беседе как раз и легла

ходивших в Венгрии событий, которая излагалась в посольских донесениях, среди литераторов и публицистов, выступавших с острыми публикациями, тон задавали отнюдь не противники социализма, а коммунисты с многолетним стажем. Призывы соединить идею социализма с гуманизмом и национальными ценностями звучали 17 сентября на съезде венгерских писателей. В связи с торжественным перезахоронением останков Ласло Райка 6 октября в публицистике проявились мотивы покаяния и расчета с прошлым: «Не мы сфабриковали обвинение и не мы произнесли приговор, но мы уверовали в ложь и сами ее повторяли», служив тем самым преступным политическим замыслом, писал известный публицист Тибор Мераи, впоследствии первый биограф Имре Надя.

Все настойчивее звучало в прессе и требование о восстановлении справедливости в отношении Имре Надя. В «письме чепельского рабочего», опубликованном в «Irodalmi Újság» 13 октября, его «новый курс», провозглашенный в 1953 году, был назван «оазисом в пустыне безумной сталинской политики», тогда как «до хруста сжавшее кости» мартовское постановление 1955 года об отстранении И. Надя, как отмечалось, «помяло слабые побегι веры в демократический дух».

В середине октября с давно уже невиданной остротой поднимались в прессе и проблемы материального положения трудящихся. «На средства, сэкономленные недоеданием рабочих», содержатся многочисленные показательные учреждения, «не делающие

.....
в основу вышеупомянутой записки А. А. Громыко в ЦК КПСС от 17 сентября о напряженном положении в Венгрии. В «Правде» в это время готовилась статья с положительной оценкой ситуации в Венгрии. Ее публикации, однако, воспрепятствовали ЦК КПСС и МИД СССР – общественный подъем в Венгрии достиг к октябрю такого размаха, что уже начал внушать некоторые опасения даже относительно либерально настроенной части советской партократии, склонной всерьез воспринимать фразеологию XX съезда. Как говорилось в записке МИДа, такая статья может дать в Венгрии лишний козырь антипартийным элементам, что они действуют под флагом решений XX съезда и, кроме того, создать у советского читателя впечатление, что после XX съезда события развиваются в наиболее правильном направлении в Венгрии и Польше, что, по мнению МИД СССР, не соответствовало действительности, поскольку именно в этих странах «антисоветски настроенные» писатели не только получили свободу слова, но и захватывают в газетах и журналах руководящее положение, зажимая «истинных друзей СССР и настоящих ленинцев» (АВПР. Ф. 077. Оп. 36. Папка 48. Д. 14. Л. 91).

абсолютно ничего полезного», говорилось в одной из статей. Андропов, увидев в этой публикации «прямой призыв к выражению недовольства», назвал тон подобных статей «явно угрожающим», а методы написания «провокационными»²³.

13 октября под давлением оппозиции опальный премьер-министр был восстановлен в рядах партии — во многом это было жестом, адресованным югославскому руководству в канун поездки венгерской делегации в Белград для примирения с Союзом коммунистов Югославии²⁴. К этому времени его сторонники, отстаивавшие концепцию национального венгерского, и при этом более демократического пути к социализму, контролировали уже значительную часть средств массовой информации. Институционализация реформаторски настроенной части журналистского сообщества (точнее, ее элиты) в своего рода альтернативный центр власти становится к середине октября 1956 года уже не перспективой, а воплощенной реальностью. Так, в самый канун восстания 23 октября молодой член Политбюро Л. Ач, которому поручили руководить партаппаратом на время поездки Э. Герё и возглавляемой им делегации в Белград, жаловался Андропову, что для публикации в центральном органе партии ряда материалов он был вынужден обращаться за «разрешением» к журналистам из окружения Надя Ш. Харасты и Г. Лошонци, не занимавшим важных постов в партийной номенклатуре, но имевшим огромное неформальное влияние²⁵. Редактор «Szabad Nép» бывший член Политбюро М. Хорват, по донесениям советского посольства, также внутренне сочувствовал И. Надю, а решения партийного руководства если и пытался выполнять, то только в силу присущего старому партийцу чувства дисциплины. Вопреки противодействию Политбюро редакции центральных

.....
23 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 341.

24 См. в настоящей книге очерк о венгерско-югославских отношениях в 1956 году.

25 Ситуация заметно изменилась в течение месяца. В сентябре Политбюро еще смогло воспрепятствовать попытке Лошонци дать в «Magyar Nemzet» подробную информацию об антикооперативных выступлениях крестьянства, спровоцированных действиями местных партийных органов.

газет и Союз венгерских журналистов выразили солидарность с польской «Trybuna Ludu», которая в те дни вступила в открытую полемику с «Правдой», выступившей с критикой некоторых статей польской прессы²⁶. О фактах вмешательства СССР во внутренние дела Польши, когда прибывшая в Варшаву без приглашения делегация КПСС во главе с самим Н. С. Хрущевым попыталась 19 октября воспрепятствовать намеченным кадровым перестановкам на пленуме ЦК ПОРП²⁷, откровенно сообщало венгерское радио.

Если в Польше коммунистическая элита, совершив решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов перед диктатом Москвы, сумела разрядить взрывоопасную обстановку²⁸, то в Венгрии постоянное запаздывание властей с принятием эффективных мер привело в конце концов к вооруженной конфронтации. Предпринятая в знак солидарности с польскими событиями студенческая демонстрация 23 октября не смогла удержаться в рамках мирной митинговой акции, переросла в мощное народное восстание. Ввод советских войск в Будапешт в ночь на 24 октября в целях устрашения не только подлил масла в огонь, но придал восстанию отчетливо выраженный национальный характер. По всей Венгрии происходит распад прежних партийно-государственных структур, власть начинает переходить к стихийно формировавшимся революционным комитетам и рабочим советам²⁹. Цензура уходит в прошлое, страна вступает в 12-дневный период абсолютной свободы печати³⁰.

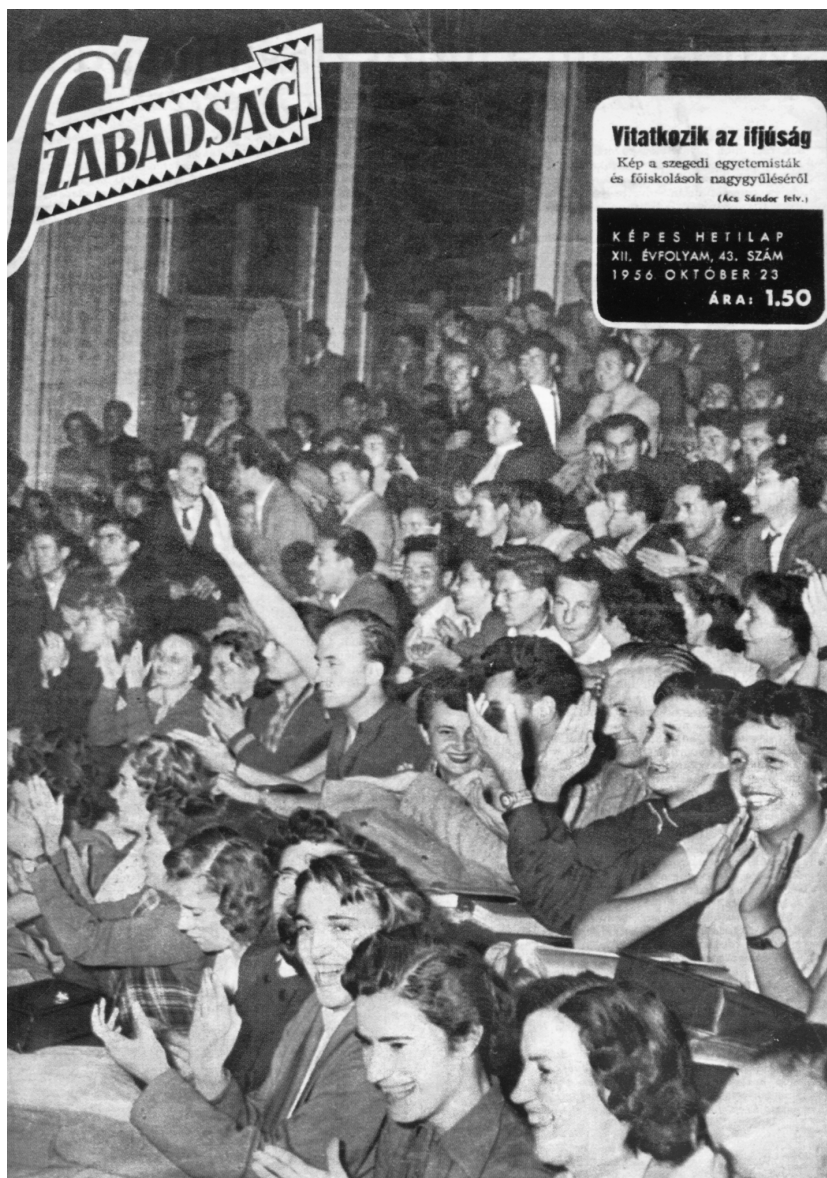
.....
26 «Szabad Nép» была единственной центральной партийной газетой одной из стран советского блока, которая утром 23 октября полностью опубликовала программную речь В. Гомулки на VIII пленуме ЦК ПОРП. «Правда» решила полностью ее не публиковать (на том основании, что это сделало бы необходимым комментарии и привело бы к нежелательным спорам).

27 Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. Об успешных попытках руководства ПОРП во главе с новым лидером В. Гомулкой отстоять национально-государственные приоритеты в остром конфликте с Москвой.

28 См.: там же.

29 Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 2.

30 1956 a sajtó tükrében. Budapest, 1989; A forradalom hangja: Magyarországi radioadások 1956 okt. 23 – nov. 4. Budapest, 1989; Magyar kronika. 1956 sajtója. Október 23 –

Создание независимой молодежной организации Сегед (Единого союза венгерских студентов университетов и институтов. 23 октября 1956 года. Архив фотодокументов «Института 1956 года»

Программа непосредственных организаторов массовой демонстрации, назначенной на вторник, 23 октября (студентов Будапештского политехнического института), заметно превосходила своим радикализмом требования, звучавшие в ходе дискуссий Клуба Петефи, других выступлений оппозиции в предшествующие месяцы. Окрыленные успехом польских реформаторов, добившихся принципиальных уступок от Москвы (смены партийного руководства, ликвидации института советников в силовых структурах), их венгерские единомышленники теперь настаивали на немедленном выводе из Венгрии советских войск³¹, разрешении политических партий, проведении тайных выборов в Национальное собрание на альтернативной основе, перевыборах всех руководящих органов ВПТ, суде над М. Ракоши. Среди прочего в списках студенческих требований значились: отмена цензуры, осуществление свободы печати, создание независимой ежедневной газеты как органа образованного в канун революции Венгерского Союза студентов, неподконтрольного ВПТ и Союзу трудящейся молодежи. Поскольку в центральной прессе к этому времени, как уже отмечалось, тон задавали симпатизировавшие студентам представители реформаторского крыла партии, программу из 16 пунктов удалось опубликовать или хотя бы в общих чертах изложить в ряде газет, сделав ее, таким образом, достоянием самого широкого общественного мнения, правда цензура пока еще сумела воспрепятствовать ее изложению по радио.

С течением времени демонстрация приобретала все больший размах, менялся и состав ее участников: по окончании трудового дня в ряды демонстрантов влились служа-

.....
 november 4. Válogatás. Budapest, 1989; Napról – napra. 1956 a Magyar Nemzetben. Budapest, 1990; 1956 vidéki sajtója. Budapest, 1996. После 1989 года в Венгрии предпринята публикация издававшихся ранее только на Западе материалов венгерской прессы и радио с 23 октября по 4 ноября 1956 года. Вышли также антологии листовок. Как центральная, так и провинциальная пресса сохраняет значение ценного источника для реконструкции хода событий, изучения внутривнутриполитической ситуации в стране.

³¹ Подписание в мае 1955 года Государственного договора о статусе Австрии лишило законной юридической основы пребывание в Венгрии советских войск, находившихся там в соответствии с Парижским мирным договором 1947 года для поддержания коммуникации с советской зоной оккупации в Австрии.

шие государственных учреждений, расположенных в центре венгерской столицы, с промышленных окраин города в его центральные районы стекались заводские рабочие. «Улица — наша!» — этот броский заголовок передовой статьи центральной молодежной газеты «Szabad Ifjúság», вышедшей специальным выпуском к вечеру 23 октября, довольно точно передавал настроение многотысячных масс³².

Передовая статья «Szabad Nér» в этот день также называлась симптоматично: «Новый весенний смотр рядов». Жаркая атмосфера на молодежных собраниях последних дней, писала газета, похожа скорее «на весенний разлив, чем на течение вод, направленное в искусственные каналы». Газета приветствовала молодежь, выступающую за «чистоту социализма», выразила солидарность со многими конкретными требованиями организаторов демонстрации и в том числе об освобождении от тех людей в партийном руководстве, которые «не могут или не хотят последовательно двигаться по пути, намеченному XX съездом». В то же время газета предостерегла участников манифестации от попустительства в отношении антисоциалистической пропаганды в своих рядах. Уже в первые часы демонстрации ее масштабы далеко превзошли ожидания внутрипартийной демократической оппозиции, в том числе влиятельных людей из журналистского сообщества (Г. Лошонци и др.), тщетно пытавшихся направить шествие в организованное русло.

В 8 часов вечера по радио прозвучало выступление Э. Герё, изобиловавшее резкими выпадами в адрес устроителей демонстрации и вызвавшее гневную реакцию многотысячной толпы, собравшейся перед зданием парламента³³. В последующих событиях проявилась закономерность многих революций в их начальной стадии — стихийное стремление митингующих

.....
³² В статье говорилось о том, что выход студентов на улицу ставит своей целью не только выражение солидарности с поляками. Венгерская молодежь и весь народ стремятся к очищению собственной партии от сталинского наследия, полному разворачиванию социалистической демократии.

³³ «Небывало упрямая речь» Герё, спровоцировавшая «массы мирных демонстрантов», подвергалась нещадной критике в свободной прессе в последующие дни.

к овладению средствами массовой коммуникации. Попытка молодежи проникнуть в здание радио с тем, чтобы зачитать свои программные требования, привела к столкновению с частями госбезопасности, появились первые убитые и раненые. Мирная поначалу акция приобретает иное качество, формируются первые повстанческие группы. Крайнюю растерянность в критической обстановке не только властей, но и в целом реформаторски настроенного журналистского сообщества отразила тональность вещания радио. «Венгерское радио, работающее из подвальных помещений парламента, ежечасно “запрещает революцию”. Оно просит, умоляет, льстит, пускается в объяснения, угрожает, обольщает, предупреждает: одумайтесь, мол, а то в воскресенье не состоится футбольный матч. Но к этому времени мостовая уже обогрена кровью 250 человек», — вспоминал впоследствии активный участник событий публицист и переводчик Арпад Гёнц, в 1990–2000 годы президент Венгерской Республики³⁴.

Вступление советских танков в Будапешт к утру 24 октября в соответствии с принятым поздно вечером решением Президиума ЦК КПСС³⁵ ставило своей целью демонстрацию военной силы, солдаты не получили приказа о применении огня. Тем не менее эта акция вызвала всплеск патриотических настроений и дала многим сотням людей основание выступить с оружием в руках в защиту национального суверенитета Венгрии.

Пресса тех дней стала хроникой происходивших событий. 24 октября в городе не вышла ни одна газета, тиражировались лишь повстанческие листовки с требованием уже не только немедленного вывода советских войск, но и расторжения Варшавского договора, а также включения представителей «революционной молодежи» в правительство. 25 октября из центральных газет вышла лишь профсоюзная «Népszava», от имени Венгерского Совета профсоюзов потребовавшая прекращения огня с обеих сторон и амнистии всем, кто сложит

.....
³⁴ Новое время. М., 1991. № 35. С. 31.

³⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 176–177.

Обломки статуи Сталина на площади Луизы Блахи. 24 октября 1956 года. Архив фотодокументов «Института 1956 года»

оружие. В тот же день был опубликован первый номер «газеты венгерской революционной молодежи» «Igazság» («Правда») под редакцией коммуниста Д. Обершовского, отразившей самооценку умеренного крыла участников вооруженного сопротивления и положившей начало свободной, бесцензурной прессе венгерской революции. «Восставший народ, — отмечалось в газете, — как уже не раз бывало в истории, когда переполняется чаша терпения, берет в свои собственные руки решение судьбы... От имени всех венгров мы протестуем против того, чтобы священную борьбу революционного народа преподносили как фашистское сборище (такое определение звучало в некоторых заявлениях по радио от имени властей, хотя уже начиная с 24 октября в целом доминировали более сдержанные оценки — А. С.). Произошла революция. Народ протестует не против строя, не против социалистических идей, а против тех, кто замарал и опорочил возвышенные идеи. Народ хочет социализма, но чистого и честного»³⁶. Ана-

.....
³⁶ 1956 a sajtó tükrében. Budapest, 1989. 84. o.

логичное по содержанию и пафосу обращение участников борьбы было опубликовано 26 октября на страницах «Magyar Nemzet», органа Отечественного народного фронта: «Мы не контрреволюционеры, не фашисты. Борьба, которую мы ведем, выражает основополагающие желания венгерских масс... Мы хотим мира и порядка. Но мира свободной страны»³⁷. Газета «Szabad Nép» 26 октября отразила мнение того крыла партийного руководства, которое стремилось к компромиссу с повстанцами. Осудив Гёре и его команду за неспособность вывести страну из кризиса и призвав повстанцев к прекращению огня, а население к спокойствию, она высказалась за поиски собственного, венгерского пути к социализму.

Имре Надь, по решению Политбюро утром 24 октября вновь возглавивший Совет Министров, вначале не протестовал против участия советских войск в «наведении порядка». Но с первых дней в окружении премьера, привлечшего к руководству страной ряд своих сторонников, все громче раздаются голоса с требованием не только более решительного отмежевания от прежней политики, поколебавшей веру народа «в сам смысл строительства социализма», но и пересмотра отношения к вооруженным повстанцам. Соратники Надя журналист Г. Лошонци и экономист Ф. Донат, кооптированные 24 октября в высшие органы партии, в тот же день в знак несогласия с оценкой характера происходящих событий заявляют о выходе из ЦР ВПТ. Также относившиеся к команде И. Надя журналисты М. Гимеш и М. Вашархейи вступают в прямой контакт с издателями повстанческих листовок. С течением времени, как известно, изменилась и позиция самого премьер-министра, в сознании которого, как и многих его соратников по партии, венгерский патриотизм перевесил глубокие коммунистические убеждения. Поскольку ввод советских войск практически совпал по времени с назначением И. Надя главой правительства, заявление по радио об обращении за военной помощью к СССР было сделано как бы и от имени нового премьер-министра. Это не могло не сказаться на падении народного доверия к правительству и лично Имре Надю. О его

.....
³⁷ Ibid. 80. o.

Здание Венгерского радио после штурма. Октябрь 1956 года

«предательстве» не только писали в листовках, но даже вещали возникшие в эти дни независимые радиостанции. Постепенно, осознав невозможность нормализации с помощью посторонней военной силы, и почувствовав, что широкие массы отказывают в поддержке новому правительству, И. Надь 28 октября сделал решительный шаг к сближению с повстанцами, признав законность многих их требований, в том числе о выводе советских войск с территории страны³⁸.

.....

³⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 383, 441. Для того чтобы в полной мере оценить поворот в позиции премьер-министра, достаточно сопоставить два его выступления по радио, между которыми лежали всего три дня. Если 25 октября Надь говорил о том, что «горстка подстрекателей-контрреволюционеров предприняла вооруженное выступление против строя нашей народной республики, которое поддержала часть трудящихся Будапешта, доведенных до отчаяния положением в стране», то в его выступлении от 28 октября звучали уже совсем другие ноты: «правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция... Это движение поставило своей целью обеспечить нашу национальную независимость, самостоятельность и суверенитет, развернуть процесс демократизации нашей общественной, экономической, политической жизни, поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране».

Изготовление
«Коктейля Молотова».
2 ноября 1956 года

Казарма Килиан
на улице Уллеи, одно
из мест ожесточенных
боев. Фотография
Томаса Р. Глесона.
Архив фотодокументов
«Института 1956 года»

В этот день «Szabad Nép» с ведома и согласия премьер-министра И.Надя и нового первого секретаря ЦР ВПТ Я. Кадара опубликовала статью «В соответствии с истиной». «Мы не согласны с теми, кто события прошедших дней огульно квалифицирует как попытку контрреволюционного, фашистского путча... Громадную патриотическую демонстрацию запятнали кровью, что явилось началом самой страшной братоубийственной борьбы». По мнению газеты, всю Венгрию охватило национальное демократическое движение, возглавить его — было бы честью для партии. Главную движущую силу составляют не злонамеренные элементы из бывших эксплуататорских классов, также вышедшие на поверхность, а молодежь рабоче-крестьянского происхождения, преданная идее построения социализма, но в соответствии с венгерскими условиями. Опорой правительства и обновляющейся партии должны были стать образующиеся по всей стране самостоятельные народные органы, «вызванные к жизни крепнущим духом демократизма». Профсоюзная «Népszava» 28 октября также пришла к вы-

воду о том, что, несмотря на присутствие антисоциалистических элементов, «честное движение нашей молодежи не стало контрреволюционным восстанием».

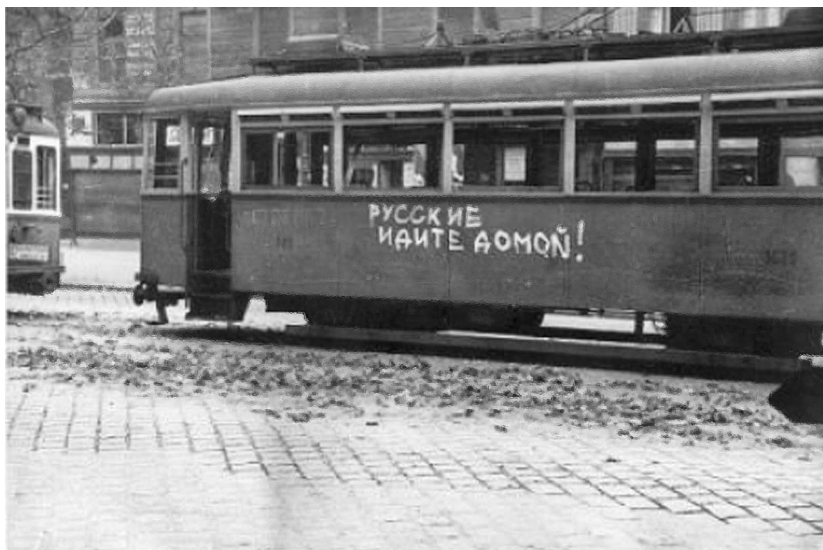
Изменение оценки происходящих событий побудило газету «Szabad Nép» вступить в полемику с «Правдой», опубликовавшей 28 октября статью своего собкора «Крушение антинародной авантюры в Венгрии»³⁹. Ответ «Правде», напи-

.....
³⁹ Статья была опубликована без указания фамилии собственного корреспондента. Вероятно, ее автором был работавший в это время собкором в Будапеште С. Крушинский. Как отмечалось в статье, «антинародная авантюра» в Венгрии «явилась результатом длительной подрывной работы, проводимой империалистическими державами, не отказавшимися от преступного намерения разрушить народно-демократические государства, восстановить в них капиталистические порядки». При помощи извне в стране было создано «контрреволюционное подполье, хорошо вооруженное и тщательно подготовленное к активным действиям против народного строя». Путчисты якобы действовали по заранее продуманному плану, подыскивали удобный случай для выступления, активную роль в руководстве ими сыграли опытные в военном отношении люди — хортистские офицеры. В статье признавалось, что имеющиеся в стране трудности, нерешенные задачи, «серьезные ошибки», нарушения законности сделали часть

санный журналистом газеты М. Мольнаром, был опубликован 29 октября. «То, что произошло в Будапеште, — писала главная газета ВПТ, — не было ни антинародным, ни авантюрой, и не потерпело крушения». В событиях последних дней доминировали лозунги социалистической демократии. «Революционный народ Пешта и Буды хочет свободы, жизни без произвола, террора и страха, больше хлеба и национальной независимости. Разве это “антинародная авантюра”?! То, что рухнуло, то, что действительно может быть названо антинародным, — это господство клики Ракоши-Гёре». Газета отвергла заявление «Правды» о решающей роли в событиях западных империалистов, «не жалеющих усилий для вмешательства в дела социалистических стран путем провокаций, диверсий, организации контрреволюционного подполья». «Это утверждение “Правды” унижает и оскорбляет все полуторамиллионное население Будапешта», большая часть которого выражала сочувствие основным патриотическим и демократическим целям «великого народного выступления» за венгерский путь к социализму, национальный суверенитет и построение отношений с СССР на равноправной основе.

Начиная с 28 октября было объявлено о повсеместном прекращении огня, предстоящем упразднении Управления государственной безопасности, формировании новых органов охраны порядка с привлечением повстанцев. Правительство санкционировало создание Революционного комитета обороны во главе с генералом Б. Кираем. Этот комитет предпринял попытку подчинить разрозненные повстанческие группы единому командованию. По согласованию с Москвой советские танки и воинские части в конце октября выходят из Будапешта. С удовлетворением приняв к сведению этот факт, «Szabad Nép» в статье под показательным заголовком «Светает» констатировала победу народного движения. Молодежная «Szabad Ifjúság» («Свободная молодежь») призывала повстанцев поло-

.....
населения восприимчивым к контрреволюционным призывам, что помогло врагам вовлечь в свою «авантюру» трудящихся. Это, однако, по мнению газеты, ни в коей мере не меняло принципиальной оценки событий как «контрреволюционного путча».

Будапешт конца октября 1956 г. Лозунг «Русские домой» на городском трамвае

жить конец вооруженной борьбе, поскольку первоочередная цель была достигнута. С этих пор на страницах самых разных изданий все большее место занимают проблемы налаживания мирной жизни, преодоления разрухи.

Впрочем, декларированный И. Надем поворот в оценке событий и отношении к повстанцам отнюдь не означал, что правительство отныне пользовалось всеобщим доверием. Один из радикальных повстанческих лидеров, глава самопровозглашенного «венгерского национального революционного комитета» Й. Дудаш, будучи принятым И. Надем 30 октября, в тот же день выпустил номер своей только что образованной газеты «Függetlenség» («Независимость») с большим заголовком на первой полосе: «Мы не признаем нынешнее правительство». 28 октября и в последующие дни распространялись листовки как с призывами продолжать забастовку до полного вывода советских войск с территории страны и проведения свободных выборов, так и с предложениями приступить к работе, оказать поддержку И. Надю и его команде. Если центральное радио пыталось создать впечатление

постепенного восстановления порядка в стране, то на волнах радиостанций Дьера и Мишкольца, находившихся в руках местных революционных комитетов, происходила эскалация новых политических требований.

В конце октября стихийно активизировался процесс возрождения левых и центристских партий, действовавших на политической арене Венгрии до установления коммунистической диктатуры в 1948 году. Их программные заявления, как правило, указывали на необходимость сохранения базовых отраслей промышленности и финансов в руках государства. Правительство в первые дни ноября реорганизуется уже на коалиционной основе. Каждая из образованных партий начинает издавать собственные газеты, причем в ряде случаев возобновлялись ранее закрытые издания. Среди возникавших в последние дни октября как грибы после дождя газет некоторые провозглашали себя рупорами тех или иных политических сил, другие декларировали свою независимость⁴⁰. Оказались востребованными старые профессиональные кадры, вытесненные после 1948 года из прессы либо оттесненные на глубокую периферию средств массовой информации. Журналистское сообщество Венгрии, в котором на протяжении предшествующих нескольких месяцев существовали лишь два противоборствовавших крыла — охранительно-сталинистское и реформ-коммунистическое, начинает реорганизовываться на подлинно плюралистической основе. При всех различиях в подходах и идеологиях существовала и общая для всех возникших изданий платформа — требование суверенитета Венгрии. «Наша газета стремится служить делу венгерской свободы. И внешней свободы — независимости, и внутренней свободы — демократии. Служить действительно, высказывая всю правду и чистую правду», — так определила свои задачи газета «Magyar Szabadság» («Венгерская свобода») в первом номере, вышедшем 30 октября.

1 ноября та же газета опубликовала статью под характерным заголовком «Независимая Венгрия должна стать нейтральной».

.....
⁴⁰ Среди прочих «Béke és szabadság», «Magyar Szabadság», «Magyar világ», орган революционного комитета студентов университетов «Egyetemi ifjúság», требовавшая преодоления межпартийных разногласий в интересах национального единства.

В ней проводилась мысль о Венгрии как о мосте между Западом и Востоком. Когда в начале ноября в повестку дня венгерской политики выдвинулась идея нейтралитета страны, она была поддержана всеми газетами, при этом отмечалось, что независимая внешняя политика, без которой «нет здорового развития нации», отнюдь не предполагает недружественной позиции в отношении «нашего могучего соседа» — СССР и «товарищей по исторической судьбе» — восточноевропейских народов. О необходимости разбить «железный занавес», установить более тесные экономические связи с Западом писала газета «Magyar Világ». «Népszava», снова став органом социал-демократической партии, освещала работу заседания бюро Социнтерна в Вене, где обсуждался вопрос о перспективах подключения к экономическому возрождению Венгрии структур Европейского Экономического Сообщества, идея создания которого уже витала в воздухе, а конкретные планы прорабатывались. Общей для публикаций самых разных газет была революционная патетика с неизменной оглядкой на мировое общественное мнение: мы «пишем всемирную историю»; мы «малая, но героическая нация, перед которой все народы мира приспускают флаги в знак почета и уважения» (потребность в национальной гордости была тем более сильна, что в памяти многих людей еще живы были нотки самоуничижения официальной коммунистической пропаганды, периодически напоминавшей венграм о постыдной роли их страны в годы второй мировой войны как последнего, наиболее верного сателлита нацистской Германии). Революционная фразеология в известной мере отличала даже католическую газету «Új ember» («Новый человек»).

Наиболее видные публицисты венгерской революционной прессы, включая редактора газеты «Magyar Szabadság» М. Гимеша, принципиально стояли на платформе социализма, выступали за соединение многопартийности и западной «техники свободы» (по выражению министра в правительстве И. Надя европейски известного политолога И. Бибо) с признанием национализации крупной собственности и требованием обеспечения всеобщего права на труд и образование. Обращалось внимание на опасность резкого поворота вправо, присутствие в широком народном движении регрессивных и деструктивных сил, которые «пятнают

грязью чистоту нашей борьбы» и могут лишить венгерскую революцию симпатий мирового общественного мнения и повысить опасность нового иностранного вмешательства. Построение независимой и демократической Венгрии, по мнению М. Гимеша, невозможно без борьбы как против всех пережитков прежней политики, так и против «всяческих проявлений контрреволюции». Об усилении опасности хаоса свидетельствовали многие факты, и прежде всего печально известный кровавый инцидент 30 октября перед зданием будапештского горкома, жертвами которого стали более 20 человек. Он получил, кстати говоря, единодушное осуждение всей прессы, включая самые радикальные издания, и действительно указал симпатизировавшему венгерским повстанцам мировому общественному мнению на реальную опасность разгула насилия, анархии и охлократии в случае неспособности правительства сдержать резкий сдвиг политической жизни вправо. 29 октября произошел захват повстанцами группы Й. Дудаша здания газеты «Szabad Nép». Этот факт хорошо описал в своем «Венгерском дневнике» очевидец революции, известный польский публицист и поэт В. Ворошильский: Вооруженные люди «явились в редакцию и стукнули кулаком по столу: — Хватит кормить народ ложью и руганью.

Редакторы возмущенно заявили, что не станут разговаривать с хулиганьем, и покинули помещение. Szabad Nép перестала существовать»⁴¹. Почти одновременно с ликвидацией своего печатного органа прекратила существование, самораспустилась ВПТ. В условиях формирования многопартийности группа ее видных деятелей и ветеранов коммунистического движения, включая И. Надя, Я. Кадара, всемирно известного

.....
⁴¹ Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 131. Находящиеся в Будапеште А.Микоян и М.Суслов в тот же день докладывали в Москву, что редакцию главной газеты партии захватила «безоружная группа студентов и писателей». Аналогичная судьба постигла газету «Szabad Ifjúság», орган самораспустившегося в конце октября Союза трудящейся молодежи. «Журналисты толкуются по комнатам, бессмысленно разглядывают обои, молчат...

— Наша редакция была в первых рядах борьбы за свободу, — говорит кто-то с нескрываемой горечью, — а теперь на свалку...

Сегодня конец месяца. Кассирша выплачивает нашим безработным коллегам последнюю зарплату» (Там же).

философа Д. Лукача, выступила инициаторами создания новой партии — Венгерской социалистической рабочей (ВСРП), провозгласившей программу строительства социализма на основе полного разрыва со сталинским наследием. 1 ноября партия начала издавать газету «Népszabadság» («Народная свобода»), на протяжении всей последующей, кадаровской эпохи главную газету страны. «Газеты. Со дня на день их все больше. Почти все редактируются и печатаются в здании бывшей “Szabad Nép”, захваченной группой Дудаша. Дудаш лоялен: свою газету издает и другим не мешает. Сегодня к вееру газет, печатающихся под крылышком Дудаша, прибавилась коммунистическая “Népszabadság”. Ее делают бывшие журналисты “Szabad Nép”, в разное время уволенные из редакции и подвергшиеся политическим преследованиям»⁴². Надо заметить также, что группа видных журналистов центральной прессы (М. Гимеш и др.) дистанцировалась от ВСРП и, отмежевываясь вместе с тем от традиционной социал-демократии, заявила о создании социалистической партии. Издаваемая этими людьми газета «Magyar Szabadság» провозгласила свободу всем партиям, кроме тех, которые хотят монополизировать истину и подавить другие идейно-политические течения.

Венгерское радио 30 октября было реорганизовано в Свободное радио имени Кошута. А. Микоян и М. Суслов с озабоченностью докладывали в Москву, что оно работает вне какого бы то ни было партийно-правительственного контроля⁴³. 1 ноября, однако, коалиционное правительство И. Надя, остро заинтересованное в расширении каналов воздействия на общественное мнение, приняло специальное решение о радиовещании, подчеркнув, что руководство им должно осуществляться твердой рукой. Планировалось также превратить газету «Magyar Nemzet» в правительственный официоз.

1 ноября на страницах газеты «Új Magyarország» («Новая Венгрия») классик венгерской литературы Ласло Немет, вы-

.....
⁴² Там же. С. 135.

⁴³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Раздел III.

ражая довольно характерные для атмосферы тех дней настроения интеллигенции, писал о том, что весь мир «после этой ошеломляющей революции ждет от нас образцовой модели политического устройства», соединяющей воплощение социалистической идеи с венгерской национальной традицией. Между тем в последние дни октября до образцовой модели было очень далеко. С выводом советских войск из Будапешта напряженность отнюдь не спала⁴⁴.

Еще 30 октября в ходе дискуссий на заседаниях Президиума ЦК КПСС отдавалось предпочтение поискам политических средств урегулирования конфликта. Но уже на следующий день положение изменилось. При принятии решения о применении силы сугубо идеологические соображения перемешивались с геостратегическими, в которых возобладал более привычный конфронтационный подход. Суэцкий кризис конца октября (агрессия Великобритании, Франции и Израиля против Египта, национализировавшего Суэцкий канал) был воспринят в Кремле как симптом недопустимого ослабления советского влияния в мире, побудив тем самым руководство КПСС к демонстрации военной мощи в Венгрии⁴⁵. «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов — империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет», — рассуждал на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев⁴⁶. Кроме того, антиегипетская акция трех стран, кстати, не поддержанная правительством США и осужденная многими западными, не только левыми, политиками, стала тем внешним фоном, на котором советская интервенция в Венгрии могла бы вызвать более снисходительное отношение⁴⁷.

.....
⁴⁴ О первых симптомах нормализации большинство исследователей говорит применительно к 3 ноября, однако это был самый канун решающей советской военной акции.

⁴⁵ См. подробнее второй очерк в настоящей книге.

⁴⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 479–481.

⁴⁷ Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 3

31 октября было решено готовить новую военную акцию, состоявшуюся 4 ноября. Правительство И. Надя, которое 1 ноября в ответ на ввод новых войск из СССР заявило о выходе Венгрии из Организации Варшавского Договора и обратилось за поддержкой ко всему мировому сообществу, было свергнуто. На смену ему пришло новое, сформированное в Москве правительство во главе с Я. Кадаром, готовое действовать в соответствии с волей советского руководства. Уже приказ № 2 главнокомандующего объединенными вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора маршала И. С. Конева «О создании и организации работы военных комендатур» устанавливал контроль за всей издательской деятельностью и средствами массовой информации. Так Венгрия вступила в новый этап своего развития, когда свободной прессе пришлось уйти в подполье и отстаивать идею независимости в принципиально иных условиях, а значительной части журналистского сообщества, занятого в подцензурной прессе (включая, главную газету кадаровской эпохи «Népszabadság»), прибегнуть к саботажу. Однако это уже предмет другой статьи⁴⁸.

По-разному сложились судьбы представителей журналистского сообщества Венгрии 1956 года в последующую эпоху. Издатель подпольной прессы Д. Обершовски был приговорен к пожизненному заключению. Журналист М. Гимеш — главная фигура оппозиционного движения интеллигенции в ноябре 1956 года — получил смертный приговор на процессе по делу Имре Надя и был казнен в июле 1958 года. Близкий И. Надю журналист Г. Лошонци также должен был предстать перед судом, но не дожил, скончавшись в заключении в декабре 1957 года. Арестованные литераторы и журналисты были амнистированы в начале 1960-х годов. Фактически все они занимались потом интеллектуальным трудом — в отличие от лидеров Чехословакии периода «нормализации» 1970-х годов

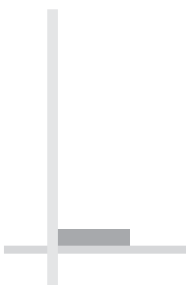
.....
48 См.: *Стыкалин А. С.* Венгерский самиздат 1950–1980-х годов в широком общественно-историческом контексте // *Acta samizdatica. Записки о самиздате.* Вып. 2 (3) / отв. редакторы Б. И. Беленкин, Е. Н. Струкова. М., 2015. С. 263–304.

Кадар и его окружение считали зазорным и нецелесообразным использовать интеллектуалов в качестве дворников и истопников, резонно видя в этом признак слабости режима. Всем этим людям, как правило, находилось место на периферии официальной культурной жизни. Когда в 1963 году на свободу вышел один из крупнейших венгерских мыслителей XX в. Иштван Бибо, вопрос о его дальнейшем трудоустройстве решался, как и в ряде других случаев, на Политбюро ЦК ВСРП. Видные журналисты, эмигрировавшие на Запад, уже в начале 1957 года возобновили в эмиграции газету «Irodalmi Újság». Некоторые из них (М. Мольнар, Т. Мераи, П. Кенде и др.) впоследствии проявили себя как историки, внося заметный вклад в изучение венгерской революции. П. Кенде, вернувшись в Венгрию, стал в 1990 году одним из основателей Института по изучению революции 1956 года, видного венгерского научного центра в области новейшей истории.

Все эти люди, начинавшие в 1940–1950-е годы как журналисты коммунистической прессы, соратники коммуниста-реформатора И. Надя, пришли впоследствии к переосмыслению устоев собственного мировоззрения. Уже в 10-летний юбилей революции М. Мольнар приходит к выводу: дискуссия об исторической роли Имре Надя и его жизни закончилась, и его идеологические построения и система ценностей не могут далее служить отправной точкой для новой эпохи. Историками много писалось о том, что, несмотря на свою видимую неудачу, венгерская революция заставила извлечь из нее уроки обе сверхдержавы, а венгерский коммунистический режим — изменить свою внутреннюю политику. Не менее важно и другое: при всей противоречивости и всем трагизме событий «будапештской осени» отстаивание демократических и национальных ценностей в Венгрии 1956 года сохраняет значение морального примера. По справедливому замечанию И. Бибо, «будапештская осень» была не просто политической акцией с определенными целями, это была в первую очередь «революция человеческого достоинства».

**Венгерский кризис
1956 года и советско-
югославские отношения
второй половины
1950-х — начала
1960-х годов**

Проблема разностороннего влияния советско-югославских отношений на положение в Венгрии и политику ее правящей верхушки в условиях глубокого кризиса сталинистского режима в середине 1950-х годов неоднократно рассматривалась в венгерской историографии последних десятилетий в работах Золтана Риппа, Яноша М. Райнера и других исследователей¹. Однако введение в научный оборот широкого корпуса документов из российских архивов, в первую очередь из Архива внешней политики России МИД Российской Федерации, позволяет дополнить картину, известную из других источников, новыми существенными штрихами. Это касается среди прочего вопросов об отношении официальной Москвы к перспективе венгеро-югославского сближения, о конкретных шагах, предпринятых ею в целях разрешения венгеро-югославских противоречий на основе максимально-го приближения не только союзнической Венгрии, но и нейтральной Югославии к внешнеполитической линии СССР.

.....
¹ *Ripp Zoltán.* Belgrád és Moszkva között. A jugoszláv kapcsolat és a Nagy Imre-kérdés (1956. november – 1959. február). Budapest, 1994; *Rainer M. János.* Nagy Imre. Politikai életrajz II. 1953–1958. Budapest, 1999. См. также сборник документов по истории венгеро-югославских отношений в указанный период: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956–1959. Dokumentumok. Köt. I–II / Az iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta Kiss J., Ripp Z., Vida I.* Budapest, 1997, 2000.

Успешно развивавшиеся в самые первые послевоенные годы отношения между СССР и Югославией резко ухудшились, как известно, в 1948 году. Значение советско-югославского конфликта, изученного в обстоятельных работах Л. Я. Гибианского², далеко перешагнуло рамки двусторонних связей. «Народно-демократические» режимы Центральной и Юго-Восточной Европы посредством созданного в 1947 году Коминформа были плотнее пристегнуты к СССР, стали одним из инструментов осуществления его внешней политики, которая в условиях обострившейся холодной войны носила все более конфронтационный характер, будучи направленной как против стран блока НАТО, образованного в 1949 году, так и против Югославии. Носившая антиюгославский характер пропагандистская истерия распространилась на всю советскую сферу влияния: по сути дела, можно говорить о психологической войне, в ходе которой страна, к 1948 году наиболее далеко продвинувшаяся на пути «социалистического строительства» по советскому образцу, была неожиданно для многих не только отлучена от «народно-демократического» лагеря, но и объявлена едва ли не главным врагом.

Особенно ощутимо антиюгославская кампания проявилась в Болгарии, Албании, а также в Венгрии. Геополитическое положение страны на стыке Центральной Европы и Балкан, наличие обширной границы с «ревизионистской» Югославией способствовали тому, что в военно-стратегических планах Кремля на случай перерастания холодной войны в горячую Венгрии отводилось чрезвычайно важное место. После состоявшегося в сентябре 1949 года в Будапеште судебного процесса по делу Ласло Райка и его товарищей, на котором ряд видных деятелей венгерского коммунистического движения был, как известно, обвинен в подрывной антигосударственной деятельности именно в пользу «клики Тито», венгерско-югославская граница стала ареной сосре-

.....
 2 The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949 / Ed. by G. Procacci, G. Adibekov, A. Di Biadgio, L. Gibianskii, F. Gori, S. Pons. Fondazione Feltrinelli, Annali, № XXX. Milano, 1994 (На русском языке: *Гибианский Л. Я.* От первого до второго совещания Коминформа // Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М., 1998 С. 337–373; Он же. Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Там же. С. 509–542).

доточения большого количества войск и боевой техники, возникла реальная угроза перерастания психологической войны в вооруженный конфликт с непредсказуемыми последствиями³.

Только после смерти Сталина 5 марта 1953 году складываются реальные предпосылки для нормализации отношений между СССР и его союзниками, с одной стороны, и Югославией, с другой. Оказавшись перед необходимостью подвести некоторые внешнеполитические итоги сталинского правления и наметить программу действий на будущее, преемники «отца народов» были вынуждены признать безрезультатность массовой антиюгославской кампании. Чем более шумной становилась антиюгославская истерия вовне страны, тем более твердую опору обретал режим Тито изнутри, поскольку острые межнациональные противоречия отступали в условиях внешнего вызова на второй план. В Москве в той или иной мере это начали осознать. Показательно весьма откровенное признание министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, сделанное на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 году: «Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя дальше продолжать проводившуюся в последнее время линию в отношениях с Югославией. Стало ясно, что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком, — послы, официальные телеграммы, деловые встречи и пр.»⁴ Приведенная в этих словах оценка места Югославии на международной арене искажала реальную ситуацию. Конечно, оказавшись в состоянии блокады со стороны СССР и стран «народной демократии», Югославия в начале 1950-х годов действительно была вынуждена ак-

³ Известно, что подписанные в 1947 году мирные договоры с Венгрией и Румынией сохраняли за СССР право держать на территории этих стран только воинские части, необходимые для поддержания коммуникационных связей с советской зоной оккупации в Австрии. В 1949 году в обстановке резкого обострения советско-югославских отношений численность контингента Советской Армии в Венгрии была увеличена, причем по инициативе венгерского лидера М. Ракоши. См.: *Györkei Jenő – Horváth Miklós. Adalékok a szovjet katonai megszállás történetéhez // Szovjet katonai intervenció 1956. Budapest, 1996. 8 o.*

⁴ Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 164–165.

тивизировать экономические и политические связи с Западом. Происходили контакты и в военной области — не только в сфере поставки вооружений, но и в вопросах взаимной координации оборонительных усилий⁵. Вместе с тем режим Тито, как известно, дистанцировался от блока НАТО, согласившись лишь в интересах укрепления безопасности страны на вступление Югославии в ассоциированный с НАТО региональный Балканский пакт с участием Греции и Турции. Все-таки устами Молотова (кстати сказать, наиболее жесткого ортодокса в советском руководстве, менее других склонного к преодолению сталинского наследия в том числе и в югославском вопросе) была однозначно заявлена готовность Кремля к определенной корректировке политики. Титовский режим продолжал рассматриваться как недружественный СССР, однако задачи укрепления советского влияния в Юго-Восточной Европе и ослабления напряженности на границах соцлагеря вынуждали к компромиссу.

При определении внешнеполитических приоритетов СССР на новом этапе югославское направление признается одним из важнейших. При встречном движении со стороны руководства Югославии, заинтересованного в оживлении экономических связей с СССР и рассчитывавшего на некоторое содействие Москвы в урегулировании триестского вопроса, задачи нормализации двусторонних отношений успешно решались. 31 июля 1953 года посол СССР В. А. Вальков вручил президенту ФНРЮ И. Брозу Тито верительную грамоту. В Москву в те же недели прибыл посол Югославии Д. Видич. После годичного выжидания 22 июня 1954 года Н. С. Хрущев от имени ЦК КПСС направил письмо в ЦК Союза коммунистов Югославии, в котором предлагалось провести встречу на высоком уровне в целях преодоления наслоений в двусторонних отношениях. Тито в ответном письме от 11 августа благосклонно отнесся к этому предложению, подчеркнув в то же время решимость Югославии не поступаться самостоятельностью своей внешней политики⁶. Осенью 1954 года фактически сходит

⁵ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». М., 2002.

⁶ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов, взявших в конфликте сторону Коминформа и нашедших прибежище в СССР, начинают изыматься из широкого обращения книги и брошюры, содержавшие выпады, «находящиеся в противоречии с политикой нормализации отношений между СССР и Югославией»⁷. 20 октября «Правда», используя в качестве повода 10-летие освобождения Белграда от нацистов, провозгласила тезис о братстве народов двух стран. О готовности СССР пойти на сближение с Югославией говорилось и 6 ноября на торжественном заседании по случаю 37-ой годовщины октябрьской революции. 28 ноября представители советского руководства посетили югославское посольство в Москве по случаю Дня независимости ФНРЮ. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 года подписанием соглашения о товарообмене на 1955 год.

Таким образом, к началу 1955 года задачи, поставленные летом 1953 года, были в основном решены. Вместе с тем логика развития отношений между родственными коммунистическими режимами заставляла не только Москву, но в известной мере и Белград не останавливаться на достигнутом. Для маршала Тито, отнюдь не жаждавшего оказаться в роли кремлевского вассала, готовность к сотрудничеству с СССР могла в то же время послужить инструментом давления на Запад в целях достижения более выгодных условий получения кредитов, а потому, хотя и не без постоянной оглядки на западные державы, он все же склонялся к активизации переговорного процесса с Москвой. В Кремле, в свою очередь, считали, что дружба с Югославией, обеспечив закрепление в Адриатике, не только значительно укрепит стратегические позиции СССР на Балканах, но гарантирует прорыв в Средиземноморье. Учитывалось и то, что режим Тито, успешно выдержав натиск СССР, завоевал большой авторитет на международной арене (не в последнюю очередь в странах «третьего мира»). В силу этого опасения «потери лица» в результате далеко идущих уступок

.....
⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 138. Л. 117.

недавнему заклятому врагу отступали на задний план перед соблазном попытаться использовать союз с Югославией не только при решении оборонно-стратегических задач, но и в интересах упрочения руководящих позиций СССР как в мировом коммунистическом, так и в «национально-освободительном» и «антиимпериалистическом» (в соответствии с официальными идеологами Москвы) движении.

Впрочем, в постсталинском «коллективном руководстве» КПСС к 1955 году обнаружились довольно серьезные разногласия в вопросе о пределах сближения с Югославией. В первую очередь они были связаны с особой позицией В. М. Молотова. Принципиально отрицая ее принадлежность к числу стран, строящих социализм, он последовательно противился сотрудничеству по партийной линии и планам вовлечения Югославии в советский блок. К этому следует добавить, что наметившееся сближение с режимом Тито отнюдь не перечеркнуло возможности использовать югославский вопрос во внутривластической, чаще всего подковерной, борьбе, обострившейся в кремлевских коридорах в первые годы после смерти Сталина. При этом югославская карта разыгрывалась сугубо прагматически, в зависимости от определенных конъюнктурных интересов. Так, при устранении летом 1953 года Л. Берии ему вменялась в вину именно попытка установления, минуя ЦК, сепаратных связей с «врагами СССР» Тито и Ранковичем. Но двумя годами позже, на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 года, Молотов был подвергнут жесткой проработке, напротив, за противодействие ведомого им аппарата МИДа сближению с Югославией.

Вопреки явному сопротивлению министра иностранных дел, к весне 1955 года руководством СССР был взят курс на осуществление решительного прорыва в отношениях с Югославией. Эта задача казалась тем более насущной, что усиление скрытых проюгославских симпатий среди коммунистов во всем мире было фактом, не ускользавшим от внимания Москвы. Медленно, но неуклонно развивавшийся процесс набрал полную силу к концу мая, когда приехавший в Белград во главе советской делегации Н. С. Хрущев признал «ошибки» советской стороны, допущенные еще при жизни Сталина в отношениях с Югославией. При том, что в соответствии с «духом времени» главная ответственность за раз-

рыв 1948 года была возложена на Л. Берия⁸, белградская встреча советских и югославских лидеров 27 мая — 2 июня 1955 года продемонстрировала всему миру стремление руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 году, сближение с режимом Тито, по сути дела речь шла о линии Москвы на восстановление положения, существовавшего до 1948 году. Хотя поначалу рассматривавшаяся в качестве программы-максимум идея присоединения Югославии к только что образованной Организации Варшавского Договора была вскоре отложена как несвоевременная, после майско-июньской встречи активизируются всесторонние (экономические, торговые, культурные) связи с Югославией. По итогам поездки в Белград в советском руководстве возобладала точка зрения о социалистическом характере общественных отношений в Югославии, при том, что формировавшаяся с начала 1950-х годов в условиях изоляции от советского лагеря концепция «самоуправленческого» социализма вызывала в Москве критику из-за имевшихся отступлений от «образцовой» советской модели. В докладе Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 года было принципиально заявлено: «по экономической структуре и по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа»⁹.

Оживление советско-югославского диалога стало решающей предпосылкой нормализации отношений Югославии с европейскими странами «народной демократии», союзниками СССР. Процесс этот был непростым и в каждом конкретном случае имел свою специфику. Как отмечалось в документах МИД СССР, особенно трудно в силу разных причин происходило налаживание взаимопонимания Югославии с Болгарией, Албанией и едва ли не в первую очередь с Венгрией. В частности, в справке V Европейского отдела МИД СССР «О состоянии венгеро-югославских отношений» (8 февраля 1956 года) отмечалось, что «урегулирование отноше-

.....
⁸ «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. М., 1999. № 1. С. 6.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 88. Л. 140. Записи советско-югославских встреч в мае — июне 1955 года и материалы июльского пленума ЦК КПСС см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том I. 1946–1964 / гл. ред.: М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М., 2014.

ний между Венгрией и Югославией происходит гораздо медленнее и с большими трудностями, чем урегулирование отношений между Югославией и другими странами народной демократии»¹⁰.

В конце 1940-х годов, управляя из Москвы шумной антиюгославской оргией, Сталин и его окружение отвели именно режиму Ракоши в Венгрии роль первой скрипки в оркестре. Инициированное венгерским лидером при участии советников из СССР «дело Райка» способствовало, как известно, переходу конфликта на новый виток, когда Югославия была объявлена в Москве страной, находящейся во власти уже не просто ревизионистов, а «шпионов и убийц». После этого не кажется удивительным, что Тито и его окружение, пойдя на сближение с Советским Союзом, вместе с тем продолжали подчеркнуто дистанцироваться от венгерского руководства. Правда, некоторые дружеские жесты, не ускользнувшие от внимания советской дипломатии, были сделаны в начале 1955 года в адрес премьер-министра Имре Надя, в котором лидеры нейтральной ФНРЮ не без оснований увидели политика, готового поставить во главу угла национальные приоритеты и в силу этого своего потенциального союзника в противодействии советскому диктату. Эти жесты, однако, остались безответными: находившийся под сильным прессингом контрреформаторского крыла в собственной партии, поддержанного Москвой, и озабоченный внутренними, прежде всего экономическими, проблемами И. Надь был в тех условиях совершенно неспособен на проведение хоть сколько-нибудь самостоятельной внешней политики. После отстранения в апреле 1955 года И. Надя со своего поста позиции Ракоши вновь усилились, что никак не могло способствовать нормализации венгеро-югославских отношений¹¹.

.....
¹⁰ АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 8. См. также подготовленную в ноябре 1955 года справку МИД СССР об отношениях стран народной демократии с Югославией: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 12–35; См., кроме того, политический отчет посольства СССР в ФНРЮ за 1956 год: Там же. Д. 405. Л. 92–115.

¹¹ См. запись состоявшейся 15 марта 1955 года беседы посла СССР Ю. В. Андропова с министром иностранных дел ВНР Я. Болдоцким, говорившим о проявленной с югославской стороны инициативе активизировать отношения с Венгрией: АВПР. Ф. 077. Оп. 36. Папка 181. Д. 5. Л. 17–19. См. также справку МИД СССР от 4 декабря 1956 года «К вопросу о поддержке Имре Надя и его политики югославским руководством» (Там же. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 86).

Подписание 2 июня 1955 года Хрущевым и Тито Белградской Декларации, воспринятое руководством Венгерской партии трудящихся (ВПТ) как сигнал к перемене курса Венгрии в отношении Югославии¹², означало, что в обозримом будущем неизбежен пересмотр «дела Райка». Известно, что этот вопрос впервые озвучил в Венгрии весной 1955 года журналист Миклош Гимеш, за свою неслыханную по тем временам дерзость исключенный из партии. Однако спустя считанные месяцы дело не могло не сдвинуться с мертвой точки. В июле того же года И. Броз Тито выступил с резким публичным заявлением в адрес венгерских лидеров, настаивая на внесении ясности в «дело Райка». После всех примирительных жестов Москвы в отношении Белграда Ракоши уже не мог проигнорировать такое заявление. 8 августа на митинге в Чепеле (рабочий район Будапешта) он в довольно обтекаемой форме был вынужден признать несостоятельность прозвучавших в ходе «процесса Райка» обвинений против Югославии. Главная ответственность за раздувание в Венгрии антиюгославской истерии в связи с «делом Райка» была возложена на Л. Берия и его венгерского коллегу Габора Петера, арестованного еще в январе 1953 года. Признание полной невиновности самого Райка и осужденных вместе с ним коммунистов тогда, однако, не последовало. Хотя Ракоши и попытался заверить югославских лидеров в том, что с венгерской стороны все будет сделано для восстановления дружеских отношений, существовавших до лета 1948 года, в Белграде его выступление было встречено с немалым скептицизмом. Там ждали от Ракоши не только большей внятности в переоценке «дела Райка», но и реабилитации тех нескольких сот человек (представителей югославянских меньшинств Венгрии, а также граждан ФНРЮ), которые были осуждены по ложным обвинениям в шпионаже в пользу Югославии.

Как бы в ответ на эти ожидания Ракоши в ноябре 1955 года в своем выступлении на пленуме Центрального Руководства ВПТ вновь затронул «проблему Райка». Он признал необходимость пе-

¹² См. материалы заседания Политбюро Центрального Руководства (ЦР) Венгерской партии трудящихся (ВПТ) от 7 июня 1955 года, где обсуждались итоги советско-югославской встречи на высшем уровне и извлекались выводы для Венгрии: Magyar Országos Levéltár. 276 f., 53 cs., 235 ő. e.

рассмотреть это дело, однако так, чтобы это нанесло наименьший ущерб партийному руководству. Советские лидеры, которых «дело Райка» затрагивало не столь непосредственно, как Ракоши, к этому времени уже более откровенно говорили перед узкой партийной аудиторией о том, что оно было сфабриковано в целях дискредитации югославского руководства. В этом смысле характерна пространная речь Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 года¹³.

Более реальный шаг навстречу югославским пожеланиям был сделан венгерской стороной в вопросе о реабилитации осужденных за симпатии к Югославии (по данным, имевшимся в Белграде, к ноябрю 1955 года в венгерских тюрьмах все еще содержалось 200–300 таких человек). Многие были освобождены в конце 1955 — начале 1956 года, желающим было предоставлено право переселиться в Югославию. Эта мера, как и снятие в те же месяцы противотанковых заграждений на венгеро-югославской границе, была позитивно воспринята в Белграде, в то время как затяжка с полной реабилитацией Райка еще долго давала повод для критики в адрес венгерских властей. Как отмечалось в относящейся к ноябрю 1955 года справке МИД СССР об отношениях стран народной демократии с Югославией, «в своих взаимоотношениях с венграми югославы большое внимание уделяют вопросу о пересмотре «дела Райка», выдвигая его в ряде случаев в качестве условия дальнейшего развития венгеро-югославских отношений». Вопрос этот неоднократно поднимался и в беседах с советскими коллегами. Так, в беседе с сотрудником посольства СССР в Венгрии 7 ноября 1955 года работник югославской миссии, заявляя, что улучшению двусторонних отношений препятствует венгерская сторона, указал прежде всего на то, что венгры не провели пересмотра процесса Райка, направленного непосредственно против Югославии. В свою очередь венгерские дипломаты, беседуя с советскими представителями, обращали внимание на то, что нерешенность вопроса о Райке дала югосла-

.....
¹³ Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. См. также: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии...

вам повод отказаться от обмена парламентскими делегациями с Венгрией и от возведения миссий в ранг посольств¹⁴. Как явствует из документов, в МИД СССР считали излишними требования полной реабилитации Райка, выдвигавшиеся со стороны ФНРЮ как условие нормализации венгерско-югославских отношений. Так, авторы справки от 8 февраля 1956 года полагали, что с выступлением Ракоши на Чепеле 8 августа «вопрос о деле Райка фактически был решен». Все же составители справки не могли не признать, что «осадок» от этого дела «продолжает сказываться на венгеро-югославских отношениях»¹⁵. Впоследствии, в конце 1956 года, когда под влиянием венгерской революции советско-югославские отношения заметно осложнились, в документах МИД СССР усиленно муссировался тезис о том, что югославы сознательно использовали нерешенное дело Райка в целях дискредитации венгерского руководства¹⁶.

Другой причиной сохранявшейся натянутости в двусторонних венгеро-югославских отношениях была неурегулированность вопроса о взаимных финансовых претензиях¹⁷. Венгеро-югославские переговоры по этим проблемам, начатые в сентябре 1955 года, проходили очень трудно, неоднократно прерываясь. Югославия последовательно настаивала на том, чтобы ВНР полностью выплатила долг по репарациям, установленным на основании Парижского мирного договора 1947 года, включая пени за прежние невыплаты, и кроме того, компенсировала убытки, образовавшиеся в результате разрыва торговых отношений в 1948 года. Как заметил в беседе с советским дипломатом в феврале 1956 года секретарь миссии ФНРЮ в Будапеште, очевидно выражавший мнение официального Белграда, «вопрос о финансовых претензиях к Венгрии не является только экономическим вопросом — это одновременно и политический вопрос». В 1941 году, сказал он, Венгрия вместе

14 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 26.

15 АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 9.

16 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104–105.

17 АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 215. 7 марта 1956 года министр иностранных дел ВНР Я. Болдоцкий признал в беседе с советником посольства СССР В. Астафьевым, что эта проблема являлась «серьезным препятствием в деле нормализации отношений с Югославией и по другим линиям».

с Германией напала на Югославию и венгерские войска оккупировали югославскую территорию, а после 1948 года именно в Венгрии антиюгославская пропаганда достигла высшей точки. Ввиду всего этого, по его словам, «было бы невозможно объяснить югославскому народу отказ от большей части претензий к Венгрии»¹⁸. Хотя первоначально заявленная претензия на выплату 523 млн долларов была со временем уменьшена Югославией до 200 млн, а затем и до 150 млн, Венгрия сочла завышенной и эту сумму, переговоры зашли в тупик и отношения настолько обострились, что в Белграде в конце 1955 года всерьез задумывались над тем, чтобы отозвать из Будапешта большую часть югославского дипломатического корпуса¹⁹. Проблему удалось урегулировать только 29 мая 1956 года, когда было подписано соглашение, по которому Венгрия обязалась в течение 5 лет погасить товарными поставками задолженность Югославии в размере 85 млн долларов США. В подписании этого соглашения сыграла свою роль обоюдная заинтересованность в реконструкции хорватского порта Риека, которому после восстановления нормальных двусторонних отношений снова предстояло стать «морскими воротами» Венгрии (Югославия рассчитывала на поставку из Венгрии оборудования, с помощью которого можно было бы увеличить пропускную способность этого порта на Адриатике, чего очень хотели и в Венгрии)²⁰. При этом сумма выплат, установленная в ходе переговоров, по-прежнему расценивалась венгерским общественным мнением как завышенная. 24 июля венгерский журналист в беседе с советским дипломатом В. А. Крючковым (впоследствии председателем КГБ) говорил, что, хотя рабочие и положительно относятся к нормализации отношений с Югославией, нередко можно слышать, «не

.....
 18 Там же. Л. 149.

19 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104. Советская сторона в начале 1956 года склоняла венгров пойти на определенные уступки Югославии. Позже, в конце 1956 года, в документах МИД СССР доминировала точка зрения о том, что, выдвигая «явно неприемлемые и необоснованные требования», Югославия пыталась использовать неурегулированный финансовый вопрос в целях навязывания Венгрии своего пути социалистического строительства.

20 АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 207–208. Запись беседы советника посольства СССР в Венгрии В. Астафьева с министром иностранных дел Венгрии Я. Болдоцким от 5 марта 1956 года.

слишком ли велика плата в 85 млн долларов за оскорбления, нанесенные Тито в период недружественных отношений стран демократического лагеря с Югославией»²¹.

Помимо финансовых претензий к ВНР, в Югославии открыто высказывали недовольство в связи с положением сербского и хорватского национальных меньшинств в Венгрии. Речь шла, в частности, о том, что южные славяне не были представлены в местных советах, а также об отсутствии должных условий для обучения детей на сербском и хорватском языках. В феврале 1956 года МИД ВНР впервые после 1948 года разрешил посланнику Югославии Далибору Солдатичу и его подчиненным выехать в район компактного проживания югославянских нацменьшинств в Венгрии. Интерес к этой поездке был в Белграде столь велик, что главная газета «Борба» 15 февраля сообщила о ней на первой полосе. Югославский дипломат Н. Раденович рассказывал советскому коллеге В. Казимирову о весьма негативных впечатлениях, вынесенных им от посещения Южной Венгрии. Он говорил, например, что в южном венгерском городе Мохаче, где проживало 6–8 тыс. южных славян, «нет ни одной школы, где обучение велось бы на сербском или хорватском языках, хотя такие школы были и при Хорти и даже во время войны. Сейчас имеется лишь одна читальня, которая, однако, возглавляется директором-венгром. Раденович считает, что венгерские власти проводят политику «мадьяризации» югославского нацменьшинства. В Мохаче осталось лишь несколько сотен лиц югославского происхождения, умеющих правильно говорить на родном языке, некоторых еще можно понять, когда они говорят по-сербски, а многие совершенно не знают родного языка. Раденович сказал, что, насколько ему известно, положение других нацменьшинств в Венгрии тоже не блестящее, однако никакое другое меньшинство не было в таком стесненном положении, как югославское (особенно после 1948 года), за исключением, может быть, немецкого». За последнее время, продолжал Раденович, «положение изменилось лишь в том смысле, что представители югославского нацменьшинства стали смелее, свободнее ставить соответствующие вопросы, а практически сделано еще

.....
²¹ Там же. Д. 9. Л. 202.

очень мало»²². В другом документе говорилось о том, что в селах со смешанным венгерским и сербским населением около Сегеда существуют ненормальные отношения, проявляются взаимное недоверие и даже отголоски вражды, питавшейся антититовской пропагандой прежних лет; югославы вели замкнутую жизнь, не участвовали в венгерских праздниках и т. д.²³ Посольство СССР в то время признало претензии Югославии отчасти обоснованными. «Несмотря на известную пристрастность и предубежденность Раденовича, некоторые его высказывания относительно положения югославского нацменьшинства в Венгрии, видимо, в какой-то мере соответствуют действительности», — так стажер посольства СССР В. Казимиров резюмировал итоги своей беседы с югославским дипломатом²⁴.

Чтобы пойти навстречу пожеланиям Белграда, в Будапеште были предприняты конкретные шаги по активизации культурной жизни югославянских меньшинств. Как отмечалось в записке посольства СССР от 23 августа 1956 года, «в областях, населенных меньшинствами, стали часто проводиться «национальные недели» с обширными программами культурных мероприятий. Такие недели проведены в областях Баранья, Шомодь и в других местах»²⁵. 19 декабря 1955 года в одном из главных театров Будапешта — «Вигсинхазе» — в присутствии нескольких членов Политбюро ЦР ВПТ прошел вечер, посвященный культуре национальных меньшинств Венгрии²⁶. Сменилось руководство входившего в состав Отечественного народного фронта ВНР Демократического союза южных славян Венгрии, который после 1948 год служил немаловажным инструментом в антититовской пропаганде режима Ракоши. Югославских политэми-

22 Там же. Д. 7. Л. 150–151.

23 Там же. Л. 49.

24 Там же. Л. 151. О нехватке сербских и хорватских школ в Венгрии, а также о проблемах, связанных с «моральной реабилитацией, материальной компенсацией, трудоустройством и т. д.» представителей южнославянских меньшинств, осуждавшихся ранее за связь с титовской Югославией, см. также в записке посольства СССР в Венгрии «О состоянии венгеро-югославских отношений» от 23 августа 1956 года (Там же. Папка 191. Д. 39. Л. 69–70).

25 Там же. Л. 69.

26 Там же. Папка 187. Д. 7. Л. 150.

грантов-коминформовцев, до тех пор возглавлявших союз, переводят на другую работу²⁷.

Наконец, преодолению натянутости в двусторонних отношениях мешали неоднократно высказывавшиеся с венгерской стороны претензии в связи с излишней «развязностью» югославских дипломатов, контактировавших в Венгрии с разного рода «нежелательными» элементами. Секретарь ЦР ВПТ Лайош Ач говорил 12 января 1956 года советскому послу Ю. В. Андропову, что «югославская миссия в Будапеште поддерживает тесные связи со многими лицами, неприязненно и даже враждебно настроенными по отношению к народно-демократическому режиму». Именно на основе этой информации строились, по его мнению, донесения о положении в Венгрии и о развитии венгеро-югославских отношений, посылаемые в Белград. Особое недовольство вызвал тот факт, что югославская миссия, получив из Белграда текст лекции, прочитанной Э. Карделем в Норвегии²⁸, стала распространять его в учебных заведениях Будапешта. Л. Ач назвал странными подобные действия югославской миссии и посланника Солдатича, который, как он считал, своей деятельностью «слабо содействует улучшению и укреплению венгеро-югославских отношений»²⁹. О «засоренности дипломатического аппарата и журналистских кругов Югославии неблагоприятными элементами», о настроениях югославских дипломатов как не соответствующих задачам улучшения отношений с Венгрией, примерно в те же дни, 19 января, говорили советнику посольства СССР В. Астафьеву в балканском отделе МИД ВНР³⁰. Не только официальный Будапешт, но и советских эмиссаров весьма раздражали «нездоровый» интерес югославских дипломатов к событиям внутривнутриполитической жизни Венгрии, их склонность задавать «провокационные» вопросы — о судьбе вдовы Райка и т. д. Подобного рода вопросы югославских

.....
27 Там же. Л. 55.

28 Главный идеолог режима Тито Эдвард Кардель, посетив в октябре 1954 года Норвегию, выступил там с лекцией о преимуществах югославской системы самоуправления, имевшей международный резонанс.

29 АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 4. 30 января V Европейский отдел МИДа проинформировал о содержании этой беседы посла СССР в ФНРЮ Н. П. Фирюбина.

30 Там же. Папка 187. Д. 7. Л. 54.

коллег тщательно фиксировались советскими дипломатами, найдя отражение в справке посольства СССР в Венгрии от 23 августа 1956 года под красноречивым заголовком: «О деятельности работников югославской миссии в Будапеште, мешающей нормализации венгеро-югославских отношений»³¹. По жанру она более всего напоминает донос. Впрочем, оценивая различного рода трения между югославскими дипломатами и венгерскими функционерами, МИД СССР по крайней мере до середины лета — начала осени 1956 года не всегда был безоговорочно склонен становиться на сторону последних. В справке МИДа, относящейся к ноябрю 1955 года, например, отмечалось: «ослаблению напряженности отношений между Венгрией и Югославией препятствует тот факт, что венгры недостаточно тактично относятся к югославским дипломатам. По наблюдениям румынского посла в ВНР Клежа, венгерские товарищи недружелюбно относятся к югославам; работники МИД ВНР на приемах говорят с ними в повышенном тоне, часто спорят по пустякам, иногда проявляют грубоватость. Со стороны же югославских дипломатов в отношении венгров наблюдается определенная предубежденность»³².

Новая ситуация в развитии венгерско-югославских отношений возникла после XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 года). При всей непоследовательности в выявлении сущности сталинизма решения XX съезда дали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон тоталитарной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Что касается югославских коммунистов, то они связывали с XX съездом КПСС надежды на более решительную критику Сталина и, в частности, публичное возложение на него ответственности за разрыв советско-югославских отношений в 1948 году³³. Ход съезда в целом удовлетворял многих из них, хотя хотели большего. «Если дела и дальше будут идти в этом направлении, то .....

³¹ Там же. Папка 191. Д. 39. Л. 74–81.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 404. Л. 26.

³³ АВПр. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 148–149. Записи бесед сотрудника посольства СССР в Венгрии с югославскими дипломатами, состоявшихся в дни съезда.

можно ожидать, что на следующем съезде будут открыто критиковать ошибки, допущенные во время Сталина», — не без иронии резюмировал в дни съезда свои ожидания один из югославских дипломатов, всё же назвавший XX съезд «качественным скачком» в развитии КПСС³⁴.

Надо сказать, что благодаря знаменитому закрытому докладу Хрущева в конце работы съезда с острой критикой «культа личности» итоги XX съезда даже несколько превзошли подобные ожидания. Некоторые факты, приведенные Хрущевым, независимо от его желания настолько сильно компрометировали всю систему, породившую беззакония, что югославские коммунисты, еще в марте получившие текст выступления Хрущева, так и не решились полностью его опубликовать, изложив в «Борбе» 20 марта только общие его положения. Полностью секретный доклад Хрущева был опубликован в Югославии только в 1989 году.

Официальный Белград был в целом доволен прозвучавшим в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду причислением ФНРЮ к социалистическим государствам. Впрочем, с югославской стороны открыто высказывалось и более скептическое отношение к съезду. Так, военный атташе в Будапеште Дробац говорил уже по окончании съезда советнику посольства СССР, «что, по его мнению, решения XX съезда КПСС только по форме отличаются от прошлых решений, а содержание их остается старым, поскольку во главе КПСС остались те же руководители, и что культ личности в Советском Союзе не изжит»³⁵. Все-таки советское посольство в Венгрии еще в дни съезда имело основания констатировать: «в поведении югославских дипломатов заметно значительное изменение в сторону более дружественного и более любезного отношения к советским дипломатам»³⁶.

Наряду с Польшей движение с требованием демократизации существующего коммунистического режима весной 1956 года достигло наибольшего размаха в Венгрии. В марте и апреле на многих партийных собраниях, особенно в среде будапештской интел-

.....
34 Там же. Л. 148.

35 Там же. Папка 191. Д. 39. Л. 76.

36 Там же. Папка 187. Д. 7. Л. 147.

лигенции, звучала острая критика в адрес Ракоши и его окружения за неспособность и нежелание извлечь уроки из решений XX съезда, раздавались требования довести до конца реабилитацию жертв незаконных репрессий и, в частности, полностью пересмотреть дело Райка. Как отмечалось в советских дипломатических донесениях за март 1956 года, это дело крайне болезненно воспринималось многими членами партии: они не верили в виновность одного лишь Габора Петера и непричастность к неблагоприятным действиям других руководителей ВПТ³⁷. Особенно много вопросов в связи с Райком возникало в свете продолжавшегося сближения СССР и его союзников с Югославией: трудящимся непонятно, почему осенью 1949 года Тито именовали не иначе, как «цепным псом» американского империализма, а сегодня называют товарищем, — говорил советскому дипломату работник аппарата ВПТ³⁸. Вопросы о корнях дела Райка не мог не задать Ракоши интервьюировавший его 21 марта корреспондент «New York Times». Первый секретарь ЦР ВПТ повторил дежурную версию о том, что его ввели в заблуждение махинации Бери, излюбленным методом которого было смешивать «правильные вещи» с клеветой³⁹.

Столкнувшись с непривычно резкой критикой, Ракоши был вынужден пойти на уступки — в конце марта, выступая на партактиве в Эгере, он признал полную несостоятельность обвинений против Райка и осужденных вместе с ним коммунистов. Вскоре после этого Верховный суд Венгрии провел юридическую процедуру реабилитации. Вместе с тем, желая оградить себя от ответственности, первый секретарь ЦР ВПТ решил сделать «козлом отпущения» одного из своих ближайших соратников, министра обороны в 1948–1953 годах Михая Фаркаша, действительно в немалой мере причастного к организации репрессий. Решением мартовского пленума ЦР ВПТ 1956 года была создана специальная партийная комиссия для изучения дела Фаркаша в связи с его непосредственным участием в фабрикации незаконных обвинений против Райка и многих других коммунистов, включая высокопоставленных во-

.....
³⁷ Там же. Д. 8.

³⁸ Там же. Д. 7. Л. 42–44.

³⁹ Там же. Фонд секретариата министра. Оп.15-а. Папка 28. Д. 99.

начальников, в 1949–1951 годах. Возглавивший комиссию руководитель будапештской парторганизации Иштван Ковач 30 марта доверительно говорил Ю. В. Андропову о намерении высших органов ВПТ «провести расследование дела Фаркаша как можно организованнее и не дать ему возможность переложить свою вину на т. Ракоши»⁴⁰.

После XX съезда КПСС задача дальнейшего сближения с Югославией, вовлечения ее в орбиту советского влияния продолжала считаться приоритетной на восточноевропейском направлении советской внешней политики. Поскольку межгосударственные отношения к этому времени не только вполне нормализовались, но приняли форму многообразного сотрудничества в различных областях (от экономики до культуры), на очереди был следующий шаг — установление тесных межпартийных связей между КПСС и Союзом коммунистов Югославии, что предполагало общность подходов к наиболее принципиальным вопросам мирового коммунистического движения. Между тем последовательная линия Югославии в активизировавшемся с 1955 года диалоге двух стран по-прежнему не давала Москве оснований для чересчур оптимистических прогнозов, когда вставал вопрос о пределах такого сближения. Режим Тито, с начала 1950-х годов проводивший активную и самостоятельную внешнюю политику, отнюдь не стремился поступаться своей независимостью. Настойчивое стремление Москвы к установлению более близких, по возможности союзнических отношений с Белградом вынуждало ее не только к поиску компромиссов, но и, до известной степени, к их концептуальному обоснованию. Концепция внутрилагерной политики подлежала определенной корректировке с тем, чтобы отразить своеобразие отношений как с великой дальневосточной коммунистической державой — Китаем⁴¹, так и с относительно небольшой, но внеш-

.....
⁴⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 53. О позиции Ю. В. Андропова в этой связи см. в первом очерке настоящей книги.

⁴¹ Тезис о том, что социалистический лагерь возглавляется двумя странами, СССР и КНР, впервые прозвучал в феврале 1955 года на сессии Верховного Совета СССР в докладе министра иностранных дел В. М. Молотова об основных направлениях внешней политики СССР. Он отразил готовность КПСС во имя единства мирового ком-

неполитически значимой титовской Югославией. Надо было так адаптировать фразеологию XX съезда к внешней политике, чтобы она не только не помешала СССР сохранить завоеванные при Сталине позиции в Восточной Европе, но и позволила бы, если хватит сил, приумножить завоевания за счет возвращения ФНРЮ в советский лагерь. Формула XX съезда о многообразии путей перехода к социализму скрывала в своем подтексте решение именно этой сверхзадачи, уже сама постановка вопроса была в 1956 году актуальна, прежде всего, из-за невозможности подогнать под общий ранжир как китайскую, так и югославскую специфику; характерно, что и в отчетном докладе ЦК, зачитанном Н. С. Хрущевым 14 февраля, ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывалось многообразие форм перехода к социализму⁴². Формальное упразднение Коминформа в апреле 1956 года также явилось не только отказом от отжившей свой век, неэффективной структуры, но не в последнюю очередь жестом доброй воли, адресованным Югославии, ведь в грубой антиюгославской кампании, развязанной Сталиным в 1948 году, именно Коминформ был, как известно, главным инструментом, а утратив после 1953 года подобную роль, он сразу же потерял свое прежнее значение. Кстати сказать, всего за 4 месяца до ликвидации Коминформа, 14 декабря 1955 года, Н. С. Хрущев на пресс-конференции в Дели говорил о целесообразности сохранения такой формы общения и сотрудничества компартий, как Коминформ⁴³. Образовавшийся с ликвидацией Коминформа ва-

.....
мунистического движения пойти на компромисс с Китаем, в известной мере поделившись с ним своей руководящей ролью. См. также: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы)*. М., 1999. С. 140–195.

⁴² Правда. 1956. 15 февраля. «В Федеративной Народной Республике Югославии, где власть принадлежит трудящимся, а общество базируется на общественной собственности на средства производства, в процессе социалистического строительства складываются своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата».

⁴³ *Стыкалин А. С.* Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // *Славяноведение*, 2014. № 1. С. 12–29. Сообщения о критике Коминформа югославскими дипломатами были одним из общих мест в донесениях посольства СССР

куум предстояло чем-то заполнить, найти новые формы советского контроля над Восточной Европой и коммунистическим движением, однако весной 1956 года в этом вопросе не было ясности, о чем свидетельствует хотя бы то, что во второй половине февраля 1956 года на совещании представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС, обсуждалась идея создания вместо Коминформа ряда региональных объединений компартий (объединения компартий стран, строящих социализм, Коминформа западноевропейских стран, Коминформа северных стран, объединения латиноамериканских компартий, объединения компартий стран Юго-Восточной Азии и т. д.)⁴⁴. От новой встречи с Тито ожидали прояснения некоторых концептуальных вопросов, касающихся будущей политики в отношении мирового коммунистического движения.

Визит югославского лидера в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе «Динамо» 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит «смена караула» на Смоленской площади — стопроцентного ортодокса и консерватора В. М. Молотова, упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, заменил более молодой, либеральный, конечно по кремлевским меркам, и мобильный Д. Т. Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии. С первых недель своего пребывания во главе МИДа он развил активную деятельность. Постоянные поездки нового министра за рубеж и его встречи с иностранными лидерами настолько резко кон-

из Венгрии за 1955 — начало 1956 года. По мнению югославы, существование Коминформа приносило СССР огромный вред тем, что давало западной пропаганде повод указывать на наличие мирового коммунистического заговора.

⁴⁴ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 февраля, выполненную заведующим общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малиным: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Эта идея так и не была реализована, и в этом, возможно, сыграло свою роль негативное отношение к ней влиятельнейшего лидера западного коммунистического движения П. Тольятти.

трастировали с дипломатическим стилем предшественника, что заставили политических наблюдателей во всем мире проводить аналогии с челночной дипломатией Дж. Ф. Даллеса. Несколько большая открытость внешней политики СССР способствовала укреплению советского влияния, в частности, в странах «третьего мира» — Москва в это время попыталась, и не безуспешно, разыграть восточную карту, сделать своим союзником активизировавшиеся после Второй мировой войны антиколониальные движения в странах Азии, а затем и Африки. Путь в «третий мир» также мог лежать отчасти через сближение с Югославией, ставшей в середине 1950-х годов одним из инициаторов движения неприсоединения, ведущего свои истоки от Бандунгской конференции 1955 года.

При всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена, более того, вопреки обилию фанфар визит лишь в малой степени оправдал ожидания. Осознавая экономическую выгоду сотрудничества с СССР⁴⁵, Югославия в то же время продолжала блюсти свой суверенитет, вновь, как и годом ранее на встрече в Белграде, отказавшись от заключения с СССР политического договора, ко многому обязывающего. Подписанная 20 июня Декларация о межпартийных отношениях была явно компромиссной со стороны КПСС, в ее основе лежал вариант, предложенный СКЮ. При утверждении ее на Президиуме ЦК КПСС было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»⁴⁶. Как бы там ни было, московская июньская встреча 1956 года ознаменовала собой определенную веху в дальнейшем сближении советского блока со страной, после 1948 года на протяжении ряда лет находившейся на положении «отщепенца».

Среди вопросов, поднимавшихся в ходе бесед, был и венгерский. Учитывая роль режима Ракоши в антиюгославской кампании прежних лет, не удивительно, что в июне 1956 года Тито прямо дал понять Хрущеву: пока у власти в Венгрии находится

.....
⁴⁵ 2 февраля 1956 года в Москве был подписан договор о предоставлении Советским Союзом Югославии большого займа и товарного кредита на выгодных условиях.

⁴⁶ РГАН. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.

Ракоши, желаемая Москвой нормализация венгеро-югославских отношений весьма проблематична. Принципиально не желая встречаться с Ракоши, Тито демонстративно для всех ехал в СССР не через Венгрию, а через Румынию, то есть окольным путем, не скрывал он своего отрицательного отношения к Ракоши и по приезде в Москву⁴⁷.

Надо сказать, что ко времени приезда Тито в СССР комиссией по «делу Фаркаша» был собран большой материал, раскрывающий непосредственное участие Ракоши в организации репрессий. Имре Ковач, постоянно информировавший Ю. Андропова о ходе работы комиссии, 7 мая снова заверил его в своем желании «смазать» роль Ракоши⁴⁸. Однако в реальности в работе комиссии с самого начала негласно проявилась совсем иная установка: заготовленный ею компромат призван был при необходимости послужить и против первого секретаря. Более того, начиная с мая часть руководства ВПТ, осознавая крайнюю непопулярность Ракоши и его очевидную политическую обреченность, в интересах укрепления собственных пошатнувшихся позиций предприняла за его спиной первые, пока еще очень робкие попытки повлиять через посла Ю. В. Андропова на Москву и добиться признания ею необходимости кадровых перемен на вершине власти в Венгрии. Инстинкт самосохранения оказывался сильнее личной преданности вождю. Членам Политбюро, включая второго человека партии Э. Герё, все более приходилось свыкаться с мыслью о том, что ради спасения системы и своего положения в ней придется, очевидно, пожертвовать первым секретарем партии⁴⁹.

.....
47 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 229. Проблемы венгеро-югославских отношений в 1956 году в тесной связи с советско-югославскими отношениями в тот период затрагивал в своих работах Л.Я. Гибианский. См.: *Gibianszki L. A szovjet-jugoszláv kapcsolatok és az 1956-os magyar forradalom // 1956-os Intézet Évkönyv 1996/1997. Budapest, 1997. 137–151. o.*; *Гибианский Л. Я. Н. С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. М., 1999. № 1.*

48 См. запись беседы Ю. Андропова с И. Ковачем от 7 мая. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 71–75. См. также первый очерк настоящей книги.

49 *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003*; Он же. *A szovjet nagykövetség és az MDP-n belüli harc 1956 tavaszán – kora őszén // Múltunk. Politikatörténeti folyóirat. Budapest, 1998, № 2. 23–49. o.*

В атмосфере, сложившейся после XX съезда КПСС, мысль об устранении Ракоши путем «дворцового переворота» уже не была утопией — его позиции значительно ослабли. Так, под давлением Политбюро первый секретарь ЦР ВПТ выступил 18 мая на будапештском партактиве с непривычно острой самокритикой, публично, перед достаточно широкой аудиторией признав свою ответственность за «культ личности» и репрессии, были затронуты в этой связи и «ошибки», допущенные в отношениях с Югославией. Об ослаблении позиций Ракоши свидетельствовало и то, что он так и не смог поставить преград на пути следствия по «делу Фаркаша», чреватого крайне нежелательным исходом для него самого, как и не смог воспротивиться предварительному выдвижению кандидатур своих политических оппонентов Й. Реваи и особенно опасного для него Я. Кадара в Политбюро. Начав терять опору в лице своих ближайших соратников, чьи козни, конечно, не были для Ракоши секретом, он теперь видел главного союзника в Андропове и рассчитывал почти исключительно на поддержку Москвы. «Ракоши чувствовал надвигавшуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой... неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю. В. Андропову, интересовался его личным мнением», — вспоминает В. Крючков, впоследствии председатель КГБ, а в 1956 году третий секретарь посольства СССР в Венгрии⁵⁰.

Когда внутри руководства ВПТ возник вопрос о доверии Ракоши и советское посольство должно было занять определенную позицию, Андропов, как уже отмечалось на страницах этой книги, однозначно продолжал связывать интересы Москвы с поддержкой первого секретаря ЦР ВПТ, воспринимавшегося им как гарант стабильности в Венгрии. Естественно, что его мнение отражало точку зрения советского руководства, упорно делавшего ставку на Ракоши, что подтвердилось и в ходе рабочей (в определенном смысле инспекционной) поездки в Будапешт члена Президиума ЦК КПСС М. А. Суслова как раз в дни пребывания Тито в СССР (7–14 июня)⁵¹.

⁵⁰ Крючков В. Личное дело. Часть первая. М., 1996. С. 45–46.

⁵¹ Поездка М. А. Суслова была вызвана растущей обеспокоенностью руководства КПСС положением в Венгрии — активизацией внутрипартийной оппозиции, трениями внутри Политбюро, о чем Ю. Андропов, нагнетая страсти, систематически инфор-

И после завершения переговоров с югославским лидером в Москве некоторое время еще продолжали склоняться к мнению о том, что альтернативы Ракоши в Венгрии нет. Это подтвердила и состоявшаяся 22–23 июня в СССР встреча руководителей компартий стран Восточной Европы. Как можно судить по его выступлению на Политбюро ЦР ВПТ сразу же по возвращении, Ракоши вернулся из Москвы в Будапешт не разуверенный в поддержке своей персоны советским руководством в тот момент, когда он более всего в этой поддержке нуждался⁵².

Совещание представителей компартий стран «народной демократии» было посвящено в первую очередь экономическим вопросам, а также обсуждению новых форм межпартийного сотрудничества. Но на следующий день после его окончания, 24 июня, в отсутствие югославских и китайских представителей состоялась еще одна беседа, на которой обсуждались итоги визита в СССР И. Броза Тито, а также внутривластная ситуация в странах Восточной Европы после XX съезда КПСС. Подписанная перед этим советско-югославская декларация была, как уже отмечалось, компромиссной со стороны СССР. На несоответствие всей стилистики этого документа привычным представлениям о характере отношений внутри мирового коммунистического движения обращалось внимание и с югославской стороны. Так, по справедливому наблюдению югославского посла в СССР В. Мичуновича, отраженному в его мемуарах, стилизованных под дневник и написанных на основе дипломатических донесений из Москвы, в ней и речи не было ни об «идеологическом единстве», ни о «социалистическом лагере»⁵³. Знаком компромисса в отношении Югос-

.....
мировал Москву. См. донесения Андропова, относящиеся к маю-июню 1956 года: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. Раздел I (см. также: *Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárából / Válogatta, az előszót és a jegyzeteket írta V. Szereda és A. Sztikalin. Budapest, 1993. 21–23. o.*).

⁵² Протокол выступления М. Ракоши на Политбюро ЦР ВПТ 28 июня см.: *Az MDP Politikai Bizottság 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi moszkvai kommunista csúcstalálkozó és Magyarország // Társadalmi Szemle. Budapest, 1993. 2 sz. 83–94. o.*

⁵³ Чуканов М. Ю. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени. С. 158–160.

лавии была и критика Сталина в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 году «О преодолении культа личности и его последствий» именно за его роль в разжигании советско-югославского конфликта⁵⁴. Однако названную декларацию отнюдь не собирались класть в основу новой доктрины восточноевропейской политики Кремля, что выяснилось на первой же рабочей встрече лидеров стран «народной демократии». Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в других странах Восточной Европы нежелательных для Москвы выводов из этого документа, «русские... ясно дали понять лидерам стран лагеря: то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»⁵⁵. Применительно к Венгрии это прозвучало как предупреждение отнюдь не в адрес Ракоши, положение которого во главе ВПТ уже всецело зависело от прихоти Москвы, а в адрес некоторых из его политических оппонентов, все более видевших в титовской Югославии своего рода путеводную звезду. Тезис о большой популярности югославской модели и югославского опыта среди оппозиционно настроенных венгерских коммунистов стал летом 1956 года общим местом в донесениях советских дипломатов из Будапешта. Ракоши же из итогов июньской встречи мог почерпнуть для себя совсем другое: напуганный размахом критических выступлений дома и в некоторых соседних странах и раздосадованный публикацией в американской прессе своего секретного доклада⁵⁶, Хрущев призывал лидеров стран социа-

⁵⁴ Правда. 2 июля 1956 г. «Грубый произвол, приведший к конфликту в отношениях с Югославией в послевоенный период», был назван в нем в числе ошибок Сталина, которые «нанесли ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, тормозили, особенно в последние годы жизни И. В. Сталина, развитие советского общества, но, само собой разумеется, не увели его в сторону от правильного пути развития к коммунизму».

⁵⁵ Чуканов М. Ю. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени. С. 159; *Mičunović V. Moskowske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 93.*

⁵⁶ «Причесанный» текст доклада Хрущева, разосланный ЦК КПСС с грифом «не для печати» в местные партийные организации для ознакомления широкого круга коммунистов и беспартийного актива на собраниях и переданный также лидерам стран «на-

листического лагеря к более жесткой реакции на оппозиционные настроения, оживившиеся после XX съезда КПСС. «Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять ее надо. Вражеским устремлениям нужно противопоставить госбезопасность, суды, репрессивные органы», — говорил он⁵⁷. Мнение Москвы стало для Ракоши тем более ценным козырем, что в самый день многосторонней встречи, 24 июня, дома произошло событие, вызвавшее немалое раздражение первого секретаря: главная газета партии «Szabad Nép», все более попадавшая под влияние реформаторски настроенной части партаппарата, опубликовала статью в поддержку Кружка Петефи и развернувшихся на заседаниях этого клуба молодой интеллигенции дискуссий, к этому времени уже явно выходивших из-под контроля партийного руководства.

Таким образом, в Москве Ракоши получил не только заверения в поддержке, но и напутствия в борьбе с формировавшейся оппозицией. Однако последующее развитие событий внесло заметные коррективы в представления лидеров КПСС о путях укрепления в Венгрии монополии правящей партии. 28 июня происходят волнения в польском городе Познани, подавленные силовым путем, — более 70 человек погибло, более 300 получили ранения. Познаньские события, ставшие первым серьезным испытанием на прочность заявленной с трибуны XX съезда КПСС готовности к преодолению сталинского наследия, наглядно продемонстрировали всему мировому сообществу, что на подобные эксцессы в советском лагере будут и впредь реагировать только силой. В Венгрии в те же дни происходят события, которые перепуганные партийные функционеры тут же окрестили «идеологической Познанью» — речь идет о дискуссии по проблемам свободы печати 27 июня,

.....
родной демократии», попал из Польши в США, где был опубликован одновременно в «New York Times» и «Washington Post» 4 июня, причем ответственность за публикацию взял на себя госдепартамент США. Аутентичность опубликованного текста не была в то время ни подтверждена, ни официально опровергнута советской стороной.

57 Az MDP Politikai Bizottság 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi moszkvai kommunista csúcstalálkozó és Magyarország. 94. o.

которая превзошла все предшествующие акции Клуба Петёфи не только по количеству участников, но и по накалу страстей, остроте критических выступлений в адрес партийной верхушки. Напутствия, полученные в Москве, придали Ракоши уверенности в борьбе с оппонентами. Происходят исключения из партии, инициируется шумная кампания в прессе. Однако курс на ужесточение вызывал сильное противодействие, и не только в среде интеллигенции, но даже среди части партаппарата. В этих условиях, опасаясь углубления кризиса власти, влиятельнейшие члены руководства ВПТ Э. Герё и особенно И. Ковач (остававшиеся при этом сторонниками жесткой линии в отношениях с оппозицией) активизировали давление на советского посла, чтобы добиться, наконец, согласия Москвы на смену лидера партии⁵⁸. В целях компрометации Ракоши, ставшего настоящей обузой для своих коллег, был дан ход свидетельским показаниям находившегося в тюрьме Габора Петера. Комиссия по «делу Фаркаша», которой предстояло на ближайшем пленуме ЦР отчитаться о своей работе, собиралась огласить письмо Петера перед партийным активом.

Оживление оппозиционных сил вызывало тем большую обеспокоенность в руководстве ВПТ, что в нем видели характерное проявление более общей тенденции. Посетив 6 июля Андропова для того, чтобы поделиться с ним своими опасениями относительно «очень и очень серьезной» политической ситуации, Герё попытался подвести посла к далеко идущему выводу, который, надо сказать, имел под собой некоторые действительные основания. Истоки переживаемых партийным руководством трудностей он увидел в том, что в международном коммунистическом движении все яснее «начинает выкристаллизовываться» правое течение, которое характеризуют приверженность тезису о «национальном коммунизме», требование ограничить влияние Москвы. Очевидно, что в роли главного форпоста этого течения выступала Югославия. Венгерская внутренняя «реакция», говорил Герё, так «наглеет» именно потому, что получает посто-

.....
⁵⁸ Sztikalin A. A. szovjet nagykövetség és az MDP-n belüli harc 1956 tavaszán – kora őszén.

янную моральную поддержку со стороны югославской прессы. Газеты «Борба», «Политика», югославское радио недоброжелательно высказывались о внутренней политике ВПТ и, в частности, проявили раздражение в связи с исключением из партии писателей Тибора Дери и Тибора Тардоша за резкие выступления на дискуссии о печати⁵⁹. Более того, Югославия, по словам Герё, имела в Венгрии разветвленную сеть агентуры, оппозиционно настроенные представители интеллигенции, поддерживая связи с югославской миссией, систематически информировали дипломатов о внутривластных событиях. Что касается активистов Кружка Петефи, то они никогда не скрывали своих симпатий к югославским концепциям социализма⁶⁰.

Миссия ФНРЮ в Венгрии, как и посещавшие Будапешт весной-летом 1956 года югославские журналисты, действительно стремились к установлению контактов со все более открыто заявлявшей о себе антиракошистской оппозицией внутри ВПТ, воспринимая ее не только как потенциального партнера СКЮ в межпартийных отношениях, но и как естественного союзника Югославии в отстаивании ею независимого внешнеполитического курса. Сообщения об активности югославских эмиссаров в этом направлении содержатся во многих донесениях посольства СССР в Венгрии за лето 1956 года. При этом,

⁵⁹ Накануне беседы Герё с Андроповым, 5 июля, председатель Совета Министров ВНР А. Хегедюш обратил внимание посланника ФНРЮ Д. Солдатича на недопустимый, по его мнению, тон выступлений югославской прессы в связи с внутренними венгерскими событиями. Ему было сказано, что все эти публикации не выражают официальной точки зрения (См. справку МИД СССР от 12 декабря 1956 года «Отношение Югославии к событиям в Венгрии»: АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 80, 97). Следует сказать, что вопреки противодействию властей в Венгрии получила довольно широкое хождение венгероязычная югославская газета «Mađyar Szó», издававшаяся в Нови Саде, весьма популярны были также передачи радиостанции Нови Сада на венгерском языке, а принадлежавшая перу В. Дедьера биография Тито, изданная для югославских венгров, передавалась из рук в руки (Там же. Папка 187. Д. 9. Л. 55–56).

⁶⁰ См. телеграмму Ю. Андропова в МИД СССР от 9 июля о беседе с Э. Герё: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 137–142. В других, более ранних беседах с Андроповым Э. Герё и А. Хегедюш также отмечали, что оппозиционные элементы все чаще выдвигают в качестве примера югославский опыт строительства социализма, противопоставляя его советскому пути. См. записи бесед от 19 и 26–27 июня: Там же. С. 89–92, 118–124 (См. также: *Hányzó lapok*, 33–39. о).

не ограничиваясь контактами с интеллигенцией и реформаторами из партаппарата, с середины лета югославы все активнее пытались навести мосты к венгерскому рабочему классу. Посещая будапештские предприятия, они усиленно пропагандировали преимущества югославского пути⁶¹. Венгерские коммунисты-реформаторы проявляли встречную активность. Они всерьез интересовались экономической моделью югославского социализма, в немалой мере при этом идеализируя ее, и видели одновременно в Югославии пример социалистического государства, сумевшего в чрезвычайно трудных условиях отстоять свой суверенитет⁶².

При все возрастающем влиянии югославского фактора на внутривнутриполитическую жизнь Венгрии обращает на себя внимание та планомерность и последовательность, с которой венгерские лидеры (даже не столько Ракоши, политическая карьера которого уже висела на волоске, сколько Герё) через советское посольство настраивали Москву против Белграда. Вероятно, догадываясь об аналогичных шагах, предпринимавшихся Тито против руководства ВПТ, последнее стремилось перехватить инициативу в деле формирования в свою пользу мнения Кремля относительно причин неурегулированности венгеро-югославских отношений. Эта задача была не из легких, потому что в свете решений XX съезда КПСС политическая конъюнктура более благоприятствовала лидерам Югославии как жертвам сталинских «искажений», а не скомпрометировавшему себя проведением твердой сталинистской линии руководству Венгрии. Для понимания тогдашней позиции советских лидеров интересно, что даже такой жесткий ортодокс, как К. Е. Ворошилов, в своей докладной Президиуму ЦК КПСС о встрече

61 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 211.

62 Там же. С. 148–149. Видный литературный критик Иштван Кирай в беседе с советским дипломатом В. Крючковым 12 июля заметил, что «идут разговоры о создании в Венгрии подлинно национальной коммунистической партии по примеру Союза коммунистов Югославии, в котором очень многие видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа. Эти люди на одну линию с Тито ставят Имре Надя, которого, как и первого, считают подлинным выразителем чаяний народа».

с Ракоши в Москве в конце июня замечал: что касается нормализации отношений с Югославией, то тов. Ракоши, кажется, еще «не сбросил с себя груз прошлого», «у него еще много настороженности и неуверенности»⁶³. Ворошилову пришлось убеждать Ракоши, что Югославия сейчас «стоит на правильном пути» и Венгрии надо идти на сближение с ней.

Конечно, в руководстве ВПТ, мыслившем и действовавшем все менее в унисон с мыслями и действиями своего первого секретаря, отдавали себе отчет в том, что наметившееся сближение Москвы и Белграда есть мало зависящая от Венгрии реальность, с которой необходимо считаться. Тот факт, что фигура Ракоши оказывалась препятствием на пути нормализации венгеро-югославских отношений, при этом не упускался из виду, когда надо было выискивать аргументы, которыми при острой на то необходимости можно было бы склонить Москву к отказу от поддержки первого секретаря ЦР ВПТ. Так, премьер-министр Андраш Хегедюш в беседе с Андроповым 19 июня выражал сожаление, что даже в дни пребывания Тито в СССР Ракоши продолжает видеть в сближении с Югославией одни только отрицательные стороны⁶⁴. Не могло не быть принято во внимание и еще одно обстоятельство: в силу популярности среди многих венгров югославской модели социализма улучшение отношений с ФНРЮ и СКЮ должно было способствовать повышению авторитета руководства ВПТ у себя дома. После ожидавшегося в обозримом будущем ухода Ракоши его преемникам предстояло решить две непростых и трудно совместимых задачи — ликвидировать ненужную напряженность в отношениях с южным соседом и в то же время по возможности нейтрализовать югославское влияние на собственную оппозицию.

Рассмотрев на своем заседании от 12 июля телеграмму Андропова от 9 июля и придя к выводу о чрезвычайной сложности обстановки в Венгрии, Президиум ЦК КПСС срочно

⁶³ Там же. С. 97–100. См. также: A «Jelcin-dossié». Szovjet dokumentumok 1956-rol / Szerk. Gál E., Hegedüs B. A., Litván Gy., Rainer M. J. Budapest, 1993. 24–26. o.

⁶⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 89–92.

командировал в Будапешт А. И. Микояна, которому была дана установка «облегчить положение Ракоши»⁶⁵. Однако действия Микояна в ходе его миссии в Венгрию (с 13 по 21 июля) отнюдь не свидетельствовали о его связанности этой установкой — можно сделать предположение, что в советском руководстве не было единства мнений в вопросе о дальнейшей поддержке Ракоши, и хотя в записи заседания Президиума от 12 июля эта задача была зафиксирована со всей определенностью, не исключалось, по всей видимости, и альтернативное решение: Микоян получил необходимые полномочия на то, чтобы в канун пленума ЦР ВПТ самому разобраться на месте с ситуацией и определить, целесообразно ли и дальше делать ставку на Ракоши или же интересы сохранения советского влияния в Венгрии требуют пойти на уступку силам, добивающимся удаления этого политика, не только полностью скомпрометировавшего себя организацией незаконных репрессий, но и — что было важнее для Москвы — не способного вывести страну из состояния перманентной нестабильности. В ходе подготовки пленума ЦР ВПТ, состоявшегося 18–21 июля, и на самом пленуме Москва в лице А. И. Микояна сочла целесообразным отказаться от первоначальной ставки на Ракоши и поддержала в качестве его преемника Герё, так и не решившись на большее, — в интересах укрепления политической стабильности в Венгрии сделать ставку на Кадара и тем более на Имре Надя, на котором по-прежнему лежало клеймо правоуклониста. Решения пленума могли лишь отсрочить развязку, но не переломили развития событий.

Западная пресса, комментируя итоги июльского пленума, делала акцент (вероятно, преувеличенный) на роль югославского фактора, рассматривала отставку Ракоши как новую победу «сильного человека на Балканах» в его противостоянии Кремлю, не прекратившемся и после кончины Сталина, лишь принявшем иные формы. «Маршал Тито должен быть доволен», — так резюмировала 23 июля свое сообщение о венгерских событиях газета «New York gerald tribune», прямо на-

.....
⁶⁵ Там же. С. 149. (См. также: Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról / Szerk. V. Szereda és Rainer M. Janos. Budapest, 1996).

завшая югославского лидера главным «виновником» отставки Ракоши. Приезд Микояна из Венгрии в Югославию сразу после пленума лишь усилил впечатление о непосредственной вовлеченности руководства СКЮ во все произошедшее. Несколько осторожнее отреагировала в тот же день на результаты пленума лондонская «Times». Лишь только будущее покажет, писала она, удовлетворится ли маршал Тито заменой Ракоши на столь же одиозного сталиниста Герё. Впрочем, и «New York gerald tribune» готова была признать, что «назначение Эрнё Герё преемником Ракоши станет переходным моментом, только временным разрешением вопроса», ибо Герё слишком близко ассоциируется с линией Ракоши, чтобы удовлетворить оппозиционные силы в Венгрии, а как глава экономической политики в прежние годы был скомпрометирован пагубным курсом на форсированную индустриализацию.

Югославская пресса, не скрывавшая своего удовлетворения по поводу отставки Ракоши, считала это все же лишь первым шагом. «После смены Ракоши господствует оптимистическое оживление. Устранено одно серьезное препятствие, однако это еще не все», — писала газета «Политика» 20 июля. Хотя в беседе с Микояном 21 июля Тито и обещал, что печать Югославии не будет поддерживать венгерскую внутрипартийную оппозицию⁶⁶, ее более чем сдержанное отношение к избранию Герё проявилось довольно отчетливо. Как отмечалось в записке посольства СССР в Венгрии, «по всем данным они (югославы — А. С.) хотели бы видеть на этом посту т. Кадара. На это довольно прозрачно намекала во время пленума и югославская печать». По мнению советского посольства, «отклики югославской прессы на последние внутривнутриполитические события в Венгрии и, в частности, на июльский пленум вылились в газетную кампанию с вмешательством во внутренние дела Венгрии. Эта газетная кампания, явившаяся недружественным актом по отношению к Венгрии, имела целью поощрение и подбадривание венгерских оппозиционеров в их выступлениях

.....
⁶⁶ См. запись беседы Ю. Андропова с Э. Герё от 23 июля. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 205.

против руководства ВПТ»⁶⁷. «Партийные наблюдатели не думают, что этот компромисс (уход Ракоши и приход к руководству Герё) будет устойчивым. Сторонники Имре Надя попробуют взять контроль над партией в свои руки», — писала 7 августа газета «Республика». А главная газета СКЮ «Борба» 23 августа отмечала, что «логика развития, происходящего сейчас в Венгрии, требует полной реабилитации Имре Надя, не только как личности, но также политики, за проведение которой он боролся».

Позиция подконтрольной, как и в любом коммунистическом государстве, югославской прессы, конечно, не могла не отражать мнение руководства ФНРЮ. Замена Ракоши на Герё не удовлетворяла лидеров Югославии, поскольку означала сохранение власти в Венгрии у прежней команды. После июльского пленума тактика поддержки Югославией венгерской внутрипартийной оппозиции оставалась в силе, по-прежнему сохранялась и напряженность в официальных двусторонних отношениях. Видя в Герё переходную фигуру, Тито не склонен был форсировать процесс венгеро-югославского сближения, ожидая прихода к власти в Венгрии более национально ориентированных политических сил. Утвержденное на июльском пленуме письмо ЦР ВПТ в ЦК СКЮ с предложением о более тесных межпартийных контактах лежало без ответа без малого два месяца. Это письмо венгерский посланник в Югославии Ш. Куримский вручил Тито 21 июля⁶⁸. Констатируя успехи, достигнутые в нормализации межгосударственных связей между ВНР и ФНРЮ, и выразив сожаление по поводу роли ВПТ в развернувшейся с весны 1948 года антиюгославской кампании, ЦР ВПТ высказалось за восстановление товарищеских и братских отношений между двумя партиями. Ответ ЦК СКЮ, в котором Тито согласился на встречу представителей двух партий, предложив провести ее в ближайшем будущем, был направлен венгерской стороне только 11 сентября⁶⁹. Руководству КПСС, заинтересованному в нормализации отноше-

⁶⁷ АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 71–72.

⁶⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 228–231.

⁶⁹ Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Budapest, 1995, 99–100, 116. o.

ний своих сателлитов с Югославией, пришлось взять на себя посредническую миссию, инициировав встречу Тито и Герё в Крыму в начале октября 1956 года (оба лидера находились в это время на отдыхе в СССР). Итогом этой встречи явилась поездка делегации ВПТ в Белград 15–23 октября, в самый канун венгерской революции.

При этом важно иметь в виду, что развитие событий начиная с середины 1956 года привело к новому заметному охлаждению в советско-югославских отношениях. Не только в Венгрии, но повсеместно в Восточной Европе коммунисты-реформаторы, критикуя практику сталинской эпохи, нередко противопоставляли советскому опыту, равно как и опыту стран «народной демократии», идеализировавшуюся ими югославскую модель социализма. На это неизменно указывалось в донесениях советских посольств из большинства восточноевропейских столиц. И в СССР силы, выступавшие за реформы системы, проявляли немалый интерес к югославскому опыту. Познаньские волнения в Польше 28 июня и активизация в те же самые дни внутривластной оппозиции в Венгрии усилили обеспокоенность Н. С. Хрущева и его окружения немалым влиянием югославского примера на те силы в Восточной Европе, которые были явно не удовлетворены избранным темпом и характером десталинизации в СССР. В закрытом письме ЦК КПСС компартиям стран «народной демократии» от 13 июля был сделан акцент на разногласиях с СКЮ, подвергнуты критике претензии югославов на слишком большую самостоятельность⁷⁰. «Кажется, они уже раскаялись, что подписали

70 РГАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 82. Л. 21–33. В информации ЦК КПСС, разосланной парторганам КПСС, также отмечалось, что «у югославских товарищей есть еще иное, чем у нашей марксистско-ленинской партии, понимание некоторых важных принципиальных вопросов» (Там же. Оп. 14. Д. 37. Л. 43). Что касается письма ЦК КПСС другим компартиям от 13 июля 1956 года «Об итогах советско-югославских переговоров, состоявшихся в июне 1956 года», то о нем в Белграде узнали из конфиденциальных источников. Как сам факт послышки письма, так и его содержание вызвали неудовольствие лидеров СКЮ. Уже позже, после венгерской революции, в ходе межпартийной переписки руководство СКЮ упрекало лидеров КПСС в расхождении между публичными декларациями и закрытыми документами, в которых без ведома югославских коммунистов их деятельности давались оценки, противоречащие открытым заявле-

эту декларацию», — прокомментировал позже посол В. Мичунович свои непосредственные впечатления от опубликованного 2 июля постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», воспринятого многими как шаг назад в сравнении с XX съездом, и от своих непосредственных контактов с кремлевской элитой, с некоторой стыдливостью отзывавшейся о советско-югославской декларации⁷¹.

Таким образом, уже в июле 1956 года руководство КПСС видело опасность формирования в лице Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения — слишком велико было стратегическое значение Югославии. Ради закрепления в Средиземноморье стоило поработать. Попытки мягко «образумить» Тито были предприняты Хрущевым в ходе сентябрьских-октябрьских встреч в Югославии и в Крыму. ФНРЮ сравнили с солдатом, идущим «не в ногу» со всей ротой (т. е. содружеством стран, строящих социализм), просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы и урегулировать отношения с руководствами этих стран, не в последнюю очередь Венгрии⁷². Тито принял у себя в Белграде Э. Герё, однако возвращение венгерской делегации в Будапешт 23 октября совпало с на-

.....
 ниям (Письмо от 7 февраля 1957 года. См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Док. 84). Многочисленные документы, отражающие состояние советско-югославских отношений в этот период, см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый.

⁷¹ *Mičunović V. Moskovoške godine 1956/1958. S. 97.* Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, который 5 июня, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!» (Правда. 1956. 6 июня), 29 июня был подвергнут за это критике на заседании Президиума ЦК КПСС («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен — сказать об этом надо». См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 145). Заявление Булганина было названо преждевременным и в вышеупомянутом письме от 13 июля.

⁷² «Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы». Записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по итогам встреч с И. Броз Тито // Источник. М., 2003. № 6. См. также: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый.

чалом мощного восстания, для подавления которого были приведены в действие советские войска, что лишь усилило ожесточенность повстанческого сопротивления.

Руководство СКЮ после нескольких дней ожиданий 29 октября в письме венгерским лидерам⁷³ солидаризировалось с курсом нового правительства И. Надя на расширение национального суверенитета, возложив главную вину за создавшееся положение на прежнее руководство. В то же время в письме выражалась озабоченность в связи с угрозой анархии и возможными выступлениями реакции. В последующие дни обеспокоенность югославских лидеров происходящим в соседней стране только усилилась. К границе с Венгрией были подтянуты югославские войска⁷⁴. В ночь со 2 на 3 ноября на о. Бриони в Адриатике Тито, приняв вместе со своими ближайшими соратниками Э. Карделем и А. Ранковичем Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова, дал, как известно, согласие на советскую военную акцию в целях приведения к власти в Венгрии более «надежного», способного сдержать резкий сдвиг вправо правительства (предложенная югославами кандидатура Я. Кадара в качестве главы такого правительства не вызвала возражений советской стороны). Тито также выразил готовность, связавшись с Надем, склонить его подать в отставку, что облегчило бы реализацию советских планов, единственно способных, по его мнению, спасти «завоевания социализма» в Венгрии⁷⁵.

73 Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok. Budapest, 1995. 141–142. о.

74 АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 105. Министр обороны ФНРЮ И. Гошняк говорил советскому послу Н. П. Фирюбину в Белграде на приеме по случаю государственного праздника в конце ноября о том, что югославские войска уже находились в состоянии боеготовности вблизи границы и, если бы не наступательная операция Советской Армии, сами выступили бы против венгерской реакции.

75 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 484. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 31 октября 1956 года послу СССР в ФНРЮ Н. П. Фирюбину была направлена для передачи Тито телеграмма следующего содержания: «В связи с создавшимся положением в Венгрии мы хотели бы иметь встречу с Вами инкогнито вечером первого ноября или утром второго ноября. Мы согласны прибыть для этой цели в Белград или другой пункт югославской или советской территории по Вашему выбору. Наша делега-

Неудача с нейтрализацией Имре Надя, успевшего до своего укрытия рано утром 4 ноября в югославском посольстве осудить по радио военное вмешательство СССР, стала источником новых осложнений в советско-югославских отношениях. То же самое можно сказать и про действия советских спецслужб по депортации Надя и находившихся с ним венгерских коммунистов и членов их семей в Румынию 22 ноября после выхода их из посольства ФНРЮ⁷⁶. Блудя престиж своей страны как независимой, Тито, как известно, отмежевываясь от устроителей неблагоприятной акции, а еще до этого, выступая 11 ноября на партактиве в Пуле, к острому раздражению Москвы назвал венгерский кризис следствием советской политики (неравноправные отношения в лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он считал грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать новое правительство Кадара, приведенное к власти при прямой советской военной

.....
ция прибудет в составе тт. Хрущева и Маленкова. Ждем ответа через т. Фирюбина. Н. Хрущев». Неаутентичная запись брионской встречи, подготовленная В. Мичуновичем для публикации в его книге 1970-х годов «Московские годы, 1956–1958», была опубликована в переводе на русский язык: Там же. С. 524–533. Хорватский оригинал: *Mičunović V. Moskvske godine. 1956/1958. Zagreb, 1977*. Обстоятельный анализ хода и договоренностей брионской встречи на основе архивных первоисточников, см. в публикации: *Едемский А. Б. По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 года // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488*. См. его же: Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г) // *Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова (1930–2005). М., 2010*. Из литературы по теме см. также: *Гибанский Л. Я. Н. С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. 1999. № 1*. Записку Мичуновича, написанную по свежим следам брионской встречи, и другие документы, отражающие советско-югославские отношения в этот период см.: *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый*.

⁷⁶ *Стыкалин А. С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь – декабрь 1956 года) // Славяноведение, 2000. № 1. С. 70–81; Он же. Прерванная революция; Stykalin A. Soviet – Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy // Cold War History. Vol. 5, No. 1, February 2005, pp. 3–22. London, A Frank Cass Journal; Гибанский Л. Я. Н. С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история, 1999. № 1.*

поддержке, — надо было каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией, учитывая, что факт тайной брионской встречи мог быть предан гласности советской стороной. Возникшая межпартийная полемика не ограничилась закрытой перепиской⁷⁷, перекинулась в прессу⁷⁸. В связи с венгерскими событиями Москва обвиняла Белград в умышленном создании затруднений правительству Кадара, а также в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример в интересах борьбы против социализма. «Борба», отвечая 27 ноября «Правде», отмечала, что сталинская политика гегемонии и неравноправия в отношениях между социалистическими странами, империалистические тенденции в политике СССР неминуемо должны были вызвать антисоветские настроения, что и произошло в Венгрии.

7 декабря один из самых влиятельных людей в руководстве ФНРЮ и СКЮ Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине, назвал «революционную борьбу» в Венгрии «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное возмущение». Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти рабочие советы — выросшую на венгерской почве «единственную реальную, — по его мнению, — социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях». Силовые действия СССР по свержению правительства И. Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь в том случае, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое разви-

.....
77 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. См. также: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый. Первое письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС, датированное 3 декабря 1956 годом, см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 730–737.

78 Правда. 1956, 19 ноября, 23 ноября.

тие, в противном же случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие в Венгрии советских войск югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта.

Программная речь Карделя, распространенная югославской делегацией в ООН, вызвала публичную критику в СССР, хотя и довольно сдержанную⁷⁹. Давая отпор «неверным утверждениям» югославов, мы считаем, однако, необходимым держаться в политике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии, отмечалось в начале декабря в письме руководства КПСС чехословацкому лидеру А. Новотному, подобного рода установка была донесена и до руководителей других восточноевропейских компартий⁸⁰. В Москве исходили из того, что «при нынешнем положении развитие советско-югославских отношений по государственной линии неизбежно должно сопровождаться принципиальной борьбой против концепций и взглядов югославского руководства как мелкобуржуазной, националистической идеологии», необходимо всячески препятствовать попыткам югославов «навязать свой порочный путь странам народной демократии и отколоть их от Советского Союза». С другой стороны, следовало «поддерживать с Югославией нормальные отношения, не допуская превращения ее во враждебное социалистическому лагерю государство»⁸¹. Из «ревизионистских» концепций югославских руководителей, из отрицания ими деления мира на империалистическую и социалистическую мировые системы, по мнению советских внешнеполитических экспертов, логически вытекало стремление Югославии извлечь из противоречий между двумя лагерями максимальных политических и экономических выгод для себя, сохранив при проведении своей политики лавирования независимость от империалистического лагеря⁸². Это стремление

79 Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя // Коммунист, 1956. № 18. С. 11–34.

80 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 83.

81 Из политического отчета посольства СССР в Югославии за 1956 год: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104, 154.

82 Там же. Л. 94.

предполагалось использовать в интересах СССР. Что же касается идей рабочих советов и рабочего самоуправления, то в одной из записок, подготовленных для ЦК КПСС, вероятно, не без оснований отмечалось, что «идеи “непосредственной” демократии» предназначаются югославами больше на экспорт, нежели для внутреннего потребления. У себя в стране югославы всемерно усиливают госаппарат», а иногда сами признают отрицательные последствия практического осуществления своих идей⁸³.

Выступления советских лидеров перед внутривластными форумами были более жесткими, нежели предназначенные для публикации. Так, на декабрьском пленуме ЦК КПСС в выступлении, посвященном хозяйственным проблемам, Хрущев в присутствии ему эмоционально-демагогическом стиле выразил свое отношение к югославскому опыту строительства социализма и политике ФНРЮ: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во Вторую мировую войну и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому, что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»⁸⁴.

.....
⁸³ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 132.

⁸⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104. Мичунович впоследствии вспоминал, что никогда не видел Хрущева таким взбешенным, как в ходе их встречи в те дни, когда ему принесли программную речь Карделя, распространенную к тому же в качестве официального документа в ООН. О встрече Мичуновича и Хрущева 11 декабря см.: *Mičunović V.*

При всей жесткости некоторых, рассчитанных на внутрипартийную аудиторию заявлений в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимости возвращения к ситуации 1948 года. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н. П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества с СССР и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен, — с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, только не за счет «принципиальных идеологических уступок». В реальности, однако, политические осложнения не могли не сказаться на экономических связях, что проявилось в отсрочке предоставления Югославии выгодных кредитов и отказе от обещанной помощи в строительстве алюминиевого завода.

О готовности приложить усилия для преодоления разногласий заявлялось и с югославской стороны. В переписке с Москвой Тито и его соратники, заявляя свое право на проведение самостоятельной, внеблоковой политики, вместе с тем всячески откращивались от претензий на лидерство в коммунистическом движении, отрицали свое стремление навязать другим собственный путь строительства социализма. С другой стороны, выражалось неудовольствие попытками некоторых компартий опорочить, не без ведома КПСС, югославский опыт строительства социализма, принизить авторитет СКЮ.

Взаимная критика, подчас довольно острая⁸⁵, не воспрепятствовала, однако, действительным усилиям обеих сторон

.....
 Moskvske godine 1956/1958. Beograd, 1984. S. 204–208. В соответствии с решением Президиума ЦК КПСС от 27 ноября в МИД СССР уже к 4 декабря была подготовлена и представлена в ЦК КПСС записка «К вопросу о поддержке Имре Надя и его политики югославскими руководителями» (АВПР. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 82–93). Она представляла собой тенденциозную подборку материалов, компрометирующих югославскую сторону, прежде всего деятельность югославской дипломатии в Венгрии.

⁸⁵ Можно вспомнить о речах Н. Хрущева и Н. Булганина на широком митинге в честь приезда в СССР в конце марта 1957 года венгерской делегации во главе с Я. Кадаром, а с другой стороны, о выступлениях видного югославского публициста В. Дедиера при посещении Швеции в мае. Правда. 1957. 28 марта.

по преодолению конфликта. 1–2 августа 1957 года Хрущев и Тито встречаются в доверительной обстановке в Румынии, впервые после ноября 1956 года⁸⁶. Новые осложнения в отношениях КПСС и СКЮ возникли вследствие отказа югославов, вопреки первоначальным заверениям, поставить подпись под итоговой Декларацией московского Совещания компартий социалистических стран (ноябрь 1957 года). Еще больше повлияло на ухудшение отношений принятие весной 1958 года новой Программы СКЮ, признанной в СССР ревизионистской, в том числе в силу своей трактовки блоковой политики, т. е. фактически постановки на одну доску противостоящих военных блоков — НАТО и Организации Варшавского договора. Критика югославского «ревизионизма» достигает своей наивысшей в послесталинский период отметки весной-летом 1958 года. Югославская модель самоуправления отождествлялась со «стихийностью и самотеком» в социалистическом строительстве, отрицанием руководящей роли партии и диктатуры пролетариата, апологией мирного вращивания элементов капитализма в социализм. Согласно оценке КПСС, выраженной в одном из внутрипартийных документов, «СКЮ не является марксистско-ленинской рабочей партией. Это скорее мелкобуржуазная партия с преобладанием крестьянских тенденций»⁸⁷. Ухудшение отношений сказалось на экономических связях, что проявилось в одностороннем пересмотре планов экономического сотрудничества и отсрочке в предоставлении обещанного Советским Союзом Югославии кредита. Вместе с тем 4 мая на заседании Президиума ЦК КПСС была однозначно выражена позиция: «мы и сейчас все будем делать, чтобы поддерживать дружбу, но не только от нас зависит»⁸⁸.

.....
⁸⁶ В ходе встречи была выражена готовность работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. О развитии советско-югославских отношений в этот период см.: *Стыкалин А. С.* Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2014. С. 265–311.

⁸⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 94. Л. 182.

⁸⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 308.

На майском пленуме ЦК КПСС 1958 года Хрущев отмежевался от платформы Молотова в 1955 году, подтвердив правильность проводившейся линии на сближение с Югославией. «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок», — говорил он⁸⁹. В закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям КПСС о советско-югославских отношениях (май 1958 года) отмечалось, что критика югославского ревизионизма «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 годов»⁹⁰.

В дальнейшем критика идет на спад. Как отмечалось в документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 года, «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы об их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что

.....
⁸⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 35.

⁹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 65–75. В этой связи небезынтересно отметить, что в Москве считали непродуктивной критику албанских лидеров в адрес Югославии. Еще до разрыва СССР с Албанией в документах МИД СССР албанская сторона неоднократно осуждалась за подмену теоретически обоснованной критики «югославского ревизионизма» грубой бранью. Так, в письме посольства СССР в Албании (октябрь 1959 года) отмечалось, что «высказывания албанских друзей о югославских руководителях вряд ли помогают идейному разоблачению ревизионизма. Они в большинстве своем являются бездоказательными и используются югославами для обвинения албанских друзей, и в частности т. Энвера Ходжи, в раздувании холодной войны» (См.: КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х годов. Сб. документов. Салоники, 2003. С. 279–280). См. подробнее: *Стыкалин А. С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Почему разоблачение югославского «ревизионизма» в советской прессе конца 1950-х годов не достигло остроты сталинских пропагандистских кампаний // *Славяне и Россия: славянские и балканские в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуняна* / отв. редактор С. И. Данченко. М., 2014. С. 361–381.

не отвечает ни удельному весу Югославии на международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении»⁹¹. Известно, что критика югославского «ревизионизма» нашла отражение в итоговом документе московского Совещания компартий 1960 года, звучала в докладах Н. С. Хрущева на XXI (январь — февраль 1959 года) и XXII (октябрь 1961 года) съездах КПСС, как и в некоторых выступлениях советских лидеров на съездах зарубежных компартий. Более того, без антиюгославского выпада не обошлась и новая Программа КПСС, принятая в 1961 году. По сути, критика югославского «ревизионизма» стала на некоторое время общей советско-китайской платформой, встав на которую, руководство КПСС преследовало важную тактическую цель — предотвратить открытый конфликт между СССР и Китаем. Однако принесение, довольно беспринципное, дружбы с югославами «в жертву» единству с КПК оказалось совсем не эффективным, лишь на считанные месяцы отсрочив разрыв между двумя державами, соперничавшими в борьбе за гегемонию в мировом коммунистическом движении. От этой тактики в Москве вскоре отказались как от не оправдавшей себя.

Между тем осенью 1961 года происходят события, способствовавшие новому советско-югославскому сближению. В сентябре в Белграде состоялся саммит неприсоединившихся стран, на котором был принят программный документ, давший основания официальной Москве воспринимать движение неприсоединения в качестве своего потенциального союзника в противостоянии империализму. Вызвала удовлетворение и антизападная риторика Тито, проявившаяся в его выступлении на этом совещании. Руководство СКЮ в свою очередь позитивно восприняло новую волну критики в СССР сталинской политической практики, нашедшую отражение в решениях того же самого XXII съезда КПСС, который включил в принятую Программу КПСС дежурный антиюгославский выпад⁹².

.....
⁹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 99. Л. 90. Обзор «Ревизионистское извращение теории и практики марксизма-ленинизма».

⁹² Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968). М., 2015.

Еще через полгода, 6 мая 1962 года, Тито, выступая в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ встать на сторону КПСС в ее споре с китайской компартией по основным пунктам их разногласий, и прежде всего по вопросу о войне и мире. Через 10 дней, находясь в Болгарии, Хрущев в своей речи отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией «нормальные, более того, хорошие отношения»⁹³. Если в конце 1960 года во многом под давлением КПК представители КПСС согласились на включение антиюгославских положений в итоговую декларацию международного совещания компартий, то к концу 1962 года ситуация меняется. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС отражают стремление лидеров КПСС, не отрицая существующих разногласий с руководством СКЮ, вместе с тем защитить югославскую сторону от китайских нападок⁹⁴. 10 февраля 1963 года в открытой дискуссии с идеологами КПК «Правда» отмечала, что в СКЮ и ФНРЮ «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением».

Начало возымело продолжение. Посетив 20 августа — 3 сентября 1963 года Югославию, Хрущев, хотя и не скрывал своей неудовлетворенности в связи с нежеланием Югославии синхронизировать свою внешнюю политику с линией советского блока⁹⁵, вместе с тем, по некоторым сведениям, настолько увлекся моделью самоуправления, что после возвращения домой распорядился всерьез заняться изучением югославского опыта

.....
⁹³ Правда. 1962. 17 мая.

⁹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 664, 695–696, 700.

⁹⁵ «Не следует особо обольщаться, что у нас 100-процентное единство, этого нет», — говорил он на заседании Президиума ЦК 4 сентября по итогам двухнедельной поездки в Югославию (Там же. С. 736). А через год, 10 сентября 1964 года, совсем незадолго до отставки, он снова вернулся к этой теме, заметив: «Надо иметь в виду, что политика Югославии очень неустойчивая в отношении нас и вообще эта политика неустойчивая, и поэтому надо не особенно полагаться на Югославию. И сам Тито не полагается на Югославию. Он говорит: меня не слушают, а молодежь наша воспитывается на культуре Запада, а когда у нас были расхождения, как раз эта молодежь росла, и она воспитывалась на антисоветском материале» (Там же. С. 855.) Тито говорил Хрущеву об этом во время посещения Ленинграда 8–9 июня 1964 года по пути из Финляндии.

в целях внедрения элементов самоуправления на советских предприятиях. Правда, отвечавший за связи с соцстранами секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, всегда скептически относившийся к югославской модели, не торопился выполнять это поручение. С отставкой Хрущева в октябре 1964 года оно отпало само собой⁹⁶. Перипетии советско-югославских отношений конца 1950-х — начала 1960-х годов достойны, однако, стать предметом большого самостоятельного исследования.

Режим Кадара в Венгрии в своем желании выйти из внешне-политической изоляции с самого начала стремился, хотя и с постоянной оглядкой на СССР, к достижению нормальных, добрососедских отношений с нейтральной Югославией, осложненных не только «делом Имре Надя»⁹⁷, но и проблемой беженцев, о чем речь еще пойдет ниже. Если в Москве вышеупомянутое выступление Тито в Пуле в ноябре 1956 года было воспринято однозначно негативно, то для Кадара важнее в нем была не критика советского руководства, а готовность влиятельного югославского лидера поддержать новое венгерское правительство, отмежевавшись от Имре Надя. При подготовке судебного процесса по делу Имре Надя, в конце концов состоявшегося в июне 1958 года, югославские связи бывшего премьер-министра сознательно решили не выпячивать, что было продиктовано желанием сохранить с ФНРЮ нормальные отношения⁹⁸. В целом югославский фактор ни в 1957 году, ни позже не оказывал столь значительного влияния на внутривнутриполитическую жизнь и общественные настроения в Венгрии, как это было в месяцы, предшествовавшие революции 1956 года. В ортодоксально-сталинистских кругах Венгрии сохранялось недоверие к Тито и его команде, а среди

.....
⁹⁶ Бернов Ю. В. Записки дипломата. М., 1995.

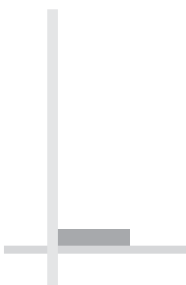
⁹⁷ Stykalin A. Soviet-Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy.

⁹⁸ В Югославии хорошо помнили о «деле Райка» 1949 года и весной-летом 1957 года (очевидно вплоть до получения соответствующих заверений от Хрущева на встрече Тито с ним в начале августа в Румынии) всерьез опасались, что «дело Имре Надя» сыграет аналогичную роль, дав толчок мощной антиюгославской кампании. «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», — доносило посольство СССР в Венгрии в июне 1957 года. АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035. Л. 193.

сторонников реформ уже с конца 1956 года наступило некоторое разочарование, зафиксированное во многих источниках, в том числе донесениях советского посольства. Объяснить его можно непоследовательностью позиции Тито и его окружения в отношении венгерской революции. Заинтересованность в добрососедских отношениях, неповторении милитаристского уга-ра начала 1950-х годов была, однако, доминирующей тенденцией как с венгерской, так и с югославской стороны. Это стало особенно очевидно после того, как в июне 1958 года венгерский суд вопреки прежним обещаниям, данным югославам, вынес смертный приговор Имре Надю. После обмена резкими дипломатическими нотами ни Тито, ни Кадар не были склонны педалировать усиление напряженности в венгерско-югославских отношениях, о «деле Надя» постарались реже вспоминать.

**События октября
1956 года в Польше
и Венгрии
и коммунистическое
руководство Китая**

Осенью 1956 года, в период польского и венгерского кризисов, руководство компартии Китая во главе с Мао Цзэдуном впервые оказалось активно вовлеченным в события, развернувшиеся в советской сфере влияния в Восточной Европе, оказав определенное воздействие на принятие в Москве принципиальных политических решений. Тем самым Китай в первый раз реально заявил о себе как большая коммунистическая держава, без участия которой отныне не может быть разрешен ни один «семейный спор» в содружестве стран, строящих социализм.

Количество литературы, посвященной политике КНР в условиях восточноевропейских кризисов осени 1956 года, заметно выросло начиная с середины 1990-х годов¹. Но при этом существует ряд не до конца про-

¹ *Csen Csien*. Peking és az 1956-os magyar válság // 1956-os Intézet. Évkönyv 1996/1997. Budapest, 1996; *Shen Zsihua*. Mao and the 1956 Soviet military intervention in Hungary // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc countries: reactions and repercussions / Ed. by Rainer J.M., Somlai K. Budapest, 2007; *Shen Zsihua*. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956 // Putere și societate. Lagărul comunist sub impactul destalinizării 1956 / Coord. Cătănus D., Buga V. București, 2006; *Vamos P.* A magyar forradalom szerepe a Kínai Kommunista Part politikájában // Az 1956-os forradalom visszhangja a Szovjet tömb országáiban. 1956-os Intézet. Évkönyv XIV. 2006–2007 / Szerk. Rainer M.J., Somlai K. Budapest, 2007; *Evolucio és revolutio*. Magyarország és a nemzetközi politika 1956-ban / Szerk. Békés Cs. Budapest, 2007 (автор главы — П. Вамош). См. также сборник документов о венгеро-китайских отношениях: *Magyar-kínai kapcsolatok 1956–1959. Dokumentumok / Gyűjt., vál. és a jezzeteket írta Szobolevski S.* Budapest, 2001.

ясненных, дискуссионных вопросов, а иногда не обходится и без мифотворчества, что отчасти объяснимо ограниченным количеством либо сохраняющейся недоступностью достоверных источников, отражающих эволюцию позиции китайского руководства в течение быстро менявшихся событий второй половины октября – начала ноября 1956 года.

Так, например, в литературе получила некоторое распространение версия, согласно которой именно китайская сторона, активно выступив против советских военных планов в отношении Польши, предотвратила вооруженное вмешательство СССР во внутренние дела этой соседней страны, способное привести к самым непредвиденным последствиям для всего советского блока, учитывая масштаб Польши как не малого, но среднего по своим размерам, 30-миллионного государства, численность и боеспособность ее армии, а также настроения в польском обществе. Эта версия восходит своими истоками к комментариям западной прессы, относящимся непосредственно к периоду польского и венгерского кризисов осени 1956 года. В частности, газета «New York Herald Tribune» 27 октября 1956 года обратила внимание на то, что КПК быстрее КПСС поздравила В. Гомулку с избранием на VIII пленуме (19–21 октября) на пост первого секретаря ЦК ПОРП. На основании этого факта комментаторы делали предположение о том, что позиция Китая стала немаловажным фактором сдерживания Москвы в польском вопросе, не в последнюю очередь способствовавшим и примирению советского руководства с возвращением Гомулки на польский политический олимп после нескольких лет пребывания в опале.

Любые предположения о решающей роли КПК в урегулировании польско-советского конфликта были по душе руководителям (как и рядовым аппаратчикам) китайской компартии, поскольку вполне отвечали их амбициям — превратить коммунистический Китай в силу, вполне способную конкурировать с СССР в борьбе за гегемонию в социалистическом лагере и мировом коммунистическом движении. Именно китайские партпропагандисты в наибольшей мере приложили руку к мифологизации некоторых внешнеполитических аспектов польского кризиса. Так, уже в дни первой годовщины событий, 18 октября 1957 года,

информационное агентство Синьхуа распространило свой комментарий, в котором отмечалось: граждане Польши единодушно отдадут себе отчет в том, что если бы не участие компартии Китая, польские события осени 1956 года привели бы к гораздо более трагическому исходу, нежели венгерское восстание². Директор этого агентства Ву Ленгси в 1950-е годы был одним из главных информаторов Мао, входил в круг лиц, регулярно общавшихся с председателем КПК. Уже совсем в другую эпоху, в 1990-е годы, в Пекине были опубликованы мемуары этого деятеля, в значительной мере посвященные его беседам с Мао³. Именно содержащиеся в этих мемуарах свидетельства, зачастую неподкрепленные другими источниками, чаще всего используются для обоснования версии о решающей роли Китая в предотвращении силового варианта разрешения польского кризиса⁴. Но еще за три с лишним десятилетия до публикации мемуаров Ву Ленгси китайская сторона была склонна как в массовой пропагандистской литературе, так и в межпартийной переписке КПСС и КПК преувеличивать задним числом значение своего участия в урегулировании польско-советского конфликта, так же как, впрочем, и венгерского кризиса осени 1956 года.

В польской литературе последних десятилетий также неоднократно высказывалось предположение о том, что прежде всего именно противодействие Китая планам советской интервенции в Польше заставило руководство СССР пойти на компромисс⁵. Для того, чтобы прояснить реальную, немифологизированную роль Китая в тех событиях, необходимо на основе всего комплекса доступных источников реконструировать заново конкретно-исторические обстоятельства вовлечения представителей КПК в процессы разрешения польского, а затем еще более острого венгерского кризиса⁶.

2 Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956. P. 341.

3 Wu Lengxi. Reminiscences of Chairman Mao: Episodes of Important Historical Events I Personally Experienced. Beijing, 1995.

4 Csien. Peking és az 1956-os magyar válság. 186–196. o.

5 Werblan, Andrzej. Chiny a Polski Pazdziernik 1956 // Dzis. № 10, 2006., pp. 123–124.

6 Одна из таких попыток была предпринята в сентябре 2006 года китайским историком Шен Жихуа в докладе на международной конференции в Будапеште, посвящен-

Известно, что руководство КПК (второй по своему реальному политическому весу компартии мира) неоднозначно, но в целом довольно сдержанно отреагировало на острую критику Н. С. Хрущевым проявлений «культы личности» Сталина в докладе на закрытом заседании в конце работы XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года. С одной стороны, оно было в определенной мере заинтересовано в разрушении мифа о непогрешимости советских лидеров, представлявших всему миру свою модель социализма как образцовую и нередко навязывавших собственную волю другим. С другой стороны, Мао Цзэдун был явно задет тем, что его фактически поставили перед свершившимся фактом, не посоветовавшись должным образом перед принятием принципиально важного решения о прочтении разоблачительного доклада и не вручив заблаговременно его текст⁷. Еще более существенным было то, что в критике культа личности Сталина Мао увидел критику собственных методов и угрозу собственным позициям в партии и стране. Главная газета КПК «Женьмин жибао» взяла под защиту Сталина в статье от 5 апреля, призвав соблюдать в отношении к нему необходимые пропорции и всячески подчеркивая, что его заслуги перевешивают ошибки. Перепечатка с некоторыми сокращениями этой статьи «Правдой»⁸ свидетельствовала не только о готовности КПСС откорректировать с учетом мнения КПК свою позицию в вопросе о Сталине и сталинизме⁹; она была воспринята наблюдателями как на

ной 50-летию венгерских событий 1956 года. *Shen Zsihua*. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956.

⁷ Прокуменщиков М. Ю. «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. редактор К. Аймермахер, отв. составитель В. Ю. Афиани. М., 2002. С. 36. Из документов, впрочем, известно, что глава делегации КПК на XX съезде КПСС член Политбюро ЦК КПК маршал Чжу Дэ был еще до 25 февраля ознакомлен с содержанием предстоящего доклада с просьбой о нераспространении.

⁸ «Об историческом опыте диктатуры пролетариата.» Правда. 1956. 7 апреля. Статья была также распечатана в виде брошюры тиражом 200 тыс. экземпляров и распространялась в системе партполитпросвещения.

⁹ Как раз в дни подготовки программной китайской статьи Пекин посетил член высшего политического руководства СССР А. И. Микоян, до которого, насколько мож-

Западе, так и в Восточной Европе (в частности, среди реформаторски настроенной интеллигенции) как несомненный шаг назад в критике культа личности.

Свою позицию китайские лидеры довольно откровенно излагали восточноевропейским коммунистам. В сентябре 1956 года, в дни работы VIII съезда КПК ближайший соратник Мао Цзэдуна премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай имел трехчасовую беседу с делегацией Венгерской партии трудящихся (ВПТ) и от имени всего руководства КПК выразил несогласие с тем, как был поставлен вопрос о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Китайские коммунисты, по словам Чжоу, не всегда соглашались со Сталиным еще при его жизни. Так, во второй половине 1940-х годов они взяли за оружие вопреки мнению Сталина, считавшего их выступление несвоевременным. И победили, заставив Сталина признать свою правоту. «Несмотря на все это, сказал т. Чжоу Эньлай, китайские коммунисты не хотели критиковать Сталина открыто, оберегая престиж СССР. Он добавил, что на XX съезде ошибки Сталина следовало бы разбирать таким образом, чтобы было ясно, что его заслуги перевешивают его ошибки»¹⁰. Чжоу Эньлай говорил и о том, что «на XX съезде остался невыясненным вопрос об ответственности других советских руководителей. Пока этот вопрос остается невыясненным, добавил он, трудности будут оставаться»¹¹. В беседе с венграми Чжоу неплохо обозначил лимиты критики Сталина руководством КПК — последняя по сути свелась к признанию недооценки вождем СССР китайской специфики, осуждению ошибочных советов и рекомендаций, данных им китайским коммунистам в разные годы, особенно во второй половине 1940-х годов, в условиях революции и гражданской войны в Китае.

Известно, что еще до XX съезда КПСС, 14 января 1956 года тот же Чжоу Эньлай сделал программное заявление, в котором

.....
но судить при отсутствии у нас записей бесед, было донесено мнение китайских лидеров.

¹⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 303.

¹¹ Там же.

выступил против абсолютизации советского опыта, за более творческое его применение, призвал ученых-обществоведов к изучению специфики продвижения Китая к социализму. Это выступление не только обозначило усиление национально-коммунистических тенденций в идеологии КПК, оно положило начало некоторой временной либерализации политики в отношении интеллигенции, причем процесс этот не был прерван и XX съездом КПСС — при всем несогласии лидеров КПК с хрущевскими методами разоблачения Сталина. Неудовольствие результатами XX съезда отнюдь не означало отказа от ранее избранной линии на поиски собственных путей к социализму и некоторое дистанцирование от советского опыта. XX съезд, напротив, только стимулировал проведение этой линии.

25 апреля Мао выступил на Политбюро ЦК КПК с программной речью «О десяти важнейших взаимозависимостях», которая впервые была опубликована только в год его смерти — в 1976 году. Большое внимание он уделил необходимости теоретического осмысления специфических особенностей продвижения страны к социализму. Условия, сложившиеся после XX съезда, воспринятого им как проявление кризиса в КПСС, китайский лидер использовал для того, чтобы впервые отчетливо заявить о себе как о теоретике мирового коммунистического движения. Со ссылками не только на работы Мао, но и на конфуцианское философское наследие в аппарате ЦК КПК формулируются новые принципы культурной политики, вырабатываются формулы: «пусть расцветают сто цветов», «позвольте каждой птице петь», «пусть соревнуются сто школ» и т. д., которые могли быть не без оснований восприняты как определенный поворот к плюрализму, провозглашение некоторой соревновательности идей в общественных науках, стремление к преодолению догматизма¹². Больше внимания стало уделяться опыту строительства со-

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 123. Л. 179. Из разных стран в Москву приходили донесения о том, что китайский лозунг «пусть расцветают все цветы» трактовался в духе попустительства к различного рода экспериментам. См., например, справку посольства СССР в ГДР о настроениях творческой интеллигенции Восточной Германии (1957 год).

циализма не только в СССР, но и в других странах, включая титовскую Югославию. В июне на заседании Всекитайского собрания народных представителей зам. премьер-министра КНР Чен Жюнь говорил о том, что плановая экономика не исключает элементов свободного рынка в сфере торговли. На 1957 год планировалась реформа, в соответствии с которой промышленные предприятия могли заключать с предприятиями торговли соглашения о сбыте произведенной продукции. Китайский социализм переживал в 1956 году свой «розовый период», чему способствовали относительная, хотя и временная стабилизация к середине 1950-х годов экономического положения и политической системы КНР. Мало что в политической жизни Китая в это время предвещало ужасы «большого скачка» и «культурной революции».

Внешняя политика КНР в этот период не противоречила принципам формирующегося движения неприсоединения, в первых программных документах этого движения и прежде всего в Бандунгской декларации 1955 года нашли отражение те же формулы, что и в соглашении между Китаем и Индией по Тибету (1954 год). Стремясь к укреплению своего влияния в мире, КНР, не имевшая членства в ООН, где место Китая занимал до начала 1970-х годов представитель чанкайшистского режима Тайваня, активизировала в середине 1950-х годов связи с азиатскими странами, проводившими политику неприсоединения.

Таким образом, не только КПСС, но и КПК не избежала в середине 1950-х годов новых веяний, хотя ее руководство в отличие от Хрущева не уставало подчеркивать правильность и обоснованность своей прежней политики¹³. На протяжении 1956 года

.....
¹³ *Micunović Velko*. Moskofske godiné 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 55. Подробнее см.: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999 Как заметил не без сарказма в этой связи посол Югославии в СССР в 1956–1958 годах В. Мичунович в мемуарах, стилизованных под дневник и сделанных на основе собственных дипломатических донесений, китайская политика более мудра, «так как она в традиционной китайской манере намекает, что было бы лучше, если бы нынешние советские руководи-

из Пекина исходили разноречивые импульсы, на китайский пример могли ссылаться в странах Восточной Европы отнюдь не только сталинисты, недовольные XX съездом КПСС и бравшие на вооружение охранительную по духу статью «Женьминь жибао» от 5 апреля. Некоторые новые лозунги, провозглашенные КПК, были притягательны и в оппозиционных, реформаторских кругах, причем здесь акцент делался, конечно, не на защите китайскими коммунистами Сталина, а на поисках ими собственного пути и критическое отношение к советской политике. Импульсы, исходившие из Пекина, при всей их противоречивости свидетельствовали прежде всего о том, что Китай не только стремится к выработке своей специфической модели социализма, но и претендует, не идя пока еще на конфронтацию с СССР, на более значительную роль в мировом коммунистическом движении, пытается ослабить свою зависимость от «старшего брата».

Состоявшийся в сентябре 1956 года в Пекине VIII съезд КПК привлек большое внимание в мире, ход его работы и решения в целом подтверждали оптимистические ожидания сторонников либерализации социализма. В странах Восточной Европы съезд вызвал живой интерес, особенно подробно освещали его работу реформаторски ориентированные органы прессы в Польше и Венгрии, подававшие информацию из Пекина таким образом, что съезд КПК способствовал воодушевлению приверженцев далеко идущих реформ в русле социалистического выбора. Последние нередко апеллировали к китайскому опыту в противовес советскому. Достаточно велик был интерес к политике КПК и более широкого общественного мнения. Член Политбюро Центрального Руководства ВПТ И. Ковач, выступая в начале октября на массовом митинге на заводе «Ганц», «обратил внимание, что рабочие охотно и живо откликались на его сообщение об успехах в Китае, но встретили холодным молчанием ту часть его выступления, где говорилось о Советском Союзе»¹⁴. Аналогичной была ситуация в Польше. Советник посольства КНР в Варшаве .....

тели работали иначе и лучше, чем Сталин, а не осуждали его, мертвого, в секретных докладах и продолжали вместе с тем делать то же, что и Сталин».

¹⁴ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 302.

доносил 23 октября представителям руководства своей партии, прибывшим в этот день в Москву, о том, что видел на варшавских улицах плакаты «Мао поддерживает нас»¹⁵. Едва ли было бы преувеличением утверждать, что в сентябре — первой половине октября 1956 года китайское влияние в Венгрии и Польше росло пропорционально ослаблению советского влияния, а в общественном мнении было больше симпатий к Китаю, чем к СССР. Именно в реакции лидеров КПК на обозначившиеся в середине осени в этих странах острые кризисные явления наиболее отчетливо проявился рост амбиций китайской компартии, начавшей претендовать на равное или близкое к равному с КПСС положение в мировом коммунистическом движении¹⁶.

Как явствует из доступных источников, Мао и его окружение с самого начала внимательно следили за польским кризисом, хотя и не обладали полной информацией о происходящем в далекой от них стране. Проецируя свое восприятие польских событий на собственный прежний опыт неравноправных отношений с Москвой, они быстро начали усматривать истоки польского кризиса в стремлении СССР навязывать другим партиям свою волю.

Из литературы хорошо известно, что 18 октября, узнав о созываемом на следующий день пленуме ЦК ПОРП, который собирался радикально обновить руководство этой партии, Президиум ЦК КПСС постановил делегировать в Варшаву представительную партийную делегацию во главе с самим Н. С. Хрущевым. Прибыв в столицу Польши на следующее утро, она оказала массированное давление на польскую коммунистическую элиту¹⁷. 19 октября

.....
¹⁵ *Shen Zsihua*. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956. P. 343.

¹⁶ Показательна в этой связи и позиция титовского руководства Союза коммунистов Югославии, позже провозглашенного в Пекине как ревизионистское. В 1956 год между КПК и СКЮ активизировались межпартийные связи. Если на XX съезде КПСС СКЮ представлял лишь готовившийся к завершению своих дипломатических функций и отъезду в Белград посол Д. Видич (в качестве скорее не гостя, а наблюдателя) и было зачитано приветственное письмо Тито, то в Пекин для участия в работе VIII съезда КПК приехала более внушительная югославская делегация.

¹⁷ *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 168–197. Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов Политбюро ЦК ПОРП, состоявшихся в Варшаве 19 октября, опубликована: Бе-

посол СССР в Пекине П. Ф. Юдин по поручению Москвы посетил зампреда ЦК КПК Лю Шаоци. Согласно более позднему свидетельству переводчика, посол информировал китайского лидера о том, что в последнее время обнаружились серьезные разногласия между КПСС и ПОРП по некоторым фундаментальным политическим вопросам, вызывающие серьезную обеспокоенность ЦК КПСС. Речь зашла, в частности, о неприемлемом для КПСС решении обновить руководство ПОРП за счет исключения из него «друзей СССР», прежде всего министра обороны ПНР Маршала Советского Союза и Маршала Польши К.Рокоссовского. Юдин заявил, что подобные устремления противоречат жизненным интересам всего лагеря стран, строящих социализм, поскольку угрожают в конечном итоге выходом Польши из соцлагеря и присоединением ее к западному блоку¹⁸. Посол СССР сообщил руководству КНР и о том, что делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым срочно выехала в Варшаву для обсуждения с лидерами ПНР и ПОРП спорных вопросов¹⁹. Согласно версии, изложенной в вышеупомянутых мемуарах директора агентства Синьхуа, Юдин заявил китайским лидерам и о том, что из-за серьезности ситуации в Польше СССР намеревается прибегнуть к военной силе, направив в эту страну дополнительные войска. Речь шла, таким образом, о явном силовом давлении. В последующие дни посол информировал китайскую сторону о созываемом в Москве для обсуждения польского вопроса совещании представителей компартий стран «народной демократии», на которое приглашалась высокопоставленная делегация КПК; соответствующее пригласительное письмо было им передано в ЦК КПК, очевидно, 21 октября²⁰.

.....
сиды под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 года) / Публикация А. М. Орехова // Славянский альманах 2007. М., 2008. С. 460–509.

¹⁸ Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956. P. 344.

¹⁹ Csen C sien. Peking és az 1956-os magyar válság. 189. о. Им было передано китайской стороне и письмо соответствующего содержания, текстом которого мы не располагаем. По некоторым данным, Юдин был принят в этот же день и самим Мао Цзэдуном.

²⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. редактор А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 174–175. Вопросы, связанные с созывом совещания, которое первоначально планировалось на 23-е, а затем

Если верить версии Ву Ленгси, Мао, узнав от Юдина о советских планах военного вмешательства в Польше, тут же выразил свое жесткое неприятие политики силового давления. Он дал понять, что готов послать делегацию в Москву лишь в том случае, если в ЦК КПСС напрочь откажутся от планов силового диктата и проведут совещание не для осуждения поляков, а для того, чтобы понять причины расхождений с ними и способствовать их преодолению²¹. После встречи с Юдиным Мао принял польского посла в КНР, сообщив ему о негативном отношении Пекина к любым вынашиваемым в Москве проектам силового разрешения проблем, возникших в польско-советских отношениях²².

Тот же мемуарист подробно и в красках описывает заседание Политбюро ЦК КПК, созванное Мао для обсуждения польского кризиса. Рассматривалась якобы поступившая из ЦК КПСС срочная телеграмма, в которой говорилось о наступлении в Польше антисоветских сил, требующих вывода советских войск из ПНР²³. Как отмечалось в телеграмме, СССР в соответствии с Варшавским договором имеет право на увеличение контингента своих войск в Польше; в сложившихся условиях, угрожающих выходом ПНР из социалистического лагеря, есть основания для использования военной силы для решения проблемы. В ходе заседания Мао запрашивал от директора агентства Синьхуа свежую информацию о положении в Польше. Тот, ссылаясь на сообщения иностранных информгентств, доложил о том, что часть польских войск приводится в состояние боеготовности с тем, чтобы при необходимости дать отпор «непрощенным гостям», происходит также вооружение рабочих. Несколько позже поступила якобы информация из Стокгольма и Хельсинки о том, что советские военные корабли бросили якоря у Гданьска, а советские войска, дислоцированные на Западе СССР, а также в ГДР, приведены

.....
было перенесено на 24 октября, обсуждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС 20 и 21 октября.

²¹ *Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság. 188–190. o.*

²² *Ibid.*

²³ Документ нам не известен.

в состояние повышенной боевой готовности²⁴. Оценив ситуацию вокруг Польши как чрезвычайно серьезную и способную сильно обрадовать всех врагов социализма, Мао якобы квалифицировал действия СССР как вмешательство во внутренние дела соседней страны, насилие над базовыми принципами международных отношений и надругательство над принципами пролетарского интернационализма и отношений между социалистическими странами. Сочтя недопустимыми проявления великодержавного шовинизма в политике СССР, Политбюро ЦК КПК в целях предотвращения военной интервенции в Польше единодушно постановило заявить решительный протест против советских планов силового давления, что было незамедлительно доведено до сведения срочно вызванного посла Юдина²⁵.

Обрисованная выше версия не подкрепляется, однако, другими источниками и опровергается более новой литературой. По свидетельству переводчика, в ходе бесед, состоявшихся 19 октября и в последующие дни, посол ничего не говорил китайским лидерам о том, что советские войска наступали в направлении Варшавы и в результате создавалась довольно напряженная обстановка²⁶. Можно предполагать, что он не только не получал из Москвы установок на этот счет, но и едва ли мог знать какие-либо подробности о быстро меняющемся развитии событий в Польше. Вопрос о конкретных советских военных приготовлениях в ходе бесед с китайскими руководителями, скорее всего, не поднимался. Весьма вероятно, что руководство КПК, в это время, как правило, с перебоями получавшее информацию от своих восточноевропейских посольств, не обладало сколько-нибудь полными сведения-

²⁴ О ситуации в Польше в те дни, реальных масштабах угрозы применения Советским Союзом военной силы см.: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели». Глава 4. Часть советских войск, находившихся в Польше, была действительно выведена 18 октября из района дислокации, принимались также меры по усилению боеготовности ряда соединений западных военных округов СССР, а также Балтийского флота. Но продвижение танковой колонны на Варшаву было приостановлено 19 октября.

²⁵ См.: Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság. 188–190. o.

²⁶ См.: Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956. P. 344.

ми о конкретной ситуации в Польше, хотя и неоднократно обращалось на заседаниях Политбюро к обсуждению польско-советских разногласий. Как бы то ни было, оно заняло свою позицию в отношении польско-советского спора, увидев главную причину его возникновения в рецидивах великодержавного шовинизма Москвы, ее стремлении диктовать свою волю коммунистам других стран.

На поступившее из Москвы официальное приглашение прислать высокопоставленную делегацию на совещание компартий социалистических стран решено было ответить положительно. Делегацию предстояло возглавить второму человеку партии — Лю Шаоци. В руководстве КПК считали предпочтительным, чтобы представители китайской компартии встретились с советскими и польскими лидерами по отдельности. Их задача была определена как посредничество в преодолении возникших противоречий между польскими и советскими товарищами. Делегации была дана установка, с одной стороны, при встречах с представителями КПСС донести до них несогласие КПК с проявлениями великодержавного шовинизма в политике СССР, патерналистским стилем отношений с братскими партиями. С другой стороны, они должны были указать польским товарищам на необходимость более широкого взгляда на общие интересы мирового коммунистического движения²⁷. Юдин вызывался к Мао Цзэдуну для вручения ответа на приглашение прислать делегацию в Москву. В ходе беседы председатель КПК изложил свою точку зрения на происходившие события. Он считал маловероятным, что Польша может покинуть социалистический лагерь и присоединиться к западному блоку; пока речь может идти только о поставленной поляками задаче обновления партийного руководства. Эффективно ли в этой ситуации какое-либо силовое давление? По мнению Мао, для того, чтобы воспрепятствовать нежелательному развитию событий в Польше, руководству КПСС следует пойти на некоторые уступки. Прежде всего надо позволить полякам обновить руководство ПОРП и установить

.....
²⁷ Ibid., p. 346.

с обновленным руководством отношения на основе подлинного равноправия. Насилие и запугивание, напротив, только усилят антисоветские настроения в стране. Вопрос о том, что Польша должна остаться частью социалистического лагеря, по мнению китайского лидера, вызывать споров не мог, именно потенциальной угрозой раскола в коммунистическом движении он и объяснял свою озабоченность положением в далекой от Китая восточноевропейской стране. При этом Мао не замыкался на конкретном польском прецеденте, выходил на обобщения, касающиеся линии КПСС в международном коммунистическом движении; последняя, он был уверен, нуждалась в корректировке. В ходе разговора с советским послом китайский вождь между прочим упомянул и о своих разногласиях с лидерами КПСС в вопросе о десталинизации. Он считал в принципе возможным критиковать Сталина, но спорил о методах критики²⁸.

Как можно судить по имеющимся документам, включая запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов Политбюро ЦК ПОРП 19 октября в Бельведерском дворце²⁹, ни Хрущев и другие члены советской делегации, прибывшей в Варшаву, ни польские лидеры не только не ставили под сомнение единство линий КПСС и КПК, но вообще не уделяли сколько-нибудь значительного внимания позиции коммунистического Китая, поскольку, видимо, мало знали о ней либо не считали советско-китайские разногласия существенными. О второй коммунистической державе мира напомнил в ходе бесед председатель Госсовета ПНР А. Завадский, который опроверг распространенный в Варшаве «враждебными элементами» слух о том, что в сентябре в Пекине во время VIII съезда КПК Мао Цзэдун в беседе с тогдашним первым секретарем ЦК ПОРП Э. Охабом якобы сказал, что поддержит поляков в борьбе за независимость против СССР³⁰. Можно

28 Ibid.; Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

29 Орехов А. М. (Москва) Беседы под сводами Бельведера (встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.). С. 460

30 Там же. С. 480. Из разных источников известно, что в дни VIII съезда КПК польская делегация информировала китайских лидеров о положении в своей стране. При этом она не скрывала имевшихся планов по активному приобщению влиятельного в широ-

предполагать, что мнение Китая в это время мало влияло на поиск представителями КПСС и ПОРП компромиссной, взаимоприемлемой линии в целях преодоления возникшего конфликта. Опасения военной конфронтации заставили Хрущева еще 19 октября дать команду о приостановке продвижения советской танковой колонны в направлении Варшавы, вместе с тем вопрос о возможном советском военном вмешательстве в Польше еще в течение нескольких дней оставался открытым³¹. Вначале на заседаниях Президиума ЦК КПСС доминировала жесткая позиция³², но уже на следующий день, 21 октября, обозначилась склонность к компромиссу: «учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость»³³. Было дано принципиальное согласие обсудить с польской стороной вопрос об отзыве советников СССР из силовых структур ПНР. Каждодневно наблюдая за ходом событий в Польше, Хрущев и его соратники могли заметить, что Гомулка, избранный вопреки воле Москвы первым секретарем ЦК ПОРП, не стремится к разрыву с СССР, нигде не выходит за «красную линию» в отношениях с содружеством стран, строящих социализм, и это изменило их первоначальные установки еще до совещания компартий, в конце концов назначенного на 24 октября³⁴. Ссылки на мнение КПК в записях заседаний Президиума тех дней не содержится. Это само по себе свидетельствует против преувеличения влияния китайского фактора на принятие в Кремле ключевых решений по польскому вопросу, ставит

.....
ких кругах Гомулки к политической жизни вплоть до включения его в высшее руководство ПОРП в интересах расширения общественной поддержки власти. Затрагивала она и проблему целесообразности вывода (на основе договоренности с Москвой) из польских силовых структур советников из СССР, чье присутствие вело к оживлению антисоветских настроений. См.: *Magyar-kínai kapcsolatok. 1956–1959. Dokumentumok.* Budapest, 2001. 11. o.

³¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. С. 173–176.

³² Там же. С. 173. Из записи 20 октября: «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть»

³³ Там же. С. 175.

³⁴ Там же. Даже такой «ястреб», как В. М. Молотов, признал на заседании Президиума 21 октября, что «в политике ПОРП произошли изменения».

под сомнение вышеприведенный тезис о том, что в первую очередь именно жесткая позиция коммунистического Китая предотвратила вооруженное вмешательство СССР во внутренние дела Польши.

Идея проведения совещания представителей компартий социалистических стран для обсуждения польского вопроса оставалась, однако, в силе³⁵ — не для того, чтобы заручиться согласием на силовую акцию, от которой 21 октября уже фактически отказались, а прежде всего для того, чтобы обсудить уроки произошедшего конфликта в польско-советских отношениях для всего социалистического лагеря. На советском самолете, специально посланном в Пекин, китайская делегация во главе с Лю Шаоци и Дэн Сяопином прибыла в Москву во второй половине дня 23 октября³⁶. В эти самые часы многотысячная демонстрация в Будапеште, о планах проведения которой еще накануне в Пекине никто не знал, грозила выйти из-под контроля. Тем самым внимание советских лидеров все более переключалось с польских событий на венгерские. Вопрос о возможном применении военной силы в Польше к этому времени перестал дискутироваться на заседаниях Президиума ЦК КПСС, в Москве пришли к выводу о том, что «в отношениях с Польшей следует избегать нервозности и торопливости, надо помочь польским товарищам выработать уравновешенную партийную линию»³⁷, ставка, таким образом, была окончательно сделана на преодоление возникших разногласий путем переговоров и взаимных компромиссов³⁸. По некоторым сведениям, в день приезда китайских функционеров в Москву Хрущев в телефонном разговоре с Гомулкой

35 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 471–473. См. соответствующее постановление Президиума ЦК КПСС и тексты телеграмм ЦК КПСС центральным комитетам братских партий:

36 Там же. С. 473. См. телеграмму ЦК КПСС в адрес ЦК КПК с предложением обсудить ситуацию, сложившуюся в Польше.

37 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 360.

38 Там же. С. 359–361. Это нашло наглядное выражение в выступлении Хрущева 24 октября на заседании Президиума ЦК КПСС с участием руководителей компартий Болгарии, ГДР и Чехословакии.

говорил о том, что не видит препятствий для того, чтобы отношения между КПСС и ПОРП развивались на основе принципов, нашедших отражение в решениях только что состоявшегося VIII пленума ЦК ПОРП³⁹.

Слова в данном случае не расходились с делами, в советской политике применительно к Польше восторжествовала компромиссная линия, полностью себя оправдавшая. Смирившись с избранием Гомулки на пост первого секретаря ЦК ПОРП, выводом маршала Рокоссовского из Политбюро, и согласившись на удаление из Польши большой группы советников от Минобороны, МВД и КГБ, руководство СССР не лишилось, однако, Польши как своего военного союзника, предотвратило сдвиг вправо в этой стране, который мог бы грозить утратой коммунистами власти. Уже к середине 20-х чисел октября в Кремле не могли не видеть первых признаков ослабления внутривластной напряженности в Польше. Хотя принципиальная линия руководства КПСС в деле разрешения конфликта с обновленным руководством ПОРП была, как отмечалось, в основном выработана еще до приезда в Москву высокопоставленных посланцев Мао Цзэдуна, в Москве действительно ждали от Пекина советов — о том, как дальше строить отношения с Польшей с учетом уроков возникшего конфликта, а в более общем плане — о том, какими методами можно стабилизировать ситуацию в социалистическом лагере в целом (на кризисные тенденции в ее развитии особенно явно указывало мощное венгерское восстание, вспыхнувшее 23 октября). Проявившаяся заинтересованность ЦК КПСС в советах ЦК КПК объективно обозначила повышение влияния КПК в мировом коммунистическом движении, к чему китайские коммунисты неизменно стремились. Как показывают документы, при выработке конкретных планов урегулирования венгерского конфликта китайская делегация сыграла определенную роль, но особенно значительным было ее влияние на подготовку программного документа советской внешней политики — Декларации Правительства

.....
³⁹ АВПР. Ф. 0122. Оп. 40. Папка 336. Д. 10. Л. 108.

СССР от 30 октября 1956 года об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами.

23 октября, ближе к вечеру, Хрущев, уже знавший, хотя и без подробностей, о напряженной ситуации в венгерской столице, отправился собственной персоной во Внуковский аэропорт, чтобы встречать китайских гостей. Сопровождая Лю и Дэна в гостевой дом на Ленинских горах, советский лидер, по воспоминаниям переводчика, говорил о своей озабоченности положением не только в Венгрии, но и в Польше, состоянием отношений между КПСС и ПОРП, рассчитывая на понимание и поддержку своей позиции китайской стороной. Если верить переводчику, в этой первой своей беседе с китайскими эмиссарами Хрущев проявил некоторую склонность к самокритике там, где дело касалось советско-польских отношений. Вместе с тем он выражал удовлетворение тем, что китайским коммунистам удалось сохранить доверительные отношения с польскими товарищами, рассчитывал на помощь КПК в преодолении возникших расхождений между КПСС и ПОРП. Хрущев, таким образом, не был против китайских планов посредничества, он просил товарищей из КПК убедить польских коммунистов в том, чтобы те в большей мере учитывали интересы всего соцлагеря. Лю Шаоци и Дэн Сяопин, по свидетельству переводчика, не выражали несогласия с тем, что говорил Хрущев, обещали от имени ЦК КПК содействовать налаживанию советско-польских отношений⁴⁰. Однако уже в это время Хрущева занимали не столько польские, сколько венгерские события, все более выступавшие на первый план. Он информировал китайских гостей о беспорядках в Будапеште, сказал, что собирается сразу же ехать в Кремль для того, чтобы сосредоточиться на решении срочных вопросов. Лю и Дэн приняли это к сведению без комментариев. На протяжении нескольких последующих дней, внимательно наблюдая за развитием событий в Венгрии, они избегали скоропалительных выводов.

40 См.: *Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956.* P. 347–348.

Китайские представители не присутствовали 24 октября на состоявшемся заседании Президиума ЦК КПСС с участием представителей компартий Болгарии, Чехословакии и ГДР⁴¹. Но в соответствии с планами, выработанными накануне⁴², Лю Шаоци выступил в тот же день на другом заседании Президиума⁴³. Один из лидеров КПК счел правильными меры, принятые ЦК КПСС в польском вопросе, и высказался при этом против полицентризма в мировом коммунистическом движении («Основа — СССР — центр социалистического лагеря. Не может быть несколько центров»). Вместе с тем Лю Шаоци в соответствии с полученными в Пекине установками сконцентрировал внимание и на недостатках в деятельности КПСС, которые необходимо устранять: в Москве иногда принимали поспешные решения по важным вопросам, навязывали свою волю другим партиям. Хрущев выразил согласие с мнением китайского эмиссара, что было в общем не удивительным, поскольку конкретные примеры неправильной линии КПСС, приведенные Лю Шаоци, относились к сталинскому периоду⁴⁴.

Если судить по кратким записям заседаний Президиума ЦК КПСС, выполненным зав. общим отделом ЦК КПСС В. Малиным, китайский эмиссар более подробно остановился на ситуации

41 См. запись: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 359–365.

42 Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 177.

43 См. запись: Там же. С. 178–179.

44 Там же. С. 179. Переводчик Лю Шаоци в своих мемуарах, основанных на записях тех дней, дополняет картину, усиливая некоторые акценты. По его версии, китайский лидер сделал упор именно на том, что КПСС и Советский Союз безосновательно вмешивались во внутренние дела других партий и государств, совершали в сталинскую эпоху ошибки великодержавного, шовинистического свойства, что приводило к ущемлению суверенитета, становлению ненормальных отношений между социалистическими странами. Прежде всего в этом следует искать истоки напряженности в Венгрии и Польше, усиления в этих странах националистических настроений. Великодержавный шовинизм должен быть полностью удален из практики отношений между социалистическими странами, говорил зампред ЦК КПК. См.: *Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956*. P. 348. По возвращении домой Лю Шаоци в своем отчете на пленуме ЦК КПК 10 ноября также говорил о том, что он в своем первом выступлении перед советскими лидерами подверг критике тенденцию великодержавного шовинизма, проявляющуюся в отношениях СССР с другими странами, а в особенности с братскими партиями, обратил внимание на конкретные ошибки, довольно откровенно изложил свои взгляды (*ibid.*).

в Польше 26 октября⁴⁵. Как уже отмечалось, поездке Лю Шаоци и Дэн Сяопина в Москву предшествовали обсуждения советско-польских разногласий на заседаниях Политбюро ЦК КПК. Согласно позиции Мао Цзэдуна, новое руководство ПОРП во главе с Гомулкой продолжает оставаться коммунистическим руководством; Польшу и далее следует считать социалистической страной. Расхождения между Варшавой и Москвой — это не конфликт между революцией и контрреволюцией; спор может быть разрешен путем товарищеской критики и самокритики с обеих сторон, и для его разрешения было бы совершенно ошибочным применять силовые средства. Именно таковы были общие установки, определявшие позицию китайской делегации в Москве⁴⁶. Неприятие шовинистических тенденций в политике СССР и признание нового руководства ПОРП не означали, однако, не критического отношения к линии Гомулки, который зашел слишком далеко и, как заметил Лю Шаоци, «допускает перегибы», что проявилось, в частности, в «узловом», по его словам, вопросе — о Рокоссовском⁴⁷. Освобождение уважаемого советского маршала от обязанностей министра национальной обороны ПНР и его вывод из Политбюро ЦК ПОРП были восприняты китайским эмиссаром как жест недружественный СССР и не отвечающий интересам советского блока. Согласно определенным источникам, Хрущев, поддержавший китайского гостя в критике действий Гомулки, предложил Лю Шаоци съездить самому в Варшаву и попытаться убедить польского лидера в нецелесообразности ряда предпринимаемых им шагов. По некоторым сведениям, был даже послан запрос в Варшаву, но Гомулка, подозревая, что Лю Шаоци командирован в Польшу для оказания давления в интересах Москвы, вежливо отказался принять китайскую делегацию, ссылаясь на несвоевременность ее предполагаемого приезда — сохранявшаяся пока еще нестабильность внутривластной ситуации дела-ла затруднительным прием иностранных гостей⁴⁸.

.....
⁴⁵ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 179.

⁴⁶ *Csen C sien*. Peking és az 1956-os magyar válság.

⁴⁷ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 179.

⁴⁸ *Shen Zsihua*. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956. P. 349.

Массовый митинг с участием В. Гомулки в центре Варшавы
24 октября 1956 г.

Контакты между Китаем и Польшей пошли по иным каналам. В ночь на 27 октября Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие китайские лидеры приняли польского посла. Мао критиковал Советский Союз и выразил поддержку линии ПОРП на достижение равноправия во взаимоотношениях с Москвой. Он высоко оценил программную речь Гомулки на массовом митинге в Варшаве 24 октября (ее содержание подробно излагалось в прессе всего мира), назвал ее мудрым поступком, способствующим, в силу своего компромиссного характера, снятию напряженности в отношениях с Москвой. Мао отметил также, что компартии Китая и Польши должны объединить свои усилия, чтобы убедить советских товарищей в необходимости проведения политики равноправия в социалистическом лагере. Вместе с тем китайский лидер призвал польских товарищей к терпению и выдержке: «мы не можем позволить врагу использовать в своих интересах раскол в наших рядах». Наряду с этим Мао высказал озабоченность прозвучавшими

Массовый митинг с участием В. Гомулки в центре Варшавы
24 октября 1956 г.

в Польше на некоторых митингах требованиями вывода советских войск. Он заметил, что и в других странах, в частности, в Венгрии и даже в ГДР могут найтись политики, которые выразят готовность последовать в этом деле не лучшему польскому примеру, и это приведет к возникновению угрозы для всего лагеря⁴⁹.

Поддержка Мао всерьез воодушевила польских коммунистов. Политбюро ЦК ПОРП 28 октября направило письмо благодарности в Пекин и теперь уже само просило китайскую делегацию посетить Польшу по окончании польско-советских переговоров, намеченных на ноябрь. В письме было подтверждено, что Рокоссовский собирается вернуться в СССР; в то же время китайская сторона была заверена в том, что польское руководство не имело даже мысли просить Советский Союз вывести свои войска с польской территории, по-

.....
⁴⁹ Ibid., pp. 349–350.

сколько отдает себе отчет в реальности реваншистской угрозы со стороны Западной Германии⁵⁰.

К этому времени ситуация в Польше стабилизировалась и не создавала серьезной угрозы для внешнеполитического единства советского блока. Вместе с тем позиция КПК, довольно критическая в отношении СССР, занятая в связи с польским кризисом, влияла на поиски в Москве путей разрешения чрезвычайно обострившегося венгерского конфликта.

Итак, смирившись с возвращением на польский политический олимп В. Гомулки, выступавшего за расширение самостоятельности Польши в рамках социалистического выбора, и пожертвовав маршалом К. Рокоссовским, смещенным с должности министра национальной обороны ПНР, лидеры КПСС пошли на уступки, которые, как уже отмечалось, полностью оправдали себя. Рискнув после долгих колебаний сделать

.....
⁵⁰ Ibid. Контакты Мао с польским посольством нашли отражение также в работе: *Gluchowski L. The Soviet-Polish Confrontation of October 1956: The Situation in the Polish Internal Security Corps. Cold War International History Project Working Paper № 17. Washington, 1997.*

ставку на Гомулку с его прочной репутацией «право-националистического уклониста», в Москве в скором времени могли убедиться в том, что менее зависимое, но в то же время более популярное в своей стране коммунистическое руководство может оказаться для СССР предпочтительнее марионеточного правительства, поскольку способно собственными силами нейтрализовать настроения недовольства и тем самым доставляет меньше хлопот. Свежий опыт мирного разрешения кризиса в Польше принимался во внимание при обсуждении ситуации в Венгрии, гораздо более серьезной: в отличие от Польши по всей Венгрии происходил обвал системы партийно-государственного управления, реально обозначилась перспектива утраты коммунистами власти⁵¹.

Но сколь бы ни было сложным положение в Венгрии, удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность первого военного вмешательства в Венгрии, предпринятого в ночь на 24 октября, заставили советских лидеров всерьез рассмотреть вопрос о возможностях мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы⁵². При этом, конечно же, в Президиуме ЦК КПСС осознавали пределы уступок: можно было вывести войска из Будапешта, можно было позволить венгерским коммунистам включить в правительство, в целях расширения его социальной базы, ряд деятелей из крестьянских партий 1945–1948 годов, можно было в крайнем случае даже разрешить венгерским властям признать справедливость некоторых требований повстанцев, но никак нельзя было допустить утраты коммунистами власти, ухода их в оппозицию.

Записи заседания Президиума ЦК КПСС от 30 октября, на котором была принята Декларация Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими стра-

.....
⁵¹ *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 3.

⁵² См. подробнее второй очерк в настоящей книге.

нами⁵³, свидетельствуют о том, что предпочтение в это время пока еще отдавалось мирному способу разрешения венгерского конфликта⁵⁴. Как эти записи, так и другие источники (в частности, мемуары Хрущева и членов делегации КПК), отражают роль китайских эмиссаров в Москве, а также выходившего с ними на связь Мао Цзэдуна в формировании советской политики в Венгрии. Эта проблема была рассмотрена в ряде работ как китайских, так и венгерских авторов⁵⁵. Здесь важно подчеркнуть, что позиция лидеров КПК не была неизменной. Вначале венгерский опыт давал им дополнительные аргументы в критике советской внешней политики, своим вмешательством во внутренние дела других стран, своими шовинистическими проявлениями вызвавшей закономерное недовольство населения в странах Восточной Европы. Эти аргументы в определенной мере учитывались советской стороной при выработке Декларации 30 октября. В то же время китайские эмиссары не торопились с конкретными оценками и прогнозами относительно ситуации в Венгрии и остерегались поспешных выводов, предпочитая внимательно наблюдать за развитием событий. Со временем представители КПК пришли к выводу о коренном отличии ситуации в этой стране от того, что происходило в Польше. Суть польских событий заключалась, по их мнению, в протесте против великодержавного шовинизма советской политики, при этом основы социализма под угрозой не ставились, в Венгрии же наметился резкий поворот вправо, нашли

.....
 53 См.: Правда. 1956. 31 октября.

54 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 457–462; Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 187–191. См. в этой же связи также нашу дискуссионную статью: *Стыкалин А. С.* Несколько штрихов к портрету Имре Надя // Вопросы истории. 2008. № 2.

55 *Szen Csien*. Op.cit. // 1956-os Intézet. Évkönyv 1996/1997. Budapest, 1996; *Shen Zsihua*. Mao and the 1956 Soviet military intervention in Hungary // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc countries: reactions and repercussions / Ed. by Rainer J. M., Somlai K. Budapest, 2007; *Shen Zsihua*. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956 // Putere și societate. Lagărul comunist sub impactul destalinizării 1956 / Coord. Cățănuș D., Buga V. București, 2006; *Vamos P.* A magyar forradalom szerepe a Kínai Kommunista Part politikájában // Az 1956-os forradalom visszhangja a Szovjet tömb országában. 1956-os Intézet. Évkönyv XIV. 2006–2007 / Szerk. Rainer M. J., Somlai K. Budapest, 2007; *Evolucio és revolutio. Magyarország és a nemzetközi politika 1956-ban / Szerk. Békés Cs.* Budapest, 2007 (автор главы – П. Вамош).

проявление выраженные антикоммунистические тенденции, что было для руководства КПК совершенно неприемлемым и вызвало его серьезную озабоченность⁵⁶. 31 октября, в день заседания Президиума ЦК КПСС, на котором было принято принципиальное решение о крупномасштабной силовой акции в целях устранения правительства Имре Надя⁵⁷, были продолжены контакты Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС с Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Китайские эмиссары информировали советских лидеров о новом заседании Политбюро ЦК КПК, указавшем на опасность «капиталистической реставрации» в Венгрии; идеи вывода советских войск из Венгрии были признаны несвоевременными, хотя еще накануне с китайской стороны поднимался вопрос о необходимости консультаций между странами Организации Варшавского договора относительно пребывания в них советских войск, не исключалась и перспектива вывода советских воинских контингентов из этих стран. *Непоследовательность линии КПК в отношении венгерских событий отразила противоречие между естественным стремлением второй коммунистической державы мира использовать трудности, переживаемые Советским Союзом в восточноевропейской сфере своего влияния, в целях усиления китайских позиций в мировом коммунистическом движении, и, с другой стороны, опасениями фронтального отступления социализма в непрекращавшемся противоборстве двух систем.*

Советская военная акция в Венгрии 4 ноября была всецело поддержана китайским руководством в публичных заявлениях, хотя в своих выступлениях перед партийным активом лидеры КПК были весьма критичны в отношении Хрущева и его команды: истоки венгерских, как и польских, событий выискивались ими как в стремлении КПСС диктовать другим

⁵⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середина, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 461. На заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября была заслушана информация посла СССР в Китае П. Ф. Юдина, свидетельствующая о крайней обеспокоенности руководства КПК: «Какова ситуация? Уходит ли Венгрия из нашего лагеря? Кто Надя? Можно ли ему верить?»

⁵⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середина, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 479–481. Анализ мотивов советского руководства при принятии решения см.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. Глава 3.

партиям свою волю, так и в ошибочных методах критики Сталина. Кроме того, советское руководство обвинялось в непоследовательности: неоправданный силовой диктат в отношении Польши сменился столь же неоправданной готовностью вывести войска из Венгрии вопреки остро проявившейся угрозе судьбам социализма в этой стране. Критика советской политики и в том числе методов преодоления сталинского наследия, хотя и довольно завуалированная, нашла выражение и в программных выступлениях КПК, призванных обобщить уроки венгерского кризиса⁵⁸. Хотя в этих выступлениях неизменно присутствовал тезис о роли СССР как ведущей силы в лагере стран, строящих социализм, другой их неотъемлемой чертой стало требование равноправия в отношениях братских партий. В Пекине были позитивно восприняты компромиссные со стороны СССР (особенно в экономической сфере) результаты советско-польских переговоров, состоявшихся в середине ноября в Москве⁵⁹. Ситуация, сложившаяся в советско-польских отношениях, стала для Мао поводом, чтобы подвергнуть сомнению претензии КПСС на гегемонию в мировом коммунистическом движении. Такой подход не мешал китайскому лидеру с определенной настороженностью смотреть на Гомулку, оценивая его как правого уклониста и националиста, и принимать меры по ограничению влияния польского примера на положение в КПК⁶⁰.

Что же касается октябрьской миссии Лю Шаоци и Дэн Сяопина в Москву, то ее итоги были встречены китайской коммунистической элитой с особым удовлетворением. Не

.....
⁵⁸ См., например: Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата (статья в газете «Женьминь жибао»). Правда. 1956. 30 декабря.

⁵⁹ Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. Глава 5.

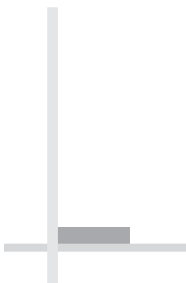
⁶⁰ Тыкалин А. С. За кулисами юбилейных торжеств (московские совещания компартий в ноябре 1957 года и участие в них польской делегации) // Российско-польский исторический альманах. Вып. III. Ставрополь—Волгоград—Москва, 2008. С. 62–99. Это нашло отражение в выступлениях Мао перед внутрипартийной аудиторией. См., например: Magyar-kínai kapcsolatok, 1956–1959. Dokumentumok. Budapest, 2001. 144. о. О позиции руководства КПК в отношении Гомулки и «польского Октября» 1956 года.

удивительно, ведь был осуществлен прорыв в деле проникновения Китая в Восточную Европу. В скором времени за первым шагом последовали другие — миссия Чжоу Эньлая в Москву, Варшаву и Будапешт в январе 1957 года; попытки КПК сыграть роль посредника в деле нормализации советско-югославских межпартийных отношений, осложнившихся вследствие венгерского кризиса; инициатива проведения совещания компартий, реализованная в конце концов в ноябре 1957 года в Москве⁶¹. Китайское присутствие отныне на три десятилетия становится перманентным внешнеполитическим фактором в Восточной Европе.

.....
⁶¹ Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 года). (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий). М., 2013.

К истории решения
одной международной
гуманитарной проблемы
Венгерские беженцы
и мировое сообщество,
1956–1957

Одна из наиболее значительных в новейшей истории Венгрии волн эмиграции¹ пришлось на первые месяцы после событий октября — ноября 1956 года. Речь идет о подавлении советскими войсками крупномасштабного восстания 23 октября (приведшего к полному краху всей системы партийно-государственной власти в Будапеште и на периферии), свержении 4 ноября не сумевшего овладеть ситуацией правительства Имре Надя и установлении контролируемого Москвой правительства Я. Кадара, приступившего к «наведению порядка» при поддержке советских силовых структур². Массовый стихийный исход населения из Венгрии с ноября

.....
¹ Желицки Б. Й., Желицки Ч. Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX — конец 50-х годов XX в. М., 2012. Экономическими мотивами был обусловлен массовый отток рабочей силы (не только этнических венгров, но также представителей других национальностей, в том числе словаков, румын, закарпатских русин) из многонационального венгерского королевства в Северную Америку в начале XX века. Волна левой политической эмиграции охватила страну вследствие поражения коммунистической диктатуры в августе 1919 года (так называемой Венгерской Советской республики) и последующего установления правоавторитарного хортистского режима. Следующая волна политической эмиграции пришлось на вторую половину 1940-х годов. К ней относились отнюдь не только апологеты хортизма и приверженцы правых политических течений, но и люди либеральных убеждений, не принимавшие того вектора развития венгерского общества, который вел к установлению коммунистической диктатуры сталинского образца.

² Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

1956 года до конца весны 1957 года, охвативший более 200 тыс. человек, создал серьезные проблемы не только для соседних Австрии и Югославии — первых стран, принявших поток беженцев, но для всего мирового сообщества, на протяжении многих месяцев озабоченного оказанием им материальной и юридической помощи. Вопросы соответствующего содержания на протяжении многих месяцев входили в повестку дня Генассамблеи ООН, привлекали внимание западных правительств и международных финансовых организаций.

Для Венгрии исход 1956 года имел значительные демографические последствия. В потоке беженцев были представлены люди разных специальностей, социальных и возрастных категорий, но прежде всего трудоспособная и обладающая определенной профессиональной подготовкой молодежь³. Потеря десятков тысяч работоспособных, экономически активных молодых людей не могла не возыметь негативных последствий

³ *Murber Ibolya*. Flucht in den Westen 1956. Ungarnfluchtlinge in Österreich (Vorarlberg) und Liechtenstein. Feldkirch, 2002 (венг. издание: Magyar menekültek Ausztriában (Vorarlberg) és Liechtensteinben, 1956. Fekelkirchen, 2002); *Murber I.* 1956 és Ausztria // *Az 1956-os forradalom visszhangja a szovjet tömb országáiban. 1956 Intézet. Évkönyv XIV. 2006–2007 / Szerk. Rainer M. J., Somlai K.* Budapest, 2007, 17–26. o; *Murber I.* Arcok a tömegből. Az ötvenhatos magyar menekültek társadalom-statisztikai vizsgálata // *Hatalom és kultúra. Az V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszus (2001. augusztus 6–10) előadása. II / Szerk. Jankovics J., Nyerges J.* Budapest, 2004. 959–969. o.

В работах И. Мюрбер предпринята наиболее серьезная попытка дать структурный анализ эмиграции 1956 года, определить, в каких пропорциях были представлены в потоке беженцев мужчины, женщины, подростки, люди различных возрастных категорий и семейного положения, выходцы из разных областей Венгрии, городские и сельские жители. Большое внимание автором было уделено выявлению профессиональной и образовательной структуры эмиграции. В качестве источников исследования использовала материалы венгерского статистического ведомства, МВД Австрии. И. Мюрбер установила, что в потоке миграции явно преобладало городское население, сельских жителей бежало немного. До 30 % беженцев составляли жители Будапешта, немало было также выходцев из западных областей — сыграло определенную роль лучшее знание местности, путей подхода к границе. Так, из студентов лесотехнического института, расположенного в приграничном Шопроне, эмигрировало большинство. Около 65 % беженцев составляли рабочие. Хотя власть декларировала себя пролетарской, как в активном сопротивлении (повстанцы, рабочие советы), так и в пассивном сопротивлении режиму (беженцы) ведущее место занимали выходцы из рабочего класса — те, от имени кого, в соответствии с официальными идеологемами, осуществлял управление страной венгерский коммунистический режим.

как для экономики в целом, так и для благополучия многих семей, лишившихся кормильцев (чаще потенциальных кормильцев)⁴. Учитывая немалую представленность в потоке миграции интеллигентов и студенчества, эти последствия далеко не в последнюю очередь были связаны с ослаблением интеллектуального потенциала страны⁵. Массовый исход нанес не только материальные, но и психологические травмы тысячам венгерских семей, сотни тысяч людей лишились навсегда (или надолго) своих родных и близких⁶.

О мотивах бегства дают представление прежде всего источники, собранные методом «oral history». Социологи работали с беженцами уже начиная с 1957 года, в том числе в рамках большой программы, финансируемой правительством США⁷;

.....
4 Две трети бежавших составляли мужчины, среди них преобладали несемейные. Доминирующая возрастная категория беженцев — люди 1932–1936 годов рождения. О социальных (особенно макросоциальных) последствиях исхода 1956 года см. в фундаментальной работе по социальной истории Венгрии второй половины XX в.: *Valuch T. Magyarország társadalomtörténete a XX. század második felében*. Budapest, 2001.

5 По данным И. Мюрбер, представители интеллигенции и студенчества составляли 25 % потока беженцев. Довольно много эмигрировало инженеров, среди покинувших страну были также педагоги, врачи, экономисты, журналисты и т. д. См. соответствующие статистические данные: *Murber I. Arcok a tömegből. Az ötvenhatos magyar menekülték társadalom-statisztikai vizsgálata*. Среди беженцев волны 1956 года были видные деятели национальной культуры, например, ректор будапештской музыкальной академии скрипач Э. Затурецки, скончавшийся в 1959 году в США.

6 Здесь было бы уместно, на наш взгляд, сослаться на эмоциональные воспоминания о прощании со своими родителями Чарльза (венг.: Кароя) Гати, ставшего впоследствии одним из ведущих американских экспертов по проблемам Восточной Европы в новейшее время, большим знатоком истории венгерской революции 1956 года: *Tamu Ч. Обманутые ожидания*. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006. С. 27–28.

7 United Nations General Assembly. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. New York, 1957 (на русском языке см. фрагменты: Мост. Будапешт, 1992. № 1–2). С начала 1957 года в западных странах и прежде всего в США (на базе Колумбийского университета) при финансовой поддержке американских разведслужб осуществлялась программа интервьюирования венгерских беженцев. В этой работе участвовали квалифицированнейшие социологи, в том числе выходцы из Германии, продолжавшие традиции Франкфуртского института социальных исследований. (В сентябре 2006 года на большой международной конференции в Санкт-Петербурге «Будапешт-56, до и после. История и память Первого кризиса Коммунизма» с содержательным докладом по этой теме выступил директор архива Института «Открытое общество» в Будапеште И. Рев). В результате был собран богатейший, хотя и нуждающийся-

в последующие десятилетия к интервьюированию беженцев «поколения 1956 года» подключились историки. С начала 1990-х годов широко публикуются мемуары⁸. В каждом случае бегство за рубеж являлось результатом осознанного личного (как правило, нелегкого) выбора, за которым стояли конкретные мотивации, иногда целый комплекс мотивов; когда дело касалось переселения целых семей, родителям приходилось принимать решения, определившие на долгие годы судьбы детей. Определенный, хотя и небольшой процент эмигрантов составляли, упрощенно говоря, «любопытные» — чаще всего жители окрестных областей, воспользовавшиеся открытой границей для того, чтобы посмотреть, что делается за «железным занавесом». Из этой категории беженцев многие довольно быстро вернулись на родину. В других случаях люди воспользовались открытой границей в целях воссоединения с родственниками, проживавшими на Западе. Чаще людей побуждали к миграции экономические мотивы — венгры, недовольные низким жизненным уровнем, стремились вырваться на Запад в поис-

.....
ся в критическом осмыслении материал. Показания беженцев, не только содержащие определенную информацию о венгерских событиях 1956 года, но прежде всего отражающие их субъективные настроения, использовались довольно широко в западной исторической литературе о венгерской революции. Интерес к этим показаниям проявляли также западные политологи и социологи, изучавшие функционирование коммунистических режимов Восточной Европы. Вместе с тем собранный богатый материал до сих пор еще не в полной мере востребован — он хранится в настоящее время в Будапеште, в архиве радиостанции «Свободная Европа», функционирующем под эгидой Института «Открытое общество».

Опрос беженцев в 1957 году проводили и уполномоченные специальной комиссии ООН, представившей Генассамблее ООН свой отчет о причинах венгерского восстания и о положении в Венгрии.

⁸ См., например: *Bujdosó A.* 299 nap. Budapest, 2003; Barlay St. Menekülés és megerkezés. Budapest, 2006. На английском языке см.: *Lipták Bela.* A Testament of Revolution. Budapest, 2003 (мемуары созданы на основе дневника, писавшегося в лагере для беженцев); *Kalman B.* Refugee Child. My memories of the 1956 Hungarian revolution. New York, 2006. См. также более раннее издание Венгерского союза политических беженцев, содержащее немало материала, почерпнутого из бесед с участниками и свидетелями событий 1956 года: *Fejer D. — Micheller M.* Bűnhődés büntelenül. Budapest, 1996. Немало новых свидетельств было приведено осенью 2006 года на состоявшейся в венгерском городе Дьере специальной научной конференции, посвященной массовому исходу венгров в 1956 году.

ках лучшей доли. Среди экономических мигрантов были не только, упрощенно говоря, неудачники (люди с негативным опытом социализации, не сумевшие найти себя при коммунистическом режиме и хотевшие начать «новую жизнь» в новой стране), но и «искатели удачи» — лица, по своему духовному складу склонные к авантюрным поступкам и не в последнюю очередь жаждавшие новых возможностей обогащения.

Социологические опросы, проводившиеся среди беженцев, свидетельствуют о том, что именно недовольство социально-экономическим положением было важнейшим фактором, заставлявшим людей уезжать. Но нередко людьми двигали и мотивы политические — страх перед преследованиями за причастность к октябрьским событиям (многие активные участники повстанческого движения бежали как в Австрию, так и, реже, в Югославию в первые недели после его подавления)⁹ или — в более общем плане — стремление к свободе, ожидания политического ужесточения и нежелание жить в условиях жесткой диктатуры сталинского типа. Как явствует из дипломатических донесений, некоторые уезжали, опасаясь гражданской войны и даже превращения Венгрии в арену масштабного международного конфликта (чуть ли не поле третьей мировой войны) в случае вмешательства Запада и начала межблокового противостояния — людьми руководил страх за будущее, как собственное, так и своих семей¹⁰. Вопреки массовой идеологической индоктринации, призванной убедить подрастающие поколения в преимуществах социалистического строя, молодежь (в большинстве своем рабоче-крестьянского происхождения) вырывалась на Запад, выражая именно своими ногами протест против существующего режима, призывавшего апеллировать к ней как к одной из главных своих социальных опор. Ее массовый исход стал одним из наглядных

.....
⁹ «Опросом задержанных выясняется, что основным мотивом бегства является вражеская пропаганда о предстоящем наказании лиц, принимавших участие в мятеже», доносил 27 ноября 1956 года председатель КГБ СССР И.А. Серов из Будапешта в ЦК КПСС. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 705.

¹⁰ См., например: Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 188. Д. 10. Л. 237.

свидетельств краха предпринимавшихся в течение предшествующего десятилетия экспериментов по созданию более совершенной социальной системы.

Для евреев, составивших не менее 10 % потока эмиграции (20–25 тыс. человек), главным мотивом к бегству был страх перед разгулом антисемитизма¹¹. Особую категорию людей, покинувших страну, составили партийные функционеры (а также сотрудники госбезопасности), испугавшиеся народного гнева. Речь идет в данном случае не о большой группе номенклатурных работников, вывезенных в СССР в организованном порядке, но о местных функционерах (главным образом из приграничных областей), самовольно бежавших в Чехословакию, реже в Югославию, и после 4 ноября вернувшихся домой. По

¹¹ См.: *Pelle J. Az utolsó vérvádak. Az etnikai gyűlölet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéből.* Budapest, 1995. 106. o. Антисемитские проявления в ходе венгерского восстания 1956 года имели место, что было напрямую связано с большой представленностью евреев в номенклатуре режима Ракоши. Но они отнюдь не определяли сути событий, оставались на периферии массового народного движения (См.: *Litván György. Jewish Role in Hungarian Communism, Anti-Stalinism and 1956* // Király Béla emlékkönyv. Budapest, 1992; *Karady V. – Vari I. Félelem és részvétel – zsidók 1956-ban* // Világosság, 1989, № 6; *Valuch T. Kisvárosi történet. Az 1956-os forradalom és a zsidóellenes megmozdulások Hajdunánáson.* Budapest, 2001; *Matuz G. Zsidógyilkosságok 1956-ban? Vádak és tévhiták.* Budapest, 2004; *Standeisky Éva. Antisemitizmus az 1956-os forradalomban* // Évkönyv XII. Budapest, 2004). Как бы то ни было, доля евреев в потоке эмиграции была на порядок выше, нежели составляемый ими в 1956 году процент населения страны. Независимо от того, насколько были значительны во время революции антисемитские проявления, они повлияли на отношение части мирового общественного мнения к венгерским событиям. См.: *Стыкалин А. С. Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы)* // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских / отв. редактор Ю. П. Гусев. М., 2007. С. 218–247. См. также в настоящем издании очерк о позиции И. Эренбурга в связи с венгерскими событиями 1956 года. О бегстве венгерских евреев в Канаду в 1956–1957 годах см.: *Hidás P. I. Kanada és a magyar zsidó menekültek, 1956–1957* // 1956-os Intézet. Évkönyv VII. Budapest, 1999. 312–322. o.

Правительство Израиля довольно быстро скорректировало свою первоначальную позицию поддержки венгерского восстания, что объяснялось информацией, поступавшей из Будапешта (в донесениях израильского посольства особое внимание уделялось именно антисемитским проявлениям). Из покинувших Венгрию евреев большинство (по некоторым данным, до 16 тыс. человек) пыталось обосноваться в Израиле, однако власти этой страны не были способны принять и в короткие сроки обеспечить работой и пропитанием столь большое количество вновь прибывших мигрантов. Многие в конце 1950-х годов переселились в другие страны, часть вернулась на родину.

данным, приведенным осенью 2006 г. в ряде устных докладов на научных конференциях (и вызывающим, впрочем, некоторые сомнения), около 120 сотрудников безопасности бежало после 23 октября в Австрию.

Из более 200 тыс. человек, покинувших Венгрию в конце 1956 — первой половине 1957 года, около 90 % (180–185 тыс. человек) мигрировало в Австрию. Около 10 % потока (примерно 20 тыс. человек) пришлось на Югославию. В дальнейшем венгерские беженцы расселились по многим странам мира.

Летом 1956 года в условиях некоторой разрядки напряженности в международных отношениях были снесены ранее установленные в условиях холодной войны технические заграждения на венгерско-австрийской границе с венгерской стороны, что впоследствии облегчило для многих людей возможности покинуть страну¹². В обстановке общественного подъема, развернувшегося в Венгрии после XX съезда КПСС под лозунгами демократизации и либерализации, на собраниях иногда звучали требования открытия западной границы, установления безвизового контроля и т.д., обратившие на себя внимание посла СССР Ю. В. Андропова, увидевшего в них сознательное стремление подрывных сил к ослаблению диктатуры пролетариата в Венгрии¹³. Уже летом учащаются случаи

.....
12 *Orgoványi I.* A nyugati határzár és annak felszámolása 1956-ban // AVH — politika — 1956. Politikai helyzet és az állambiztonsági szervek Magyarországon, 1956. Budapest, 2007. 97–120. о. Позже, в начале 1957 года, эти заграждения были частично восстановлены и просуществовали по крайней мере до 1965 года. В условиях происходившей нормализации отношений советского блока с режимом Тито весной — летом 1956 года были снесены также выстроенные после 1948 года технические заграждения на венгеро-югославской границе.

13 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 242. Придерживавшийся весьма жестких позиций посол писал в Президиум ЦК КПСС в записке от 29 августа 1956 года о внутрисоюзной обстановке в Венгрии: «Такой тактикой враждебные элементы пытаются поставить наших друзей в затруднительное положение, понимая, что выполнить эти новые требования в данное время не представляется возможным, а некоторые из них вообще нельзя удовлетворить без ущерба для политики партии и народно-демократического государства» См. также: *Стыкалин А. С.* Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю. В. Андропова // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны

бегства венгерских граждан в Австрию. С началом октябрьских событий в Венгрии австрийские власти уже в самые первые дни, получив представление о характере и масштабах происходящего в соседней стране, предвидели скорое возникновение проблемы беженцев. Уже 28 октября, хотя случаи бегства в Австрию не приобрели к тому времени массового характера, правительство на своем чрезвычайном заседании по инициативе министра внутренних дел социалиста О. Хельмера выразило готовность предоставить венграм право убежища независимо от того, какие причины их вынудили покинуть родину. Беженцев предстояло препровождать в специально отведенные для них лагеря, разоружив, разумеется, тех, кто пересек границу с оружием¹⁴. Подчеркивалось, что прием беженцев не противоречит взятым Австрией на себя обязательствам о проведении политики нейтралитета¹⁵. Ведь еще в октябре 1955 года канцлер Ю. Рааб в парламенте при изложении внешнеполитической концепции страны говорил о том, что, подобно другим свободным, демократическим странам, Австрия, проводя политику активного нейтралитета, сохранит за собой право принимать беженцев¹⁶. Международно-правовые основания для приема мигрантов из Восточной Европы заложила конвенция 1951 года, определявшая юридический статус беженцев¹⁷. В соответствии с духом и буквой этой конвенции, принятой в самый разгар холодной войны, проблеме беженцев придавалось политическое измерение даже в тех случаях, когда выбор в пользу эмиграции предопределяли в первую очередь экономические мотивы — речь шла о том, что коммунистические режимы Восточной Ев-

Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке) / отв. редактор Е. В. Серапионова. М., 2008.

¹⁴ Soós K. Austria és a magyar menekültügy, 1956–1957 // Századok, Budapest, 1998. № 5.

¹⁵ Эти обязательства нашли отражение в подписанном в мае 1955 года государственным договоре, на основании которого Австрии возвращался полный суверенитет.

¹⁶ Soós K. 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle. Budapest, 2002. № 3. 56. о.

¹⁷ Cseresnyés F. A nemzetközi menekültjog alkalmazása: Ausztria és az 56-os menekültek // Múltunk. Budapest, 2007. № 1. 169–186. о. О международно-правовых аспектах проблемы венгерских беженцев в 1956–1957 годах.

ропы не смогли создать условий для нормального существования многих тысяч людей, вынужденных покидать свои страны в поисках источников пропитания¹⁸. Риторика холодной войны заставляла западное общественное мнение воспринимать всю венгерскую миграцию 1956 года как политическую.

Приток венгерских беженцев в Австрию с самого начала ожидался и аналитиками внешнеполитических ведомств США и стран НАТО. Уже 28 октября замгоссекретаря США Р. Мэрфи пригласил австрийского посла, заверив его в готовности предоставления материальной помощи в случае возникновения проблемы с массовым наплывом в Австрию венгерского населения¹⁹.

Для Австрии, получившей нейтральный статус на основании подписанного в мае 1955 года договора с 4 державами о восстановлении полного суверенитета страны, венгерские события (включая порожденную ими острую проблему беженцев) явились пробным камнем собственного нейтралитета. Уже в день будапештского восстания 23 октября собравшееся на срочное заседание австрийское правительство при отсутствии канцлера Ю. Рааба, находившегося до 25 октября в ФРГ, решило, что Австрия будет строго придерживаться принципа невмешательства в венгерские дела²⁰. В последующие дни австрийское прави-

18 СССР не подписал женеvской конвенции 1951 года, в советской внешнеполитической пропаганде этот документ подавался как один из инструментов проведения политики, направленной против СССР и его союзников. Непризнание женеvской конвенции проявилось и в советской официальной позиции при обсуждении в ООН проблемы венгерских беженцев.

19 Soós K. 1956 és Ausztria. Szeged, 1999. 82. o.

20 Soós K. 1956 és az osztrák politikai pártok // Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef Nominatae. Historica. Tomus CIV. Szeged, 1996. Ю. Рааб на пресс-конференции в Бонне 24 октября уклончиво заметил, что не может прогнозировать дальнейшее развитие событий в соседней стране. Происходящее в Венгрии, однако, продолжал он, свидетельствует о том, что стремление к свободе пробивает себе дорогу в странах Восточной Европы. Руководящие органы двух наиболее влиятельных партий страны — народной и социалистической, в своих заявлениях выразили солидарность с борющейся за свободу Венгрией. Отклику в Австрии на венгерские события 1956 года посвящены большая историография и документальные публикации. На немецком языке см.: Schmidl E.A. (Hg.). Die Ungarnkrise 1956 und Österreich. Wien-Köln-Weimar, 2003. На венгерском языке см.: Cseresnyés F. Ötvenhatosok menekülése Ausztria és Ausztria at // Múltunk, 1998, № 1. 42–70. o.; Iratok Magyarország és Ausztria kapcsolatainak történetéhez 1956–1964. Vál., szerk., jegyzetekkel ellátta és a bevezető tanulmányt írta Gecsényi Lajos.

тельство стремилось не допустить организованной переброски с территории своей страны в ВНР антикоммунистических сил, относящихся к кругам венгерской эмиграции прежних волн. Показательно, что прибывшему в Вену видному деятелю партии мелких сельских хозяев Ференцу Надю (премьер-министру в 1946–1947 годов) австрийскими властями было рекомендовано поскорее покинуть страну во избежание кривотолков. Широкие возможности были предоставлены лишь для деятельности Международного Красного Креста, доставлявшего в Венгрию медикаменты и продовольствие²¹.

Вместе с тем 28 октября австрийское правительство обратилось к правительству СССР с призывом принять меры в целях прекращения военных действий (вступление советских войск в венгерскую столицу в ночь на 24 октября, как известно, лишь подлило масла в огонь вооруженного противостояния)²². Вплоть до начала 4 ноября крупномасштабной операции Советской Армии Австрия была единственной страной, официально обратившейся к СССР с таким требованием. При всей убежденности австрийских лидеров в том, что венгерские события не могут поставить под сомнение нейтралитет их государства, правительство тем не менее предпринимает превентивные шаги на случай обострения ситуации на границе. Так, в приграничный с Венгрией Бургенланд были направлены из других земель Австрийской республики значительные воинские подразделения, в том числе техника — всего около 3 тыс. солдат (немалая для Австрии цифра) было сосредоточено близ границы, приведено в боевую готовность. Впрочем, никаких серьезных пограничных инцидентов не произошло. Количество людей, без должным образом оформленных документов пересекавших венгерско-австрийскую

Budapest, 2000; *Soós K.* 1956 és Ausztria. Szeged, 1999; *Szentesi R.* Az 1956-os magyar forradalom fogadtatása a semleges Ausztriában // *Sic Itur Ad Astra*, 2001. 3–4 sz.; *Murber I.* 1956 és Austria // *Limes*. Tatabánya, 2006. № 3.

21 *Леппе Ф.* Деятельность МККК в Венгрии в 1956 г. // *Международный журнал Красного Креста*, 1996. № 11. С. 455–470; *Vonèche Kardia I.* Magyar október vörös zászló és vörös kereszt között. A Nemzetközi Vöröskereszt Magyarországon 1956-ban. Budapest, 1998. О реакции на события осени 1956 года венгерской эмиграции предыдущей волны см.: *Borbándi Gy.* A magyar emigráció életrajza, 1945–1985. Köt. 1–2. Budapest, 1989.

22 *Levéltári Szemle*, 1997. № 2.

границу с 23 октября по 3 ноября, трудно точно определить, поскольку регистрировать беженцев начали не ранее 28 октября. Число зарегистрированных мигрантов, по данным И. Мюрбер, составило 1335 человек.

Советские войска вошли в Будапешт рано утром 4 ноября и уже в 12.45 в Вене было созвано чрезвычайное заседание правительства во главе с министром иностранных дел Л. Фиглем. Было высказано убеждение в том, что Австрии не угрожает непосредственная опасность, однако любые внешнеполитические акции правительства должны быть хорошо продуманными и строго соответствовать принципам нейтралитета.

Первая большая волна беженцев достигла Бургенланда уже 4 ноября, в день советской военной операции по устранению действовавшего в Венгрии правительства И. Надя. Сломав систему контроля, выстроенную с австрийской стороны, за сутки границу пересекло 6 тыс. человек²³. Власти Австрии не чинили препятствий. Более того, как заявил на одной из пресс-конференций министр внутренних дел Хельмер, правительство сочло необходимым «восточную границу Австрии обозначить красно-белыми флажками, чтобы показать беженцам путь к свободе, а советским танкам — дать знак, что границу переходить не разрешено».

К 7 ноября в Австрии уже находилось 10 тыс. беженцев²⁴, а в последующие дни поток продолжал нарастать, в отдельные дни Венгрию покидали 5 (и более) тысяч человек в сутки²⁵.

23 Soós K. Austria és a magyar menekültügy, 1956–1957 // Századok, Budapest, 1998. № 5.

24 Всего примерно столько беженцев австрийское правительство ожидало получить, когда в 20-х числах октября оно начало обсуждать проблему, вот-вот грозившую возникнуть. Едва ли кто-то мог себе в то время представить, что новая волна венгерских эмигрантов превысит 180 тыс. человек.

25 Michener J. A. The Bridge at Andau. New York, 1957 (венг. изд.: 1994) Огромное количество беженцев (всего около 70 тыс. человек) в качестве места пересечения границы избрали мост через канал близ бургенландского села Андау. С легкой руки журналистов «мост в Андау» становится символом границы двух миров и стремления венгров к свободе. См., в частности, документально-художественное произведение, которое по горячим следам венгерских событий опубликовал американский журналист Дж. Миченер, свидетель происходившего. На русском языке см. фрагмент этой книги: Мост к Свободе // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. / отв. редактор Т. А. Покивайлова. СПб., 2011. С. 317–322. См. также:

К границе пробирались, как правило, пешком, преодолевая по осенней слякоти несколько десятков, а то и сот километров — расстояние от Будапешта до австрийской границы составляет около 220 км²⁶. Поток был совершенно разнородным, но определенный процент среди бежавших составляли военнослужащие. Более 1000 человек пересекли границу с оружием в руках. Все они были разоружены и интернированы, до середины декабря находились в особом лагере.

Массовый исход, охвативший страну, достиг своего пика 23 ноября, когда венгерско-австрийскую границу за сутки пересекло несколько тысяч человек, с размещением которых возникли серьезные проблемы. Это было напрямую связано с прозвучавшим по радио сообщением о депортации в Румынию свергнутого премьер-министра Имре Надя, до тех пор находившегося в укрытии в югославском посольстве²⁷. Теперь уже нельзя было надеяться, что премьер-министр, последовательно отстаивавший суверенитет Венгрии, вернется к власти, и это вызвало массовую депрессию в венгерском обществе, способствовавшую оттоку людей за рубеж. По некоторым сведениям, всего за неделю границу пересекло до 45 тыс. человек²⁸. При этом следует иметь в виду, что именно к 20-м числам ноября с венгерской стороны ужесточается пограничный контроль. С одной стороны, к этому времени спецслужбы

.....
Menekülő magyarok. A SzER tudósítójának grazi telefonjelentései 1956 novemberéből // Beszélő, 2005. № 5.

²⁶ В качестве курьеза воспринимается случай с писателем Тамашем Ацелом, который, согласно распространенной версии, выехал в Австрию на личном автомобиле, причем купленном на Сталинскую премию, полученную в 1951 году в СССР за слабый роман (наряду с ним тогда эту премию получил ряд других писателей из стран «народной демократии»). Такое в принципе было возможно только в самые первые недели после подавления восстания, когда с венгерской стороны был плохо налажен пограничный контроль.

²⁷ См.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы.* М., 2003. Глава 4.

²⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 705. Советские донесения того времени оперируют, как правило, явно заниженными цифрами, что отчасти объяснимо неполнотой информации. Так, председатель КГБ И. А. Серов 27 ноября доносил в ЦК КПСС о 700 беженцах за этот день.

несколько оправились от перенесенного вследствие октябрьских событий паралича. С другой стороны, в первые две-три недели после 4 ноября среди части кадаровского руководства бытовало негласное мнение о том, что не следует ставить слишком жестких препон на пути людей, желающих покинуть страну, ибо бегство активных оппозиционеров ведет к снижению напряженности в обществе (более эффективных клапанов для снятия напряженности не находили). Однако масштабы, которые приобрел исход, заставили власти быстро откорректировать эту позицию.

При всех своих усилиях Австрия (уже имевшая, надо сказать, к тому времени немалый опыт приема политических иммигрантов из стран Восточной Европы, в которых к 1948 году были установлены коммунистические режимы) не могла в условиях нового миграционного бума всецело взять на себя заботы по материальному обеспечению столь большого количества беженцев, достигшего в середине ноября 70 тыс., а в начале декабря превысившего 100 тыс. человек. Уже 5 ноября федеральное правительство Австрии в ожидании массового наплыва иммигрантов из Венгрии направило телеграмму Верховному комиссару ООН по делам беженцев и в подведомственную ему структуру UNREF (United Nations Refugee Foundation) с просьбой о помощи. Речь шла прежде всего о денежных вливаниях с тем, чтобы можно было обеспечить на соответствующем уровне уход за беженцами, снабжение питанием. В телеграмме содержалась также просьба об обращении к другим странам с тем, чтобы те согласились принять определенное количество беженцев. Решение возникшей гуманитарной проблемы было невозможно в одиночку, без приложения общих усилий, поскольку неожиданно вставшие задачи превосходили возможности малой, 7-миллионной средневропейской страны, после пережитой в 1945 году тяжелой разрухи едва вступавшей в полосу относительного экономического подъема. 14 ноября памятные записки соответствующего содержания были адресованы МИДом Австрии правительствам 20 стран. Был образован специальный банковский счет, на который могли перечисляться средства как от австрийских, так и от иностран-

ных благотворителей. Решение о перечислении из фонда ООН (UNREF) первоначальной суммы в 25 тыс. долларов было принято уже 5 ноября.

Через несколько дней после решающей советской военной акции в Венгрии австрийский министр иностранных дел Л. Фигль отбыл в Нью-Йорк для участия в очередной сессии Генассамблеи ООН. С трибуны ООН он выразил от имени правительства готовность принять груз забот, возникших с началом массового исхода населения из Венгрии, рассказал об усилиях, прилагаемых правительством Австрии для обеспечения венгерских беженцев нормальными условиями проживания, призывал правительства стран-членов ООН содействовать переправке части мигрантов в другие государства. Санкционированная соответствующими резолюциями ООН программа предоставления гуманитарной помощи Венгрии предусматривала среди прочего меры по решению проблемы миграции, оказанию содействия странам, принимающим беженцев — Австрии и Югославии. 9 ноября 1956 года Генассамблея ООН поручила Генеральному секретарю ООН призвать Верховного комиссара по делам беженцев провести консультации с различными международными организациями и правительствами в целях предоставления эффективной помощи мигрантам. Специальная резолюция о помощи венгерским беженцам была принята Генассамблеей ООН 21 ноября. На ее основании 29 ноября Генеральный секретарь ООН и Верховный комиссар ООН по делам беженцев выступили с совместным призывом к правительствам и международным организациям о подключении к решению возникшей гуманитарной проблемы²⁹.

27 ноября австрийское правительство по предложению канцлера Ю. Рааба приняло решение перевести на нужды беженцев 10 млн. шиллингов (более 400 тыс. долларов) — заключительную порцию той суммы, которая была выделена Австрии в соответствии с планом Маршалла. Для размещения

²⁹ Ситуация осложнялась еще и тем, что на последние месяцы 1956 года пришлась новая, весьма масштабная волна миграции населения из Восточной Германии в ФРГ, чьи власти также не могли разрешить весь комплекс возникших проблем без содействия международных структур.

мигрантов создается 257 лагерей (крупнейший из них — близ села Фрайскирхен), довольно равномерно распределенных по стране, с тем, чтобы власти каждой из австрийских земель могли внести свой посильный вклад в решение общегосударственной проблемы. Были задействованы здания школ, пансионатов, туристических и спортивных баз, богоделен и т. д. Образуется специальная государственная структура, занимавшаяся вопросами материального, юридического, духовного обеспечения беженцев, проблемами трудоустройства работоспособной молодежи, а также обучения детей, находившихся в лагерях, в школах с преподаванием на венгерском языке³⁰. При посредничестве Верховного комиссара ООН по делам беженцев правительство Австрии и Лига обществ Красного Креста договорились в декабре 1956 года о том, что большинство лагерей беженцев будут находиться в совместном ведении австрийских властей и Международного Красного Креста, получая от этой международной организации непосредственную помощь. Красный Крест уже в ноябре обязался оказать материальную поддержку 25 тыс. человек. Но количество беженцев было значительно большим и неуклонно росло — на 30 ноября в Австрии, по некоторым данным, было зарегистрировано 52 277 венгерских мигрантов (реально их находилось в стране к этому времени значительно больше), на 10 декабря — 79 170 человек, на 31 декабря — 153 690 человек³¹. Довольно

.....
30 Ungarischer Fluchtlingshilfdienst.

31 Soós K. 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle, 2002. N.3. 58. о. Некоторые специалисты ставят под сомнение точность приводимых в австрийской статистике цифр. Следует иметь в виду, что в Австрии находилось много (по данным И.Мюрбер, более 120 тыс. человек: *Murber I. 1956 és Austria // 1956-os Évkönyv XIV. 2006–2007. 91. о.*) венгерских иммигрантов предыдущей волны, покинувших родину после 1945 года и особенно после установления коммунистической диктатуры в 1948 году (часть этих людей вплоть до 1956 года имела официальный статус беженцев, полученный в соответствии с международной конвенцией 1951 года; австрийское правительство, испытывавшее трудности с содержанием в стране слишком большого количества иммигрантов из стран Восточной Европы, и до осени 1956 года неоднократно ставило на международном уровне вопрос о переселении определенной их части в другие государства). Некоторые из венгерских беженцев прежних волн смогли в 1957 году оставить Австрию и выехать в другие страны при помощи ООН, воспользовавшись возможностью примкнуть к новой волне эмиграции. Кроме того,

много бежавших в ноябре-декабре было зарегистрировано уже в 1957 году. В начале декабря 1956 года в лагерях, находившихся под эгидой Международного Красного Креста, проживало 57 тыс. беженцев.

Приток столь большого числа иммигрантов ложился заметным бременем не только на федеральные, но и на местные органы власти, особенно в восточных землях страны — Бургенланде и Нижней Австрии, создавал дополнительные социальные проблемы, вызывавшие недовольство населения, тем более что среди беженцев была определенная прослойка люмпенизированных и даже уголовных (иногда уклонявшихся от регистрации) элементов, склонных ко всякого рода антиобщественным поступкам. По оценкам историков, среди 200 тыс. беженцев имелось не менее 3000–4000 лиц, ранее осужденных в Венгрии за совершенные преступления; многие из них вышли на свободу в конце октября в обстановке полного безвластия и хаоса в стране (в это число, разумеется, не входили действительные или мнимые оппоненты коммунистического

и австрийские власти в интересах получения большей материальной помощи извне на содержание беженцев позволили себе некоторую хитрость — преувеличили число беженцев волны 1956 года за счет присоединения к ним представителей более ранних волн эмиграции. В документах, адресованных в соответствующие структуры ООН, австрийская сторона не всегда проводила четкое разграничение между разными волнами эмиграции. См.: *Kovačević K. The refugee problem in Yugoslavia // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc Countries: Reactions and Repercussions / Ed. by J. M. Rainer and K. Somlai. Budapest, 2007. P. 111.*

Следует заметить, что приводимые в литературе количественные данные о беженцах, прошедших через Австрию, являются разноречивыми. Так, число венгерских иммигрантов, прибывших в страну в течение ноября, колеблется, по разным источникам, от 60–70 до 110 тыс. человек. Трудности с установлением точного числа могут быть связаны с невозможностью определить количество незарегистрированных беженцев, нельзя исключать и сознательных манипуляций властей с цифрами, о чем речь шла несколько выше.

В нашей статье мы опираемся главным образом на статистические выкладки, приведенные в работах К. Шоош и И. Мюрбер, наиболее тщательно прорабатывавших соответствующую австрийскую статистику. См.: *Soós K. Austria és a magyar menekültügy, 1956–1957 // Századok, 1998. № 5; Soós K. 1956 és Ausztria. Szeged, 1999; Soós K. 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle, 2002. № 3; Murber I. Arcok a tömegbol. Az ötvenhatos magyar menekülték társadalom-statisztikai vizsgálata // Hatalom és kultúra. Budapest, 2004. В работах И. Мюрбер приводятся данные МВД Австрии о 183 676 зарегистрированных в стране венгерских беженцах.*

режима, преследовавшиеся по политическим мотивам³²). Дело доходило до того, что молодые эмигранты-венгры, самовольно покидая лагеря, совершали грабежи, налеты на склады с продовольствием и одеждой. В местах большого скопления беженцев расцветали спекуляция, проституция, другие негативные социальные явления³³.

В целом в австрийском общественном мнении, привычном к притоку политиммигрантов из стран Восточной, Юго-Восточной Европы, доминировали настроения в пользу оказания помощи беженцам из соседнего, тесно связанного с Австрией общностью исторических судеб государства. Жители приграничных бургенландских сел приносили продрогшим, изголодавшимся венграм теплую одежду и горячую пищу (конец ноября выдался в Средней Европе на редкость холодным, в отдельные ночи температура на венгерско-австрийской границе опускалась до 15 градусов ниже нуля). В создание нормальных условий для проживания беженцев добровольно вносили свой вклад многочисленные благотворительные организации, католическая церковь и т.д. (не в последнюю очередь речь шла о духовном, культурном обеспечении — с эмигрантами работали католические и протестантские священнослужители из Бургенланда, владевшие венгерским языком, в лагерях распространялась пресса, создавались курсы по изучению немецкого и английского языков).

Как бы там ни было, поведение некоторых категорий беженцев создавало в обществе определенную напряженность, почву для ксенофобских настроений. Пути решения проблемы виделись в том, чтобы как можно быстрее наладить канал переправки в другие страны тех, кто не склонен был долго

.....
³² Szabó J. «...s várja eltévedt fiait is.» Az MSzMP repatriálási és hazalátogatási politikája 1956 és 1963 között // Múltunk, 2007. № 1. 197. o.

³³ Справка «О венгерских беженцах в Австрии», подготовленная первым секретарем посольства СССР в Вене В. Сычевым: АВПР. Фонд 066 (Референтура по Австрии). Оп. 36. Папка 70. Д. 37. Л. 1–4. Справка была составлена в соответствии с указанием министра ин. стран дел СССР А. А. Громыко и направлена послом СССР в Австрии С. Г. Лапиным в 3-й Европейский отдел МИД СССР 15 августа 1957 года. Впрочем, советские и венгерские дипломаты в своих донесениях несколько сгущали краски при описании негативных явлений в среде беженцев — как в Австрии, так и в Югославии.

задерживаться в Австрии. К реализации этих планов подключились международные структуры и, в частности, межправительственная комиссия по вопросам европейской миграции (ICEM — Intergovernmental Committee for European Migration), выделившая значительные средства на транспортные расходы, в том числе транспортировку части мигрантов на американский континент³⁴. Отвечая на сделанные соответствующими международными организациями запросы, Австралия, Бразилия, Колумбия выразили готовность принять по 10 тыс. венгерских беженцев, США — в конечном итоге 21,5 тыс. (вначале речь шла всего лишь о 5–7 тыс. человек), Канада — без ограничений³⁵. Среди европейских некоммунистических стран едва ли не наиболее сдержанную позицию в отношении приема венгерских беженцев заняла Финляндия (и это несмотря на длительные традиции разностороннего сотрудничества двух близких по языку народов) — свою роль сыграли опасения осложнить все активнее развивавшиеся отношения с могучим восточным соседом, СССР.

.....
³⁴ В решении возникших задач участвовал и ряд структур ООН, в том числе UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration.

³⁵ АВПР. Фонд 047 (Отдел международных организаций МИД СССР). Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 1–12. Соответствующая информация содержится в документах, которые постоянный представитель СССР при ООН А. А. Соболев 15 марта 1957 года направил заведующему отделом международных организаций МИД СССР С. К. Царапкину. Речь идет о полученных представительством СССР циркулярном письме и памятной записке Генерального секретаря ООН и Верховного комиссара ООН по делам беженцев от 11 марта по вопросу об оказании помощи венгерским беженцам. В письме, о котором идет речь, в соответствии с резолюцией ООН содержалось обращение к советскому правительству с предложением «принять участие в международных усилиях по оказанию соответствующей помощи с тем, чтобы проблема венгерских беженцев могла быть разрешена в этом году». В Москве не хотели сотрудничать с ООН в этом деле, что объяснялось принципиальными различиями в понимании причин возникновения проблемы, а также в подходах к путям ее решения (см. ниже). Вместе с тем в МИД СССР должны были учитывать, что Венгрия от помощи ООН не отказывалась. На документе значится рукописная помета от 26 марта 1957 года, адресованная соответствующему сотруднику МИД: «Венгрия от помощи ООН не отказывалась. Подумайте, не следовало ли бы сообщить ООН о размерах нашей помощи Венгрии» (подпись неразборчива). При обсуждении 21 ноября на сессии Генассамблеи ООН проекта резолюции о помощи венгерским беженцам со стороны учреждений ООН (принятого подавляющим большинством голосов), делегация СССР воздержалась.

В ряде стран, включая далекую Японию, создаются общества помощи венгерским беженцам. Уже в ноябре, по некоторым, скорее всего преувеличенным данным, из Австрии проследовало в другие страны почти 30 тыс. человек. Каналы организованной переправки мигрантов были отлажены в первой половине декабря. По данным на 18 декабря, из 143 тыс. зарегистрированных к этому времени в Австрии беженцев 66 тыс. было переправлено дальше на Запад. Выезжавшие в Вену эмиссары из разных государств (вопреки некоторым правительственным декларациям о готовности принять всех желающих без предварительной селекции) предпочитали отбирать для оформления разрешений на въезд в свои страны людей молодых, здоровых и физически сильных. Так, рынок рабочей силы в ФРГ, Великобритании, Бельгии испытывал некоторую потребность в шахтерах, и этот спрос мог быть удовлетворен за счет молодых венгров, специально отобранных в транзитном лагере, организованном на скорую руку близ международного аэропорта Швехат. Вполне понятная позиция европейских и американских миграционных служб порождала, однако, некоторую напряженность в их отношениях с австрийскими властями, явно не желавшими, чтобы в их стране остались только калеки, матери-одиночки, старики и другие категории населения, нуждающиеся в серьезной социальной поддержке (а тем более антиобщественные, криминальные элементы, проникновению которых на Запад также ставились преграды со стороны всех вовлеченных в решение проблемы государств).

Австрийское правительство всячески подчеркивало свою именно посредническую миссию в деле решения возникшей гуманитарной проблемы. При этом в начале декабря 1956 года оно считало возможным оставить в стране 30 тыс. человек, попытавшись интегрировать их в австрийское общество. По мнению наиболее оптимистически настроенных экспертов, вливание «свежей венгерской крови» способствовало бы некоторому улучшению демографической ситуации в Австрии, стране с низким уровнем деторождаемости. В дальнейшем, однако, число 30 тыс. было признано нереальным и скорректировано в сторону

уменьшения до 12–15 тыс. Необходимо иметь в виду, что многие беженцы хотели остаться в Австрии, чтобы иметь возможность вернуться в Венгрию в обозримом будущем. Причем это касалось прежде всего наименее работоспособной и мобильной части мигрантов, малопривлекательной для австрийского рынка труда.

Венгерское правительство Я. Кадара в первые месяцы своего существования, в условиях политического и военного контроля со стороны СССР³⁶, имело очень ограниченное поле для самостоятельных действий. Его принципиальная позиция, скоординированная с мнением официальной Москвы, состояла в том, чтобы содействовать возвращению домой большей части тех, кто бежал из страны. Советская позиция излагалась постпредом СССР в ООН А. А. Соболевым на сессии Генассамблеи ООН в ноябре 1956 года при обсуждении резолюций, касавшихся так или иначе проблемы беженцев. Суть ее, упрощенно говоря, заключалась в том, что в большом количестве бежали «контрреволюционеры» и «фашисты», но было немало и «запуганных», тех, кто бежал от преследований «контрреволюционеров» и «фашистов» — все они должны получить возможность вернуться на родину в соответствии с договоренностью между австрийским и венгерским правительствами.

29 ноября Президиум ВНР объявил амнистию всем, кто бежал из страны до конца ноября, при условии, если они вернутся до 31 марта 1957 года. Согласно частым утверждениям официальной венгерской пропаганды³⁷, в соответствии с этой амнистией даже те, кто участвовал после 23 октября в повстанческом движении, не могли быть привлечены к уголовной ответственности, если не совершали тяжких преступлений (впоследствии эти декларации были вероломно нарушены, амнистия освобождала от ответственности только лишь за незаконное пересечение границы). В тот же день, 29 ноября, венгерское правительство обратилось к правительству Австрии с просьбой разрешить деятельность совместной комиссии по .....

³⁶ Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 4.

³⁷ Показательны в этой связи и более поздние заявления Кадара, в том числе от 7 февраля 1957 года.

репатриации, и эта инициатива нашла положительный отклик. В свою очередь, Международный Красный Крест заверил венгерское посольство в Вене в том, что окажет содействие возвращению беженцев домой при условии, если речь идет о добровольном возвращении. Однако уже в декабре между австрийской и венгерской сторонами возникают серьезные трения. Венгерские претензии были изложены в меморандуме по вопросу о беженцах, направленном постпредом ВНР в ООН П. Модом на имя Генсека ООН 15 января 1957 года³⁸.

В этом документе, распространенном в Нью-Йорке среди делегаций стран-членов ООН, делался акцент на разнородности потока беженцев: многие выехали из Венгрии, будучи напуганы «контрреволюционерами» или введены в заблуждение вражеской пропагандой; некоторые совершили преступления и воспользовались случаем уйти от ответственности; есть среди эмигрантов несовершеннолетние, вывезенные не по своей воле. Многие, как отмечалось в меморандуме, осознали ошибочность сделанного шага и хотят вернуться. Этому препятствует, однако, позиция как австрийского правительства, так и правительств некоторых других стран, в которые успели выехать венгерские беженцы: распространяется якобы только ложная информация о происходящем в Венгрии (передаются лишь сообщения радиостанции «Свободная Европа» и «Голоса Америки»), граждане Венгрии не извещены об амнистии, более того, их разубеждают возвращаться домой, пугая перспективой преследований. Одна из претензий заключалась в том, что власти Австрии и других стран не предоставляют венгерским миссиям возможностей для контактов со своими гражданами, тогда как представители других миссий, аккредитованных в Вене, могут беспрепятственно встречаться с беженцами и агитировать их ехать в соответствующие страны. Созданная в соответствии с венгерско-австрийским соглашением комиссия по репатриации в сложившихся условиях не могла, как отмечалось, эффективно выполнять свои функции.

.....
³⁸ Посольство СССР в ВНР, получившее в МИД ВНР этот документ, 8 марта 1957 года переправило его в МИД СССР. См.: АВПР. Ф. 047. Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 13. См. также: Правда. 1957. 21 января.

В меморандуме от 15 января приводились сведения (неизвестно, насколько достоверные) о том, что некоторые беженцы, пожелавшие вернуться в Венгрию, были заключены под арест на 8–14 дней, кое-кто из них в знак протеста начал голодовку. Ряд лиц австрийские власти объявили агентами венгерской разведки (основанием для таких обвинений послужило то, что они собирались вернуться в Венгрию, захватив с собой письма своих товарищей по лагерям беженцев). Но с другой стороны, венгерские солдаты и офицеры, бежавшие в Австрию, подвергались, как отмечалось, систематическим допросам, из них пытались выудить секретную информацию о положении дел в Венгерской Народной армии. Австрийскими спецслужбами предпринимались якобы также попытки склонить венгерских граждан к агентурно-разведывательной работе против своей страны. Некоторые беженцы, не желавшие оставаться в Австрии, как говорилось далее в меморандуме, возвратились в Венгрию нелегально, поскольку другого способа вернуться домой у них не было: австрийские власти вопреки заключенному соглашению сознательно ставили препоны.

Одна из существенных проблем заключалась в том, что среди бежавших было много несовершеннолетних. 28 ноября венгерское правительство направило правительству Австрии дипломатическую ноту с требованием создать условия для их скорейшего возвращения домой и беспрепятственной передачи родителям (к меморандуму от 15 января, адресованному генсеку ООН, были приложены письма родителей с просьбой содействовать возвращению детей). Ответа на ноту, однако, не последовало. Согласно версии венгерской стороны, австрийские власти сознательно препятствовали возвращению 14–16-летних подростков домой и даже насильственно отправляли их в другие страны. Этот мотив занимал одно из центральных мест в ходе развернувшейся зимой 1956–1957 годов не только в Венгрии, но и в СССР, других социалистических странах массовой пропагандистской кампании антизападной направленности. Стремясь обвинить правительства Австрии и других стран во вмешательстве во внутренние дела Венгрии, подконтрольные компартиям СМИ широко муссиро-

вали нерешенную проблему беженцев³⁹. Раздувались факты эксплуатации венгерских эмигрантов, привлечения их к тяжелой физической работе за низкую плату, в том числе на шахтах и рудниках. Случаи добровольного возвращения беженцев домой также использовались в пропагандистском плане — для разоблачения подрывной деятельности Запада против Венгрии, пропаганды преимуществ социализма и т. д.⁴⁰

Мировая общественность, в целом негативно отнесшаяся к советской военной акции в Венгрии⁴¹, не была склонна принимать на веру многих утверждений советской и венгерской пропаганды, хотя и признавала остроту проблемы, трудности адаптации тысяч людей к новым условиям жизни, неспособность австрийских властей справиться без помощи извне с таким наплывом беженцев. Не только в Австрии, но и в других странах существовали сильное недоверие к правительству Кадара и резонные (впоследствии подтвердившиеся) опасения того, что многие вернувшиеся на родину подвергнутся преследованиям. Идея возвращения беженцев домой была явно не популярна в западном общественном мнении. Призывы венгерских правительственных эмиссаров, находившихся в Австрии, поначалу не находили отклика и в среде самих беженцев. Так, в декабре с венгерской стороны границу пересекало ежедневно более 1000 человек, но вернулось на родину к середине декабря всего около 550 человек (в отчетах венгерской части двусторонней комиссии по репатриации иногда довольно откровенно говорилось о том, что многие беженцы

.....
39 Правда. 1957. 22 января. На самом деле выезд некоторых несовершеннолетних (15–17 лет) на Запад стал результатом их личного выбора, которому миграционные службы отдали приоритет перед требованиями родителей.

40 Szabó M. A. Strassburgi Magyar Forradalmi Tanács tagja voltam. Budapest, 1957; lo. Foglalkozásuk: emigráns. Budapest, 1958; lo. Hazatértek. Budapest, 1958 (На русском языке: Сабо М. Эмигранты по профессии. М., 1958). Иногда ситуация «добровольного возвращения» искусственно конструировалась. Так, связанный с венгерскими спецслужбами М. Сабо, проведший некоторое время на Западе в качестве беженца, а затем вернувшийся на родину, опубликовал ряд книг разоблачительной направленности.

41 Стыкалин А. С. Илья Эренбург и венгерские события 1956 года (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы). См. соответствующий очерк в настоящей книге.

боятся подвергнуться дома наказанию, не верят объявленной амнистии, опасаются даже депортации в СССР). Если венгерское правительство рассматривало репатриацию беженцев исключительно как проблему двусторонних венгерско-австрийских отношений, то власти Австрии во избежание подозрений на Западе в их «сговоре» с официальным Будапештом, всячески стремились эту проблему интернационализировать и, в частности, подключить к ее решению наблюдателей от ООН, способных беспристрастно оценить, насколько добровольным является возвращение. Принципиальные различия в подходах двух сторон лишь усиливали напряженность в отношениях Австрии и Венгрии.

13 декабря президент США Д. Эйзенхауэр вызвал своего вице-президента Р. Никсона из отпуска в Вашингтон и поручил ему заняться вместе с госсекретарем Дж. Ф. Даллесом вопросом о венгерских беженцах. Никсон вылетел в Австрию, где 19 декабря обсуждал проблемы, связанные с массовой миграцией из Венгрии, с представителями австрийского правительства и Международного Красного Креста. По подсчетам австрийской стороны, для того чтобы принять (хотя и временно) такое количество беженцев, требовалось не менее 30 млн долларов — речь шла о сумме совершенно непосильной для австрийского бюджета. Никсон посетил лагеря, в которых были размещены венгерские иммигранты, положительно отзываясь о том, что делается в Австрии для приема беженцев, обещал от имени американского правительства некоторую материальную помощь, а также содействие в переселении части мигрантов в США. Хотя общественное мнение в США вследствие широко развернувшейся пропагандистской кампании было в целом настроено в пользу беженцев, вопрос о предоставлении им помощи оказался непростым: в частности, в Конгрессе развернулась целая дискуссия о том, следует ли согласиться на прием более 20 тыс. иммигрантов, учитывая имеющуюся в США безработицу⁴².

.....
⁴² The Memoirs of Richard Nixon. Washington etc., Arrow Books, 1979, pp. 181–182.
8 ноября президент США Д. Эйзенхауэр заявил о готовности своей страны принять

Объем реально предоставляемой Австрии материальной помощи извне (как от правительств других государств, так и от международных организаций) не соответствовал огромным материальным затратам. Перечисление денег запаздывало. Так, к 1 марта 1957 года Веной было получено, по некоторым данным, лишь немногим более 7,3 млн долларов⁴³. Вдобавок к концу декабря в основном заполняются квоты по приему беженцев, первоначально установленные правительствами стран, выразивших готовность их принять (в том числе и США). Процесс оформления новых разрешений на выезд из Австрии застопорился, перспективы выезда становятся более туманными. Учащаются также случаи отказов в предоставлении желающим выехать на Запад статуса политических беженцев в соответствии с конвенцией 1951 года (этот статус давал определенные привилегии при трудоустройстве и больше прав на выбор страны проживания). Чем больше становилось беженцев и чем чаще попадались в их среде лица, склонные к антиобщественным поступкам, тем острее вставал вопрос, то и дело поднимавшийся некоторыми юристами в Австрии и других странах: дают ли существующие международно-правовые нормы основания предоставлять всем беженцам статус политических мигрантов. Задержки с выездом на Запад способствовали деморализации многих венгров, с самого начала рассматривавших Австрию как транзитную страну и рассчитывавших на скорый отъезд в другие страны. Атмосфера в лагерях временного проживания становится более напря-

.....
5 тыс. беженцев. Тогда, однако, еще не было ясно, какие масштабы приобретет охвативший Венгрию массовый исход населения. В конце года правительство США согласилось принять 21,5 тыс. венгерских иммигрантов. См.: *Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet zóna (1945–1990). Kronológia.* Budapest, 1994. 57. o.

⁴³ Приводимые в литературе данные об объеме и сроках осуществления финансовых вливаний весьма разноречивы. Трудности с определением точных цифр объясняются большим количеством спонсоров, иной раз находившихся в непростых отношениях конкуренции между собой и в силу этого склонных подчас приуменьшать роль других организаций в оказании помощи венгерским беженцам (к числу спонсоров относились правительства США и ряда западных стран, структуры ООН, ICSEM, Международный Красный Крест и его национальные отделения, многочисленные благотворительные организации, частные лица).

женной: учащаются правонарушения, происходят голодовки, регистрируются попытки самоубийств, возрастает число людей, склонных к репатриации.

В этих условиях во избежание еще более взрывоопасной обстановки в местах большого скопления беженцев австрийские власти пошли на решительный шаг. С 15 января 1957 года Австрия плотно закрыла границу, прекратив прием желающих прорваться в страну. К этому времени и с венгерской стороны начали восстанавливать технические преграды, затруднившие отток беженцев. Подступы к границе были заминированы. С этих пор поток миграции в западном направлении резко ослабевает: если в ноябре венгерско-австрийскую границу пересекло (по зарегистрированным данным) более 100 тыс. человек, в декабре около 40 тыс., то в январе, по некоторым данным, 18 тыс., в феврале всего 3 тыс. человек. Та же динамика сохранялась и позже, к июню цифра опустилась до 50 человек в месяц, что соответствовало «нормам», существовавшим до октябрьских событий.

Начиная с января 1957 года поток беженцев из Венгрии принял южное направление. Тысячи людей, не способных прорваться в Австрию, устремились отныне в сторону титовской Югославии. Еще в конце октября, в первые дни после восстания, югославские пограничники нередко задерживали в близлежащих к границе населенных пунктах Воеводины, заселенных этническими венграми, молодых венгерских граждан, пересекавших границу в поисках оружия. Эти лица вначале передавались венгерским пограничникам, но по мере распада в Венгрии органов власти и ослабления со стороны ВНР контроля за границей их предпочитали оставлять под охраной в Югославии — они были переданы венгерским властям уже позже, при кадаровском правительстве. В конце октября имели место также случаи бегства из Южной Венгрии в Югославию партийно-государственных функционеров, опасавшихся за свою жизнь. Югославские власти призывали их вернуться домой и «с оружием в руках бороться за социализм», но некоторым удалось остаться в стране⁴⁴. В ночь с 30

.....
⁴⁴ Большой материал о венгерском исходе 1956 г. в Югославию приводится в работах сербской исследовательницы К. Ковачевич. См., в частности: *Kovačević K. A menekült-*

на 31 октября 17 сотрудников госбезопасности (AVH) из г. Сегеда, многие с семьями, пересекли границу и сдались в Воеводине югославским властям. В ту же ночь на совсем другом, словенском участке венгеро-югославской границы 14 человек также перебежало в Югославию, среди них наряду с сотрудниками спецслужб были партийные работники из Надьканижи, которых югославские власти приняли с несколько большим пиететом. В ноябре эти люди вернулись в Венгрию, от них шли потом в Югославию письма с благодарностью за приют. По архивным данным, всего к 3 ноября в Югославии было зарегистрировано 178 венгерских беженцев⁴⁵.

С 4 ноября в Югославию бежали люди, не принявшие нового советского силового вмешательства и свержения правительства И. Надя. Югославские пограничники поначалу заставляли их возвращаться в Венгрию, иногда передавали сотрудникам венгерских спецслужб, во второй половине ноября постепенно выходивших из шокового состояния. Многие сопротивлялись, проявляли упорство в достижении поставленной цели, некоторые, потерпев неудачу с пересечением югославской границы, бежали в Австрию. В венгерском обществе знали, что титовская Югославия (нередко выдававшаяся венгерскими реформ-коммунистами за образец для Венгрии) не хочет пускать беженцев, и в силу этого в ноябре-декабре увеличился поток в направлении Австрии.

С югославской стороны охрана границы была значительно усилена, на помощь пограничникам были призваны армейские части, включая целую танковую дивизию, пододвинутую к границе. Кое-где частично восстанавливаются ранее снесенные технические заграждения. Несмотря на некоторое смягче-

kérdés Jugoszláviában // Az 1956-os forradalom visszhangja a Szovjet tömb országáiban / Szerk. Rainer M.J., Somlai K. 1956-os Intézet Évkönyve. XIV. 2006–2007. 134–153. o. Budapest, 2007. На английском языке см.: Kovačević K. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc Countries: Reactions and Repercussions / Ed. by J. M. Rainer and K. Somlai. Budapest, 2007, pp. 111–128. Из работ венгерских авторов см.: Murber I. Az 1956-os magyar események hatása a jugoszláv-magyar kapcsolatok alakulására és a menekültkérdés // Limes. Tatabánya, 2006. № 3.

⁴⁵ Kovačević K. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia. P. 112. По другим приводимым в литературе данным, их было до 400 человек.

ние советско-югославских⁴⁶, а затем и венгерско-югославских отношений в 1955–1956 годах⁴⁷, годы конфронтации давали о себе знать. В первую неделю после крупномасштабной советской военной акции в Венгрии часть югославского общества (включая военнослужащих) испытывала реальный страх перед возможным вступлением советских войск на территорию ФНРЮ в случае расширения международного конфликта, и это только усиливало напряженность на границе. По приближавшимся к границе людям с югославской стороны неоднократно открывался огонь, что приводило к человеческим жертвам. К концу ноября налаживается сотрудничество венгерских и югославских спецслужб в деле предотвращения побегов; в частности, югославской стороной передавалась венгерским властям информация о тех местах, где чаще всего совершались побеги, с тем чтобы там была усилена охрана границы. В свою очередь, сотрудники югославского посольства в Будапеште, поддерживавшие довольно тесные связи с венгерскими национал-коммунистическими кругами, преданными Имре Надю и оппозиционным правительству Кадара, получили из центра установки не побуждать людей из круга своего общения к эмиграции: пусть остаются дома, чтобы в Венгрии не сужался круг друзей нейтральной Югославии, строящей социализм, но при этом проводящей независимую внешнюю политику. Несмотря на все принимаемые меры, количество беженцев росло, в конце декабря в Югославии их было зарегистрировано более 1200 человек.

Еще во второй половине ноября венгерские власти проявили готовность принять репатриантов не только из Австрии, но и из Югославии. Правительственные эмиссары были посланы в Белград с целью обсудить проблему беженцев и встретили там понимание официальной венгерской позиции — руковод-

.....
⁴⁶ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

⁴⁷ Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / отв. ред-ры Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина. СПб., 2002. С. 323–345. См. также очерк 6 в настоящем издании.

ство ФНРЮ выразило незаинтересованность в приеме мигрантов из Венгрии. Созданная на основе взаимной договоренности совместная комиссия посетила лагеря, в которых временно разместили беженцев. Однако энтузиазма с их стороны эта инициатива не вызвала. В одном из лагерей беженцы, среди которых были рабочие и студенты, резко выступили против возвращения домой, угрожали даже выбросить непрощенных агитаторов в Драву.

В начале декабря в венгерской прессе появляются сообщения о заключенном 29 ноября между двумя правительствами соглашении о репатриации людей, бежавших в Югославию из Венгрии. Интерес в скорейшей репатриации беженцев был, таким образом, взаимным, с югославской стороны он объяснялся не в последнюю очередь страхом властей перед возможной дестабилизацией положения в стране под влиянием венгерской революции⁴⁸. Показательно, что соглашение о репатриации было заключено несмотря на осложнение венгеро-югославских отношений, связанное с «делом Имре Надя» — бывший премьер-министр и большая группа людей из его окружения были обманным путем выманены из югославского посольства, где укрывались начиная с 4 ноября, и незаконно переправлены в Румынию⁴⁹.

По итогам поездки венгерских эмиссаров по лагерям был составлен список желающих возвратиться домой (141 человек, из которых, по некоторым данным, не все воспользовались затем возможностью вернуться). Договорились о конкретных местах пе-

.....
⁴⁸ Принимая 11 января 1957 года посла СССР Н. П. Фирюбина, Тито говорил о том, что вследствие венгерских событий подняла голову реакция в Югославии, особенно в Хорватии, где «реакционные элементы» открыто призывали к расправе с сотрудниками госбезопасности. См. в настоящем издании очерк «Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х — начала 1960-х годов».

⁴⁹ *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 4. 10 января 1957 года член Временного Исполкома ЦК ВСРП А. Апро и министр иностранных дел Венгрии И. Хорват говорили послу СССР Ю. Андропову о существующей в руководстве ВСРП установке дружески урегулировать с югославами проблему беженцев (АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035. С. 2–7), лишний раз подтверждая тем самым взаимную заинтересованность в преодолении возникших на-
слоений в двусторонних отношениях.

редачи беженцев венгерским властям в два приема, 7 и 9 декабря. Если у кого-то из них при пересечении границы в югославском направлении было изъято оружие, оно возвращалось венгерской стороне как собственность Венгрии. Западные журналисты не были допущены к местам репатриации, что сразу поставило под вопрос добровольность возвращения. Недоверие усилилось вследствие выраженного нежелания югославских властей организовать встречу репатриантов с находившимися 9 декабря в ФНРЮ представителями ведомства Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Западная пресса довольно много писала в это время о положении на венгеро-югославской границе. Комментируя в негативном ключе соглашение двух коммунистических режимов о репатриации, она выражала неверие в то, что беженцы возвращаются добровольно. Британский Форин офис официально проявил недовольство тем, что английские репортеры не были допущены в лагерь, где находились беженцы, которых собирались репатриировать.

Заключенное венгеро-югославское соглашение, впрочем, отнюдь не означало прозрачности в отношениях двух режимов и взаимного доверия. Венгерская разведка посылала под видом беженцев своих агентов в югославские лагеря, произошло по меньшей мере 4 скандала, связанных с их разоблачением, причем посольство ВНР всячески отрицало свою причастность к происходящему. Ни одна из сторон не хотела эти случаи афишировать, делать предметом комментариев западной прессы, агентов тайно возвращали в Венгрию. В свою очередь в конце ноября один из офицеров венгерского ПВО связался с югославским военным атташе в Будапеште, обратившись с предложением переправить в нейтральную ФНРЮ (сотрудничавшую в военной области со странами НАТО) новейшее военно-техническое оборудование. Причем осуществление задуманного плана предполагало также организацию побега ряда офицеров Венгерской народной армии. Югославская сторона колебалась, видимо, не желая шумного скандала в двусторонних отношениях в случае разоблачения. Но перевесил все же соблазн овладеть новейшим оружием: в Белграде предпочли закрыть глаза на явно авантюрный план и не проинформировать о нем

венгерских партнеров, позволив тем самым осуществиться скандальной акции.

С закрытием в середине января 1957 года венгерско-австрийской границы поток беженцев, стремившихся оказаться в Югославии, как уже отмечалось, резко увеличился⁵⁰. С возникновением принципиально новой ситуации тактика была изменена, в Белграде решено было несколько пересмотреть прежнюю установку поскорее возвращать назад всех пришедших. Уже с середины декабря югославские власти начали уклоняться от передачи беженцев венгерским пограничникам, после же Нового года отказ от их насильственного выдворения становится общим правилом. Смена тактики была в немалой мере связана с усилившимся вниманием западного общественного мнения к проблеме беженцев, прибывших в Югославию, с открыто высказывавшимися в западной прессе (и бросавшими тень на репутацию нейтральной Югославии) подозрениями в том, что два по сути родственных (вопреки всем политическим трениям) коммунистических режима вступили в сговор за счет венгерских беженцев. Еще в начале декабря Верховный комиссар ООН по делам беженцев О. Линдт потребовал от правительства ФНРЮ разъяснений в связи с сообщениями западной прессы о том, что югославские власти жестоко обходятся с беженцами, насильственно возвращают их венгерским властям.

Следует заметить, что на Западе довольно рано предвидели возникновение проблемы беженцев в связи с их оттоком не только в Австрию, но и в титовскую национал-коммунистическую Югославию. Еще 6 ноября, через два дня после решающей советской военной акции в Венгрии, Верховный комиссар ООН

.....
⁵⁰ АВПР. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. I. Л. 53. Зав. отделом МИД ВНР П. Маник говорил 2 февраля 1957 года первому секретарю посольства СССР А. Тимофееву: в последнюю неделю число лиц, бегущих из Венгрии через австро-венгерскую границу, сократилось, т.к. усилена охрана границы. Основной поток беженцев идет теперь через венгеро-югославскую границу, которая охраняется недостаточно: ежедневно в Югославию уходит по несколько сот человек. Разрабатываемые меры по усилению пограничного контроля включали в себя создание 15-км зоны, где можно было находиться только с разрешения пограничных служб.

по делам беженцев встретился с постоянным представителем Югославии в ООН и обещал предоставить необходимую помощь в случае возникновения проблемы беженцев. В ноябре, однако, наплыв еще не был велик. В середине ноября в ответ на запрос соответствующих структур ООН югославские власти дали информацию о количестве иммигрантов из Венгрии (их было, по некоторым данным, около 300). Помощь извне пока не требовалась. Но уже в первой половине декабря, с увеличением потока миграции, югославы запросили помощи. В ответ на соответствующее обращение, датированное 7 декабря, Верховный комиссар О. Линдт тут же направил своего представителя в Белград для изучения ситуации с беженцами на месте. Позже, в январе, представитель Верховного комиссара пробыл в Югославии в течение двух недель, посетил лагерь, в которых размещали беженцев.

К этому времени ситуация резко усугубилась. В декабре в ходе контактов с представителями Верховного комиссара югославские власти выразили готовность принять (при должной помощи извне) 10 тыс. венгерских беженцев. Но за вторую половину месяца поток удвоился, число мигрантов, по официальным данным, достигло 1748 человек. К середине января наплыв продолжал резко нарастать, иногда на территорию ФНРЮ приходило до 500 человек в день, а сразу после закрытия 15 января венгерско-австрийской границы — 600–700 человек в день. На 1 февраля было зарегистрировано 15 тыс., в середине февраля 17 тыс., а в середине марта 18 тыс. иммигрантов, размещенных в 37 лагерях в различных районах страны. Наиболее крупные лагеря предпочитали создавать в Словении, неподалеку от границы с Италией — в расчете на то, что отсюда проще переправлять беженцев на Запад. 26 декабря югославские власти сообщили в соответствующие структуры ООН о том, что на содержание мигрантов уже было потрачено 50 тыс. долларов, но приток беженцев после этого сильно увеличился и к концу января затраты превысили 1 млн 100 тыс. долларов. Только за один день 30 января было израсходовано 25 тыс. долларов. Для МВД были выделены дополнительные средства из бюджета, но они не решили проблемы: Югославия

не располагала материальными возможностями для приема столь большого количества беженцев. Материальные и санитарно-гигиенические условия в югославских лагерях для венгерских беженцев были значительно хуже в сравнении с соседней Австрией — существовали проблемы с обеспечением не только медикаментами, но даже проточной водой, в наиболее перегруженных лагерях на трех человек приходились две койки⁵¹. Проблемы усугублялись вследствие того, что среди беженцев было немало детей⁵². Усилиями медицинских работников все же удалось избежать возникновения эпидемий.

В отличие от демократической Австрии, где почти каждая действовавшая благотворительная организация оказывала беженцам посильную помощь, занималась сбором средств, в титовской Югославии с ее отсутствием гражданского общества властям невозможно было рассчитывать на аналогичную общественную поддержку. С другой стороны, как и в любой другой стране с коммунистическим режимом, в Югославии опасались наплыва иностранцев по политическим причинам. Полиция ФНРЮ старалась всячески изолировать иммигрантов от местного населения — прежде всего из опасений распространения в югославском обществе «венгерской заразы». Лагерь создавались по возможности вдали от больших городов, иногда даже вкладывались специальные средства в сооружение лагерей в слабо заселенных местах (хотя использовались и готовые помещения — казармы, дома отдыха, пустующие зимой). Для наиболее опасных в политическом отношении

.....
⁵¹ Среди тех, кто сделал выбор в пользу эмиграции в Югославию, были представлены в определенном количестве идейные сторонники строительства социализма «не по указке СССР», симпатизировавшие югославской модели (ими идеализированной). Такие настроения среди части беженцев были зафиксированы и комиссиями по репатриации. Однако условия приема беженцев не могли не вести к разочарованию в югославской модели.

⁵² Около 4 тыс. несовершеннолетних, в том числе 1500 без родителей. Недалеко, на наш взгляд, от истины мнение тех авторов (в частности, мемуаристов), которые упрекают власти титовской Югославии в весьма циничной позиции: не будем селить венгров комфортно — побыстрее захотят домой (репатриации всегда отдавалось предпочтение перед отправкой беженцев на Запад). Вместе с тем необходимо отметить, что цены на питание были в Югославии более низкими, нежели в соседней Австрии.

беженцев (таких как, например, известный оппозиционный журналист Тибор Мераи, впоследствии первый биограф Имре Надя⁵³) был создан особый лагерь.

Попасть в лагеря посторонние могли только с разрешения федерального МВД, любые контакты находились под строгим наблюдением. Венгерские беженцы не имели свободы передвижения, не могли покинуть лагерь и часто даже не получали газет⁵⁴. Югославские власти полагали, что получение какой бы то ни было информации о происходящем в Венгрии и вокруг нее может усилить нервозность и нежелательные настроения в иммигрантской среде и тем самым прибавит забот политической полиции. Только в феврале, по договоренности с эмиссарами правительства Кадара, было разрешено широкое распространение в лагерях венгерской пропагандистской литературы — в югославском руководстве по-прежнему считали репатриацию предпочтительным путем разрешения проблемы, но только с оглядкой на западное общественное мнение. В свою очередь венгерская сторона не прекращала заявлять претензий в адрес властей ФНРЮ, не создающих, по ее мнению, в лагерях условий для свободного волеизъявления, подвергающих беженцев давлению, якобы отговаривающих их возвращаться домой⁵⁵.

1 февраля возобновила работу смешанная венгеро-югославская комиссия по репатриации⁵⁶. К этому времени с венгерской стороны была усилена охрана границы, в течение

⁵³ Мераи Т. 13 дней. Имре Надя и венгерская революция 1956 года. М., 2007.

⁵⁴ В то же время в лагере, где была сосредоточена основная масса творческой интеллигенции (в том числе политические оппозиционеры коммунистического режима в Венгрии), распространялись западные газеты, были возможности слушать передачи радиостанции «Свободная Европа». По имеющимся данным, среди беженцев, обосновавшихся в Югославии, было около 100 представителей творческой интеллигенции.

⁵⁵ Murber I. Az 1956-os magyar események hatása a jugoszláv-magyar kapcsolatok alakulására és a menekültkérdés. Это недовольство нашло отражение в отчетах венгерских эмиссаров, занимавшихся вопросами репатриации в рамках смешанной двусторонней комиссии.

⁵⁶ A. Sajti Enikő. Ötvenhatos menekültek Jugoszláviában. A magyar-jugoszláv hazatelepítési bizottságok tevékenysége 1956–1957-ben // Az 1956-os forradalom visszhangja a szovjet több országában. 1956-os Intézet Évkönyv XIV. 2006–2007 / Szerk. Rainer M.J., Somlai K. Budapest, 2007. 201–212. o.

нескольких дней около 2000 человек, пытавшихся бежать в Югославию, были остановлены, но все же массовое бегство продолжалось. Венгерские эмиссары убеждали югославских коллег плотно закрыть границу также и со своей стороны, отказавшись «в угоду Западу» впускать граждан ВНР на территорию ФНРЮ. Следующие заседания комиссии, состоявшиеся 12 и 18 февраля, посетили, по своему настоянию, представители Верховного комиссара ООН по делам беженцев. В ходе работы комиссии была заключена договоренность о местах передачи новых партий репатриантов венгерским властям. В середине — второй половине февраля в течение нескольких дней было передано более 750 беженцев (всего к этому времени более 970). Заседания комиссии проходили в довольно конфликтной обстановке: посланцы ООН открыто высказывались против репатриации, подвергали сомнению добровольность выбора многих беженцев. Вопреки требованиям венгерской стороны югославские власти вплоть до августа 1957 года держали границу по сути дела открытой, принимая беженцев. Вместе с тем они усилили давление на иммигрантов в целях добиться их возвращения на родину.

В отличие от правительства Австрии правительство ФНРЮ поначалу хотело минимизировать участие западных стран и международных организаций в решении проблемы беженцев, делая главную ставку на достижение договоренности с правительством ВНР относительно репатриации. Проблема беженцев доставляла Тито и его команде не только материальные, но и политические неудобства: руководство ФНРЮ, подвергавшееся сильному (не в последнюю очередь экономическому) давлению СССР, опасалось развития событий по сценарию 1948 года и прилагало усилия для нормализации отношений как с СССР, так и с соседней кадаровской Венгрией, осложнившихся в условиях венгерского кризиса⁵⁷. Только в силу большой материальной нужды оно интенсифицировало обращения к Западу за помощью. В феврале министр внутренних дел федерального правительства С. Стефанович

.....
⁵⁷ См. очерк 6 в настоящем издании.

провел пресс-конференцию, где заявил, что решение задач по обеспечению венгерских беженцев всем необходимым превосходит силы югославских властей, была впервые официально выражена готовность разрешить выезд на Запад тем лицам, которые пожелают⁵⁸. В свою очередь и Верховный комиссар ООН по делам беженцев О. Линдт на пресс-конференции, состоявшейся в конце января, признал, что массовый приток венгерских беженцев в Югославию стал проблемой, решение которой невозможно без участия международных организаций. Правительство ФНРЮ получило заверения в том, что его затраты будут возмещены через международный фонд, предназначенный для помощи мигрантам (United Nations Refugee Foundation), югославские представители были приглашены для участия в качестве наблюдателей в работе исполкома этого фонда. Однако выделенные в это время средства (50 тыс. долларов, полученных по линии Международного Красного Креста, и ряд других довольно мелких вливаний) явно не были достаточными. В этих условиях югославские власти настоятельно ставят вопрос об эвакуации 5 тыс. беженцев в другие страны, грозя также плотно закрыть со своей стороны югославско-венгерскую границу, если при содействии Запада не будет срочно решен вопрос о материальном обеспечении беженцев. Свои попытки договариваться с правительством Я. Кадара относительно репатриации многих беженцев представители ФНРЮ в ходе встреч с эмиссарами ООН вполне резонно объясняли неготовностью Запада оказать Югославии действенную помощь. Министр внутренних дел ФНРЮ С. Стефанович заявлял также на пресс-конференции, что именно непроясненность вопроса с возможностью выезда на Запад заставляет беженцев думать о возвращении домой⁵⁹.

В ответ на это и подобные заявления активизируются усилия международных структур по переправке части мигрантов

.....
⁵⁸ Курировавший в узком руководстве страны силовой блок ближайший соратник Тито А. Ранкович, приняв венгерских членов двусторонней комиссии по репатриации, заявил, что у ФНРЮ имеются собственные международные обязательства по вопросу о беженцах, может быть не совпадающие с видами венгерского правительства.

⁵⁹ Политика, Београд. 17. 02. 1957.

в другие страны. С 30 января в Белграде функционировал временный офис Верховного комиссара ООН по делам беженцев, призванный координировать все вопросы, связанные с реализацией программы помощи мигрантам (в том числе контролировать распределение средств)⁶⁰. В его работе принимали участие представители межправительственной комиссии по вопросам европейской миграции (ICEM), подключение этого ведомства, теснее связанного с правительствами отдельных государств, ускорило оформление выезда части беженцев на Запад. Правительственные эмиссары из разных стран посещали лагерь, под наблюдением сотрудников ведомства Верховного комиссара отбирали людей для выезда в соответствующие страны — Францию, Бельгию, ФРГ, Канаду и т.д.; образовался своего рода рынок рабочей силы. По данным комиссии ООН, к середине марта подавляющее большинство эмигрантов (из примерно 18 тыс. оказавшихся в Югославии) заявило о желании выехать на Запад. К этому времени приток людей из Венгрии резко уменьшился (почти все желавшие покинуть страну успели это сделать), что давало возможность постепенно направить решение проблемы в более спокойное русло, с подключением всех заинтересованных сторон. В связи с тем, что в Австрии к этому времени число беженцев заметно уменьшилось⁶¹, Верховный комиссар ООН в конце апреля обращается к правительству этой имевшей большой опыт приема мигрантов страны с просьбой согласиться временно принять за счет ООН 5 тыс. венгров из числа эмигрировавших в Югославию; в течение 4 месяцев их было обещано переправить в другие страны. Австрийское правительство дало после кратковременных колебаний согласие, восприняв просьбу с большим удовлетворением как знак высокой международной оценки усилий Австрии по приему венгерских беженцев, однако еще большее удовлетворение вызвал отзыв ведомством ООН ранее поступившей просьбы. Ведь проблемы, связанные с приемом «своих

60 Сам верховный комиссар О. Линдт неоднократно приезжал в эти месяцы в Югославию, посещал лагерь, в марте встречался с Тито.

61 Wiener Zeitung, 1957. 22. 06. По сообщениям австрийской прессы, 18 июня 1957 года в стране оставалось 29 340 венгерских беженцев.

собственных» (прибывших непосредственно из Венгрии) иммигрантов, продолжали и в Австрии сохранять определенную остроту⁶².

Венгерские представители, настаивая на репатриации своих граждан, выражали недовольство слабым откликом мигрантов на призывы к возвращению и обвиняли правительство ФНРЮ в двойственности, непоследовательности и заигрывании с Западом. С югославской стороны в свою очередь звучали упреки в адрес венгерских эмиссаров (членов совместной комиссии по репатриации) в неспособности проводить эффективную работу среди беженцев, в том числе агитационно-пропагандистскую. И это было недалеко от истины. Так, при посещении лагерей членами комиссии по репатриации мигрантов зачастую нервировало, когда они вдруг видели знакомых им по Венгрии офицеров госбезопасности (AVH), от которых им трудно было ожидать чего-либо хорошего. С другой стороны, и югославские чиновники могли своими глазами

62 АВПР. Фонд 066. Оп. 36. Папка 70. Д. 37. Л. 1–4. Как следует из этого документа, сохранялись проблемы адаптации венгерских беженцев к австрийскому обществу, католическая церковь проявляла озабоченность моральным разложением в иммигрантской среде. Важно иметь в виду, что к этому времени больший процент среди оставшихся в Австрии мигрантов составляли нетрудоспособные и даже откровенно паразитические (не говоря уже о криминальных) элементы. Предпринимавшиеся попытки лишить их пособий вызывали острые конфликты, а переселению в другие страны противились власти соответствующих стран.

Венгерское правительство, настаивая на репатриации большей части беженцев, вместе с тем всегда отступало от этого требования, когда с австрийской стороны (как и со стороны правительств других стран) речь заходила о депортации обратно в Венгрию явных уголовников, в том числе совершавших антиобщественные поступки в новых странах пребывания, включая Великобританию, Швейцарию и т. д. В Великобритании, по некоторым сведениям, был даже создан специальный отдел полиции, занимавшийся правонарушениями, совершенными мигрантами из Венгрии; собранный им материал был представлен посольству ВНР вместе с нотой, требующей депортации правонарушителей. (См.: Szabó J. «... s várja eltévedt fiait is.» Az MSzMP repatriálási és hazalátogatási politikája 1956 és 1963 között). Отказываясь впускать в свою страну преступников, венгерские коммунистические власти в то же время не прочь были использовать совершавшиеся беженцами за границей преступления в пропаганде, направленной на разоблачение «контрреволюции». Следует также заметить, что поведение некоторых категорий беженцев способствовало росту антивенгерских настроений на Западе, ухудшению имиджа венгерской революции в западном общественном мнении.

наблюдать грубый прием беженцев на пограничных контрольно-пропускных пунктах, что охлаждало их готовность сотрудничать с правительством Кадара, поскольку вызывало опасения, что венгерские партнеры будут и далее компрометировать перед лицом западного общественного мнения имидж нейтральной Югославии, «вступившей в сговор» с советским сателлитом за счет тысяч венгерских граждан, бежавших от преследований. Несмотря на препятствия венгерских спецслужб, до адресатов в югославских лагерях иногда доходили письма из дома с советами не возвращаться при сложившихся обстоятельствах, и это лишний раз заставляло задуматься тех, кто изначально выражал готовность добровольно вернуться на родину. Вместе с тем плохие условия жизни в лагерях, равно как и более медленное (в сравнении с Австрией) оформление разрешений выехать на Запад⁶³ служили для беженцев мотивами выбора в пользу репатриации. Тем не менее число согласившихся вернуться из Югославии домой к началу апреля, по некоторым данным, не превышало 2100 человек, что было в несколько раз меньше количества желающих отправиться в западные страны. Это объяснялось помимо всего прочего и тем, что 31 марта подходил к концу срок, в течение которого в соответствии с объявленной 29 ноября амнистией беженцы должны были вернуться на родину. Вероятно, при более эффективной постановке дела со стороны правительства Кадара показатель мог бы быть более высоким — ведь с массовым вы-

.....
⁶³ *Hidas I. P.* Magyar menekültek Jugoszláviában, útban Kanadába // *Múltunk*, 1997. № 3. 172–182. о. Что объяснялось не столько бюрократическими проволочками югославской стороны, сколько исчерпанием к весне 1957 года квот, заявленных каждой из стран, выразивших готовность принять определенное количество беженцев. Представитель Югославии в ООН вел неформальные переговоры с представителем Канады, добиваясь согласия на прием этой страной как можно большего количества венгерских мигрантов, выехавших из ФНРЮ. Однако, вопреки первоначальным декларациям канадских властей о том, что их страна способна принять неограниченное количество мигрантов, среди чиновников и в политических кругах Канады существовали серьезные разногласия по этому вопросу. После того, как в Канаду переселилось около 20 тыс. беженцев из Австрии, власти этой страны не проявляли энтузиазма на переговорах с представителями ФНРЮ. В итоге количество иммигрантов, приехавших в Канаду из Югославии, составило всего лишь 1700 человек.

ездом на Запад происходили задержки (из беженцев, весной 1957 года заявивших желание мигрировать на Запад, лишь меньше половины в течение последующих 4 месяцев получили разрешение на выезд; США фактически еще в апреле установили мораторий на прием новых мигрантов⁶⁴). В этих условиях многие разочаровались и уже всерьез стали рассматривать репатриацию в качестве альтернативы.

В мае 1957 года Югославию вновь посетил Верховный комиссар ООН по делам беженцев, выразивший неудовольствие тем, что представители Международного Красного Креста не были допущены к местам репатриации венгерских беженцев, в частности несовершеннолетних. 7 мая он сделал официальное представление министру внутренних дел ФНРЮ, поставив под сомнение добровольность возвращения в Венгрию некоторых подростков 14–16 лет⁶⁵. В конце мая — начале июня по требованию Верховного комиссара ООН группа иностранных

64 Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet zóna (1945–1990). Kronológia. Budapest, 1994. 57–59. о. В середине февраля 1957 года число венгерских беженцев, прибывших в США, составило 26 400 человек, что на 5 тыс. превысило заявленную американским правительством в конце декабря квоту по приему. Для того, чтобы по возможности ограничить давление международных структур, добивавшихся от правительства США согласия на прием новых иммигрантов, Конгресс США 21 марта выделил 4 млн долларов на строительство для венгерских беженцев жилья за пределами США. 14 мая официально было объявлено, что американскую границу пересекло 32 тыс. человек и на этом поставлен предел. Для оставшихся все еще в Австрии 35 тыс. беженцев властями США тогда же безвозмездно было выделено продовольствие на сумму 10 млн долларов.

65 Согласно установкам западных миграционных служб, детей до 14 лет необходимо было репатриировать по настоянию родителей, в случае с подростками 14–17 лет родителей также необходимо было поставить в известность о месте пребывания их детей, однако применительно к этой категории несовершеннолетних руководствовались прежде всего собственным выбором (если родители имели возражения, они могли вступить в контакт с компетентными югославскими органами, а через них со своими детьми). С венгерской стороны были официально заявлены возражения, власти Венгрии требовали безоговорочной репатриации всех не достигших 18 лет. При этом отмечалось, что несовершеннолетние (не имеющие права политического волеизъявления) не могут рассматриваться как политические мигранты и получить соответствующий юридический статус. Но югославы колебались, ссылаясь на свое законодательство, и не торопились с передачей венгерским миграционным службам подростков 14–17 лет, детей же в возрасте до 14 лет возвращали только на основании письменных просьб, поступивших от родителей. Конфликтность возникшей ситуации возрастала вслед-

журналистов была допущена в лагерь. Хотя их прием был оставлен настоящей показухой, впечатления оказались однозначно плохими — в репортажах, опубликованных в западной прессе, проводились прямые параллели с концлагерями времен Второй мировой войны. После этого югославские власти несколько улучшили условия проживания и культурного обеспечения в лагерях, особенно тех, где пребывало много несовершеннолетних — среди прочего были организованы курсы английского и французского языков для молодежи, желающей отправиться на Запад, начали проводиться спортивные состязания. Активизируется обучение детей по программам венгероязычных югославских школ, из Воеводины в лагерь приглашаются учителя (а также священнослужители), владеющие венгерским языком. Кое-где организуются кинопоказы. Западные эмиссары настаивали на более активном участии Международного Красного Креста (и его национальных организаций, представляющих развитые страны) в обустройстве лагерей. Эта настойчивость приносила свои результаты. Так, на средства шведского Красного Креста была оборудована скромная база отдыха для несовершеннолетних беженцев на Адриатическом море, закуплен спортивный инвентарь. В лагерях стали более широко распространять югославскую венгероязычную газету «Új szó» («Новое слово»), издающуюся в Нови-Саде. Из нее читатели могли почерпнуть официальную югославскую версию венгерских событий, сильно отличавшуюся от той, которая преподносилась советской и венгерской пропагандой⁶⁶ (как следует из отчетов эмиссаров, занимавшихся вопросами репатриации, это вызывало явное недовольствие венгерской стороны).

Как бы то ни было, условия пребывания мигрантов в лагерях по-прежнему оставляли желать много лучшего. Американская делегация, посетившая в июле 1957 года ряд лагерей, составила впечатление о том, что многие беженцы попросту голодали.

.....
ствие того, что югославы отказались предоставить венграм список всех несовершеннолетних беженцев, находившихся в стране.

Аналогичные проблемы возникали и в практике венгерско-австрийских отношений.

⁶⁶ См. очерк 6 в настоящем издании.

Одна из главных проблем заключалась в медленном перечислении финансовых средств из международных фондов, и это касалось в первую очередь Югославии. Австрия приняла значительно больше венгерских иммигрантов, но их отток на Запад из этой страны был налажен, как уже отмечалось, значительно быстрее, нежели из Югославии. Перечисление средств в Австрию также осуществлялось быстрее, больше активности проявляли, когда дело касалось помощи этой стране, американские и европейские благотворительные организации⁶⁷.

Из более чем 180 тыс. зарегистрированных в Австрии беженцев до конца июня 1958 года около 155 тыс. двинулось дальше, в другие страны. Выезд продолжался и в последующие месяцы. Так, сообщение о казни Имре Надя 16 июня 1958 года охладило решимость части мигрантов добиваться возвращения на родину, а напротив, подтолкнуло их к поискам удачи далеко от родной земли. Всего в Австрийской республике осталось примерно 18 тыс. беженцев. Фонд помощи беженцам ООН поддержал программу их интеграции в австрийское общество, выделив на нее 3,5 млн долларов, в том числе на создание 500 квартир для беженцев, совершенствование системы школьного образования для этнических венгров⁶⁸.

67 АВПР. Фонд 047. Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 2 По данным ООН (несколько расходящимся с цифрами, приводимыми в некоторых других источниках), на 1 марта 1957 года было зарегистрировано 53 349 венгерских беженцев в Австрии и 15 874 в Югославии. В памятной записке Генерального секретаря ООН и Верховного комиссара ООН по делам беженцев от 11 марта по вопросу об оказании помощи венгерским беженцам (Там же. Л. 3–8) отмечалось, что эти две страны несли на себе столь тяжкий груз фактически без помощи извне — т. е. признавалось, что реальные средства поступали с опозданием. В соответствующих комиссиях ООН было подсчитано, что для содержания беженцев в Австрии и Югославии и обеспечения их выезда в другие страны до конца 1957 года необходимо было затратить 23 млн. долларов. Между тем, к середине 1957 года фонд помощи беженцам ООН возместил Югославии, по некоторым данным, только 7,4 % обещанной суммы. К концу 1957 года он был должен Югославии более 7 млн долларов (Австрии — менее 1 млн долларов). См. из литературы по теме: Kovačević K. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia.

68 Deak Ernő. Ungarische Mittelschulen in Österreich nach 1956. Wien, 2007. Проблемы интеграции венгерских беженцев в австрийское общество затронуты в ряде работ последних лет, написанных с привлечением материала отдельных земель Австрии. См.: Murber Ibolya. Flucht in den Westen 1956. Ungarnfluchtlinge in Österreich (Vorarlberg) und Liechtenstein. Feldkirch, 2002; Engelke E. «Einem besseren Leben entgegen?»

Многие венгры были заняты на строительных, сезонных, сельскохозяйственных работах, но люди, обладавшие более высокой квалификацией, как правило, работали по специальности, хотя и получали в среднем на 20–30 % меньше граждан Австрии. Согласно статистическим данным, в США эмигрировало 32 тыс. человек, в Канаду — 24 тыс., в Великобританию — 20 тыс., по 9–14 тыс. в ФРГ, Францию⁶⁹, Швейцарию, около 8 тыс. в Австралию. Среди стран, принявших беженцев, были также Швеция, Италия, Израиль, Южно-Африканский Союз, Голландия, Дания, Бельгия⁷⁰. В Венгрию из Австрии в 1957–1958 годах вернулось около 8 тыс. человек⁷¹.

В Югославии на 5 июня было зарегистрировано более 19 тыс. венгерских иммигрантов, однако реально в это время в стране находилось около 14 тыс. (остальные успели выехать на Запад либо вернуться в Венгрию). В августе в ФНРЮ оставалось около 8 тыс. беженцев. В это время возобновила работу смешанная венгеро-югославская комиссия по репатриации, но она не добилась серьезных результатов — в Югославии активизировали свою деятельность западные эмиссары, оформлявшие венгерским беженцам право на выезд в страны Запада. Тогда же, в августе, в соответствии с заключенным двусторонним соглашением новых беженцев перестали принимать, отдавая их в руки венгерских пограничников⁷². Насколько можно судить по источ-

.....
Ungarische Fluchtlinge 1956 in der Stiermark. Innsbruck, 2006; Flucht nach Wien. Menekülés Becsbe. Wien, 2006.

⁶⁹ Из 13 тыс. прибывших во Францию примерно 8 тыс. там навсегда осело.

⁷⁰ Soós K. 1956-os magyar menekültek a statisztikai adatok tükrében // Levéltári Szemle, 2002. № 3.

⁷¹ АВПР. Фонд 066. Оп. 36. Папка 70. Д. 37. Л. 1–4. И после истечения 31 марта 1957 года срока, в течение которого в соответствии с объявленной 29 ноября амнистией беженцы должны были заявить о желании вернуться домой, к зданию венгерской миссии в Вене ежедневно приходили люди, выражавшие готовность репатриироваться. По признанию советских дипломатов, австрийские власти не чинили препятствий возвращению беженцев домой, поскольку население Австрии было недовольно как поведением многих беженцев, так и создаваемой ими конкуренцией на рынке труда. К тому же правительство было заинтересовано в сокращении бюджетных ассигнований на содержание иммигрантов.

⁷² В сентябре два молодых человека, пытавшихся бежать из Венгрии, были возвращены югославскими пограничниками и вскоре предстали в Сегеде перед судом. Можно

никам, несколько активизируется также сотрудничество венгерских и югославских спецслужб в деле депортации беженцев с Запада в Венгрию⁷³.

К середине октября из Югославии было переселено 12 тыс. мигрантов, а в начале 1958 года в ведомстве Верховного комиссара ООН вопрос признали в основном решенным, белградский офис ведомства был закрыт. По данным, приводимым в литературе⁷⁴, из 19 857 зарегистрированных венгерских граждан, с 23 октября 1956 года по 31 декабря 1957 года нашедших временное пристанище на территории ФНРЮ, около 16 370 эмигрировали потом на Запад (больше всего во Францию, Бельгию, США), примерно 2770 были репатриированы в Венгрию. В югославское общество интегрировалось около 650 человек. Власти проявили интерес к оставлению в ФНРЮ лиц, получивших техническое и военное образование (и не в последнюю очередь тех, кто проходил военную подготовку в СССР).

В целом можно констатировать, что реакция ФНРЮ на массовый исход венгров с родины была амбивалентной и менялась с течением времени по мере изменений степени вовлеченности югославского правительства в развитие событий в Венгрии и вокруг нее. На политику ФНРЮ в данном конкретном вопросе оказывали влияние общая позиция Тито и его команды, занятая в дни венгерской революции, состояние отношений ФНРЮ как с СССР и советским блоком, так и со странами Запада, ак-

.....
только предполагать, явилось ли изменение югославской тактики в отношении беженцев следствием встречи Н. С. Хрущева и И. Броза Тито в начале августа 1957 года в Румынии (первой после венгерских событий), на которой стороны проявили готовность к поискам путей разрешения всех спорных вопросов.

⁷³ Kovačević K. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia. Так, из Италии с помощью югославских пограничных служб был депортирован в Венгрию ряд беженцев, оказавшихся без документов. С югославской помощью также была переправлена в Венгрию из Алжира группа мигрантов, находившихся там в качестве бойцов французского иностранного легиона. Вместе с тем югославские власти отказались выполнить настойчивую просьбу венгерской стороны передать ей полный список беженцев, выехавших на Запад, с указанием мест их нового пребывания.

⁷⁴ Kovačević K. The Hungarian refugee problem in Yugoslavia; Murber I. Az 1956-os magyar események hatása a jugoszláv-magyar kapcsolatok alakulására és a menekültkérdés.

тивная внешняя политика Югославии, в том числе в странах «третьего мира»⁷⁵. Власти ФНРЮ стремились сохранить нормальные отношения с СССР и соседней ВНР, не желали давать поводов для углубления кризиса по сценарию 1948 года. В то же время они заботились о репутации Югославии как нейтрального государства с независимой внешней политикой, а потому дистанцировались от любых попыток заставить играть себя по правилам, продиктованным Москвой. Столкнувшись с большим наплывом беженцев, Югославия после определенных колебаний приняла их, поскольку хотела избежать негативного отклика международного общественного мнения на свои действия. Проблемы, связанные с пребыванием 20 тыс. венгерских иммигрантов на территории ФНРЮ, могли быть решены только с международной помощью.

Судьбы венгерских беженцев на Западе после отъезда их из Австрии и Югославии складывались по-разному, процесс адаптации к новой среде, интеграции в общества принимающих стран был зачастую болезненным. Не все могли найти работу по специальности, были случаи, когда врачи становились шоферами, университетские преподаватели гардеробщиками. Но многие люди, напротив, смогли найти себя в «новой жизни» — недавние рабочие преуспевали в бизнесе, становились журналистами эмигрантских СМИ и т. д. Таким образом, изучение судеб тысяч мигрантов дает многочисленные примеры как восходящей, так и нисходящей социальной мобильности⁷⁶.

.....
⁷⁵ См. очерк 6 в настоящем издании.

⁷⁶ Проблемы адаптации венгерских беженцев на Западе нашли отражение в литературе, широко использующей наряду с другими источниками мемуары, интервью. Среди работ общего характера: *Iratok az emigrációról*, 1957–1990 / Szerk. Király B. etc. Budapest, 2003; *Sos P.J. Magyar exodus. Magyar menekültek Nyugaton. 1956–1959*. Budapest, 2005 (2 kiad. — 2006). О сложностях адаптации беженцев в самой Австрии дает представление работа, анализирующая место венгерской революции 1956 года в коллективной памяти австрийцев — именно массовый исход населения из Венгрии решающим образом повлиял на образ венгерских событий в австрийском историческом сознании. См.: *Rásky B. «A menekültnek igenis vannak kötelezettségei is...» Az 1956-os forradalom az osztrák kollektív emlékezetben // Regió*. Budapest, 2001. № 3. Есть работы о положении венгерских беженцев в отдельных странах, в частности во Франции (*Kecskes G. Az 1956-os magyar menekültek és Franciaország // Múltunk*, 2003. № 4. 115–148. о.), Швейцарии (*Emigráció és identitás. 56-os menekültek Svajcban / Szerk. Kanyó T. Budapest, 2002;*

Особую категорию беженцев (точнее, невозвращенцев) составили венгерские спортсмены, не вернувшиеся на родину с мельбурнской летней олимпиады, состоявшейся в ноябре — декабре 1956 года в Австралии. Выступление венгерских олимпийцев, занявших 3-е место в неофициальном командном зачете после СССР и США, стало не просто триумфом, дополнившим некоторыми новыми штрихами сложившийся в западном общественном мнении положительный образ страны, борющейся за суверенитет. Оно стало своего рода компенсацией ущемленного национального достоинства⁷⁷.

Венгерские спортсмены, выразившие желание остаться на Западе, не были лишены венгерского гражданства. Лишение беженцев и невозвращенцев гражданства применялось кадаровской властью лишь в редких случаях, что было связано с установкой на проведение объемной пропагандистской работы, призванной убедить эмигрантов в необходимости репатриации (утрата гражданства заведомо отсекала бы для многих возможность возвращения на родину; лишать гражданства активных противников режима также не хотели — как граждане они должны были нести ответственность за любые действия, направленные против власти). Специально для беженцев волны 1956 года начинает издаваться газета «*Magyar Szemle*» («Венгерское обозрение»). Уже в конце 1950-х годов в политике ВСРП проявилось стремление к восстановлению связей с неввраждебной частью эмиграции, организуется ряд туристических поездок в Венгрию делегаций, составленных из эмигрантов (как правило, людей, нашедших себя на Западе, и в силу этого достаточно влиятельных в эмигрантской среде и при этом лояльных кадаровскому коммунистическому

Flucht in die Schweiz. Ungarische Flüchtlinge in der Schweiz / Hrsg. G.Zabratzky. Zürich, 2006), ФРГ (Cseresnyés F. 1956-os menekültek befogadása az NSzK-ba // Múltunk, 2005. № 2).
⁷⁷ Arday A. — *L.Pap I. — Thury G. Vér és arányak. Sport — forradalom — olimpia — emigráció.* Budapest, 2006; Csirka G. — *Gyarmati D. 1956 — ahol mi győztünk.* Budapest, 2006; Kö A. Melbourne 1956. Budapest, 2006. Столкновение советских и венгерских спортсменов на спортивных площадках Мельбурна сопровождалось накалом политических страстей, беспрецедентным в мире спорта после берлинской олимпиады 1936 года, — достаточно вспомнить о финальном матче ватерпольного турнира 6 декабря, завершившегося победой венгров.

режиму; о приглашении активных политических оппонентов речи, разумеется, не шло). Расчет делался на то, что многие из тех, кто не хочет вернуться насовсем, все же надеются подерживать связи с родиной⁷⁸. Приезды этих делегаций обставлялись показухой, кадаровские власти вкладывали средства в свой пропагандистский проект, полагая, что, вернувшись

78 *Csepeli Gy., Dessewffy T., Dulovics D., Tóka G.* Menekültek és elméletek. Az 1956-os forradalom után Nyugatra menekültek attitűdjeinek befejezetlen vizsgálata az Amerikai Egyesült Államokban // 1956-os Intézet. Évkönyv VI. Budapest, 1998. 253–286. о. О политических настроениях, доминировавших в среде венгерских иммигрантов в США, дают представление результаты конкретно-социологических исследований, проводившихся в 1957 года Колумбийским университетом. Неприятие системы, существовавшей в Венгрии, отнюдь не всегда означало склонность к последовательному (а тем более агрессивному) антикоммунизму. Напротив, довольно сильны были искания «третьего пути» между капитализмом и сталинским социализмом; национализация крупной собственности, кооперативы (но не колхозы советского образца) и даже плановое начало в экономике часто рассматривались со знаком плюс, были неотъемлемыми компонентами господствовавших представлений о социально-политическом идеале. Таким образом, довольно развиты были стихийно-социалистические настроения, чему в общем не противоречило уважительное отношение к западным демократическим моделям, институтам и ценностям (прежде всего политическим, а не экономическим). Совсем не характерной была ностальгия по режиму Хорти. Показательно в этой связи, что эмигранты волны 1956 года нередко дистанцировались от существовавших на Западе (как в США, так и в Европе) политэмигрантских обществ из-за их слишком правого характера.

Согласно опросам февраля 1957 года, не менее 96 % находившихся в Австрии и ждавших выезда за рубеж венгерских беженцев ожидали, что Вашингтон в той или иной форме окажет помощь их восставшей, борющейся за суверенитет родине. Вместе с тем идея нейтралитета для Венгрии была более популярна, нежели представления о необходимости интеграции страны в западный военно-политический блок (АВГР Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035). Разные источники свидетельствуют о растущем недоверии иммигрантов к американской политике.

На рубеже 1956–1957 годов при обсуждении политической элитой США вопроса о венгерских беженцах особую позицию занимал известный «ястреб» сенатор Дж. Маккарти, считавший, что въезд венгерских иммигрантов в США не надо ограничивать — отчасти потому, что их интеграция в американское общество усилит его антикоммунистический потенциал. Проводившиеся социологические исследования в целом не подтверждают стереотипы, которые Маккарти разделял с другими американскими политиками крайне правого толка. Вместе с тем сложившиеся в условиях коммунистического режима представления о социальной защищенности, ожидания гарантий трудоустройства, не характерные для Запада иллюзии «третьего пути», вера в возможность увидеть на новом месте нечто вроде социализма, только менее авторитарного и более совершенного — все это не могло не вести к социальной маргинализации значительной массы беженцев.

в страны пребывания, хотя бы некоторые из приглашенных своими рассказами развеят опасения своих менее удачливых соотечественников, опасующихся возвращаться на родину⁷⁹. Работа с представителями венгерских диаспор в ряде случаев использовалась и для установления более тесных связей с теми или иными странами — задача выхода Венгрии из вне политической изоляции была для кадаровского режима одной из приоритетных. Согласно сформировавшимся к концу 1950-х годов твердым установкам, вести пропаганду в пользу репатриации надо было так, чтобы не осложнились отношения с западными странами.

Как бы там ни было, вернулось, по данным И. Мюрбер, не более 7 % мигрантов волны 1956 года (примерно 13 тыс. человек). Если даже считать эту цифру несколько заниженной (не принимающей во внимание всех тех, кто вернулся после 1958–1959 годов), следует заметить, что в выступлениях Кадара число возвращенцев сильно преувеличивалось. Так, в январе 1958 года венгерский лидер говорил о 28 тыс. вернувшихся, а в октябре 1960 года с трибуны Генассамблеи ООН о 40 тыс. репатриантов⁸⁰. Т. е. речь шла уже о каждом пятом беженце (манипуляции с цифрами облегчались тем, что в конце 1950-х годов в Венгрию возвращались и представители других волн эмиграции — в том числе, кстати говоря, и из СССР). Для Кадара возвращение беженцев домой было вопросом престижа, голосом в пользу режима, доказательством его легитимности, как и свидетельством успеха, результативности проводимой политики. А потому режим уделял столь большое внимание программе репатриации, ее пропагандистскому обеспечению.

.....
79 Szabó J. Fellazítási politika a Kádár-rendszerben. Az MSzMP propagandatevékenysége 1958 és 1963 között // Múltunk. 2009. № 3.

80 Szabó J. «... s várja eltévedt fiait is.» Az MSzMP repatriálási és hazalátogatási politikája 1956 és 1963 között. Свое выступление с нью-йоркской трибуны венгерский лидер завершил показательными словами: родина ждет своих обманутых сынов. В действительности, однако, не всегда и не всех хотели пустить обратно. На Политбюро ЦК ВСРП была четко сформулирована установка: добиваться возвращения только тех, чей приезд служил бы государственным интересам — политическим, экономическим, а также относящимся к сфере культуры и науки. Примерно 2–3 тыс. пожелавших вернуться получили отказ.

Дьердь Ацел, в 1960-е годы постепенно выдвигавшийся на роль главного идеолога ВСРП, в своих публичных заявлениях неоднократно подчеркивал нежелание венгерского правительства ограничивать свободу въезда в страну тех, кто бежал за границу в 1956–1957 годах. Среди прочего он заявил об этом в 1964 года на состоявшейся в Будапеште конференции международного Пен-центра⁸¹.

Однако далеко не все вернувшиеся в Венгрию были приняты с обещанным радушием. Не так уж мало людей подверглось репрессиям за причастность к событиям осени 1956 года, имели место даже случаи смертных приговоров⁸². Недоверие к репатриантам (особенно представителям интеллигенции) проявлялось и при приеме на работу. Некоторые из вернувшихся, разочаровавшись в сделанном выборе, пытались вновь покинуть страну.

Кадаровский режим, призывая беженцев к возвращению, пытался компенсировать потери рабочей силы, утрату части интеллектуального потенциала общества⁸³, серьезный демографический ущерб, вызванный массовым исходом населения. Венгрия в любом случае осталась в проигрыше, выиграла же соседняя Австрия, хорошо наладившая прием и обеспечение десятков тысяч мигрантов. Предпринятые австрийским правительством и обществом в конце 1956–1957 годов усилия снискали международное признание. Это способствовало повышению политического и морального авторитета нейтрального среднеевропейского государства, только в 1955 году восстановившего свой полный суверенитет. Правительство Ю. Рааба сумело заставить работать в свою пользу последствия серьезного международного кризиса, придать своим действиям демонстративно-пропагандистский эффект, показать

.....
⁸¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 104.

⁸² Международная правозащитная организация в апреле 1959 года обратилась к генеральному секретарю ООН с письмом, в котором говорилось о том, что из числа возвратившихся в Венгрию 6 тыс. человек арестованы или интернированы. Это число, однако, представляется нам преувеличенным.

⁸³ Так, из 20 тыс. бежавших в Югославию было 3 тыс. квалифицированных рабочих, несколько тысяч представителей интеллигенции, 1600 студентов и учащихся.

способность нейтральной Австрии в сотрудничестве с международными организациями решить сложнейшую, общеевропейского значения гуманитарную проблему. Вместе с тем была продемонстрирована роль международных механизмов и многосторонней дипломатии в разрешении подобного рода гуманитарных проблем. Массовый наплыв венгерских беженцев в Австрию и Югославию (а оттуда во многие страны мира) лишний раз показал, что отдельным государствам не под силу справиться с решением всего комплекса возникающих в таких случаях задач в одиночку, без помощи всего мирового сообщества. Интересы вовлеченных сторон не всегда совпадали, что вело к затягиванию в решении проблемы. Тем не менее генеральный секретарь ООН Д. Я. Хаммаршельд и многие наблюдатели в мире высоко оценили акцию помощи венгерским беженцам, которую удалось осуществить на должном уровне без лишних бюрократических проволочек (особенно в сложнейших условиях конца ноября — декабря 1956 года, когда с неожиданным наплывом в течение считанных недель более 100 тыс. мигрантов Австрия оказалась перед лицом серьезнейшего вызова, способного повлечь за собой социально-гуманитарную катастрофу). Проблема беженцев из стран Восточной Европы неоднократно приобретала остроту и в последующем, и при попытках ее решения был так или иначе востребован сохранявший свою актуальность опыт 1956–1957 годов⁸⁴.

84 Кстати, некоторые уроки из опыта венгерского кризиса извлекали политики по обе стороны «железного занавеса». Советским лидерам также не были чужды поиски оптимальной тактики в отношении проблемы эмиграции. Но это касалось только одной стороны дела — изыскания дополнительных клапанов для снятия избыточного напряжения в социалистической стране, переживающей системный кризис. В первые дни после вторжения войск стран ОВД в Чехословакию 21 августа 1968 года были зафиксированы высказывания Л. И. Брежнева о необходимости открытия западных границ СССР (пусть все «контрреволюционеры» убегают, иначе окажемся в затруднительном положении: интернируем большое количество людей и не будем знать, что с ними делать — проблема, кстати сказать, никогда не существовавшая для Сталина). Однако если даже признать, что советская позиция со временем менялась в направлении несколько большей гибкости, стремления избежать массовых репрессий и т. д., важно заметить: лидеры СССР, проводя определенную политику в рамках советского блока, не всегда принимали во внимание всех возможных последствий этой политики, более того, они заведомо устранились от участия в разрешении некоторых по-

С решением проблемы беженцев волны 1956 года снижается напряженность в венгерско-австрийских отношениях⁸⁵. В октябре 1958 года Австрия признала кадаровское правительство, министр иностранных дел Венгрии Э. Шик побывал в Вене, был хорошо принят, в двусторонних отношениях обозначился перелом. По мере дальнейшего их развития коренным образом трансформировался образ австро-венгерской границы в официальной пропаганде кадаровского режима. В конце 1950-х годов, когда венгерский вопрос муссировался в ООН, коммунистическая пресса Венгрии охотно обращалась к событиям осени 1956 года, чтобы напомнить обывателю о существовании империалистической угрозы. Граница «двух миров» ассоциировалась с провокациями мирового империализма, засылкой шпионов и диверсантов. Однако в 1960-е годы выход Венгрии из внешнеполитической изоляции, улучшение ее отношений с западными странами (и прежде всего активизация экономических контактов с Западом) сделали излишним и даже абсурдным слишком частое обращение к теме вмешательства империалистов во внутренние венгерские дела. В свою очередь и венгерско-австрийские отношения в 1960–1970-е годы не просто нормализуются, а становятся довольно тесными, вплоть до разрешения безвизовых поездок⁸⁶. Коммунист-прагматик Я. Кадар, приступивший к либерализации своего режима и предпринявший ряд экономических реформ, если верить некоторым свидетельствам, довольно легко нашел общий язык с другим прагматическим политиком, заботившимся прежде всего о материальном благосостоянии своих подданных — австрийским социал-демократом Б. Крайским. С канцлером капиталистического государства его связывали

.....
рожденных этой политикой социальных и гуманитарных проблем, создававших немалый груз для всего мирового сообщества. См.: *Латыш М. В.* «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 225.

⁸⁵ Позитивную роль в налаживании отношений двух соседних стран сыграла посредническая миссия высокопоставленного советского эмиссара А. И. Микояна, посетившего Вену в апреле 1957 года.

⁸⁶ Кроме Венгрии до 1980-х годов ни одна страна-участница Варшавского договора не пошла на установление безвизового режима с некоммунистическим государством.

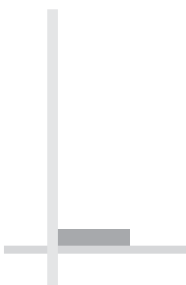
даже несколько более доверительные и неформальные отношения, нежели с первыми секретарями компартий социалистических государств (кроме Н. С. Хрущева, а также А. Дубчека)⁸⁷. Соответственно и венгерско-австрийская граница превращается со временем в своего рода символ мирного сосуществования двух систем⁸⁸. Уже в 1965 году венгерские власти принимают решение о сносе технических заграждений на границе, восстановленных в начале 1957 года. Драматические события «будапештской осени», включая массовый исход венгров в Австрию становятся не более чем эпизодом в богатой, многогранной истории взаимоотношений двух соседних народов, оставившим след в исторической памяти каждого из них, но не сильно отягощающим процесс взаимопонимания.

87 Aczél György. Közelkép Kádárról // Rubicón. Budapest, 2000. №. 6. 10. о. По свидетельству собственного идеолога Д. Ацела, Кадар в разговорах с соратниками иногда противопоставлял Крайского своему соотечественнику Ракоши, доказывая им, что и политик еврейского происхождения может быть восприимчивым к чаяниям своей нации и завоевать популярность.

88 Kovács E. Határmitoszok és helyi identitás narratívák az osztrák-magyar határ mentén // Replika, № 47–48. 2002.

**К вопросу
о реакции советской
интеллигенции
на венгерские
события 1956 года**

 Постановка вопроса о непосредственном отклике в Советском Союзе на венгерскую революцию 1956 года заставляет учитывать мощнейший диктат пропагандистской машины и тот дефицит информации о происходившем в Венгрии, который существовал в советском обществе. Достаточно сказать, что о таком значительном событии кануна венгерской революции, как перезахоронение останков Ласло Райка 6 октября, в советских газетах не было никакого упоминания. Утром 24 октября советские газеты также вышли без какой-либо информации о происходившем в Венгрии накануне, в первый день революции¹. Очевидно, органы КПСС, ведавшие партийной пропагандой, исходили из ложных предположений о том, что восстание в Будапеште удастся подавить в течение одного дня и только после этого можно будет сообщить советской публике о неудачной попытке «контрреволюционного путча, поддержанного империалистами». 25 октября в «Правде» действительно выходит сообщение ТАСС под характерным заголовком «Провал антинародной авантюры в Венгрии». В последующие дни в ожидании окончательного краха крупномасштабного массового движения в центральных советских газетах публиковались материалы под аналогичными заголовками (как правило, варьировались сло-

.....
¹ Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 112–128.

ва «крушение», «крах» или «провал» антинародной авантюры), что не только свидетельствовало о недостатке журналистского мастерства, но явно неадекватно отражало динамику событий в Венгрии. На это обратили внимание и в редакции главной венгерской партийной газеты «Szabad Nép», вступившей в дискуссию с «Правдой»². Положение в Венгрии в конце октября (не только продолжение повстанческой борьбы, но и повсеместный распад старых партийно-государственных структур, на смену которым приходили стихийно возникавшие национальные комитеты и рабочие советы) заставило «Правду» отказаться, конечно, не от оценки событий как контрреволюционной авантюры, но от прежних чересчур оптимистических заявлений о ее якобы уже произошедшем крушении. На протяжении нескольких последующих дней главная газета КПСС предельно скупно освещала венгерские события и только 3 ноября провела массированную пропагандистскую подготовку запланированной на следующий день решающей военной акции по свержению не оправдавшего доверия Москвы правительства Имре Надя, опубликовав большую подборку тенденциозно подобранных материалов о зверствах «контрреволюционных банд»³. Таков был агрессивный

2 Molnár Miklós. Válasz a Pravdának // 1956 sajtója. Október 23. – November 4. Válogatás (Magyar krónika). Budapest, 1989. 133–134. о. 30 октября редакцию «Правды» посетили секретарь посольства СССР в Венгрии и корреспондент «Szabad Nép», выразившие несогласие с мнением газеты и передавшие номер «Szabad Nép» от 29 октября с полемической статьей М. Мольнара. Они предлагали «Правде» выступить с коротким сообщением о том, что при подготовке своей статьи газета располагала неточными сведениями из Венгрии. Это тем более важно, как говорили они, что позиция «Правды» воспринимается в Венгрии как мнение всего советского народа. Главный редактор «Правды» П. Сатюков и его заместитель по международному отделу Д. Краминов докладывали в тот день секретарю ЦК КПСС П. Поспелову, что их газета «не считает целесообразным вступать в полемику» с «Szabad Nép» (См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 453–454).

3 В сообщении ТАСС «К положению в Венгрии» утверждалось, что «последние дни в столице и провинции ознаменовались бесчинствами и разгулом контрреволюционных банд. Разгромлены помещения многих общественных и партийных организаций, совершались массовые расправы и убийства общественных деятелей». С этой публикацией корреспондировала редакционная статья «Дружба и единство социалистических стран нерушимы», в которой известная Декларация КПСС от 30 октября об основах отношений с социалистическими странами интер-

пропагандистский фон, на котором формировалось мнение рядовых советских граждан о венгерских событиях.

У советских руководителей не возникало сомнений в эффективности пропаганды и в том, что многомиллионное советское общество примет навязанную сверху официальную версию венгерских событий. Член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов 6 ноября на торжественном заседании московской партноменклатуры по случаю очередной годовщины Октября 1917 года говорил о том, что все советские люди «радуются победе, одержанной венгерскими трудящимися над контрреволюцией»⁴. Хотя поток дезинформации на самом деле оказывал огромное влияние на настроения в советском обществе, Суслов явно выдавал желаемое за действительное. Источники свидетельствуют о неоднозначности восприятия советским обществом венгерских событий⁵. Да, большинство советских граждан действительно в той или иной мере принимали на веру утверждения офици-

.....
претировалась таким образом, чтобы подвести читателя к мысли о неизбежности советского военного вмешательства в интересах спасения «революционных завоеваний» в Венгрии. Утром 4 ноября «Правда» вышла с большой передовой статьей «Преградить путь реакции в Венгрии».

Здесь не мешало бы, однако, лишний раз напомнить: признание юридической незаконности советского военного вмешательства в Венгрии отнюдь не должно означать оправдания фактов насилия и террора, вершившихся в те трагические дни над безоружными людьми экстремистски настроенными элементами. Венгерская революция показала миру не только примеры мужества в борьбе за свободу, но и акты вандализма разъяренной толпы. Показав, к каким кровавым эксцессам могут привести как запаздывание «верхов» с необходимыми реформами, так и нетерпение «низов», она стала грозным предостережением для последующих поколений. См. в этой связи: *Стыкалин А. С.* Память о венгерских событиях 1956 года в период Пражской весны 1968 года // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., СПб., 2014. С. 279–287.

⁴ Правда. 1956. 7 ноября.

⁵ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 185–199. (2-е издание книги, исправл. и дополненное – 2010.) См. также ряд документов, опубликованных в сборниках: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. редактор К. Аймермахер; отв. составитель В. Ю. Афиани. М., 2002; Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 года. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под редакцией В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Отв. составитель О. В. Эдельман. М., 2005.

альной пропаганды⁶. Наиболее эффективным пропагандистским аргументом в пользу необходимости силового решения был тезис о том, что Советская Армия своим вмешательством в Венгрии якобы предотвратила новую большую войну. Поскольку в 1956 году Вторая мировая война была в памяти людей даже молодых поколений — как в СССР, так и на Западе, — этот аргумент активно применялся и во внешнеполитической пропаганде, к нему охотнее всего прибегал и Н. С. Хрущев, в частности, в беседах с иностранными корреспондентами⁷.

Многие советские граждане, принимавшие всерьез официальные догмы, видели в происходящем в первую очередь попытку вывести Венгрию из советской сферы влияния. Согласно их логике, «надо освободить Венгрию от тех сил, которые хотят ее увести от нас», «мы заплатили кровью за Венгрию в 1945 году. С какой стати ее надо отдавать американцам?»⁸. Венгерские события, таким образом, воспринимались частью общества как своего рода продолжение Великой Отечественной войны, ответ на посягательства некоторых сил пересмотреть завоевания, достигнутые в борьбе с фашизмом. Апологетика советских действий, впрочем, не исключала критических высказываний.

⁶ Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 годах. М., 2010. С. 185–199.

⁷ Встречаясь 5 января 1957 года на приеме в посольстве ГДР с корреспондентом итальянской газеты «Messaggero», Хрущев говорил своему собеседнику: «Запомните то, что я вам скажу: своим вмешательством в Венгрии Советская Армия спасла мир. Она потрудились для всех, в том числе и для вас. Вы должны благодарить ее. Если бы она не вмешалась, над всеми нависла бы угроза войны». См. пересланный в аппарат ЦК КПСС из посольства СССР в Италии перевод репортажа о встрече с Хрущевым: РГНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 73. Примерно то же самое Хрущев говорил на новогоднем приеме в Кремле посетившей Москву французской звездной чете — Иву Монтану и Симоне Синьоре (См.: *Signoret S. Moszkvai újév. 1957* // Tobias Áron (Szerk.). In memoriam Nagy Imre. Emlékezés egy miniszterelnökre. Budapest, 1989. 371–380. о.). Между тем, при обсуждении 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС вопроса о подготовке решающей военной акции Хрущев заверил своих коллег по партийному руководству в том, что «большой войны не будет» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 480). Речь шла о том, что США не будут активно вмешиваться в венгерский конфликт. О позиции США в связи с венгерскими событиями см.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция...* С. 141–145, 154–155.

⁸ См.: *Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР.* С. 187–188.

Те, кто ностальгировал по сталинскому режиму, хотя и всецело поддерживали жесткую реакцию Кремля на венгерские события, вместе с тем видели истоки этих событий в ревизии Хрущевым сталинской внешней политики, сближении с режимом Тито в Югославии и особенно в решениях XX съезда КПСС. В ЦК КПСС попало адресованное в журнал «Коммунист» письмо рабочего горьковского автозавода. Речь в нем шла о том, что Хрущев, унаследовав от Сталина «Восточную Европу», тут же «пробанкетил» Венгрию в компании со «шпионом Тито»⁹. Венгерские события, таким образом, расценивались частью общества как результат капитулянтской политики советского руководства после смерти Сталина. Существование таких настроений работало на один из решающих аргументов в пользу силового способа разрешения венгерского вопроса. «Нас не поймет наша партия», — говорил Хрущев 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС¹⁰. Значительная часть как номенклатуры, так и рядовых партийцев действительно опасалась ослабления державной мощи СССР, а в венгерских событиях видела симптом такого ослабления. Мощь Советского Союза и Советской Армии, прочность достигнутых геополитических завоеваний СССР в Восточной Европе воспринимались как гарант предотвращения новой мировой войны.

Существовало, однако, и совсем другого рода несогласие с политикой Кремля. Официальная пропаганда не всех убеждала в правильности избранных методов, разнообразные источники (и в том числе донесения низших партийных инстанций в более высокие инстанции) фиксируют сомнения в необходимости силового подхода, высказывания о том, что не надо другим навязывать свою волю, вмешиваться во внутренние дела других народов («и без нас могли бы разобраться»). Звучало мнение о том, что венгерский вопрос надо решать мирным путем («а то зря людей губим»), силовое решение связывалось с неоправданными человеческими жертвами, причем как с советской, так

⁹ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 593.

¹⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 479.

и с венгерской стороны¹¹. В некоторых свидетельствах нашло отражение двойственное отношение современников, особенно молодежи, к событиям в Венгрии. Так, известный литературовед и историк, биограф Достоевского Игорь Волгин, который в 1956 году был 14-летним московским школьником, позже вспоминал, что венгерские события вызвали у него и его друзей, с одной стороны, «искреннее сочувствие восставшим. Я желал им победы. При отсутствии какой-либо альтернативной информации я инстинктивно ощущал: наши танки в Будапеште — это зло, во всем этом присутствует какая-то чудовищная ложь. Но с другой стороны, я вовсе не хотел, чтобы социалистический лагерь был ослаблен или тем более развалился. Я понимал, что повстанцы сражаются за справедливое дело, за свободу, но сам факт вооруженной борьбы не одобрял»¹². Для настроений многих интеллигентов разных поколений было характерно ощущение собственной беспомощности. Таким образом, несогласие с советской политикой в Венгрии далеко не всегда принимало формы открытого протеста¹³.

Можно, однако, привести и многочисленные примеры протестных акций. Так, старшеклассник из Ярославля Виталий Лазарянец (кстати, сын директора крупного завода) вышел 7 ноября на демонстрацию с самодельным плакатом, требующим вывода советских войск из Венгрии¹⁴. Распространяются листовки¹⁵. Одной из форм протеста было повреждение памятников Стали-

11 См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. С. 188.

12 Цит. по: Поликовская Л. В. «Мы предчувствие, предтеча...» Площадь Маяковского: 1958–1965. М., 1997. С. 37–38.

13 Померанец Г. Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. № 11. С. 143–144.

14 РГНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 67–68. Донесение, подготовленное КГБ для ЦК КПСС, об антисоветских проявлениях в стране в день празднования 7 ноября 1956 года очередной годовщины октябрьской революции.

15 Там же. Л. 14–15. Направленный КГБ в ЦК КПСС текст одной из антисоветских листовок. О распространении листовок ленинградскими студентами вспоминает известный правозащитник Б. Пустынцев, получивший за это 5-летний тюремный срок: Пять лет за «нашу и вашу свободу» // Общая газета. 1996. 31 октября – 5 ноября. См. также воспоминания другого бывшего политзаключенного — литератора (в 1956 году студента журфака МГУ) Ю. Анохина, писавшего стихи в защиту револю-

ну¹⁶. Протестные настроения охватили часть студенчества Москвы и Ленинграда¹⁷. Некоторые молодые люди были склонны рассматривать выступления своих венгерских ровесников как образец для подражания, своего рода руководство к действию. Так, группа участников семинара литературных переводчиков Литературного института имени Горького весьма бурно отреагировала на официальную версию венгерских событий — во время комсомольского собрания все вскочили со своих мест с криками: «В Венгрии произошла революция. Нам нужна такая же революция, как в Венгрии»¹⁸. Университетская молодежь обращалась к изучению опыта венгерской революции (и в том числе рабочих советов в Венгрии) в контексте критического осмысления современной советской действительности. Выявляется несоответствие этой действительности духу марксистского учения, вы-

.....
ционной Венгрии и распространявшего их в качестве листовок: «С враждебных позиций трактовал венгерский мятеж» // 1956. Осень в Будапеште. М., 1996.

¹⁶ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 594–595.

¹⁷ Студенческое брожение в СССР (конец 1956 года) / Вступительная статья: Ю. Г. Буртин, К. А. Любарский // Вопросы истории, 1997. № 1. С. 3–23; Желицки Б. Й. События 1956 года в Венгрии и отклик на них студенчества Москвы // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. Вып. 2. М., 1993. Студенческие волнения в ряде вузов происходили с конца октября, участники митингов выражали неприятие силовой политики в отношении Венгрии, что дало повод уже 4 ноября обсудить на Президиуме ЦК КПСС вопрос «Об очищении вузов от нездоровых элементов» (См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. редактор А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 202). Наведение порядка в студенческой среде было поручено КГБ СССР (См.: Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 144–145). На «нездоровые настроения» «среди некоторой части студенчества», не только в России, но и за ее пределами, в частности в республиках Прибалтики, обращалось внимание в партийных документах, ознаменовавших собой произошедший вследствие венгерских событий контрреформаторский поворот во внутренней политике СССР. Речь идет прежде всего о Письме ЦК КПСС к партийным организациям от 19 декабря 1956 года «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 398–399. Следует заметить, что венгерские события способствовали усилению гонений на участников неформальных студенческих движений даже в тех случаях, когда прямая критика советской политики в Венгрии на студенческих кружках не звучала.

¹⁸ Пыжигов А. Истоки диссидентства. Молодежь после XX съезда КПСС // Свободная мысль-XXI, 2003. № 12. С. 78–79.

сказываются альтернативные идеи, в то время, как правило, не выходившие за рамки социалистического мировоззрения, даже в тех случаях, когда допускались радикальные методы¹⁹.

Проявления недовольства усилились и в среде рабочего класса. Венгерские события побудили рабочих на предприятиях в разных районах СССР к выдвижению своих социальных требований. Учащаются острые выступления на партсобраниях, в ряде мест звучат призывы к забастовкам²⁰. Активизируются национальные движения, прежде всего в Прибалтике. В Вильнюсе и Каунасе в субботу 2 ноября в католический праздник день поминовения усопших происходят массовые шествия, угрожавшие выходом ситуации из-под контроля властей²¹. Многочисленные случаи выражения солидарности с восстанием в Венгрии имели место среди почти 150-тысячного венгерского населения Закарпатской Украины²².

Агентурные донесения КГБ зафиксировали произнесенные в узком кругу жестко критические высказывания ряда видных деятелей культуры и науки. Всемирно известный физик будущий Нобелевский лауреат академик Л. Д. Ландау, общаясь с коллегами и учениками, называл происходившее в Венгрии революцией («благородное дело», «отраднейшее событие», когда «народ-богатырь» сражается за свободу)²³. Мальчишки, устремившиеся

19 «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106–135.

20 Об острых выступлениях на партсобраниях дают представление записки отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР в ЦК КПСС (февраль 1957 года). См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 601–606.

21 Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва, 1992. С. 41. Об отклике на венгерские события в Прибалтике см. также: Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР, 1953–1985 годов. // Отечественная история, 2003. № 4.

22 См.: Dupka Gy. – Horváth S. 56 Kárpátalján. Dokumentumgyűjtemény. Budapest – Ungvár, 1993; Magyar '56 a Kárpát-medencében / Szerk. Dupka Gy., Horváth S. Budapest, 1996. 1–2. köt.; Dupka Gy. 1956 Kárpátalján. Ungvár, 2005.

23 Справка КГБ СССР об академике Л. Д. Ландау. Декабрь 1957 года. / Публикация С. С. Илизарова // Исторический архив, 1999. № 3. С. 151–161. С сокращениями опубликовано также: Общая газета, 1999. № 47. С. 15. Зафиксированные агентурой КГБ высказывания Ландау приводятся далее в тексте по публикации «Исторического архива» без указания страниц журнальной публикации. См. подробно: Стигалин А. С. «Героизм венгерский заслуживает преклонения...» Венгерские события

на баррикады, восставшие против своих поработителей, по мнению великого ученого, — настоящие потомки великих революционеров 1848 года, и «героизм венгерский заслуживает преклонения». Ландау, ни в коей мере не разделявший коммунистических убеждений, придерживавшийся либеральной системы ценностей, видел значение венгерских событий в том, что они нанесли огромной силы удар по чудовищному мифу, иезуитской идее. Он не жалеет эмоций, характеризуя советских лидеров («преступники, управляющие страной, решили забрызгать себя кровью»). При этом, что показательно, академик был последователен в осуждении империалистической политики, присущей не одному лишь Советскому Союзу. Он был резко критичен, например, в отношении Англии, Франции и Израиля за военную акцию против Египта, национализировавшего Суэцкий канал.

Параллели с венгерской революцией 1848 года проводил и известный биолог профессор А. А. Любищев (герой документальной повести Д. Гранина «Эта странная жизнь»). В записке, подготовленной не для печати, он отмечал, что Франц-Иосиф в 1849 году все-таки имел хоть какие-то основания претендовать на роль законного правителя Венгрии, «Кадар же, ни с какой точки зрения, законным правителем считаться не может»²⁴.

Венгерские события совпали по времени с выставкой Пабло Пикассо в Москве, первой после того, как с началом «оттепели» был немного приоткрыт «железный занавес». 3 ноября, вернувшись домой после ее посещения, профессор МГУ историк С. С. Дмитриев сделал в дневнике не слишком длинную, но предельно выразительную запись: «Главная тема всех разговоров — события в Венгрии. Судя по всему, не сегодня, так завтра начнется открытая военная интервенция СССР против Венгрии. Раздавят венгерский народ и зальют еще раз кровью землю Вен-

1956 года в откликах двух российских ученых // Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В. В. Марьиной / отв. редактор К. В. Никифоров. М. – СПб., 2013. С. 145–168. Интернет-версия: Венгерские события 1956 года в откликах двух российских ученых // Сайт общества «Мемориал» «Уроки истории. XX век» (ноябрь 2014 года).

²⁴ Любищев А. Венгерская трагедия / Публикация М. Д. Голубовского // Новое время, 1991. № 43. С. 41.

грии»²⁵. Предчувствие, в общем, не обмануло московского историка, видного специалиста по отечественной истории XIX в., неоднократно упоминавшего в своих работах о военной акции фельдмаршала И. Ф. Паскевича по подавлению в 1849 году венгерской революции.

День решающей военной акции 4 ноября Дмитриев назвал «черным воскресеньем». В дневнике он не просто зафиксировал событие, но дал ему четкую оценку: «Стыдно быть русским. Стыдно потому, что хотя венгров подавляет не русский народ, а коммунистическая власть СССР, но русский народ молчит, ведет себя как народ рабов... Его совесть спит, его сознание обмануто, в нем нет протеста против этих черных дел... Не может быть свободна нация, которая подавляет другие народы...»²⁶.

Если венгерский радиослушатель зачастую мог черпать сведения от западных «голосов», то у подавляющего большинства советских граждан такой возможности не было — сказывалась дальность расстояния, позволявшая глушить передачи из-за рубежа. Живя в Москве, профессор Дмитриев был оторван от каких-либо источников информации помимо официальных. Брать же на веру стереотипы партийной пропаганды решительно отказывался. Восстание в Венгрии, по его мнению, имело национально-освободительный характер. Оно одержало победу — смело старое правительство и старую правящую партию, создало новые власти и иные партии. «Вооруженная интервенция СССР подавила это восстание. Но подавила только силой, грубой материальной силой, оружием и превосходством сил... Каковы же итоги? С помощью оружия и ценою крови внешнее единство социалистического лагеря .....

²⁵ Отечественная история, 2000. № 2. С. 149. Подробнее о выставке Пикассо в контексте времени см. в настоящей книге очерк об И. Эренбурге

²⁶ Там же. О позиции С. С. Дмитриева в связи с венгерскими событиями см. подробнее: *Стыкалин А. С.* «О делах несчастной Венгрии лучше не писать...» Венгерские события 1956 года в откликах российского историка С. С. Дмитриева // *Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Материалы международной научной конференции будапештского Центра русистики, май 2012 года.* (Серия «Книги по русистике». XXXVI) / гл. редактор Дюла Свак. Будапешт, 2012. С. 215–227.

во главе с СССР сохранено. От идеи сосуществования остались одни обломки. О морально-политическом единстве социалистического лагеря говорить не приходится»²⁷.

Жестокие меры по подавлению венгерской революции лишь утвердили Ландау, как и Дмитриева, в их представлениях об изначально антидемократическом характере системы, созданной в результате событий октября 1917 года и отнюдь не изменившейся и после сенсационных разоблачений Хрущевым Сталина на XX съезде КПСС. По глубокому убеждению профессора Дмитриева, настоящая демократизация невозможна при сохранении однопартийной системы. Он пишет: «не может быть демократии без действительной (а не декларативно-бумажной) свободы печати и свободы личности. А обеспечить их при помощи диктатуры аппарата единственной, и правящей к тому же, партии невозможно»²⁸. Надо ли говорить о том, насколько крамольными были эти взгляды с точки зрения установок XX съезда, ни в коей мере не посягнувшего на монополию правящей партии. Дмитриев не скрывал своего скептического отношения ни к сенсационному докладу Хрущева о «культе личности» в конце работы XX съезда (информация об этом докладе зачитывалась на открытых партсобраниях), ни к постановлению от 30 июня 1956 года, призванному установить более четкие границы в критике Сталина. Хрущев и его окружение, по мнению московского профессора, пытаются все свести к умеренной критике прошлого, пресечь всякие размышления о ныне действующем политическом режиме. Любые рассуждения о деформации общественного строя в СССР, о том, что корни культа личности заложены в природе советской системы, объявлены по меньшей мере глубоко ошибочными, а значит, оба эти документа, по убеждению Дмитриева, уводят мысль от фактов и лишь способствуют оживлению тех могущественных сил, которые являются носителями этого так называемого «культа

.....
²⁷ Записи от 24 ноября и 11 декабря 1956 года Отечественная история, 2000. № 2. С. 150–151.

²⁸ Запись от 3 июня 1956 года. Там же. С. 143–144.

личности»²⁹. Отмечал он и симптомы создания нового «культа личности», насаждаемого пропагандой.

Профессор А. Любищев, который в отличие от либерала Ландау и консерватора Дмитриева считал себя приверженцем социалистической идеи, писал, что в Венгрии произошла не контрреволюция, а прогрессивное восстание, пускай даже к нему примазались и бандиты), — прогрессивное, поскольку вопреки всем декларациям реальная власть в СССР принадлежит не рабочим и крестьянам, а сталинистскому классу партийных олигархов, который, сталкиваясь с законными требованиями масс, аргументирует танками и военно-полевыми судами. Свержение этого класса, по мнению Любичева, есть прогрессивная задача даже в том случае, если произойдет временное усиление капиталистических элементов³⁰.

В дни, когда проливалась кровь на улицах Будапешта, в Москве ходили слухи о том, что волнения вот-вот перекинутся в соседнюю Чехословакию. Л. Ландау видел в этом знак позитивных перемен. Еще год назад, говорил он, никто не мог помыслить о революции; но теперь думать о ней уже не смехотворно. По мнению крупнейшего физика, она произойдет и в СССР, это не абсурд. Проф. Любищев развивал в декабре 1956 года сходные идеи: «До венгерского восстания возможность активного внутреннего сопротивления советскому режиму считалась, по-видимому, исключенной. Венгры показали, что борьба возможна»³¹.

Как явствует из донесений КГБ, венгерские события многих заставили задуматься над возможностью оппозиционных выступлений в СССР. В г. Владимире приглашенный на комсомольское собрание коммунист с 35-летним стажем говорил о том,

29 Запись от 2 июля 1956 года. Там же. С. 144.

30 Любищев А. Венгерская трагедия. С. 42–43. Хрущев, как продолжает Любищев, пытается хулить Сталина, не осуждая сталинизма, однако венгерская революция заставляет мыслящих людей сделать этот необходимый шаг. Значение венгерских событий, как резюмировал профессор, заключается в том, что это «первый страшный удар по сталинизму в международном масштабе, важный именно тем, что он нанесен не капиталистами, а рабочими и прогрессивной молодежью».

31 Там же.

что в Венгрии восстал рабочий класс, и это может случиться и в Советском Союзе, поскольку уровень жизни нельзя считать удовлетворительным³². Другие были настроены более реалистически. Проф. С. Дмитриев, реагируя на слухи о возможных забастовках шахтеров Донбасса, писал о том, что стихийные проявления народного негодования бессильны в борьбе против огромного партийно-советского аппарата и всех средств пропаганды, находящихся в его ведении³³. Надо сказать, что перспективы волнений в среде пролетариата оценивались в обществе с настороженностью — существовали опасения гражданской войны, а старшие поколения еще помнили гражданскую войну 1918–1920 годов. Недостаток объективной информации о происходящем в Венгрии только усиливал опасения остродраматического развития событий.

Консолидация в Венгрии новой власти придавала все больше уверенности сталинистам в СССР. Обстановка партсобраний все более напоминала Дмитриеву атмосферу разгромных дискуссий 1948–1950 годов, когда в СССР боролись с «буржуазным космополитизмом». «Сталинисты заметно оживились повсюду», — записал он 29 ноября³⁴. Через месяц, 30 декабря, под впечатлением от обсуждения на партсобрании закрытого письма ЦК КПСС с осуждением слишком вольного поведения советской интеллигенции он отмечал: «Дела домашние идут в сторону закручивания гаек»³⁵. Незадолго до этого, выступая на декабрьском пленуме ЦК КПСС, Хрущев излагал свое видение происходящего в стране и задач, стоявших в этой связи перед властью: «Я считаю, что у нас в партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из заключения. Но там не только чистые были. Там и очень нечистые были — троцкисты, зиновьевцы, правые, всякая шваль. Теперь их тоже освободили. Некоторые из них восстановлены в партии. Большинство правильно восстановлено в партии, это честные люди, мы должны

.....
³² Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 годах. С. 193.

³³ Отечественная история, 2000. № 2. С. 149.

³⁴ Там же. С. 151.

³⁵ Там же. С. 152.

их окружить заботой и вниманием, но восстанавливались и те, которые являются врагами нашей партии. Они сейчас болтают всякий вздор, а наши товарищи лапки сложили и держат нейтралитет. Это неправильно. Надо дать отпор таким людям, надо исключать из партии, если они будут проводить разлагающую работу в партии, надо арестовывать. Другого выхода нет. Мы должны правильно проводить внутрипартийную демократию, рабочую демократию, но с врагами мы должны вести жестокую борьбу, иначе мы будем недостойны своего положения руководителей партии и страны»³⁶. А через несколько месяцев, 13 мая 1957 года, в одной из бесед с деятелями культуры первый секретарь ЦК КПСС заметил, что борьба с культом личности теперь «является для нас уже пройденным этапом». Там же, вспоминая годы юности, оратор поведал об опасности детской игры со спичками, — игры, в результате которой возникали пожары, и между прочим предупредил слушателей, что у властей име-

36 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 114–115. С выступлением Хрущева на пленуме перекликалось утвержденное Президиумом ЦК 19 декабря Письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 393–401. Это письмо, зачитывавшееся на партсобраниях, придало уверенности ожившимся сталинистам. В записке отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР от 12 февраля 1957 года отмечалось: «Если раньше коммунисты, боясь, чтобы их не обвинили в зажиме критики, не давали должного отпора тем, кто допускал демагогические и антисоветские высказывания, то письмо ЦК внесло полную ясность в этот вопрос, вооружило партийные организации в их борьбе с демагогами» (Там же. С. 601). Вместе с тем острые выступления продолжались и после письма ЦК КПСС. Так, на партсобрании на Ярославском автозаводе звучали высказывания о том, что «ошибки, допущенные Венгерской партией трудящихся, являются ошибками нашей партии и правительства. Эти ошибки обходятся по существу в миллионы и миллиарды рублей. За эти ошибки министров нужно судить» (Там же. С. 604). На встрече Нового, 1957 года в Кремле Хрущев поднял бокал в честь Сталина, а через две недели на приеме в китайском посольстве по случаю приезда Чжоу Эньлая заявил, что «имя Сталина неотделимо от марксизма-ленинизма» (Правда. 1957. 19 января). Все это не могло не вызывать соответствующей реакции в обществе. На собрании парторганизации строителей Куйбышевской ГЭС один прораб резонно заметил: «руководители партии и правительства что-то поднапустили с критикой культа личности Сталина, сначала осудили его, а теперь снова начали восхвалять» (Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 602).

ются способы борьбы как с пожарами, так и с опасными играми в спички³⁷. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись незамедлительно. «Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов», — вспоминал писатель В. Каверин³⁸. Слова не расходились с делом: количество политзаключенных в СССР возросло в 1957 году по сравнению с 1956 годом³⁹.

Процесс по делу Имре Надя в июне 1958 года показал, что любой «ревизионистский» уклон при желании можно раздуть до масштабов уголовного преступления, караемого смертной казнью, и что методы устранения политических конкурентов, вошедшие в норму при Сталине, не ушли в прошлое, они могут быть применены и теми, кто публично отрекся от мертвого вождя. Советская интеллигенция отреагировала на несправедливый суд и казнь венгерского премьер-министра. Профессор С. Дмитриев записал 25 июня в дневнике: «Казнить людей за политические взгляды присуще любому недемократическому правлению: Ивану IV Грозному, Сталину, испанским королям прошлого. Присуще и современному советскому правлению. Скажут: так-то природа диктатуры пролетариата; в казнях выражается сила диктатуры. Но сила ли выражается в том, что против идей применяют пушки, против критиков расстрелы? “Ревизионистов”, конечно, можно переловить, засадить в лагеря, расстрелять, облить помоями. Но взгляды их, идеология “ревизионизма” будут такими приемами побеждены?» Нет, отвечает на самим собой

.....
³⁷ «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н. С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 года // Источник, 2003. № 6. С. 77–88.

³⁸ Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 375. В Венгрии примерно в это же время был арестован ряд видных писателей и деятелей культуры.

³⁹ Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история, 2003. № 4; Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 годы. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005; 58. 10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / редакторы В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М., 1999.

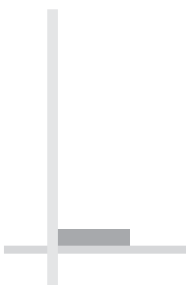
поставленный вопрос Дмитриев, они лишь перестанут на какое-то время внешне обнаруживаться. И только⁴⁰.

Итак, сколь ни была массивированной «обработка мозгов» в Советском Союзе, не все поддались соблазну пойти по легчайшему пути принятия готовых идеологических клише, позволили усыпить свою совесть изо дня в день повторяемыми формулами об угрозе империализма социалистическим завоеваниям и т.п. Найдя в себе силы для сопротивления мощному давлению гигантской пропагандистской машины, профессор С. С. Дмитриев и академик Л. Д. Ландау (да и не только они) сохранили тем самым осенью 1956 года честь российской интеллигенции.

.....
⁴⁰ Отечественная история, 2000. № 4. С. 153.

Илья Эренбург
и осень 1956 года
К истории
взаимоотношений
писателя с хрущевской
партийной элитой
и левой интеллигенцией
Запада

Не только многогранное творчество Ильи Эренбурга (прозаика, поэта, публициста, мемуариста, переводчика), но и его общественная деятельность, вся его биография, насыщенная множеством ярких событий, по-прежнему привлекают внимание исследователей (литературоведов и историков), да и более широкой читающей публики. Продолжается публикация обширного творческого наследия писателя, в том числе его переписки¹. В библиотеке РАН в Санкт-Петербурге ведется работа по составлению многотомной хроники жизни и творчества писателя². Благодаря составителям хроники В. Попову и Б. Фрезинскому остается все меньше непроясненных моментов в биографии писателя. Выходят новые обстоятельные исследования биографического плана, в которых Илья Григорьевич Эренбург

¹ *Эренбург И.* На тонущем корабле. Статьи и фельетоны 1917–1919 гг. / Составление и послесловие А. И. Рубашкина. СПб., 2000; *Эренбург И.* Война. М., 2005. Вышла 2-томная переписка И. Г. Эренбурга, подготовленная Б. Я. Фрезинским: Дай оглянуться. Письма 1908–1930 гг. М., 2004; На цоколе истории. Письма 1931–1967. М., 2004. Отдельное издание составили письма, адресованные Эренбургу: «Я слышу все...» Почта И. Эренбурга. 1916–1967 / Составитель Б. Фрезинский. М., 2006. В 2012 году со вступительной статьей Б. Я. Фрезинского переиздана и книга 1957 года «Французские тетради», подвергавшаяся критике как «идеологически вредная».

² *Попов В. В., Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях прессы, свидетельствах современников). Т. 1. 1891–1923; Т. 2. 1924–1932; Т. 3. 1933–1935; Т. 4. 1936–1941; Т. 5. 1941–1945. СПб., 1993–2001.

(1891–1967) предстает в контексте своей эпохи — не только как художник, но и как политик; особенно большой вклад в изучение его биографии и творчества внес Б. Я. Фрезинский³.

При всем обилии работ дальнейшее изучение жизненного пути писателя, а также восприятия его творчества в СССР и за его пределами не лишено перспектив, что связано с продолжающимся

³ Есть подробные биографические очерки, концентрирующие внимание на отдельных этапах жизни и творчества писателя. См., например: *Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург в Киве (1918–1919) // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 22. СПб., 1997. С. 248–335. Исследована роль И. Эренбурга в подготовке международного антифашистского конгресса писателей (1935 года): Он же. Великая иллюзия — Париж, 1935 (Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры) // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 24. СПб., 1998. С. 166–239. Из других биографических работ см.: *Рубашкин А. И.* Илья Эренбург: Путь писателя. Л., 1990. В неразрывной связи с изучением творчества Эренбурга, особенно его романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», поднималась, уже не столько в биографическом, сколько в философско-мировоззренческом плане, проблема его отношения к революции и большевизму в первые годы советской власти (См., в частности: Революция и провокация. О романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» // *Земляной С.* Штрихи к портрету минувшего века. М., 2004). С начала 1990-х годов все активнее разрабатывается проблема «Эренбург и еврейство», творчество писателя рассматривается в контексте еврейской культуры и общественных движений XX века. См.: *Парамонов Б. М.* Илья Эренбург: Портрет еврея. СПб., 1992. На основе документов воспроизводится и точка зрения Эренбурга на еврейский вопрос, а также реакция общественного мнения на его трактовку этого вопроса: «Против попыток воскресить еврейский национализм». Обращение Эренбурга к Сталину // *Источник*, 1997. № 1; *Фрезинский Б. Я.* Еврейская тема мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» — в почте «Нового мира» за 1961 год. // *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1998. № 2. С. 157–164. См. также сборник работ об И. Г. Эренбурге его биографа Б. Я. Фрезинского, итог его многолетних очень скрупулезных штудий: *Фрезинский Б. Я.* Об Илье Эренбурге (Книги, люди, страны). М., НЛО, 2013. В книге Б. Сарнова (Случай Эренбурга. М., 2004) размышления о жизни и творчестве И. Г. Эренбурга перемежаются с воспоминаниями о нем.

В 1980–1990-е годы творчеством и общественно-политической деятельностью И. Эренбурга много занимались и за пределами России. См., например, американское биографическое исследование, охватывающее весь жизненный путь писателя: *Rubinstein J.* Tangled loyalties: The life and times of Ilya Ehrenburg. New York, 1996 (на русском языке: Рубинштейн Дж. Верность сердцу и верность судьбе. Жизнь и время Ильи Эренбурга. СПб., 2002). Из работ на французском языке см.: *Berard E.* La vie tumultueuse d'Ilya Ehrenburg. Paris, 1991. Можно выделить также британскую монографию: *Goldberg A.* Ilya Ehrenburg. Writing, politics and the art of survival. London, 1984. Как можно судить по подзаголовку этой книги, западными авторами проявляется особый интерес к «искусству выживания» крупного русского писателя, который, нанеся непоправимый урон своей международной репутации, в 1930-е годы всецело поддерживал политику Сталина и даже прославлял ее, но позже, в 1950–1960-е годы, последовательно многих других выступал за либерализацию советского режима.

введением в научный оборот еще сравнительно недавно засекреченных документов из российских партийных и отчасти дипломатических архивов. Расширение круга источников позволяет не только дополнить новыми конкретными фактами биографию писателя, но и глубже изучить характер взаимоотношений советской власти с одной из центральных фигур литературной жизни СССР на протяжении целого ряда десятилетий, человеком, чья активная творческая и общественная деятельность нередко приобретала международный резонанс.

Дальнейшее изучение жизненного пути Эренбурга не только важно само по себе, в силу значимости места, занимаемого им в литературном процессе и литературной жизни СССР целой эпохи. Феномен Эренбурга интересен и в более общем плане — при размышлении над проблемой взаимоотношений художника левых, социалистических убеждений, последовательно приверженного вместе с тем принципам свободы творчества, с тоталитарной властью, пытавшейся подчинить литературу и искусство выполнению узкого политического заказа. Драматическая история отношений Эренбурга с советской властью — это история не только его неизбежных далеко идущих компромиссов и моральных падений, но и отчаянных попыток расширить пределы возможного в культурной жизни коммунистического государства, в том числе едва ли не в первую очередь в сфере культурных контактов с Западом.

Одна из глав широко известных мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» посвящена посещению им Будапешта в октябре 1955 года. Отправившись в Вену на заседание бюро Всемирного Совета мира, Эренбург — вице-президент этой организации с 1950 года и вице-председатель Советского комитета защиты мира — вместе с председателем Советского комитета защиты мира поэтом Николаем Тихоновым были вынуждены остановиться в Будапеште из-за нелетной погоды. Их принял венгерский партийный лидер М. Ракоши, попросивший провести вечер с писателями Венгрии. Сказав, что в писательской среде создалась нездоровая атмосфера, он, однако, не вдавался в детали. Конечно, Эренбург и Тихонов не знали, что как раз в эти дни большая группа писателей и деятелей культуры обратилась в руководство Венгерской партии трудящихся с меморандумом протеста против

ущемления творческих свобод, несколько человек демонстративно вышли из правления писательского союза⁴. Но напряженность среди литераторов не могла не остаться незамеченной советскими гостями. Встреча проходила в весьма накаленной обстановке. Присутствовавшие в зале были чем-то озабочены, возбужденно общаясь друг с другом, лишь 70-летний, много выдавший на своем веку знаменитый философ и критик Дьердь Лукач невозмутимо курил сигару. Позже Эренбург вспоминал: «Я решил выбрать спокойную тему: писатель, когда он пишет для газеты, должен видеть перед собой не редактора, а читателя, найти слова, которые дойдут до него, должен отстаивать право говорить своим языком и не давать редактору вычеркивать красным или синим карандашом любое незатасканное слово»⁵. Едва он кончил, его венгерские собеседники перевели разговор на более конкретную тему. Речь зашла о том, что нашумевшая в СССР повесть Эренбурга «Оттепель», будучи переведенной на венгерский язык, не достигла тем не менее книжных прилавков, поскольку ее издали тиражом всего 100 экземпляров, предназначенных для узкого круга партийной элиты. Этот показательный факт Эренбург, не желая заострять углы, разумеется был склонен оставить без комментария. Вечер закончился, казалось бы, без видимого скандала. Писатель продолжает в мемуарах: «Я так и не понял, что приключилось с венгерскими писателями; ясно было одно: они недовольны. Когда мы вернулись в гостиницу на островке (имеется в виду остров Маргит — А. С.), я спросил Тихонова, почему Ракоши нас отправил к писателям. Николай Семенович ответил: «А бог его знает. Атмосфера действительно странная...» «Завтра придется выступать в Вене, говорить

4 Подробнее см.: *Rainer M. János. Az író helye. Viték a magyar irodalmi sajtóban 1953–1956.* Budapest, 1990; *Середа В. Т., Стыкалин А. С.* Из истории одного противостояния: союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 1950–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 93–145.

5 Огонек. М., 1987. № 23. С. 22. Далее в статье мемуары Эренбурга цитируются без указания страниц по первому изданию обеих «венгерских» глав, которое стало возможным лишь во время горбачевской «перестройки» (См.: Там же. С. 22–26). Первое книжное издание, включающее эти главы: *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 томах. Издание исправленное и дополненное / Подготовка текста И. И. Эренбург, Б. Я. Фрезинского. М., 1990.

о «духе Женевы»⁶, о европейской безопасности. Хорошо, но что здесь происходит? Писатели озлоблены. Почему Ракоши нас не предупредил? Я понял все, но не в ту ночь — год спустя», — завершает Эренбург небольшую венгерскую главу своих мемуаров⁷.

О том, что произошло по приезде Эренбурга и Тихонова в Москву, мы узнаем уже из документов аппарата ЦК КПСС, хранящихся в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и в последние годы опубликованных. Встреча Эренбурга с венгерскими писателями проходила в присутствии представителей советского посольства, которые вскоре, как выясняется из последующей переписки, направили в центр письмо о содержании беседы⁸. Согласно версии посольства и посла Ю. В. Андропова, позже изложенной в записке отдела культуры ЦК КПСС, «Эренбург допустил в этой беседе высказывания, которые были использованы для оправдания своих позиций сторонниками правого антипартийного уклона в венгерской литературе. Отвечая, например, на вопрос о соотношении идейного руководства литературой и свободы творчества, Эренбург заявил, что он больше всего на свете не любит красного и синего карандаша редактора, что он не согласился с критикой в советской печати его повести «Оттепель» и пишет ее вторую часть»⁹. Эренбург с ирони-

⁶ Речь идет о Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции (18–23 июля 1955 года), обозначившем перспективу некоторого смягчения международной напряженности.

⁷ См. также: *Фрезинский Б. Я.* Какие были надежды! И. Эренбург — Н. Тихонову, 1925–1939; О Н. Тихонове, 1922–1967 // *Вопросы литературы*, 2003. № 3. С. 255–257.

⁸ Документ не известен.

⁹ Первая часть повести «Оттепель» была опубликована в журнале «Знамя» в № 5 за 1954 г., вторая часть в том же журнале в № 4 за 1956 г. При всей своей художественной незначительности эта повесть вошла в ряд произведений, ознаменовавших собой поворот к новым веяниям в советской литературе, стремившейся к освобождению от жестких догматов сталинско-жdanовской эстетической ортодоксии. Более того, она дала определение целому периоду в истории СССР, пришедшему на первые годы после смерти Сталина. И сделала это явно вопреки тому, как понимал суть происходящих в стране перемен новый лидер партии и страны Н. С. Хрущев. «Хрущев не раз говорил и на больших совещаниях, и в узком кругу, что нельзя допускать идеологической разболтанности, из которой, по его мнению, в общественной жизни могут возникнуть неуправляемые процессы. Он, например, не очень-то ценил эренбурговское определение «оттепель», считал, что иная оттепель может обернуться катастрофическим паводком. Эту позицию Хрущева использовали довольно уме-

ей говорил о так называемом «социальном заказе», претензиях рабочих к писателю создавать о них книги, утрированно и пренебрежительно характеризовал советский производственный роман¹⁰. В высказываниях Эренбурга сквозило нигилистическое отношение ко всему опыту развития советской литературы»¹¹. Как резюмировали в отделе культуры ЦК КПСС на основании донесения посольства, «фрондерские, рассчитанные на эффект заявления Эренбурга» «бурно приветствовались сторонниками правого мелкобуржуазного уклона и использовались в качестве аргумента в защиту «свободы творчества», против идейного партийного руководства литературой»¹².

.....
ло», — вспоминает его зять известный журналист Алексей Аджубей (*Аджубей А. Те десять лет // Знамя, 1988. № 7. С. 101*).

Повесть «Оттепель» была подвергнута критике за «субъективизм» и «искаженное изображение советской действительности» в ряде выступлений на втором съезде советских писателей в декабре 1954 года. Критические высказывания звучали и позже, даже уже после XX съезда КПСС (См., например, редакционную статью «Жизнь и литература»: Литературная газета, 8 мая 1956 года). Сам Эренбург не во всем соглашался с критикой. Выступая на втором съезде советских писателей, он говорил, что вообще воспринимает суждения литературных критиков не как вердикт, а как приглашение к дискуссии, что в корне противоречило практике, сложившейся в сталинские годы.

¹⁰ См. его статью «О работе писателя» (*Знамя, 1953. № 10*), ставшую одним из первых в послесталинский период программных выступлений той части творческой интеллигенции, которая боролась за коренное обновление литературной, художественной жизни. А. Чехов и Л. Толстой, как заметил он в этой статье, не получали социальных заказов, писали только по внутреннему побуждению.

¹¹ Записка отдела культуры ЦК КПСС от 4 января 1956 года. См.: *Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2001. Док. № 117. С. 466.*

¹² Там же. О посещении Эренбургом и Тихоновым Будапешта вспоминает в своих мемуарах и Ракоши. Он давно ждал приезда в Венгрию советских «литературных генералов», надеясь, что общение с ними внесет успокоение в ряды писателей. Нелетная погода предоставила ему случай для проведения встречи, однако венгерскому партийному лидеру пришлось сильно разочароваться. В своих воспоминаниях Ракоши ошибочно (а возможно, и сознательно) относит этот эпизод к месяцам, последовавшим за XX съездом КПСС (февраль 1956 года), и привязывает к проблеме, которой уделяет в мемуарах немало страниц — речь идет о роковом, с его точки зрения, воздействии XX съезда КПСС на судьбы мирового коммунистического движения. Антипартийные настроения, пишет он, «получали импульсы и из Советского Союза. К примеру, однажды для оказания положительного влияния на настроения венгерских писателей я попросил прислать к нам из Советского Союза нескольких известных писателей, которые на основе решений XX съезда КПСС могли бы объяснить нашим писателям, где и в чем

После того, как дипломатическое донесение из Будапешта оказалось в аппарате ЦК КПСС, от Эренбурга, несмотря на его статус беспартийного, не могли не потребовать объяснений. 8 декабря 1955 года он обратился к члену Президиума, секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову с письмом, в котором указал на неверную интерпретацию своего выступления. «Говоря о работе писателя и о роли редактора, я сказал, как я это и неоднократно писал, что не люблю слишком легкого движения синего или красного карандаша редактора, который вычеркивает непривычно свежий образ или оборот. Разумеется, я не придавал слову «красный» применительно к карандашу того значения, которое, по-моему, могут ему придать разве что американские журналисты»¹³. Впрочем, Эренбург признал, что некоторые из заданных ему вопросов могли носить «провокационный» характер, который в то же время оставался для него непонятным, поскольку он не был в должной мере осведомлен о положении дел в венгерской литературе и не знал присутствующих лиц. Не знал он и о том, что его повесть «Оттепель», в сущности, рассматривалась в Венгрии как полузапретное произведение. В письме Эренбурга сквозила и явная обида на венгерских коллег-писателей последовательно «партийной» ориентации, с подачи которых, как он, вероятно, не без оснований полагал, и был дан ход жалобе, адресованной в высшие московские инстанции: «мне думается, что если то или иное мое выражение показалось дающим повод для кривотолков, то венгерские товарищи-коммунисты, присутствовавшие на встрече, могли бы мне задать вопросы и рассеять недоразумения, вместо того, чтобы

.....
они заблуждаются. В Будапешт прибыл Илья Эренбург, который своим поведением и выступлениями, напротив, лил воду на мельницу правых элементов. Он заявил, что линию, представленную в его книге «Оттепель», считает по-прежнему правильной и, более того, работает над следующим томом. Дюла Хай и его сторонники с ликованием распространяли эти слова и, ссылаясь на них, доказывали, что советские писатели поддерживают позиции, которые занимают правые венгерские писатели» (См.: «Любям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши / Публикация, вводные статьи и комментарии В. Т. Середы и А. С. Стыкалина при участии А. Д. Чернева, А. А. Чернобаева, А. В. Короткова // Исторический архив. 1999. № 1. С. 25; См. также первое венгерское издание мемуаров: Rákosi Mátyás visszaemlékezések. 1940–1956. Budapest, 1997. II. köt., 1010–1011. о.)

¹³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. Док. 111. С. 452.

впоследствии выдвигать против меня обвинения, на мой взгляд, глубоко несправедливые и обидные»¹⁴.

В отделе культуры ЦК КПСС сочли неубедительными объяснения именитого писателя. Причем его венгерское выступление было поставлено в ряд других его выступлений перед зарубежными писателями и деятелями культуры — недостатка в информации в аппарате ЦК, конечно, не было¹⁵.

Впервые оказавшись в Париже еще в декабре 1908 года 17-летним юношей, Эренбург подолгу жил и много раз бывал во Франции все последующие десятилетия. Он прекрасно владел французским языком и имел, как известно, широкие связи в творческой среде, а потому еще с 1930-х годов активно использовался сталинским руководством для установления и поддержания контактов СССР с левыми интеллектуалами Франции и некоторых других стран¹⁶. Он был одним из очень немногих советских писателей, кому даже в самый разгар холодной войны, в начале 1950-х годов, разрешалось по несколько раз в год выезжать за границу¹⁷. После смерти Сталина и ареста Берии атмосфера страха в советском обществе немного рассеялась и, выезжая в Париж, Эренбург стал позволять себе несколько больше в критике неприемлемых для него явлений советской культурной жизни. В уже упомянутой записке отдела культуры ЦК от 4 января 1956 года говорилось о том, что, выступая в мае 1954 года в Национальном комитете писателей Франции в Париже, «он также утрированно характеризовал советские романы на производственную тему (в Будапеште Эренбург повторил и еще более едко заострил свои суждения), нигилистически отзывался о совет-

.....
¹⁴ Там же.

¹⁵ Документы из фондов ЦК КПСС, отражающие реакцию партаппаратчиков на творчество, общественную деятельность и международные связи И. Г. Эренбурга в «эпоху Хрущева», представлены в сборниках: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы; Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964 // отв. ред. Н. Г. Томилина. М., 2005.

¹⁶ См.: Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / отв. ред. Т. В. Балашова. М., 2002. Раздел III. Глава 5. Из фонда И. Г. Эренбурга (подготовили М. А. Ариас и Т. В. Балашова). О французских связях Эренбурга см. среди прочего: Фрезинский Б. Я. «... Черт меня дернул влюбиться в чужую страну» (Пять сюжетов из истории франко-советских культурных связей) // Всемирное слово, № 13. СПб., 2000. С. 77–85.

¹⁷ См. воспоминания И. М. Майского: Вопросы литературы, 1990. № 11/12.

ской критике и литературе, не указал никаких ее положительных и поучительных сторон»¹⁸. В октябре 1955 года, встречаясь в Москве с известным мексиканским художником Давидом А. Сикейросом, писатель говорил, что испытывает усталость от пропагандистского искусства. В отделе культуры ЦК КПСС сложилось мнение о том, что «Эренбург не скрывает свою приверженность к современному буржуазному декадентскому и формалистическому искусству». Войдя в начале 1955 года в редколлегию только что созданного журнала «Иностранная литература», он, как отмечалось в записке от 4 января 1956 года, «старался навязать редколлегии журнала свои взгляды и добиться соответственного заполнения страниц журнала». Так, он выражал «безграничные восторги» по поводу «натуралистической и бескрылой», с точки зрения советских партийных функционеров, повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» (по мнению Эренбурга, в ней «даже слабые места выше тех средних вещей, которые печатаются в [советских] журналах»). Как настоящих писателей Эренбург рекомендовал Уильяма Фолкнера, творчество которого в агитпропе ЦК считали «крайне формалистичным и мрачным», Франсуа Мориака, в котором видели «реакционного католического писателя». В то же время он с пренебрежением отзывался о насквозь политизированных романах редактора «L'Humanité» Андре Стиля, назвал «бездарной и гнусной» пьесу Роже Вайяна «Полковник Фостер признает себя виновным» о войне в Корее. Нелицеприятную оценку Эренбург дал также современному состоянию литератур в странах «народной демократии»¹⁹. В знак несогласия с линией журнала, не соответствующей его эстетическим пристрастиям, писатель вышел из состава редколлегии «Иностранной литературы», что было исключительным явлением в те времена и было однозначно воспринято как фронда²⁰. С журналом он, впрочем, продолжал сотрудничать.

18 Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. Док. 117. С. 467. В том же 1954 году недовольство агитпропа вызвало интервью Эренбурга австрийскому журналу «Брюкке». В аппарате ЦК в связи с этим обращали внимание на «нездоровые настроения и ошибочные высказывания» писателя. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 487. Л. 14.

19 См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. Док. 117. С. 467.

20 Там же. Документы 113, 120. С. 457–459, 477–479. У Эренбурга были свои принципы, свои критерии отбора произведений для журнала, связанные с его отношением не только к современной зарубежной литературе во всем ее многообразии, но и к про-

ничать. Одна из его статей, «Уроки Стендаля» (№ 6, 1957), стала в августе 1957 года предметом нового разбирательства в аппарате ЦК²¹. Слишком независимое поведение Эренбурга вызывало такое раздражение в верхах, поскольку его личные суждения зачастую воспринимались зарубежными деятелями культуры как «мнение доверенного представителя советской литературы»²² и тем са-

.....
 блеме «художник и власть». Его идейно-эстетическую позицию в некоторой мере раскрывают письма, адресованные им в разные годы лидерам партии и государства: «Я не понимаю литературы равнодушной». Письма И. Эренбурга Н. Бухарину, И. Сталину, Н. Хрущеву, Д. Шепилову и др. // Источник, 1997. № 2. С. 109–121.

21 По мнению отдела культуры ЦК КПСС, «обзор творческого пути французского писателя Эренбург использовал как повод для того, чтобы высказать свои фрондерские взгляды на политику в области советской литературы и искусства». Он представил «бессмысленным всякий разговор об отличии социалистического реализма от предшествовавших ему направлений», утверждал, что искусство не терпит контроля извне над художественным творчеством, проводил мысль о том, что люди, находящиеся у власти, не обладают должной компетенцией, чтобы судить о литературе и искусстве. В отделе культуры ЦК полагали, что «подобные выступления в печати наносят идеологический вред». Редакции «Литературной газеты» было рекомендовано выступить с критикой «неправильных утверждений» И. Эренбурга, что и было незамедлительно сделано (Таманцев Н. В чем же все-таки «уроки Стендаля»? // Литературная газета, 1957). Возникшая дискуссия была продолжена (См.: Книпович Е. Еще об уроках Стендаля // Знамя, 1957. № 10). Завершила ее статья одиозного Я. Эльсберга в «Литературной газете» (1957. 29 октября). См. записку отдела культуры ЦК КПСС от 2 августа 1957 года, посвященную разбору мнимых «ошибок» в статье И. Г. Эренбурга «Уроки Стендаля»: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. Док. 194. С. 692–694.

С другой стороны, заметки Эренбурга о Стендале вызвали восторженный отклик известной писательницы Натали Саррот — русская по происхождению, она следила за советской литературной периодикой (См. ее письмо, относящееся к октябрю 1959 года: Диалог культур. С. 456). Отреагировал на них и известный поэт Луи Арагон в «Les Lettres françaises» (1957, 19–25 сентября).

22 Ср. с мнением известного немецкого писателя-коммуниста и партийно-государственного функционера, министра культуры ГДР Иоганнеса Бехера, который, если верить одной из записок, адресованных в ЦК КПСС, заметил в связи со статьей И. Эренбурга «О работе писателя» (1953 год): «немцы в каждом советском человеке видят Советский Союз в целом, поэтому и статью старого крупного писателя И. Эренбурга восприняли как установочную, но не могут ее согласовать со своим установившимся представлением о советской литературе». Как отмечалось в той же записке, «западная печать ухватила за статью Эренбурга и противопоставляет ее высказываниям А. А. Жданова в качестве якобы выдвинутой у нас некой новой официальной точки зрения на советскую литературу» (Записка писателя В. Н. Ажаева «Об откликах в ГДР на статьи И. Г. Эренбурга «О работе писателя» и В. М. Померанцева «Об искренности» от 14 марта 1954 года // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. С. 207–

мым, по глубокому убеждению сотрудников отдела культуры ЦК, были «способны наносить ущерб влиянию советской литературы и советской эстетической мысли на развитие литературы и искусства за рубежом»²³. В записке от 4 января 1956 года было признано целесообразным «пригласить т. Эренбурга в ЦК КПСС и обратить его внимание на непозволительность высказывания им в беседах с зарубежными деятелями литературы и искусства взглядов, несовместимых с нашей идеологией и политикой партии в области литературы и искусства»²⁴. Такая беседа состоялась²⁵, но не имела никакого эффекта, ибо слишком «вольные» выступления Эренбурга перед зарубежной публикой происходили и позже, из года в год. Особое недовольство в верхах вызвало его выступление в Японии весной 1957 года²⁶. Как явствует из рабочей записки заседания

208). С точки зрения М. Шагинян, статья Эренбурга была воспринята в других странах как проявление «ревизиющего отношения к советской литературе», разоблачающего не только низкий уровень книг, но и «продажность», «неискренность», «продиктованность свыше советской литературы» (Письмо М. Шагинян Б. Полевому, в качестве секретаря Союза советских писателей курировавшему деятельность его Иностранной комиссии, от 15 марта 1954 года. // Там же. С. 209).

23 Записка отдела культуры ЦК КПСС от 4 января 1956 г. // Там же. С. 467.

24 Там же. С. 468.

25 Об этом свидетельствует, в частности, помета на тексте вышеупомянутой записки от 4 января, датированная 4 сентября 1956 года Беседу в соответствии с поручением секретаря ЦК КПСС Д. Шепилова должны были провести работники аппарата ЦК КПСС Д. Поликарпов и Б. Юриков (Там же). Очевидно, она состоялась не позже весны. Ведь с начала июня Шепилов работал уже в другой должности — министра иностранных дел СССР. О наставлениях, в разное время полученных в высших партийных органах, Эренбург неоднократно вспоминал в своих мемуарах.

26 В записке отдела культуры ЦК КПСС от 2 августа 1957 года в этой связи отмечалось: «Во время пребывания в Японии весной текущего года И. Эренбург выступил с заявлениями, смыкающимися с буржуазным либерализмом». «Буржуазный либерализм» увидели в том, что, обращаясь к японским писателям с просьбой назвать произведения, которые бы следовало перевести и издать в Советском Союзе, Эренбург вполне резонно заявил: «При отборе произведений желательно исходить не из политических позиций писателя, а из художественных достоинств данного произведения». Приглашая японских литераторов посещать Советский Союз, Эренбург говорил: «Нет ничего интересного в том, чтобы приезжали только так называемые “друзья Советского Союза”. Мы хотим, чтобы приезжали и такие, которые не сочувствуют советскому строю, советской политике. Без этого невозможно взаимопонимание». Причем заявления Эренбурга были опубликованы в бюллетене японского Пен-центра. См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. Док. 194. С. 693.

Президиума ЦК КПСС от 2 января 1963 года, высшее партийное руководство даже приняло неформальное, не зафиксированное соответствующим протоколом, решение «на будущее ограничить поездки Эренбурга» за границу²⁷. Это решение, кстати, не первое в своем роде²⁸, не было в то же время строгим — Эренбург продолжал систематически выезжать за рубеж, в том числе во Францию и Италию, вплоть до резкого ухудшения здоровья незадолго до смерти в 1967 году²⁹.

Надо сказать, что в течение 1963 года вопрос об Эренбурге неоднократно рассматривался на Президиуме ЦК КПСС, прежде всего в связи с публикацией в журнале «Новый мир», хотя и со значительными купюрами, его нашумевших мемуаров «Люди, годы, жизнь», имевших большой читательский отклик³⁰. В ЦК КПСС не были довольны этими мемуарами, считая, что автор не придерживался «классового подхода», допускал «политически сомнительные и ошибочные формулировки»³¹. Это касалось оценок не только некоторых исторических фактов (например, советско-германского сближения 1939 года), но и отдельных персоналий — как политиков, так и деятелей культуры. Не нравилось, в частности, что значительное внимание в книге уделялось писателям, чье творчество считалось «чуждым советскому читателю». 8 марта 1963 года на встрече с творческой интеллигенцией

27 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко; отв. сост. В. Ю. Афиани. М., 2003. С. 669.

28 Так, в 1958 году Союз писателей Швеции пригласил Эренбурга выступить с докладом о советской литературе, однако высшие инстанции не дали писателю разрешения на выезд. В соответствующей резолюции было сказано: «Отдел культуры ЦК КПСС считает нецелесообразным направлять И. Эренбурга для выступления за границей по вопросам советской литературы, поскольку он выражает в подобных выступлениях неверные, нигилистические взгляды и не дает объективного представления о литературе нашей страны» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 64. Л. 63).

29 В 1964 году он посетил и Будапешт, вынес из поездки в Венгрию в период начавшейся либерализации кадаровского режима положительные впечатления, отраженные в тех же «венгерских» главах мемуаров: на книжных прилавках много книг современных западных авторов, интеллигенции не так уж трудно получить загранпаспорта и выехать за рубеж, чтобы своими глазами посмотреть жизнь на Западе.

30 Вокруг мемуаров Ильи Эренбурга (публикация Е. Берар) // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. Редактор В. Аллой. М., 1992 (Париж, 1990). С. 387–406.

31 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 120. Л. 128.

Н. С. Хрущев говорил: «Когда читаешь мемуары И. Г. Эренбурга, то обращаешь внимание на то, что он всё изображает в мрачных тонах». Позиция писателя казалась первому секретарю ЦК КПСС тем более неприемлемой, что «сам тов. Эренбург в период культа личности не подвергался гонениям или ограничениям»³². На другой встрече лидеров партии с творческой интеллигенцией, проходившей в те же дни, еще более резко выступил секретарь ЦК КПСС по идеологии Л. Ильичев, обвинивший И. Эренбурга в лицемерии: восхвалял в свое время Сталина при том, что сомневался в его достоинствах, тогда как другие писатели делали то же самое более искренне³³. Эренбургу доставалось и как покровителю «анархистствующей» литературной молодежи, апологету «безыдейных» течений, стороннику «чрезмерного» либерализма в литературной жизни.

Писателю было предложено внести принципиальные исправления в готовившееся книжное издание новой части мемуаров, но он упорно отказывался это сделать³⁴. Насколько можно судить по доступным документам, в последний раз Президиум ЦК КПСС рассматривал вопрос о нецелесообразности публикации очередной книги мемуаров Эренбурга в виде отдельного тома 17 сентября 1964 года, т. е. за месяц до отстранения Хрущева³⁵. При этом

³² Газета «Правда», 10. 03. 1963.

³³ Газета «Правда», 9–10. 03. 1963.

³⁴ См.: «Эренбург не сделал выводов...» О публикации мемуаров писателя // Источник, 2000. № 2. С. 103–112. В 1962 году в аппарате ЦК готовится решение «запретить дальнейшую публикацию мемуаров без решительной правки и обнародования в центральной печати критических статей, посвященных Воспоминаниям Эренбурга» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 141). Писателю пришлось пойти на некоторые уступки. Проблемы взаимоотношений И. Эренбурга с хрущевским руководством затрагивались в книгах: *Зезина М. Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М., 1999; *Эггеллинг В.* Политика и культура при Брежневе и Хрущеве. 1953–1970 годы. М., 1999. Многочисленные документы РГАНИ, отражающие оценку партаппаратом деятельности И. Эренбурга в этот период, опубликованы в вышеупомянутом сборнике: *Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. Документы.* М., 2005. Большинство из них (включая письма Эренбурга в ЦК) так или иначе касается подготовки к печати его воспоминаний (см.: Там же. С. 405–407, 419–421, 423–426, 522–523, 573, 576–578, 580–581, 646–647, 691–694). Они показывают, сколь серьезные препоны приходилось преодолевать редакции «Нового мира» для того, чтобы мемуары, глава за главой, приходили к читателю.

³⁵ В 1961 году издательство «Советский писатель» выпустило вслед за журнальным вариантом первую и вторую, а в 1963 году после долгих проволочек третью и четвер-

следует заметить, что отношения Эренбурга с Хрущевым не были однозначными и стабильными, они имели свои «приливы» и «отливы». Отчасти это объяснялось субъективными причинами, ведь в отношениях Хрущева с интеллигенцией многое зависело от его переменчивого настроения. Но в некоторой мере это было связано с определенными волнами в культурной политике и — в более общем плане — с приливами и откатами в процессе десталинизации. Достаточно напомнить о вещах общеизвестных: антисталинских решениях XXII съезда КПСС осенью 1961 года, о разрешении на публикацию в 1962 году произведения А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а с другой стороны, о яростных нападках Хрущева на организаторов выставки современного искусства в декабре того же 1962 года и других попытках грубо «одернуть» творческую интеллигенцию, стремившуюся к расширению свободы самовыражения. Согласно одному из свидетельств, летом 1963 года первый секретарь ЦК, пребывавший в благодушном настроении, во время беседы, проходившей в неформальной обстановке, заверил писателя, что тот может печатать всё, что захочет, и для него нет цензуры³⁶. Жестом «прощения» Эренбурга за «прегрешения» перед партийным руководством явилась полная перепечатка «Литературной газетой» 13 августа 1963 года его речи на состоявшемся в Ленинграде конгрессе Европейского сообщества писателей, хотя это выступление содержало ряд неортодоксальных с точки зрения тогдашней советской идеологии положений³⁷. О колебани-

.....
тую книги мемуаров. Завершено и опубликовано в 1960–1965 годах в «Новом мире» было шесть книг. Седьмая оказалась неоконченной.

³⁶ См.: Эггелинг В. Политика и культура при Брежневе и Хрущеве. С. 151–152, 268. Во время последней их встречи, состоявшейся в августе 1963 года, Эренбург говорил Хрущеву о том, что любая идеология должна доказывать своё превосходство над другими в спорах, силой своих идей.

³⁷ Эренбург взял под защиту творчество Джеймса Джойса, Франца Кафки и Марселя Пруста, резко раскритикованных некоторыми выступавшими как столпы модернизма XX века. Он говорил о том, что наряду с авторами, пишущими для широкого читателя, имеют право на существование и авторы для немногих. Этих последних он уподобил «летчикам-испытателям» литературного процесса. Можно согласиться с исследователем творчества писателя А. И. Рубашкиным: «Во время «оттепели» Эренбургу легче стало защищать близкие ему явления поэзии, живописи, театра. [В СССР] Многие именно от Эренбурга (т. е. из его мемуаров, книги 1957 года «Французские тетради», журнальных статей, предисловий — А. С.) впервые узнали о больших явлениях культуры нашего

ях в отношении к Эренбургу партийных верхов свидетельствовало и разрешение на публикацию в «Правде» 12 мая 1963 года интервью главного редактора журнала «Новый мир» А. Твардовского корреспонденту американского агентства ЮПИ, в котором была дана высокая оценка мемуарам Эренбурга³⁸. Все это, однако, не устраняло препятствий, стоявших на пути публикации очередных книг мемуаров.

Некоторое фрондерство Эренбурга в годы послесталинской оттепели не стоит в то же время преувеличивать, оно никогда не переходило определенных границ, находившихся в немалой зависимости от пределов терпимости партийного руководства. О степени лояльности писателя советской власти свидетельствует и его поведение в дни «будапештской осени» 1956 года. Впечатлениям Эренбурга от венгерской революции, когда впервые «пришлось платить по счетам сталинской эпохи», посвящена в его мемуарах отдельная глава³⁹. Признав, что по советским газетам трудно было понять, что происходит в Венгрии, писатель вместе с тем отдал дань широко распространенным стереотипам — о возвращении в эту страну с Запада эмигрантов-хортистов, о том, что «рабочие, возмущенные режимом Ракоши и Герё, боролись с оружием в руках за чуждые им цели»⁴⁰. Но главное было, по его мнению, не в этом:

..... века». Эренбург признавался, что «много в жизни плутал», продолжает автор, «одно было неизменно — преданность культуре» (Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000. С. 796).

³⁸ О позиции А. Твардовского см. его письмо И. Эренбургу: «Это книга долга, книга совести...» // Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1987. С. 297–300.

³⁹ Огонек, 1987. № 23. С. 25–26.

⁴⁰ Впоследствии Эренбург говорил о событиях «будапештской осени» со своим венгерским биографом Палом Фехером, заведующим отделом культуры главной венгерской партийной газеты «Népszabadság». Венгерское восстание писатель не принял, его сильно отпугнула присутствовавшая в нем крайне правая составляющая, которой он, обладая очень ограниченной информацией обо всем происходившем, склонен был придавать преувеличенное, несоразмерное значение. Его убедили в том, что венгерское восстание «началось с того, что четыре еврея были вздернуты на четыре фонаря перед Будапештским горкомом, и это для него решило все» (Свидетельство Б. Я. Фрезинского о беседе с Фехером, в которой нашел отражение один из самых трагических эпизодов венгерской революции — расправа экстремистов над группой безоружных по преимуществу лиц у здания Будапештского горкома партии 30 октября 1956 года. Вопросы литературы, 2003. № 3. С. 257). Надо сказать, однако, что Эренбург получал и другие свидетельства о венгерских событиях. Сохранилось адресованное ему пись-

с началом венгерских событий, пишет Эренбург, «дух Женевы сразу выдохся», и многолетние усилия борцов за мир, независимо от их политических убеждений, могли оказаться тщетными⁴¹.

Еще в конце октября, т. е. за несколько дней до свержения советскими войсками утром 4 ноября правительства И. Надя и приведения к власти полностью контролируемого Москвой правительства Я. Кадара⁴², ряд видных деятелей международного движения сторонников мира обратился в секретариат Всемирного Совета мира с настоятельным требованием, чтобы эта организация откликнулась на венгерские события. Вице-президент Всемирного Совета мира Илья Эренбург, тут же оповещенный об этом из штаб-квартиры движения в Хельсинки, набросал свой проект заявления, который, на его взгляд, удовлетворил бы не только коммунистов, но и так называемых «попутчиков», не склонных выступать с одобрением каждого внешнеполитического шага СССР⁴³. Однако

.....
мо от секретаря шведского комитета защиты мира Свенсона. В прошлом дипломат, четыре года проработавший в Венгрии, вскоре после событий «будапештской осени» он вновь побывал в этой стране, провел в ней две недели. У Свенсона осталось тягостное впечатление от увиденного, но главный вывод, к которому он пришел, заключался в том, что восстание было общенациональным (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 448. Л. 210).

Что же касается открытых антисемитских проявлений в Венгрии осени 1956 года, то они, хотя, по оценке большинства исследователей, и не определяли сути событий, но всё же имели место (погромы в Хайдунанахе, Матесалке и др.). Как бы там ни было, зная о настроениях части общества и опасаясь за свою судьбу, 20–25 тыс. венгерских евреев влилось в 200-тысячный поток беженцев, устремившихся на Запад. См.: *Győri Szabó R.* A kommunista párt és a zsidóság Magyarországon (1945-1956). 2. jav., bőv. kiadás. Budapest, 1997; *Litván György.* Jewish Role in Hungarian Communism, Anti-Stalinism and 1956 // *Király Béla emlékkönyv.* Budapest, 1992.; *Matuz G.* Zsidógyilkosság 1956-ban? Vádak és tévhitak. Budapest, 2004; *Pelle J.* Az utolsó vérvádak. Az etnikai gyűlölet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéből. Budapest, 1995; *Standeisky Éva.* Antisemitizmus az 1956-os forradalomban // 1956-os Intézet Évkönyv XII. Budapest, 2004; *Valuch Tibor.* Kisvárosi történet. Az 1956-os forradalom és a zsidóellenes megmozdulások Hajdúnánáson. Budapest, 2001.

⁴¹ Ср. эти слова с гораздо более оптимистической позицией Эренбурга в начале 1956 года, заявленной уже в самом названии статьи: Доброе начало. О международной обстановке к началу 1956 года // Новое время, 1956. № 1.

⁴² См.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

⁴³ Вот полный текст этого документа, судя по стилистическим шероховатостям, это наспех сделанный перевод с французского языка, на котором Эренбург писал текст оригинала: «Всемирный Совет мира выражает глубокое сожаление, что кровавые события

вместо этого текста в штаб-квартиру Всемирного Совета мира из Москвы был направлен другой, сделанный в ЦК КПСС⁴⁴. Эренбург, ознакомленный с этим проектом, тут же написал письмо Хрущеву. Обосновывая свой нестандартный шаг, т. е. желание «побеспокоить» руководство партии письмом в столь напряженное время, писатель заметил, что речь идет о вопросе, от правильного решения которого в немалой степени зависит будущее движения сторонников мира. Ведь предложенный советской стороной вариант резолюции, по его мнению, вызовет серьезные возражения со стороны многих авторитетных лиц и в результате может развалить все движение. «Речь идет о том, — завершал свое письмо Эренбург, — потеряем ли мы даже те партии или группы, которые идут с нами»⁴⁵.

Как явствует из документов, британское, французское и итальянское движения сторонников мира собирались выступить с общим официальным заявлением в связи с событиями в Венгрии и на Ближнем Востоке (развязанной в те же дни агрессией Великобритании, Франции и Израиля против Египта, национализировавшего в июле 1956 года Суэцкий канал и отказывавшегося идти на компромисс). Затем возникла идея сделать заявление за подписью президента и вице-президентов Всемир-

.....
омрачили жизнь Венгрии, и свою уверенность, что венгерские сторонники мира приложат все усилия к тому, чтобы оградить великие принципы мира и дружбы между всеми народами. Трагический оборот, который приняли события в Венгрии, в сильной степени связан с международным напряжением, все еще существующим, несмотря на усилия народов. Всемирный Совет мира выражает твердую надежду, что впредь венгерский народ сможет мирно трудиться и развивать свои государственные институты без явного или скрытого вмешательства в его жизнь внешних сил. Всемирный Совет мира призывает народы всего мира отстаивать суверенитет ВНР и не допустить использования венгерских событий для нового обострения международной обстановки в целях противных миру» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 30. Л. 9. См. также: Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. С. 624).

⁴⁴ Документ в архивах не обнаружен.

⁴⁵ Письмо Хрущеву датировано 30 октября. Эренбург писал, что в сложившихся условиях движение мира должно представлять собой «политические блоки со взаимными уступками», оно не может просто «повторять шаги советской дипломатии». Учитывая это, он и составил проект заявления, который «отличается от советской точки зрения, но не направлен против нас» (Диалог писателей. С. 624). См. также: Эренбург И. На цоколе истории. Письма, 1931–1967 / Издание подготовил Б. Я. Фрезинский. М., 2004. С. 418–419.

ного Совета мира. В нем предполагалось осудить вмешательство в дела другого государства, прибегнув при этом к такой формулировке, которая не теряла бы своей силы, независимо от того, идет ли речь о венгерских или о ближневосточных событиях. Всё происходившее явно свидетельствовало о принципиально новых тенденциях в деятельности ещё недавно последовательно просоветского международного движения сторонников мира. Эти тенденции обозначились после XX съезда КПСС, сделанных на нем разоблачений сталинской политической практики, а также некоторой корректировки идеологических установок КПСС. (Речь идет о положениях отчетного доклада о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, возможностях предотвращения войн в современную эпоху, многообразии форм перехода к социализму, а также о более толерантном отношении к социал-демократам, что нашло среди прочего выражение в контактах советских лидеров с британскими лейбористами и французскими социалистами весной 1956 года.) Движение сторонников мира в том его магистральном течении, которое приобрело особый размах с конца 1940-х годов, с самого начала находилось, как известно, под сильнейшим влиянием официальной Москвы и активно использовалось в роли пропагандистского инструмента конфронтационной сталинской внешней политики⁴⁶. Однако, всерьез восприняв идеи

.....
⁴⁶ Решающими вехами в процессе становления движения мира в его просоветском «изводе» стали Вроцлавский конгресс деятелей культуры в защиту мира (август 1948 года), Всемирный конгресс сторонников мира (Париж – Прага, апрель 1949 года). Исследователям известно письмо П. Тольятти (начало 1951 года), которым лидер итальянских коммунистов сумел убедить Сталина в целесообразности отдать приоритет всемирному движению сторонников мира как более эффективному, нежели созданное в 1947 года Коминформбюро, механизму мобилизации широких масс на Западе на выполнение тех или иных задач, совпадающих с целями внешней политики Москвы (Адибеков Г. М. Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 156–162). При этом можно согласиться с Н. И. Егоровой в том, что «в глобальном идейно-политическом соперничестве СССР и США в 1950-е – 1960-е годы очень важное место занимала борьба за первенство в отстаивании “идеи мира”, и соответственно образа своей страны как миротворца» (Егорова Н. И. Движение сторонников мира с середины 1950-х до начала 1960-х годов: от кризиса к поиску новых форм // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. Сборник статей / отв. редактор Н. И. Егорова. М., 2012. С. 349).

XX съезда КПСС, некоторые западные активисты движения мира расценили декларированный разрыв со сталинским наследием не в последнюю очередь как предоставление Москвой большей свободы самостоятельных действий тем союзникам коммунистического движения на Западе, которые ранее были связаны с центром жесткой дисциплиной. Оказавшись после хрущевских разоблачений Сталина под угрозой полной потери влияния в западном обществе, движение борцов за мир начало выходить из-под контроля Москвы, медленно отклоняться от заданной линии, претендовать на несколько большую самостоятельность. Эренбург лучше многих других в Москве знал настроения левой и в принципе симпатизировавшей Советскому Союзу западно-европейской интеллигенции и ждал от советского руководства компромиссного решения в интересах сохранения движения мира под советским влиянием.

После телефонного разговора французского литератора и общественного деятеля Эммануэля д'Астье де ля Вижери с Эренбургом активисты движения мира решили воздержаться от первоначально задуманного заявления вплоть до расширенного заседания бюро Всемирного Совета мира, намеченного на 18 ноября⁴⁷. Хотя писателю и удалось воспрепятствовать обнародованию заявления, весьма критичного в отношении советской политики, его изложенная в письме Хрущеву аргументация не была принята Б. Пономаревым, возглавлявшим отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. В письме, адресованном ЦК КПСС, позиция Эренбурга была названа неверной⁴⁸. Решением Президиума ЦК КПСС от 7 ноября советским представителям во Всемирном Совете мира было предписано не давать согласия на опубликование какого-либо документа от имени руководства этой организации, в котором действия советских войск в Венгрии рассматривались бы как вмешательство во внутренние дела этой страны. В случае же, если некоторые иностранные

47 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Д. 30. Л. 4.

48 «По мнению Эренбурга, невозможно в настоящих условиях сохранить единство в движении сторонников мира без какой-либо уступки по венгерскому вопросу. Мы считаем эту точку зрения неправильной». (Там же).

партнеры окажутся очень настойчивы, требуя выступления Всемирного Совета мира по венгерскому вопросу, Советский комитет защиты мира должен был сделать своё заявление, изложив официальную позицию СССР⁴⁹.

Илья Эренбург подробно описывает в своих мемуарах обстоятельства проходившего в Хельсинки 18 ноября расширенного заседания бюро Всемирного Совета мира, где в процессе «длительного и хаотического обсуждения венгерских событий» возникла острая дискуссия относительно сути этих событий и того, насколько адекватной была советская политика. Венгерские события что-то изменили в каждом из нас, участников движения сторонников мира, пишет он. «Я видел немало сессий и заседаний, происходивших в трудных условиях, но ничего похожего на то заседание не мог себе представить. Нужно было сохранить единство движения, хотя приехавшие не только по-разному рассматривали венгерские события, но неприязненно поглядывали друг на друга». В западных странах в эти дни постоянно проходили антисоветские демонстрации. Итальянские социалисты во главе с недавним другом Москвы Пьетро Ненни требовали решительного осуждения СССР, их блок с коммунистами оказался под угрозой, происходила бурная дискуссия и внутри итальянской компартии, самой сильной из западных компартий⁵⁰. Кризис левого движения продолжал углубляться

49 Т. е. заявить, что «контрреволюционный мятеж реакционных сил в Венгрии, направленный против жизненных интересов венгерского народа и приведший к разгулу жесточайшего террора против прогрессивных сил страны, являлся угрозой делу мира и безопасности в Европе». Президиум ЦК утвердил телеграмму послу СССР в Париже С. А. Виноградову с просьбой через «французских друзей», очевидно коммунистов, разъяснить президенту Всемирного Совета мира Нобелевскому лауреату Федерику Жолио-Кюри «правильное понимание событий в Венгрии» (Там же. С. 1–2). Правительство Имре Надя к этому времени было уже свергнуто советскими войсками, сам же И. Надя с группой соратников и членов их семей рано утром 4 ноября нашел убежище в югославском посольстве (подробнее см.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. Глава 4).*

50 Как известно, лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти в своих выступлениях после XX съезда КПСС последовательнее других коммунистических деятелей такого уровня выступал за преодоление сталинского наследия, чем завоевал популярность среди коммунистов-реформаторов всего мира. Его июньское программное интервью о бюрократическом перерождении общественной системы, сложившейся в СССР при Сталине (подвергнутое критике в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года), возымело, в частности,

во Франции, где коммунистический лидер Морис Торез в отличие от своего итальянского коллеги Пальмиро Тольятти не проявлял какой-либо склонности к кардинальному пересмотру сталинского наследия. Из общества франко-советской дружбы в знак протеста против советской политики вышли многолетний лидер радикальной партии премьер-министр и министр иностранных дел времен Третьей республики престарелый политик Эдуард Эррио (совсем недавно, в 1955 году, получивший как старый симпатизант СССР основанную по инициативе Москвы Международную премию мира), великий писатель и философ Жан Поль Сартр, их поддержал и выдающийся писатель католической ориентации Франсуа Мориак. Вызывали возмущение двойные стандарты, с которыми советские лидеры подходили к событиям, происходившим в разных частях планеты. «Невозможно защищать право народа распоряжаться своей судьбой, говоря о Египте или Алжире, и отрицать это право народа в Будапеште», — замечал в середине ноября в переписке с Эренбургом писатель и критик Клод Морган⁵¹.

.....

в Венгрии такой резонанс, что, по информации посольства СССР, на одном из крупных будапештских заводов «было обнаружено восемь экземпляров газеты “Унита”. На заводе нашлись люди, которые знают итальянский язык, и эти газеты зачитывались буквально до дырок» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 92). В венгерских событиях осени 1956 года Тольятти склонен был увидеть, однако, не торжество идеи более демократического социализма, отвечающего национальным условиям (как многие левые интеллектуалы на Западе), а прежде всего — угрозу геополитическим интересам СССР, главной опоры коммунистического движения на Западе. VIII съезд ИКП (декабрь 1956 года) завершился принятием резолюций, осуждающих не только «контрреволюцию» в Венгрии, но и ее симпатизантов в рядах ИКП (а к их числу в известной мере относился даже член Политбюро ИКП, председатель Всеобщей итальянской конфедерации труда и один из руководителей прокоммунистической Всемирной федерации профсоюзов Джузеппе ди Витторрио, прямо заявивший, что при оценке событий в Венгрии надо исходить в первую очередь не из геополитических интересов СССР, а из позиции венгерского пролетариата, сформировавшего в ноябре 1956 года свои независимые рабочие советы, альтернативные коммунистической власти). См.: Материалы VIII съезда ИКП (Рим, 8–14 декабря 1956 года). М., 1957. См. также: *Argentieri F. A magyar '56 és Olaszország* // *Mozgó világ*, 1992. № 9; *Argentieri F. A «széplékek» emlékiratai. Az 1956-os olasz kommunista pártellenzék visszaemlékezéseiből* // *56-os Intézet. Évkönyv II. Budapest*, 1993; *Togliatti két levele 1956-ból* // *56-os Intézet Évkönyv V. Budapest*, 1997. 252–253. о.

⁵¹ Диалог писателей. М., 2002. С. 646. Тот самый Клод Морган, который в 1949 году, в качестве редактора близкого к компартии издания «Les Lettres françaises», проиграл

Хотя Морган упомянул в своем письме только Венгрию, важно заметить, что на общественное мнение во Франции повлияли не только и даже не столько советские действия в Венгрии, сколько угрожающий тон заявлений правительства СССР в адрес Франции в связи с развязанной в конце октября антиегипетской военной кампанией в зоне Суэцкого канала. В письме председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, направленном в ночь с 5 на 6 ноября, содержался вопрос: «В какой ситуации оказалась бы Франция, если бы она стала объектом агрессии со стороны других государств, располагающих ужасающими современными средствами уничтожения?», воспринятый срочно собравшимся на заседание правительством как прямая угроза применения ракетно-ядерного оружия (на самом деле советские лидеры блефовали, ведь уже к 10 ноября была сформулирована совсем другая концепция действий СССР в защиту Египта, речь зашла «всего лишь» о посылке добровольцев в зону Суэцкого канала). В середине ноября на приеме, организованном в честь прибывшей для выяснения спорных вопросов польской делегации во главе с В. Гомулкой, Хрущев публично назвал «разбоем» франко-британские военные действия на Ближнем Востоке. Последовательный сторонник советско-французского сближения посол Франции Морис Дежан, как и его коллега, британский посол в знак протеста покинули прием⁵².

Через несколько месяцев, в марте 1957 года, руководитель французского движения сторонников мира д'Астье де ля Виже-ри, посетивший Москву, говорил заместителю главного редактора «Правды» и вновь назначенному председателю Госкомитета Совмина СССР по культурным связям с зарубежными странами Юрию Жукову, что на левом фланге политической жизни Франции, но особенно среди интеллигенции, после венгерских событий наступило полное замешательство, тем более что ком-

.....
судебное дело о защите чести и достоинства по иску невозвращенца Виктора Кравченко, автора нашумевшей книги «Я выбрал свободу». Позже он вступил в конфликт с руководством ФКП, выразив несогласие с советской политикой в Венгрии.

52 См. подробнее: Советский Союз, Франция и международные кризисы пятидесятых годов XX века. М., 2005. С. 123–124.

мунистическая газета «L'Humanité» заняла неконструктивную позицию голословного отрицания фактов, приводимых «буржуазной» прессой, она чрезвычайно односторонне освещала эти события, изображая дело так, будто ничего серьезного в Венгрии не произошло, — статья Андре Стиля «Улыбка Будапешта» была широко использована антикоммунистической пропагандой⁵³. Литератор, принадлежавший к компартии, с горечью признавался Эренбургу в письме от 15 ноября 1956 года, что вероятно удержался бы от чреватого исключением из партии публичного протеста, если бы ФКП «в каком-то глупом рабском рвении» «не сочла бы за благо поддержать действия советской армии в Венгрии». «Левые силы, — продолжал он, — здесь полностью расколоты, партия в такой изоляции, в какой она никогда еще не была, — и в нынешней ситуации это ее единственный удел. Я хочу сказать, что она изолирована не только от других, более или менее левых партий, но отрезана от массы простых людей без всяких политических предрассудков, потому что она оскорбила и чувства, и здравый смысл народа. Я искренне считаю, что ошибка, допущенная в Венгрии, того же масштаба, что и разрыв с Тито [советско-югославский конфликт 1948 года — А. С.]. Лучше было бы потерять одну страну — а она все равно потеряна, — чем потерять миллионы сердец, для которых чувство человечности выше идеологий, а значит подорвать возможность рабочего единства на долгое, очевидно, время»⁵⁴. Письма, аналогичные по духу и содержанию, шли в Москву и из других стран. «Цена, которую вы заплатили за вашу политику в Венгрии, — это полное крушение чувства доброй воли к вашей стране, которое выращалось в таких муках», замечала симпатизировавшая СССР и близкая в то время компартии британская писательница, будущий лауреат Нобелевской премии (2007 год) Дорис Лессинг в письме секретарю Союза писателей СССР Борису Полевому, курировавшему Иностранную комиссию СП⁵⁵.

53 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 223. Л. 143.

54 Письмо К. Моргана. Диалог писателей. М., 2002. С. 646.

55 См.: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД / Публикацию подготовили Е. Д. Орехова и В. Т. Середа // Исторический архив, 1995. № 1. С. 44. Письмо датировано 22 января 1957 года.

«Сколько пылких речей и гневных реплик я выслушал», — вспоминает Эренбург заседание в Хельсинки 18 ноября. «Настала ночь, споры разгорались». «Я понимал, что Венгрия — расплата за прошлое, но она стала преградой к будущему, и в то утро мне казалось, что преграду не сломить». В конце концов утром 19 ноября была все же принята компромиссная резолюция, позволившая предотвратить раскол движения сторонников мира. В ней было признано, что «первой причиной венгерской трагедии были, с одной стороны, холодная война с долгими годами ненависти и недоверия, политика блоков и, с другой стороны, ошибки предшествовавших правителей Венгрии и использование этих ошибок зарубежной пропагандой»⁵⁶. Бюро Всемирного совета мира не выразило какого-либо одобрения советского военного вмешательства, но в то же время признало реальную опасность крайне правого поворота в политической жизни Венгрии, активизации фашистских сил, использовавших в своих интересах недовольство населения действиями своих прежних правителей. Было высказано пожелание об отводе в обозримом будущем советских войск из Венгрии по договоренности между правительствами двух суверенных стран. Эта компромиссная резолюция позволила в конечном счете избежать назревавшего распада движения в защиту мира, в том числе во Франции, где оно было полностью парализовано. Как говорил весной 1957 года д'Астье, впрочем не соглашавшемуся с ним жёсткому партийному ортодоксу Ю. Жукову, в Хельсинки было принято решение, свидетельствовавшее о том, что движение сторонников мира, — не инструмент советской политики, оно способно всё же занимать независимую позицию. Многие порвавшие с ним интеллектуалы в результате стали постепенно возвращаться, например Жан Поль Сартр. Если бы не хельсинкская резолюция, в движении остались бы, по оценке д'Астье, лишь одни коммунисты⁵⁷.

.....
⁵⁶ Содержание резолюции воспроизводится по мемуарам Эренбурга.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 223. Л. 145. Принятие хельсинкской резолюции, однако, вовсе не означало, что с ней автоматически солидаризировались все национальные движения сторонников мира. О непростой ситуации в движении сторонников мира Эренбург писал в своей докладной в ЦК КПСС от 10 декабря 1956 года. См.: Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 448. Л. 217–222.

Впрочем, единства не было и среди западноевропейских коммунистов. Часть из них требовала от лидеров своих партий дистанцироваться от СССР. Два молодых журналиста английской коммунистической прессы, находившихся в Венгрии во время драматических осенних событий, писали по возвращении домой в конце ноября генеральному секретарю партии Джону Голлану о том, что советская политика в Венгрии основывалась, по их мнению, на неправильной оценке политической обстановки и в силу этого оказалась трагически пагубной по своим результатам. В этих условиях, считали они, другие партии должны не следовать механически за линией Москвы, а создать, насколько это возможно, собственное независимое суждение на основе всей располагаемой ими информации. Хотя принцип международной солидарности рабочих партий и остается в силе, «международная политическая ситуация в настоящее время весьма отличается от положения в те дни, когда защита нового советского государства была основным политическим вопросом»⁵⁸. Сейчас «самой большой помощью, которую мы можем оказать международному движению, является строительство нашей собственной партии и улучшение руководства нашим собственным рабочим классом». Если же создастся впечатление, что британская компартия не имеет собственного политического лица и всегда следует линии Москвы, она изолирует себя от английского рабочего класса, резюмировали молодые журналисты⁵⁹.

В Москве были, конечно же, хорошо информированы о настроениях части западных коммунистов. (Ещё бы! Ведь в некоторых компартиях, например в датской, потеря членской массы была в конце 1956 года близка к тому, чтобы принять обвальный характер, угрожавший самому существованию партий), однако идти на уступку в венгерском вопросе не собирались. Согласившись в ноябре 1956 года на обнародование компромиссной декларации, Эренбург имел смелость пойти на явное нарушение директив ЦК,

⁵⁸ Еще более четко выразила ту же мысль Дорис Лессинг в упоминавшемся письме Борису Полевому от 22 января 1957 года: «Правильно было всегда хвалить вас, когда вы были слабыми и уязвимыми» (Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. С. 42).

⁵⁹ Доклад Ч. Коутса и К. Берча руководству Коммунистической партии Великобритании. См.: Там же. С. 38–39.

что, впрочем, не возымело для него последствий. Вопрос о движении сторонников мира и тактики в нем СССР требовал своей проработки с учетом фразеологии XX съезда КПСС и новых политических реалий. У партийного же руководства никак не доходили руки до этого. Функционеры КПСС, не присутствовавшие на заседании бюро Всемирного Совета мира в Хельсинки и не знавшие сложившейся там обстановки, упрекали писателя прежде всего в том, что он не проявил необходимого упорства⁶⁰.

Важно всё же заметить, что сам Эренбург в общении с западными литераторами готов был идти на компромисс лишь до определенных пределов. Как и подобало советскому писателю и общественному деятелю, он выступал, прежде всего, в качестве адвоката официальной позиции СССР и, возможно, делал это достаточно искренне. «Шла война, и рассуждать о том, что мы обороняемся не тем оружием, было глупо», — так прокомментировал он в мемуарах факт своей подписи под казавшимся ему не совсем убедительным коллективным ответом советских писателей своим французским коллегам, протестовавшим со страниц газеты «Le Monde» против действий СССР в Венгрии⁶¹. Это ответное письмо широко публиковалось в советской и зарубежной прессе. Между тем, как и сам Эренбург признавал, среди подписавших во Франции письмо протеста были «наши вчерашние союзники», лица, выступавшие ранее за расширение культурных связей с СССР, наконец, его личные друзья. «После оттепели наступали заморозки. Я пытался делать всё, что мог, чтобы помешать возобновлению холодной войны». 1 декабря «Литературная газета» поместила письмо Эренбурга в редакцию, в котором писатель призывал отделять друзей от врагов, даже если друзья не во всем разделяют нашу позицию по тому или иному конкретному вопросу.

60 Доклад Ч. Коутса и К. Берча руководству Коммунистической партии Великобритании. См.: Там же. С. 38–39.

61 Письмо под заголовком «Видеть всю правду» датировано 22 ноября, часть писателей подписала его 24 ноября. См.: Литературная газета. 1956. 22 ноября; Новое время, 1956. № 49. Опубликовано также: Диалог писателей. М., 2002. С. 915–917. См. там же (с. 917–922) открытые письма французских писателей и представителей интеллигенции в связи с советской политикой в Венгрии. О полемике во французской печати см.: Литературная газета, 1956. 13 декабря.

Это письмо так и не было опубликовано в то время во Франции — в редакции «Lettres françaises», куда оно тоже было послано, ссылались на то, что оно было обращено, прежде всего, к советским, а не французским литераторам, и это сказывалось на всей риторике письма и системе аргументации. Имя Эренбурга, подписавшего ответ французским писателям, мелькало в парижской прессе с негативным оттенком, его чаще других упоминали в связи с постыдной апологетикой советскими писателями силового вмешательства в Венгрии, поскольку его имя было на слуху у французской интеллигенции. Илью Григорьевича более всего задевало, что во французской прессе появились публикации, в которых он бездоказательно обвинялся в пособничестве сталинскому режиму в осуществлении репрессий против еврейской интеллигенции в 1949–1953 годах⁶². Между тем из мемуаров нам известно, что в 1949 году писатель провел не один месяц в ожидании ареста. Вообще некоторые политические жесты советского правительства, относящиеся к осени 1956 года, вызывали у Эренбурга реминисценции с последними годами жизни Сталина. Так, в начале ноября, в связи с подключением Израиля к антиегипетской акции Лондона и Парижа, писателя пригласил в свой кабинет на Старой площади один из главных идеологов партии секретарь ЦК П. Н. Пospelов и предложил ему подготовить письмо от имени видных советских интеллигентов еврейского происхождения с осуждением официального Тель-Авива. Вновь «запахло 1949-м годом», вспоминает Эренбург. Писатель вежливо, но со всей определенностью заявил своему собеседнику, что отвечает за Бен-Гуриона не в большей степени, чем сам Пospelов или любой советский гражданин независимо от его происхождения, и с удовольствием поставит свою подпись под письмом вслед за подписью Пospelова.

Как бы то ни было, те, кого Эренбург называл своими французскими друзьями, продолжали относиться к нему с доверием. Клод Руа, публично протестовавший против советской военной акции в Венгрии и исключенный за это в числе ряда других литераторов

.....
⁶² Диалог писателей. М., 2002. С. 681. Причем подобным инсинуациям отдала дань не только «жёлтая» пресса, но даже «Le Monde» в своем номере от 22 августа 1957 года.

из компартии, писал ему в Москву 12 декабря: «Все эти ужасные недели мы не переставали думать о Вас. Мы знали, что все удары, которые обрушились на нас при чтении новостей, были для Вас не менее болезненными, чем для нас»⁶³. Руа вторил Клод Морган: «Выступая против использования советской армии для подавления венгерского восстания, я питаю по-прежнему к моим советским друзьям и к Вам, в частности, дружеские чувства»⁶⁴.

Венгерские события совпали по времени с организованной при самом активном участии Эрэнбурга большой выставкой работ Пабло Пикассо в Москве — первой после того, как с началом «оттепели» был немного приоткрыт железный занавес⁶⁵. Выставка работ крупнейшего художника, хотя и левого по своим политическим убеждениям, но бесконечно далекого в своем творческом методе от официозной эстетики «социалистического реализма»

.....
⁶³ Там же. С. 656.

⁶⁴ Там же. С. 646.

⁶⁵ Выставка, приуроченная к 75-летию художника и вызвавшая огромный интерес, особенно в среде интеллигенции, была открыта 26 октября и экспонировалась в Москве до 12 ноября, а затем переехала в Ленинград. Наряду с произведениями из музея изобразительных искусств и Эрмитажа, с конца 1940-х годов хранившимися в запасниках, в залах ГМИИ было представлено 40 работ, специально отобранных и присланных художником для выставки, проведению которой попыталось воспрепятствовать консервативное руководство Академии художеств СССР (А. М. Герасимов, Б. В. Иогансон). Осторожно полемизируя с теми, кто пытался оградить советское искусство от мирового художественного опыта последних десятилетий, Эрэнбург за считанные дни до открытия выставки опубликовал в свежем номере журнала «Иностранная литература» (1956. № 10) свои заметки «К рисункам Пабло Пикассо». О подробностях открытия выставки писатель сам рассказал Пикассо в письме от 3 ноября (см.: *Эрэнбург И.* На цоколе истории. Письма, 1931–1967. М., 2004. С. 416–417). В условиях остракизма со стороны немалой части элиты Союза художников Эрэнбург парадоксальным образом нашел себе союзника в лице архитекторов. Накануне открытия выставки, 25 октября, в тот самый день, когда на площади Кошута перед парламентом в Будапеште произошло кровопролитие, способствовавшее дальнейшей радикализации масс, в Москве в Центральном доме архитектора под председательством И. Г. Эрэнбурга состоялся вечер, посвященный Пикассо. Выступали М. С. Сарьян, С. Т. Конёнков (огласивший также обращение Пикассо к посетителям московской выставки), кинорежиссер С. И. Юткевич, от хозяев — видный архитектор Л. В. Руднев (обвинения части коллег в потворстве «упадническому искусству» не прошли даром — через три недели он скоропостижно скончался). О взаимоотношениях Эрэнбурга и Пикассо см.: *Фрезинский Б. Я.* Илья Эрэнбург и Пабло Пикассо // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1996. М., 1998. С. 66–92.

в СССР, была отчетливым знаком происходящих перемен, причем не только в культурной политике, но и в общественном сознании. Она явилась симптомом смягчения климата холодной войны, признаком расширения, вопреки всем преградам, сотрудничества с Западом. Советские действия в Венгрии, напротив, напоминали стране и миру о том, что сталинская традиция жива и совсем не собирается без боя уступать свое место новым общественным веяниям. Разительный контраст нового и старого едва ли не физически ощущался наиболее мыслящими из российских интеллигентов. Известный историк профессор МГУ С. С. Дмитриев, в воскресенье 3 ноября вернувшись домой после посещения выставки Пикассо, сделал в дневнике, как отмечалось выше, не слишком длинную, но предельно выразительную запись: «Главная тема всех разговоров — события в Венгрии. Судя по всему, не сегодня, так завтра начнется открытая военная интервенция СССР против Венгрии. Раздавят венгерский народ и зальют еще раз кровью землю Венгрии»⁶⁶. Был самый канун решающей советской интервенции в Венгрии, свергнувшей действовавшее правительство и установившей новое, готовое беспрекословно выполнять приказы из Москвы.

В начале ноября 1956 года у одного из крупных специалистов по российской истории XIX века не могли не возникнуть реминисценции с венгерским походом фельдмаршала Паскевича в 1849 году Эренбург находился всё же в ином положении, нежели профессор Дмитриев. Он был человеком публичным, с широкими международными связями, и как высокопоставленный, несмотря на свою беспартийность, функционер советской системы, вице-председатель Советского комитета защиты мира, он считал своим долгом находить объяснения и, по сути, выискивать оправдания действиям представляемой им державы. Однако в первую очередь писатель заботился о том, чтобы венгерские события не привели к выстраиванию нового «железного занавеса», способного прервать едва начавшийся процесс оживления культурных связей СССР с Западом. Он не переставал обмениваться письмами со своими французскими единомышленниками, поднимая вопрос

.....
⁶⁶ Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история, 2000. № 2. С. 149.

о целесообразности проведения в СССР новых выставок, представляющих искусство Франции, а во Франции выставок современного советского искусства⁶⁷. Задача была совсем не простой. Французское общественное мнение в те месяцы бойкотировало не только СССР, но и тех своих левых политиков и интеллектуалов, которые не заняли открыто осуждающей позиции в связи с советской интервенцией в Венгрии. «Ваша поездка в Москву — поездка на собственные похороны», сказали в Париже писателю Веркору, решившему посетить в феврале-марте 1957 году СССР в целях наведения мостов⁶⁸.

Веркор выступил в Москве с инициативой проведения в Будапеште встречи советских, французских и венгерских писателей в целях разъяснения позиций друг друга. Для венгерских литераторов⁶⁹ особенно невыносима мысль о том, что в СССР их зачастую рассматривают едва ли не как фашистов. Кроме того, Веркор поинтересовался судьбой крупного философа-марксиста Дьердя Лукача, который вместе с большой группой людей из окружения свергнутого премьер-министра Имре Надя был депортирован советскими спецслужбами в ноябре 1956 году в Румынию и находился там до апреля 1957 года. «Если бы я мог приехать домой и с полным основанием сказать, что Лукач находится в хороших условиях, имеет возможность писать и продолжает заниматься своим делом, то это произвело бы прекрасное впечатление во Франции и успокоило бы и примирило многих людей, в частности — Сартра». Веркор говорил в Москве и о том, что советские действия в Венгрии связали руки тем прогрессивным французским интеллектуалам, которые выступают за конструктивное решение с каждым годом всё острее стоявшей проблемы сохранения Алжира под французской юрисдикцией. Воздерживаясь от острых антисоветских заявлений, писатель всё

.....
⁶⁷ Часть его переписки, относящейся к этому периоду, см.: Диалог писателей. М., 2002. Глава 5. См., в частности, письмо писателя Веркора Эренбургу от 4 декабря 1956 года (С. 695). 18 декабря оно было опубликовано с сокращениями в «Литературной газете». См. также письма, включенные в книгу: *Эренбург И.* На цоколе истории.

⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 236. Л. 116. Показательно, что Веркор за три недели пребывания в Москве даже не был принят во французском посольстве, отмежевавшемся от его самостоятельной «культурной миссии».

⁶⁹ Веркор сослался при этом на свою переписку с писателем П. Игнотушем.

же отошел от сотрудничества с французской компартией, объяснив мотивы этого в своем эссе «Почему я ухожу»⁷⁰.

Самым серьезным в первые месяцы после венгерских событий прорывом культурной блокады стал приезд в декабре 1956 года в Москву звездной четы — Ива Монтана и Симоны Синьоре. Согласно позднейшему свидетельству самой Синьоре, на новогоднем приеме в Кремле они пытались убедить Хрущева в неоптимальности советской политики в Венгрии; он же им эмоционально доказывал, что Советская Армия спасла мир от третьей мировой войны и новой фашистской чумы⁷¹. Как бы там ни было, вернувшись домой, популярные артисты подверглись остракизму общественного мнения за нарушение бойкота СССР. Их осудили даже те, кто после смерти Сталина и XX съезда КПСС питал некоторые надежды на демократическую эволюцию советского режима⁷².

70 См. о поездке Веркора: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 506. Л. 136–138. См. также на венгерском языке публикацию Э. Штандейски документов из российских архивов об отклике французских писателей, в том числе Веркора, на советскую политику в Венгрии в 1956 года: 56-os Intézet Évkönyv III. Budapest, 1994.

71 См.: *Signoret S. Moszkvai újev. 1957* // Tobias Áron (Szerk.). In memoriam Nagy Imre. Emlékezés egy miniszterelnökre. Budapest, 1989. 371–380. о. Изложенная Хрущевым в беседе с французской звездной парой версия венгерских событий, обосновывавшая необходимость советского военного вмешательства, была дежурной, предназначенной для всех гостей, приезжавших в СССР с Запада. Так, всего через несколько дней, 5 января 1957 года, на приеме в посольстве ГДР советский лидер столь же эмоционально говорил корреспонденту итальянской газеты «Il Messaggero»: «Запомните то, что я вам скажу: своим вмешательством в Венгрии Советская Армия спасла мир. Она потрудились для всех, в том числе и для вас. Вы должны благодарить ее. Если бы она не вмешалась, над всеми нависла бы угроза войны». См. пересланный в аппарат ЦК КПСС из посольства СССР в Италии перевод репортажа о встрече с Хрущевым: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 73. В этой связи нелишне снова напомнить, что при обсуждении 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС вопроса о подготовке решающей военной акции по свержению венгерского правительства Хрущев заверял своих коллег по партийному руководству в том, что «большой войны не будет» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 480). Речь шла о том, что США не будут активно вмешиваться в венгерский конфликт. О позиции США в условиях венгерской революции см.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция...*

72 С Монтаном и Синьоре разрываются многие выгодные контракты. В результате Иву Монтану пришлось со страниц бульварной газеты «Le Figaro» отмежеваться от компартии и перестать посещать приёмы в советском посольстве. О настроениях французской интеллигенции в конце 1956–1957 годов и об отклике ее на поездку Ива Монтана и Симоны Синьоре см. в воспоминаниях Галины Ерофеевой, матери писателя Виктора Ерофеева, находившейся в то время в Париже в качестве жены советского дипломата, ответственного за культурные связи: *Ерофеева Г. Нескучный сад. Недипломатические*

XX съезд КПСС и в том числе сенсационные разоблачения Сталина, сделанные Хрущевым на закрытом заседании в конце его работы, вызвали весьма неоднозначный отклик западного общественного мнения, отнюдь не прибавив популярности деклариовавшему разрыв со сталинскими методами действующему руководству КПСС, составленному из ближайших соратников покойного вождя, несущих свою долю ответственности за прежние преступления. Раскрыв глаза многих левых интеллектуалов на Западе на подлинную суть советского режима 1930–1950-х годов и став для них настоящим потрясением, они заставили их в конечном итоге порвать с коммунистическим движением. С другой стороны, любая программа реанимации большевистских идей, освобождения их от сталинского балласта воспринималась с определенной настороженностью как в консервативной, так и в либеральной среде. Так, газета «Frankfurter allgemeine Zeitung» еще до окончания XX съезда и прочтения закрытого доклада Хрущева, 23 февраля, отреагировала на происходящее обновление коммунистической доктрины Кремля следующим образом: «Многие доброжелатели на Западе истолковали демонстративное разоблачение Сталина (в ряде острых съездовских выступлений, прежде всего А. И. Микояна, бросившего своего рода «пробный камень» — А. С.) как признак чистки советского режима, который отбросил грубые революционные нравы и, благодаря этому стал способным вести переговоры и участвовать в союзах. На самом же деле новое развитие представляет собой нечто в высшей степени опасное, а именно широко задуманную попытку усилить путем возврата к ленинскому интернационализму фанатизм и революционность коммунистического движения, застывшего в сталинской догме». Идейное преодоление мировым коммунистическим движением сталинизма могло расцениваться, таким образом, не только как новая попытка соединить идею социализма с некими демократическими принципами и началами, но и как прямое возвращение к небезопасному пролетарскому мессианизму 1920-х годов

.....
заметки о дипломатической жизни. М., 1998. С. 80–90. Муж Г. Ерофеевой, ветеран дипломатической службы Владимир Иванович Ерофеев дает в своих мемуарах более апологетическую в отношении советской политики в Венгрии версию тех же событий, включая поездку Монтана и Синьоре в СССР: *Ерофеев В. И.* Дипломат. М., 2005.

и проектам осуществления «мировой революции», что находило, кстати говоря, с середины 1950-х годов наглядное подтверждение в активизации советской политики на азиатском, а затем и африканском направлении.

В решениях сессии Социалистического Интернационала, состоявшейся в Цюрихе в начале марта 1956 года, отмечалось, что отречение от Сталина не изменило характера советского режима, остающегося диктатурой. Что же касается тезиса о многообразии форм перехода к социализму, прозвучавшего в отчетном докладе⁷³, то это не более чем опасная тактическая уловка — речь идет только лишь о предпочтительности подрыва парламентской демократии «мирным путем» (т. е. по образцу чехословацкого путча 1948 года), а социал-демократы получают своего рода «приглашение» принять участие в собственном уничтожении. В программных документах Социнтерна и выступлениях его лидеров отмечалось, что точно также, как существуют различные пути к социализму, существуют и фундаментальные различия между коммунистами и социал-демократами в понимании социалистической цели, ибо не может быть деспотического социализма.

С другой стороны, часть западной, и не только европейской, но и американской, либеральной интеллигенции увидела в самокритике режима его известную способность к эволюции. Лично знавший Эренбурга крупный русский филолог-эмигрант профессор Гарвардского университета Роман Якобсон посетил в мае 1956 года Москву и по итогам поездки пришел к выводу о начинающемся ренессансе культурной жизни (и в том числе гуманитарного знания) в СССР и о том, что «в настоящее время ничто не может воспрепятствовать научному сотрудничеству Запада и Востока»⁷⁴. Некоторые французские интеллектуалы связыва-

.....
⁷³ Правда. 15. 02. 1956.

⁷⁴ Идея Якобсона посетить СССР была воспринята, мягко говоря, с непониманием в либерально-интеллигентских кругах США. Младший брат Романа Сергей, историк, руководивший славянским отделом в Библиотеке Конгресса США, расценил присланное брату приглашение приехать на московское заседание Международного комитета славистов не иначе, как «один из шагов, предпринимаемых ныне гангстерами из Москвы с целью разоружения свободного мира в политическом, военном и духовном плане».

ли с XX съездом КПСС аналогичные надежды; надо сказать, что именно они особенно болезненно отреагировали на силовую акцию СССР в Венгрии.

Во время сильной антисоветской кампании во Франции определенным диссонансом прозвучало одно из интервью умудренного опытом генерала де Голля, в то время не обремененного каким-либо официальным статусом, ждавшего своего часа, чтобы вернуться на вершину французского политического олимпа — это случилось в конце мая 1958 года. Выдающийся военачальник и крупный политик акцентировал внимание на том, что советская акция в Венгрии носила в известном смысле оборонительный характер, поскольку речь шла отнюдь не о распространении сферы влияния СССР на новые земли, а только лишь о стремлении любой ценой удержать под контролем одну из стран, вследствие итогов Второй мировой войны отошедших к советскому лагерю⁷⁵. Позиция де Голля как бы подтверждала мнение Жана Поля Сартра, который говорил Константину Симонову, находившемуся во Франции в декабре 1957 — январе 1958 года: интеллектуалы правого толка, которые были по меньшей мере равнодушны к Советскому Союзу и проходящему в нем социальному эксперименту, куда спокойнее отреагировали на венгерские события. «А я был ими крайне взволнован именно потому, что я был и остаюсь другом Советского Союза»⁷⁶.

.....

Он призвал Романа ответить резким отказом на «позорное приглашение» и не становиться жертвой советской пропаганды. Еще более резко отреагировал на «заигрывания» Якобсона с Москвой В. Набоков. См. подробнее: *Стыкалин А. С.* К вопросу о приглашении Р. Якобсона посетить СССР в 1956 году // *Славяноведение*. М., 2005. № 4. С. 110–115. Всё это заставляет задуматься, кстати говоря, и над отношением части западной либеральной интеллигенции к деятельности Эренбурга по «наведению мостов» между Западом и Востоком. Расширение контактов советских и западных интеллектуалов, их взаимное сближение имели как своих сторонников, так и не менее активных противников по обе стороны «железного занавеса».

⁷⁵ См. запись беседы Ю. Жукова с д'Астье де ля Вижери: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 223. Л. 144.

⁷⁶ Записка К. Симонова в ЦК КПСС по итогам поездки во Францию. Там же. Оп. 36. Д. 65. Л. 24. См. основные выступления Сартра в связи с венгерскими событиями: *Sartre J.-P. Apres Budapest. Sartre parle // L'Express*. 1956. 9. XI, pp. 13–16; *Sartre sur la Hongrie // France observateur*. 1956. 13. XII, p. 8; *Sartre J.-P. Le fantome de Staline // Les temps modernes*, 1957, jan., pp. 577–696; *Sartre J.-P. Le fantome de Staline // France observateur*. 1957. 17. 1, pp. 10–11. На венгерском языке см.: 1956 és a franciak. Francia gondolkodók a forradalomról.

«Ноябрь 1956 года был, кажется, самым трудным месяцем в моей жизни: чересчур было горько расплачиваться за чужие грехи», — вспоминал Эренбург десятилетием позже, подводя итоги. Главный же урок событий в Венгрии и вокруг нее заключался, по его мнению, в следующем: «Я вылечился от недавнего простодушия: понял, что понадобятся долгие годы, может быть, десятилетия, прежде чем мы окончательно растопим огромные льдины холодной войны, прежде чем у нас весна войдет в свои права. Я думал, что вряд ли до этого доживу, но этим нужно жить, за это бороться». В начале 1957 года Эренбург отказался участвовать в антиамериканской истерии, развязанной в условиях временного обострения холодной войны и ухудшения советско-американских отношений. Более того, он пошел явно против течения и выступил со страниц «Литературной газеты» в защиту американской культуры⁷⁷.

Подобные выступления, а тем более невыполнение директив ЦК в связи с хельсинкской резолюцией, вызывали дополнительное раздражение некоторых кремлевских ортодоксов. Показательно, однако, что и в любимой Эренбургом Франции были влиятельные силы, не заинтересованные в разрядке и опасавшиеся, что деятельность писателя может склонить кого-то из его французских коллег к сотрудничеству с СССР, нарушению бойкота. В январе 1957 года писатель не получил французской визы и не сумел выехать в Париж для участия в новом заседании бюро Всемирного Совета мира. Советский Союз представлял украинский драматург и общественный деятель А. Корнейчук, имевший за плечами опыт работы в сталинском Наркоминделе и никогда не отклонявший-

.....
Budapest, 1993. В книгу вошли выступления в связи с венгерской революцией таких крупных французских мыслителей, как А. Камю, Ж. П. Сартр, Р. Арон, К. Лефор, М. Мерло-Понти, видный политолог венгерского происхождения Ф. Фейто и др.

⁷⁷ См.: *Эренбург И.* Письмо в редакцию // Литературная газета, 23. 03. 1957. В письме содержалась острая полемика со статьей только что вернувшегося из эмиграции русского националиста бывшего лидера так называемого «Союза младороссов» публициста А. Казем-Бека «Америка без прикрас» (Литературная газета, 1957. 28 февраля). Письмо Эренбурга, вызвавшее неудовольствие ортодоксально-сталинистской части советских литераторов (См. письмо В. Кочетова в ЦК КПСС: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 235. Л. 21), обратило на себя внимание на Западе. Так, итальянская газета «La Stampa» опубликовала материал под броским заголовком «Эренбург защищает в России американскую культуру» (См. изложение: Там же. Л. 32–35.)

ся от внешнеполитической линии партии. «Видимо, боялись не жёсткости, а мягкости», с иронией заметит в этой связи Эренбург в мемуарах. По просьбе Эренбурга Корнейчук всё же распространил среди членов Всемирного Совета мира обращение писателя к участникам движения в защиту мира. «Сейчас как никогда важной нам кажется задача преодолеть новый виток холодной войны», — таков был лейтмотив его несостоявшегося выступления⁷⁸. Примерно в это же время Эренбург адресует письмо д'Астье: «я считаю, что нам надо сделать всё возможное, чтобы избежать раскола»⁷⁹. Принципиальным успехом Эренбурга в деле преодоления культурной блокады СССР, увенчавшим его многомесячные усилия, явилось проведение весной 1957 года в Москве и Ленинграде новой, пусть скромной, представленной главным образом репродукциями, выставки французского искусства. Писатель Веркор, чей приезд в СССР был связан именно с ее подготовкой, выступил затем во французской прессе⁸⁰.

Некоторые изменения настроений во французском обществе в пользу СССР наметились к концу года и были связаны с грандиозным триумфом советской технической мысли 4 октября 1957 года. После запуска спутника у вас появилось во Франции много новых друзей, говорил Сартр Симонову, но не надо на них особенно полагаться, они рады не столько вашему успеху, сколько тому, что вы насолили американцам. Что же касается самого Сартра, то в октябре 1957 года, когда его попросили выступить в прессе в связи с годовщиной венгерской революции, он отказался, «ибо венгерские события не являются такой датой, которую можно праздновать в чьих-то эгоистических интересах или устраивать по поводу нее шабаш»⁸¹. Происходящее в Венгрии вновь оказалось,

78 Диалог писателей. М., 2002. С. 683–684.

79 Письмо от 12 января 1957 года. Там же. С. 683.

80 Его эссе «Московские встречи» см.: Диалог писателей. М., 2002. С. 883–892. Опубликовано в «Le Monde» 8–9 мая 1957 года.

81 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 65. Л. 19. Более того, Сартр сказал Симонову, что «с точки зрения больших эпохальных интересов социализма советское вмешательство в венгерские события очевидно окажется исторически оправданным» (Там же. С. 20.) Правда, советский писатель в данном случае не был склонен слишком серьезно воспринимать слова своего французского собеседника. Симонов полагал, что «эта формула возникла не просто в разговоре, а заранее была продумана им еще до встречи как приемлемая

впрочем, ненадолго в центре внимания французского общественного мнения только в июне 1958 года после позорного судебного процесса по делу Имре Надя. Сообщение о казни Надя вызвало настоящий взрыв негодования, в том числе среди немалой части левых. Для многих (разумеется, не только во Франции) была слишком очевидна несостоятельность обвинений, выдвинутых против бывшего венгерского премьера, главная «вина» которого заключалась в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, который вступал в слишком резкое противоречие со сложившимся еще при Сталине и остававшимся в силе и после его смерти характером отношений внутри советского лагеря. Галина Ерофеева в уже упомянутой книге вспоминает, как поэт Луи Арагон (член компартии!), прочитав в «L'Humanité» сообщение о смертном приговоре, приведенном в исполнение, прибежал в советское посольство возмущенный до глубины души: «неужели у вас не хватило бы чечевичной похлебки, чтобы прокормить Надя до конца его дней?» — гневно вопрошал он принявшего его атташе по культуре⁸². На Западе в то время мало у кого возникали сомнения в том, что решающий сигнал был дан из Москвы, и только опубликованные в начале 2000-х годов документы Президиума ЦК КПСС позволяют до некоторой степени откорректировать эти представления, высветив реальную роль Яноша Кадара, в феврале 1958 года так и не воспользовавшегося предоставившейся возможностью провести процесс без вынесения смертных приговоров⁸³.

.....
сейчас для него формула оценки венгерских событий при разговорах с советскими людьми» (Там же).

⁸² Ерофеева Г. Нескучный сад. С. 85. Газета британской компартии «Daily Worker» выступила 19 июня 1958 года с редакционной статьей, в которой фактически выражалось сожаление по поводу вынесения смертного приговора Имре Надю. «Выступить со статьей другого содержания — означало бы совершить самоубийство английской компартии, а мы на это никогда и ни при каких условиях не пойдем», — сказал советскому дипломату председатель компартии Великобритании Гарри Поллит, напомнивший также, что поддержка в ноябре 1956 года советской военной акции стоила в то время компартии 20 % членского состава. См. запись беседы с Поллитом 21 июня 1958 года: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. С. 46.

⁸³ Показательна краткая запись заседания Президиума ЦК КПСС за 5 февраля 1958 года, зафиксировавшая рекомендацию Кремля, адресованную венгерскому руководству: «проявить твердость и великодушие» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 293).

К 1958 году удалось в целом восстановить контроль французской компартии над национальным движением сторонников мира, оттеснив на периферию многих из тех, кто отстаивал взгляды, расходившиеся с тем, что диктовалось из Москвы. «Когда мы (в Национальном совете движения сторонников мира — А. С.) придерживаемся другого мнения, чем наши товарищи коммунисты, единственное, что нам позволят, так это положить свое мнение в карман и прикрыть сверху носовым платком», — откровенно говорил писатель Веркор своим советским собеседникам⁸⁴. Сходным было положение и в других странах. Подавление инакомыслия в рядах сторонников мира не означало, однако, преодоления кризиса движения, скорее напротив. 16 апреля 1958 года Илья Эренбург обратился к Н. С. Хрущеву с письмом о положении в движении сторонников мира, в котором выражал озабоченность в связи с непрекращающимся падением его влияния во всемирном масштабе. Он предлагал принять меры в целях расширения политической базы этого движения за счет более решительного приобщения к нему сил, в определенной мере дистанцирующихся от внешней политики Москвы в некоторых ее конкретных проявлениях, но при этом не враждебных СССР⁸⁵. Соображения Эрен-

В Москве в это время опасались, что вынесение жестких приговоров по делу Имре Надя испортит впечатление на Западе от пакета советских мирных инициатив, адресованных США и их союзникам. Кадар предпочел отложить процесс, но не пойти по пути смягчения приговоров. Для проведения процесса был избран более подходящий момент — в мае 1958 года после публикации и последующего принятия новой Программы Союза коммунистов Югославии по инициативе руководства КПСС была развязана шумная кампания критики «международного ревизионизма», характерным образцом которого называлась Программа СКЮ. Впрочем, эта тема заслуживает специального рассмотрения. Из литературы см.: *Стыкалин А. С. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. С. 223–238; Он же. Несколько штрихов к портрету Имре Надя // Вопросы истории, 2008. № 2. С. 90–98. См. также очерк 2 в настоящем издании.*

⁸⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 236. Л. 90.

⁸⁵ В ходе ряда поездок за рубеж и встреч с иностранными интеллигентами писатель убедился в том, что «имеются серьезные препятствия для роста движения сторонников мира». С одной стороны, «повсеместно растет сопротивление политике войны. Однако за последнее время почти все крупные кампании против атомной войны и атомных испытаний протекают в стороне от движения сторонников мира» — демонстрации в Англии и США, обращения ученых в ООН, создание в разных странах новых антивоенных органи-

бурга, изложенные в письме Хрущеву, нашли своеобразный отклик и в его публицистике: «Как ни сильно Движение сторонников мира, на земле куда больше сторонников мира, чем участников этого Движения. В ряде стран создалось мнение, что Движение сторонников мира отличается узкой идеологией и пристрастными оценками. Я сейчас не стану спорить с людьми, которые так рассуждают. В конечном счете самое важное — оградить мир, бороться за мир, а в каком движении или в какой организации человек за него борется, дело не столь уж существенное»⁸⁶. Движение борьбы за мир, отмечал Эренбург в своем письме членам Всемирного Совета мира, «это сила, которая не зависит ни от политических партий, ни от правительств», оно должно представлять «очень широкий политический блок сил, идущих на взаимные уступки, и не обязательно, чтобы та или иная партия была всегда согласна со всеми решениями, которые принимает Всемирный Совет»⁸⁷. Правота Эренбурга находила подтверждение в письмах,

.....
 заций. «Сужение движения в западных странах, растущая к нему незаинтересованность «попутчиков» очевидны». По мнению Эренбурга, «некоторую роль в пассивности движения сторонников мира играют усталость его кадров, «бюрократизм» управления, но главная причина глубже: идейный разброд движения, неясность его целей». Кроме того, «существенной причиной, мешающей расширению движения, является стремление некоторых его участников придать выступлениям движения характер прямой поддержки нашей дипломатии». При такой тактике движение в западных странах «может опираться только на те общественные силы, которые уже завоеваны коммунистическими партиями», и это явно сужает его политическую базу. По принципиальному убеждению Эренбурга, движение сторонников мира **не должно** «идти в фарватере советской дипломатии», поддерживая каждый дипломатический шаг СССР. Ведь даже «при расширении движения оно все равно никак не станет враждебным нам — близкие нам политические силы останутся в большинстве. Но для того, чтобы превратить движение в блок миролюбивых сил, нужно отказаться от навязывания некоторых формулировок, от системы администрирования» (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 21. Д. 11. Л. 21–25). Подробно о ситуации в движении сторонников мира см.: *Егорова Н. И. Движение сторонников мира с середины 1950-х до начала 1960-х годов: от кризиса к поиску новых форм // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. С. 348–389.*

⁸⁶ *Эренбург И.* Мысли под Новый год // *Огонек*, 1959. № 1. С. 9. В этой статье речь шла и о «нашем твердом желании противопоставить климату холодной войны дух подлинного культурного сотрудничества и честного соревнования». К этому времени напряженность в отношениях между Западом и Востоком стала несколько спадать, писатель уже мог позволить себе заметить: «хотя от природы я не обладаю запасами оптимизма, мне кажется, что перелом в мировом общественном мнении наметился».

⁸⁷ *Диалог писателей. М., 2002. С. 684.*

приходивших в Москву от западных левых. Так, британская писательница Дорис Лессинг — будущая лауреатка Нобелевской премии — замечала в январе 1957 года, что во всем мире существуют не связанные с коммунизмом миролюбивые силы, которые «будут стремиться к дружбе с вами, при условии, что им не придется всё время петь вам хвалебные гимны, поступаясь истиной»⁸⁸. Однако, к мнению писателя и его советам в Кремле не очень прислушивались. Движение, созданное как инструмент советской политики и спонсировавшееся Москвой, продолжало восприниматься в таком качестве и его организаторами, и, с другой стороны, широким общественным мнением на Западе, пусть, в свете своей реакции на венгерские события, и с некоторыми оговорками. Коренным образом пересматривать концепцию этого движения Москва не собиралась, и его кризис продолжал углубляться.

После отставки Хрущева проблема Эренбурга уже не занимала в такой степени руководство партии. В «Новом мире» продолжали печататься следующие главы мемуаров, как и прежде, не без труда проходя цензуру. В вопросе об отдельном издании пятой и шестой книг было принято компромиссное решение: главы, опубликованные в журнале, вошли в 9-томное собрание сочинений, изданное в 1962–1967 годах. Стареющий писатель был предоставлен самому себе, сосредоточившись в отпущенные ему неполные три года жизни на завершении мемуаров, которые он действительно успел довести до середины 1960-х годов. Кроме того, он продолжал принимать посильное участие в литературно-общественной жизни, последовательно выступая за ее десталинизацию. Еще при Хрущеве, весной 1964 года, он активно поддержал идею о присуждении Ленинской премии А. Солженицыну, что, конечно, не могло найти понимания партийного руководства даже в условиях, когда писателю разрешили опубликовать ряд своих произведений.

.....
⁸⁸ Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. С. 42. В Англии и других странах, продолжала она, «существует большое число людей, которые будут работать для предотвращения войны и установления хороших отношений с вашей страной и в то же время будут резко критиковать вас, и вы должны принять тот факт, что они будут вас критиковать. Вы не должны считать, что все люди, критикующие вас, — ваши враги. Это неверно». (Там же. С. 45.)

В начале 1966 года Эренбург поставил подпись протеста в связи с осуждением А. Синявского и Ю. Даниэля, без разрешения высоких инстанций опубликовавших свои произведения на Западе. В то же время он отказался подписать письмо в защиту высланного за «тунеядство» из Ленинграда Иосифа Бродского, не разглядев в 24-летнем переводчике будущего Нобелевского лауреата и не придав этому делу большого значения.

В творческой судьбе Ильи Эренбурга при всей ее уникальности и неповторимости проявилась и некоторая общность с духовной эволюцией других деятелей культуры его генерации. Не только Эренбург, который, живя по преимуществу в СССР, был вынужден принимать все правила игры, навязываемые системой своим гражданам, но и многие западноевропейские интеллектуалы в 1930-е годы поддержали СССР, увидев в сталинском режиме главный противовес нацистской угрозе, а в советской модели единственную общественную систему, обладавшую, по их мнению, перспективой роста⁸⁹. В дальнейшем некоторые из этих людей, однако, всерьез восприняли, отчасти под влиянием идей XX съезда КПСС, провозглашенный курс на десталинизацию реального социализма и последовательно стремились на практике служить его воплощению. *Сознательно избрав позицию критики советской постсталинской системы изнутри в целях ее совершенствования, Эренбург сумел внести свою лепту в гуманизацию её внешнего облика, придание системе более человеческого лица. Прежде всего, это, конечно, касалось сферы культурных связей СССР с внешним миром.*

История взаимоотношений Ильи Эренбурга с руководством КПСС в послесталинский период обозначило те пределы самостоятельности, которые мог себе позволить в своей публичной,

.....
⁸⁹ См. среди прочего: Lottman H. R. The Left Bank: Writers, Artists and Politics from the Popular Front to the Cold War. Boston, 1982. О глубине компромисса Эренбурга со сталинским режимом см. также: Behrends Jan C. Voelkerfreundschaft und Amerikafeindschaft. Ilja Ehrenburgs Publizistik und das Europabild des Stalinismus // Faraldo J. M. et al., eds. Europa im Ostblock. Vorstellungen und Diskurse (1945–1991). Koeln, 2007. Ср. с позицией Д. Лукача: *Стыкалин А. С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. Глава 4.*

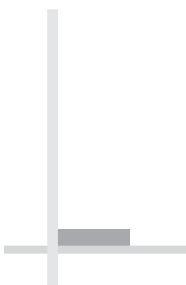
общественной деятельности довольно крупный (и добавим, обладавший выраженными общественно-политическими амбициями) писатель, стремившийся к либерализации советского режима и при этом не мысливший о прямой конфронтации с правящей элитой. Что же касается резонансного выступления Эренбурга в ноябре 1955 года перед венгерскими писателями, то этот, казалось бы, совсем частный эпизод в истории советско-венгерских литературных связей вместе с тем неплохо показывает, насколько сходство исторических судеб двух стран в условиях социализма как мировой системы делало венгерских писателей, даже в случае явного дистанцирования многих из них от СССР, равнодушными, восприимчивыми к тому, чем жили и за что боролись их советские коллеги. Речь идет в данном случае об общности социального, политического, исторического опыта советских и венгерских писателей, находившей многообразное проявление не только в творчестве, но и в литературно-общественной жизни, в том числе и при непосредственных контактах литераторов. Советский пример обладал легитимизирующей силой, а потому к нему были склонны апеллировать не только противники, но и сторонники обновления, либерализации существующих коммунистических режимов. Особенно, когда в роли носителей наиболее передового советского опыта выступали фигуры масштаба Эренбурга⁹⁰. Сколь сложнее и неоднозначнее широко распространенных стереотипов было советское влияние на всё происходившее в 1950-е годы и позже в культуре Венгрии, как и других восточноевропейских стран.

.....
⁹⁰ Кстати, и советские наблюдатели (дипломаты в странах Восточной Европы, а также выезжавшие в эти страны деятели культуры) неоднократно замечали, что восточноевропейские писатели внимательно следят за дискуссиями, происходящими в советской литературной периодике, при этом проявляют особый интерес к раскритикованным, «ошибочным» выступлениям. См., например: Письмо посла СССР в ГДР Г. М. Пушкина. «О положении в Союзе немецких писателей» (июль 1957 года). РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 70–86.

Опыт 1956 года
в 12-летней
ретроспективе
«Пражская весна»
1968 года и позиция
руководства Венгрии

Предпринятая в Чехословакии весной-летом 1968 года попытка реформировать коммунистический режим, рационализировать его экономическую доктрину и придать ему более привлекательный, «человеческий» облик, возымела широкий международный резонанс, став, без всякого преувеличения, одним из самых интригующих социальных экспериментов второй половины XX в. История «Пражской весны» 1968 года и совместной военной акции ряда стран-участниц Организации Варшавского договора, направленной на ее подавление, стала предметом поистине огромной историографии¹. Однако тему едва ли можно считать исчерпанной. Продолжающееся введение в научный оборот ранее засекреченных документов из партийных и дипломатических архивов² позволило значительно продвинуться в изучении самого механизма и конкретных обстоятельств принятия в Москве ключевых

.....
¹ Мурашко Г. П. 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. См. также сборник, вышедший по итогам большого российско-австрийского проекта: Пражская весна и международный кризис 1968 года. Исследования. М., 2010. Наряду с исследованиями историков см. также добросовестную книгу известного журналиста-международника, широко привлекающую источники, собранные методом «oral history»: Шинкарев Л. И. «Я это все почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.

² Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 годов. в документах ЦК КПСС. М., 2010.

решений по чехословацкому вопросу, проследить ход дискуссий, развертывавшихся на протяжении нескольких месяцев с участием лидеров социалистических стран, установить роль посольства СССР и высокопоставленных советских эмиссаров, выезжавших в 1968 года в Чехословакию. Картину, реконструируемую на основании многочисленных архивных источников, дополняют новыми, подчас существенными деталями мемуары участников и свидетелей тех событий³. Донесения чехословацкого посольства из Вашингтона помогают прояснить политику США в условиях «Пражской весны» и усиливающегося давления союзников⁴. Материалы нескольких заседаний лидеров стран советского блока, межпартийная и дипломатическая переписка, другие источники дают возможность изучить во всей их динамике позиции коммунистических элит отдельных стран⁵. Как показывают документы, особенно сложную эволюцию от неприятия силового решения к поддержке военной акции своих союзников по ОВД проделал весной-летом 1968 года венгерский коммунистический лидер Янош Кадар.

Следует заметить, что не все вопросы истории «Пражской весны» и горячего лета 1968 года можно считать в полной мере проясненными, по некоторым из них среди исследователей существуют резко различающиеся точки зрения, а иногда в литературе выдвигаются новые версии, не всегда должным образом подкрепленные ссылками на источники. Одним из таких дискуссионных вопросов долгое время оставался вопрос о позиции венгерской коммуни-

³ Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. Особый интерес представляют воспоминания бывшего лидера компартии Советской Украины П. Шелеста, генерала армии А. Майорова (Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. М., 1998). Из воспоминаний советских дипломатов см.: Поклад Б. И. Пражская весна: взгляд из Вены // Новая и новейшая история, 2002. № 5; Семенов Н. П. Тревожная Прага. М., 2004. Публиковались также относящиеся к 1968 года дневниковые записи ответственных функционеров, в частности заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова (Новая и новейшая история, 2004. № 4). Список можно продолжать и продолжать.

⁴ Орлик И. И. Запад и Прага в 1968 году. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

⁵ Retegan, Mihai. In the Shadow of the Prague Spring: Romanian Foreign Policy and the Crisis in Czechoslovakia, 1968. Iasi, 2000.

стической элиты во главе с Яношем Кадаром. Так, бросив вызов давно доминирующему в историографии мнению о том, что Кадар в отличие от лидеров других стран-участниц совместной акции долгое время противился военным планам, упорно отстаивая политический способ урегулирования конфликта⁶, Р. Г. Пихоя еще в 1990-е годы пытался доказать, что именно венгерский лидер особенно рьяно побуждал Москву к решительным действиям и даже в известной мере бежал «вперед паровоза», проведя, например, в Венгрии частичную мобилизацию еще до принципиального решения о военном вторжении. Свою позицию, основанную на ряде документов, известный историк подкреплял безупречной, на его взгляд, логической комбинацией. Суть его представлений заключалась в том, что Кадар в 1968 году был более других заинтересован в розыгрыше венгерского сценария 1956 года, ибо установление в Чехословакии «революционного» правительства по венгерскому образцу стало бы для него лучшим способом легитимации — пусть весь мир, а в первую очередь сами венгры, оптимистически воспринявшие начало экономических реформ в своей стране и уже склонные в подавляющем большинстве своем к примирению с режимом, снова воочию увидят в действии железную историческую логику: любой в советском лагере, кто ослушался воли Москвы, будет неминуемо наказан, а потому высшее проявление государственной мудрости заключается не в конфронтации с великим восточным соседом, а в компромиссе, в том, чтобы, сначала завоевав доверие Кремля, постепенно, взамен за послушание в принципиальных вопросах международной политики, отвоевать для себя более широкое поле для самостоятельного внутривнутриполитического маневра, получить относительную свободу рук при проведении реформ. Советская акция в Чехословакии, таким образом, должна была послужить для Кадара своего рода историческим оправданием, снять с него определенную долю ответственности за нелегитимный приход к власти и жесткую политику в первые годы своего правления. Что и говорить, такая версия способна была существенным образом повлиять на наши представления о соот-

.....
⁶ *Huszár Tibor*. 1968. Praga — Budapest — Moszkva. Kádár János és a csehszlovákiai intervenció. Budapest (далее — Budapest), 1998.

ношении в 1968 году сил между сторонниками и противниками военного решения чехословацкого вопроса⁷. Но подтверждает ли ее реальная картина венгеро-чехословацких и советско-венгерских отношений в те месяцы? Для того чтобы прояснить в деталях позицию венгерского лидера и его ближайшего окружения, надо выйти за рамки того круга источников, который лежал в основе тогдашних построений Р. Г. Пихои (записи заседаний Политбюро ЦК КПСС и документы, готовившиеся для членов Политбюро).

Отстранение Антонина Новотного от обязанностей первого секретаря ЦК компартии Чехословакии в начале января 1968 года не было неожиданностью для советского руководства, напротив, оно было согласовано с Л. И. Брежневым, посетившим Прагу в декабре 1967 года⁸. Спокойно был воспринят в Москве и факт избрания на этот пост словацкого коммунистического лидера Александра Дубчека. Его не только знали как человека, прошедшего выучку в СССР, в нем видели фигуру компромиссную, способную примирить разные течения в партии — чешских «твердых коммунистов» с чешскими же умеренными партийными «либералами», и тех, и других со словацкой партократией, даже самые ортодоксальные, не желавшие перемен представители которой (вроде Василя Биляка) были вечно недовольны диктатом Праги.

Брежневское руководство, знавшее из посольских донесений о «ревизионистских» проявлениях в этой стране (таких, как некоторые выступления на съезде писателей в июне 1967 года), вместе с тем было пока еще уверено в своей способности нейтрализовать их влияние на умы советской интеллигенции. Однако лидеры некоторых коммунистических режимов, не обладавших таким же

7 Пихоя Р. Г. Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого // Сегодня, 23 августа 1996 года.

8 «Это, товарищи, ваше внутреннее, чехословацкое дело», — заметил Брежнев (*Латыш М.* «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 18). Хотя генеральный секретарь ЦК КПСС тогда еще не был склонен драматизировать положение в Чехословакии, он все же предостерег своих собеседников от угрозы раскола в руководстве КПЧ, который положит начало неконтролируемому процессу, так что дело может дойти до «повторения в Чехословакии чего-то вроде венгерских событий 1956 г.» (Записи бесед Л. Брежнева с руководящими деятелями КПЧ 8–9 декабря 1967 года из Архива Президента Российской Федерации. См.: Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С. 161).

запасом прочности, отреагировали на избрание Дубчека более прохладно, подозревая в нем слишком уступчивого политика. Особенно откровенно выражал свое недовольство лидер Восточной Германии Вальтер Ульбрихт. Венгерская правящая элита, напротив, восприняла смену команды в Чехословакии с определенным энтузиазмом. 1 января 1968 года в Венгрии вступил в действие новый экономический механизм, предполагавший расширение коммерческой самостоятельности промышленных предприятий, обеспечение некоторого простора для частно-предпринимательской инициативы в торговле и сфере обслуживания, более широкое применение материальных стимулов в производстве. С уходом Новотного и приходом молодого, реформаторски настроенного Дубчека резонно связывалось укрепление в руководстве компартии Чехословакии (КПЧ) тех сил, которые с пониманием отнесутся к венгерским реформам и выступят в роли союзников в рамках СЭВ. Посольство Чехословакии в Венгрии докладывало своему МИДу о поддержке официальным Будапештом произошедших в Праге кадровых перемен⁹.

Попытки экономических реформ предпринимались в двух странах почти синхронно, еще при Новотном сложились тесные контакты венгерских и чехословацких экономистов-реформаторов. Один из них, чех Ота Шик, отмечая общность цели — достижения более эффективной, рациональной экономики, указывает в своих мемуарах и на существенное различие: в Венгрии реформе с самого начала поддерживал Кадар, нам же вплоть до начала 1968 года приходилось преодолевать сопротивление¹⁰.

Свой имидж реформатора в глазах северных соседей Кадар подтвердил и в ходе встречи с Дубчеком на охоте в Словакии 20–21 января. Эта беседа, прошедшая в довольно дружеской атмосфере, состоялась по инициативе лидера КПЧ и предшествовала поездке Дубчека в Москву, первой в его новом политическом амплуа. Поздравив Дубчека с избранием, многоопытный венгерский лидер предупредил, что того ожидает на новом посту больше хлоп-

.....
⁹ Орлик И. Запад и Прага в 1968 году. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики. С. 4.

¹⁰ Шик О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность. М., 1991. С. 210–211.

пот и забот, чем радости¹¹. Вернувшись в Будапешт, Кадар созвал 23 января Политбюро ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Было решено по возможности оказывать влияние на «братские» партии, формируя их мнение в пользу Дубчека¹². Между тем новый руководитель с первых недель своего пребывания у власти стал преподносить сюрпризы «старшему брату»: в начале 1968 года заметно ускорила смена поколений в партийном и государственном аппарате, в центре и на местах: проверенные функционеры сталинской выучки один за другим лишаются своих должностей, а на их места приходят более современно мыслящие и реформаторски настроенные партийцы, зачастую совершенно неизвестные в Москве.

Следующая встреча лидеров двух стран состоялась 4 февраля в приграничном словацком городе Комарно вскоре после поездки Дубчека в Москву, первой в новом качестве. Первый секретарь ЦК КПЧ сообщил венгерскому коллеге о том, что встретил в Москве 30–31 января весьма доброжелательный прием, пожаловавшись вместе с тем на сохранявшееся недоверие со стороны руководителей Польши, ГДР и Болгарии¹³. Дубчек откровенно делился с Кадаром своими планами реформ, рассказывал о находившейся в процессе разработки Программе действий КПЧ.

21 февраля Кадар отбыл в Прагу на торжества в связи с 20-летием февральских событий 1948 года, когда коммунисты в Чехословакии единолично утвердились у власти. На широко отмечавшийся юбилей прибыли представители многих компартий. Между тем в течение февраля партийные «либералы» и реформаторы укрепили свои позиции в государственном аппарате, овладев целым рядом новых должностей, особенно в сфере идеологии и массовых коммуникаций. Обновленное руководство, заинтересован-

11 Янош Кадар о «пражской весне» // Коммунист. М., 1990. № 7. С. 97. Венгерское издание мемуаров: Kádár János — végakarat / Szerk. Veres M. Az interjú kész. Kanyó A. Budapest, 1989. Подробнее о содержании беседы на основе отчета Кадара на заседании Политбюро ЦК ВСРП см.: Huszár Tibor. 1968. Praga — Budapest — Moszkva.

12 Vida István. A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság. 1968. január-október. Hronológia // História. Budapest, 1993. № 9–10. 36. o.

13 Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról // História. Budapest, 1993. № 9–10. 38. o.

ное в ослаблении команды Новотного, санкционировали публикацию в прессе разоблачительных материалов, раскрывающих участие бывшего партийного лидера (и пока еще действующего Президента ЧССР) и людей из его окружения в репрессиях начала 1950-х годов. Все это не могло вызвать восторга в руководствах других стран советского блока. Зная об усилении «правых» тенденций в Чехословакии, гости решили все же не омрачать юбилейных празднеств открытой критикой в адрес хозяев. В Пражском Граде Кадар встретился не только с Дубчеком, но и с Новотным. Предчувствуя свой скорый уход с политической сцены и с нескрываемой обидой в брюзгливой манере выражая недовольство своим положением, Новотный в то же время довольно сдержанно высказался о Дубчеке, заявив, что в сложившейся ситуации предпочел бы видеть во главе партии именно его, а не кого-либо из более радикальных реформаторов¹⁴.

Вернувшись в Будапешт и продолжая оттуда наблюдать за развитием событий в соседней стране, Кадар стал находить все больше оснований для беспокойств. Как вспоминал он впоследствии, к этому времени в Чехословакии начали происходить «странные», на его взгляд, вещи: когда оппозиция выступала с новыми требованиями, правительство неизменно шло на явные уступки, что не могло не настораживать венгерского лидера, который сам часто прибегал к компромиссам в отношениях, в частности с творческой интеллигенцией, но при этом, по крайней мере, вплоть до середины 1980-х годов никогда не терял контроля за ходом событий в своей стране¹⁵. В Чехословакии, однако, пресса уже фактически вышла из-под партийного контроля. Возникают и очаги внепартийной оппозиции — разного рода клубы интеллигенции. Впрочем, Кремль настораживали не только спонтанные проявления общественной активности, сопровождавшиеся публичными выпадами против доморощенного коммунистического режима и его советских покровителей, но в еще большей степени значительные кадровые перемены, лишавшие советскую сторону надежных и привычных партне-

.....
14 Свидетельство Р. Ньерша. Ibid.

15 Янош Кадар о «пражской весне» // Коммунист. М., 1990. № 7. С. 97.

ров, способных гарантировать подконтрольность Москве происходящих в Чехословакии политических процессов. Создавалось ощущение, что система рушится, КПЧ перестает быть хозяином положения, сдает свои властные позиции.

Озабоченность соседей ситуацией в Чехословакии в течение марта заметно усилилась¹⁶. Ульбрихт с «железобетонным» упорством «прусского унтера», как называл его еще Л. П. Берия, продолжал выискивать в Праге идеологическую крамолу и прилагал очевидные усилия для установления железного занавеса уже не только на западной, но и на южной границе ГДР. «Дурной пример» чехов совершенно не давал покоя и В. Гомулке, находившемуся в сложном положении — студенческие волнения в Польше достигли в марте 1968 года критической точки. В этой обстановке 23 марта лидеры Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР и ЧССР съехались в Дрезден, чтобы обсудить ситуацию в Чехословакии. За два дня до этого, 21 марта, чехословацкие проблемы обсуждались на заседании Политбюро ЦК КПСС. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин указал на опасность неконтролируемого развития событий по венгерскому варианту 1956 года. Л. И. Брежнев в этой связи заявил о том, что для защиты социализма в Чехословакии нельзя исключать применения крайних мер¹⁷. В Дрездене Дубчеку и другим членам чехословацкой делегации пришлось выдержать «холодный душ»: из уст ряда выступавших — прежде всего Ульбрихта и Гомулки — звучали заявления

.....
¹⁶ Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 294–297. См. также: *Kramer, Mark. Ukraine and the Soviet-Czechoslovak Crisis of 1968. Part I. New Evidence from the Diary of Petro Shelest // Cold War International History Bulletin, Issue 10, March 98, pp. 234–247; Part II. New Evidence from the Ukrainian Archives // Ibid., Issue 14/15. Winter 2003-Spring 2004, pp. 273–368.*

¹⁷ Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 57–62. Насколько можно судить по документам, уже в марте в министерстве обороны СССР и Генштабе активизировалась разработка плана ввода войск в Чехословакию на случай, если будет принято принципиальное политическое решение о крайних мерах. Генерал армии А. М. Майоров, в 1968 году генерал-лейтенант, командовавший армией, дислоцированной в Западной Украине, свидетельствует о том, что он был ознакомлен с этим планом уже 12 апреля (*Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма. С. 19).*

о том, что «контрреволюция в Праге разгуливает на свободе»¹⁸. Имели место и личные выпады в адрес Дубчека. Выступление Гомулки «звучало так, как будто до января никаких вообще проблем с Чехословакией не было. Беды начались в январе», — вспоминал позже Кадар¹⁹. Брежнев был в меньшей мере склонен драматизировать ситуацию, чем дал повод для неудовольствия такого «ястреба», как украинский партийный лидер П. Е. Шелест²⁰. Генеральный секретарь ЦК КПСС все же указал на существующую, по его мнению, угрозу режиму в Чехословакии: «надо действовать, что-то предпринимать», — резюмировал он²¹.

Выработка позиции Венгрии на предстоящей дрезденской встрече стала предметом обсуждения на Политбюро ЦК ВСРП 19 марта. Смысл этой позиции заключался в следующем: реформы в Чехословакии — ее внутреннее дело; руководству ВСРП следует продолжать поддерживать Дубчека и в то же время пытаться воздействовать на лидеров КПЧ, чтобы те проявляли больше осмотрительности в проведении реформ и учитывали обеспокоенность друзей по поводу негативных явлений²². Именно в таком

18 Williams K. The Prague Spring and its aftermath. Czechoslovak politics 1968–1970. Cambridge, 1997; Huszár Tibor. 1968. Praga — Budapest — Moszkva... Стенографическая запись дрезденской встречи была сделана ее хозяевами, представителями Восточной Германии. Был подготовлен также ее перевод на чешский язык для чехословацкой делегации; Среди других источников — подробная записка В. Биляка для ЦК КПЧ (Латыш. С. 63), интервью Я. Кадара (Kádár János — végakarát), записи П. Шелеста («...Да не судимы будете». С. 298–301). Материалы об этой встрече из архива Чешской республики см.: Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. С. 28–30.

19 Янош Кадар о «пражской весне». С. 98.

20 Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 301. По мнению П. Шелеста, Брежнев дал усыпить себя обещаниями чехословацких лидеров А. Дубчека и О. Черника, заявлявших, что они «владеют положением и что никакой опасности сползания партии и страны вправо не может быть». Следует согласиться с М. Латышем: «Хотя Брежнев с самого начала кризиса был предрасположен к силовому решению, его психологии отвечало, чтобы инициатором был не он, а как бы события, другие люди, зарубежные и свои, которые подталкивали, подводили его к наиболее подходящему для его склада ума и характера решению. В силу этого обстоятельства он не являлся самым ярким антагонистом Дубчека на многочисленных встречах, предшествовавших вводу войск: всякий раз его выступления были очень долгими, но не самыми обостренными с точки зрения выводов» (Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. С. 64).

21 Янош Кадар о «пражской весне». С. 98.

22 Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról. 39. o.

духе Кадар и выступил в Дрездене²³. Его сдержанность особенно явно контрастировала с истерическими возгласами Гомулки. Контраст покажется тем более резким, если вспомнить, какую роль каждому из этих политиков пришлось сыграть в 1956 году. За 12 лет роли изменились. «С течением лет, — замечает польский публицист В. Ворошильский, непосредственный свидетель венгерской революции 1956 года — террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 год — А. С.) «вождь нации» Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи — ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией»²⁴. На каждом из этих двух незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению известного левого политолога Исаака Дойчера, клеймо «Made in Stalinism» и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму в его понимании. Однако если Гомулка переживал весной 1968 года острый кризис доверия, то Кадар, напротив, как раз в это время достиг верхней точки своей популярности внутри страны, а по мере первых успехов задуманной реформы рассчитывал на еще большее укрепление собственных позиций в руководстве ВСРП. Удар по начинаниям чехословацких коллег, менее искусных, чем он, в тактике политического маневрирования, мог отрицательно сказаться и на судьбе его реформы, а значит, и на личном престиже венгерского лидера как в глазах соотечественников, так и в зарубежном общественном мнении, хотя и не забывшем кровавую драму 1956 года, но все же успевшем признать Кадара не только коммунистом-реформатором, но и наиболее либеральным и респектабельным из восточноевропейских коммунистических лидеров. Все это предопределяло различия в действиях Кадара и Гомулки.

.....
²³ *Huszár Tibor*. 1968. Praga — Budapest — Moszkva... 50–59. o.

²⁴ *Ворошильский В.* Венгерский дневник // Искусство кино. М., 1992. № 4. С. 145–146.

Кадар в Дрездене выразил солидарность с реформаторскими планами КПЧ. В то же время он обратил внимание и на «негативные явления», напомнившие ему пролог венгерской «контрреволюции» 1956 года, поскольку и контрреволюционеры «начинают с невинных студенческих демонстраций, с выдвижения рассчитанных на дешевый успех требований, легко вводящих людей в заблуждение»²⁵. Логика событий может привести в стан врагов и тех, кто, как Имре Надь, изначально не был контрреволюционером, отметил вождь ВСРП. Впрочем, Кадар высказал надежду, что продолжение будет не таким, как в 1956 году в Венгрии. Он полагал, что КПЧ способна справиться с трудностями собственными силами и без применения жестких административных мер. При составлении коммюнике он просил коллег из братских партий воздержаться от положений, способных быть интерпретированными как вмешательство во внутренние дела КПЧ.

Представители КПЧ в ходе дрезденской встречи вежливо и, по мнению Кадара, «правильно отвергли те утверждения и обвинения, с которыми нельзя было согласиться»²⁶. Встреча прошла безрезультатно, преодолеть расхождения во взглядах на суть процессов, происходивших в Чехословакии, не удалось. Особенно недовольны итогами встречи были сами хозяева. Главный идеолог Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Курт Хатгер 26 марта, выступая на научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Карла Маркса, положил начало открытой критике в странах советского блока не только отдельных «ревизионистских» проявлений в Чехословакии, но и всей проводимой руководством КПЧ политики уступок. В справке Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран от 26 апреля отмечалось, что после дрезденской встречи товарищи из ГДР последовательно высказывались за «оказание коллективной помощи со стороны братских партий руководству ЧССР, вплоть до применения «крайних мер»

.....
²⁵ Латыш М. В. «Доктрина Брежнева» и «пражская весна» 1968 года (реализация тоталитарных принципов через партийную дипломатию) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995. С. 309.

²⁶ Янош Кадар о «пражской весне». С. 98–99.

для обеспечения социалистических завоеваний Чехословакии, если обстоятельства этого потребуют»²⁷.

В Венгрии реакция на итоги встречи была несколько иной даже со стороны деятелей ортодоксального крыла ВСРП, не хотевших слишком далеко идущих реформ в своей стране. Один из них, член Политбюро ЦК ВСРП Золтан Комочин, выступая 26 марта по национальному телевидению, сказал о том, что для руководства ВСРП определяющими в оценке действий «братской партии» остаются решения январского пленума ЦК КПЧ, имевшие целью ликвидацию пережитков «культы личности», осуществление «социалистической демократии», урегулирование экономических проблем. Он отметил, что в Чехословакии имеются и «нежелательные», с точки зрения венгерского руководства, явления: отсутствие единства в партийном руководстве, должного контроля за пропагандой, твердости в идеологической и культурной политике. Сложившаяся ситуация, заключил Комочин, требует от лидеров КПЧ ведения «борьбы на два фронта» — как против «догматических», так и против «ревизионистских» сил²⁸.

В свою очередь реформаторски настроенный премьер-министр Енё Фок, находясь 30 марта в Париже, заявил, что венгерское руководство разделяет цели, которые поставили перед собой партия, правительство и народ Чехословакии²⁹. Подобного рода заявления венгерских лидеров вызывали тем больший международный резонанс, что многие западные политические наблюдатели к этому времени уже начали проводить параллели между развитием событий в Чехословакии и начальным этапом венгерского кризиса 1956 года. Среди прочих об этом говорил Збигнев Бжезинский 13 марта в Колумбийском университете³⁰. Указывая на сходство процессов, западные эксперты выражали опасения и в связи с возможностью аналогичной реакции руководства СССР.

27 Чернев А. Д. «От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 году. // Кентавр. М., 1993. № 4. С. 79.

28 Там же. С. 82.

29 Там же.

30 Орлик И. Запад и Прага в 1968 году. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики. С. 5. Посольство Чехословакии в Вашингтоне тут же проинформировало о лекции З. Бжезинского свой МИД.

Основания для таких опасений действительно имелись, тем более что венгерские события 1956 года были памятливы и кремлевским лидерам — стабильность кадаровского режима не вызывала сомнений, и в силу этого они были склонны оценивать советскую политику в Венгрии в 1956 году как результативную. Весной-летом 1968 года в ходе обсуждения на Политбюро ЦК КПСС путей решения чехословацкого вопроса Венгрия 1956 года вспоминали все чаще и чаще³¹. По свидетельству дипломата и историка В. Мусатова, работавшего в то время в аппарате ЦК КПСС, имевшееся в отделе по связям с компартиями социалистических стран досье с сообщениями ТАСС о венгерском кризисе было затребовано высшим партийным руководством для изучения³². Очень веско звучал на Политбюро голос недавно назначенного председателя КГБ Ю. В. Андропова, в то время всего лишь кандидата в члены этого высшего партийного органа. В 1956 году посол СССР в Венгрии, он так никогда и не оправился от своего «венгерского синдрома». По отзывам людей из его окружения, Андропов в течение весны и лета 1968 года по дням сравнивал развитие событий в Чехословакии с тем, что происходило в Венгрии в 1956 году³³. «Методы и формы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские. В этом внешнем хаосе... есть свой порядок. В Венгрии тоже с этого начиналось», — заявлял Андропов на заседании Политбюро 15 марта³⁴.

Венгерский опыт действительно присутствовал в сознании чехословацких реформаторов, однако уроки из него они, как правило, извлекали совсем не те, что Андропов. Осенью 1956 года, вспоминает З. Млынарж, сторонники либерализации режима в Чехословакии, наблюдая за ходом венгерских событий, испытали настоящий страх перед толпой, линчующей коммунистов. Этот страх помог тогда Новотному утихомирить критиков своего режима, но

.....
³¹ Наиболее глубокий, на наш взгляд, анализ записей заседаний Политбюро за это время: *Латыш М. В.* «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998.

³² *Мусатов В.* Брежнев встретил утро ввода войск на командном пункте // Новое время. М., 1992, № 16.

³³ Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 171.

³⁴ *Пихоя Р. Г.* Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 1994, № 6. С. 9.

он подсознательно жил в чешских реформаторах и позже, тем более что противники перемен, в свою очередь, не давали этому чувству умереть, то и дело напоминая о венгерских «зверствах»³⁵. В отличие от О. Шика, поддерживавшего непосредственные связи с венгерскими экономистами, большинство чешских интеллигентов, хотя и живо интересовалось происходящим у соседей, не столь уж много могло узнать из своей прессы о сходных реформаторских начинаниях в Венгрии. Венгерский опыт незримо присутствовал в их сознании, прежде всего, как память о событиях 12-летней давности, в которых виделся не столько притягательный пример, сколько предостережение. Воспоминания о драматических эксцессах «будапештской осени» и жесткой реакции Москвы побуждали активистов «Пражской весны» к максимальной взвешенности, продуманности каждого шага, напоминали им, насколько опасно провоцировать кремлевское руководство сколопалительными, не до конца продуманными действиями (как, например, решение правительства Имре Надя о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора), и насколько важна для успеха реформ верность Чехословакии своим союзническим обязательствам.

Если реформаторы из КПЧ, усвоив уроки венгерской революции, вместе с тем в своих публичных выступлениях старались по понятным причинам всячески избегать проведения параллелей с событиями тех лет, то противники реформ, напротив, охотно воскрешали в памяти соотечественников сцены кровавых расправ над коммунистами и сотрудниками ГБ, зачастую преувеличивая масштабы насилия в Венгрии осени 1956 года. Аналогии происходивших в Чехословакии событий с «контрреволюцией» в Венгрии проводились ими уже начиная по крайней мере с января и в беседах с советскими дипломатами³⁶.

Под влиянием того, что происходило в соседней Чехословакии, а еще в большей мере майских волнений во Франции, воспоминания о собственном 1956 года не могли не оживиться и в самой Венгрии. В 1968 году мы вновь почувствовали дуновение революции,

.....
³⁵ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 47.

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 300. Л. 29.

«мы — те, кто в пятьдесят шестом были пацанами — хотели теперь выработать законы чистой, бескровной революции», — вспоминает театральный режиссер Иштван Паал³⁷. При этом в обстановке начатых экономических реформ в сознании большинства венгров доминировали оптимистические ожидания, поскольку питательной почвой для широкой оппозиции власти в стране не было³⁸. Это заметили и в аппарате ЦК КПСС. «Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 года, либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП», — отмечалось в записке от 26 апреля, подготовленной отделом по связям с компартиями социалистических стран для высшего партийного руководства³⁹.

«Пражская весна» предоставила Кадару и его команде повод четче обозначить собственные политические установки, дать свой ответ на вопрос о границах толерантности коммунистического режима, возникший в связи с развернувшимися в обеих странах реформами. Идеолог режима Дьердь Ацел в апреле 1968 года выступил с программным заявлением, в котором развил тезис о том, что ВСРП стремится не к установлению монополии своей идеологии и вытеснению других идейных течений, а лишь к обеспечению за собой доминирующих позиций. Хотя предпочтение в отношениях с оппонентами отдавалось открытым спорам, не исключалась и возможность административного давления в тех случаях, когда поставлены под угрозу основы режима. «Если кто-либо под предлогом дискуссии предпримет попытку создания политической организации или начинает иные

.....
³⁷ Власть и интеллигенция (из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). Вып. 2. М., 1993. С. 83.

³⁸ *Shawcross, William*. Crime and Compromise. Janos Kadar and the politics of Hungary since the revolution. New York, 1974; *Tőkés, Rudolf L.* Hungary's Negotiated Revolution. Economic Reform, Social Change and Political Succession, 1957–1990. Cambridge University Press, 1998.

³⁹ «От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 году. С. 83.

действия, нарушающие наши общественные нормы, мы отвечаем на это в соответствии с нашими законами... Против сознательно враждебных устремлений можно и нужно прибегать к административным мерам»⁴⁰. Таким образом, было принципиально заявлено, что плюрализм мнений отнюдь не перерастает автоматически в политический плюрализм. Там, где возникала угроза стабильности режима, Кадар и его команда жестко напоминали венграм о существовании границ своего либерализма. Четкое разъяснение венгерской интеллигенции основных постулатов своей идейной платформы казалось Кадару тем более своевременным, что развитие событий в соседней Чехословакии могло породить у кое-кого в Венгрии необоснованные иллюзии.

Лидеры ВСРП сочли нужным продемонстрировать твердость своих позиций именно в тот момент, когда их северные соседи этой твердости, по мнению Кадара, не проявляли. Пресса, почувствовав ослабление цензуры, перестала ограничиваться критикой команды Новотного, ушедшего в конце марта с поста Президента⁴¹, и занялась выявлением более общих пороков существующей системы. Чрезмерная, как полагал Кадар, уступчивость «чехословацких друзей», впрочем, пока еще не побуждала его к корректировке своей прежней доброжелательной линии в отношениях с ними. Венгерская пресса в отличие от прессы СССР, ГДР, Польши, Болгарии освещала происходящее в Чехословакии в позитивном ключе, хотя в самой Венгрии речь, как правило, не заходила о распространении экономических реформ на политическую сферу. 18 апреля Кадар к огромной радости чешских и словацких реформаторов публично поддержал опубликованный незадолго до этого манифест команды Дубчека, Программу действий КПЧ — документ, который в апреле раскритиковали на пленуме ЦК КПСС и который Брежнев несколько позже, на майской встрече представителей стран советского блока, оценил как «выражение мелкобуржуазной стихии», «программу, открывающую .....

⁴⁰ Népszabadság. 1968. 27. 04.

⁴¹ Сменивший его 73-летний генерал Людвик Свобода, в годы Второй мировой войны командующий Чехословацким армейским корпусом, организованным в СССР, был фигурой приемлемой для советского руководства.

возможности для реставрации капитализма в Чехословакии»⁴². 16 апреля Брежнев, по свидетельству тогдашнего члена Политбюро ЦК ВСРП экономиста-реформатора Реже Ньерша, в телефонном разговоре с Кадаром назвал Дубчека честным, но слабым человеком, указал на опасность контрреволюции в Чехословакии⁴³. Позиция Кадара, таким образом, все более отклонялась от курса Москвы.

Вопреки настояниям Кадара не обсуждать чехословацкие проблемы без участия представителей КПЧ, последние так и не были приглашены 8 мая в Москву на встречу руководителей 5 стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР). Спокойная и уравновешенная позиция Кадара в еще большей мере в сравнении с Дрезденом стояла особняком и вызывала открытые возражения других участников встречи⁴⁴. Смысл его выступления заключался не в последнюю очередь в стремлении предостеречь друзей от поспешных, непродуманных действий в отношении Чехословакии. Вместе с тем Кадар не возражал против предложения Москвы о проведении на территории ЧССР крупномасштабных маневров армий стран Организации Варшавского договора.

.....
42 Пихоя Р. Г. Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 1994, № 6. С. 14. «Программа действий» предусматривала совершенствование механизмов выявления многообразных социальных интересов, а потому, хотя и не посягала на гегемонию компартии, все-таки была первым шагом на пути к плюрализации общества.

43 Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról. 40. о. Брежнев, зная о доверительных отношениях Кадара с Дубчеком, многократно звонил венгерскому лидеру в течение марта-апреля и выражал опасения в связи с развитием событий в Чехословакии. Расчет делался на то, что Кадар не только сумеет донести до Дубчека советскую позицию, но и повлияет на чехословацкого лидера. Содержание телефонных разговоров анализирует Т. Хусар — главным образом на основе сообщений, которые Кадар делал на заседаниях Политбюро ЦК ВСРП по итогам бесед с Брежневым (Huszár Tibor. 1968. Praga – Budapest – Moszkva...).

44 Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. С. 63–94. В книге Т. Хусара ход дискуссии, происходившей на московской встрече 8 мая, рассмотрен на основе подробной записи, подготовленной венгерской делегацией (См.: Huszár Tibor. 1968. Praga – Budapest – Moszkva... 84–91. о.). М. Латыш анализирует ход обсуждения на основе советских записей, переданных в 1990-е годы в распоряжение чехословацкой стороны (См.: Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 108–110). См. также записи П. Шелеста, присутствовавшего на совещании: Шелест П. «...Да не судимы будете». С. 307–309.

Такие маневры, ставшие не просто демонстрацией военной силы, но и формой политического давления⁴⁵, состоялись в первой половине лета. Венгерские генералы докладывали Кадару о гнетущей атмосфере на командных пунктах, о том, что советский генералитет открыто демонстрировал недоверие к чехословацким коллегам, отчасти перенесенное и на венгров, которых считали ненадежными союзниками и не посвящали в целостный план военных учений⁴⁶. Среди советских военнослужащих вопреки усилиям политработников распространились слухи о том, что не только румынская компартия, но и ВСРП в межпартийной дискуссии по принципиальным проблемам, которую уже невозможно было скрыть, заняла сторону КПЧ⁴⁷.

Серьезные разногласия с Москвой не могли не вызвать озабоченности руководства ВСРП. Кадар всегда реально оценивал место своей страны в мире и четко осознавал пределы возможного во внешней политике Венгрии. «Мы малая страна, и не надо к нам слишком большого внимания», — неоднократно говорил он иностранным корреспондентам на пресс-конференциях конца 1950-х годов, когда весь мир внимательно следил за выходом Венгрии из глубочайшего внутривластного кризиса. Кадар понимал, что геополитическое положение ВНР исключает для нее проведение внеблоковой политики, которую могла себе позволить титовская Югославия, знал также, что те, кто помог ему прийти к власти в ноябре 1956 года, могут, если он не оправдает их доверия, лишиться его руля. На основе своего большого личного опыта венгерский лидер пришел к убеждению, что доверие советского руководства и отсутствие напряженности в отношениях с Москвой есть залог большей свободы рук во внутренней политике, в частности, при решении экономических проблем. Он всегда хорошо чувствовал колебания в настроениях в Кремле и у него сложилась своя тактика в контактах с советскими партнерами — отстаивая интересы Венгрии, как он их понимал, Кадар знал границы допустимых требований и в противоположность румынскому лидеру .....

⁴⁵ Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма. М. 1998.

⁴⁶ Pataky I. A Magyar Néphadsereg és az intervenció // História. Budapest, 1993. № 9–10. 54–57. о.

⁴⁷ Колесников М. Дневник офицера // Огонек, 1993, № 34.

Чаушеску старался не обострять разногласий с Москвой. Не было ни одного принципиального вопроса международных отношений, где лидер ВСРП заметно отступил бы от советской позиции⁴⁸. Причем такая политика была не просто плодом здравого смысла прагматической натуры Яноша Кадара, она до известной степени коренилась в национальной традиции — в свое время и некоторые правительства эпохи Хорти, находясь в тени другой господствовавшей в регионе державы, нацистской Германии, стремились сохранить, не обостряя разногласий, определенное поле для самостоятельного маневра⁴⁹. Знал Кадар и то, что он далеко опережает Москву в своем стремлении реформировать экономический механизм коммунистического режима на основе большей рациональности, учета материальной заинтересованности граждан, и что судьба реформ, им санкционированных, во многом зависит от внешних факторов, часто неблагоприятных для Венгрии (в Москве к 1968 году стал уже намечаться откат от осуществления самых умеренных, так называемых «косыгинских» реформ). Обозначившиеся разногласия с руководством КПСС поставили перед Кадаром непростую задачу — найти возможности для максимального сближения позиций с СССР, не поступившись в то же время своими реформаторскими планами, успех которых в немалой мере зависел и от успеха реформ в соседней Чехословакии, вызывавших в Кремле все более нескрываемое раздражение. Решение этой задачи неминуемо должно было обречь венгерских лидеров на далеко идущие компромиссы с Москвой.

24 мая Политбюро ЦК ВСРП констатировало, что различие позиций СССР и ВНР в оценке процессов, происходящих в Чехословакии, во многом предопределяется их расхождениями в более общих вопросах: о необходимости экономических реформ в странах советского лагеря, расширения экономических связей с Западом, о характере отношений внутри Организации Варшавско-

.....
⁴⁸ Гати Ч. Москва и Янош Кадар после 1956 года // Мост. Будапешт, 1992. № 1–2; Мусатов В. Л. Янош Кадар и время реформ в Венгрии // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 138–156; его же. К дискуссии о политическом пути и исторической роли Яноша Кадара // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы / отв. редактор О. В. Хаванова. СПб., 2010.

⁴⁹ Sándor György. Horthy, Kádár — hasonlóságok és különbségek. Budapest, 2004.

го договора и СЭВ. Поскольку и в Дрездене и Москве проявилось некоторое непонимание и даже недоверие к Венгрии, позицию ВСРП решено было прояснить. С этой целью началась подготовка проекта письма в адрес ЦК КПСС с изложением позиций венгерского руководства⁵⁰. В ходе дальнейших дискуссий отправку письма сочли несвоевременной, надежда на достижение большего взаимопонимания была возложена на ближайшую двустороннюю встречу. Открытого спора с Москвой решено было ни в коем случае не затевать⁵¹. К этому времени позиция Кремля претерпевает некоторые изменения. Премьер-министр Косыгин, посетив Чехословакию в мае с неофициальным визитом, был вынужден признать популярность Дубчека, персонифицировавшего курс на обновление, а, с другой стороны, убедиться в слабости позиций тех, кого в Москве считали более надежными друзьями⁵². Проведение военных маневров продолжало сохранять актуальность как форма политического давления, вместе с тем присутствие советских войск на постоянной основе рассматривалось лишь как одна из альтернатив, на случай наихудшего развития событий. Выжидательная линия Москвы давала Кадару возможность избежать крайне нежелательной для него дискуссии с советскими лидерами.

13–15 июня 1968 года партийно-правительственная делегация ЧССР во главе с А. Дубчеком посетила Венгрию. Целью этого планового визита было продление договора о разностороннем сотрудничестве двух стран. Напряженности в отношениях между ними пока еще не было, при том, что ожидавшееся в перспективе сближение Чехословакии с нейтральной Югославией и диссидентской Румынией не могло не оживить в венгерском политическом сознании синдрома начинающегося возрождения межвоенной Малой Антанты, имевшей в то время, прежде всего, антивенгерскую направленность. Особая позиция ВСРП все более противостояла генеральной линии советского блока, от которой по разным мотивам уже дистанцировались и Чехословакия, и Румыния. Сам факт продления Будапештом договора с Прагой в сложившейся

50 Baráth Magdolna. Magyarország és a Szovjetunió // «Hatvanas évek Magyarországon». Tanulmányok / Szerk. Rainer M. János. Budapest, 2004. 58–59. o.

51 Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról. 42. o.

52 Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. Глава V.

обстановке был воспринят, особенно в Восточной Германии, как уклон и даже сознательная демонстрация определенной политической позиции.

Однако в те самые дни, когда Дубчеку оказывались почести в Будапеште, в Праге журналист О. Махатка опубликовал в еженедельнике «*Literární listy*» статью «И это тоже юбилей» в связи с 10-летием вынесения смертного приговора Имре Надю. «Благодаря критике тоталитарной диктатуры и гуманистическому толкованию социалистической идеи И. Надь стал выдающимся представителем демократического и национального социализма», — писал он. Сохраняющим актуальность автор назвал тезис И. Надя о том, что для малых стран «залогом независимости является неучастие в военных блоках, нейтралитет»⁵³. Эта статья, о которой Кадар, очевидно, узнал уже после отъезда чехословацкой делегации на родину, вызвала в Будапеште эффект разорвавшейся бомбы. Главная газета ВСРП «*Nepszabadsag*», до тех пор воздерживавшаяся от критики «негативных явлений» в ЧССР, разразилась гневной отповедью. Помимо статьи Махатки объектом ее полемики стал опубликованный 27 июня программный документ внепартийной интеллигентской оппозиции «2000 слов», кстати перепечатанный газетой, издававшейся в венгерском городе Дьере. Для Кадара июньские публикации чехословацкой прессы были свидетельством того, что власть уже фактически выпустила из рук контроль за ходом реформ: внепартийная оппозиция перехватила инициативу у КПЧ и, таким образом, происходит сползание к венгерскому варианту 1956 года, в результате чего под угрозой могут оказаться не только основы коммунистического режима, но и отношения с союзниками. С этих пор руководство ВСРП считает необходимым скорректировать свой прежний курс поддержки чехословацких реформаторов.

С 27 июня по 4 июля Кадар во главе венгерской партийно-правительственной делегации находился в СССР. Из документов явствует его стремление к максимальному сближению с точкой зрения Кремля. Запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 3 июля, на котором Брежнев рассказывал о встрече с венграми, фиксирует

.....
⁵³ *Literární listy*, 1968. 13. 06.

довольно жесткую позицию вождя ВСРП в чехословацком вопросе. Кадар согласился с Брежневым в том, что «2000 слов» — это «контрреволюционная программа», направленная на разложение партии. Сложившаяся обстановка, по его мнению, теперь не исключала и силового варианта разрешения кризиса: «если потребуется, мы пойдем на это без сомнения»⁵⁴. Пребывание Кадара в Москве завершилось митингом советско-венгерской дружбы 3 июля. Выступивший на нем Брежнев напомнил собравшимся о разгроме «контрреволюции» в Венгрии, сказал, что СССР и впредь никогда не будет равнодушен к судьбам социализма в братских странах. Заверить лидеров КПСС в своей верности «интернациональному» долгу Кадар считал тем более важным, что его реформаторские планы вызывали в свете чехословацких событий все большее подозрение в Кремле — та же тактика повторялась и позже, в частности, в 1972 году, когда решалась судьба венгерской экономической реформы, свернутой в конце концов, и не в последнюю очередь, по настоянию Москвы⁵⁵. Но при всей однозначности и твердости заявленной Кадаром в начале июля позиции и при всем его недовольстве Дубчеком, не способным «обуздать» прессу, его дальнейшие действия свидетельствуют о том, что линия, выдержанная в Москве, носила во многом характер тактического маневра.

Через день после своего возвращения в Будапешт, 6 июля, Кадар направил в Президиум ЦК КПЧ письмо. Статья об И. Наде как провозвестнике демократического социализма была названа в нем попыткой вбить клин в отношения двух партий⁵⁶.

В это время уже шла подготовка очередного, варшавского совещания представителей компартий ряда стран советского блока. На этот раз приглашалась и КПЧ. Однако Дубчек и его сторонники в Президиуме ЦК КПЧ, не без оснований ожидая от предстоящей встречи еще более грубой, чем в Дрездене, проработки, стреми-

⁵⁴ Пихоя Р. Г. Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 1994, № 6. С. 20. Во многом именно этот документ, введенный в научный оборот Пихоей, дал ему основания для спорных утверждений о роли Кадара как яростного апологета интервенционистской линии в отношении Чехословакии.

⁵⁵ *Tőkés, Rudolf L. Hungary's Negotiated Revolution.*

⁵⁶ На этот документ ссылается Р. Ньерш: *Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról.* 44. о.

лись уклониться от участия в ней, предложив в качестве альтернативы серию двусторонних встреч⁵⁷. Обмен телеграммами с Прагой и Москвой от 9–10 июля свидетельствовал о том, что в возникшем споре Кадар во многом по своей инициативе пытался взять на себя посредническую миссию. Он считал целесообразным, чтобы коллективному совещанию предшествовала чехословацко-советская встреча, на которой каждая из сторон могла бы прояснить свою позицию⁵⁸. В Москве, однако, уже питали мало иллюзий в отношении возможности повлиять на Дубчека и обвиняли реформаторов из КПЧ (согласно советской идеологии, «правое крыло») в стремлении всячески оттянуть время до намеченного на начало осени съезда партии, который мог бы своими решениями закрепить ведущие позиции «ревизионистов». Предъявление чехам жесткого ультиматума считалось в этой ситуации задачей безотлагательной. Сблизить платформы Москвы и Праги Кадару не удалось: руководство КПЧ участвовать в варшавской встрече отказалось.

10 июля военный атташе посольства СССР вручил министру обороны ВНР Лайошу Цинеге письмо с сообщением о подготовке новых военных маневров «к Северу от Венгрии» с участием венгерских войск⁵⁹. Политика силового давления на Чехословакию продолжалась.

12 июля Политбюро ЦК ВСРП, обсудив ситуацию, решило, что на варшавской встрече венгерская делегация будет выступать за политическое урегулирование конфликта. С другой стороны, было сочтено необходимым продолжать воздействовать на КПЧ, склоняя ее лидеров к компромиссу⁶⁰. 13 июля Я. Кадар и Е. Фок отбыли в приграничный словацкий город Комарно на встречу с А. Дубчеком и председателем правительства ЧССР О. Черником. Их беседа

57 Дипломатический вестник. М., 1992. № 2–3. С. 54–71. См. ряд документов, относящихся к июлю: донесения посла СССР в Чехословакии С. В. Червоненко в МИД СССР от 9 и 15 июля о встречах с Дубчеком, письмо Президиума ЦК КПЧ в Политбюро ЦК КПСС от 13 июля и ответное письмо Политбюро ЦК КПСС.

58 *Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról.* 45. o. Подробнее о ситуации первой половины июля и посреднических шагах, предпринятых Кадаром, см.: *Huszár Tibor.* 1968. Praga – Budapest – Moszkva...

59 *Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról.* 45. o.

60 Записи этого заседания приводит Т. Хысар. См.: *Huszár Tibor.* 1968. Praga – Budapest – Moszkva. 158–159. o.

впервые прошла в напряженной обстановке. Отказ лидеров КПЧ от поездки в Варшаву Кадар назвал их грубейшей ошибкой, которая не только сводит на нет все его посреднические усилия, но и ставит его в неудобное положение перед союзниками⁶¹.

Варшавская встреча состоялась 14–15 июля, некоторые партнеры по ОВД вновь, как и в Дрездене, оказывали давление на советское руководство в целях ужесточения его позиции⁶². Венгерской делегации эта встреча «много радости не принесла. Некоторые смотрели на нас как на штрейкбрехеров, потому что накануне мы встречались с Дубчеком», — вспоминал Кадар 20 лет спустя⁶³. К доводам венгерского лидера избрать такой способ действий, который нашел бы поддержку большинства населения Чехословакии и общественного мнения за ее пределами, «не очень прислушались»⁶⁴. Особенно последователен был в своем радикализме Ульбрихт: «Если Вы, товарищ Кадар, считаете, что своими возражениями и оговорками служите делу социализма, то Вы глубоко заблуждаетесь... И не имеете ни малейшего представления о том, что случится. После того, как американские и западногерманские империалисты загребут в кулак Чехословакию, наступит и ваша очередь, товарищ Кадар. И этого-то Вы не можете или не хотите понять»⁶⁵. Кадар решительно отверг эти обвинения, заявив, что он полностью контролирует положение в своей стране, и это было абсолютной правдой⁶⁶. Что же касается ситуации в Чехословакии, то она, хотя и вызывала озабоченность, все-таки, по его мнению, пока не давала оснований для силового вмешательства в дела

.....
⁶¹ Подробнее об этой встрече на основании документов, подготовленных венгерской стороной по ее итогам: *Ibid.*, 159–164. о.

⁶² Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы / гл. ред.: Н. Томилина, С. Карнер, А. Чубарьян, 2010. С. 109–154. Я. Кадар уже вечером 15 июля выступил на Политбюро ЦК ВСРП с подробным отчетом о ходе и итогах встречи (приводится в книге: *Huszár Tibor*. 1968. Praga – Budapest – Moszkva... 164–171. о.).

⁶³ Янош Кадар о «пражской весне». С. 101.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Гати Чарльз*. Москва и Янош Кадар после 1956 года // Мост. Будапешт, 1992. № 1/2. С. 80. Слова Ульбрихта даются в записи переводчика Гомулки, на которую ссылается Ч. Гати.

⁶⁶ *Барат М.* Венгерские спецслужбы о настроениях интеллигенции в период чехословацкого кризиса // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. С. 457–463.

этой страны, ведь речь шла не о буржуазной реставрации, скорее о «югославизации». Аргументируя свою позицию, Кадар, как это ни парадоксально, привел в пример советскую политику в Венгрии в 1956 году, когда, осознав свою «историческую ответственность», представители КПСС сделали единственно правильный, по его мнению, в тех условиях выбор⁶⁷. Венгерский опыт вообще давал простор для самых разных интерпретаций. Дубчек, например, встречаясь 15 июля в Праге с советским послом С. В. Червоненко, напомнил о доверии, оказанном осенью 1956 года со стороны КПСС Я. Кадару в Венгрии, В. Гомулке в Польше, которые изначально отнюдь не считались «людьми Москвы». «Он, Дубчек, считает, что и сейчас, когда в Чехословакии приведены в движение разные силы, было бы правильно, если бы КПСС и другие партии поддерживали нынешнее руководство»⁶⁸.

Можно согласиться с тем, что, оставляя за собой право на окончательное решение, советские лидеры всерьез прислушивались к мнению Кадара, зная, что за его плечами реальный опыт разрешения венгерского кризиса 1956 года⁶⁹. И напрашивается предположение, что отсутствие в Варшаве единодушия, обусловленное в первую очередь особой позицией Кадара, сыграло свою роль в отсрочке окончательного выбора в пользу интервенции. 15 июля варшавское совещание направило в адрес ЦК КПЧ письмо с требованием принять безотлагательные меры по отражению «натиска врага», оно было на следующий день опубликовано в центральной прессе всех стран, чьи главы съехались в столицу Польши. Дубчек в ответном заявлении от 18 июля заверил союзников в том, что Чехословакия не нарушит своих обязательств по Организации Варшавского договора⁷⁰.

.....
⁶⁷ Янош Кадар о «пражской весне». С. 101.

⁶⁸ Дипломатический вестник. М., 1992. № 2–3. С. 69. Донесение С. В. Червоненко о встрече с А. Дубчеком.

⁶⁹ Пихоя Р. Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого // Сегодня, 23 августа 1996 года. Брежнев в ходе телефонных разговоров с Кадаром еще в марте просил венгерского лидера обеспечить Дубчека необходимой информацией о событиях 1956 года.

⁷⁰ Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. М., 2010.

После варшавской встречи в Москве усиленно прорабатывались оба варианта разрешения «чехословацкого кризиса»: переговорный и силовой. Выбор любого варианта предполагал тесное сотрудничество с так называемыми «здоровыми силами» — той частью чехословацкой партократии, которая была готова подчиниться диктату Кремля и выполнить свою функцию в деле «наведения порядка». В поисках альтернативы Дубчеку и его команде налаживаются более тесные контакты с деятелями «левого крыла» в руководстве КПЧ. Венгрия и здесь выступила в роли посредника. В ночь с 20 на 21 июля на озере Балатон П. Е. Шелест имел длительную секретную беседу с В. Биляком, обсуждалась возможность организованного выступления «левых сил», готовых обратиться к СССР за помощью⁷¹. Перед этим украинский партийный лидер встречался в Будапеште с Кадаром, который не только оценил положение в Чехословакии как весьма серьезное, но и заверил советского эмиссара в готовности Венгрии подчиниться блоковой дисциплине, если в этом будет необходимость. По свидетельству Р. Ньерша, Брежнев 23 июля по телефону благодарил за это лидера ВСРП: «Никогда не забудем!», — говорил он⁷².

В те же самые дни, однако, велась подготовка новой встречи представителей КПСС и КПЧ. Она состоялась 29 июля — 1 августа на границе двух стран, в Чиерне-над-Тисой, где руководству КПЧ были предъявлены унижительные требования: об отстранении ряда «ненадежных» функционеров, запрещении некоторых клубов интеллигенции, установлении контроля над прессой и т. д.

71 Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 347–351.

72 Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról. 48. о. 26–27 июля на Политбюро ЦК КПСС обсуждались и были приняты документы, необходимые при реализации силового варианта — Обращение советского правительства и военного командования к гражданам ЧССР, Декларация Политбюро ЦК КПЧ и Революционного правительства, Заявление «К советскому народу». Советская пресса, освещая положение в Чехословакии, уже открыто проводила параллели с Венгрией кануна октября 1956 года. Впрочем, Брежнев, хотя и понимал, что утрата контроля над Чехословакией будет стоить ему должности, продолжал проявлять свою природную нерешительность. «Все ли мы исчерпали из арсенала политического воздействия, все ли мы сделали до того, как принять крайние меры?» — вопрошал он на Политбюро 19 июля у своих соратников (Тихоя Р. Г. Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 35).

Дубчек и его соратники получили от Москвы последний шанс⁷³. Состоявшееся вслед за этим 3 августа совещание представителей 6 стран в Братиславе, на котором с венгерской стороны также высказывались сомнения относительно использования силы, дало новую отсрочку военного вмешательства. Складывалось впечатление, что напряженность уменьшилась, чехословацкий народ облегченно вздохнул, вспоминал О. Черник⁷⁴. Аналогичен отзыв Кадара: в Братиславе «казалось, все должно нормализоваться... Но радость была преждевременной»⁷⁵.

Вернувшись в Будапешт, лидер ВСРП в обращении к венграм от 5 августа заявил, что разногласия можно преодолеть, если сосредоточиться на поисках того, что объединяет «братские партии». Сохранялось, однако, и осознание сложности ситуации. 7 августа на Пленуме ЦК ВСРП Кадар заметил, что внутренние проблемы Чехословакии остаются нерешенными. Необходимо сделать все для нахождения политического решения, «но если этого не получится, то не исключено применение других мер»⁷⁶. Движение за реформы, за трансформацию чехословацкого коммунистического режима в общество с элементами плюрализма и более рациональной экономикой приобрело к тому времени собственную динамику, что затрудняло любые попытки противодействия со стороны властей. Вопреки последовательному стремлению чехословацких реформаторов не допустить сползания к венгерскому варианту 1956 году, со стороны создавалась видимость такого сползания, утраты контроля сверху за ходом преобразований. Москва воспринимала это как угрозу союзническим отношениям⁷⁷. К тому же Дубчеку и его команде своей открытой, толерантной внутренней политикой удалось завоевать немалую поддержку в обществе, и они не хотели жертвовать своей популярностью, ограничивая

.....
⁷³ Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 189–196.

⁷⁴ Интервью 1989 года (Известия. 1989. 5 декабря).

⁷⁵ Янош Кадар о «пражской весне». С. 101.

⁷⁶ Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 138. Подробно о ходе пленума см.: *Huszár Tibor*. 1968. Praga – Budapest – Moszkva... 230–241. о.

⁷⁷ См. размышления об этом М. Латыша в его книге: «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 44.

в угоду Москве проявление свободной общественной активности. Кроме того, у чехословацких лидеров не было четкого представления о границах терпимости советского руководства. О существовании подобной грани Дубчеку в ходе бесед постоянно напоминал более опытный Кадар. Таким образом, внутривластная обстановка в Чехословакии оставалась неизменной, пресса — столь же неподцензурной, а дискуссионные клубы столь же активными. Все это означало, что вероятность силового выбора возрастала с каждым августовским днем.

С 12 по 15 августа Я. Кадар находился в Ялте, где встречался с Л. Брежневым, Н. Подгорным и А. Косыгиным. «Советские лидеры, — вспоминал он позже, — хотели побеседовать с нами (венграми) о ситуации в Чехословакии отдельно, потому что знали, что у нас сложились особые отношения с руководством этой страны, они надеялись, что мы сможем повлиять на него»⁷⁸. В конце концов договорились, что 17 августа Кадар вновь увидится с Дубчеком. Однако и эта встреча, по оценке венгерского лидера, «не привела к желаемым результатам»⁷⁹. Последняя из посреднических миссий Венгрии, как и предшествующие, завершилась неудачей.

Беседа лидеров Чехословакии и Венгрии в Комарно происходила в течение 13 часов в тяжелой атмосфере. Кадар пытался развеять все возможные иллюзии Дубчека, предупредил его о вероятных последствиях отказа пойти навстречу жестким требованиям Москвы⁸⁰. По свидетельству Ньерша, о точном времени совмест-

78 См.: *Huszár Tibor*. 1968. Praga — Budapest — Moszkva... 251–258. о. По свидетельству Д. Ацела, в июле – августе Брежнев часто звонил Кадару и, пытаясь доказать ему, сколь опасна ситуация в Чехословакии, «часами зачитывал ему цитаты из провинциальных чешских газет с какими-то действительно дурацкими заявлениями». Это, однако, не убеждало венгерского лидера в целесообразности незамедлительного ввода войск в Чехословакию: Из беседы В. В. Загладина с Д. Ацелом. Декабрь 1990 года. // Центрально-Европейский ежегодник. Вып. 1. М., 2003. С. 327.

79 Янош Кадар о «пражской весне». С. 101.

80 О содержании и итогах встречи известно из сообщений Кадара, сделанных на совещании лидеров компартий пяти стран советского блока в Москве 18 августа, а также на Политбюро ЦК ВСРП 20 августа, где венгерский лидер был более откровенен. Материалы совещания 18 августа см.: Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. С. 232–253. На основании польской записи прокомментировано в книге: *Латыш М.* «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. С. 222–225.

ной военной акции Кадар узнал только 18 августа⁸¹. Между тем у Дубчека сложилось впечатление, что венгерский лидер хотел на прощание сказать ему что-то существенное, но не сделал этого⁸². В 1989 году в интервью венгерскому телевидению бывший лидер КПЧ говорил, что до самого конца у него сохранялась надежда, что Кадар, а быть может и Гомулка, бойкотируют участие в военной операции. Он полагал, что отказ Венгрии поставил бы руководство СССР в сложное положение и, возможно, предотвратил бы интервенцию. Кадару не был присущ такой идеализм. В Комарно он откровенно сказал Дубчеку: события переходят ту грань, когда что-то может зависеть от позиции Венгрии (как, впрочем, не повлияла на принятое в Москве решение особая позиция Румынии, с самого начала предсказуемая в свете последовательно проводимой румынской внешней политики; как и не повлияла позиция самых влиятельных западных компартий).

Из Комарно с заездом в Будапешт Кадар отбыл в Москву, где 18 августа состоялась новая встреча лидеров 5 стран. Именно там руководство КПСС ознакомило своих союзников с окончательным решением по Чехословакии, принятым на заседании Политбюро 17 августа. В соответствующем постановлении отмечалось: «Учитывая, что со стороны КПСС и других братских партий уже исчерпаны все политические средства воздействия на руководство КПЧ, чтобы побудить его к отпору правым, антисоциалистическим силам, Политбюро ЦК КПСС считает, что наступил момент для применения активных мер по защите социализма в ЧССР и единодушно решает: оказать Коммунистической партии и народу Чехословакии помощь и поддержку вооруженными силами»⁸³. Торопиться с решением Москву заставляли как ожидавшийся в скором времени съезд КПЧ с его далеко идущими кадровыми решениями, так и предстоящие маневры НАТО в Баварии; существовали опасения, что присутствие неподалеку от границ Чехословакии войск западных держав придаст смелость чехословацким «правым», которые, следуя примеру Имре Надя, объявят о разрыве с Орга-

81 *Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról.* 49. o.

82 *Латыш М.* «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. С. 212.

83 Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. С. 184.

низацией Варшавского договора⁸⁴. Операцию по вводу войск намечалось осуществить в ночь на 21 августа. План политического обеспечения военной акции строился из расчета выступления «левых» сил, которые, получив большинство в Президиуме ЦК КПЧ, обратятся за помощью к «братским странам». Кадар рассказал о встрече с Дубчек, оценив ее как безрезультатную: руководство Чехословакии не проявляет решимости осуществить согласованные в Братиславе меры, так что политические средства и с его точки зрения можно было уже считать если не исчерпанными, то близкими к исчерпанию⁸⁵. Дубчек, этот *enfant terrible*, был, по словам Кадара, в состоянии нервного истощения и зачастую высказывался не очень ясно. Когда 18 августа, в ходе последнего перед интервенцией московского совещания мы все же сделали оговорку о том, что военное решение — лишь самая крайняя и нежелательная мера, на наши слова уже никто не реагировал, — вспоминал позже Кадар⁸⁶, которому, по словам известного американского политолога и историка венгерского происхождения Чарльза Гати, приходилось идти «узкой тропкой, ведя корабль страны между Сциллой и Харибдой — желаемого и возможного»⁸⁷. С перспективой вооруженного вмешательства, как объяснял он свою позицию в конце 1980-х годов, венгерское руководство согласилось только тогда, когда выяснилось, что другого выхода нет: чехословацкие товарищи не сделали тех шагов, с помощью которых, вероятно, можно было бы избежать катастрофы, «а в Москве стало очевид-

84 См.: Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма 11 августа Брежнев поделился такого рода опасениями с генерал-лейтенантом А. М. Майоровым, командующим армией, которой отводилась важная функция в ходе предстоящей военной операции. К этому можно добавить, что в августе 1968 года среди чехословацкого высшего офицерства и, в частности в военно-политической академии получила хождение идея нейтралитета по югославскому образцу (*Havranek J. Megújhdott szocializmus? // História. Budapest, 1994. № 5–6. 63. o.*).

85 Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. С. 247–248.

86 Янош Кадар о «пражской весне». С. 101–102.

87 Гати Ч. Москва и Янош Кадар после 1956 года. С. 79. Присущий Кадару прагматизм, а самое главное, реальный опыт 1956 года заставили его в ходе обсуждения 18 августа акцентировать внимание на необходимости хорошо подготовить открытое выступление «левых сил», способных заручиться поддержкой большинства в ЦК и парламенте. Этому он уделял не меньшее внимание, нежели военной операции.

ным, что мы оказались в одиночестве с нашими только начинавшимися реформами. Против нас было большинство социалистических стран»⁸⁸.

По свидетельству В. Мусатова⁸⁹, взамен за участие венгерских войск в операции Брежнев обещал Кадару экономическую помощь. Сам Кадар, не отрицая этого факта, все же отказывался признать названный довод существенным, а тем более решающим: «было бы бессмысленно предполагать, что мы так мелочно торговались за счет наших чехословацких соседей. Именно мы, которые так много сделали для спасения ситуации»⁹⁰. Думается все же, что он несколько лукавил: страх перед экономическими санкциями СССР мог сыграть свою роль в позиции Кадара, осознававшего все издержки участия в сомнительной военной акции для своего престижа жесткого и авторитарного, но при этом реформаторски настроенного коммунистического политика. Речь, правда, могла идти не об экономической помощи, а скорее о готовности Москвы дать зеленый свет венгерским реформам при условии, что они не распространятся с экономики на политическую сферу.

Советские лидеры, никогда не упуская из виду венгерский опыт 12-летней давности, вместе с тем избрали несколько иную тактику, нежели в 1956 году. Если тогда они предпочли осуществить акцию собственными силами, то в 1968 году, напротив, стремились интернационализировать конфликт, представить че-

.....
⁸⁸ Янош Кадар о «пражской весне». С. 102. Интересно, что советский генералитет даже 18 августа не был уверен в поддержке Венгрией военной акции. По свидетельству генерала А. М. Майорова, министр обороны маршал А. А. Гречко говорил утром этого дня на совещании командного состава о том, что у Кадара имеются «некоторые осложнения» с членами своего Политбюро и окончательную позицию он изложит только утром 19 августа (См.: *Майоров А. М.* Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. С. 218). Это было правдой. Как вспоминает Д. Ацел, он и Р. Ньерш заявили Кадару, что подадут в отставку в знак несогласия с вводом войск в Чехословакию. Кадар ответил им, что никакой отставки не примет, и добавил: «Чего вы этим добьетесь? Не участвовать во вводе войск мы не сможем — в этом случае следующей страной, куда придут войска, будет Венгрия. А с другой стороны, если мы будем участвовать в операции, может быть, сможем как-то помочь сохранить в Чехословакии то ценное, что там есть, помочь Дубчеку» (Центрально-Европейский ежегодник. Вып. 1. С. 327).

⁸⁹ *Мусатов В.* Предвестники бури. С. 130.

⁹⁰ Янош Кадар о «пражской весне». С. 102.

хословацкий вопрос как общее дело всего советского лагеря, разделив с союзниками ответственность за принятые меры. Тем не менее при выработке конкретного плана действий был взят за основу апробированный в Венгрии сценарий приведения к власти сил, заявляющих о разрыве со старым правительством (как и в 1956 году, новое правительство хотели поначалу назвать Революционным рабоче-крестьянским). Когда после провала первоначального плана в конце концов решено было сделать ставку на словацкого политика Густава Гусака, также сработала ассоциация с польскими и венгерскими событиями 1956 года: Гусак подобно Кадару и Гомулке тоже представлял в общественном мнении жертвой прежнего режима и вместе с тем оказался для Кремля человеком надежным, поскольку способным к реализации продиктованной из Москвы программы нормализации.

Вернувшись в Будапешт, Кадар созвал 20 августа Политбюро ЦК ВСРП. Судя по записям, он был в тот день весьма критичен в отношении советского руководства. Ситуация, сложившаяся в Чехословакии, вызывала у него аналогии не с венгерскими, а скорее с польскими событиями 1956 года, когда неплохо сработал мирный сценарий. Соответственно и венгерский рецепт разрешения кризиса здесь, по его мнению, не подходил. Однако если мы откажемся участвовать, рассуждал Кадар, это создаст еще большую напряженность, нервозность, еще более осложнит ситуацию, делает ее непредсказуемой. К тому же, если Венгрия останется в стороне, повторял он, она лишит себя возможности хоть сколько-нибудь влиять на дальнейшее развитие событий. Речь, таким образом, шла о печальной необходимости. Политбюро, приняв к сведению эти доводы, санкционировало решение об участии венгерских войск в военной акции⁹¹. Все руководство партии, вспоминал Кадар в конце 1980-х годов, искренне сожалело, что наши усилия по примирению Москвы и Праги оказались безрезультатными⁹². Однако, поскольку выбор был сделан, при-

⁹¹ *Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról.* 49.o. На запись заседания Политбюро ЦК ВСРП от 20 августа ссылается и Т. Хусар (*Huszár Tibor.* 1968. Praga — Budapest — Moszkva... 253. o.).

⁹² Янош Кадар о «пражской весне». С. 102. Венгерский лидер не упомянул здесь о том, что один из влиятельных ветеранов ВСРП, отставной генерал, а в 1968 году

шлось заняться пропагандистским обеспечением акции 5 стран⁹³. В целом венгерская пресса занимала гораздо более сдержанную позицию, нежели пресса других стран, участвовавших в военной акции. Сам Кадар после 21 августа демонстративно мало выступал перед венгерской публикой по чехословацкому вопросу, как бы давая ей понять вынужденность своей интервенционистской позиции. С другой стороны, сам факт участия Венгрии в военной акции был должным образом использован советским руководством в его пропаганде и служил ему серьезным аргументом в их спорах с «еврокоммунистами», сомневавшимися в целесообразности силового решения. Так, А. П. Кириленко, принимая в ноябре 1968 года деятеля итальянской компартии, ее будущего лидера Э. Берлингуэра и пытаясь доказать ему необходимость военного вмешательства в Чехословакии, ссылаясь на Кадара, который хорошо знает, что такое контрреволюция и именно поэтому вместе с другими лидерами социалистических стран выступил за «пресечение опасного развития в Чехословакии». О том, что Кадар долгие другие противился акции и внутренне так никогда и не признал ее политической целесообразности, речи, разумеется, не шло. Показательно, что главным мотивом, послужившим для принятия военного решения, Кириленко называл стремление не допустить повторения в ЧССР венгерских событий с их многочисленными жертвами⁹⁴. Несколько позже Кадар и венгерское руководство заняли довольно жесткую, хотя и более мягкую в сравнении с тем, что имело место в СССР и ГДР, позицию в отношении

.....
посол Венгрии в ГДР Андраш Тёмпе отправил в ЦК письмо, в котором выразил решительное несогласие с участием Венгрии в чехословацкой акции. См.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов / отв. редактор Ю. С. Новопашин. СПб., «Алетейя», 2012. С. 73–77. Тёмпе был вынужден уйти на пенсию, а в 1971 году он застрелился, с 3-летней дистанции убедившись в том, что уступка Москве в августе 1968 года повлекла за собой фактический отказ от реформаторского курса. Против ввода венгерских войск в Чехословакию выступило еще несколько членов ЦК ВСРП, получивших взыскания за нарушение партийной дисциплины.

⁹³ Zsidai P. A magyar néphadsereg 1968-as csehszlovákiai inváziójának propagandatevékenysége // Kritika. Budapest, 2005. № 7–8.

⁹⁴ «Мы спасли социализм в этой стране». Из записи переговоров с делегацией ИКП 13–14 ноября 1968 года. // Источник. 1994. № 5.

тех венгерских интеллектуалов, которые осмелились публично осудить военное вмешательство в Чехословакии⁹⁵. В стране в целом сохранялась довольно спокойная ситуация. Как отмечалось в донесении посольства СССР в Венгрии, «ни развитие событий в Чехословакии, ни совместная военная акция пяти социалистических стран, не вызвали заметного ухудшения политических настроений в Венгрии», это касалось и творческой интеллигенции, вызывавшей особое беспокойство как потенциальный источник оппозиционных настроений. Посольство объясняло это «политическим опытом, накопленным в период с 1956 года, доверием к руководству ВСРП и занятостью внутренними делами»⁹⁶.

Расклад сил на международной арене и позиция западных держав благоприятствовали силовому выбору Москвы. Восточноевропейская политика США и их союзников по НАТО была подчинена задачам сохранения стабильности в отношениях с СССР. Хотя в американских политических кругах звучали и мнения о необходимости более активной и жесткой политики противодействия Кремлю, доминировала все же та точка зрения, что усиление полицентрических тенденций в восточноевропейском лагере нарушит сложившийся баланс сил в Европе, увеличит напряженность на континенте и потому нежелательно для Запада. На протяжении всей «Пражской весны» правительство США последовательно дистанцировалось от архитекторов чехословацких реформ, стараясь не давать СССР и его союзникам малейшего повода для обвинений во вмешательстве во вну-

⁹⁵ Если всемирно известный философ-марксист Дьердь Лукач, хотя и донес до Кадара свое крайне отрицательное отношение к акции, но все же воздержался от ее критики на страницах западной прессы, то несколько его учеников (А. Хеллер и др.), находившихся 21 августа 1968 года на философском конгрессе в Югославии, подписали публичное письмо протеста. За свой поступок они были подвергнуты партийным взысканиям и административным ограничениям. См. среди прочего: *Стыкалин А. С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001; Его же. Дьердь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы, 2009. № 1. С. 88–125; Дьердь Лукач: взгляд из Москвы (1968 года) / Публикация, предисловие и комментарии А. С. Стыкалина // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. III. М. Ставрополь, 2007. С. 184–200. См. также воспоминания Агнеш Хеллер в форме серии интервью: *Heller Ágnes. Bickliziő majom. Kőbányai János interjúregénye.* Budapest, 2004.

⁹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 83. Л. 21.

тренние дела ЧССР и, соответственно, предлога для ответных силовых действий⁹⁷. Госдепартамент использовал доступные ему рычаги давления на прессу, сдерживая проявление симпатий к происходящему в Чехословакии. Более того, используя дипломатические каналы, он неоднократно призывал пражских реформаторов к сдержанности и осторожности, прямо давал понять, что не поддержит требования чехословацкого нейтралитета, поскольку их выдвижение увеличивает риск драматического развития. Исходя из незыблемости ялтинско-потсдамских договоренностей, США и другие западные державы и после 21 августа вопреки всей своей пропагандистской риторике не только не были склонны к далеко идущим санкциям против СССР, но в целом демонстрировали отсутствие каких-либо особых интересов во внутренних делах стран восточноевропейского блока. Как в либеральных, так и в консервативных кругах разных стран существовали к тому же опасения, что успехи пражских реформаторов усилят влияние левых идей и партий на Западе, что казалось явно нежелательным, особенно в свете только что пережитых майских волнений во Франции. Некоторая жесткость была проявлена лишь на встрече госсекретаря США Д. Раска с послом СССР в Вашингтоне А. Ф. Добрыниным 30 августа. Речь шла о том, что в случае аналогичной акции СССР и его союзников в отношении Румынии США могут принять в ответ серьезные меры в целях смены власти в Восточной Германии⁹⁸. Никаких военных акций против Румынии, однако, не планировалось, и угроза повисла в воздухе.

Как и в случае с венгерскими событиями 1956 года, США фактически признали за Советским Союзом свободу рук в сфере сво-

.....
⁹⁷ Позиция Запада и в первую очередь администрации США в связи с событиями вокруг Чехословакии изучена в целом ряде работ. См. среди прочего: *Valenta Jiri*. Soviet Intervention in Czechoslovakia, 1968: Anatomy of a Decision. Revised Edition. Baltimore, 1991. (Русское издание: *Валента И.* Советское вторжение в Чехословакию. 1968. М., 1991); *Латыш М.* «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля; Орлик И. И. Запад и Прага в 1968 году по документам министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. См. также ряд статей в вышеупомянутых сборниках: 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива; Пражская весна и международный кризис 1968 года. Исследования.

⁹⁸ Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. С. 329.

его влияния. При этом принимались во внимание намеченные на осень переговоры по ограничению стратегических вооружений, сорвать которые из-за Чехословакии не хотелось. Кроме того, уязвимым местом для позиции США оставалась война во Вьетнаме. В случае проведения более жесткой политики на чехословацком направлении уходящая администрация Л. Джонсона не могла избежать назойливых напоминаний, в первую очередь от своих американских оппонентов, о собственной ответственности за не оправдавшуюся вьетнамскую акцию.

Некоторые влиятельные западные наблюдатели резонно замечали к тому же, что акция ОВД от 21 августа 1968 года при всей недопустимости ее методов носила в известном смысле оборонительный характер, будучи субъективно направленной на восстановление пошатнувшихся позиций СССР в одной из ключевых стран своей зоны безопасности, сохранение достигнутого паритета, а отнюдь не на овладение новым геополитическим пространством. Особенно откровенно говорил об этом, пожалуй, генерал Ш. де Голль, который, кстати сказать, еще осенью 1956 года шокировал французское общественное мнение фактическим оправданием советских действий в Венгрии интересами равновесия сил в Европе⁹⁹.

Убеждение в том, что большой войны из-за Чехословакии не будет, сыграло немалую роль при выработке окончательного, силового решения. Характерны в этой связи слова министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, произнесенные 19 июля на заседании Политбюро ЦК КПСС: «Я думаю, что сейчас международная обстановка такова, что крайние меры не могут вызвать обострения, большой войны не будет... Международная обстановка сейчас не таит никаких неожиданностей для нас»¹⁰⁰. Тезис о том, что «большой войны не будет» слово в слово совпадает с тем, что говорил Н. С. Хрущев на

.....
⁹⁹ Об отклике на выступление Шарля де Голля французских левых интеллектуалов, не согласных с политикой СССР в отношении Венгрии в 1956 году, см. записи их бесед с советскими эмиссарами: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 223. Л. 144.

¹⁰⁰ Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. С. 179. См. также: Пихоя Р. Г. Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 1995. № 1. С. 36.

заседании Президиума ЦК КПСС 31 октября 1956 года в связи с венгерскими событиями¹⁰¹.

Хотя военная операция была проведена генералами четко¹⁰², политическая акция, несмотря на предостережения Кадара, явно не удалась. Вопреки чересчур оптимистическим прогнозам советского посольства, на протяжении многих месяцев дававшего в Москву искаженную картину общественных настроений и соотношения сил в партийном руководстве¹⁰³, «здоровые силы» так и не сумели добиться большинства в Президиуме ЦК КПЧ, президент Л. Свобода отказался признать марионеточное правительство «друзей Москвы». Как Национальное собрание ЧССР, так и состоявшийся в конце августа XIV съезд КПЧ (кстати, единственный в истории партии съезд, прошедший нелегально) осудили акцию. На ее незаконный характер указал и представитель Чехословакии на заседании Совета Безопасности ООН, где 21 августа состоялись жаркие дебаты¹⁰⁴. Поскольку вариант с приведением к власти новой команды по венгерскому образцу не сработал, тактику пришлось менять на ходу. Вывезенных в СССР под конвоем членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПЧ А. Дубчека, Ф. Кригеля, Й. Смирковского, О. Черника, Й. Шпачека и Б. Шимона усадили за стол переговоров в числе представителей чехословацкой стороны и навязали им целый ряд новых, еще более жестких, чем в Чиерне-над-Тисой и Братиславе, ультимативных требований. «Все, что

.....
¹⁰¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 480.

¹⁰² Орлик И. И. Запад и Прага в 1968 году. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики. С. 17. Посольство Чехословакии в США доносило в Прагу 17 сентября: «Военные специалисты США оценивают акцию пяти стран Варшавского Договора как полный военный успех» (См. также: Polk, James H. Reflections on the Czechoslovakia Invasion, 1968 // Strategie Review, 1977).

¹⁰³ См.: Чехословацкий кризис 1967–1969 годах в документах ЦК КПСС.

¹⁰⁴ Исраэлян В. Л. 105-е вето Советского Союза // Международная жизнь. 1990. № 10. С. 125–126. «21 августа штаб-квартира ООН на Ист-Ривер напоминала встревоженный муравейник... Политическая атмосфера, в которой проходила дискуссия в Совете Безопасности, была предельно накалена. Ни до, ни после мне не доводилось быть свидетелем столь острой, грубой, порой оскорбительной для отдельных ее участников полемики. Она шла в основном между американским и советским представителями», — вспоминал В. Л. Исраэлян, в то время заместитель постоянного представителя СССР в ООН. Венгрия была в 1968 году временным членом Совбеза и лишь она одна поддержала СССР.

мы могли сделать в Москве, — это попытаться ограничить потери и сохранить возможно больший простор для дальнейших самостоятельных действий... Я не терял надежды, что нам удастся спасти существенную часть своих реформ», — вспоминал Дубчек в одном из поздних интервью¹⁰⁵. Эти иллюзии, однако, не оправдывались. Под давлением Кремля руководство ЧССР постепенно расширяло пределы компромисса, шло на новые уступки, и это в конечном итоге привело к окончательному отказу от реформаторского курса и последующему удалению из партийных рядов всех, кто был к нему причастен.

23 августа на совместном заседании ЦК ВСРП и Совета Министров ВНР Кадар подробно изложил ход событий с января 1968 года. Уже зная о неудаче с приведением к власти в ЧССР нового правительства, венгерский лидер, со времен варшавского июльского совещания разделявший до некоторой степени иллюзии Москвы относительно возможности сделать ставку на «левое крыло» в руководстве КПЧ в противовес «ревизионистам», теперь не скрывал своего раздражения: «Если создастся только лишь видимость, что СССР защищает вчерашний день, это будет означать конец мировому коммунистическому движению»¹⁰⁶. Несколько месяцев спустя, в декабре 1968 года, примерно то же самое Кадар говорил приехавшему в Будапешт своему старому знакомому со времен 1956 года председателю КГБ Ю. Андропову, проявив нечастую для себя в беседах с советскими лидерами откровенность и критичность¹⁰⁷. Стремление найти компромиссные пути разрешения конфликтной ситуации отличало выступления Кадара на московском совещании лидеров стран советского блока 24–25 августа, хотя большой активности на этом совещании он в принципе не проявил¹⁰⁸. Почивать на лаврах Кадару не приходилось. В Словакии, где еще живо было поколение, испытывавшее на себе Мюнхенский сговор и следовавшие за ним события, новый

105 Огонек. М., 1993. № 34. С. 35.

106 Nyers Rezső. Feljegyzések 1968-ból, a csehszlovákiai intervencióról. 50. o.

107 Запись бесед Я. Кадара с Ю. В. Андроповым от 6–7 декабря 1968 года см.: Társadalmi Szemle. Budapest, 1995. № 1. 84–94. о. Публикатор: Vida István.

108 Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. С. 298–323.

приход венгерских войск в силу исторических причин был встречен с особой враждебностью, что мало способствовало улучшению взаимопонимания соседних народов.

Нисколько не желая, чтобы развитие событий в Чехословакии перешло грань, которую он считал неприемлемой, т. е. вышло из-под контроля партийного руководства, Я. Кадар вместе с тем был озабочен судьбой начатых в Венгрии экономических реформ и надеялся, что осуществление его реформаторских планов придаст новые силы коммунистическому режиму. Резонно опасаясь, что расправа с чехословацкими реформаторами нанесет удар и по этим планам, он до самого конца отдавал предпочтение политическому разрешению конфликта. Однако в момент развязки он не решился открыто противопоставить свою страну союзникам по ОВД. Его вынужденный компромисс был свидетельством неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых реализовывалась реформаторская программа кадаризма. Август 1968 года не только продемонстрировал прочность ялтинско-потсдамской модели, но еще раз напомнил венграм об ограниченном суверенитете их государства, невозможности выйти за рамки советского блока. Попытка путем маневрирования перейти грань возможного не удалась.

Посредническая миссия Венгрии в преодолении конфликта между пражскими реформаторами и Москвой (а за годы правления Кадара это был редкий случай, когда Венгрия взяла на себя столь активную роль во внешней политике¹⁰⁹) оказалась неудачной. Руководство СССР при активной поддержке ряда союзников задушило инициативы пражских реформаторов, грозившие по цепной реакции перекинуться в другие страны и в конечном итоге создать угрозу существующей в СССР и Восточной Европе модели государственно-бюрократического социализма. При принятии решения о применении силы в Чехословакии сугубо идеологические мотивы, т. е. боязнь инфицировать советское об-

.....
¹⁰⁹ О внешней политике режима Кадара см.: *Békés Csaba*. Európából Európába. Magyarország konfliktusok keresztjében, 1945–1990. Budapest, 2004; *Borhi László*. A válságügy mögött. Magyarország nagyhatalmi erőterében 1945–1968. Budapest, 2000; *Magyar külpolitika a 20. században*. Budapest, 2004; *Magyarország és a nagyhatalmak a 20. században*. Tanulmányok / Szerk. Romsics I. Budapest, 1995.

щество идеями более гуманного социализма, перемешивались с геополитическими, геостратегическими соображениями. В Москве явно опасались, что ее неготовность защищать свою сферу влияния создаст во всем мире впечатление слабости ее позиций. «Если мы действительно упустим Чехословакию, то это соблазн великий для других. Если мы сохраним Чехословакию, — это укрепит нас», — говорил А. А. Громыко на заседании Политбюро 19 июля¹¹⁰. Однако именно неспособность брежневского руководства противопоставить чехословацкому эксперименту ничего, кроме грубой силы, продемонстрировала миру его внутреннюю слабость.

Вероятно, можно и дальше дискутировать о том, какие реальные плоды могли бы принести начатые реформы, не будь они пресечены на самом корню, насколько далеко сумел бы эволюционировать чехословацкий коммунистический режим в направлении плюрализма и демократии западного типа. Очевидно лишь то, что шаг, предпринятый 21 августа 1968 года, негативно сказался как на престиже СССР, так и на перспективах всего советского блока. Силовым путем укрепив свои доминирующие позиции в стратегически важной Чехословакии, чья политическая элита и в условиях далеко идущей либерализации продолжала последовательно сохранять лояльность союзническим обязательствам, правительство СССР своими действиями в то же время способствовало формированию на антисоветской платформе широкого фронта разнородных политических сил. Уже осенью 1968 года докладные записки КГБ, направленные в Москву, констатировали укрепление единства НАТО, смягчение существовавших разногласий между отдельными его членами (в том числе между США и Францией), приостановку наметившейся тенденции к сокращению вооружений в странах НАТО, стремление малых европейских стран найти в лице США силу, способную противостоять мощи Варшавского договора, улучшение отношений США и Югославии¹¹¹.

Нельзя, конечно, отрицать, что стремление обеих сверхдержав и их союзников избежать повторения столь же острого междуна-

¹¹⁰ Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. С. 179. Ср. с аргументацией членов Президиума ЦК КПСС при принятии в конце октября 1956 года окончательного решения по венгерскому вопросу (очерк 2 в настоящем издании).

¹¹¹ См.: Латыш М. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М., 1998. С. 346.

родного кризиса в центре Европы, в целях разрешения которого многотысячная Советская Армия в считанные часы продвинулась почти на тысячу километров вглубь континента, заставило их предпринять новые усилия в интересах создания и совершенствования системы общеевропейской безопасности. Это нашло свое проявление в проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписании в 1975 году в Хельсинки его итогового документа. Но издержки силового решения оказались сильнее. Особенно большой урон был нанесен левым силам в Европе. СССР окончательно утратил поддержку наиболее влиятельных западных компартий и той части общественного мнения на Западе, которая до тех пор не исключала возможностей реформирования советской системы. Август 1968 года значительно ускорил те необратимые процессы в духовной эволюции многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы, которые в конце концов привели к их полному отказу от социалистической идеи. Это касается и Венгрии. «60-е годы для нас были временем надежды и... иллюзий. Тогда нам показалось, что и при системе однопартийного государственного социализма... путем реформ можно создать социалистическое рыночное хозяйство, социалистическую демократию или демократический социализм. Нечто такое, что и не сталинизм, и не западный социализм. Эту иллюзию похоронила Пражская интервенция 1968 года», — вспоминал впоследствии венгерский писатель, публицист и политик Дьердь Конрад, одно время президент Международного ПЕН-клуба¹¹². А известный философ, ученик Дьердя Лукача Михай Вайда в одном из выступлений признал, что для венгерских интеллигентов его поколения чехословацкие события 1968 года были, с точки зрения формирования мировоззрения, даже важнее, чем собственный 1956 год.

Правда, и после августа 1968 года в Венгрии сохранялись определенные надежды на спасение собственных экономических реформ. Однако изменение политического климата в Москве не оставляло шансов на их проведение в достаточно полном объеме. К 1973–1974 годам венгерская реформа была свернута и не столь-

.....
112 Известия. 1990. 28 июня.

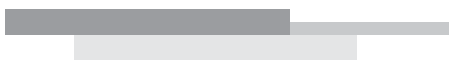
ко в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие не прекращавшегося давления извне. Тем самым мечты о демократическом обновлении своего коммунистического режима, как и советской модели социализма, для подавляющего большинства венгров были похоронены уже окончательно. Один из наиболее сильных и дальновидных политиков советской сферы влияния, Янош Кадар признал перед кончиной: «В августе 1968 года все мы оказались в глубоком кризисе — в личном и политическом. Я вижу, что кое-кто до сих пор не может выбраться из него, а страдает от этого все наше движение»¹¹³.

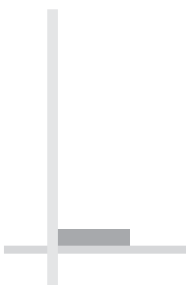
Решать надо было тогда, в тех конкретных условиях, и другого выбора у нас не было, скажет Кадар в предсмертном интервью. Пример Румынии не подходил — там не надо было спасать реформы. Выбор, сделанный венгерским коммунистическим лидером, не смог, однако, гарантировать необратимости реформ. Скорее прав американский исследователь Йиржи Валента: ростки венгерской реформы были погребены в тот самый момент, когда Кадар уступил давлению Москвы¹¹⁴. Однако это уже предмет другого исследования.

.....
¹¹³ Янош Кадар о «пражской весне». С. 97.

¹¹⁴ *Valenta, Jiri*. Soviet Intervention in Czechoslovakia, 1968: Anatomy of a Decision.

От революции
1956 года к «смене
систем» в 1989 году:
эволюция исторической
памяти венгерской
нации

При всем относительно либеральном характере венгерской модели социализма 1960-х — первой половины 1980-х годов власти последовательно налагали строгое вето на объективное освещение событий осени 1956 года. Суть дела заключалась в том, что вопрос об их исторической оценке был неотделим от проблемы легитимности правления Я. Кадара и его команды: создание адекватной картины «будапештской осени» не могло не поставить под сомнение законность прихода к власти в начале ноября 1956 года при поддержке СССР нового, так называемого «венгерского рабоче-крестьянского правительства».

Монопольное право трактовки событий 1956 года принадлежало правящей ВСРП — самому Кадару и его идеологам Д. Каллаи, Д. Немешу, позже Д. Ацелу и др. Оценки в исторических трудах и учебных пособиях находились в прямой зависимости от тех, которые давались в партийных документах. И если в трактовке многих других проблем и периодов венгерской истории новейшего времени к 1980-м годам в исторической науке стал намечаться известный плюрализм (это касалось эпохи Хорти, Второй мировой войны, периода «демократической коалиции» 1945–1947 годов и даже правления Ракоши с конца 1940-х годов), то этого никак нельзя было сказать применительно к событиям 1956 года. Альтернативные мнения здесь не допускались, любая попытка поставить под сомнение официальные пози-

ции воспринималась (и в общем не без оснований) как посягательство на основы режима, а потому вызывала жесткий отпор вплоть до конца 1988 года. На основании программных документов ВСРП школа и система массовой информации формировали в общественном сознании тот комплекс стереотипов и идеологем, в соответствии с которыми надлежало поддерживать историческую память венгерской нации, особенно новых поколений, все в меньшей и меньшей мере обладавших собственным непосредственным опытом восприятия «будапештской осени». Объективная картина событий замещалась искусственными схемами, препарировавшими историческую реальность в русле навязанных идеологами ВСРП установок.

Первым программным документом, давшим официальную оценку событий, стали решения декабрьского пленума Временного ЦК ВСРП (1956 года). Именно тогда в партийных протоколах со всей однозначностью, исключаящей иные толкования, был заявлен тезис о контрреволюционном в своей основе характере венгерских событий октября-ноября 1956 года. В последующие месяцы эти оценки корректируются в сторону большего ужесточения. В начале февраля 1957 года Кадар в одном из выступлений полемизировал с широко распространившимся в партийных кругах мнением о том, что поначалу справедливое народное движение к вечеру 23 октября переросло в иное качество, поскольку вмешались контрреволюционные силы; отныне было принято считать, что это движение было контрреволюционным уже в момент подготовки демонстрации, поскольку имел место заговор с целью свержения народно-демократического строя. Подвергается критике особая позиция известного историка и деятеля компартии Э. Мольнара (в разное время министр иностранных дел и министр юстиции, а в 1957 году директор института истории Венгерской Академии наук), который, отмечая правомерность многих требований восставших, определял события как национально-демократическое восстание, таившее в себе возможность перерастания в контрреволюцию. Истоки всего произошедшего Мольнар видел в политике оторвавшейся от народа «бюрократической диктатуры» Ракоши,

в механическом копировании советского опыта, что ущемляло национальные чувства венгров. С критикой Мольнара и его единомышленников, пытавшихся предложить (отчасти даже в рамках института истории ВАН, т. е. от имени научной, академической общественности) более «объективно-научный», приближенный к реальности анализ причин и сути событий, все дискуссии прекращаются. Массированное давление партаппарата заставило замолчать носителей альтернативных точек зрения внутри партии. Согласно установившимся к весне 1957 года официальным канонам, нашедшим отражение в решениях июньской конференции ВСРП, события октября 1956 года были контрреволюцией с самого начала.

За партийными постановлениями следовала массовая пропагандистская литература. В наиболее ранних изданиях, относившихся к концу 1956 года, не говорилось о сплошной контрреволюции, выступления «контрреволюционеров» назывались лишь одной из составляющих октябрьских событий (пусть самой существенной, наиболее заметной и чрезвычайно опасной). В дальнейшем оценки становятся менее дифференцированными, иногда даже огрубляя тезисы, звучавшие в партийных документах. Вместе с тем часть ответственности за события продолжала и далее возлагаться на «извращения» группы Ракоши, подорвавшей своей неправильной, сектантской политикой веру трудящихся в социализм и способствовавшей созданию благоприятной почвы для выступления контрреволюции. Провозглашенный Кадаром в начале декабря 1956 года тезис о необходимости борьбы «на два фронта» — с сектантством группы Ракоши и ревизионизмом Имре Надя — продолжал оставаться в силе на протяжении всей 30-летней кадаровской эпохи, хотя в 1957–1958 годов в ходе подготовки судебного процесса по делу И. Надя главный акцент решительно (хотя и временно) сместился в направлении борьбы с ревизионизмом. Выступая в ноябре 1957 года на московских совещаниях компартий, Кадар в полемике с делегацией ПОРП аргументировал свое мнение о ревизионизме как главной опасности для международного рабочего движения тем, что именно «ревизионисты» группы И. Надя, а не «сектанты» и «догматики» (нанесшие, несомненно, большой

вред строительству социализма), перешли осенью 1956 года в стан «классового врага»¹.

Официальную концепцию контрреволюции предстояло проиллюстрировать тщательно подобранным фактическим материалом — эту задачу призван был выполнить наиболее грандиозный пропагандистский проект режима Кадара, рассчитанный не столько на внутреннюю аудиторию, сколько на мировое общественное мнение. Речь идет о так называемой «Белой книге», вышедшей в 4 томах на нескольких языках². Метод подготовки этого издания основывался на селективном подходе к фактам — отбиралось лишь то, что могло работать на концепцию контрреволюции. Значительное место в «Белой книге» занимали подборки материала о зверствах «контрреволюционеров» (линчеваниях сотрудников госбезопасности и т. д.), причем все это сопровождалось яркими фотоиллюстрациями. Иногда включались непроверенные, а то и заведомо ложные сведения, в соответствии со своим предназначением работавшие на формирование мифа об угрозе установления в Венгрии фашистского режима в случае невмешательства советских войск. Масштабы террора против коммунистов и сотрудников госбезопасности в этих публикациях несколько преувеличивались, но еще больше преувеличивались активность западных спецслужб, их роль в подготовке «контрреволюционного заговора».

Концепция «контрреволюционного заговора» была неотделима от личности Имре Надя. Бывший премьер-министр, в первые недели кадаровской власти обвинявшийся главным образом в недееспособности, в документах января-февраля 1957 года объявляется сознательным предателем, хотя должно было еще пройти какое-то время, чтобы сломить сопротивление части партактива проведению судебного процесса по его делу. Работа

1 Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956–1959. Budapest, 1997. С. 227–229, 231–234, 235–250. На русском языке см.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 года). (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий). М., 2013.

2 Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Ч. 1–3. М., 1956–1957. Ч. 4. Будапешт, 1957.

над специальным изданием, посвященным «заговорщической» деятельности Имре Надя и его «сообщников»³, шла параллельно с составлением обвинительного заключения по делу И. Надя, были широко использованы показания, сделанные в ходе следствия, причем непредвзятый читатель мог легко обнаружить противоречия в показаниях разных лиц, ставившие под сомнение достоверность всей конструкции⁴. На Западе пропагандистский эффект от публикации «Белой книги» и сопутствующих ей изданий был невысоким. Достаточно сказать, например, что в Италии даже издательство, близкое к компартии, предпочитало переизданию кадаровских пропагандистских опусов публикацию трудов самого И. Надя, имевших гораздо больший читательский спрос.

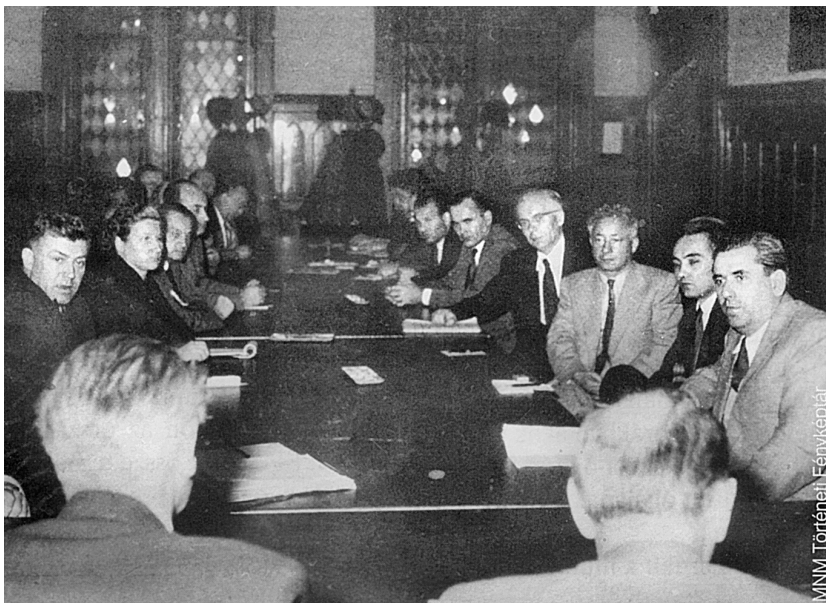
Массированная пропагандистская кампания была организована осенью 1957 года, в связи с первой годовщиной событий. Вышло большое количество книг и брошюр. Создание в некоторых из них «звериного образа» повстанцев служило подготовке общественного мнения к положительной реакции на суровые приговоры судебных инстанций. С другой стороны, происходила героизация сил, боровшихся с «контрреволюцией», в частности, бойцов отрядов особого назначения, созданных кадаровским правительством в ноябре 1956 года. Важной задачей пропагандистской литературы являлось разоблачение подрывной деятельности западных спецслужб и в первую очередь радиостанции «Свободная Европа». (Одной из излюбленных тем публицистов стала обработка западными спецслужбами венгерских беженцев). Венгрия и зона Суэцкого канала рассматривались как два плацдарма наступления мирового империализма на силы мира и прогресса. Главный пафос массовой пропаган-

³ Контрреволюционный заговор Имре Надя и его сообщников. Будапешт. 1958.

⁴ Райнер М. Я. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. М., 2006. Составители книги весьма вольно манипулировали с материалом следствия, из контекста вырывались отдельные цитаты, искажавшие смысл сказанного. Есть основания считать, что авторы не гнушались и вымысла — это касается целого ряда диалогов на очных ставках между подсудимыми (а также свидетелями). В издании, вышедшем уже после судебного процесса, некоторые обвиняемые выглядели грешниками, рассказывающими в своей вине, но И. Надь, полностью отрицавший предъявленные ему обвинения, представал как бесстыжий предатель.

дистской продукции заключался в том, что своими действиями Советская Армия предотвратила угрозу новой мировой войны и фашистского реванша. Этой теме посвящались также пропагандистские брошюры, авторы которых пытались обосновать необходимость пребывания в Венгрии советских войск.

Конструируемая концепция «контрреволюционного заговора» находилась в противоречии с архивными документами, особенно теми, которые могли бы пролить свет на деятельность Кадара в качестве министра в правительстве И. Надя, показать его прямую причастность к роспуску в конце октября стоявшей у власти Венгерской партии трудящихся, введению многопартийности, провозглашению выхода Венгрии из Организации Варшавского договора. Историческая реконструкция первых дней существования новой партии — ВСРП на основе ее программных документов, выражавших солидарность с идеями и целями венгерской революции, представляла особенно явную угрозу для легитимности режима, документированные исследо-

Я. Кадар перед участниками рабочих советов. 30 ноября 1956 года

Правительство Я. Кадара формирует преданные ему отряды внутренних войск. Декабрь 1956 года

вания в этой области категорически исключались. В конце лета 1958 года разыгрался скандал, связанный с подготовленным в Институте истории партии к публикации сборником документов о событиях 1956 года. Соответствующая комиссия Политбюро нашла в концепции сборника и подборке документов противоречие официальным установкам — схема, выстраивавшаяся при их прочтении, не подтверждала необходимости осуждения Имре Надя, казненного всего за два месяца до этого. Кроме того, сам Кадар, 1 ноября 1956 года выступивший против членства Венгрии в Организации Варшавского договора, и некоторые члены его руководства выставлялись в неприглядном — с точки зрения пропагандистских органов ВСРП — свете, поскольку в предполагаемый сборник планировалось включить те выступления Кадара, о которых он предпочел бы забыть. Позднее, вплоть до 1970-х годов, вопрос о документальных публикациях не вставал, а круг источников по истории ВСРП указанного периода ограничивался несколькими партийными резолюциями, а также речами Кадара. Даже первые номера главной газеты ВСРП «Népszabadság», начавшей выходить 1 ноября 1956 года

«Русские домой!»

и успевшей опубликовать произнесенную вечером того же дня речь Кадара в поддержку национальной революции, находились в спецхране.

Не только документальные публикации, но и издание мемуаров вплоть до 1980-х годов считалось делом крайне нежелательным; при всей «незаметности» политической полиции в Венгрии эпохи зрелого кадаризма соответствующие службы держали под неослабным контролем многих из тех, кому было что вспомнить — носителей уникального исторического знания, препятствуя распространению в стране и за рубежом информации, выходявшей за рамки установленных схем. Блокировался даже выход мемуаров ряда авторитетных ветеранов партии, относившихся в 1956 году к кругу умеренных реформаторов. В тех редких случаях, когда такие мемуары все же выходили в свет, тема 1956 года затрагивалась вскользь, без всякой детализации и, конечно, в строгом соответствии с официальными установками.

Попытки оппозиционно настроенных интеллигентов предложить альтернативное толкование событий 1956 года нельзя назвать многочисленными, а те, кто на это отваживался, подвергались серьезным преследованиям. Так, крупный политический мыслитель и министр в правительстве И. Надя Иштван Бибо, передавший на Запад свое известное эссе «Положение в Венгрии и положение в мире»⁵ был арестован в мае 1957 года и провел 6 лет в заключении. Аресту и осуждению подвергся и литератор Шандор Фекете, пытавшийся осмыслить опыт октябрьских событий в работе «О причинах и уроках восстания 1956 года», по сути дела положившей начало венгерскому самиздату⁶ Автор поставил под сомнение официальный пропагандистский тезис о «контрреволюционном заговоре» при участии сил мирового империализма. По его мнению, венгерская народно-демократическая (в его понимании) революция не была результатом подрывных действий каких-то внешних сил, напротив, на внешние силы опирался режим сталинского типа при подавлении широкого народного движения. Истоки революции Фекете видел в том, что венгерские национальные интересы начиная с 1949 года все более вопиющим образом приносились в жертву интересам СССР. Попытки строить социализм по чужим образцам, без учета национальной специфики, вызывали антисоветские настроения, коммунистическая власть лишилась народной поддержки, и этого не могло компенсировать никакое раздувание бюрократии. Таким образом, применительно к октябрю 1956 года можно говорить прежде всего о национальном движении, в котором в то же время проявился и социальный протест против невыносимых жизненных условий⁷.

В 1959–1960 годах массированную пропагандистскую кампанию сменяет курс на замалчивание событий 1956 года, стра-

.....
⁵ На русском языке см.: Мост. Будапешт, 1992. № 1–2.

⁶ Легально впервые опубликовано в Венгрии только в 1989 году: Hungarikus. Az 1956-os felkelés okairól és tanulságairól. Budapest, 1989.

⁷ Хотя Фекете подчеркнуто выступал с социалистических позиций, его главный вывод — о необходимости извлечь уроки из случившегося, чтобы в следующий раз действовать более эффективно — не мог не вызвать со стороны режима обвинений в контрреволюционной агитации, что привело к немедленному аресту «отца» венгерского самиздата.

тегия на постепенное вытеснение их из исторической памяти нации. Пропаганда хотя и продолжала преподносить читателю материал, напоминавший о зверствах и ужасах «контрреволюции», однако делала это во все меньших дозах. В 1960-е годы, по мере укрепления режима и успокоения граждан (последнее было связано с широкой амнистией участников событий, а также с повышением жизненного уровня), власти считали все менее целесообразным обращаться к теме, а если все же брались за нее, то главный акцент делали на успехах политики консолидации⁸. Выдвинутый Кадаром лозунг «кто не против нас, тот с нами» предполагал, что в обществе не только следует достичь, но уже в известной степени достигнуто национальное единство на определенной, компромиссной платформе. Компромисс этот был взаимным — власти требовали от граждан отказа от политической активности и соблюдения некоторых табу в обмен не только на определенный уровень гарантированного достатка, но и на создание условий для повышения благосостояния собственным трудом (иными словами, для хорошего дополнительного заработка) — в этом, собственно говоря, и заключалась, в первом приближении, суть сложившейся во второй половине 1960-х годов кадаровской модели социализма⁹. Остродраматические столкновения «будапештской осени» явно не соответствовали идеалу национального единства, а потому власти о них предпочитали не напоминать. В свою очередь и общество, заинтересованное в стабильности и спокойствии, склонно было принять эти правила игры: политическая активность сознательно приносилась гражданами в жертву материальному благополучию (и более того, праву на обогащение!), что само по себе способствовало забвению. Наступает период, когда, по выражению З. Риппа, в общественном сознании доминировала «коллективная амнезия»¹⁰. Конечно, утверждение всеми средствами про-

8 Показательно, что статьи в прессе, посвященные очередным годовщинам событий, публиковались, как правило, не 23 октября, а 4 ноября, в день провозглашения кадаровского правительства.

9 Tökes R. L. Hungary's Negotiated Revolution. Economic reform, social change and political succession, 1957–1990. Cambridge (Mass.), 1998.

10 Ripp Z. 1956 emlékezete és az MSZMP // Múltunk, 2002. № 1.

паганды официальных догм о победе над «контрреволюцией» придавало партаппарату уверенности в своих силах, однако по мере того, как население вообще заставляли забыть о трагедии 1956 года, режим Кадара еще увереннее чувствовал себя в идеологической сфере. Установка на вытеснение событий осени 1956 года из исторической памяти нации, попытки отвлечь от них общественное внимание стали, таким образом, важнейшей составной частью общей кадаровской стратегии деполитизации венгерского общества, а надо сказать, что именно в создании деполитизированного общества режим видел главную задачу своей политики в идеологической сфере, резонно связывая с любого рода политизацией перспективу формирования оппозиции.

На направленности и методах официальной пропаганды сказывался и внешнеполитический фактор. В конце 1950-х годов, когда венгерский вопрос муссировался в ООН, пресса охотно обращалась к событиям осени 1956 года, чтобы напомнить обывателю о существовании империалистической угрозы. Однако в 1960-е годы выход Венгрии из внешнеполитической изоляции, улучшение ее отношений с западными странами (и прежде всего активизация экономических контактов с Западом) сделали излишним и даже абсурдным слишком частое обращение к теме вмешательства империалистов во внутренние венгерские дела. Интересно в связи с этим проследить, как изменился в официальной пропаганде образ венгерско-австрийской границы. В конце 1950-х годов эта граница «двух миров» ассоциировалась с провокациями мирового империализма, засылкой шпионов, диверсантов и т. д. Однако в 1960–1970-е годы венгерско-австрийские отношения не просто нормализуются, а становятся довольно тесными, вплоть до разрешения безвизовых поездок. Соответственно и венгерско-австрийская граница превращается со временем в своего рода символ мирного сосуществования двух систем.

Хотя установка властей на замалчивание «будапештской осени» имела определенный успех, забвение оказалось все-таки иллюзорным: воспоминания о ней жили в памяти людей, а для того, чтобы их поддерживать, прилагала большие усилия доступная в Венгрии и влиятельная радиостанция «Свободная

Европа», особенно в дни очередных годовщин. Не проявляя со своей стороны инициативы в обращении к истории восстания 1956 года, власть в то же время была вынуждена реагировать на выступления радиоголосов и, кроме того, заботиться о пресечении внутри страны любых «вражеских вылазок» в оценке октябрьских событий. Важным направлением в историко-пропагандистской литературе становится, в соответствии с установками, присущими всему советскому блоку, критика «буржуазных фальсификаций» событий 1956 года.

Стремительное развитие событий в соседней Чехословакии весной-летом 1968 года, сопровождавшееся далеко идущей либерализацией режима, выходом из-под партийного контроля средств массовой информации, все более напоминало венграм о собственном 1956 годе. При этом в обстановке начатой экономической реформы в сознании людей доминировали оптимистические ожидания и питательной почвы для широкой оппозиции режиму в стране в это время не было, что заметили и в аппарате ЦК КПСС¹¹. Общественное спокойствие в Венгрии в политически бурном 1968 году лучше всего свидетельствовало об успехе кадаровской консолидации, о том, что ко второй половине 1960-х годов вождю ВСРП удалось примирить нацию с правящим режимом. Гибкая, компромиссная политика приносила свои первые плоды¹².

И в 1970-е годы венгерские власти по-прежнему старались пореже напоминать своим гражданам о событиях 1956 года,

11 «От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 г. / Публикация А. Д. Чернева // Кентавр. М., 1993. № 4. С. 83. «Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 года, либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП», — отмечалось в записке от 26 апреля 1968 года, подготовленной отделом ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран для высшего партийного руководства. В 1968 году в Венгрии в оппозиционной среде не было предпринято серьезных попыток переоценить события 1956 года.

12 *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // *Международные отношения: история и современные аспекты. Теории и исследовательские практики.* Вып. 1. Москва — Ставрополь — Воронеж — Тамбов — Пятигорск, 2007. С. 227–255.

что имело определенный эффект: «будапештская осень» присутствовала не столько в общественном сознании, сколько в «общественном подсознании», не в последнюю очередь как предостережение от нарушения заключенного с режимом Кадара «общественного договора», который на целое десятилетие превратил Венгрию в витрину социалистического содружества, а ее десятиmillionное население сделал жителями «наиболее веселого барака» в социалистическом лагере, гарантировав им относительную стабильность и определенный достаток. Причем избранная руководством ВСРП стратегия на забвение революции 1956 года продолжала с готовностью восприниматься не только широким обществом, она парадоксальным образом разделялась и частью узкой интеллигентской оппозиции, хотя та исходила, как правило, из совсем иных посылок. Как заметил в те годы известный диссидент Миклош Харати: «1956 год принадлежит истории, и это та неудача, которую лучше забыть». Впрочем, постоянное стремление активистов «Пражской весны» к учету венгерского опыта 12-летней давности заставляет серьезно усомниться в справедливости этой формулы. К тому же, не поддаваясь однозначной политической, а тем более этической оценке, события 1956 года создавали неудобства любителям упрощенческих трактовок — идеи «будапештской осени» не трудно было превратить в политический манифест, но куда сложнее было объяснить суть всего происходившего.

По свидетельству известного экономиста, «отца» венгерской реформы 1968 года Режё Ньерша, Кадар надеялся, что события 1956 года в относительно недалеком будущем, еще при его жизни, навсегда перестанут быть предметом политических разногласий и споров в венгерском обществе; вокруг них будут дискутировать только историки — не более пристрастно, чем, скажем, о революции 1848 года¹³. Если лидер ВСРП действительно так полагал, это было, конечно, иллюзией. И в 1970-е, и в 1980-е годы любое напоминание о 1956 годе, хоть в малейшей мере уклонявшееся от официальной концепции этих событий как контрреволюции, по-прежнему ставило под сомнение леги-

.....
¹³ Nyers R. Kádár János és a reformok // Rubicon, 2000. № 6–7. 50. о.

тимность режима и потому имело острополитический характер. Историки в силу этого не получали никакой возможности объективно изучать тему. Версия о «контрреволюционном путче», организованном остатками прежних эксплуататорских классов при попустительстве ревизионистов во главе с И. Надем и прямой поддержке Запада, продолжала безраздельно господствовать в официальной венгерской историографии. Правда, в одном из выступлений 1972 года Кадар применил термин «национальная трагедия», впрочем, и раньше встречавшийся в западной, в том числе эмигрантской литературе. В случае с Кадаром это совсем не означало переоценки событий, поскольку не отменяло отношения к их движущим силам как к контрреволюционным, и не давало оснований ставить вопрос о реабилитации «контрреволюционеров»; выживших, впрочем, к этому времени, как правило, давно амнистировали. Вместе с тем в этой новой кадаровской формуле усиливался момент сожаления о произошедшем с точки зрения интересов национального единства, подразумевался и призыв к примирению на основе официальной платформы.

Осенью 1976 года идеологическим структурам ВСРП пришлось принять дополнительные меры в целях нейтрализации воздействия на Венгрию мощной пропагандистской кампании, развернутой на Западе в связи с 20-летием венгерской революции. Особенно много головной боли у кадаровских работников идеологического фронта вызывали кадры кинохроники времен «будапештской осени», обильно демонстрировавшиеся по западным телеканалам, ставшим к этому времени все более доступными широкому восточноевропейскому зрителю. «Стратегия умолчания» оставалась в силе, в стране не проводились собрания и митинги, посвященные 20-летию юбилею прихода к власти нового правительства, ставку по-прежнему решили сделать не на наступательную пропаганду, а на пассивную контрпропаганду. Объектом полемики, причем довольно вялой, явилась попытка части западных пропагандистов объяснить успехи кадаровской внутренней (и в том числе экономической) политики влиянием и опытом событий 1956 года. Редкие статьи в официальной прессе, сконцентрировавшись на достигнутых успехах, объясняли их преимуществами социализма.

В середине 1970-х годов режим Кадара вопреки нарастающим экономическим трудностям еще продолжал находиться на подъеме, и общественное сознание было не слишком восприимчиво к разоблачениям лидера ВСРП и его команды. Так, не только в западном, но и в венгерском общественном мнении существовал стойкий миф, согласно которому Кадар исключительно по настоянию Москвы санкционировал казнь в июне 1958 года Имре Надя. Этот миф, не подтверждаемый позднейшими исследованиями, стал составным элементом того мифологизированного образа Кадара, который складывался в сознании венгерской нации, причем без видимых усилий пропаганды: в отличие от Брежнева и Чаушеску венгерский лидер не был склонен к саморекламе и только в 1982 году в связи со своим 70-летием дал согласие на издание в Венгрии собственной биографии¹⁴. Главной причиной, по которой лидер ВСРП после долгих уговоров согласился дать ряд интервью своему биографу Л. Дюрко и вспомнить прошлое, явились внушенные ему соратниками опасения того, что соотечественники будут черпать биографические сведения о нем из западных источников. Но на встречах с биографом Кадар демонстрировал изрядную скрытность, что сказалось и на содержании книги. Впрочем, независимо от усилий самого Кадара, его биограф и всего идеологического аппарата ВСРП настроения в венгерском обществе в целом совпадали с мнением немалой части западной историографии и политологии, также пытавшейся в 1970-е годы идеализировать Кадара, что отчасти было связано с интересом общественного мнения на Западе к его экономическим реформам¹⁵. Мифы строились на незнании документов, в том числе проливавших свет на истинную роль Кадара в подготовке дела Имре Надя¹⁶.

Начиная с весны 1977 года в Венгрии активизируется оппозиционное движение интеллигенции, получившее внешний им-

.....
¹⁴ Gyurkó László. Arcképvázlat történelmi háttérrel. Budapest, 1982. (Исправленное и дополненное издание — 1988 год.)

¹⁵ Shawcross W. Crime and Compromise. Janos Kadar and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974.

¹⁶ Стыкалин А. С. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. С. 223–238.

пульс (сыграли свою роль забастовки 1976 года и создание Комитета защиты рабочих в Польше, Хартия-77 в Чехословакии). В этом движении принимали участие и люди, имевшие самое прямое отношение к событиям осени 1956 года, в том числе Ференц Донат — один из ближайших соратников Имре Надя. Налаживается самиздат, с 1981 года представлявший собой довольно развитую и разветвленную сеть периодических изданий и книжных серий¹⁷. События 1956 года с самого начала становятся одной из главных тем публикаций венгерского самиздата, причем речь шла о необходимости коренной переоценки концепции контрреволюции. В рамках самиздата в первой половине — середине 1980-х годов публикуются едва ли не все основные работы о событиях 1956 года, вышедшие ранее на Западе. Выходят также сборники доступных документов, хронология, мемуары участников событий, которые не могли быть изданы в государственных издательствах¹⁸.

Не только на Западе, но и в Венгрии под влиянием польских событий 1980–1981 годов обострился интерес мыслящей части общества к независимому рабочему движению и в том числе к рабочим советам образца 1956 года¹⁹. Его в полной мере разделяли организаторы и авторы венгерского самиздата, хотя среди них явно преобладали интеллигенты либеральной, а не социалистической ориентации. В Венгрии на этот интерес накладывало специфический отпечаток то обстоятельство, что именно эгалитаристская позиция кадаровских профсоюзов во главе с их бессменным лидером, долгое время также председателем просо-

17 Стыкалин А. С. Венгерский самиздат 1950–1980-х годов в широком общественно-историческом контексте // *Acta samizdatica*. Записки о самиздате. Вып. 2 (3) / отв. редакторы Б. И. Беленкин, Е. Н. Струкова. М., ГПИБ — Международный Мемориал, 2015.

18 Впервые именно в самиздате вышла, например, книга интервью с бывшим премьер-министром А. Хегедюшем, раскрывшая ряд фактов, о которых Кадар и его команда предпочли бы умолчать: *Hegedüs A. Élet egy eszme árnyékában. Életrajzi interjú*. 1–2 köt. Budapest, 1985.

19 Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 годов и активизация оппозиционного движения в Венгрии // *Инакомыслие в условиях «реального социализма»*. Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е годы XX в. / отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2014. С. 114–143.

ветской Всемирной федерации профсоюзов Ш. Гашпаром²⁰ сыграла в 1972 году не последнюю роль в свертывании экономической реформы. Опыт Венгрии 1970-х годов, где подконтрольное власти рабочее движение стало оплотом контрреформаторства, нуждался в сопоставлении как с традицией рабочих советов 1956 года, так и с современным опытом польской «Солидарности». Органически присущие независимому рабочему движению элементы социалистической идеологии и системы ценностей не реанимировали, однако, в сознании большей части венгерской интеллектуальной элиты интереса к марксизму, не переломили четко обозначившихся, особенно после подавления «Пражской весны» 1968 года векторов духовной эволюции — к либерализму, ориентированному на современные западные модели, а с другой стороны, к более национально окрашенной христианской, консервативной идеологии.

Таким образом, на рубеже 1970–1980-х годов идеологические структуры ВСРП должны были искать меры противодействия уже не только зарубежной радиопропаганде, но и собственному самиздату. Тактика замалчивания возымела наконец определенный эффект: к концу 1970-х годов венгерская молодежь мало что знала о событиях 1956 года сверх установленного канона. Вместе с тем эта тактика уже казалась недостаточной для того, чтобы сохранить действенность сложившегося канона в условиях, когда в деполитизированном обществе зрелого кадаризма заметно ослабела коммунистическая индоктринация²¹. Тем более что, освободившись от прежнего диктата коммунистических догм, молодые поколения все чаще попадали под влияние самиздата преимущественно прозападной идейной ориентации.

В 1981 году, в канун 25-летнего юбилея «будапештской осени», коренным образом меняются представления власти о том, какими методами следует влиять на историческую память о со-

.....
20 Профсоюзов, обладавших, надо сказать, несколько большей политической автономией, чем в других социалистических странах. Профсоюзы в Венгрии были не просто приводными ремнями, они имели право совещательного голоса, были нужны Кадару как рупор реальных, а не мнимых настроений рабочего класса.

21 Достаточно сказать, что к 1983 году в коммунистической молодежной организации, аналогичной комсомолу в СССР, состояло не более 20 % венгерской молодежи.

бытиях 1956 году. На смену тактике замалчивания приходит идеологическое контрнаступление. С одной стороны, это была реакция на широкое обсуждение проблем революции 1956 году в диссидентских кругах — власть не хотела упускать инициативы в споре с активизировавшейся оппозицией. Следовало также реагировать на оживившееся внимание к революции со стороны радиостанции «Свободная Европа», работавшей в расчете на слабую осведомленность венгерской молодежи и ее повышенный интерес к этой в сущности новой для себя теме. Учитывалась и активность эмиграции: для многих ветеранов 1956 года четвертьвековой юбилей стал поводом заново осмыслить события и свое место в них, а для кого-то — подвести итоги всей своей политической и интеллектуальной деятельности. Некоторые западные аналитики, зная об экономических трудностях и растущем внешнем долге Венгрии, писали о близком закате венгерской модели социализма, отмечали нарастающие предкризисные явления, симптомы слабости кадаровского режима. Эти симптомы вырисовывались более отчетливо на фоне польских событий, свидетельствовавших о начале перманентного кризиса всей системы социализма. В свете подспудно назревавших в Венгрии перемен западные наблюдатели ждали не только идеологического ужесточения, но иногда, напротив, уступок и послаблений, в частности в оценке событий 1956 года. Публикация некоторых мемуаров, начавшаяся работа по подготовке к печати собрания сочинений И. Бибо породили иллюзии, что ожидаемая переоценка не за горами. Власти не могли не отреагировать на все эти ожидания. К ответной жесткости подстрекали и неоконсервативная волна на Западе, изменившиеся манеры американской политической элиты. Пришедший к власти в 1981 году президент-республиканец Р. Рейган выступил с одной из своих программных антисоветских деклараций именно 23 октября 1981 года, намеренно приурочив ее ко дню 25-летия начала венгерской революции. В условиях этого натиска в странах советского блока сочли целесообразным, «не поддаваясь на провокации», демонстрировать последовательность прежней политики. Это касалось и оценки венгерской коммунистической элитой событий 1956 года.

Главной фигурой идеологического контрнаступления 1981 года стал партийный функционер новой генерации молодой член Политбюро Я. Берец. Специальным постановлением партийного руководства он получил доступ к основной массе засекреченных архивных документов и оперировал в своих выступлениях хотя и тенденциозно подобранными, но некоторыми новыми фактами. Определенное, впрочем, незначительное расширение источниковой базы несколько не изменило концепции контрреволюции, нашедшей отражение в массовой и общественно-научной периодике, учебных пособиях, многочисленных радио- и телепередачах, документальных фильмах, широко использовавших соответствующим образом интерпретированные кадры кинохроники. В условиях обострившейся в 1980–1981 годах холодной войны гораздо больше, чем в 1970-е годы, поднимается тема западного вмешательства в венгерские дела.

Переход идеологов ВСРП к наступательной тактике в пропаганде заметили на Западе, что дало повод для новых разочарований в режиме Кадара. В Венгрии же кампанию 1981 года признали успешной и ее решили повторить пятью годами позже, в год 30-летия событий. Времена, однако, изменились. Надо было каким-то образом учитывать произошедшие перемены в мировой политике, приход к власти в СССР М. С. Горбачева, вставшего на путь активизации диалога с Западом. Нельзя было не принимать во внимание и растущую экономическую зависимость Венгрии от Запада.

Следует подчеркнуть, что с приходом в 1985 году к руководству КПСС М. С. Горбачева и его команды в Кремле и на Старой площади постепенно намечается более критическое отношение к советской политике в условиях восточноевропейских кризисов, ее методам, высказываются сомнения в эффективности и результативности силового подхода с точки зрения долгосрочных интересов СССР и мирового коммунистического движения. Сам Горбачев 3 июля 1986 года на заседании Политбюро говорил, по свидетельству его помощника А. С. Черняева, о том, что методы, примененные в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году, в новых услови-

ях неприемлемы²². В то же время сформировалась установка на отказ от вмешательства на новом этапе во внутренние дела правящих коммунистических элит и, во всяком случае, решено было не осложнять положения Кадара и его окружения, которые воспринимались как последовательные проводники дружественной СССР политики.

Массированной пропагандистской кампании 1986 года предшествовала скрытая от широкой публики дискуссия среди венгерских партийных идеологов. Дьердь Ацел, который в начале 1957 года выступал, правда, не слишком решительно, против привлечения Имре Надя к судебной ответственности, снова проявил склонность к компромиссу. Согласно его концепции, репрессии 1957–1958 годов следовало расценивать как кратковременное продолжение сталинизма в Венгрии, временную реанимацию самых жестких большевистских методов, ставшую следствием конкретных исторически сложившихся обстоятельств. При такой трактовке абсолютизировался реально имевший место фактор — сильное давление на Кадара слева; слишком многое пытались свалить на венгерских «сталинистов», людей команды Ракоши, продолжавших диктовать Кадару свои условия, ответственность же самого Кадара приуменьшалась. Кадаризм в чистом виде, по мнению Ацела, начинается не с репрессий, а с амнистии 1960 года. Из подобного подхода логически должна была следовать переоценка дела Имре Надя. Это, однако, никак не могло устроить Кадара: стареющий вождь ВСРП, чьи позиции неуклонно ослабевали, все сильнее опасался раскрытия компрометирующих его документов. Опытнейший политик, он отдавал себе отчет в том, что партократы молодой генерации в борьбе за власть рано или поздно используют уязвимые места для нанесения удара по нему²³. Именно благодаря

.....
²² В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2006. С. 61.

²³ В 1972 году, находясь на пике своей популярности, Кадар по достижении 60-летия неожиданно подал в отставку, мотивируя это недовольством Москвы его реформаторскими экспериментами. ЦК ВСРП не принял отставки. Этот жест вызвал раздражение в Кремле как своеобразная фронда (тем более что альтернативы Кадару там не видели, и он это прекрасно знал). Вместе с тем поступок Кадара, если даже

Кадару концепция Ацела не получила поддержки, выбор был сделан в пользу точки зрения Я. Береца и левого крыла ВСРП. По их мнению, возрождение героики борьбы с «контрреволюцией» могло стать тем чистым источником, который был бы способен внести свежую струю в идеологию современного венгерского социализма, подвергнувшись сильным мелкобуржуазным влияниям. Имелись в виду идеи потребительского социализма, призывы к обогащению, распространившиеся на волне так и несостоявшейся в сущности реформы 1968 года. По мере углубления своего общего кризиса режим все более нуждался в легитимизирующей идеологии, составной частью которой были концепция «контрреволюции» 1956 года и мифология формирования кадаровского «рабоче-крестьянского» правительства.

Центральной фигурой новой идеологической кампании снова стал Я. Берец, выступления которого отличались жесткой полемической заостренностью против позиции либеральной интеллигенции, своими самиздатовскими «писаниями» расшатывающей устои режима: «контрреволюционеры», выступавшие с оружием в руках, приравнивались к «контрреволюции пером». К ней в равной мере относились и комментаторы радиостанции «Свободная Европа», и венгерские писатели, требовавшие весной-летом 1956 года расширения не только творческих, но и политических свобод. При этом легко прочитывались параллели с современностью. В 1980-е годы Союз венгерских писателей снова активизируется в качестве альтернативного идеологического центра, на писательских собраниях все чаще звучали призывы к переменам, острые материалы проникают и в печать. Смягчив предварительную цензуру в сравнении с той практикой, что существовала в СССР, режим Кадара возложил главную

.....
преследовал своей целью испытание соратников на верность, свидетельствовал о его большой уверенности в своих силах, о прочности его позиций. Но в 1985 году тот же Кадар решительно воспротивился осторожным попыткам некоторых более молодых коллег предложить ему пост почетного председателя ВСРП, уступив должность первого секретаря ЦК представителю новой генерации (этот сценарий вопреки воле Кадара разыграли тремя годами позже). Он явно опасался, что придется понести ответственность и за «дело Райка» 1949 года, к которому был непосредственно причастен, и тем более за «дело Надя».

ответственность на редакторов. При всей их осторожности в прессе то и дело публиковались материалы, слишком резко отклонявшиеся от официальных установок, а иногда агитпроп ВСРП признавал их откровенно враждебными устоям режима. Это влекло за собой административные меры, наиболее распространенной среди которых становилось изъятие тиража того или иного журнала либо книги из продажи²⁴. Особенно нервно власти реагировали на попытки переоценки событий 1956 года, критику внешней политики СССР, проведение тезиса о неравноправии советско-венгерских отношений. Границы кадаровского либерализма и толерантности давали о себе знать при постановке частью интеллигенции именно этих строго табуированных вопросов, немногочисленных, но принципиально важных для системы. В некоторых случаях реакция была неадекватна масштабу той или иной оппозиционной акции, преувеличивая ее опасность для устоев режима. Это свидетельствовало о том, что режим Кадара, ранее демонстрировавший изрядное умение избегать конфликтов, выпускать накопившийся в обществе пар, нейтрализуя настроения общественного недовольства, к началу 1980-х годов, вступив в полосу кризиса, стал утрачивать политическую гибкость. Что касается СССР, то в год 30-летия венгерских событий, в советской научной периодике, как и в венгерской, однозначно доминировала концепция контрреволюции — первого шага в деле пересмотра сути событий ждали от венгерской элиты. В условиях только что начавшейся перестройки охранительная позиция советской печати комментировалась на Западе как свидетельство нежелания официальной Москвы идти на концептуальный пересмотр своей восточноевропейской политики.

Как бы там ни было, внутренняя демократическая оппозиция в Венгрии, продолжавшая считать актуальными многие программные требования массового народного движения 1956 года (о внешнеполитическом суверенитете, многопартийности и

²⁴ В декабре 1983 года автор этих строк, в то время студент-пятикурсник МГУ, находившийся на преддипломной практике в Будапеште, стал непосредственным свидетелем студенческих акций протеста против изъятия из продажи одного из номеров популярного среди молодежи литературного и общественно-политического журнала «Mozgó világ» («Мир в движении»).

т. д.), значительно усилилась за 5 лет, прошедших со времени 25-летнего юбилея. Наряду с традиционным самиздатом получают распространение другие формы политической активности: подпольные выставки с каталогами, нелегальные и даже полулегальные научные конференции с участием как ветеранов 1956 года, так и профессионалов-историков.

Западные политические элиты осенью 1986 года внимательно наблюдали за процессами, происходившими в СССР, проявляя выжидание и опасаясь слишком острой критикой затормозить едва наметившуюся эволюцию советского режима к более плюралистическим формам политической организации. Отчасти этим объясняется их гораздо меньшее в сравнении с 1981 годом внимание к новому юбилею венгерских событий. Иначе обстояло дело с венгерской эмиграцией. К середине 1980-х годов становятся более тесными связи между эмиграцией и внутренней оппозицией. Видные деятели событий 1956 года и их ведущие западные аналитики из числа эмигрантов осознавали, что 30-летний юбилей может стать последним шансом для того, чтобы активно выступить со своей версией истории революции. При этом они не упускали возможности обратиться к венгерской аудитории через развившийся самиздат. Более тесными становятся и связи венгерской оппозиции с единомышленниками в других странах Восточной Европы. 23 октября правозащитники Венгрии, Польши, Чехословакии и Восточной Германии выступили с совместным обращением к кадаровскому руководству, требуя пересмотра оценки событий 1956 года.

Глубинные процессы переосмысления событий 1956 года происходили в 1980-е годы не в исторической науке, а в художественном творчестве. Не только в литературе, но и в кинематографе (спонсируемом государством!) иногда удавалось с большой художественной силой показать подлинный масштаб «национальной трагедии» для многих венгров — навсегда порвавших с родиной, лишившихся родителей, братьев, детей. Если в учебных пособиях до конца 1980-х годов господствовали грубые схемы, то из литературных произведений, даже разрешенных властью, читателю представал гораздо более неоднозначный образ событий.

Настроения, царившие в среде оппозиционной творческой интеллигенции, вызывали у Кадара все более сильное беспокойство, напоминая ему 1956 год, месяцы, предшествовавшие взрыву 23 октября. Дав благословение Берецу на проведение ожесточенной идеологической кампании, вождь ВСРП рассчитывал, что власть продемонстрирует силу, проявит готовность бросить вызов наступающей оппозиции, скрестит с ней шпаги там, где дело касалось самых принципиальных вопросов, пересмотр отношения к которым лишал существующий режим своей легитимности. Ради этого Кадар и сам готов был участвовать в кампании, дав интервью американскому журналу «Time». Дается также зеленый свет на публикацию мемуаров других видных деятелей и ветеранов ВСРП, не только не склонных отказываться от видения событий как контрреволюции, но занимавших в этом отношении довольно жесткие позиции. На неоднозначность ситуации указывало, впрочем, то обстоятельство, что в этих мемуарах была не просто затронута, но и получила развитие тема необоснованных репрессий в отношении коммунистов в годы правления Ракоши. Их авторы, такие как Д. Марошан и Д. Каллаи, провели годы в тюрьмах.

Хотя курс партийной прессы на полемику и даже на конфронтацию с выступлениями оппозиции осенью 1986 года усилился, лишней напряженности хотели все же избежать. План юбилейных мероприятий, подготовленный загодя, предусматривал в качестве центра торжеств не площадь Кошута перед парламентом и не площадь Республики, связанные в памяти нации с кровавыми, трагическими инцидентами, а места, которые, согласно сложившейся мифологии, имели прямое отношение к формированию правительства Кадара. Героизация сотрудников МВД, боровшихся с «контрреволюцией», продолжала оставаться важной составной частью официального мифотворчества — по-прежнему выходят очерки в своеобразном «житийном» жанре. Однако главный упор в пропаганде все же делался на успехи кадаровского правления.

С другой стороны, при всей устойчивости концепции «контрреволюции», в научной литературе появились некоторые новые акценты. Так, стало проводиться определенное разграниче-

ние между контрреволюцией и демократической оппозицией, требовавшей реформ; более сдержанными становятся оценки некоторых персоналий. Расширяется разрешенная документальная база, что отчасти явилось ответом на вызовы самиздата, обратившегося к публикации источников по истории Венгрии и советско-венгерских отношений в 1950-е годы.

Пропагандистское наступление осени 1986 года в целом не отличалось эффективностью. Так и не удалось выработать действенный противовес ни самиздату, ни радиостанции «Свободная Европа», продолжавшей сильно влиять на венгерское общественное мнение. В венгерском обществе и в первую очередь среди молодежи доминировало равнодушие к официальной пропаганде, неверие в ее основополагающие постулаты — молодое поколение венгров, уже получившее по неофициальным каналам определенную информацию о событиях «будапештской осени» и жаждавшее новых знаний, нуждалось в определенных концептуальных основах, и его не могли удовлетворить в этом плане ни решения декабрьского пленума 1956 года, ни более гибкая и компромиссная кадаровская формула «национальной трагедии». В условиях начавшейся в СССР перестройки стремление венгерской коммунистической элиты сохранить в неприкосновенности прежнюю концепцию «контрреволюции» находило все меньше понимания и в левых кругах на Западе. Так, в теоретических изданиях итальянской компартии к этому времени уже преобладал подход к венгерским событиям как к национальной демократической революции.

В идеологических структурах ВСРП видели не только усиливающуюся поляризацию мнений по проблемам 1956 года, но и уязвимые места в официальных концепциях. Попытки интегрировать в них новый фактический материал, уже ставший достоянием читающей публики благодаря самиздату, не только не устраняли противоречий, но, напротив, приводили к утрате концептуальной целостности, образованию трещин в конструкции, базирующейся на признании контрреволюционного характера событий. Что же касается формулы «национальной трагедии», то она была достаточно аморфна и не исключала подвижек, ведущих к наполнению ее совсем иным содержанием, несовместимым с концепцией контрреволюции.

После завершения юбилейных мероприятий власти, осознав низкую результативность прошедшей пропагандистской кампании, решили на некоторое время «заморозить» ситуацию, воздержавшись от частых напоминаний венгерскому обществу о событиях 1956 года. Но теперь тактика замалчивания была уже совершенно неэффективна: назревшие вопросы требовали своего прояснения, к тому же усиливавшаяся оппозиция постоянно напоминала о том, о чем хотели умолчать идеологи ВСРП. Уклониться от спора с ней было просто невозможно. К концу 1987 года сложилась ситуация, когда идеологические структуры партии уже находились явно в обороне — альтернативные точки зрения выражались все более открыто и решительно. Причем дело, конечно, не ограничивалось задачей выявления научной истины; зарождавшаяся в недрах «мягкой» кадаровской диктатуры демократическая оппозиция подчеркнуто актуализировала в кризисной атмосфере конца 1980-х годов идеи, лозунги, ценности, программные требования широкого народного движения 30-летней давности, утверждала, что они не утратили своей значимости и на современном этапе. Наносился удар по самим основам кадаровского режима, подвергалась сомнению его легитимность.

После 1986 года усиливается поляризация точек зрения и внутри правящей ВСРП. Консервативно настроенные ветераны партии организуют коллективные письма в ЦК ВСРП, проводя параллели между «контрреволюцией» 1956 года и сегодняшним наступлением оппозиции. В агитпропе ВСРП занимали более сдержанные позиции. «Népszabadság» в статьях, относящихся к осени 1987 года, признавала актуальность решений декабрьского пленума 1956 года и в то же время уже старалась избегать жесткого определения «контрреволюция». Вместе с тем даже и в 1988 году вопрос о кардинальной переоценке характера событий 1956 года, угрожая подрывом легитимности действующей власти, представлял собой, по выражению историка Яноша Райнера, не исторический, а острополитический вопрос, который легко мог привести к проблемам с полицией.

В мае 1988 года Кадар, резко противившийся переоценке событий 1956 года, был фактически устранен от руководства

ВСРП, перейдя с должности первого секретаря ЦК на почетный, специально для него созданный пост председателя партии. Это, хотя и не сразу, но дало зеленый свет постепенному пересмотру некоторых принципиальных вопросов истории «будапештской осени», в том числе отношения к деятельности Имре Надя до октября 1956 года (Кадар, по хорошо понятным причинам, более всего опасался каких-либо существенных подвижек именно в оценке И. Надя²⁵). Не только в историографии, но и в ряде партийных документов 1988 года под влиянием либерального крыла ВСРП фактически произошла реабилитация реформаторской программы первого правительства Имре Надя (1953–1955), нашел отражение тезис о том, что в 1953–1956 годах внутри правящей ВПТ проявилось вполне обоснованное и справедливое стремление обновить социализм, а после 1956 года ВСРП воплотила на практике многие из планов и идей, выдвигавшихся сторонниками реформ начиная с 1953 года, но особенно активно под непосредственным влиянием решений XX съезда КПСС. Подчеркивалась преемственность действующего руководства ВСРП по отношению именно к этим политическим традициям. Реформаторское крыло ВСРП в 1988 году осознавало, что прежние, охранительные идейные установки абсолютно утратили эффективность, потерпели крах, и вместе с тем опасалось радикальной переоценки событий 1956 года, делегитимизирующей режим. Вместо этого через обращение к соответствующим традициям в истории партии оно принялось закладывать новые идеологические основания под власть ВСРП.

В 1988 году была создана новая общественная организация — Комитет по восстановлению исторической справедливости, требовавший реабилитации невинно осужденных за участие

.....
²⁵ Осознавая, что импульсы к переменам, как и весной 1956 года, исходят из СССР, Я. Кадар во время встреч с М. С. Горбачевым все чаще обращался к истории «будапештской осени». По отзывам свидетелей этих бесед, он прежде всего пытался скомпрометировать И. Надя в глазах советского лидера, называл его не только ренегатом, который из коммунистов превратился в главу контрреволюции, но и «человеком Бериин». Принципиальная позиция официальной Москвы при Горбачеве заключалась в том, чтобы не опережать восточноевропейских лидеров в переоценке кризисных явлений, имевших место в развитии коммунистических режимов в этих странах.

в событиях 1956 года. Составлялись и публиковались в самиздате списки жертв репрессий. Прежнее табу на публичное обсуждение этих проблем уже не действовало. В июне 1988 года МВД под давлением снизу разрешило траурную церемонию в связи с 30-летием казни И. Надя, но митинги приняли столь масштабный характер, что власти, опасаясь выхода событий из-под контроля, разгоняют демонстрантов при помощи полиции. Желая приостановить наступление оппозиции, новый лидер ВСРП К. Грос сделал летом-осенью 1988 года ряд жестких заявлений, по сути отклонив возможность посмертной реабилитации казнённых после 1956 года. Он подчеркнул, что оценка октябрьских событий и деятельности И. Надя в октябре — ноябре 1956 года как контрреволюции остается в силе. В октябре полиция снова разогнала манифестантов. Всё это всколыхнуло общественное мнение, способствовало усилению оппозиционных настроений. В конце 1988 года проблемы «будапештской осени» уже достаточно открыто и публично обсуждались в академической и университетской среде. Ускорила поляризацию внутри правящей ВСРП: вопреки общему стремлению сохранить единство партии происходило все более острое противоборство конфликтующих между собой точек зрения. В спорах о сущности событий 1956 года проявлялись глубокие политические расхождения в оценках перспектив дальнейшего развития Венгрии и содержания реформ, стоявших на повестке дня.

В условиях углублявшегося в Венгрии экономического кризиса (роста внешней задолженности и т. д.) даже противники далеко идущих реформ все более осознавали неизбежность серьезных идеологических подвижек и в том числе частичного пересмотра отношения к событиям 1956 года. Правомерность провозглашенного на партийных форумах курса на обновление социализма, придание ему большей эффективности и т. д. предстояло обосновать, в том числе и историческими аргументами. В числе акций, в конечном итоге направленных на сохранение в сложившихся непростых условиях властных позиций ВСРП, явилось создание по решению майской (1988 год) партконференции специальной комиссии с участием историков. Ее целью было изучение и вынесение оценки всему историческому пути,

пройденному венгерской нацией за 40 лет строительства социализма. Результат работы комиссии значительно превзошел первоначальные планы. Возглавивший ее реформатор несколько популистского толка член Политбюро ЦК ВСРП Имре Пожгаи 27 января 1989 года выступил по итогам работы комиссии по радио с нашумевшим заявлением: события октября 1956 года расценивались им как «народное восстание». Акцентировалось внимание на антисталинистском характере восстания, Пожгаи старался всячески затушевать антисоветский характер некоторых проявлений народного движения. Содержались в его выступлении и ссылки на высказывания Кадара, относившиеся к ноябрю 1956 года. При том, что это выступление не было согласовано с Политбюро, а явилось, по сути, частным поступком одного из индивидуальных игроков на венгерской политической арене²⁶, оно имело далеко идущие последствия, на которые сразу же обратили внимание в Москве.

Посольство СССР в Будапеште направило в конце января в МИД три телеграммы по этому вопросу, которые незамедлительно были пересланы в ЦК КПСС. Помощник Горбачева А. С. Черняев в письме своему шефу от 1 февраля выразил мнение, что «надо поручить готовить нашу позицию по 1956 году», однако делать это без суеты. Необходимо иметь в виду, писал А. С. Черняев, что «даже если Грос согласится с нашей оценкой, он не сможет ее реализовать, потому что вряд ли уже владеет идейно-политической ситуацией. Тем самым мы и его, и себя поставим в неловкое положение». Начавшаяся переоценка событий «будапештской осени», принявшая к весне просто «обвальный» характер, была воспринята как один из важных симптомов продолжавшейся сдачи позиций ВСРП, что, конечно, не могло радовать руководство КПСС. Тем не менее делался вывод о необходимости устраниваться от вмешательства в идейно-политическую борьбу, которая разыгралась в Венгрии вокруг октябрьских событий. «1956 год для

.....
²⁶ По инициативе К. Гроса было возбуждено персональное дело Пожгаи, обвиненного в нарушении партийной дисциплины. Однако расклад сил в руководстве ВСРП был таков, что никаких санкций не вынесли.

венгров сейчас — частность, хотя и в контексте угрозы общего развала в стране. И мы будем выглядеть не очень солидно, если в такой момент на высшем уровне “проявим беспокойство” лишь по этому конкретному пункту, затрагивающему наше прошлое», — полагал помощник генерального секретаря ЦК КПСС. По его мнению, надо «стараться удерживать проблему 1956 года на уровне научного спора, не допускать превращения ее в политическую полемику с кем бы то ни было (как, впрочем, и с нашим 1939 годом)»²⁷.

Выраженное Черняевым мнение о невмешательстве Москвы во внутренние венгерские дела, связанные с переоценкой событий 1956 года, не стало, впрочем, единственным в среде советской партийно-государственной номенклатуры. Иной позиции придерживался председатель КГБ СССР В. А. Крючков, осенью 1956 года служивший третьим секретарем посольства СССР в Венгрии. Развернувшаяся в Венгрии кампания по пересмотру характера событий, по мнению Крючкова, нацеливалась на «дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигание недружественных Советскому Союзу настроений»²⁸. Для того чтобы по возможности воспрепятствовать ее проведению, Крючков предлагал передать в распоряжение партаппарата ВСРП хранившиеся в подведомственных КГБ архивах документы 1930-х годов, проливавшие свет на неблагоприятную роль И. Надя как агента-осведомителя органов НКВД, виновного в аресте и гибели некоторых венгерских коммунистов (об этом речь уже шла на страницах нашей книги). Учитывая популярность И. Надя среди сторонников кардинальных реформ и превращение этого политика в своего рода символ сопротивления венгерского общества навязываемым ему извне тоталитарным формам правления, его компрометация могла

.....
²⁷ Черняев имел здесь в виду активизировавшиеся в СССР по инициативе прежде всего представителей балтийских республик дискуссии о последствиях советско-германского пакта 23 августа 1939 года Архив Горбачев-Фонда, Фонд Черняева, док. 7403.

²⁸ Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник, 1993. № 1. С. 71.

стать орудием (насколько эффективным — это другой вопрос) контрреформаторских сил в ВСРП в противоборстве со своими идейно-политическими оппонентами. Крючков убедил своих соратников по Политбюро ЦК КПСС в том, что предложенный им шаг отвечает интересам СССР, поскольку ослабил бы политические и моральные позиции антисоветски настроенных сил в рядах активизировавшейся в 1989 году и уже открыто претендовавшей на власть венгерской оппозиции. Документы были переданы в Будапешт, и первый секретарь ЦК ВСРП К. Грос доложил партийному пленуму о раскрывшихся фактах, которые были весьма болезненно восприняты большинством узкого партактива. Не только реформаторски настроенные председатель ЦК ВСРП Р. Ньерш и премьер-министр М. Немет, но и гораздо менее последовательный в этом отношении К. Грос пришли к выводу о нецелесообразности обнародования полученных из Москвы документов, поскольку это лишь подлило бы масла в огонь общественно-политического противостояния, но отнюдь не повлияло бы на происходивший пересмотр исторических оценок²⁹. Документы, о которых идет речь, не публиковались до 1993 года.

Попытки части руководства ВСРП при довольно слабой поддержке Москвы воспрепятствовать продвижению новой линии в оценке происходившего осенью 1956 года оказались совершенно неэффективными. Кардинального пересмотра теперь было не избежать, дальнейшее изучение, трактовка октябрьских событий отныне приняли неконтролируемый характер, определяясь наряду с закономерностями развития самой науки и широким интересом общественного мнения к проблеме отнюдь не ходом внутрипартийных дискуссий, а прежде всего динамикой политических процессов, происходивших в 1989 году в венгерском обществе в условиях кризиса власти ВСРП и активизации оппозиционных движений, становившихся все более массовыми. Таким образом, выступление Пожгаи явилось жестом хотя и важным для партийных реформаторов, рассчитывавших удержаться на

.....
²⁹ Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история, 1994. № 1.

плаву, но запоздалым для партии в целом, и более того, способствовавшим делегитимизации власти ВСРП. Уже к весне 1989 года роль аппарата ВСРП в формировании образа событий 1956 года была сведена к нулю. Обновить охранительную платформу, заложить под нее новые основания, таким образом, явно не удалось. Даже мягкие сторонники прежней «контрреволюционной концепции» во главе с главным идеологом партии Д. Ацелом понимали, что саму формулу контрреволюции следует решительно отбросить, предложив более взвешенный подход, отметив двойственный характер октябрьских-ноябрьских событий. Позиция Береца подвергается критике за односторонность³⁰. В начале 1989 года стало особенно очевидно, что вопреки тем иллюзиям, которые когда-то питал Кадар, речь идет не о спорах по предмету, отвлеченному от сегодняшних венгерских реалий: раскол партии и общества по вопросу об отношении к событиям 1956 года становился конфликтогенным фактором, источником серьезной политической и социальной напряженности. Конечно, не выступление Пожгаи породило этот раскол, но оно его четче обозначило.

Самым первым следствием выступления Пожгаи стала эскалация требований реабилитации репрессированных и прежде всего И. Надя, по образному выражению Я. М. Райнера, оказавшегося «едва ли не самым живым участником

.....
³⁰ Позицию Ацела конца 1980-х годов демонстрирует запись его беседы с высокопоставленным функционером аппарата ЦК КПСС В. Загладиным, состоявшейся несколько позже, в декабре 1990 года, уже после утраты коммунистами в Венгрии власти (см.: Центрально-европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М., 2003. С. 332–334). Инициаторы демонстрации 23 октября «хотели улучшения социализма», но те, «кто потом вешал коммунистов у здания горкома партии, были контрреволюционерами». По мнению многолетнего идеолога ВСРП, давать какую-либо «официальную, государственную оценку этих событий» не обязательно. Это «дело ученых определять, что и как было, какие оценки можно дать тому или иному повороту событий. Политикам заниматься этим не надо. Это не их дело»; «это была противоречивая трагедия народа, а оценки пусть расставляют историки на основе документов». Затронув вопрос о роли советского фактора в событиях, Ацел призвал его не абсолютизировать, принять во внимание специфику конкретной ситуации на международной арене — давление китайского руководства, позицию США (ведь американцы тогда «прямо заявляли, что венгерские события их не касаются, что это дело русских»).

Перезахоронение останков Имре Надя. Июль 1989 года

венгерского демократического процесса на его самой динамичной стадии»³¹. Актом, окончательно подорвавшим основы легитимности кадаровского правления, и одновременно символом завершения всей 32-летней эпохи стала собравшая сотни тысяч людей массовая манифестация 16 июня 1989 года при перезахоронении Имре Надя и трех казненных вместе с ним его соратников.

Кадар скончался 6 июля 1989 года, по символическому совпадению в тот самый день, когда венгерский суд формально реабилитировал Имре Надя. Человек, с большей или меньшей эффективностью управлявший Венгрией более 30 лет и некоторое время персонифицировавший собой реформаторское начало в социалистическом лагере, еще при жизни мог увидеть сделанный своей нацией выбор в пользу чуждых ему

.....
³¹ Rainer M. J. Nagy Imre újratemetése – a magyar demokratikus átalakulás szimbolikus aktusa // A magyar forradalom eszmei. Budapest, 2001. 33. o.

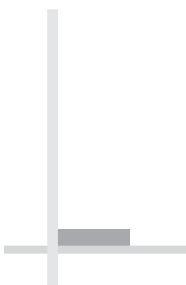

западных моделей, основанных на политическом плюрализме. С 33-летней дистанции стал очевиден парадокс: не будучи в отличие от Кадара сильным политическим практиком и хуже представляя себе пределы возможного, И. Надь, вопреки своим левым убеждениям ставший (как отмечалось в этой книге выше) знаменем сил, выступавших в конце 1980-х годов за смену системы, в известном смысле доказал перед Кадаром, пусть заочно, свою историческую правоту. Кадар умер, оставив свое «политическое завещание» — серию интервью по широкому кругу проблем новейшей истории Венгрии, которое в новых условиях было уже не обязательным для всей системы политпросвещения программным документом, а всего лишь одним из исторических источников в ряду многих других.

**Польский кризис
1980–1981 годов
и позиция руководства
Венгрии**
Опыт событий 1956 года
в 25-летней ретроспективе

 Подъем забастовочного движения в Польше в августе 1980 года совпал по времени со вступлением венгерской экономики в длительную полосу стагнации. Режим Яноша Кадара, на протяжении 1970-х годов привлекавший немалое внимание западного леволиберального экспертного сообщества как наиболее удачная попытка надолго примирить общество одной из стран советской сферы влияния в Восточной Европе с коммунистической властью¹, преодолел апогей своего развития, начал явно клониться к упадку. Негласный общественный договор, гарантировавший неуклонное повышение уровня жизни населения в обмен на отказ граждан ВНР от любого рода политической активности, выполнять с каждым годом становилось все труднее; кадаровская модель «прагматического социализма» давала трещину. Летом 1979 года венгерское общество, уже успевшее привыкнуть к определенному уровню потребительских стандартов и поступательному, хотя и медленному росту благосостояния, было шокировано повышением цен на основные продукты питания на 20 %. Поставив перед собой в качестве приоритетной задачу сохранения достигнутого уровня жизни, правительство берет новые кредиты на Западе, что только усиливает зависимость венгерской экономики от конь-

.....
¹ *Shawcross W. Crime and Compromise. Janos Kadar and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974.*

юнктуры цен на нефть². Все большая часть бюджета шла на погашение внешних займов. Заботясь о сохранении общественного спокойствия, власть по-прежнему сторонилась вмешательства в частную жизнь граждан, реагируя лишь на откровенно враждебные проявления. Одновременно она разрабатывает новые меры, направленные на повышение социальной мобильности. Как бы там ни было, замаячившая на горизонте утрата гражданами привычного, гарантированного достатка и возможности дополнительного заработка делала более зыбкой почву под заключенным общественным договором, подрывая венгерскую модель либерально-прагматического социализма в самих ее основах. Возникает реальная перспектива новой политизации успешно деполитизированного в течение 1960–1970-х годов венгерского общества, причем политизации на явно оппозиционной властям основе.

Драматические события осени 1956 года явно не соответствовали провозглашенному Кадаром идеалу национального единства, а потому в 1960–1970-е годы власти предпочитали о них лишний раз не напоминать³. Но многолетняя установка венгерской пропаганды на достижение «коллективной амнезии» должна была рано или поздно показать свою неэффективность. Ведь нелегитимность прихода Я. Кадара к власти в ноябре 1956 года хорошо осознавалась сотнями тысяч венгров, склонных терпеть существующую власть лишь в той мере, в какой она предоставляла привычный им материальный достаток и довольно широкую, немыслимую в большинстве социалистических стран, свободу в частной жизни, в неполитических проявлениях деятельности, особенно в накопительстве материальных благ. Хотя многоопытный .....

² Эта зависимость проявилась уже в условиях «нефтяного шока» 1973–1974 годов, вызванного арабо-израильской войной октября 1973 года (так называемой «войной Судного дня») и завершившего эру дешевой нефти, исламская же революция 1979 года в Иране нарушила выполнение обязательств этой нефтедобывающей страны по поставкам нефти на мировой рынок, что вынудило страны ОПЭК поднять цены еще на 10 %.

³ *Стыкалин А. С.* От Венгрии 1956-го к Венгрии 1989-го года: метаморфозы исторической памяти нации // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 6. С. 180–196. См. также очерк 12 в настоящем издании.

политик Янош Кадар довольно прочно еще удерживал управление страной в своих руках, все более отчетливо проявлялись симптомы будущего кризиса власти, угрожающего внутренней безопасности режима. Понимая это, руководство ВСРП крайне нервно реагировало на любые идеологические манифесты и концепции альтернативной направленности, даже не заявляющие о разрыве с социализмом. В конце 1970-х годов серьезным гонениям подвергаются интеллектуалы Иван Селени и Дьердь Конрад — будущий президент Международного ПЕН-клуба — в опубликованной на Западе на шумевшей книге «Интеллигенция на пути к классовому господству» изложившие программу постепенной передачи власти коммунистической партократией интеллигенции и технократии, в принципе принимающей социалистические ценности⁴. Аналогичной была реакция на социально-политические прогнозы, содержащиеся в работе молодых философов школы Д. Лукача Яноша Киша и Дьердя Бенце, также вышедшей под псевдонимом в США⁵. Никакой жизнеспособной реформаторской альтернативы подобным проектам идеологи ВСРП во главе с Дьердем Ацелом предложить не могли, и это уже само по себе свидетельствовало о вступлении режима Кадара в полосу серьезного кризиса. Ни о какой корректировке его концептуальных основ в целях повышения эффективности функционирования речи не шло, дело сводилось к ситуативным мерам по сохранению уровня жизни, главным образом за счет западных кредитов. В момент, когда руководство ВСРП было всерьез озабочено поиском новых источников поддержания экономической и социальной стабильности в стране, из Гданьска приходят вести о волне забастовок и создании независимого профсоюза «Солидарность».

Во внутривнутриполитическом плане польские события, неожиданно заставшие Кадара, поставили лидера ВСРП и его команду в двойственное положение. С одной стороны, появился

.....
⁴ Konrád György – Szelényi Ivan. *The Intellectuals on the Road to Class Power*. New York, 1979.

⁵ Rakowski M. *Towards an East European Marxism*. New York, 1978.

соблазн разыгрывать польскую карту при демонстрации успехов социалистического строительства в Венгрии, доказывая (не только самим себе, но также соседям по блоку и западному общественному мнению) эффективность всей проводимой после 1956 года политики, в том числе экономической и культурной. Ведь любое сопоставление двух стран с точки зрения внутренней стабильности было явно в пользу Венгрии — даже при сохранении тенденции к некоторому снижению в этой стране уровня жизни. Пресса, контролируемая партией, не упустила своего шанса. Сам Кадар, выступая перед партактивом, прямо заявлял, что венгерские коммунисты сумели счастливо избежать многих ошибок, совершавшихся польскими товарищами на протяжении многих лет и приведших в конце концов Польшу к серьезному кризису. Венгерский лидер также публично заверял граждан своей страны в сентябре 1980 года, что оправдавшая себя политика не изменится⁶. Впрочем, звучавшие на фоне гданьских забастовок фанфары не всегда адекватно отражали реальное настроение Кадара и его окружения. Страх, что венгры, прежде всего рабочие, последуют польскому примеру, был сильнее гордости за стабильность в стране. Конечно, Кадар надеялся на здравый смысл венгерского пролетариата, который не захочет рисковать более высоким, чем в Польше, и относительно стабильным жизненным уровнем, пойдя по пути забастовок, — венгерским рабочим и в самом деле было что терять. В то же время в руководстве ВСРП прекрасно знали о длительной традиции польско-венгерской революционной солидарности, хорошо помнили о притягательности польского примера для многих венгров осенью 1956 года. Массовая демонстрация 23 октября, переросшая затем в вооруженное восстание, была создана, как известно, в знак поддержки польского движения за обновление социализма и суверенитет.

В ходе бесед с руководителями братских партий Кадар неизменно подчеркивал, что польские события не представляют угро-

.....
⁶ *Tischler János*. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11. Washington, Winter 1998.

зы для положения в Венгрии: проблемы, стоящие перед ВСРП, будут своевременно разрешены независимо от ситуации в Польше. Тем не менее, судя по документам, содержащим анализ деятельности растущей оппозиции⁷, в аппарате правящей партии отдавали себе отчет в том, что в стране имеются силы (главным образом среди интеллигенции), которые не против перенесения в Венгрию польского сценария и, более того, уже предпринимают конкретные действия, желая направить вектор развития страны в аналогичном направлении. А это значит, избрать забастовки главным инструментом давления на власть с тем, чтобы вынудить Кадара на неприемлемые для него уступки и таким образом обеспечить постепенный переход к политическому плюрализму и многопартийности. Ключевая страна советской сферы влияния — Польша — переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании и других компонентов той же системы социализма, включая Венгрию. Как образно заметил Кадар 12 ноября 1980 года в беседе с чехословацким лидером Г. Гусаком, своим положением в социалистическом содружестве Польша все более напоминает ему пьяного солдата в строю, который не упадет только благодаря поддержке шагающих с ним рядом⁸. Как бы то ни было, ситуация требовала от руководства ВСРП принятия определенных мер предосторожности в целях недопущения в Венгрию «польской крамолы». Под влиянием польских событий соответствующие партийные и государственные органы уделяют больше внимания изучению и нейтрализации собственной оппозиции. Оппозиционное движение интеллигенции, как отмечалось в этой книге выше, несколько активизировалось в Венгрии с весны 1977 года, получив импульсы извне, — забастовки 1976 года и создание Комитета защиты рабочих в Польше, Хартия-77 в Чехословакии. С началом августовских событий 1980 года в Польше венгерское оппозиционное движение поднимается на более высокую ступень, возникают новые неформальные структуры со своими программами. Одним из первых крупномасштабных проектов венгерского

7 MSzMP dokumentum az ellenzékéről, 1980-ból / Közli Sipos L. // Társadalmi Szemle, 1992. № 5.

8 *Tůma O.* The Czechoslovak Communist Regime and the Polish Crisis, 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11. Washington, Winter 1998, p. 66.

самиздата стала предпринятая в 1980 году подготовка сборника памяти выдающегося венгерского леволиберального мыслителя Иштвана Бибо (1911–1979), в 1956 году министра в правительстве Имре Надя, несколько лет потом проведенного в заключении. К работе над этим проектом были привлечены весьма авторитетные представители венгерской гуманитарной интеллигенции.

В отличие от ряда других восточноевропейских лидеров, занявших очень жесткую позицию в связи с неспособностью правящей верхушки ПОРП «навести порядок» у себя дома⁹, Кадар, также весьма критически относившийся к прежней, оторванной от реалий политике ПОРП (просчеты в планировании, увлечение индустриальной гигантоманией, непродуманные акции по повышению цен и т. д.¹⁰), вместе с тем считал целесообразным пободричь новое руководство партии во главе с С. Каней, внушить ему уверенность в своих силах. В более широком плане речь шла о публичном выражении солидарности со всеми приверженцами социализма в Польше, о демонстрации веры в то, что они ни в коем случае не уступят власть, сумеют выйти из кризиса, причем посредством политических, а не силовых методов. Несмотря на переживавшиеся Венгрией экономические трудности, руководство ВСРП проявило готовность оказать Польше определенное материальное содействие, оговорив, правда, при этом важный момент: никакая экономическая помощь невозможна без честных партнерских отношений, выполнения обеими сторонами своих взаимных обязательств по поставкам, тогда как продолжение забастовок сведет все усилия на нет — выделенные средства будут выброшены на ветер¹¹.

Позиция лидера ВСРП особенно отчетливо проявилась на встрече 5 декабря в Москве руководителей компартий

⁹ См., например, выступления Э. Хонеккера (More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11) и его письмо Брежневу от 26 ноября 1980 года (Cold War International History Project Bulletin. Issue 5, Spring 1995, p. 124).

¹⁰ *Tischler János*. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981, pp. 81–82; *Tůma O.* The Czechoslovak Communist Regime and the Polish Crisis, 1980–1981, pp. 66–67.

¹¹ *Ibid.*

стран-участниц Организации Варшавского договора. Происходящее в Польше стало единственной темой повестки дня — незадолго до этого, в ноябре, власти пошли на компромисс, разрешив легальную деятельность независимого профсоюза «Солидарность» в общепольском масштабе, и это было воспринято в других странах как непростительная уступка, подрывающая монополию коммунистов на власть. Как и в марте 1968 года на первом совещании представителей стран ОВД, посвященном поискам путей разрешения чехословацкого кризиса¹², выступление Кадара по своей тональности довольно резко отличалось от выступлений некоторых других партийных лидеров. Так, Э. Хонеккер и Т. Живков 5 декабря 1980 года много говорили о «контрреволюции», резко критиковали новое руководство ПОРП за отсутствие твердости в отношениях с оппозицией, торопили с наведением порядка, в том числе силовыми методами¹³. Кадар, отнюдь не отрицая сложности стоявших перед Польшей проблем, напротив, был последователен в своем стремлении к поискам политического решения. Это всецело подтверждает запись совещания, корректирующая и конкретизирующая прозвучавший в нашей литературе тезис о том, что венгерский лидер, основываясь на опыте 1956 года, советовал предпринять энергичные действия¹⁴. Из этого контекста совсем не ясно, о какого рода энергичных действиях идет речь. Венгерский лидер на самом деле пока еще отнюдь не считал положение катастрофическим для социализма в ПНР и призывал своих собеседников не поддаваться паническим настроениям. Он исходил из того, что польским коммунистам по силам самим найти пути выхода из кризиса, лидеры же «братских партий» должны в сложившейся ситуации оказать им определенное доверие, а для начала внимательно выслушать, как руководство ПОРП представляет себе программу действий. Общаясь в первые месяцы поль-

.....
¹² Соответствующий очерк в настоящем издании.

¹³ More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981, pp. 110–120.

¹⁴ См.: Яжборовская И. С. Введение военного положения в Польше. Позиция советского руководства (1980–1981 годы) // Новая и новейшая история, 2010. № 3. С. 125; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти (1945–1991). М., 1998. С. 400, 408.

ского кризиса по телефону с Л. И. Брежневым, Кадар говорил, что считает неправильным, чтобы кто бы то ни было (будь то западные политики или «братские партии») диктовал извне полякам конкретные рецепты решения их домашних проблем. Особенно неэффективным и бессмысленным он считал вмешательство в решение кадровых вопросов. Каждый лидер, подчеркивал он, имеет право на формирование своей собственной команды. И вообще кто лучше самих поляков может знать, какими кадрами они располагают? Та же, в сущности, мысль прозвучала и на московской встрече 5 декабря¹⁵. В ходе контактов как с деятелями ПОРП, так и с представителями других партий Кадар в те месяцы неоднократно подчеркивал, что даже в случае оказания силовой помощи извне выход из создавшегося непростого положения придется искать прежде всего самим польским коммунистам. Так было и в Венгрии в ноябре-декабре 1956 года, когда в условиях присутствия советских войск и давления внешнего фактора не кому-нибудь, а руководству только что образованной новой партии — ВСРП пришлось взять на себя главные усилия по консолидации общества, решая в первую очередь самые сложные вопросы экономической политики, снабжения населения продовольствием, и неся перед народом ответственность за принятые решения. По личному опыту, приобретенному в конце 1956–1957 годов, Кадар знал, насколько трудно управлять страной, воспринимаясь подавляющим большинством населения в качестве иностранной марионетки. Польским коллегам он этого не желал, будучи искренне заинтересованным в скорейшей нормализации положения в этой стране на единственно приемлемой для него платформе государственного, однопартийного социализма. Он соглашался с лидерами других партий в том, что угроза существующему режиму в Польше является вызовом для всей «системы социализма», и что выпадения Польши из ОВД допустить никак нельзя, а для преодоления кризиса необходимо обеспечить единство партии по всей вертикали парторганизаций, ее ведущую роль в политической системе,

.....
¹⁵ More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981, pp. 113–115.

твердость и наступательность в реализации четко сформулированной программы действий. Здесь Кадар счел уместным сослаться и на венгерский опыт 1956 года, который не следовало, по его мнению, абсолютизировать, но стоило учитывать, как и опыт других партий, приобретенный в тех или иных конкретных условиях.

По итогам московской декабрьской встречи 1980 года в венгерской прессе было опубликовано сообщение, делавшее акцент именно на позиции ВСРП, заключавшейся в том, что ПОРП способна собственными силами вывести страну из сложившегося непростого положения, венгерские же коммунисты должны проявить солидарность с польскими.

В своем заключительном слове на встрече 5 декабря Брежнев выразил некоторое разочарование в том, что проблему до сих пор не удалось разрешить политическими средствами, заметил, что ситуация, при всей предпочтительности политических средств урегулирования, требует принятия чрезвычайных мер, заверив вместе с тем присутствующих, что «братская Польша» не будет оставлена союзниками в беде, и это прозвучало несколько зловеще. Тот же по сути дела тезис публично был озвучен и в феврале 1981 года на XXVI съезде КПСС. Слова в данном случае не расходились с делом. В течение первой половины 1981 года не прекращалось давление извне на руководство ПОРП, из Москвы постоянно поступали призывы навести порядок, сопровождавшиеся указаниями именно в деле расстановки и подбора кадров, а иногда и плохо скрытыми угрозами — дескать, иначе придется наводить порядок внешними силами¹⁶.

Угрожающий тон выполнял свою функцию, будучи призванным побудить руководство ПОРП к более решительным действиям во избежание советской военной акции. Известно, что в Генштабе с августа 1980 года разрабатывались кон-

.....
¹⁶ О том, как воспринималось давление Москвы советским специалистом, инженером, работавшим в это время в Польше, дает представление следующий источник: Вычеров В. В. Гданьский дневник // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 6. См. также другие фрагменты этого дневника: *Вычеров В. В. Польский дневник. 1981–1983.* // Славяноведение, 2011. № 5. С. 82–107.

кретные планы ввода новых советских воинских соединений в Польшу¹⁷, а так называемая «комиссия Суслова», по поручению Политбюро занимавшаяся проблемами Польши, с первых недель кризиса ставила вопрос о возможном увеличении численности советского воинского контингента в Польше¹⁸. Вместе с тем прямая интервенция в целях «наведения порядка» рассматривалась в Москве как крайне нежелательный вариант развития событий. В руководстве КПСС в целом осознавали, что военное вмешательство в дела более чем 30-миллионного государства, учитывая настроения большинства его населения, массовую базу оппозиции, может привести к самым непредсказуемым последствиям. Вмешательство в Афганистане в декабре 1979 года не только нарушило атмосферу Хельсинкского совещания 1975 года, возродив дух холодной войны, оно было весьма непопулярно в советском обществе, создавало определенные внутривнутриполитические проблемы. Ввязаться в этих условиях в новую, куда более крупномасштабную авантюру было непосильно, едва ли не губительно для советской державы, переживавшей кризисные явления в экономике, и в Кремле это до некоторой степени понимали. Показательно замечание влиятельного Ю. В. Андропова, занимавшего жесткую интервенционистскую позицию в 1968 году в условиях чехословацкого кризиса. В 1981 году в связи с Польшей он со всей определенностью говорил в среде партаппаратчиков: лимит военных решений исчерпан, надо искать средства политического давления¹⁹. Надо было также принимать во внимание более жесткую позицию Запада в сравнении с 1968

17 Гривков А. И. Доктрина Брежнева и польский кризис начала 1980-х годов // Военно-исторический журнал, 1992. № 9; Kramer M. «In Case Military Assistance is Provided to Poland». Soviet Preparations for Military Contingencies, August 1980. // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11. Washington, Winter 1998.

18 Документы «комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 84–94.

19 Советский Союз, социалистические страны и польский кризис 1980–1981 годов // Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа. Связь времен. М., 2008. С. 193. См. также: Медведев Р. А. Незнакомый Андропов. Кризис в Польше 1980–1981 годов. // Новая и новейшая история, 1999. № 2. С. 123–133; Sayle T. A. Andropov and the Lessons of History. Andropov's Hungarian Complex // Cold War History. Vol. 9, № 3. London, august 2009.

годом. Отношения Москвы с Вашингтоном резко ухудшились после афганской акции в конце декабря 1979 года. А пришедший к власти в январе 1981 года президент-республиканец Р. Рейган актуализировал лозунги антисоветской направленности, напрямую касавшиеся сферы влияния СССР в Восточной Европе. В Вашингтоне постоянно давали понять Москве, что на этот раз политическая цена использования военной силы в регионе будет куда более высокой, чем в ноябре 1956 и августе 1968 года.

Как бы там ни было, после декабрьской встречи со стороны лидеров «братских партий» продолжала звучать жесткая критика руководства ПОРП за уступчивость и бездеятельность. Я. Кадар проявил больше доброжелательности, на что не могли не обратить внимания в Варшаве.

Янош Кадар, сумевший в Венгрии примирить народ с коммунистическим режимом и превративший свою страну к 1970-м годам в своего рода «витрину» социалистического содружества, обладал международным авторитетом не только в коммунистических кругах, о нем с почтением писали в 1970-е годы западные эксперты, анализировавшие истоки венгерской модели социализма²⁰. В обстановке определенного признания западным либеральным общественным мнением достоинств венгерской модели социализма во второй половине 1970-х годов активизируется внешняя политика ВНР. В 1976 году Будапешт посетила делегация Французской социалистической партии во главе с ее лидером, влиятельнейшим политиком будущим президентом Франции Ф. Миттераном. В 1977 году Кадар побывал в Риме, где встречался с итальянскими лидерами и папой римским Павлом VI, выразившим удовлетворение положением католиков в Венгрии. В 1978 году состоялся его визит в Париж по приглашению президента В. Жискара д'Эстена. В том же году видный американский дипломат (в прошлом человек из окружения Ф. Рузвельта) А. Гарриман посетил Будапешт по поручению президента Дж.

.....
²⁰ Shawcross W. Crime and Compromise. Janos Kadar and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974.

Картера, в Белом Доме зондировали возможности использования Я. Кадара в роли посредника при решении некоторых конкретных проблем советско-американских отношений. Не только в Вашингтоне, но и в Москве имели свои виды на посредническую миссию Венгрии, правда в деле налаживания не советско-американских, а советско-французских отношений после победы Ф. Миттерана летом 1981 года на президентских выборах — в Кремле знали о том, что Кадару еще в 1970-е годы удалось найти общий язык с лидером французских социалистов²¹. Таким образом, именно к началу 1980-х годов международное признание кадаровского режима достигает своего пика, что резко контрастировало с той дипломатической изоляцией, через которую прошел режим в первые годы своего существования, после подавления революции 1956 года. Западное общественное мнение, не простив Кадару репрессий второй половины 1950-х годов, вместе с тем готово было признать его как наиболее респектабельного коммунистического политика современной эпохи. Причем ухудшавшееся экономическое положение Венгрии только стимулировало поиск внешнеторговых партнеров на Западе, возникает идея вступления страны в Международный валютный фонд, реализованная вопреки возражениям Москвы в 1982 году.

Деятели ПОРП, включая нового лидера партии С. Каню, приезжая в Венгрию, хотели услышать совет более успешной национальной коммунистической элиты и в первую очередь самого Кадара, выводившего свою страну после 1956 года из еще более глубокого политического кризиса. Среди функционеров ПОРП распространено было отношение к венгерской модели как к образцовой, на которую надо ориентироваться, пытаться внедрять ее элементы на польской почве²². Ведь

21 *Andreides G.* Kádár János 1977-es római látogatása és az MSzMP vezetőjének olaszországi megitelese // *Múltunk*, 2009. № 1; *M. Szebeni G.* Kádár János és Francois Mitterand három találkozója // *Múltunk*, 2009. № 1.

22 Работы известного венгерского полониста Я. Тышлера об отклике руководства ВСРП на ситуацию в Польше и его контактах с польскими лидерами: *Tischler János.* The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981; *Tischler J.* «Ha az osztályellenség támadása kibontakozik». Kádár János és a lengyel válság, 1980–1981 //

кадаровская модель долгое время позволяла успешно справляться с экономическими трудностями, а главное: в Венгрии удалось то, что не получилось в Польше — примирить с коммунистической властью рабочий класс. В первую очередь, в Варшаве хотели лучше узнать и перенять конкретный опыт венгерской консолидации второй половины 1950-х годов.

В марте 1981 года в Будапешт с официальным визитом приехал С. Каня. Этот визит состоялся в очень непростое для страны время. Углублялся экономический кризис. Обострялся конфликт между ПОРП и 10-миллионной «Солидарностью», власть продолжала терять контроль над обществом.

Беседуя с Каней²³, Кадар изложил свою принципиальную позицию в связи с польским кризисом, повторив, в иной упаковке, и важнейшие тезисы, звучавшие 5 декабря. Он подтвердил приверженность ВСРП прежним своим принципам открытой политики, опирающейся на поддержку широких масс (лозунгу «кто не против нас, тот с нами»). При всей неприемлемости сектантства и готовности бороться за массы, заметил он, на наступление явного врага, подрывающего основы режима, следует уметь реагировать жестко. Надо уметь противостоять и проявлениям массового безумия, иногда способного охватить общество в кризисные моменты. Разговор с Каней дал Кадару повод вспомнить о «венгерском 1956 году», когда процесс размежевания в обществе зашел еще дальше, а политическая борьба принимала самые экстремальные, конфронтационные формы. Венгерский лидер изложил польским собеседникам официальную версию о «контрреволюции», предательстве И. Надя и т. д., о том, что в тех условиях только силовое вмешательство извне могло предотвратить гражданскую войну. Ситуация в Венгрии в тот момент сильно отличалась от того, что было осенью 1956 года в Польше, где

Magyar Nemzet, 1997. Augusztus 23; Tischler János. Kádár and the Polish Crisis 1980–1981 // The Hungarian Quarterly. Vol. 39. Autumn 1998; Tischler János. Az MSZMP és a lengyelországi válság, 1980–1981. Dokumentumok // Századok, 1998. № 5; Tischler J. Magyarország és a lengyel válság (1980–1981) // Századok, 1999. № 2.

²³ Tischler J. Kommunisták egymás közt. 1981-es történelmi visszatekintés 1956-ra // Élet és irodalom, 1998. április 2.

удалось преодолеть кризис политическими средствами. Кадар напомнил о том, что жесткие методы, применявшиеся его правительством в условиях консолидации, не всегда находили в то время понимание польских товарищей, из Варшавы подчас звучали упреки в возвращении Венгрии к сталинизму, в отношениях между ПОРП и ВСРП возникала определенная напряженность. Жесткая политика была, однако, порождением конкретной ситуации: для предотвращения полного хаоса в стране можно было, по его мнению, опереться только на части Советской армии. Иная ситуация — в современной Польше, где есть все возможности разрешения кризиса собственными силами (польские коммунисты, как неоднократно замечал Кадар, сейчас сильнее, чем думает кое-кто в Польше, так и в других странах). Гарантом успеха венгерский лидер считал обеспечение единства партии на основе четко сформулированной платформы, ведь члены ПОРП должны ясно понимать, за какие цели они борются, а ее руководство должно реально осознавать, сколько человек за ним идет, какие силы имеются в наличии. Программа эта, подчеркнул Кадар, может концентрироваться на решении лишь самых минимальных задач, наиболее насущных (прежде всего — экономических) проблем, но она должна быть приемлема не только для рядовых членов партии, но и для основной массы населения, заинтересованной в стабильности и сохранении жизненного уровня, а значит, в прекращении забастовок — речь идет и о людях католической ориентации, и даже о конструктивно настроенных священниках. Вопрос о единстве в партии от ЦК до низовых организаций венгерский лидер считал ключевым, поскольку без этого ПОРП не сумеет сохранить своих ведущих позиций в обществе, утратит власть, что повлечет за собой крах всего существующего конституционного порядка. Большое внимание Кадар уделял также контролю над средствами массовой информации: оппозиция не должна перехватить у правящей партии инициативу там, где дело касается борьбы за умы людей.

Завоевание масс на свою сторону, по убеждению Када-
ра, невозможно без однозначного отмежевания от прежних

ошибок, что, впрочем, не означает сведения счетов, тем более что у партии есть заботы поважнее. В 1980–1981 годах он неоднократно напоминал своим собеседникам (в том числе Кане) о том, что Ракоши и его соратников, несших немалую долю вины за кризис 1956 года, ВСРП привлекла к партийной ответственности только в 1962 году. Программа, сформулированная руководством ПОРП, должна свидетельствовать, по его мнению, как об открытости политики, так и о твердости намерений. Надо дать оппонентам понять, что власть не хочет кровопролития, выступает за соблюдение законности, но будет до конца защищать конституцию и определенные устои: Польша во что бы то ни стало должна остаться социалистической страной, входящей в содружество стран, строящих социализм. Чем яснее будет осознание в обществе твердости позиций руководства, тем меньше крови прольется на улицах.

Отдавая, как и прежде, явное предпочтение политическим средствам, Кадар в принципе не исключал и применения силовых мер, но только в самом крайнем случае, если будут исчерпаны все возможности мирного решения и режим окажется в смертельной опасности. Повторение в Польше 1981 года венгерского сценария 1956 года он считал крайне нежелательным во всех отношениях, но полностью исключать такой перспективы не мог. Если окажется необходимым применить силу, говорил он Кане, то это должны сделать сами поляки, любое внешнее вмешательство еще более ослабит позиции ПОРП, затруднит, а то и сделает вовсе невозможной последующую консолидацию общества, главная забота о которой в любом случае ляжет не на внешнюю силу, а на самих польских коммунистов. Кроме того, внешнее вмешательство не в интересах мирового коммунистического движения: венгерский лидер хорошо представлял себе масштабы морального урона, который понесло коммунистическое движение вследствие августовской акции 1968 года в Чехословакии. Зная о своем международном авторитете в коммунистических кругах и отношении польских функционеров к венгерской модели как наиболее совершенной, Кадар постарался использовать накопленный капитал с тем, чтобы донести до лидеров ПОРП свою

позицию и повлиять на выбор ими адекватных средств решения стоящих задач. Ни в коей мере не желая драматизировать ситуации, он в то же время настаивал на твердости и последовательности в осуществлении курса на сохранение Польши в качестве социалистического государства, члена ОВД²⁴.

О венгерском опыте 1956 года вспоминал на рубеже 1970-х — 1980-х годов не только Кадар. Польский самиздат проявил немалый интерес к истории венгерской революции, опубликовав в своих книжных сериях посвященные ей книги В. Ворошильского, П. Гостони, П. Кенде, мемуары Ш. Копачи и югославского дипломата В. Мичуновича и многое другое. Среди сюжетов, привлекавших особое внимание, был опыт деятельности в ноябре 1956 года большого будапештского рабочего совета, претендовавшего на роль альтернативного центра власти. Как идеологи польской оппозиции, так и западные политологи, анализируя последствия скоропалительного решения Имре Надя и его правительства о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора в ноябре 1956 года, приходили к выводу о том, что восточноевропейская оппозиция должна делать упор на независимое массовое движение с участием рабочего класса и создание альтернативных квази-государственных структур наподобие «Солидарности», а не на независимость во внешней политике²⁵.

Вернувшись из Будапешта в Варшаву, С. Каня мог наблюдать дальнейшее обострение обстановки, «Солидарность» выступала с новыми требованиями, неприемлемыми для руководства ПОРП, поскольку грозившими еще более ослабить ее властные позиции. В конце марта возникла угроза всеобщей забастовки в общепольском масштабе. И в последующие месяцы на фоне резкого ухудшения снабжения населения продовольствием ситуация в Польше продолжала оставаться

.....
 24 *Tischler J.* «Ha az osztályellenség támadása kibontakozik». Kádár János és a lengyel válság, 1980–1981.

25 Подробнее: *Стыкалин А. С.* Венгерские события 1956 года в западной историографии и общественно-научном сознании (1956–1981 гг.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 11. Ставрополь, 2010. С. 211–245. См. также очерк 14 в настоящем издании.

крайне напряженной, что усилило обеспокоенность лидера ВСРП событиями в «братской» стране.

В рядах «Солидарности» шел процесс поляризации, на первый план все более выступали силы, придерживавшиеся более радикальной программы действий, в частности открыто подвергавшие сомнению легитимность власти ПОРП. В сентябре состоялся первый общепольский съезд 10-миллионного к тому времени (!) профсоюза, на котором было принято обращение к рабочим стран Восточной Европы с призывом бороться за независимое профсоюзное движение, в нем содержалась идея провести международную встречу в целях обмена опытом. Это обращение нашло отклик в диссидентских кругах Чехословакии и Венгрии. Хотя в этих странах не было зачатков независимого рабочего движения и политическая оппозиция носила преимущественно узко интеллигентский характер, интерес к современному польскому опыту был особенно велик именно в интеллигентской среде. В 1981 году в Венгрии возникает периодика самиздата — журналы «Beszélő» и «Hírmondó», а также книжные серии. Освещение и анализ современных событий в Польше становится одной из приоритетных тем венгерского самиздата²⁶. Изучение опыта «Солидарности» давало повод для резкой критики собственных профсоюзов во главе с их бессменным лидером Шандором Гашпаром (с 1978 года председателем контролируемой Москвой Всемирной федерации профсоюзов), ставших оплотом контрреформаторства — их эгалитаристская позиция стала, как уже отмечалось, тем внутренним фактором, который наряду с внешним фактором (давлением Москвы²⁷) повлиял на

26 A Magyarországi Szamizdat bibliográfiája. 1981–1989. Budapest, 1990. См. также: Стыкалин А. С. Венгерский самиздат 1950-х–1980-х гг. в широком общественно-историческом контексте // Acta samizdatica. Записки о самиздате. Вып. 2(3) / отв. редакторы Б. И. Беленкин, Е. Н. Струкова. М., ГПИБ — Международный Мемориал, 2015. С. 291–301.

27 Из недавно опубликованных источников, раскрывающих механизмы такого давления, см. публикацию В.Л. Мусатовым материалов завидовской встречи Л.И. Брежнева и Я. Кадара в феврале 1972 года: Как «исправляли» венгерскую реформу... О встрече Л. И. Брежнева и Я. Кадара в Завидово в феврале 1972 года // Мусатов В. Л. Второе «освобождение» Восточной Европы. М., 2016. С. 99–174.

свертывание в 1972 году венгерской экономической реформы. Принимавшее более организованные формы венгерское диссидентство не только интересовалось происходившим в Польше, но и пыталось установить непосредственные связи с польскими единомышленниками, выезжая для этого в Варшаву и Гданьск. 9 декабря 1980 года, сразу после возвращения Кадара в Москву с совещания представителей компартий по проблемам Польши, Политбюро ЦК ВСРП обсуждало вопрос о собственной оппозиции и было вынуждено констатировать, что в сравнении с первой половиной 1970-х годов ее активность заметно усилилась, причем имеют место попытки расширить социальную базу за счет рабочего класса²⁸. В ряде последовавших за этим публичных выступлений Кадар не преминул заявить, что власти будут защищать социалистические завоевания от любой угрозы, откуда бы она ни исходила, и дадут отпор любого рода подстрекателям. Произошедшие в 1980 году некоторые волнения на крупнейшем в Венгрии Чепельском комбинате вызвали особенно большую обеспокоенность руководства, живо напомнив ему как о собственном 1956 годе, так и о польской «Солидарности» и заставив отказаться от запланированного нового повышения цен. Неспokoйно было и в студенческой среде, в 1981 году выдвигалась идея создания независимой студенческой организации.

Обращение «Солидарности» к рабочим других стран вообще вызвало истерическую реакцию в руководящих кругах всех государств Организации Варшавского договора, включая и диссидентскую Румынию, где Чаушеску, впрочем, пока еще публично демонстрировал уверенность в своей способности нейтрализовать импульсы, идущие из Польши, и не пересмотрел прежней линии, требовавшей невмешательства социалистических стран в польские дела; румынская внутривластная пропаганда, продолжая играть на национальных струнах, подавала польские события исключительно под знаком стремления Польши к независимости от СССР. В средствах же массовой информации других

.....
²⁸ MSzMP dokumentum az ellenzékről, 1980-ból (Közlí Sipos L.) // Társadalmi Szemle, 1992. № 5.

стран лагеря предпринимается мощная идеологическая кампания в связи с угрозой социализму в Польше.

Брежнев и его окружение, постоянно оказывавшие давление, временами довольно грубое, на польских коммунистов²⁹, прибегает на этот раз к еще более жестким оценкам происходившего в Польше. В советской, а затем и в польской прессе публикуется Заявление ЦК КПСС от 17 сентября. В нем говорилось о том, что терпимость к враждебным элементам, нацеленным на подрыв стабильности в странах социализма, противоречит обязанностям Польши по Варшавскому договору. «Правда» изо дня в день пишет о курсе «Солидарности» на захват власти в Польше, о ее беспрецедентных по своей наглости призывах к пролетариату других социалистических стран.

Как и в июне 1968 года после публикации в чехословацкой прессе программных документов, свидетельствовавших о далеко зашедшем процессе формирования внепартийной оппозиции³⁰, в сентябре 1981 года Кадар также несколько корректирует свою изначальную позицию, занятую в условиях внутрисоциалистического кризиса в одной из социалистических стран. Он выражает солидарность с требованиями союзников, ужесточает риторику. В условиях польского кризиса повод для пересмотра установок дало руководству ВСРП именно упомянутое обращение «Солидарности» к рабочим стран Восточной Европы, воспринятое им как попытка подстрекательства пока еще довольно слабой венгерской оппозиции. В ЦК ВСРП готовится письмо в адрес ЦК ПОРП, подписанное Кадаром³¹. Оно по содержанию лишь в некоторых специфических деталях отличалось от официальных писем, пришедших в те же дни в Варшаву из других восточноевропейских столиц. В нем было указано, что в последнее время в Польше перешли в насту-

29 Воронков В. И. События 1980–1981 годов в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории, 1995. № 10. С. 96–97.

30 См. соответствующий очерк в настоящем издании.

31 More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981, pp. 85–86. О позиции Кадара на основании бесед с людьми из его окружения см. также: *Tischler J. Az 1980–1981-es lengyel válság és Magyarország a szemtanúk és résztvevők visszaemlékezései alapján* // 1956-os Évkönyv. 2002. Budapest, 2002. 360–390. o.

пление враги социализма, происходит открытая конфронтация, антикоммунистическая оппозиция стремится к захвату власти. Вместо установки на консолидацию общества и конструктивной программы действий имеют место «призывы к анархии», под лозунгами свободы и демократии совершаются нападки на основы социализма. В результате в стране создается, как отмечалось, антисоветская, антикоммунистическая атмосфера. Ссылаясь на допущенные руководством ошибки, подстрекатели, говорилось далее, пытаются увлечь за собой рабочие массы, отнюдь не склонные отвергать завоевания социализма. В письме содержался призыв предпринять срочные меры и сплотить все приверженные социализму силы для того, чтобы преградить дорогу силам, угрожающим социалистическим завоеваниям. Стабильность в Польше, подчеркивалось в письме, есть гарант безопасности всей системы социализма.

Венгерские власти принимают меры, чтобы воспрепятствовать проникновению обращения «Солидарности» в открытую прессу, что было реально в условиях фактического отсутствия в кадаровской Венгрии тех лет предварительной цензуры. В необходимых случаях из обращения изымались уже отпечатанные номера газет и журналов, а редакторы привлекались к ответственности. Немало головной боли вызывал у лидеров ВСРП вопрос о том, кто войдет в польскую делегацию, приглашенную на очередной съезд венгерских профсоюзов³². Ничто так не беспокоило Кадара как перспектива формирования независимого, неподконтрольного партии рабочего движения. В этом он сходиллся с руководителями всех других стран ОВД. Венгерский лидер понимал, что в Польше возникла внесистемная политическая сила, реально угрожающая власти коммунистов. Он также хорошо осознавал, что глубокий польский кризис способен вызвать цепную реакцию, поколебать ситуацию в других странах социалистического содружества. В свою очередь оппозиционно настро-

.....
³² *Tischler János*. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981, p. 81.

енные венгерские интеллектуалы, внимательно следившие за деятельностью «Солидарности» по всем доступным источникам, поняли, что многоопытного лидера ВСРП, выходца из рабочего движения, знавшего пролетариат изнутри и прекрасно умевшего излагать базовые идеологемы на доступном ему языке, может напугать лишь одно — утрата контроля над массовым рабочим движением. Использование забастовок по польскому примеру в качестве орудия давления на власть стало бы наглядным свидетельством выхода венгерского рабочего движения из-под правительственного контроля.

Для того чтобы воспрепятствовать разворачиванию опасных для властной монополии компартии процессов, идеологические структуры ВСРП предпринимают беспрецедентную по масштабам для Венгрии пропагандистскую кампанию, направленную на дискредитацию польской оппозиции. Еще 5 декабря 1980 года на вышеупомянутом совещании в Москве Кадар говорил о том, что забастовки в Польше зачастую вызывают недоумение простых граждан Венгрии, у которых не находит понимания иждивенческая позиция деятелей «Солидарности»: почему польский пролетариат может позволить себе не работать, а бастовать, тогда как венгерским рабочим приходится трудиться еще и в расчете на оказание помощи Польше³³. Венгерский лидер исходил из того, что происходящее в «братской стране» не всеми в Венгрии воспринимается позитивно, в представлениях части общественного мнения (включая рабочих) существует определенная взаимосвязь между снижением уровня жизни в Венгрии и забастовками в Польше. Играя на этих настроениях, пропаганда ВСРП не упустила случая использовать антипольскую карту в целях объяснения народу причин экономической стагнации в собственной стране. Газеты (в первую очередь профсоюзная «Népszava») писали, в частности, о том, что постоянно бастующая «Польша слишком дорого стоит венгерскому рабочему классу», заставляя Венгрию, как, впрочем, и другие страны блока, корректировать свою социальную политику с учетом

.....
³³ More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981, p. 113/115.

необходимости оказания помощи «слабому звену» в социалистическом содружестве. Развернувшаяся пропагандистская кампания, таким образом, временами даже приобретала общий антипольский оттенок, находившийся в резком противоречии с длительной традицией польско-венгерской солидарности и идейно-политического сотрудничества в острые исторические моменты (период революции и национально-освободительной борьбы 1848 года, кризисные события осени 1956 года); кстати сказать, и сам Кадар, встречаясь с представителями ПОРП, не считал излишним упоминать об исторической близости двух народов. Вопреки этому, осенью 1981 года в некоторых бульварных будапештских изданиях содержались довольно оскорбительные для поляков пассажи, намекающие на их извечный анархизм и, что еще хуже, на склонность к паразитическому существованию за счет других. Пропагандистскими структурами ВСРП было найдено, таким образом, довольно удобное объяснение переживаемых страной экономических трудностей, способное на какое-то время отвлечь внимание определенных категорий населения от главных, внутренних проблем. Но оно было все же малоубедительным для мыслящей части общества, которая в целях более глубокого понимания истоков кризисных явлений как в Польше, так и Венгрии все чаще обращалась к самиздату.

Главной заботой ВСРП становится недопущение распространения «польской заразы» на более благополучную Венгрию; все средства пропаганды были призваны убедить венгерских рабочих в том, что идти по пути забастовок — значит вести дело к снижению жизненного уровня. Напротив, более энергичные усилия всех на своих рабочих местах способны внушить трудящимся уверенность в собственных силах перед лицом наметившихся в экономике негативных явлений. По мере усиления своей обеспокоенности событиями в Польше Кадар все чаще обращался к ним в публичных выступлениях. При этом он, как правило, пытался оценивать ситуацию, исходя из венгерского опыта 1956 года, сравнивал происходящее в Польше с динамикой политического развития в Венгрии 25-летней давности, проецировал на польский кризис

1980–1981 годов привычную для себя схему — правые, «контр-революционные» силы, воспользовавшись справедливым недовольством части пролетариата, предприняли наступление, манипулируя справедливыми требованиями рабочих, введенных в заблуждение. Съезд «Солидарности» живо напомнил Кадару Венгрию ноября 1956 года — выступления рабочих советов с оппозиционной правительству платформой, в течение двух недель фактическое двоевластие в стране, с которым можно было покончить лишь самыми жесткими административными, а подчас и репрессивными мерами.

Как отмечалось в этой книге выше, именно под непосредственным влиянием польского кризиса кардинально меняется вся концепция сохранения исторической памяти о событиях 1956 года. Стратегия на забвение венграми тех событий, установка на «коллективную амнезию» признается недостаточно эффективной. Ведь, несмотря на все усилия идеологов режима, «будапештская осень» все равно зримо присутствовала в национальном сознании, а еще более в «национальном подсознании», и не только как предостережение от нарушения заключенного с режимом Кадара общественного договора, но и как напоминание о возможности политических альтернатив (об их существовании особенно живо свидетельствовал наглядный опыт польской «Солидарности»). Для поддержания в обществе воспоминаний о 1956 году прилагала немалые усилия доступная в Венгрии и влиятельная радиостанция «Свободная Европа», особенно в дни очередных годовщин «будапештской осени». Не проявляя со своей стороны инициативы в обращении к истории восстания, власть в то же время была вынуждена, как отмечалось, реагировать на выступления «радиоголосов» и заботиться о пресечении внутри страны любых «вражеских вылазок» в оценке октябрьских событий. Осенью 1976 года на фоне очередного кризиса в Польше и создания там Комитета защиты рабочих идеологическим структурам ВСРП пришлось принять дополнительные меры для нейтрализации мощной пропагандистской кампании, развернувшейся на Западе в связи с 20-летием венгерской революции. Особенно много головной боли у кадаровских

работников идеологического фронта вызывали кадры кинохроники времен «будапештской осени», широко демонстрировавшиеся на фоне польского кризиса в его самой острой фазе по западным телеканалам, ставшим к этому времени все более доступными восточноевропейскому телезрителю. В 1981 году приходилось уже реагировать и на собственный самиздат, сделавший «осень 1956 года» своей приоритетной темой и требовавший коренного пересмотра концепции контрреволюции. И хотя тактика замалчивания возымела определенный эффект (к концу 1970-х годов венгерская молодежь мало что знала о событиях 1956 года сверх установленного властями канона), она казалась уже недостаточной в условиях, когда в деполитизированном обществе «зрелого кадаризма» заметно ослабла коммунистическая индоктринация.

Осенью 1981 года, в канун 25-летнего юбилея «будапештской осени», на фоне резко обострившегося польского кризиса тактика властей решительным образом меняется: на смену прежнему замалчиванию событий 1956 года приходит, как отмечалось в предшествующем очерке, мощное идеологическое контрнаступление. Это была, с одной стороны, реакция на широкое обсуждение темы в диссидентских кругах — власть не хотела упускать инициативу в споре с активизировавшейся под влиянием польского кризиса оппозицией. Необходимо было думать и о нейтрализации «Свободной Европы», постоянно проводившей параллели между Венгрией 1956 года и Польшей 1981 года и работавшей в расчете на повышенный интерес венгерской молодежи к замалчиваемой истории новейшего времени. Принималась также во внимание активность эмиграции: для многих ветеранов «будапештской осени» четвертьвековой юбилей стал поводом заново (теперь уже с учетом и современных польских событий!) осмыслить собственный 1956 год и свою роль в венгерской «национальной трагедии», а для кого-то — подвести итоги всей своей политической и интеллектуальной деятельности. Немалое влияние на смену тактики оказал и подъем неоконсерватизма на Западе, причем новый президент-республиканец Р. Рейган выступил, ссылаясь на происходящее в Польше, с одной из

своих программных антисоветских речей именно 23 октября 1981 года, намеренно приурочив ее к 25-летию юбилею начала венгерской революции. В условиях такого натиска в странах советского блока, и не в последнюю очередь в Венгрии, сочли целесообразным, «не поддаваясь на провокации», демонстрировать последовательность прежней политики. Это касалось и оценки венгерской коммунистической элитой событий 1956 года. В октябре — ноябре 1981 года в Венгрии выходит обилие пропагандистской литературы, тема подавления «контрреволюции» не сходит с полос многих газет, по венгерскому телевидению был показан документальный сериал о зверствах «контрреволюционеров». Через считанные недели по инициативе идеологов ПОРП его демонстрируют и по центральному польскому телевидению: власти ставили своей задачей напугать миллионы поляков неизбежной перспективой братоубийственной войны и неминуемого советского вторжения, в случае если противоборствующим сторонам не удастся достигнуть компромисса. Что касается венгерских средств массовой информации, то 25-летие событий 1956 года дало агитпропу ВСРП новый неплохой повод для того, чтобы поговорить об успехах собственной, более гибкой в сравнении с Польшей внутренней политики.

Ужесточение оценок Кадаром ситуации в Польше не означало пересмотра им своей принципиальной позиции: лидер ВСРП по-прежнему последовательно выступал против вмешательства в польские дела извне. Он понимал, что в силу исторических традиций подключение венгров к этой акции было бы в высшей степени непопулярно в венгерском общественном мнении. Это понимали и хортисты, так и не поддавшиеся давлению Гитлера, настаивавшего на объявлении Венгрией войны Польше в сентябре 1939 года. Идею участия венгерской армии во вторжении в Польшу Кадар категорически отвергал даже при наименее благоприятном стечении обстоятельств, советское же силовое вмешательство по-прежнему считал допустимым лишь в ограниченном объеме и в самом крайнем случае — сложившаяся ситуация, по его мнению, пока еще отнюдь не достигла критической точки, делающей такое вмешательство необходимым. Эту позицию он

продолжал отстаивать и при встречах с представителями социалистических стран, и в телефонных разговорах с Москвой — Брежнев Кадар не очень любил, как выдвигенца Хрущева, не скрывавшего своих симпатий к нему и после отставки последнего в октябре 1964 года³⁴, однако мнение искуснейшего и пока еще весьма благополучного венгерского политика, имевшего за плечами реальный опыт успешного выведения своей страны из глубочайшего кризиса, в Кремле внимательно выслушивалось. Правда, как хорошо показали чехословацкие события 1968 года, оно было не более чем совещательным голосом, не влиявшим по большому счету на принятие окончательного решения, и сам Кадар не питал в этом плане никаких иллюзий.

Как бы то ни было, с осени 1981 года венгерский лидер, очень опасавшийся импорта в свою страну идей «Солидарности», и сам все более активно пытается надавить на поляков, настаивая на принятии ими более решительных мер. Подобно руководителям других братских партий Кадар считал необходимым положить конец тому, что происходит в Польше. Но исходя из горького опыта 1956 года он призывал деятелей ПОРП, высоко ценивших его мнение, обходиться по возможности без кровопролития, прибегая лишь к самым необходимым административным мерам — прежде всего к изоляции наиболее радикально настроенных оппозиционеров.

Избрание генерала В. Ярузельского в октябре 1981 года первым секретарем ЦК ПОРП Кадар воспринял с удовлетворением, видя в нем человека, способного к более твердой политике. В этом лидер ВСРП не ошибался. Опасаясь полного экономического коллапса и того, что Москва вмешается силовым путем в ход событий, Ярузельский, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти — руководство партией, советом министров и министерством обороны, — приступил к подготовке введения военного положения собственными силами³⁵.

.....
³⁴ Барат М. Отклики в Венгрии на снятие Н. С. Хрущева // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. редактор Т. В. Волokitина. М., 2013. С. 296–311.

³⁵ О мотивах его действий см.: Ярузельский В. Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году // Новая и новейшая история, 2008. № 4.

В начале декабря 1981 года в Москве состоялось совещание министров обороны стран ОВД, с польской стороны в нем участвовал заместитель министра обороны Ф. Сивицкий. Обсуждалась жесткая формулировка итогового коммюнике, предназначенного для печати — речь в нем, по сути, шла о возможности совместных действий в интересах спасения социалистических завоеваний в Польше. Эту жесткую формулировку приветствовал и Ярузельский, имевший свои мотивы — он хотел публикацией этого документа оказать давление на добывавшихся власти лидеров «Солидарности», вынудить их к отступлению либо, что более вероятно, возложить на них всю ответственность на тот случай, если польским властям придется самим осуществить силовую акцию. Поскольку подготовка акции была в самом разгаре, речь скорее может идти о сознательном тактическом ходе Ярузельского — он собирался представить польскому общественному мнению введение военного положения как превентивную меру, опередившую санкции союзников по ОВД. Ясно ведь, что на фоне угроз, звучавших из Москвы, введение чрезвычайного положения можно было бы интерпретировать как акт, направленный на предотвращение внешнего вмешательства. При обсуждении текста коммюнике, однако, возникла дискуссия, против предложения о жесткой формулировке выступили венгерский и румынский министры обороны. Если к особой позиции Румынии на подобного рода совещаниях в Москве привыкли и ее предвидели, то особое мнение венгров оказалось довольно неожиданным, озадачив советскую сторону. Министр обороны ВНР Л. Цинеге заявил, что не полномочен подписывать столь политически важный документ без консультации с руководством своей партии. В Будапеште заседало Политбюро, когда Цинеге позвонил из Москвы и спросил Кадара, что делать. Лидер ВСРП, находившийся в очень непростых отношениях с Чаушеску, парадоксальным образом именно в нем нашел себе союзника. Ожидая, что румыны будут противиться жестким формулировкам, увидев в них ущемление суверенитета социалистических стран, Кадар призвал Цинеге от имени ВСРП, ссылаясь на румынскую позицию, предложить

представителям других стран подумать над компромиссной формулировкой, устраивающей всех членов ОВД. На венгров пытались давить, чтобы вынудить их изменить позицию. Их обвиняли в неблагодарности — ведь в 1956 году им была оказана «интернациональная помощь». Но Цинеге, исходя из установок, данных Кадаром, остался непреклонен. По сути дела, именно венгерская сторона блокировала принятие предложенной более жесткой формулировки³⁶.

Особая позиция Венгрии вызвала в Москве определенную озабоченность. 9 декабря для выяснения ситуации в Будапешт прилетел председатель Совета министров СССР Н. А. Тихонов. Кадар, встретившись с ним, прояснил свою точку зрения. Он говорил о том, что не до конца понимает, в какой мере та предложенная для принятия всеми странами-членами ОВД платформа отражает мнение и ожидания В. Ярузельского и его команды, не уверен в том, что она не осложнит их положение в самой Польше. Венгерский лидер назвал первоначальную формулировку неудачной и потому, что она наверняка вызовет на Западе новую антисоветскую кампанию, на этом фоне усилия социалистических стран по защите мира не будут видны мировой общественности. Кадар вместе с тем заверил Тихонова в том, что принципиальная позиция Венгрии — быть на стороне СССР там, где дело касается принципиальных вопросов международных отношений — не изменится. С советской стороны были приняты эти объяснения, инцидент был исчерпан. Никаких принципиальных разногласий между сторонами действительно не было. В Москве не исключали в качестве крайней меры оказание определенной военной помощи Ярузельскому в деле наведения им порядка в Польше, в генштабе прорабатывались соответствующие планы. Вместе с тем в Кремле считали предпочтительным, чтобы польское руководство само ввело военное положение, всячески побуждали к этому Ярузельского, не торопясь с принятием политическо-

³⁶ *Tischler János*. «Előbb konzultálnunk kell Budapesttel». Kádár a lengyelországi szovjet katonai beavatkozás ellen, 1980–1981 // *Elet és irodalom*, 2003. Julius 11. Несколько иную версию дает генерал армии А. И. Грибков, участник того совещания. См.: *Грибков А. И.* Доктрина Брежнева и польский кризис начала 1980-х годов.

го решения даже о самой ограниченной советской военной акции в помощь «польским друзьям». Это нашло отражение в записи заседания Политбюро от 10 декабря, в том числе в выступлениях таких влиятельных его членов, как Ю. В. Андропов и А. А. Громыко³⁷. В Москве все же извлекли определенные уроки из событий 1968 года в Чехословакии, когда полностью сорвались планы по приведению к власти правительства «здоровых сил» и пришлось вызывать из-под ареста и сажать за стол переговоров людей «команды Дубчека». В 1980–1981 годах Брежнев неоднократно заверял польских лидеров, что не предпримет акции без них и вопреки их воле, что в принципе не расходилось с планами руководства СССР и отражало более реальную оценку ситуации — так называемые «здоровые силы», на которые можно было бы опереться, были здесь еще более слабыми, нежели в Чехословакии 1968 года. Если в первой половине 1981 года в Кремле еще питали некоторые надежды на их активизацию, то ход и решения IX съезда ПОРП, состоявшегося в июле, показали беспочвенность таких планов, заставили делать ставку на Ярузельского³⁸. Нет, таким образом, никаких оснований говорить о том, что особая позиция двух союзников — Кадара и Чаушеску — стала сколько-нибудь существенным фактором, повлиявшим на удержание советских войск от наступления на Варшаву.

Введение Ярузельским 13 декабря 1981 года военного положения, приостановка деятельности «Солидарности» и интернирование активистов оппозиции в определенном смысле подтвердили правоту Кадара, последовательно выступавшего за решение поляками проблемы собственными силами. Руководством ВСРП эта акция была воспринята с немалым облегчением. Кадар сразу же посылает Ярузельскому телеграмму в знак поддержки проводимых действий. Позже, в октябре 1983 года, венгерский лидер, встречаясь в Польше с Ярузельским, высоко оценил тот факт, что польским коммунистам удалось без внешней помощи преградить

37 Документы «комиссии Суслова». События в Польше в 1981 году. // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 84–94.

38 Воронков В. И. События 1980–1981 годов в Польше. Взгляд со Старой площади. С. 96–97.

путь «контрреволюции» и «анархии», они тем самым оказали неоценимую услугу не только Польше, но всему социалистическому лагерю и мировому коммунистическому движению³⁹. На самом деле это, однако, нисколько не меняло того обстоятельства, что, как и в Венгрии 1956 года, в Польше 1981 года для сохранения коммунистического режима пришлось прибегнуть к силовым средствам.

Общественное мнение в Венгрии восприняло силовой вариант разрешения польского кризиса в целом спокойно, увидев в этом неизбежный в сложившихся условиях путь к преодолению хаоса в союзнической стране. Более того, на определенные категории оппозиционно настроенной интеллигенции введение военного положения в Польше подействовало сдерживающе. Подачкой Кадара венгерскому пролетариату в целях нейтрализации нежелательных настроений явилось провозглашение субботы нерабочим днем — требование, фигурировавшее в программе «Солидарности». Как бы там ни было, венгерская оппозиция откликнулась на события 13 декабря новыми программными документами: глубокий анализ истоков кризисных явлений в Восточной Европе сочетался в них с поисками перспектив развития⁴⁰.

Контакты Кадара с западными лидерами не стали менее интенсивными и в 1982 году. На встречах в Будапеште с Ф. Миттераном, посетившим Венгрию с официальным визитом, и в Бонне с В. Брандтом венгерский лидер неизменно уклонялся от обсуждения вопроса о положении в Польше, подавая это как внутреннее дело Польши и лишь в некоторых своих, международных аспектах как внутриблоковое дело, относящееся к компетенции стран ОВД, но отнюдь не западных держав. Любые попытки Запада вмешаться в польские события, подчеркивал он, лишь угрожают разрядке напряженности.

На следующий день после введения военного положения руководство ВСРП на своем заседании постановило в соот-

³⁹ Tischler J. «Ha az osztályellenség támadása kibontakozik». Kádár János és a lengyel válság, 1980–1981.

⁴⁰ Tamás G. M. Illegális röpirat, 1982. Február // Eszmélet. Budapest, 2003. № 57.

ветствии с ранее поступившей просьбой Ярузельского оказать Польше необходимую экономическую помощь. Польская сторона была заинтересована не только в материальной поддержке. Команда Ярузельского именно в этот период проявила особенно большой интерес к конкретному опыту политической консолидации в Венгрии в первые месяцы после событий осени 1956 года. По приглашению ПОРП вскоре после введения в Польше военного положения в Варшаву приехала делегация ВСРП во главе с главным идеологом партии Д. Ацелом. Ярузельский с ней встречался, внимательно выслушивая советы. Из Будапешта по его запросу было послано и большое dossier с материалами о венгерской консолидации. В отчете, подготовленном для ЦК ВСРП⁴¹, члены венгерской делегации писали об изучении функционерами ПОРП венгерского опыта, который считался однозначно позитивным, ведь положение в Венгрии оставалось стабильным на протяжении уже более чем двух десятилетий⁴². Интерес этот сохранялся и в последующие годы. Со стороны ВСРП неизменно предостерегали поляков от механического копирования венгерских образцов, призывали ставить во главу угла местные, специфические особенности. В польской пропаганде после 13 декабря 1981 года тема Венгрии 1956 года занимала значительное место. Снова и снова показывая по телевидению кинохронику тех дней, партпропагандисты старались внушить рядовому поляку, что лишь своевременное введение военного положения собственными силами позволило избежать не только линчеваний и прочих ужасов «будапештской осени», но и прихода иностранных войск.

Стремление польской коммунистической элиты учесть все позитивное, что было в венгерской модели социализма, и

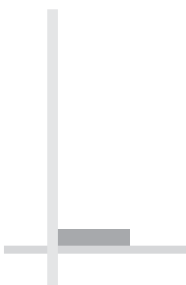
.....
⁴¹ Tischler János. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981, pp. 87–89.

⁴² См. также статью, подготовленную для информирования всего мирового коммунистического движения о венгерском опыте консолидации, актуализированном польскими событиями: *Берец Я.* Тогда, на этапе консолидации. О некоторых чертах венгерского опыта в 20-летней ретроспективе // Проблемы мира и социализма. Прага. 1982, № 5.

использовать эту модель в качестве образца, не переломило вектора развития Польши. Тем более что уже не за горами был 1985 год, когда приход к власти М. С. Горбачева и начало перестройки в СССР поставили коммунистических лидеров Восточной Европы перед совершенно новым вызовом — всех, включая не чуждого реформаторским идеям генерала В. Ярузельского и прагматика Я. Кадара, эволюционировавшего в 1980-е годы под влиянием польских событий к более консервативной, контрреформаторской платформе. Внутриполитические изменения в СССР ускорили крах коммунистического режима в Польше. Та же судьба постигла в конце 1980-х годов и более благополучный режим Кадара в Венгрии. Реальный социализм не выдержал испытания временем, в новых исторических условиях закономерно уступив место плюралистическим формам правления.

**Венгерские события
1956 года в западной
историографии
и общественно-
научном сознании
(1956–1989)**

Как и подобает заметному явлению не только венгерской внутривнутриполитической жизни, но и международных отношений, события осени 1956 года в Венгрии сразу же оказались в центре внимания мирового общественного мнения, что стимулировало обращение к их изучению и осмыслению сначала публицистов и политических экспертов, а затем, по мере прохождения некоторой временной дистанции, и историков в разных странах. Многомерность и многослойность объекта исследования предопределили многообразие подходов к нему и неоднозначность трактовок, дали толчок дискуссиям (иногда довольно острым) о характере и движущих силах венгерских событий, их историческом значении, нереализованных перспективах. Об устойчивом интересе исследователей и более широкой, прежде всего политически ангажированной публики к теме свидетельствует огромное, измеряемое не сотнями, а тысячами, количество опубликованных во всем мире работ — монографий, научных статей, документальных публикаций, мемуаров, публицистическихopusов¹.

1 Halasz de Beky I. L. A Bibliography of the Hungarian Revolution 1956. Toronto, 1963. Выходом целого ряда библиографий были отмечены 20-летний, 25-летний и 30-летний юбилеи революции (1976, 1981, 1986 годов). Наиболее полная библиография работ, вышедших до 1996 года на разных языках, опубликована в качестве второго тома 3-томного «Справочника 1956 года», подготовленного будапештским Институтом по изучению революции 1956 года: 1956 k  z  nyve.

Долгое время, в силу политико-идеологических и не в последнюю очередь цензурных ограничений, работы, дававшие сколько-нибудь полную и всестороннюю картину происшедшего в Венгрии осенью 1956 года, могли появляться лишь за пределами стран советского блока (при этом надо, конечно, иметь в виду, что и западная историография, с одной стороны, в целом не отличалась беспристрастностью в трактовке венгерских событий, а с другой стороны, среди многообразия работ, выходивших в США и Западной Европе, большую долю, как и в странах Восточной Европы, составляла политико-про-

.....
Főszerk. Hegedűs B. A. I. Kronológia / Írta és összeáll. Hegedűs B. A., Beck T., Gremuska P.; II. Bibliográfia / Szerk. Litván Gy.; III. Megtorlás és emlékezés / Szerk. Kende P. Budapest, 1996. Ежегодники этого института (1956-os Intézet Évkönyv) систематически помещали библиографии более новых работ, выходивших как в Венгрии, так и за ее пределами (с 2011 года выход этого издания приостановлен).

Начиная с 1992 года в Венгрии на разных этапах развития историографии был предпринят целый ряд дискуссий, ставивших целью подведение предварительных итогов изучения событий 1956 года. Из наиболее важных публикаций см.: *Litván Gy.* Az 1956-os magyar forradalom hagyománya és irodalma. Budapest, 1992; 1956 a közveleményben és a közművelődésben. Debrecen, 2001. См. также подборку статей в ежегоднике: 1956-os Intézet. Évkönyv X. Budapest, 2002.

О некоторых важных тенденциях изучения событий 1956 года (и советско-венгерских отношений в этот и последующий период) венгерской и мировой наукой дают представление историографические статьи, опубликованные в российских научных изданиях. См.: *Желицки Б. Й.* Венгрия 1956 года. Эволюция оценок венгерских историков // Новая и новейшая история, 1992. № 3. С. 18–35; Его же. Венгерские события 1956 года (в свете новейшей венгероязычной историографии) // Политические кризисы и конфликты 1950–1960-х годов в Восточной Европе / отв. редактор Ю. С. Новопашин. М., 1993; *Исламов Т. М.* Венгерское восстание 1956 года в отечественной историографии // Вопросы истории, 1997. № 11 (последняя из этих статей вызвала дискуссию. См.: *Стыкалин А. С.* Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 172–175). Примером неудачной попытки историографического обзора следует считать более позднюю статью: *Бруз В. В.* Взгляды исследователей на события в Венгрии 1956 года // Военно-исторический журнал, 2006. № 10. Подбор анализируемых работ носит случайный характер, автор демонстрирует очень слабое знание основных достижений как зарубежной, так и отечественной, российской историографии в изучении темы. Более удачный пример историографической работы, также принадлежащей перу военного историка: *Васильева Н. В.* Отечественная историография о военной роли СССР в венгерских событиях 1956 года // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. М., 2008. С. 267–284.

Центр Будапешта. 11 лет спустя после Второй мировой войны

пагандистская литература, явно не отвечавшая критериям научности). В первые месяцы после революции в потоке западных публикаций по ее горячим следам главное место занимали свидетельства очевидцев. Наиболее оперативно откликнулись на события иностранные журналисты, находившиеся в те недели в Венгрии либо собиравшие информацию, работая в Австрии с венгерскими беженцами².

.....
² Godney R. Cry Hungary! Uprising 1956. London, 1956. См. также отклик корреспондента Би-Би-Си, работавшего в Венгрии: Mikes G. The Hungarian Revolution. London – Glasgow, 1957 (есть также французское издание). Первые книги датированы декабрем 1956 года. См., в частности, иллюстрированное издание, дающее описание событий на основе радиосообщений и бесед с непосредственными участниками и свидетелями венгерского восстания: Перу радиожурналиста принадлежит и книга, вышедшая одновременно в Британии, Канаде и Австралии: Urban G. The Nineteen Days. A Broadcaster's Account of the Hungarian Revolution. London – Melbourne – Toronto, 1957. В США ряд изданий на английском и венгерском языках подготовил Комитет «Свободная Европа», курировавший деятельность некоторых организаций эмигрантов, выходцев из восточноевропейских государств. См.: The Revolt in Hungary. New York, 1956; A Magyar Néphadsereg

На протяжении многих недель венгерские события не сходили с первых полос ведущих западноевропейских и американских газет. Именно собирательный образ венгерского борца за свободу стал «человеком года» (1956 года) по версии наиболее влиятельного в ту пору американского политического еженедельника «Time». Но при всем внимании западной прессы к венгерским событиям наиболее глубокий след в осмыслении их сущности оставили не зачастую поверхностные свидетельства западных корреспондентов, иногда просто гнавшихся за сенсацией, а отклики двух крупных восточно-европейских литераторов, лучше чувствовавших венгерскую (и шире, региональную, средневропейскую) специфику и принимавших увиденное в Венгрии ближе к сердцу; к тому же их репортажи обладали несомненными художественными достоинствами. Известный сербский писатель, а впоследствии

szerepe a szabadságharcban, 1956. New York, s. d.; A szabadságharc követelései. 1956. New York, s. d. В последней из названных публикаций давались представления об основных требованиях восставшей молодежи.

Еще в конце 1956 года Комитетом «Свободная Европа» в Нью-Йорке публикуется запись передач венгерского радио в дни революции: *A magyar forradalom és szabadságharc a hazái rádióadások tükrében 1956 okt. 23 – nov. 9.* New York, 1956. Аналогичные издания вышли в Париже и Мюнхене соответственно на французском и немецком языках — на французском с предисловием известного политолога, эксперта по восточноевропейским делам Ф. Фейто, до своей эмиграции — деятеля венгерской социал-демократии. См.: *La Revolte de la Hongrie d'après les émissions des radios hongroises: Octobre-novembre 1956 / Preface de F. Fejto.* Paris, 1957; *Die Volkserhebung in Ungarn: 23 Oktober 1956 – 4. November 1956: Chronologie der Ereignisse im Spiegel ungarischer Rundfunkmeldungen.* München, 1957.

Очень оперативным, что совсем не удивительно в силу географической близости происходивших событий, был отклик в соседней Австрии, где первая книга о венгерском восстании вышла еще в конце 1956 года: *Molden F., Pogany Eu. G. Ungarns Freiheitskampf.* Wien, 1956. На итальянском языке наиболее полный отчет о событиях дал корреспондент газеты «Corriere della sera» И. Монтанелли. Его репортажи, не утратившие своей ценности, были переизданы в Венгрии в 1989 году: *Montanelli I.* 1956 Budapest: a Corriere della sera kiküldött tudósítója jelenti. Válogatás Indro Montanelli 1956-ban írt cikkeiből. Budapest, 1989.

Из англоязычных изданий см. также: *Fryer P. Hungarian Tragedy.* London. 1956; *A Handful of Ashes. A Personal Testament of the Battle of Budapest.* London, 1957; *The Hungarian Tragedy.* London, 1957. Серьезный анализ основных англоязычных публикаций 1956–1958 годах см. в статье: *Gömöri Gy. Az 1956-os forradalom emlékezete az angol sajtóban és irodalomban // 1956-os Intézet. Évkönyv X.* Budapest, 2002.

После расстрела мирной демонстрации перед зданием парламента. 25 октября 1956 года

и политик, Добрица Чосич, если верить позднейшей версии, был командирован в Венгрию по распоряжению самого Тито, для того, чтобы дать югославскому руководству и более широкой общественности максимально полную картину венгерских событий. Его репортажи, впервые опубликованные в главной белградской партийной газете «Борба»³, при всей точности многих характеристик были, впрочем, не лишены субъективизма и спорных моментов. Так, в соответствии с бытовавшими в соседних странах, в том числе в Югославии, стереотипами в них давалась не совсем адекватная, преувеличенная оценка правой опасности и в том числе угрозы прихода к власти в Будапеште сил, способных выступить с требованиями пересмотра в пользу Венгрии ее так называемых «трианонских» границ⁴. В отличие от Чосича, отягощен-

³ *Čosić D.* 7 nap Budapesten. 1956. Oktober 23–30. Budapest, 1989.

⁴ В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 года территория нового венгерского государства составила около 30 % площади венгерской половины монархии Габсбургов, управлявшейся из Будапешта. На ней в год Трианона проживал всего 41 % населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где большинство составля-

Демонстрация солидарности с Венгрией. Великобритания.
Ноябрь 1956 года. Архив ИПИ

ного исторически сложившимся в сербском сознании XX века комплексом венгерской «ирредентистской угрозы», польский поэт и публицист Виктор Ворошильский приехал из страны, где этого комплекса в силу тех же исторических причин существовать не могло, а в настроениях интеллигенции осенью 1956 года доминировало, напротив, чувство солидарности

.....
ли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины или украинцы), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ). Каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства. Из наших работ об итогах Трианонского договора и его сильнейшем влиянии на венгерское национальное сознание: *Стыкалин А. С.* Адмирал Миклош Хорти. 1868–1957 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). М., 1993. Его же. Хортистский режим и идея возрождения Венгрии в 1920–1930-е годы // *Славяноведение*, 1994. № 6. Его же. Глава 9. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948* / отв. редактор В. В. Марьина. М., «Наука», 2004. С. 358–442. Заключенный по итогам Второй мировой войны Парижский мирный договор 1947 года с небольшими изменениями (не в пользу побежденной Венгрии!) подтвердил границы, установленные Трианонским договором.

с восставшей Венгрией⁵. Ворошильский однозначно симпатизировал венгерскому национальному движению за расширение суверенитета страны. Его «Венгерский дневник», впервые опубликованный в 1956 году в варшавском реформ-коммунистическом еженедельнике «Nowa Kultura» и вышедший затем отдельным изданием⁶, переведен на несколько языков, издан и в России⁷. При всех несомненных достоинствах свидетельства Ворошильского (а в их числе отсутствие идеализации повстанцев и романтизации насилия) в «Венгерском дневнике» проявляется присущая художнику склонность к некоторой гиперболизации, особенно при описании масштабов боевых действий в Будапеште.

С конца 1956 года на Западе выходят первые собрания разнородных источников о венгерских событиях, включавшие в себя перепечатанные из прессы программные выступления венгерских политиков и политиков других стран в связи с происходившим в Венгрии, дипломатические ноты, газетные репортажи, сообщения информационных агентств, материалы радиопередач, не в последнюю очередь интервью с очевидцами, прежде всего беженцами, оказавшимися на Западе. Наиболее значительное издание такого рода, вышедшее в 1957 году как в Лондоне, так и в Нью-Йорке⁸, было подго-

5 *Tischler J.* Lengyelország és Magyarország 1956-ban // «Tizenharom nap, amely...» Tanulmányok az 1956-os forradalom és szabadságharc történetéből. Budapest, 2003. См. также: *Стыкалин А. С.* «Польский Октябрь» глазами российского историка // Славянский альманах 2006. М., 2007.

6 *Dziennik Węgierski.* Warszawa, 1956.

7 Искусство кино, 1992. № 4 (эссе опубликовано в ярком художественном переводе Н. Горбаневской). На французском языке впервые вышло в январе 1957 года в журнале «France Observateur». В том же году публиковалось и на английском языке в лондонской прессе (*Diary of a Revolt: Budapest through Polish eyes*). Большой резонанс имело франкоязычное издание 1976 года со специально написанным предисловием автора, в котором давался сопоставительный анализ развития Венгрии и Польши за 20 лет, последовавших после событий 1956 года. В Венгрии книга впервые была опубликована в самиздате в 1984 году Следующее издание: *Magyarországi napló.* Budapest, 1994.

8 *Lasky M. J. (Ed.) The Hungarian Revolution. The Story of the October Uprising as Recorded in Documents, Dispatches, Eye-witness Accounts and Worldwide Reactions.* London, 1957; *A White Book. The Hungarian Revolution / Ed. by M. J. Lasky.* New York, 1957. Составители во введении выразили надежду на то, что их труд будет воспринят как объективное

товлено как бы в противовес так называемой «Белой книге» — выполненной по решению правительства Кадара и изданной на нескольких языках тенденциозной подборке материалов, призванных доказать наличие в Венгрии 1956 года опасности установления праворадикального, фашистского режима⁹. Показания очевидцев, в целом не замалчивая «теневых сторон» движения, в то же время опровергали официальную советско-венгерскую версию о преобладании в нем крайне правых тенденций¹⁰.

С начала 1957 года в западных странах и прежде всего в США на базе Колумбийского университета при финансовой поддержке американских разведслужб осуществляется программа интервьюирования венгерских беженцев. В этой работе участвовали квалифицированнейшие социологи, в том числе выходцы из Германии, продолжавшие традиции Франкфуртского института социальных исследований¹¹. В результате был собран богатейший, хотя и нуждающийся в критиче-

.....
отражение «одного из наиболее значительных событий современной истории» (Ibid., р. 7). Книга была переиздана в 1970 году.

⁹ Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Ч. 1–3. М., 1956–1957. Ч. 4. Будапешт, 1957.

¹⁰ Facts about Hungary: The Fight for Freedom / Ed. by I. Kovacs. New York, 1958 (книга была переиздана в 1966 году к десятилетию событий в дополненном виде). Из других документальных собраний следует выделить книгу П. Зиннера, посвященную не только венгерским, но и польским событиям осени 1956 года: *Zinner P. (Ed.). National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. A Selection of Documents on Events in Poland and Hungary. February – November 1956. New York, 1957*. Из изданий на немецком языке см.: *Der Volksaufstand in Ungarn: Berichte und Zeittafel / Zusammenstell. Gyula von Zathureczky. Köln, 1957*.

Выходят также первые мемуары участников событий. См., например: *Heller Andor. No more comrades. Chicago, 1957*; *Kaplany G. Doctor in Revolt (The memoirs). London, 1958*. Писатель-эмигрант Д. Палоци-Хорват составил и издал первую англоязычную (и весьма ценную) антологию венгерской публицистики и художественной литературы осени 1956 года, представив западной аудитории позицию творческой интеллигенции Венгрии: *Paloczi-Horváth G. (Ed.) One Sentence on Tyranny. Hungarian Literary Gazette Anthology. London. 1957*. См. его же книгу: *The Undeafated. London, 1957*.

¹¹ В сентябре 2006 года на большой международной конференции в Санкт-Петербурге «Будапешт'56, до и после. История и память первого кризиса Коммунизма» с содержательным докладом по этой теме выступил директор архива Института «Открытое общество» в Будапеште И. Рев.

Демонстрация
в Мошонмадяроваре
за несколько минут
до расстрела.
26 октября 1956 года

Последствия расстрела
демонстрации
в Мошонмадяроваре

ском осмыслении материал. Показания беженцев, не только содержащие определенную информацию, но прежде всего отражающие их субъективные настроения, хотя и использовались довольно широко в западной литературе о венгерских событиях, до сих пор еще не в полной мере востребованы — материал этот хранится в настоящее время в Будапеште, в архиве радиостанции «Свободная Европа» под эгидой Института «Открытое общество».

На основе обобщения и анализа доступного на Западе весьма ограниченного круга источников (в первую очередь прессы и интервью с беженцами) уже с конца 1956 года делаются попытки дать историческую реконструкцию трагических венгерских событий, выявить их причины, определить движущие силы, социальную основу, описать ход боевых действий, выяснить роль рабочих советов¹². Одной из наиболее удачных была попытка, которую предпринял близкий к французской социалистической партии политолог венгерского происхождения Франсуа Фейто (он же Ференц Фейте)¹³. Акцентируя

.....
¹² Davidson B. What Really Happened in Hungary. London, 1957; Dewar H., Norman D. Revolution and Counterrevolution in Hungary. Oxford, 1957; Bandy N. Jeunesse d'Octobre. Paris, 1957; Floris G. Hungary behind the Headlines. Calcutta, 1958. В одной из работ внимание было сконцентрировано на идеологических течениях, доминировавших в венгерской революции, и требованиях восставших: Stillman E. O. The Ideology of Revolution. The Peoples Demands in Hungary. New York., 1957. Автор другой работы, посвященной роли венгерской молодежи в событиях, пытался понять, почему потерпела очевидную неудачу политика массовой индоктринации молодого поколения венгров коммунистической идеологией в ее сталинском варианте: Gleitman H. Youth in Revolt: The Failure of Communist Indoctrination in Hungary. New York, 1957.

¹³ Первое французское издание: Fejto F. La Tragedie Hongroise ou une revolution socialiste anti-sovietique. Paris, 1956. Англоязычная версия: Fejto F. Behind the rape of Hungary. New York. 1957. Книга неоднократно переиздавалась, последнее известное нам издание на венгерском языке было приурочено к 50-летию событий: Fejtő F. A magyar tragédia. 1956. Budapest, 2006. Работа была переведена также на русский язык и издана маленьким тиражом для спецхранов и партноменклатуры: Фейто Ф. Венгерская трагедия или антисоветская социалистическая революция. М., 1957. Впоследствии автор многократно обращался к теме с учетом более широкого круга источников, введенных в научный оборот. См.: Fejtő F. 1956. A magyar forradalom. Az első népfölkelés a sztalini kommunizmus ellen. Budapest, 2006 (первое французское изд. — 1981).

внимание на том, что организованные силы революции в своих сформулированных программных требованиях чаще всего не выходили за рамки социализма, отвечающего национальным венгерским условиям. Исключение составил в первую очередь кардинал Миндсенти. Фейто назвал события «антисоветской социалистической революцией»¹⁴.

Наиболее амбициозный проект 1950-х годов в области изучения венгерских событий был связан с деятельностью специальной комиссии ООН, призванной представить свой отчет о положении в Венгрии на суд Генеральной Ассамблеи. Это было сделано уже в 1957 году. В документе объемом более 200 страниц проанализированы причины венгерского восстания, подробно реконструирован ход событий начиная с 23 октября, включая начальный этап кадаровской консолидации. Сведения, почерпнутые из бесед с беженцами, составили для экспертов ООН главный источник, в силу этого в отчет, в целом отличавшийся довольно высоким уровнем анализа внутриполитических процессов, попала вместе с тем и непроверенная информация, искажавшая реальное положение дел¹⁵. Ключевую роль в работе спецкомиссии ООН и в подго-

14 *Фейто Ф.* Венгерская трагедия или антисоветская социалистическая революция. М., 1957. С. 127. Фейто признавал, что в последние дни октября в условиях хаоса овладеть положением пытались и крайне правые силы, однако, они не были влиятельны. В массовом народном движении, охватившем всю страну, тон задавала молодая, рабоче-крестьянская по своему происхождению интеллигенция, стихийно принимавшая социалистические ценности, более того, во многом обязанная той системе, которая предоставила ей возможность получить образование, но вместе с тем протестовавшая против насильственной русификации Венгрии. Французский политолог был первым автором, проанализировавшим также дилемму, перед которой оказался глава венгерского правительства И. Надь: в конце октября перед ним существовали только две альтернативы: либо порвать с Советским Союзом и перейти на сторону восставших, либо обратиться за помощью к советским войскам для подавления восстания.

15 United Nations General Assembly. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. New York, 1957 (в РГНИ имеется полный перевод доклада, выполненный по заказу соответствующих отделов ЦК КПСС: Ф. 5. Оп. 49. Д. 2 – 3). Специальная комиссия по венгерскому вопросу была создана в соответствии с резолюцией Генассамблеи ООН от 10 января 1957 года. Ей было поручено собрать максимально полную информацию «относительно обстановки, созданной в Венгрии вследствие интервенции СССР», и сообщить о своих заключениях Генассамблее. Первый доклад комиссии был представлен 20 февраля 1957 года, более полный – 12 июня. 14 сен-

товке отчета сыграл датский дипломат П. Банг-Йенсен, судьба которого сложилась трагически — он погиб при загадочных обстоятельствах в 1959 г.¹⁶

В 1957–1958 годах выходят и первые исследования о послереволюционной Венгрии, внутривластной ситуации в стране в это время, о ходе кадаровской нормализации¹⁷.

Западные авторы, обращавшиеся к теме, в большинстве своем оценивали венгерские события и политику СССР с либеральных, иногда леволиберальных и социал-демократических, реже с консервативных, христианско-демократических позиций. Проявилось и различие подходов между более левой и более правой публицистикой и историографией. Люди консервативных и праволиберальных убеждений, как правило, писали о «будапештской осени» более отстраненно и беспристрастно, венгерские события для них явились всего лишь новым, очередным подтверждением агрессивной, «империалистической» сути советского режима, не изменившейся, по

.....
 таября доклад комиссии был одобрен резолюцией Генассамблеи на открывшейся ее XI сессии. См. также другие издания, связанные с деятельностью Комиссии ООН: *Anatomy of Revolution: A Consideration of the United Nations Report on the Hungarian Uprising*. Washington, 1957; *The Hungarian Uprising: An Abridgement of the Report of the United Nations Special Committee on the Problem of Hungary*, published on June 20, 1957 / Foreward by Selwyn Lloyd. London, 1957. На французском языке: *L'O.N.U. Enquete sur la Hongrie*. Paris, s. d. Первое венгероязычное издание документа вышло в Мюнхене в 1961 году; начиная с 1983 года он дважды публиковался в Венгрии в самиздате, а в 1989 году легально: 1956: *Az Egyesült Nemzetek Szervezete különbizottságának jelentése*. Budapest, 1989. На русском языке фрагменты из отчета опубликованы: Мост. Будапешт, 1992. № 1–2.

Под эгидой ООН был подготовлен также ряд изданий международного комитета юристов на английском, французском и немецком языках. Их авторы ставили перед собой задачу оценить советские действия в Венгрии с точки зрения международного права. См., в частности: *The Hungarian Situation and the Rule of Law*. Hague, 1957

¹⁶ Обстоятельства его гибели попытались восстановить авторы следующих работ, предложившие свои версии причин произошедшего: *Lidegaard B. A legmagasabb ár. Povl Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959*. Budapest, 2000; *Nagy A. A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben*. Budapest, 2005.

¹⁷ *Helmreich E. Ch. Hungary*. New York, 1957 (издано нью-йоркским издательством «Praeger» в серии «East-Central Europe under the Communists»); *Hungary under Soviet Rule*. New York, 1958; *This is communist Hungary*. Chicago, 1958; *Scarlett D. Window onto Hungary*. Bradford, 1959.

их мнению, и после смерти Сталина. Для авторов более левых ориентаций, связывавших определенные надежды с XX съездом КПСС и разочаровавшихся вследствие советской военной акции ноября 1956 года в Венгрии, был характерен более личностный подход. Крупнейший французский философ и писатель Ж.-П. Сартр говорил в этой связи К. Симонову, посетившему Францию в конце 1957 года: политики и интеллектуалы правого толка вроде генерала де Голля, которые в лучшем случае были равнодушны к Советскому Союзу, спокойнее отреагировали на венгерские события и действия СССР. «А я был ими крайне взволнован именно потому, что я был и остаюсь другом Советского Союза»¹⁸. С марксистских позиций и вместе с тем критически в отношении СССР венгерские события оценивали, выступая как дома, так и на Западе, идеологи Союза коммунистов Югославии¹⁹, уделявшие, в соответствии

.....
18 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 65. Л. 24. О настроениях французских интеллектуалов в связи с советской военной акцией в Венгрии подробно см. нашу статью: *Стыкалин А. С. Илья Эренбург и венгерские события 1956 года. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы) // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских. Отв. редактор Ю. П. Гусев. М., 2007. С. 218–247. Его переработанную версию представляет собой соответствующий очерк в настоящем издании. На английском языке вышло в виде брошюры в Норвегии: *Stykalin A. Ilya Ehrenburg and Hungary's 1956. Ehrenburg, the Khrushchev Party Elite and the Western Intelligentsia. Trondheim Studies on East European Cultures and Societies. № 27. December 2008. Опубликовано также в Венгрии на венгерском языке: Ilja Ehrenburg és az 1956-os magyarországi események. Az író viszonya a hruscovi pártelithez és a nyugati baloldali értelmiséghez az 1950-es években // Múltunk, 2007. № 1. 4–25. о. Опубликовано и в Румынии: *Synthesis (Academie Roumaine). XXXI–XXXIII. 2004–2006. București, 2007, pp. 141–165. Из литературы, посвященной западному общественному мнению в связи с советской политикой в Венгрии, см.: Mink A. «Fekete könyv». Antikommunista kampány az 50-es években // Beszélő, 2002. 7–8 sz.***

19 Тяготевший к правому уклону в СКЮ В. Дедиер (известный как главный биограф Тито) выступил 6 мая 1957 года в Стокгольме с лекцией, имевшей большой резонанс. Советская акция в Венгрии свидетельствовала, по его мнению, о том, что громадный моральный капитал, накопленный русской революцией, давно растрочен; советская элита готова отбросить все моральные принципы ради достижения своих по сути дела имперских политических целей. В то же время югославский публицист обнадеживающе воспринял попытку польских и венгерских коммунистов-реформаторов вдохнуть свежие силы в левую, социалистическую идею. «То, что случилось в Венгрии и Польше, свидетельствует о том, что европейская культура и этика не могут

с идейными установками СКЮ, большое внимание рабочим советам осени 1956 года, а также некоторые итальянские авторы, дистанцировавшиеся от лидера ИКП П. Тольятти, поддержавшего советские действия в Венгрии²⁰. Однако, за исключением Италии, в издательствах, контролируемых западными компартиями, выходила, как правило, литература апологетическая в отношении советской политики²¹.

.....
 быть уничтожены» (Об отклике шведской прессы на выступление Дедиера см.: РГА-НИ. Ф. 5. Оп. 30 Д. 224. Л. 201–204. О реакции Хрущева см. нашу публикацию: Н. С. Хрущев о советско-югославских отношениях и роли прессы и журналистского сообщества в их налаживании (май 1957 г.). Запись беседы Н. С. Хрущева с делегацией югославских журналистов // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2014. С. 419–468).

Много писал и говорил о венгерских событиях, претендуя на их всесторонний марксистский анализ, главный идеолог СКЮ и второе лицо в партии Эдвард Кардель. Его выступление в Союзной народной скупщине ФНРЮ 7 декабря 1956 года было тут же переведено на русский язык и напечатано в журнале «Коммунист» в сопровождении полемической статьи функционера аппарата ЦК КПСС, специалиста по политэкономии, будущего академика А. М. Румянцева «Социалистическая действительность и “теории” тов. Э. Карделя» (Коммунист. 1956. № 18). Критика взглядов Карделя была в этой статье довольно умеренной и уважительной, что отражало доминировавшие в то время установки КПСС на преодоление разногласий с СКЮ. Венгерские события дали Карделю новый повод для критики этатистско-бюрократического социализма (в его советском и восточноевропейском варианте), а стихийно возникшие в Венгрии рабочие советы были им использованы (довольно искусственно) для подтверждения преимуществ югославской концепции самоуправления. Основную вину за венгерскую трагедию Кардель возложил на «политическую систему, которая, действуя во имя социализма, превратилась, наоборот, в его тормоз».

²⁰ *Meszáros I.* La rivolta degli intellettuali in Ungheria. Dai dibattiti su Lukács e su Tibor Dery al Circolo Petofi. Torino, 1958. Известный гуманитарий-марксист, ученик крупного философа Д. Лукача Иштван Месарош, после 1956 года обосновавшийся в Италии, выпустил в издательстве «Einaudi» книгу, в которой попытался раскрыть роль интеллектуалов, сторонников обновления социализма, в подготовке венгерской революции.

Среди работ на итальянском языке, вышедших в эти годы, см.: *Pistolesse Fr.* Ungheria 1956–1958. Roma, 1958; *Malfatti Fr.* La crisi del Communism e la rivolta in Ungheria. Roma, 1957.

²¹ *Aptheker H.* The Truth about Hungary. New York, 1957. Советскую официальную версию «контрреволюции» особенно активно отстаивал на Западе американский историк-коммунист Г. Аптекер. Попытки отдельных историков и публицистов, тяготивших к компартиям, оправдать советскую военную акцию не получали поддержки общественного мнения. Во Франции крайне негативный отклик даже среди левых вызвала статья главного редактора «L'Humanite» Андре Стиля «Улыбка Будапешта»,

В 1957 году через Югославию переправляются на Запад и публикуются работы Имре Надя 1955–1956 годов — прежде всего полемически заостренные письма и заявления в Центральное Руководство Венгерской партии трудящихся (ЦР ВПТ), в которых развенчивалась политика М. Ракоши и его окружения и отстаивалась необходимость большего учета национальной специфики и более равноправных отношений с СССР²². Автор этих записок, возвращенный в апреле 1957 года в Будапешт из румынской ссылки, находился в заключении. За начавшейся подготовкой судебного процесса внимательно следили в титовской Югославии, где опасались, что «дело Надя», подобно «делу Райка» в 1949 году, даст повод для развязывания новой международной кампании антиюгославской направленности. На Западе же вплоть до июня 1958 года ни публика, ни политические эксперты не проявляли большого интереса к фигуре Надя, воспринимавшегося, и надо сказать не без оснований, как достаточно заурядный коммунистический политик, который в силу своей непоследовательности и слабости не смог, в отличие от польского лидера В. Гомулки, овладеть ситуацией в собственной стране, но при этом потерял доверие Москвы. Публикация записок, дающих более полное представление о системе взглядов И. Надя и тем самым позволя-

.....
пытавшаяся убедить читателя в том, что ничего особенного в Венгрии не произошло. Подробнее см.: *Тыкалин А. С.* Илья Эренбург и венгерские события 1956 года.

22 См.: *Nagy Imre. On Communism. In Defense of the New Course / Foreward by H. Seton-Watson.* New York, 1957; *Nagy Imre. My Beliefs: «In Defense of the Hungarian People».* New York, 1957. По некоторым, непроверенным данным, было также и русское издание: Имре Надь о коммунизме. Нью-Йорк, 1957. Сборник был опубликован в 1957 году также на венгерском языке усилиями эмиграции. См. более позднее и более полное издание: *Nagy Imre. A magyar nép védelmében. Vitairatok és beszédek 1955–1956.* Parizs, 1984 (серия: *Magyar füzetek*). На других языках публикуется начиная с лета 1958 года на волне повышенного интереса западной общественности к личности И. Надя после вынесенного в Будапеште смертного приговора бывшему премьер-министру. Немецкое издание: *Nagy Imre. Politisches Testament.* München, 1959. Итальянское издание выпустило издательство «Feltrinelli», как раз в это время находившееся в центре международного скандала, связанного с публикацией романа Б. Пастернака и присуждением автору Нобелевской премии. См.: *Nagy Imre. Scritti politici / Introduzione di F. Fejto.* Milano, 1958.

Система взглядов, представленная в записках И. Надя, подробно анализируется в работе: *Райнер М. Я.* Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

ющих лучше понять истоки его политической эволюции осенью 1956 года, лишь незначительно скорректировала сложившийся имидж. Ситуация в корне изменилась лишь после вынесения в июне 1958 года смертного приговора, потрясшего мировую общественность. Выходит множество публикаций об Имре Наде. Споры вокруг личности этого не покорившегося Москве коммунистического политика органично вошли в контекст более широких дискуссий о перспективах «национального коммунизма», развернувшихся в свете решений XX съезда КПСС и советско-югославского сближения, с учетом опыта польских и венгерских событий осени 1956 года.

В литературе, вышедшей по свежим следам процесса по делу Имре Нада, главным виновником расправы над бывшим премьер-министром Венгрии априорно называлась Москва, причем эту точку зрения, как правило, разделяли и левые на Западе, в том числе прокоммунистически настроенные интеллектуалы, не склонные афишировать своих разногласий с КПСС²³. Применительно не только к казни И. Нада, но — шире — к репрессиям против участников революции мало говорилось об ответствен-

.....
²³ *Ерофеева Г.* Нескучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни. М., 1998. С. 85. Мать известного русского писателя Виктора Ерофеева Галина Ерофеева (в 1958 году жена советского дипломата, работавшего в Париже) вспоминает в своих мемуарах, как крупнейший французский поэт-коммунист Луи Арагон (незадолго до этого получивший основанную в Москве международную премию «За укрепление мира между народами»), прочитав в «L'Humanite» сообщение о судебном приговоре, прибежал в советское посольство возмущенный до глубины души: «Неужели у вас не хватило бы чечевичной похлебки, чтобы прокормить Нада до конца его дней?», — гневно вопрошал он принявшего его атташе по культуре.

Некоторые компартии не избежали публичного выражения несогласия с вынесением смертного приговора. Так, газета британской компартии «Daily Worker» в редакционной статье от 19 июня фактически высказала сожаление в связи с решением суда. Учитывая настроения в британском обществе, «выступить со статьей другого содержания — означало бы совершить самоубийство английской компартии, а мы на это никогда и ни при каких условиях не пойдем», — говорил 21 июня советскому дипломату председатель компартии Великобритании Гарри Поллит (Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД / Публикацию подготовили Е. Д. Орехова и В. Т. Середа // Исторический архив, 1995. № 1. С. 46). Особая позиция лидера датской компартии А. Ларсена стояла ему в конце концов исключения из партии вследствие внутривластного заговора, обвинения в ревизионизме и отлучения от коммунистического движения.

ности нового венгерского руководства, которое считали марионеточным режимом, полностью зависимым от Москвы. Впоследствии это сыграло на руку Кадару: перейдя с начала 1960-х годов к более умеренной внутренней политике, а во второй половине 1960-х годов приступив к экономическим реформам, он умело эксплуатировал перед лицом зарубежного общественного мнения свой сложившийся со временем на Западе образ либерального коммуниста-реформатора, ограниченного в своих действиях лишь постоянной оглядкой на Кремль. Стереотип о решающей роли руководства КПСС в подготовке и осуществлении казни И. Надя господствовал в западной историографии по крайней мере до середины 2000-х годов²⁴, пока, как уже отмечалось на страницах этой книги выше, не были опубликованы неопровержимые документы, свидетельствовавшие о том, что в начале февраля 1958 года Кадар получил от Москвы не использованный им шанс закрыть дело И. Надя без вынесения на судебном процессе смертных приговоров — речь идет в первую очередь о записях заседаний Президиума ЦК КПСС. Впрочем, отголоски этого стереотипа живы и сегодня — достаточно взять в руки нашумевшую, удостоенную пулитцеровской премии, но при этом неровную по качеству биографию Хрущева, принадлежащую перу известного американского советолога У. Таубмана²⁵.

.....

24 Один из наиболее показательных примеров — обстоятельная биография Кадара, принадлежащая перу британского автора: *Shawcross W. Crime and Compromise. János Kádár and the Politics of Hungary since Revolution*. London, 1974. Тезис о том, что Кадар в 1958 году всецело подчинился воле Москвы, — один из кирпичей, на котором держится вся авторская конструкция. Точку зрения о решающей ответственности руководства СССР в «деле И. Надя» еще и в конце 1990-х годов проводил один из ведущих американских специалистов по истории холодной войны Дж. Л. Гэддис (*Gaddis J. L. We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford, 1997. P. 211). Как пример живучести стереотипов показателен заголовок статьи, опубликованной одной из центральных венгерских газет к 40-летию процесса по делу Имре Надя: «Судьба Имре Надя решалась в Москве» (*Magyar Hírlap*, 1998, június 13). Миф о том, что судьба И. Надя была решена в Москве, а не в Будапеште, и решение вынесло высшее советское руководство, получил широкое хождение и в отечественной публицистике 1990-х годов (См.: Сегодня. 1999. 15 июня).

25 Таубман У. Хрущев (серия ЖЗЛ). М., 2005. Раздел, посвященный венгерским событиям 1956 года — на наш взгляд, один из слабейших в книге. Автор опирается на ограниченный круг источников и демонстрирует слабое знание литературы

С другой стороны, острое впечатление от трагической концовки открывало простор апологетике И. Надя в историографии и публицистике. Драматическая развязка в «деле Надя» по сей день оказывает воздействие на историков, мешает беспристрастному анализу деятельности этого политика²⁶.

Казнь И. Надя способствовала разочарованию левой интеллигенции Запада не только в Советском Союзе, но и в коммунистической идее, и это сказалось на оценках событий «будапештской осени» 1956 года как в публицистике, так и в историографии. Повлияла она и на идейную эволюцию молодых венгерских коммунистов-реформаторов, эмигрировавших после 1956 года на Запад и в большинстве своем группировавшихся вокруг литературного и общественно-политического издания «Irodalmi Újság» («Литературная газета»), подчеркивавшего свою преемственность одноименному будапештскому реформ-коммунистическому еженедельнику середины 1950-х годов, органу союза писателей²⁷. Хотя в ос-

.....
по теме, главным образом перелагает результаты исследований своего соотечественника М. Крамера, причем не самых новых.

26 Тыкалин А. С. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. Его же. К выходу на русском языке биографии Имре Надя // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы / под редакцией А. С. Тыкалина, О. В. Хавановой. СПб., «Алетейя», 2010. С. 128–149. См. также очерк об И. Наде в настоящем издании.

27 Еженедельник венгерского союза писателей «Irodalmi Újság» («Литературная газета»), с 1955 году служивший рупором внутривластной оппозиции, возобновляется в 1957 году в Лондоне, затем редакция перемещается в Париж (редакторы М. Мольнар, Т. Мераи). Это издание становится форумом леволиберального крыла политической эмиграции. Близка ему по духу была парижская серия книг и брошюр «Magyar Füzetek» («Венгерские тетради») под редакцией П. Кенде (см. об издании этой серии: Világosság, Budapest, 1998. № 2). Более правых ориентаций придерживались мюнхенское издание «Látóhatár» (позже «Új Látóhatár»), чикагский «Szivárvány», а также журнал «Magyar Szemle» («Венгерское обозрение»). Свои издания были у католиков — «Katolikus Szemle» («Католическое обозрение») и протестантов (издания находившегося в Швейцарии венгерского так называемого «Свободного университета» — «Magyar Szabadegyetem»). См. более позднюю публикацию статей из вышеупомянутого католического журнала: Félbemaradt reformkor: Miert akadt el az ország keresztény humanista megújulása? Roma, 1990. Деятельности венгерской эмиграции в этот период посвящена большая литература. О культивировании традиций 1956 года в эмигрантской среде см.: Pogány A.

мыслении сути венгерских событий довольно активны были и эмигранты предыдущей волны (конца 1940-х годов), особенно З. Сабо²⁸, уже к 1958 году именно представители самой новой волны эмиграции занимают ведущие позиции в изучении «будапештской осени». В их выдвижении на первый план сыграло главную роль знание предмета своих исследований изнутри — все эти 30–40-летние люди были не только свидетелями, но в разной степени и участниками революции; некоторые внесли вклад в ее идейную подготовку будучи журналистами реформаторского направления.

В Брюсселе представителями, главным образом, новой волны венгерской эмиграции был создан Институт Имре Надя, который в течение нескольких лет своего существования (1959–1963) был главным центром, занимавшимся сбором документации, исследованиями, пропагандой наследия революции 1956 года. Институт издавал на венгерском языке журнал «Szemle» («Обозрение»), имевший также версии на английском и французском языках²⁹. На конференциях, проведенных под эгидой Института, много внимания уделялось изучению политических целей революции, намерений и действий ее участников. Одной из наиболее значительных инициатив венгерской эмиграции явилась проведенная на основе доступных в то время источников (прессы, свидетельств участников событий) реконструкция деятельности Имре Надя и его сторонников в дни революции, пункт за пунктом разоблачавшая подтасовку фактов в официальных сообщениях

.....
Oktober útjan a szabad világban: Válogatott cikkek, előadások és tanulmányok az elmúlt negyedszázad emigrációs küzdelméiből. München, 1984. Наиболее фундаментальное исследование венгерской эмиграции: *Borbandi Gy. A magyar emigráció életrajza, 1945–1985.* Budapest, 1989. Кöt. 1–2. Большое внимание в книге уделено акциям памяти о революции 1956 года. Среди других значительных работ: *Varallyay Gy. «Tanulmányúton». Az emigráns magyar diákmozgalom 1956 után.* Budapest, 1992.

28 *Szabó Z. 1956. Korszákváltás.* Budapest, 2006 (книга составила 4-й том собрания сочинений З. Сабо). Публицистику З. Сабо, посвященную событиям осени 1956 года, см. также в книге: *A magyarság Európában, Europa magyarságban.* Budapest, 2002.

29 *Szemle. Válogatás a brüsszéli Nagy Imre Intézet folyóiratból. 1959–1963 / Szerk. Kozák Gy.* Budapest, 1992. Первый руководитель института Д. Хелтаи в прошлом был заместителем министра иностранных дел Венгрии.

о деле И. Надя и его соратников, опровергавшая предъявленные им в июне 1958 года на судебном процессе обвинения. Книга «Правда о деле Имре Надя», вышедшая на французском, английском, немецком, венгерском языках, своим появлением на свет обязана прежде всего Т. Ацелу, П. Кенде и Т. Мераи. Предисловие к ней писал лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 года Альбер Камю³⁰.

Именно исследователям из этого круга принадлежат первые в известном смысле классические работы по истории венгерской революции 1956 года, многократно переиздававшиеся и не утратившие своей ценности и поныне — речь идет о книгах М. Мольнара, Т. Мераи, Т. Ацела. Миклош Мольнар, в прошлом ведущий журналист главной партийной газеты «Szabad Nép» и одновременно редактор литературного еженедельника «Irodalmi Újság», дал одной из своих основных работ (1960 года) парадоксальное и вместе с тем символическое название — «Триумф одного поражения», подчеркнув тем самым значимость традиций венгерского Октября 1956 года для борцов за коренное демократическое обновление восточноевропейского социализма. Переизданная в 1968 году в Париже в новых условиях, во время майских волнений во Франции и Пражской весны, эта книга дала в то время французским интеллектуалам немало духовной пищи для проведения исторических параллелей, для раздумий о перспективах идей социализма и коммунизма³¹.

.....
³⁰ La Verité sur l'affaire Imre Nagy: Les faits, les documents, les temoignages internationaux / Pref. de Albert Camus. Postface de Francois Fejto. Paris, 1958. Немецкое издание: Der Fall Imre Nagy. Eine Dokumentation / Vorw. Albert Camus. Köln-Berlin, 1958. Английское издание: The Truth about the Nagy Affair: Facts, Documents, Comments / Preface by Albert Camus. New York, 1959. Венгерское издание: Az Igazság a Nagy Imre ügyben. Bruxelles, 1959 (переиздавалось в 1976 году в Нью-Йорке, в 1980-е в — венгерском самиздате, в 1989 году вышло в Будапеште легально в серии «Századvég füzetek»). В первых изданиях составители не были упомянуты из опасений преследований. Другая аналогичная по поставленным целям работа: Torszay-Biber G. The Case of Imre Nagy. Legal Observations. Washington, 1958. Еще одно издание, созданное при участии эмигрантов, ставило под сомнение юридическую обоснованность приговоров, вынесенных на целом ряде судебных процессов 1957–1959 годах См.: Criminal Justice in Hungary after the Revolt. New York, 1959.

³¹ Molnár M. Victoire d'une défaite. Budapest 1956. Paris, 1968. Английские издания: Budapest, 1956. A History of the Hungarian Revolution. London, 1968, 1971. На венгер-

В работе Мольнара предпринята попытка выявить движущие силы революции, подчеркнув плюрализм массового общественного движения Октября 1956 года, реконструировать систему ценностей того крыла движения, которое боролось за обновление венгерского социализма, придание ему подлинно демократического и гуманистического характера. Автор резко критичен в отношении позиции США, одним из первых в западной литературе сконцентрировав внимание на разительных противоречиях между пропагандистской риторикой администрации Эйзенхауэра (и особенно подстрекательской фразеологией радиостанции «Свободная Европа») и реальными, весьма осторожными внешнеполитическими шагами правительства США в условиях венгерского кризиса. По его мнению, даже в самый разгар холодной войны, при жизни Сталина, политика США в отношении восточноевропейских стран не была столь лицемерной и вводящей людей в заблуждение, как в 1954–1956 годах³². Мольнару принадлежит также написанная им в соавторстве одна из первых биографий Имре Надя, представляющая его деятельность на фоне панорамного описания внутриполитической ситуации в стране в ее динамике. Самим названием франкоязычной версии книги, «Имре Надь — реформатор или революционер?»³³, авторы пытались поставить перед собой вопрос для ответа, а для того, чтобы дать ответ, проследили путь превра-

.....
ском языке публиковалось в эмиграции, затем в самиздате. См. более новое издание: *Molnár M. Egy vereség diadala. A forradalom története.* Budapest, 1991.

³² *Molnár M. Victoire d'une défaite.* Budapest 1956. Paris, 1960, p. 290. Резкая критика радиостанции «Свободная Европа» звучала и в известной книге Т. Мераи (см. ниже). Среди комментаторов не было единства мнений относительно того, следовало ли Соединенным Штатам уступить или, напротив, более решительно противостоять дипломатическим путем советским действиям. Однако доминировала вторая точка зрения. Среди тех, кто упрекал Запад (особенно США) за пагубную «инертность», способную только оттолкнуть от западных демократий борцов за свободу в странах Восточной Европы (кстати, опросы беженцев показали справедливость таких опасений), был крупный французский политический мыслитель праволиберальной ориентации Раймон Арон. См.: *Ten Years after. A Commemoration of the Tenth Anniversary of the Hungarian Revolution* / Ed. by T. Aczél. London, 1966. Арон, как и Мольнар, называл «историческую трагедию» 1956 года «победоносным поражением», внушившим «порабощенному тоталитаризмом» населению стран Восточной Европы веру в возможность активного противостояния.

³³ *Molnár M. — Nagy L. Imre Nagy — reformateur ou révolutionnaire?* Geneve. 1959. В 1983 году книга переиздана в Париже. В 1959 году вышла и на венгерском языке

щения партийного реформатора в политика общевенгерского масштаба, вождя национальной демократической революции, хотя и потерпевшей поражение, что не могло не браться за точку отсчета при рассмотрении личности И. Надя.

Сходные цели ставил перед собой известный журналист и политолог Тибор Мераи, автор другой, еще более заметной, часто цитируемой биографии Имре Надя — «Тринадцать дней, которые потрясли Кремль (Имре Надь и венгерская революция)»³⁴. Подобно Мольнару, Мераи лично знал И. Надя, причем точность свидетельств очевидца и живость, образность изложения сочетаются в книге с мастерством политического анализа и глубоким знанием исторического контекста. Свидетель и очевидец событий у него, как и у Мольнара, остаются в тени, уступая место политическому аналитику и историку, владеющему всеми доступными ему в то время источниками по изучаемой проблеме. Деятельность Надя и в этой книге показана на фоне исторических процессов, происходивших в его стране в первое послевоенное десятилетие и достигших своей кульминации в остродраматических событиях «будапештской осени».

Надь предстает в работе Мераи как человек, соединявший в себе коммунистические убеждения с последовательным венгерским патриотизмом и глубоким чувством ответственности перед народом. Но рано или поздно приверженность национальным ценностям и равнодушие народным чаяниям должны были вступить в конфликт с коммунистической идеологией, и это произошло именно

.....
в серии работ Института Имре Надя: *Két világ között. Nagy Imre útja*. Bruxelles, 1959. Переиздавалась в венгерском самиздате в 1980-е годы.

³⁴ *Meray T. Thirteen Days that Shook the Kremlin (Imre Nagy and the Hungarian Revolution)*. London, 1958. Французские издания — 1960, 1966; наиболее значительное немецкое издание — 1972. На венгерском языке с конца 1950-х годов в эмиграции выдержала 5 изданий (См.: *Nagy Imre élete és halála*. München, 1983), в 1980-е годы публиковалась в самой Венгрии в самиздате, в 1989 году легально. В 2006 году к юбилею событий вышло 8-е издание книги на венгерском языке. На русском языке была опубликована в эмигрантской среде — в 1961 году нью-йоркским издательством «Прагер». К новому российскому изданию книги автор написал большое послесловие. См.: *Мераи Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года / Научный комментарий А. Стыкалина. М., 2007. Уничтожительная оценка личности Я. Кадара в послесловии к книге стала объектом жесткой полемики с нашей стороны (см. наш отклик: Славяноведение. 2010. № 12. С. 79–83).*

в дни «будапештской осени». Патриотизм перевесил преданность наднациональной идее и СССР, что заставило И. Надя сделать шаг к пересмотру характера событий и к сближению с массовым движением за суверенитет. Правда, шаг этот был сделан слишком поздно, чтобы закрепить завоевания революции («революции потерянных 48 часов»). Трагедия Имре Надя заключалась, по мнению Мераи, в том, что он не поспевал за изменениями в настроениях масс, будучи пленником собственных идей и планов реформирования правящей партии, и долгое время не понимая, что для народа не представлял уже актуальности вопрос о неприемлемости некоторых партийных вождей, неприемлема была вся унаследованная от сталинских времен коммунистическая система.

Вышедшая в год, когда был проведен судебный процесс по делу И. Надя и его соратников, работа Мераи, как и вышеупомянутая книга «Правда о деле Имре Надя», была полемически заострена против обвинений, предъявленных бывшему премьер-министру на несправедливом суде. Так, реконструируя события 23 октября, автор начисто опровергает версию о преднамеренной подготовке мятежа и захвата власти, показывает, что И. Надя вел себя в первый день восстания предельно осторожно и сдержанно.

Некоторые гипотезы Мераи получили документальное подтверждение в 1990-е годы, когда были рассекречены документы из советских и венгерских архивов. Так, он первым в историографии обратил внимание на взаимосвязь между поворотами в советско-югославских отношениях и развязкой в деле И. Надя. Обнародованные в 1996 году, сначала в российском журнале «Исторический архив», а затем и в венгерском издании, записи заседаний Президиума ЦК КПСС по «венгерскому вопросу» в целом подтверждают также справедливость представлений Мераи относительно логики, двигавшей в конце октября 1956 года Н. С. Хрущевым при окончательном принятии силового решения. Лидер КПСС должен был предотвратить формирование враждебной ему оппозиции, доказав соратникам по партии, что он дорожит унаследованной от Сталина системой социализма (по Мераи, «советской империей») не меньше других.

Симпатизируя венгерской революции, Мераи в то же время не был склонен замалчивать ее теневые стороны, когда «гнев народа

обрушивался на жертвы, неповинные в преступлениях», вплоть до того, что в последние несколько дней октября «линчевание стало обычным явлением»³⁵. Он признавал также, что в дни революции в Венгрии можно было наблюдать «некоторые фашистские тенденции»³⁶. Но основной характер событий определяло, по его мнению, другое — доминировавшее требование о защите социалистических ценностей, с которым выступали почти все наиболее значительные силы, заявившие о себе на политической арене. К 3 ноября, доказывает автор, отчетливо обозначилась тенденция к нормализации, пресеченная советским военным вмешательством. В более поздней работе, написанной к 10-летию венгерской революции, Мераи сконцентрировался на изучении первого дня восстания, 23 октября³⁷.

Тамаш Ацел, молодой преуспевающий писатель, удостоенный в 1951 году в Москве за несовершенный роман Сталинской премии (в ряду других литераторов из стран «народной демократии»), в 1955 году стал одним из активистов оппозиционного движения в венгерском союзе писателей. В конце 1956 года, после подавления революции, покинул Венгрию, по легенде, вероятно, пущенной его недоброжелателями, на личном автомобиле, купленном на Сталинскую премию. В значительной мере посвятив оставшуюся жизнь изучению послевоенной (прежде всего интеллектуальной) истории Венгрии, он также внес определенный вклад в осмысление опыта венгерской революции. Одна из его книг, написанная в соавторстве с Т. Мераи, в самом своем названии сравнивает революцию 1956 года с «очистительным вихрем»³⁸. Ацел и Мераи, опираясь на собственный богатый опыт, много занимались темой духовного сопротивления венгерской и — шире — восточноевропейской интеллигенции сталинской модели социализма.

35 *Merai Tibor*. Тринадцать дней, которые потрясли Кремль. Нью-Йорк, 1961. С. 188.

36 Там же. С. 196.

37 *Meray T.* Budapest, 23 octobre 1956, Paris, 1966. Англоязычное издание: *Meray T.* That Day in Budapest. October 23, 1956. New York, 1969.

38 *Aczél T.* — *Meray T.* Tisztító vihar. Adalékok egy korszak történetéhez. Budapest, 2006. Первое эмигрантское издание — 1959, дополненное издание — 1978. В самой Венгрии впервые опубликовано в 1989 году. Первое англоязычное издание: *Aczél T.* — *Meray T.* The Revolt of the Mind: A Case History of Intellectual Resistance behind the Iron Curtain. New York, 1960. Наиболее позднее венгерское издание — 2006.

В эмиграции сложилось несколько течений в историографии революции 1956 года и каждое из них дополняло реконструируемую картину тех событий своими специфическими штрихами. Однако доминировал в венгерской эмигрантской литературе (более явно, нежели в западной литературе в целом) леволиберальный взгляд на революцию. Советское насильственное вмешательство, пишет в связи с этим известный историк и активист событий Д. Литван, породило в общественном сознании своего рода защитную реакцию в виде формулы «ведь все на самом деле хотели не контрреволюции, а улучшения социализма». Применяя ее, было проще оттенить несправедливый характер советской акции, но в результате становился менее дифференцированным подход к движущим силам революции, нивелировались принципиальные идейно-политические противоречия внутри широкого движения. В этих условиях инициативу в интерпретации «будапештской осени» взяли в свои руки те авторы, которые в силу субъективных причин были лучше подготовлены к изложению собственной версии событий, в частности, публицисты реформ-коммунистической ориентации, со временем эволюционировавшие к леволиберальному направлению³⁹. К тому же за неполных две недели восстания правый фланг политической жизни, заявивший о себе активизацией кардинала Миндсенти, не успел идейно и организационно оформиться, процесс формирования правых партий с их программами, начавшись в первые дни ноября, был прерван советской военной акцией. В эмиграции среди консерваторов, а тем более правых радикалов, не было ярких публицистов и глубоких исследователей, которые могли бы соперничать с такими мастерами пера и тонкими политическими аналитиками, как З. Сабо, М. Мольнар, Т. Мераи или П. Кенде. Усилению позиций именно леволиберального взгляда на события, персонифицированного личностью И. Надя, способствовали как мужественное поведение свергнутого премьер-министра, отказавшегося сотрудничать с полностью зависимым от СССР правительством, так и его мученическая кончина. Можно согла-

.....
39 См.: *Litván Gy. Az 1956-os magyar forradalom hagyománya és irodalma*. Budapest, 1992. 4. o.

ситься с Д. Литваном: если бы Надь вел себя в ходе следствия и на суде по-другому, леволиберальная историография обладала бы более слабыми позициями, не имея возможности апеллировать к его моральному авторитету, и в свою очередь у правых было бы больше оснований претендовать на свою долю в политическом наследии «Осени 1956 года»⁴⁰. Роль коммуниста И. Надя в дни революции и особенно его поведение после ее поражения, таким образом, не только в известной мере затушевали или отодвинули на второй план присутствовавшую в событиях антикоммунистическую составляющую, но стали мощным субъективным и вненаучным фактором, значительно повлиявшим на господствовавшие в литературе оценки событий, на общую ситуацию в западной историографии. В ней со второй половины 1950-х годов на протяжении трех с половиной десятилетий преобладали леволиберальные, национально-демократические (в том числе «неонароднические», восходящие своими идейными истоками к движению «народных писателей» 1930-х годов), социал-демократические, социалистические, реформ-коммунистические тенденции, репродуцировавшие свои политические идеалы на период демократической коалиции 1945–1947 годов, что в корне отличало их от прохортистской консервативной историографии. К этому можно добавить, что на левом политическом фланге Запада вообще куда больше, чем на правом, интересовались венгерской революцией, так как процесс внутривнутриполитического развития в Венгрии, прерванного советским вмешательством, в большей мере оправдывал ожидания левых интеллектуалов и политиков. Для правых все произошедшее было только очередным свидетельством бесперспективности любого рода экспериментов по «улучшению» социализма, тогда как левые связывали с венгерскими событиями определенные надежды на возможность третьего пути между сталинизмом и западным капитализмом. «Движения в Венгрии, Польше и других коммунистических странах со всей ясностью показали, что в этих странах существует реальная и живая потребность в свободе и в самой передовой технологии ее осуществления. И эта потребность, именно потому,

.....
 40 Ibid.

что никогда еще не была полностью удовлетворена, проявляется с такой свежестью убежденности и страсти, которая существенно превосходит убежденность уже привыкшего к своим завоеваниям западного мира. Эти движения показали, что потребность перемен исходит не только от пострадавших в период однопартийного господства, более того: особенно активно она проявляется у воспитанников этой системы и у молодежи, т. е. не нужно опасаться, что это приведет к реставрации устаревших общественных и политических форм», — писал в 1957 году крупный венгерский политический мыслитель Иштван Бибо⁴¹. Показательно, что и брюссельский Институт Имре Надя, в котором преобладали умеренно левые, решил отметить третью годовщину революции проведением конференции по теме «Что дала венгерская революция социализму?»

Доминирование в историографии и публицистике работ определенного идейно-политического направления привело к образованию флюса в изучении некоторых тематических пластов — так, непропорционально большое значение придавалось деятельности внутрипартийной (и прежде всего интеллигентской) оппозиции, группы И. Надя⁴². Последнее объяснялось и тем, что наиболее видные авторы вроде М. Мольнара и Т. Мераи были, как уже отмечалось, непосредственно причастны к данному движению. Стремление сохранять историческую память о «будапештской осени» существовало, впрочем, и на правом фланге венгерской эмиграции, проявляясь не только в мемуаристике, публицистике, первых исторических работах, но и в разного рода акциях памяти. Для правой (праволиберальной, консервативной, консервативно-националистической) историографии⁴³ с самого

.....
⁴¹ *Бибо И.* Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост. Будапешт, 1992. № 1–2. С. 34.

⁴² *Litván Gy.* Az 1956-os magyar forradalom hagyománya es irodalma. На это обращалось внимание в 1992 году в ходе первой большой дискуссии в стенах Института истории Венгерской академии наук, посвященной историографическим итогам изучения событий 1956 года.

⁴³ *Ibid.* По мнению Д. Литвана, к ней в разной степени тяготели такие авторы, как Ф. Вали, П. Гостони, П. Кечкемети, П. Зиннер, а из видных эмигрантов старшего поколения известный историк и экономист М. Полани, также обращавшийся в своих работах к осмыслению опыта «будапештской осени». Историография праворадикальной ори-

Повстанцы отряда на площади Сены в Будапеште

начала были характерны равнодушие к внутрипартийной реформаторской оппозиции и окружению И. Надю, а с другой стороны, интерес к повстанческому движению, в изучение которого она внесла в 60–80-е годы наиболее значительную лепту. На правом политическом фланге, где сам термин «революция», как правило, наполнялся негативным содержанием, события осени 1956 года чаще трактовались не как революция (антитоталитарной, антисталинской, антисоветской, антибюрократической и т. д. направленности), а как борьба за независимость. Такой трактовке положило начало известное радиовыступление кардинала Миндсенти 3 ноября 1956 года. Большой акцент делался на национальных травмах, вызвавших восстание.

При всех идейных различиях между представленными в литературе течениями венгерская эмигрантская историо-

.....
 ентации в эмиграции почти отсутствовала (с немалой натяжкой к ней можно отнести некоторые выступления Д. Крашшо). Заметное место в эмигрантской публицистике разных идейных ориентаций занимали публикации, авторы которых задавались целью извлечь из венгерских событий политические уроки на будущее. См., например: *Feketekuty L. A magyar forradalom tanulságai. Köln – Detroit, 1959.*

графия обладала и рядом общих черт. Во-первых, ее, как и всю западную историографию второй половины 1950–1980-х годов, отличала узость источниковой базы, которую составляли главным образом опубликованные в прессе официальные документы и сообщения информационных агентств, мемуары, свидетельства беженцев. Недоступность архивных документов приходилось компенсировать логическими конструкциями, а, значит, многое домысливать, выдвигать гипотезы — как оправдавшиеся, так и не оправдавшиеся. Во-вторых, вся эмигрантская историография была в той или иной мере склонна к идеализации «будапештской осени». Пожалуй, в наименьшей степени это проявилось в работах Мольнара и Мераи. Кровавые события на площади Республики 30 октября привлекали мало внимания исследователей. Фактически было наложено табу на упоминания о том, что в повстанческих отрядах находилось немало уголовников, отпущенных в те дни

Жертвы расправы вооруженными экстремистами. Инцидент около Будапештского здания горкома. 30 октября 1956 года

из тюрем наряду с политическими заключенными⁴⁴. Нередко преувеличивалось (иногда, как в публицистике Д. Крашшо, на целый порядок) количество жертв репрессий кадаровского режима.

Пятилетний юбилей революции (1961 года) был отмечен выходом на Западе множества публикаций. Среди их авторов преобладали венгерские эмигранты разных волн, причем именно в это время с большей определенностью, нежели в 1957–1959 годах, заявили о себе интерпретаторы праволиберальных и консервативных убеждений. Хотя в потоке литературы доминировали публицистические выступления, появляются и серьезные аналитические работы, отвечающие критериям строгой научности. П. Кечкемети в книге, изданной Стэнфордским университетом (Калифорния), на основе анализа социальной структуры Венгрии в ее динамике попытался выявить движущие силы революции⁴⁵. В противовес тем авторам, которые были склонны преувеличивать роль интеллигенции, он в числе первых акцентировал внимание на участии в событиях рабочего класса, представителей других слоев⁴⁶. Еще одним образцом американской университетской продукции явились работы Ф. Вали⁴⁷. С обобщающими исследованиями выступают П. Зиннер и др.⁴⁸. Предметом специального изучения впервые становятся рабочие советы⁴⁹. Дебютирует в качестве профессионального военного историка

.....
44 Kende P. 1956 historiográfiája az emigrációban (1956–1989) // 1956-os Intézet. Évkönyv X. Budapest, 2002.

45 Kecskeleti P. The Unexpected Revolution. Social Forces in the Hungarian Uprising. Stanford, California. 1961.

46 Проблема участия рабочего класса в венгерской революции ставилась и в немецкоязычной работе: Kirdly E. Die Arbeiterselbstverwaltung in Ungarn. München, 1961.

47 Vali F. A. The Hungarian Revolution// Problems in International Relations. New York, 1962; Vali F. A. Rift and Revolt in Hungary. Nationalism versus Communism. Cambridge, Mass, 1961.

48 Zinner P. Revolution in Hungary. New York – London, 1962. Из других заметных публикаций, относящихся к началу 1960-х годов, см.: The Hungarian Revolt. October 23 – november 4, 1956. New York, 1961.

49 Nagy B. La formation du Conseil Central Ouvrier de Budapest en 1956. Bruxelles, 1961.

генерал Бела Кирай, заочно приговоренный к смертной казни в 1958 году военный лидер венгерской революции⁵⁰.

Неординарность венгерских событий осени 1956 года с самого начала предопределила интерес к ним не только историков и политологов, но и философов. Разные авторы пытались через осмысление венгерского опыта выявить наиболее существенные и характерные тенденции современного развития, сделать прогнозы относительно перспектив мировой системы социализма, международного коммунистического движения, «национального коммунизма», оценить реальные возможности эффективного сопротивления тоталитаризму в Восточной Европе и поставить в этой связи вопрос о роли рабочих советов как альтернативных государственному социализму органов власти. Среди тех, кто так или иначе писал или высказывался о венгерской революции, обращался к ее опыту, были такие совершенно разные по своим убеждениям выдающиеся интеллектуалы второй половины XX века, как Ж.-П. Сартр, А. Камю, Х. Арендт, И. Дойчер, Р. Арон, Д. Лукач, А. Хеллер⁵¹.

⁵⁰ *Király B., Kovács A.* The Hungarian Revolution of 1956. New York, 1960; *Vali F. A., Király B.* Captive Hungary. An Unsolved Problem of Soviet Aggression. New York, 1960

⁵¹ *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. 2 ed. New York, 1958; *Aron R.* The Meaning of Destiny // Ten Years After. The Hungarian Revolution in the Perspective of History / Ed. by T. Aczél. London, 1966; *Sartre J.-P.* Le Fantôme de Staline. Situations VII. Paris, 1968; *Fehér F., Heller A.* Hungary 1956 Revisited. The Message of a Revolution — a Quarter of a Century After. London — Boston, 1983. См. на венгерском языке антологию откликов французских интеллектуалов на события «будапештской осени»: *56 és a franciák. Francia gondolkodók a magyar forradalomról.* Budapest, 1993. В книгу вошли работы Реймона Арона, Альбера Камю, Клода Лефора, Жана-Поля Сартра, Мориса Мерло-Понти, Франсуа Фейто и др. Некоторые крупные немецкие интеллектуалы, включая одного из корифеев Франкфуртской школы Теодора Адорно, обращались к опыту венгерских событий более опосредованно — в своих откликах на новые работы и политическую деятельность крупного философа-марксиста Дьердя Лукача, в 1956 году министра в правительстве И. Надя. См.: *Стыкалин А. С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. Глава 7; *Lukács-recepció Nyugat-Európában (1956–1963).* Archívumi Füzetek III / Szerk. Tallár F. Budapest, 1983. Сам Лукач во избежание конфликтов с режимом Кадара не хотел публично выступать на эту тему, однако много касался ее в серии интервью И. Эрши в последние годы своей жизни. См.: *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon / Szerk. Eörsi I. Budapest, 1989 (в более кратких версиях неоднократно публиковалось и на других языках; на русском публиковались только фрагменты, не имеющие отношения к событиям 1956 года). Фрагменты

Жан-Поль Сартр, много высказывавшийся по поводу венгерских событий по свежим следам⁵², отказался вместе с тем выступить осенью 1957 года в связи с годовщиной революции, заявив, что «венгерские события не являются такой датой, которую можно праздновать в чьих-либо эгоистических интересах или устраивать вокруг нее шабаш»⁵³. В одной из бесед он даже заметил, что «с точки зрения больших эпохальных интересов социализма советское вмешательство в венгерские события, возможно, окажется исторически оправданным»⁵⁴. Антисоветская кампания к этому времени вообще пошла на спад: Спутник, ставший главной мировой сенсацией 1957 года, однозначно заслонил собой венгерские события и сделал теперь уже не абстрактного венгерского борца за свободу, а конкретную личность — Н. С. Хрущева «человеком года» (по версии американского журнала «Тайм»). Однако несколько позже, в июне 1958 года, Сартр разделил возмущение французской общественности по поводу казни И. Надя.

.....
вспоминаний его ученицы А. Хеллер в переводе О. Якименко опубликованы по нашей инициативе на русском языке: Ставропольский альманах интеллектуальной истории. Вып. 13. Ставрополь, 2013.

Из публикаций 2000-х годов об отклике западных интеллектуалов на венгерские события см.: *Congdon L. A marxizmus újrágondolása: a magyar forradalom és a nyugati értelmiségeik // A magyar forradalom eszméi.* Budapest, 2001. Опубликовано и на английском языке в сборнике исследований и источников, посвященном выявлению преемственности идей венгерской революции: *The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed (1956), Victorious (1999–2000) / Ed. by L. Congdon and B.K. Király.* Boulder (Colorado) — New York, 2001.

Об отклике в Великобритании, в том числе интеллектуалов, см.: *Szabó Z. Küszöbről: A magyar forradalom Angliában.* Parizs, 1988; *Gömöri Gy. 1956-os forradalom emlékezete az angol sajtóban és irodalomban // 1956-os Intézet. Évkönyv X.* Budapest, 2002.

⁵² *Après Budapest. Sartre parle // L'Express*, 1956. 9. XI, pp.13–16; *Sartre sur la Hongrie // France observateur*, 1956, 13 XII, p. 8; *Sartre J.-P. Le fantome de Staline // Les temps modernes*, 1957, jan., pp. 577–696; *Sartre J.-P. Le fantome de Staline // France observateur*, 1957, 17. 1., pp. 10–11. На английском языке см.: *Sartre J.-P. The Ghost of Stalin // The First War Between Socialist States: The Hungarian Revolution of 1956 and its Impact / Ed. by B. K. Király, B. Lotze, B. F. Dreiszigler.* New York, 1984

⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 65. Л. 19. Отчет К. Симонова о посещении Франции.

⁵⁴ Там же. Л. 20. Впрочем, собеседник Сартра К. Симонов воспринял его слова с известным недоверием, увидев в них не отражение действительной позиции философа, а только «приемлемую сейчас для него формулу оценки венгерских событий при разговорах с советскими людьми».

Ханна Арендт на основе венгерского опыта 1956 года размышляла над противоречием между насильственным и, с другой стороны, созидательным характером антитоталитарной, по ее определению, революции⁵⁵. Она приветствовала советы как стихийно возникшие самостоятельные революционные органы, однако, в отличие от левых мыслителей И. Дойчера или К. Лефора, видела в них не механизм реального самоуправления рабочих в сфере производства, а прежде всего силу, способную к политическому действию⁵⁶. Важной вехой в истории интеллектуального освоения венгерского опыта 1956 года стало наследие крупного венгерского мыслителя леволиберального толка, министра в правительстве И. Надя Иштвана Бибо, рассмотренное автором этих строк в отдельной большой работе⁵⁷.

55 Такую оценку сущности событий «будапештской осени» переняли у нее некоторые либерально настроенные интеллектуалы венгерской эмиграции, в частности З. Сабо.

56 О позиции Арендт и ее размышлениях над венгерским опытом много говорилось на конференции в Санкт-Петербурге в сентябре 2006 года «Будапешт'56, до и после. История и память первого кризиса Коммунизма», где преобладали историки и политологи ультралиберальной ориентации. Материалы конференции в полном виде не опубликованы, краткий обзор ее работы: Славяноведение, 2008. № 1.

57 Стыкалин А. С. Иштван Бибо — мыслитель и политик // Бибо Иштван. «О смысле европейского развития» и другие работы. М., 2004. В работе «Положение в Венгрии и положение в мире» (1957). Бибо попытался оценить историческое значение венгерской революции как для самой Венгрии, так и с точки зрения международных, межблоковых отношений. Он размышлял над тем, какие уроки могли бы извлечь из венгерского опыта 1956 года силы различных идейно-политических ориентаций — на Западе, в Восточной Европе и в «третьем мире». Англоязычная версия работы, неоднократно публиковавшаяся на Западе: *The Hungarian Revolution: Scandal and Hope*. На языке оригинала (венгерском) впервые опубликовано в эмигрантской среде: *Bibó István. Harmadik út / Szerk. Szabó Z. London, 1960*. На русском языке опубликовано в сокращении: Мост. Будапешт, 1992. № 1/2. Другие тексты И. Бибо по проблемам революции 1956 года, в том числе адресованные правительству Я. Кадара планы урегулирования внутривнутриполитического кризиса, см.: Венгерский меридиан. Будапешт, 1991. № 2; Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 613–618; 725–729; Бибо Иштван. «О смысле европейского развития» и другие работы. Наиболее полное венгерское издание: *Bibó István. 1956 / Az előszót írta, a jegyzeteket összeáll. és írta, a kötet szerk. Szigethy G. Budapest, 2003*. Для историков представляют интерес также показания, сделанные И. Бибо в августе 1958 года во время суда, приговорившего его к пожизненному заключению (в 1963 году амнистирован): *A fogoly Bibó István vallomásai az 1956-os*

В 1962 году вследствие ряда проведенных режимом Када-ра амнистий в отношении осужденных участников событий 1956 года венгерский вопрос был снят с повестки дня ООН и отныне мог считаться урегулированным в международном плане⁵⁸. Постепенно снижается непосредственный интерес к нему политиков и общественного мнения — уже в сентябре 1959 года в ходе встреч Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра в США о «будапештской осени» почти не вспоминали. Все это напрямую сказывается на ситуации с изучением венгерской революции. Резко сокращаются финансовые вливания в научные проекты в этой области, что, в частности, привело к закрытию в 1963 году брюссельского Института Имре Надя. С другой стороны, появилось больше возможности освободиться от диктата политики и сосредоточиться на объективном научном анализе. Новые всплески внимания не только узкого круга профессионалов-историков, но политологов и более широкой публики к венгерским событиям приходились, во-первых, на очередные юбилеи, а во-вторых, были связаны с новыми кризисными явлениями в странах восточноевропейского блока. Например, в 1968 году в Чехословакии. 20-летний и 25-летний юбилеи венгерской революции совпали с кризисами 1976 и 1980–1981 годов в Польше, что давало дополнительные поводы для проведения исторических параллелей. К юбилейным датам обычно приурочивались и различного рода акции памяти о событиях 1956 года, в том числе международные конференции, масштабные издательские проекты. С увеличением исторической дистанции венгерский опыт 1956 года не утрачивал своего актуально-политического значения, поскольку система международных отношений, породившая этот кризис, продолжала сохраняться в незыблемости до конца 1980-х годов. Необходимо к тому же иметь в виду, что

.....
forradalomról / Szerk. Kenedi J. Budapest, 1996. См. также сборник документов, раскрывающих ключевые моменты в биографии И. Бибо, в том числе его деятельность в 1956 году: Bibó István (1911–1979). Életút dokumentumokban. Budapest, 1995.

⁵⁸ Szikszoy J. The Legal Aspects of the Hungarian Question. Ambilly-Annemasse, 1963. Из позднейшей литературы о постановке венгерского вопроса в ООН см.: Király B. Az ENSZ és a magyar forradalom // A magyar forradalom eszméi.

эволюция кадаровского режима к большему либерализму и открытости уже к середине 1960-х годов позволяла несколько откорректировать ранее сделанные выводы, по-новому оценить последствия и результаты революции⁵⁹.

10-летний юбилей революции осенью 1966 года дал повод ее активным участникам из числа бывших коммунистов-реформаторов, оказавшихся на Западе, подвести итоги собственной духовной эволюции, проделанной за эти годы, и оценить теперь уже с новых позиций мировоззрение и деятельность Имре Надя и его сторонников. М. Мольнар в 1966 году приходит к выводу о том, что дискуссия об «исторической роли Имре Надя и его жизни закончилась, и его идеологические построения и система ценностей не могут далее служить отправной точкой для новой эпохи»⁶⁰. Более отстраненный, беспристрастный взгляд на предмет изучения в целом благоприятствовал объективному научному анализу.

Юбилейный 1966 год ознаменовался выходом большого количества книг в разных странах мира — работы Т. Мераи, Ф. Фейто, Т. Ацела и др.; на военном аспекте венгерских событий наряду с Б. Кираем сосредоточил внимание в своих работах швейцарский автор П. Гостони, осенью 1956 года кадровый офицер, примкнувший к повстанческому движению⁶¹. Летом-осенью 1968 года

59 Vali F. A. Hungary // The communist states at the crossroads. New York – Washington – London, 1965.

60 Molnár M. The Heritage of Imre Nagy // Ten Years after. A Commemoration of the Tenth Anniversary of the Hungarian Revolution / Ed. by T. Aczél. London, 1966. P. 172.

61 Ten Years After. A Commemoration of the Tenth Anniversary of the Hungarian Revolution / Ed. by T. Aczél. London, 1966; From the Hungarian Revolution / Ed. by D. Ray. Ithaca, 1966. Много работ вышло во Франции. См.: Fejto F. Budapest 1956. Paris, 1966; Gosztanyi P. (Ed.) Histoire du soulèvement hongrois – 1956. Paris, 1966; Meray T. Budapest, 23 octobre 1956, Paris, 1966. По инициативе составителей одного из сборников предметом сравнительно-исторического изучения стали венгерские и польские события осени 1956 года: Marie I.-J. – Nagy B. (ed.) Pologne – Hongrie 1956. Paris, 1966. Из важнейших публикаций на немецком языке см.: Gosztanyi P. (Ed.) Der ungarische Volksaufstand in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1966; Ost-Europa. Bonn, 1966. № 23 (выпуск журнала, специально посвященный венгерским событиям 1956 года). Сборник научных статей по истории революции 1956 года вышел в Мюнхене на венгерском языке: Tanulmányok a magyar forradalomról / Szerk. Borbandi Gy., Molnár J. München, 1966 (см. также специальный выпуск выходившего в эмиграции журнала: Új Latóhatár, 1966, nov. – dec., München). Следует упомянуть и новое издание антологии поэтических от-

и в последующие годы, в свете чехословацкого кризиса, к опыту венгерской революции много обращаются не только историки, но также публицисты и политологи. «Пражская весна» и острая советская реакция на нее дали комментаторам серьезный повод для проведения параллелей с событиями 12-летней давности⁶². Обращалось внимание на то, что в Чехословакии не было кровавых эксцессов, подобных происходившим в Венгрии осенью 1956 года, руководство ЧССР и КПЧ не вело речи и о выходе страны из Организации Варшавского договора, и, тем не менее, как и в случае с Венгрией, был избран (на этот раз при более непосредственном участии союзников по ОВД) силовой вариант действий. Таким образом, чехословацкий кризис предоставил исследователям новые возможности для осмысления мотивов принятия советской стороной силового решения применительно к Венгрии 1956 года, позволив им сделать концептуальные выводы на основе сопоставительного анализа двух кризисов⁶³.

Целым рядом важных публикаций отмечена первая половина 1970-х годов⁶⁴. Пожалуй, именно в это время на первый

.....
 кликов на венгерские события: *Gloria victis. Az 1956-os magyar szabadságharc költői visszhangja a nagyvilágban* / Szerk. Tollár T. München, 1966. Из работ на итальянском языке: *Mazzolari P. Non vogliamo parole. Ungheria 1956*. Vicenza, 1966. В числе публикаций середины 1960-х годов, не относившихся к 10-летию юбилею событий, см.: *Anderson A. Hungary 1956*. London, 1964 (2-е издание: Detroit, 1976).

62 Орлик И. И. Запад и Прага в 1968 году. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. Из наших работ по этой теме см.: *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. Параллели между развитием событий в Чехословакии и начальным этапом венгерского кризиса 1956 года западные наблюдатели начали проводить уже в марте 1968 года, за несколько месяцев до совместной военной акции стран-участниц Варшавского договора. Так, 13 марта об этом говорил З. Бжезинский, выступая в Колумбийском университете. Указывая на сходство некоторых процессов, западные эксперты уже в то время выражали опасения и в связи с возможностью аналогичной реакции руководства СССР.

63 *Gömöri Gy.* 1956-os forradalom emlékezete az angol sajtóban és irodalomban // 1956-os Intézet Évkönyv 2002. Budapest, 2002. Из работ, относящихся к этому времени, наряду с вышеупомянутыми книгами М. Мольнара и Т. Мераи, см.: *Aczél T. – Sadov J.* *Revolt in Hungary 1956*. New York, 1968; *Pryce-Jones D.* *The Hungarian Revolution*. London, 1969.

64 *Molnár M.* Budapest 1956: A History of the Hungarian Revolution. London, 1971; *Barber N.* Seven Days of Freedom. The Hungarian Uprising 1956. London, 1973. См. также собрание свидетельств о революции: *Remember Hungary 1956*. West Hanover, Mass., 1975.

план выходит мемуаристика. Среди тех участников событий 1956 года, кто оставил мемуары, при всем субъективизме авторских свидетельств поныне сохраняющие ценность в качестве источника, были люди разных сфер деятельности, различных политических убеждений, отличавшиеся и по степени литературного и политико-аналитического дарования — от главы венгерской католической церкви кардинала Й. Миндсенти до известного публициста и драматурга Дюлы Хая⁶⁵. Свидетельства другого талантливого литератора, Белы Саса (одного из обвиняемых по знаменитому «делу Ласло Райка» 1949 года), интересны как попытка изучить репрессивный механизм той системы, которая породила в конечном итоге венгерские события 1956 года⁶⁶, в том числе с точки зрения психологического воздействия на своих жертв.

Предметом довольно активного изучения на Западе становятся как политика администрации Д. Эйзенхауэра в отношении венгерских событий, так и история рассмотрения «венгерского

65 *Mindszenty J. Emlékirataim*. Toronto, 1974 Мемуары Й. Миндсенти, работу над которыми он начал во время многолетнего пребывания в качестве беженца в американском посольстве в Будапеште, были изданы венгерскими эмигрантами в Канаде (в самой Венгрии опубликовано в 1989 году). Дюла Хай, одинаково мастерски владевший венгерским и немецким языками и игравший видную роль в литературной и театральной жизни веймарской Германии начала 1930-х годов, а затем до возвращения в Венгрию в 1945 году живший в СССР, после 1956 года провел три года в заключении за активное участие в «идейной подготовке» венгерских событий. В 1960 году был амнистирован, а в 1964 году выехал в Швейцарию, где написал широко известную автобиографию: *Hay J. Geboren 1900. Hamburg, 1971* (венгерское издание — *Hay Gy. Született 1900-ben. Budapest, 1990*). Опубликовал на Западе мемуары и видный деятель революции, осенью 1956 года начальник будапештской полиции Ш. Копачи, перешедший на сторону восставших, а в 1958 году приговоренный к пожизненному заключению. (Позже он был амнистирован, а затем выехал за границу). См.: *Kopacsi S. Au nom de la classe ouvrière*. Paris, 1979 (вышел и ряд англоязычных изданий, в частности в Торонто: *In the Name of the Working Class*); *Kopacsi S. Az 1956 magyar forradalom és a Nagy Imre-per*. New York, 1979. Из других мемуаров см.: *Dénes T. Élmények a forradalomban*. Geneve, 1976; *Marton E. The Forbidden Sky*. Boston-Toronto, 1971 (венгерское издание: *Tiltott égbolt*. Budapest, 2000).

66 *Szász Béla. Volunteers for the gallows: Anatomy of a show-trial*. New York, 1971. Книга выдержала множество изданий начиная с 1963 года. См. на английском языке. На венгерском языке: *Szász B. Minden kényszer nélkül*. München, 1979 (Budapest, 1989). На русском языке: *Сас Бела. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса* / Перевод с венгерского Е. Малыхиной. Общее редактирование, комментарии и послесловие В. Середы. М., 2002.

вопроса» в ООН. Выходят как собрания документов, так и монографические работы⁶⁷. В числе наиболее заметных авторов был высокопоставленный венгерский дипломат-невозвращенец (одно время зам. министра иностранных дел) Я. Радвани, знавший по собственному опыту реакцию в странах Восточной Европы на те или иные внешнеполитические шаги госдепартамента США⁶⁸. В работах Б. Коврига (в свое время одного из самых авторитетных американских экспертов по восточноевропейским проблемам) венгерский материал органично включался в более широкий контекст изучения политики США в отношении стран советской сферы влияния⁶⁹.

20-летний юбилей венгерской революции отмечался в 1976 году на фоне кратковременного подъема независимого рабочего движения в Польше. Стремление западных политологов к более глубокому постижению сущности современных польских событий, как уже отмечалось, побуждало их к проведению сопоставлений и исторических параллелей. С другой стороны, и перед историками открывались новые возможности для изучения венгерской революции 1956 года в более широком сравнительно-историческом плане. В конкретной обстановке осени 1976 года особый интерес, что совсем не удивительно, вызывали венгерские рабочие советы 20-летней давности. Этой теме, ранее привлекавшей не слишком большое внимание западных историков, посвятил себя известный британский исследователь Билл Ломэкс, по своим политиче-

.....
⁶⁷ Hungary. American Statements and Actions. October and november 1956. London, 1970. См. также монографии, подготовленные в американских университетах: *Radványi J.* The Problem of Hungary at the UN: a Case Study in the US – Soviet-Hungarian Relations 1956-1963. Stanford, 1971; Ann Arbor, 1974; *Olgay G.* The Hungarian Revolution and the United Nations: Limitations of Parliamentary Diplomacy. Ann Arbor, Mich. 1975.

⁶⁸ *Radványi J.* Hungary and the Superpowers. The 1956 Revolution and Realpolitik. Stanford, 1972. В Венгрии опубликовано в самиздате в 1980-е годы.

⁶⁹ *Kovrig B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in US Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore – London, 1973. Из более ранних работ других авторов по этому кругу проблем см.: *Brynes R.* The US and Eastern Europe. New York, 1967. Из более поздних работ см: *Divine R. A.* Eisenhower and the Cold War. New York, Oxford Univ. Press, 1981.

ским ориентациям близкий анархо-синдикализму⁷⁰. Именно Ломэкс наряду с эмигрантом Б. Надем стал наиболее значительным представителем того крайне левого, иногда связанного с троцкизмом, течения в западной историографии, которое, делая акцент на антибюрократической составляющей массового движения, связывало свой политический идеал с деятельностью рабочих советов, “непосредственной демократией”, рабочим самоуправлением. Британскому историку принадлежит неоспоримая заслуга в изучении венгерских событий именно как феномена в истории рабочего движения, который был им поставлен в более широкий контекст пролетарских движений XIX–XX вв. Во второй половине 1970-х — 1980-е годы, после выхода монографии Б. Ломэкса, проблема рабочих советов в Венгрии осени 1956 года продолжала активно разрабатываться на документальной основе⁷¹.

Большая юбилейная конференция, приуроченная к 20-летию как венгерских, так и польских событий 1956 года, состоялась в Париже⁷². Выступавший на ней независимый французский левый политолог Клод Лефор в противовес широко распространенному в литературе мнению о решающей роли реформ-коммунистической интеллигенции в подготовке «будапештской осени» сделал знаменательный вывод: «ход восстания не был бы таким, каким он был, события не зашли бы так далеко, отрезав путь назад и сделав невозможным

70 Lomax B. Hungary 1956. London, 1976 (книга неоднократно переиздавалась). См. также подготовленное им собрание свидетельств о венгерской революции: *Eye-witness in Hungary. The Soviet Invasion of 1956* / Ed. B. Lomax. Nottingham, 1980.

71 Magyar munkástanácsok 1956-ban / Szerk. Kemény I., Bill Lomax. Parizs, 1986 (Magyar füzetek). Свод исторических источников о деятельности в Венгрии осенью 1956 года рабочих советов вышел в 1986 году в парижской серии «Венгерские тетради». Он включил в себя программные заявления, мемуары, интервью и т. д. См. также более позднее англоязычное издание: *Hungarian Workers Councils in 1956* / Ed. by B. Lomax. Columbia Univ. Press, 1990. Из исследований, в которых опыт венгерских рабочих советов 1956 года ставился в более широкий восточно-европейский сравнительно-исторический контекст, см.: *Harmann Ch. Bureaucracy and Revolution in Eastern Europe*. London, 1974; *Harmann Ch. Class Struggles in Eastern Europe*. 1945 — 1983. London and Sydney, 1983

72 Kende P. — Pomian Rrz. (ed.) 1956. Varsovie — Budapest: La deuxième révolution d'Octobre. Paris, 1978

примирение с существовавшими властями, если бы не участие в них широких рабочих масс, активизация которых быстро привела к созданию рабочих советов на уровне предприятий и регионов»⁷³. Правда, оживление во второй половине 1970-х годов интеллигентской оппозиции в ряде стран Восточной Европы (Хартия-77 в Чехословакии и т. д.) дала новые аргументы и тем политологам, которые призывали, признавая значение рабочего движения, не сбрасывать в то же время со счетов интеллигентскую составляющую процессов будущего коренного демократического переустройства стран Восточной Европы.

В ФРГ на 20-летний юбилей венгерской революции откликнулся серией статей К. Германа влиятельный журнал «Stern». В отличие от некоторых других экспертов автор не был склонен к идеализации венгерской революции, признав, что в последние дни октября именно вооруженные группы «определяли облик будапештских улиц, линчуя и грабя... устраивая самосуды»; правая опасность, таким образом, отнюдь не была мифической. Кроме того, автор был резко критичен в отношении политики США. Сделанное представителем США в ООН К. Лоджем в самый разгар венгерских событий обещание не оставить венгров в беде оказалось, по его мнению, медвежьей

⁷³ Лефор К. Беспрецедентный радикализм, невероятная изобретательность // Мост. Будапешт, 1992. № 1–2. С. 58. К. Лефор определял венгерскую революцию как антибюрократическую. Она была таковой «не только потому, что смела власть функционеров Партийного государства. Все сохранившиеся сообщения о деятельности революционных комитетов, комиссий, советов указывают на то, что повсюду хотели создать такие учреждения, которые остались бы под контролем их участников, и старались избегать создания таких органов, в которых могла возникнуть монополия на принятие решений и на информацию» (Там же. С. 59). Но вместе с тем венгерская революция была, по мнению французского политолога, и антикапиталистической — «не только потому, что никогда нигде не требовала возвращения средств производства в частные руки, но и потому, что создание рабочих советов связала с планом, который регулировал бы контролируемое сообщество с трудящимися производством, а такой план несовместим с капиталистической собственностью» (Там же). Не только левый французский политолог К. Лефор, но и консервативный британский журналист Н. Барбер (кстати, получивший осенью 1956 года в Будапеште пулевое ранение) в своей рецензии на книгу Б. Ломэкса обращал внимание на то, что участники венгерского восстания, как правило, не ставили перед собой антикоммунистических целей (Sunday Times. 1976, october 24).

услугу, обещания Лоджа поощряли радикальные группы на выдвижение все новых требований, не имевших под собой реальной почвы. «Венгры ожидали, что с неба посыплются американские парашютисты в голубых касках ООН»⁷⁴. Наиболее значительный американский проект второй половины 1970-х годов в области изучения венгерской революции нашел воплощение в сборнике «Венгерская революция 1956 года в ретроспективе» под редакцией профессора военной истории генерала Б. Кирая⁷⁵. К работе над проектом был привлечен целый ряд известных историков и политологов, в статьях был представлен широкий тематический спектр, содержались размышления о последствиях венгерских событий, их влиянии на ситуацию в странах советского лагеря, как и на состояние межблоковых отношений.

В 1970-е — начале 1980-х годов в западной литературе продолжались споры о личности Имре Надя. По мнению С. Боршоди, это был не просто выходец из большевизма, переросший большевизм, но предтеча еврокоммунизма⁷⁶. Примерно так же оценивали И. Надя известные философы, ученики Дьердя Лукача Агнеш Хеллер и Ференц Фехер, выехавшие в 1970-е годы на Запад и получившие мировую известность. Они отметили также способность И. Надя придать антитоталитарному движению национальное измерение. Венгерский кризис 1953–1956 годах рассматривался Хеллер и Фехером в контексте не только межблоковых отношений, но прежде всего процессов, происходивших в мировом коммунистическом движении. Он стал, по их мнению, «впечатляющей драмой внутренней дезинтеграции большевизма»⁷⁷.

74 Stern. Hamburg, 1976. № 46.

75 The Hungarian Revolution of 1956 in Retrospect / Ed. B. Király, P. Jonas. Boulder (Colo.) – New York, 1978 (East European Monograph Series 40). Из других работ см.: The Hungarian Revolution Twenty Years After. Selected Papers and Perspectives (Canadian-American Review of Hungarian Studies, Special issue). Ottawa – Kingston (Canada), 1976; Zsitvay T. D. The Hungarian Revolution of 1956: The Roots of Political Violence. Ann Arbor, Mich., 1978.

76 Borsody St. Imre Nagy and Eurocommunism // The Hungarian Revolution of 1956 in Retrospect, pp. 127–134.

77 Fehér F., Heller A. Hungary 1956 Revisited. A Message of a Revolution – a Quarter of a Century After. London, 1983. P. 118.

К. Лефор, напротив, акцентировал внимание на ограниченности И. Надя, который долго «не мог себе представить, чтобы местом исторических решений была не партия. Он не был способен осознать и то, что массовые выступления зашли далеко и найдут свой путь и без руководителей, и без лозунгов. Его рефлексы были рефлексами партийца»⁷⁸. Позиция Б. Ломэкса также продемонстрировала стремление интеллектуалов левых ориентаций взглянуть на И. Надя более критически. По мнению британского исследователя, он был скорее социальным моралистом, нежели серьезным политиком. Непоследовательность Надя-политика Ломэкс объяснял недостаточной осмысленностью его идеологической позиции, если не считать приверженности неким абстрактным ценностям гуманизма и порядочности⁷⁹. Кроме того, Надя, как отмечал и Лефор, находился в плену большевистских представлений о роли партии. Сравнивая Надя с Кадаром, Ломэкс (что было знаком происходившего пересмотра прочно устоявшихся стереотипов!) отдавал предпочтение последнему. Будучи политиком-реалистом, Кадар в сложившейся ситуации хаоса и распада сделал выбор в пользу силовых методов, придя к выводу, что консолидировать власть без советской военной помощи не удастся. Однако противодействие народа оказалось сильнее, чем он ожидал. Логика сохранения власти заставляла Кадара идти на дальнейшее ужесточение методов, компромиссы с Москвой и собственными сталинистами. Но с изменением ситуации, укреплением собственной власти изменилась и его тактика, Кадар приступил к политике «наведения мостов» к венгерской нации и немало преуспел в ее осуществлении.

.....
⁷⁸ Мост. Будапешт, 1992. № 1–2. С. 59 Трагедия Имре Надя, по мнению Лефора, заключалась в том, что «новое положение, формировавшееся в результате самостоятельной организационной деятельности рабочего класса, а также создание рабочих советов закрыли перед Имре Надем путь Гомулки и Дубчека. А он явно был призван для такой роли».

⁷⁹ *Lomax B. Hungary 1956*, p. 52. Подробнее о трактовке личности И. Надя в западной политической литературе 1960–1980-х годов см.: *Райнер М. Я.* Имре Надя, премьер-министр венгерской революции 1956 года / Перевод О. В. Хавановой. Научный редактор А. С. Стыкалин. М., 2006. Глава 15.

20-летняя историческая дистанция меняла оптику восприятия событий 1956 года и позволяла внести в оценку всей деятельности Кадара существенные коррективы с учетом эволюции, пройденной Венгрией за эти два десятилетия. В. Ворошильский в 1976 году в послесловии к новому парижскому изданию своего «Венгерского дневника», сравнив векторы развития коммунистических режимов в Польше и Венгрии, имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 года — А. С.) «вождь нации» Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи — ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией»⁸⁰. На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению Исаака Дойчера, клеймо «Made in Stalinism» и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму в его понимании. Однако различия в эволюции двух режимов были схвачены польским публицистом довольно верно. Уроки, извлеченные венгерской коммунистической элитой из «национальной трагедии» 1956 года, определили в целом компромиссный характер ее внутренней и внешней политики на протяжении последующих трех десятилетий. В отличие от Польши, где относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в октябре 1956 года не был закреплен сколько-нибудь глубоким преобразованием институциональной системы и в результате произошел довольно быстрый откат хотя и не слишком тиранической, но все же совершенно неэффективной, бюрократической форме государственного социализма, в Венгрии с начала 1960-х годов происходила неуклонная либерализация, причем

80 Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 145–146.

процесс этот не был приостановлен и с началом брежневской эпохи в СССР. Во второй половине 1960-х годов в основном формируется та специфическая венгерская либерально-прагматическая модель, которая на протяжении не менее 10 лет считалась частью общественного мнения на Западе наиболее жизнеспособной, имеющей перспективы моделью реального социализма, и привлекала внимание советской и восточно-европейской реформаторски настроенной интеллигенции. Осмысляя причины ее формирования, В. Ворошильский закономерно задавался резонным вопросом: может быть «именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?»⁸¹

Таким образом, по мере эволюции режима Кадара, вследствие которой Венгрия за 10 лет из обузы для СССР превратилась в витрину «социалистического содружества», западным и независимым восточноевропейским политологам все чаще приходилось сопоставлять не только обанкротившегося в конце концов польского лидера В. Гомулку, но и потерпевшего тяжелое поражение в Венгрии 1956 года идеалиста И. Надя с более успешным, хотя и циничным прагматиком Я. Кадаром, который, сумев до известной степени усыпить подозрительность Кремля, попытался в непростой обстановке, сложившейся после поражения революции, реализовать на практике, с оглядкой на Москву, хотя бы некоторые из реформаторских идей 1956 года. Иногда сравнение с И. Надем даже оказывалось в пользу Кадара, чьи эксперименты с реформированием «реального социализма» в начале 1970-х годов не только привлекали пристальное внимание на Западе, но и внушали кое-кому из наблюдателей неоправданные иллюзии (разочарование пришло к началу 1980-х годов).

В 1970–1980-е годы на Западе выходит целый ряд работ, посвященных выявлению сущностных характеристик кадаровской модели государственного социализма именно как порождения

.....
⁸¹ Там же.

революции 1956 года⁸². Писались они, как правило, на волне вышеступающего интереса к реформам экономического механизма в Венгрии, предпринятым с 1968 года, и авторам, особенно в первой половине — середине 1970-х годов, не всегда удавалось избежать идеализации Кадара и известной апологетики его действий начиная с ноября 1956 года. Складывавшемуся в западной литературе имиджу либерального коммуниста-реформатора⁸³, конечно же, сильно вредили некоторые моменты в биографии Кадара, и авторам приходилось искать выход из положения. У. У. Шоукросса, не располагавшего в должном объеме документами, свидетельствующими о неприглядной роли этого политика в «деле Райка» (1949 года) и «деле Надя» (1958 года), Кадар представлял своего рода «трагическим героем», шедшим иногда на компромисс с собственной совестью в силу обстоятельств, вследствие мощного давления извне⁸⁴. Как и летом 1958 года, в дни казни И. Надя, в середине 1970-х годах для того, чтобы образ венгерского лидера выглядел более незапятнанным, приходилось многое, если не все, списывать на Москву. Однако и те авторы, которые сумели не впасть в идеализацию, приходили к выводу, что Кадар был отнюдь не «традиционным сталинистом», а коммунистом-прагматиком, не только не стремившимся к самоцельному обладанию неограниченной властью, но, в общем, достаточно равнодушным

82 *Shawcross W. Crime and Compromise. János Kádár and the Politics of Hungary since Revolution. London, 1974; Bagdy Z. The Policy of Compromise: a Study of the Kádár Government. Recent Trends and Developments in Hungarian Political Life. 1957–1962. Ann Arbor, Mich. 1985; Felkay A. Kádár's Hungary and the Soviet Union. Hungarian-Soviet Relations and the Rule of János Kádár. 1956–1976. Vol. 1–2. Ann Arbor, Mich. 1985* (см. также более новую работу того же автора: *Felkay A. Hungary and the USSR, 1956–1968. Kádár's Political Leadership. New York, 1989*).

83 По иронии судьбы, пик популярности Кадара на Западе пришелся на 1973–1975 годы, период, когда уже начался откат венгерских экономических реформ, активизировалось преследование инакомыслящих в Венгрии. Таким образом, Венгрия была воспринята западным общественным мнением как наиболее «либерализованная» страна советской сферы влияния с немалым запозданием, когда с экономическими реформами фактически было покончено. Международное признание кадаровского режима, нашедшее выражение в участившихся с середины 1970-х годов поездках Кадара в западные страны и лидеров Германии, Франции, других государств в Венгрию, становится одним из важных факторов его внутренней прочности.

84 *Shawcross W. Crime and Compromise.*

к идеологии и связывавшим реальные успехи социализма в споре с капитализмом прежде всего в способности лучше обеспечить материальный достаток собственных граждан (из советских лидеров хрущевской и брежневской генераций этому типу коммуниста более всего соответствовал А. И. Микоян)⁸⁵.

Образ Кадара в западноевропейской и американской литературе в целом отвечал тому, что ожидали и хотели получить от западных аналитиков идеологи кадаровского режима. Тем не менее переиздать в самой Венгрии даже наиболее благожелательные по отношению к лидеру ВСРП работы власти не собирались — в силу того, что их не могла устроить трактовка событий осени 1956 года, а также характера отношений между Будапештом и Москвой на последующем этапе. И. Шоукросс, и другие западные биографы Кадара давали позитивную оценку революции 1956 года и негативную оценку политике СССР; сам же Кадар зачастую изображался как человек, на практике отчасти воплотивший те цели, которые ставили перед собой И. Надь и его реформ-коммунистическое окружение. Пожалуй, в несколько большей мере кадаровских идеологов устраивала та интерпретация событий, которую предложил крайне правый британский автор Д. Ирвинг, при описании революции 1956 года сделавший акцент на зверствах и разрушениях и непропорционально большое внимание уделивший антисемитской составляющей массового народного движения⁸⁶. Ирвинг был, насколько нам известно, единственным

⁸⁵ Kovrig B. *The Hungarian People's Republic*. London — Baltimore, 1970; Kovrig B. *Hungary: two Revolutions on Compromise*. Stanford, Calif. 1982. Об убедительности образа коммуниста-прагматика, стремящегося наладить договорные отношения с венгерским обществом и, не раздражая Москвы, расширить в пределах возможного поле внешнеполитической самостоятельности Венгрии, свидетельствует его устойчивость в литературе. Ср. с более ранними работами самую значительную в англоязычной историографии 1990-х годов монографию, в которой кадаровский режим рассматривается в его целостности как уже пройденный этап в венгерской истории новейшего времени: Tökes R. L. *Hungary's Negotiated Revolution. Economic Reform, Social Change and Political Succession, 1957–1990*. Cambridge University Press, 1996 (2-nd edition — 1998; венгерское издание: A kialakult forradalom. Budapest, 1998).

⁸⁶ Irving D. *Uprising! One Nation's Nightmare: Hungary 1956*. London, 1981 (венг. издание: Felkelés! Egy nemzet küzdelme: Magyarország 1956. Budapest, 2003).

западным историком, получившим доступ к секретным досье венгерских спецслужб. Это произошло еще в 1979 году⁸⁷.

25-летие венгерской революции отмечалось на фоне острейшего внутривластного кризиса в Польше, получившего временное разрешение вследствие введения военного положения 13 декабря 1981 года. Публицисты и аналитики, комментируя польские события, как и в 1976 году, неустанно проводили параллели с Венгрией 1956 года. Так, акция В. Ярузельского по введению военного положения рассматривалась как шаг, направленный на предотвращение масштабного советского силового вмешательства, на самом деле маловероятного в условиях затяжной афганской войны⁸⁸. В связи с активностью польской «Солидарности» — органа независимого рабочего движения — сохраняла актуальность и проблематика венгерских рабочих советов 1956 года⁸⁹. Как идеологи польской оппозиции, так и западные политологи, анализируя последствия скоропалительного решения Имре Надя и его правительства о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора, приходили к выводу о том, что восточноевропейская оппозиция должна делать упор на независимое

87 Mink A. David Irving and the 1956 Revolution // *Hungarian Quarterly*, Winter 2000.

88 Ю. В. Андропов, который, будучи в 1956 году послом в Венгрии, занимал очень жесткие позиции (см. очерк о нем в настоящем издании) и столь же решительно отстаивал силовые методы во время чехословацкого кризиса 1968 года, в 1981 году выражал в узком кругу мнение о том, что «лимит военных решений исчерпан». Подробнее см.: Мусатов В. Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996; Стыкалин А. С. «Пражская весна» 1968 года и позиция Венгрии // *Славяноведение*, 1998. № 5. Его же. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // *Новая и новейшая история*. 2012. № 5. Об отклике венгерского руководства и общества на польский кризис 1980–1981 годов см.: Tischler J. Az 1980–1981-es lengyel válság és Magyarország a szemtanúk és résztvevők visszaemlékezései alapján // 1956-os Intézet. Évkönyv X. Budapest, 2002; Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // *Славяноведение*. 2011. № 5. С. 52–67. См. также предыдущий очерк.

89 В этой связи уместно сказать и о большом интересе польского самиздата к истории венгерской революции 1956 года. В 1975–1990 годах вышли книги В. Ворошильского, П. Гостони, П. Кенде, мемуары Ш. Копачи и югославского дипломата В. Мичуновича, и многое другое.

массовое движение с участием рабочего класса и создание альтернативных квази-государственных структур наподобие «Солидарности», а не на независимость во внешней политике. Среди знатоков истории венгерской революции не затихал спор о том, кто играл в ней первую скрипку — интеллигенция или рабочие. Он хорошо вписывался в контекст более широких дискуссий, проходивших на страницах западных изданий, в том числе представлявших разные круги восточноевропейской эмиграции. Дискуссий о том, какой социальный слой способен выступить движущей силой грядущего обновления Восточной Европы. Опубликованная в 1979 году в Нью-Йорке книга венгерских диссидентов писателя и эссеиста Дьердя Конрада (будущего президента международного ПЕН-клуба) и социолога Ивана Селени «Путь интеллектуалов к классовому господству» получила огромное количество откликов и стала одним из самых ярких событий независимой духовной жизни Восточной Европы конца 1970-х годов⁹⁰, как и работа молодых представителей школы Д. Лукача Я. Киша и Д. Бенце, пытавшихся, не минуя и конкретный венгерский опыт 1956 года и последующей эпохи, оценить в новых условиях перспективы восточноевропейского марксизма⁹¹.

В 1981 году на Западе выходит множество работ, причем часть глубоких аналитических исследований по-прежнему принадлежала свидетелям и участникам событий, в том числе военным историкам П. Гостони и генералу Б. Кираю, имевшим возможность взглянуть на них глазами не только историков, но и мемуаристов. Видное место в общем массиве публикаций занимали труды по военной истории, в том числе истории повстанческого движения. Внимание исследователей продолжал привлекать и внешнеполитический аспект венгерской революции⁹².

⁹⁰ Konrád György – Széleányi Ivan. The Intellectuals on the Road to Class Power. New York, 1979. В декабре 1981 года Д. Конрад на страницах «New York Times» в разделе книжного обозрения в связи с событиями в Польше, к острому раздражению кадаровских властей, поставил вопрос о несправедливости осуждения И. Надя.

⁹¹ Rakovsky M. Towards an East European Marxism. New York, 1978.

⁹² Kecskemeti P. The Fight for Freedom. Facts about Hungary. Toronto, 1981. С довольно правых позиций написана монография Э. Чонки: Csonka E. A forradalom

Одной из сверхзадач работ 1980-х годов было стремление ответить на вопрос: какую роль сыграл венгерский 1956 год в судьбах всего советского блока, как сказался на эволюции коммунистических режимов — не только Венгрии, но и других восточноевропейских стран, где коммунистические элиты, как и реформаторски настроенные силы, так или иначе должны были учитывать в своих действиях опыт «будапештской осени»⁹³. С началом необратимых перемен в Советском Союзе венгерский кризис рассматривался как первая фаза того процесса, который неминуемо должен был завершиться кардинальными изменениями всей системы международных отношений в Европе. 30-летний юбилей венгерской революции отмечался осенью 1986 года, в условиях начавшейся горбачевской перестройки, когда восточноевропейская интеллигенция жила предчувствием эпохальных событий, означающих крах коммунистического правления и прекращение советской доминации в регионе. Развитие событий подтверждало правоту К. Лефора, который в 1976 году на большой парижской конференции к 20-летию «будапештской осени» и «польского октября» спорил с теми, кто называл восточноевропейские страны «обществами безнадёжности». Ведь рухнувший в Венгрии режим не смог бы встать на ноги без советского военного вмешательства. Тем самым венгерская революция, по его мнению, показала, что

.....
oknyomozó története. 1945–1956. München, 1981. Показательно, однако, что последовательно консервативное мировоззрение не помешало автору в целом позитивно оценить роль И. Надя, проявившего себя, по его мнению, настоящим венгерским патриотом. В отличие от большинства интерпретаторов правой ориентации Чонка принял и определение «революция» (венг: forradalom), к началу 1980-х годов устоявшееся в венгероязычной эмигрантской литературе. Известный военный историк П. Гостони в своей обобщающей работе по истории венгерской революции не избежал идеализации некоторых действующих лиц, в частности генерала П. Малетера, которого хорошо знал лично: *Gosztonyi P.* 1956. A magyar forradalom története. München, 1981.

Из изданий начала 1980-х годов см. также сборники статей: 1956. A befejezetlen forradalom. Tanulmányok. Zürich, 1982; Magyarország 1956 (Magyar Füzetek, № 9–10). Parizs, 1981 / Szerk. Kende P.; Magyarország 1956. Calgary, 1982. Из работ по военной истории см.: *Király B.* Az első háború szocialista országok között. Személyes visszaemlékezések az 1956-os magyar forradalomra. New York, 1981 (книга тяготеет к мемуарному жанру); *Oltványi L.* Harcok Del-Budapestén 1956. München, 1981

⁹³ *Gati Ch.* Hungary and the Soviet Bloc. Durham, 1986.

«изнанкой огромной мощи тоталитарного режима является его совершенно исключительная по масштабам уязвимость»⁹⁴.

Изучение советской политики в отношении Венгрии, проводимой в условиях кризиса осени 1956 года и в последующие годы, все более входит в контекст активизировавшихся на Западе к исходу холодной войны исследований по ее истории. Причем к проблемам Венгрии 1956 года широко обращаются не только историки, но и политологи (советологи, «кремлинологи»), которых интересовали, прежде всего, процесс и механизмы принятия важнейших решений, а те или иные политические деятели, включая Имре Надя, рассматривались в первую очередь с точки зрения их отношения к советским, венгерским, международным институтам принятия определенных решений⁹⁵, таким, как ООН. В ходе дискуссий о сути венгерских событий 1956 года большая часть авторов определяла их как революцию, мотивируя это тем, что в течение считанных дней произошел фактически полный распад действующих и началось формирование новых институций в мас-

⁹⁴ Мост. Будапешт, 1992. № 1–2. С. 58.

⁹⁵ *Rice C., Fry F.* The Hungarian Crisis of 1956: The Soviet Decision // *Superpowers and Revolutions* / Ed. by J. R. Adelman. New York, 1986; *Schöppflin G.* Leadership Options and the Hungarian Revolution // *The First War between Socialist States: The Hungarian Revolution of 1956 and Its Impact* / Ed. by B. Király, B. Lotze, N. Dreisziger. Boulder (Colorado) etc., 1984. Вышеупомянутый сборник «Первая война между социалистическими государствами», подготовленный Колумбийским университетом и Бруклин-колледжем и вышедший в известной серии «East European Monographs», стал одним из наиболее значительных продуктов историографии 1980-х годов по своей теме. Вместе с тем необходимо заметить, что предложенная генералом Б. Кираем трактовка событий осени 1956 года как «первой войны между социалистическими государствами» впоследствии неоднократно опровергалась в литературе. См., например: *Исламов Т. М.* Венгерское восстание 1956 года в отечественной историографии // *Вопросы истории*, 1997. № 11.

Осенью 1986 года вышел специальный выпуск международного издания «Problems of Communism», посвященный венгерским событиям 1956 года и собравший под своей крышей немало авторитетных экспертов — историков и политологов. Статьи Б. Кирая, Ч. Гати и некоторых других известных специалистов публиковались в 1986 году и на русском языке, в юбилейных выпусках журналов «Проблемы Восточной Европы» (Нью-Йорк), «Страна и мир» (Мюнхен).

В рамках исследований по истории холодной войны выходят также работы, посвященные выявлению взаимосвязей между венгерским и суэцким кризисами 1956 года. См.: *Reid E.* Hungary and Suez. A View from New Delhi. Oakville, 1986.

штабах всей страны⁹⁶. В связи с этим важно, однако, заметить, что в англоязычных изданиях наиболее употребимым было и остается слово «revolt», в сравнении со словом «revolution» несколько снижающее масштаб революционного действия, не позволяющее поставить венгерские события на одну доску, к примеру, с Великой Французской революцией 1789–1794 годов или некоторыми другими событиями, ознаменовавшими собой смену вех в истории европейской цивилизации, — речь идет и о российской революции 1917 года. Предметом споров, особенно в эмигрантской среде, становится также вопрос о том, можно ли было избежать в Венгрии осенью 1956 года столь острого развития событий, как это удалось, в частности, тогда же в Польше⁹⁷. Ответ на него мог быть дан только на основе глубокого сравнительно-исторического анализа процессов, происходивших в разных странах Восточной Европы после смерти Сталина⁹⁸.

Главные проекты середины 1980-х годов в области изучения венгерской революции были реализованы эмигрантами 1956 года: М. Мольнаром, П. Кенде и др. Была составлена хронология событий, подготовлены обобщающие труды о внутривнутриполитических предпосылках революции, ходе ее развития, последствиях (в том числе долгосрочных); предметом специальных исследований впервые становится также отклик венгерских меньшинств в соседних странах на происходившее в самой Венгрии⁹⁹. Эти работы стали итогом 30-летних исследований на основе того ограниченного круга источников, которые были доступны западным историкам: официальные документы, пресса, интервью, мемуары. Для того чтобы сделать качественно новый шаг, предпринять настоящий прорыв

.....
⁹⁶ Кирай Б. Вооруженные силы и рабочий класс // Проблемы Восточной Европы. Мюнхен, 1986. № 15–16.

⁹⁷ Elkerülhető volt-e 56? // Harminc év / Szerk. Kende P. Parizs, 1986.

⁹⁸ Kaplan K. The Overcoming of the Regime Crisis after Stalin's Death in Czechoslovakia, Poland and Hungary. 1953–1956. München, 1986.

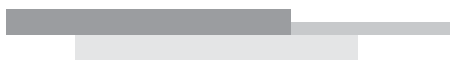
⁹⁹ Harminc év. 1956–1986 / Szerk. Balla B. Bern, Európai Protestáns Magyar Szabadegyletem, 1986; A forradalom előzményei, alakulása és utóélete. Tanulmányok és kronológia. Paris – New Jersey, 1987 (серия: Magyar Füzetek).

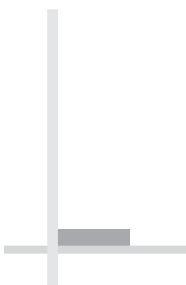
в изучении венгерских событий 1956 года и в том числе их международного аспекта, необходимо было ввести в научный оборот большой корпус документов, вплоть до 1989–1991 годов хранившихся в венгерских и советских архивах за семью печатями. Решение этой задачи было немыслимо без соответствующих политических предпосылок, которые сложились на рубеже 1980–1990-х. Однако это уже предмет другого историографического исследования.

По замкнутому кругу
О некоторых веяниях
современной российской
историографии
в трактовке роли
Запада в венгерском
кризисе 1956 года

Заметки на полях одного
несовершенного издания

О некоторых существенных тенденциях последних лет в отражении российским историческим сознанием роли Запада в восточноевропейских кризисах времен холодной войны дает представление документальное научное издание, посвященное деятельности советских спецслужб в условиях венгерского кризиса 1956 года и их противостоянию западным спецслужбам¹. Для того чтобы выявить реальное место этого издания в отечественной историографии холодной войны, необходимо проанализировать его в более широком историографическом контексте.

В рассматриваемый сборник, весьма показательный для характеристики целого направления в современной российской историографии холодной войны, включено более 150 документов из Центрального архива ФСБ, РГНИ, РГВА, раскрывающих деятельность советских силовых структур в условиях венгерского кризиса осени 1956 года. Большинство представленных документов впервые вводится в научный оборот. Исключение составляют, прежде всего, донесения министра обороны СССР Г. К. Жукова и председателя КГБ И. А. Серова из Будапешта в ЦК КПСС, публиковавшиеся ранее². Правда, у компетентного читателя складывается впечатление,

1 Зданович А. А. и др. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009.

2 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998.

что некоторые из ранее не опубликованных документов все же использовались в 1950-е годы при выполнении определенных политико-идеологических заказов — фабрикация судебного дела Имре Надя (премьер-министра Венгрии, казненного в 1958 году по обвинению в государственной измене и оправданного Верховным судом Венгрии в 1989 году), подготовке ряда пропагандистских публикаций, призванных разоблачать деятельность западных спецслужб в Венгрии, а также выступлений советских и венгерских представителей с трибуны ООН при обсуждении доклада специальной комиссии, изучавшей ситуацию в Венгрии после советского военного вмешательства.

Представленные в сборнике донесения в центр по линии КГБ (в том числе документы особых отделов при частях Советской Армии), а также МВД, министерства обороны, комитета информации при МИД СССР, посольства СССР в Венгрии заполняют существенные лакуны в нашем знании о некоторых аспектах венгерского кризиса, поскольку дают представление о тех конкретных задачах, которые ставились перед советскими спецслужбами в Венгрии в дни «наведения порядка» в ноябре-декабре 1956 года, после решающей советской военной акции 4 ноября и силового приведения к власти нового, абсолютно лояльного руководству СССР правительства во главе с Яношем Кадаром, на смену утратившему контроль над обстановкой, а главное, вышедшему из повиновения Москвы правительству Имре Надя. Как выясняется из документов, структуры КГБ и МВД занимались в Венгрии разоружением бойцов повстанческих отрядов, выступивших в конце октября против венгерского коммунистического режима и ввода в Будапешт советских войск для пресечения беспорядков. В их функции входили также охрана объектов, патрулирование и поддержание комендантского часа, сбор оружия у населения (все оружейные склады в стране были фактически опустошены, а число разоруженных спецслужбами людей превысило 3 тыс. человек), ликвидация подпольных типографий. Подразделение МВД СССР осуществляло задержание и арест оппозиционно настроенных лиц, в том числе задержание свергнутого премьер-министра Имре Надя и его соратников при выходе 21 ноября из югославского посольства, где те нашли

убежище 4 ноября, и последующую незаконную переправку их в Румынию — в одном из документов дается подробное описание важных этапов этой акции, правда, без необходимых комментариев. Советские спецслужбы были причастны и к разгону оппозиционных демонстраций, а также всевенгерского съезда рабочих советов, на котором могло быть провозглашено создание альтернативной правительству Кадара общегосударственной структуры. Вплоть до конца ноября, в условиях крайней непопулярности нового правительства, массового саботажа венгерским обществом всех его постановлений и явной слабости венгерских силовых структур, преданных новой власти, на плечи советских спецслужбистов вообще ложилась главная нагрузка в деле нейтрализации любой оппозиционной активности. Существенна роль советников из КГБ и в восстановлении венгерских спецслужб после событий 1956 года.

Публикуемые документы раскрывают довольно сильные антисоветские настроения в венгерском обществе, в массе своей не принявшем силового вмешательства извне в целях разрешения глубокого внутривластного кризиса (само пребывание советского воинского контингента на территории Венгрии после вступления в силу в 1955 году государственного договора о восстановлении полного суверенитета Австрии воспринималось как нелегитимное). В одной из докладных записок, относящихся к ноябрю, откровенно признается, что «большинство населения продолжает относиться к советским войскам недружелюбно и даже враждебно»³. Это касалось и основной массы пролетариата, и военнослужащих Венгерской Народной армии, которая не только не могла быть надежным союзником советских войск при ликвидации вооруженного сопротивления повстанцев, но фактически распалась, многие солдаты и офицеры армии, как и сотрудники полиции, выступали с оружием в руках в повстанческих отрядах либо участвовали в других акциях сопротивления внешней силе. Полицейских нередко приходилось разоружать, а из отделений полиции изымать оружие. Донесения сотрудни-

.....
³ Зданович А. А. и др. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 224.

ков КГБ не только раскрывают многообразие форм сопротивления общества новой власти, но и свидетельствуют о тех трениях, которые возникали в ноябре 1956 года между советским военным командованием и структурами госбезопасности, с одной стороны, и представителями венгерских властей в центре и на местах, с другой. Не желая выглядеть в глазах широкого общественного мнения в роли коллаборационистов, чиновники разных госучреждений, функционеры местных советов, начальники отделений полиции и т. д. занимали, как правило, более умеренную позицию в отношении противников режима, иногда напрямую саботируя и бойкотируя жесткие меры по нейтрализации оппозиции (жалобы на отсутствие твердого руководства с венгерской стороны — общее место в донесениях сотрудников КГБ СССР в центр). Со всей остротой стояла на протяжении не одного месяца и проблема лояльности правительству Кадара сотрудников венгерских силовых структур.

С особым интересом читаются документы, свидетельствующие о неоднозначных настроениях советских солдат и офицеров, участвовавших в новой «венгерской кампании». Их глубокий, обстоятельный анализ должен стать предметом самостоятельной статьи.

Документы предваряются большой по объему вступительной статьей. Ее концепцию и задачи, поставленные авторами перед собой, в определенной мере раскрывает само название: «Инспирированная революция (западные спецслужбы в венгерских событиях 1956 года)». Авторы (кстати сказать, не указанные) не считали нужным выявлять и анализировать внутренние истоки венгерского кризиса, очевидно, будучи уверенными в том, что драматические события «будапештской осени» были всецело инспирированы извне западными спецслужбами (а также Ватиканом), преследовавшими свои подрывные цели. А потому, по их мнению, оправдан и вполне самодостаточен такой ракурс рассмотрения венгерского кризиса, при котором он представляется лишь важным эпизодом в противоборстве спецслужб в условиях холодной войны, и не более того. Эта установка нашла отражение не только во вступительной статье, но и в хронологии событий, где содер-

жится подробная информация прежде всего об американских директивах, связанных с деятельностью спецслужб, о том, как планировались и осуществлялись отдельные акции.

Принципиальная позиция коллектива составителей заявлена как в резюме, так и уже в первых строках книги: речь идет о «тщательно спланированной и скоординированной экспансии западных спецслужб против ВНР», рассматривавшейся ими как «слабое звено» в стратегической парадигме советского блока⁴. Более того, венгерские события 1956 года явились якобы одной из первых в истории «цветных» («оранжевых» и т. д.) революций, организованных спецслужбами США и западноевропейских стран во второй половине XX и начале XXI в⁵. За ними последовали другие антисоветские и антироссийские «диверсии» американских и прочих западных спецслужб — в Чехословакии в 1968 году, в Польше в 1980-е годы, в странах Восточной Европы в конце 1980-х годов, а затем, уже после распада СССР, в бывших советских республиках — на Украине, в Грузии, Молдавии и т. д. Венгерские события 1956 года и украинская «оранжевая» революция 2004 года рассматриваются, таким образом, как звенья одной цепи.

По мнению составителей книги, «трагический финал венгерских событий 1956 года не наступил до настоящего времени», отголоски его, в частности, были слышны в протестных лозунгах людей, стоявших осенью 2006 года, в дни 50-летия тех драматических событий, перед национальным парламентом. «Задают ли молодые венгры себе вопрос: что приобрела их страна, обратившись к холодно-расчетливому миру Запада, и что потеряла, порвав почти все прежние связи с Россией?», — вопрошают авторы вступительной статьи⁶. Строки, писавшиеся, кстати говоря, еще в период пребывания у власти в Венгрии до выборов весны 2010 года социалистического правительства, для которого тесные экономические связи с Россией были одним из краеугольных камней внешнеполитической концепции.

.....
4 Там же. С. 2.

5 Там же. С. 3.

6 Там же. С. 62.

Действительно, организаторы ряда уличных политических митингов 2006 года настойчиво пытались актуализировать в историческом сознании венгерской нации память о событиях 1956 года, возродить некоторые символы «будапештской осени», вызвать к жизни «духи прошлого». Так, в некоторых массовых действиях тех недель, свидетелем которых был и автор этих строк, открыто имитировались и даже цитировались конкретные формы и проявления массового движения 1956 года, подобно тому как осенью 1956 года молодежь следовала традициям 1848 года, что проявилось тогда и в выборе маршрутов шествий, и в специфической форме изложения требований в прокламациях из 12–16 пунктов. В 2006 году основные митинги проходили в эпицентрах наиболее бурных событий 50-летней давности. Толпа, как и в 1956 году, размахивала национальными флагами с дырой посередине — на месте зияющей дыры после 1949 года красовался герб ВНР. Все это содержало в себе ярко выраженные элементы карнавальности и бутафории. Достаточно сказать об извлеченном из музейных запасников и заведенном, «рычащем» советском танке, призванном, по мнению политиков новой генерации, символизировать преемственность в событиях. Игра на параллелях между происходившим осенью 1956 года и осенью 2006 года проявилась во многих митинговых речах. В который уже раз политики, зачистившиеся уже после 1956 года, апеллировали к наследию «будапештской осени» для того, чтобы скомпрометировать своих же сверстников в глазах потенциальных избирателей. Между тем кардинальное различие событий 1956 и 2006 годов особенно четко проступало при сопоставлении их внешнеполитических аспектов. Это хорошо понимали и венгерские правые, склонные к националистической риторике. Ведь в отличие от осени 1956 года теперь уже не было ни малейших оснований говорить хотя бы о минимальном российском вмешательстве во внутренние дела суверенного государства, о стоящих на повестке дня задачах национально-освободительного характера. В силу этого любые попытки проведения параллелей носили заведомо фарсовый характер. Молодежь, митинговавшая осенью 2006 года у стен парламента, адресовала свои конкретные претензии отнюдь не Москве,

а своим собственным властям, не сумевшим справиться с экономическими проблемами. Совершенно некорректной и недобросовестной представляется и попытка составителей рецензируемого труда «сыграть» на параллелях.

Большое внимание во вступительной статье уделяется подробному описанию планов и конкретных действий ЦРУ в отношении СССР и его восточноевропейских союзников с конца 1940-х годов. Цитируемые американские директивы свидетельствуют о том, что в Вашингтоне отдавали несомненное предпочтение мирным средствам достижения своих внешнеполитических целей в Восточной Европе и, кроме того, осознавали, что вопреки всем наступательным декларациям, соответствовавшим доктрине «освобождения» администрации Д. Эйзенхауэра, реальные возможности воздействовать на ситуацию в стране, относящейся, согласно ялтинско-потсдамским договоренностям, к советской сфере влияния, были весьма ограничены. Тем не менее задачи ослабления советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, поощрения национального коммунизма, «титоизации» коммунистических режимов и т. д. неизменно считались актуальными, на их решение были мобилизованы разнообразные средства поощрения оппозиции, психологического давления на общество, бойкот экономических связей и т. д. Вопрос, однако, заключается в том, насколько эффективны были все эти средства в принципе и какую роль они сыграли в конкретных условиях такого глубокого внутривнутриполитического кризиса как венгерский осени 1956 года. Полноценный ответ на него невозможен, на наш взгляд, без обращения не только к внешним, но и к внутренним факторам.

Не уделяя сколько-нибудь значительного внимания анализу социально-экономического положения в Венгрии, политики правящей партии, настроений в обществе, авторы вступительной статьи последовательно и при этом бездоказательно проводят версию о венгерских событиях 1956 года как о «контрреволюционном путче», организованном остатками внутренней реакции при опоре на помощь Запада. Само восстание 23 октября явилось якобы результатом хорошо спланированного заговора, нити руководства которым тянулись за рубеж. Занимавшая

монопольное положение в работах, изданных в СССР вплоть до 1988–1989 годов, эта версия была в дальнейшем признана научно несостоятельной и отброшена российской историографией, прежде всего вследствие глубокого изучения большого количества документов, введенных в оборот в 1990-е годы⁷. Составителями рецензируемого сборника документов, судя по вступительной статье, она открыто реанимируется. Ссылки на новейшую литературу носят зачастую формальный характер, историографические достижения последних двух десятилетий игнорируются, в ряде случаев информация некритически берется из работ первой половины 1980-х годов венгерского партийного функционера Я. Береца, выполнявшего политический заказ по разоблачению «контрреволюции» 1956 года, а в 1989 году признавшего свою «необъективность». Это касается данных как о масштабах террора в Венгрии в дни октябрьских событий, так и о деятельности западных спецслужб. Круг конкретных персоналий, олицетворяющих собой западное вмешательство в венгерские дела, за неимением достоверных данных по-прежнему весьма узок, некоторые из них: британский военный атташе Каули или приехавший в Венгрию депутат бундестага ФРГ герцог фон Левенштайн — фигурировали еще в обвинительном деле Имре Надя.

Важно при этом заметить, что данный труд воспринимается как составная часть более широкого проекта, призванного выполнить определенные политические задачи: разоблачить на большом историческом материале непрекращающуюся подрывную антироссийскую деятельность западных, прежде всего американских спецслужб⁸. Если факты не всегда вписываются в концепцию, тем хуже для фактов?

Непредвзятый читатель не может не обратить внимания на противоречие между концепцией, последовательно проводимой

.....
 7 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998.

8 Зданович А. А. и др. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. Сост. М., 2010. См. также критический отклик на эту книгу: Мурашко Г. П. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: размышляя над книгой... // Славяноведение, 2012. № 1.

во вступительной статье, и содержанием публикуемых документов, по прочтении которых складывается более сложная, неоднозначная, а иногда и совсем иная картина происходившего. Так, из документов явствует, что, вопреки версии о заговоре, пик активности американских спецслужб в Венгрии пришелся отнюдь не на дни, предшествовавшие восстанию 23 октября, а на более позднее время, уже после 4 ноября, когда в условиях присутствия гораздо большего количества советских войск было еще труднее повлиять на ситуацию. При этом реальные масштабы шпионажа и всякого рода подрывной деятельности, проводимой извне, были и в это время явно не велики — в разных донесениях приводятся цифры от 6 до 12 разоблаченных агентов. Многие подозрения относительно «шпионской» работы тех или иных лиц (сотрудников Международного Красного Креста, приехавших в Венгрию с гуманитарными целями; западных дипломатов и журналистов; перебежчиков из Австрии; а также венгерских граждан), их сотрудничества со спецслужбами основывались на предположениях, вовсе не доказанных. И это при всем вполне понятном желании офицеров КГБ показать вышестоящему начальству свою эффективную деятельность по разоблачению вражеской агентуры. Многие из задержанных, как явствует из документов, в том числе иностранные подданные, были вскоре освобождены за неимением доказательств их враждебной деятельности. Наиболее правдоподобными выглядят свидетельства о сборе информации относительно дислокации советских воинских частей в Западной Венгрии в ноябре 1956 года: в Австрии проявляли обеспокоенность, не перейдут ли советские войска границы под тем или иным предлогом, хотя бы в «погоне» за беженцами — в задачи советских спецслужб входило среди прочего противодействие массовому исходу венгров в Австрию, они активно участвовали в осуществлении пограничного контроля⁹. Стремясь к получению разносторонней информации о положении в Венгрии, западные спецслужбы делали главный упор на .....

⁹ Стыкалин А. С. К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество. 1956–1957. // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII – XX вв. Отв. редактор Т. А. Покивайлова. СПб., 2011. С. 273–322.

работу именно с беженцами — на территории Австрии, в лагерях для беженцев. Нельзя, впрочем, отрицать и большого интереса западных военных атташе в самой Венгрии к новой советской военной технике.

Вообще случаи задержки лиц, перебежавших в Венгрию из Австрии, были немногочисленными¹⁰, даже радикально настроенные представители венгерской антикоммунистической эмиграции не торопились на родину, ожидая более решительной помощи Запада «венгерскому делу». Австрийское же правительство проявляло немалую осторожность: венгерские события стали для него пробным камнем политики нейтралитета в соответствии с духом и буквой государственного договора об Австрии 1955 года. Когда бывший премьер-министр Венгрии (в 1946–1947 годах) Ференц Надь приехал в дни событий в Вену, его попросили побыстрее покинуть страну во избежание кризисов. Не очень поощрялась с австрийской стороны и активность представителей радикальной русской эмигрантской организации НТС на венгерском направлении. Как довольно голословно отмечалось в одном из донесений, «фактически открытая австро-венгерская граница позволила проникновению в Венгрию большого количества реакционного элемента, хортистов и агентуры иностранных разведок»¹¹. Однако конкретные факты, приведенные в представленных документах, не дают никаких оснований говорить о массовом проникновении с Запада политически активных лиц, а также агентуры иностранных разведок, даже в условиях хаоса конца октября — начала ноября, когда граница в течение более двух недель действительно была фактически открытой с венгерской стороны. Приводимые в одном из отчетов, адресованных в центр в начале 1957 года, данные о том, что до начала ноября на самолетах Красного Креста было доставлено с Запада в Венгрию 500 путчистов, а через западные границы хлынули многочисленные вооруженные группы, в составе которых было около 4 тысяч (!) хортистских и

¹⁰ Зданович А. А. и др. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 218.

¹¹ Там же. С. 239.

жандармских офицеров¹² — плод откровенного мифотворчества, ни один из документов, рассматривающих конкретные факты, не подтверждает даже косвенным образом подобные масштабы активности западных спецслужб в Венгрии. Некритическое отношение составителей сборника к информации, содержащейся в некоторых публикуемых документах, отсутствие каких-либо комментариев на этот счет, сопоставления с другими источниками ставят под вопрос их профессиональную компетентность.

Утверждения об активной подрывной деятельности извне в канун восстания 23 октября выглядят в свете представленных документов особенно голословными. Факты хулиганского нападения на советских солдат, враждебности некоторых должностных лиц к гражданам СССР, антисоветская агитация свидетельствуют скорее об определенных настроениях в обществе, нежели о скоординированной подрывной деятельности. Западный след в подготовке восстания по документам не прослеживается.

Решение об осуществлении, начиная с 4 ноября, крупномасштабной военной акции по свержению действующего правительства И. Надя и приведению к власти нового правительства, принятое Президиумом ЦК КПСС 31 октября (надо сказать, после длительных колебаний¹³), расценивается как безусловно оптимальное: «кто знает, какой еще более страшный счет человеческим жертвам могла бы принести братоубийственная резня в Венгрии, не будь туда вовремя введена мощная, способная сдерживать буйные эксцессы военная сила?»¹⁴. Действительно, крайне жестокие эксцессы как в Будапеште, так и в провинции имели место в дни, предшествовавшие решающей советской акции. Достаточно напомнить о взбудоражившей всю мировую общественность кровавой драме у здания будапештского горкома партии 30 октября, когда жертвами насилия стали десятки человек. Как не без оснований писала 2 ноября одна из самых влиятельных за-

.....
¹² Там же. С. 391.

¹³ См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября 1956 года: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел III.

¹⁴ *Зданович А. А. и др.* Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 61.

падноевропейских газет, далекая от симпатий к коммунизму «Frankfurter allgemeine zeitung», охота на сотрудников госбезопасности превратилась в последние дни октября в «своего рода спорт». О правомерности такого сравнения свидетельствуют и некоторые документы, представленные в книге. На свободу было выпущено не только 3,5 тыс. политических заключенных, но не меньше, а, вероятно, даже больше уголовников, что придало происходившим в Будапеште событиям весьма своеобразную окраску и заставило через 12 лет пражских реформаторов 1968 года приложить все усилия для того, чтобы избежать развития событий по венгерскому варианту. Реальный, не мифологизированный опыт венгерских событий 1956 года (что правда, то правда) стал грозным предостережением для последующих поколений борцов с тоталитаризмом. При всем этом применительно к субботе 3 ноября, дню кануна решающей советской военной акции, можно, пожалуй, говорить о первых симптомах нормализации положения и консолидации, что подтверждает, на наш взгляд, правоту А. И. Микояна, который настойчиво и тщательно убеждал соратников по Президиуму ЦК КПСС не торопиться с силовым решением¹⁵.

Мнение о том, что вмешательством в Венгрии Советская Армия спасла мир во всем мире, предотвратив более крупную бойню, не ново. Оно вполне перекликается с тем, что говорил Н. С. Хрущев в начале января 1957 года в интервью корреспонденту итальянской газеты «Messaggero»¹⁶. В устах советского лидера это было, однако, не более чем пропагандистской риторикой, предназначенной на экспорт, ответом на требования западного сообщества (в том числе с трибуны ООН) обосновать правомерность совершенной акции. Неоднократно публиковавшиеся записи заседаний Президиума ЦК КПСС конца октября 1956 года показывают, что в момент принятия решения Хрущев более реально оценивал ситуацию: «большой войны не

15 См. запись заседания Президиума ЦК КПСС за 1 ноября 1956 года: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 494–495.

16 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 73.

будет»¹⁷. Отсутствие перспективы третьей мировой войны осенью 1956 года косвенно подтверждают и авторы вступительной статьи. Они не слишком далеки от истины, утверждая, что «никто из западных политиков и стратегов, раскручивая маховик подстрекательских речей и призывая венгерский народ к вооруженному восстанию против “власти Москвы”, вовсе не собирался “умирать за Венгрию”»¹⁸.

Поскольку позиции США и деятельности американских спецслужб в Венгрии и — шире — в Восточной Европе уделяется столь большое внимание, на этой теме стоит остановиться по-подробнее. Скажем сразу: несогласие с априорной установкой на демонизацию роли западных спецслужб в венгерских событиях отнюдь не исключает признания необходимости жестко критиковать политику США в конкретно-исторических условиях венгерского кризиса 1956 года. В последние десятилетия и в самих США, и за их пределами немало сделано для ее критического изучения. Хотелось бы особенно выделить книгу венгерского эмигранта волны 1956 года, известного эксперта-политолога по восточноевропейским делам в истеблишменте демократической партии США Чарльза Гати¹⁹, убедительно показывающего, что эта политика не отличалась продуманностью и дальновидностью. Концепция «освобождения», лежавшая в основе восточноевропейской политики США с 1953 года, носила в целом декларативно-пропагандистский характер и мало соответствовала долгосрочным американским интересам в Европе. И это независимо от того, в какой мере стоял за ней необоснованный оптимизм в отношении возможностей потеснить «мировой коммунизм» с завоеванных позиций. Освободительная риторика американской пропаганды приносила вред уже тем, что только ужесточала внутреннюю политику коммунистических

17 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 480.

18 Зданович А. А. и др. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 61.

19 Гати Чарльз. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006. См. также нашу рецензию на эту книгу: Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Вып. 56. М., 2007. № 6. С. 295–299.

режимов Восточной Европы, заставляя спецслужбы повсюду выискивать американских агентов, и ухудшала жизненный уровень населения, поскольку способствовала увеличению затрат на вооружение. Кроме того, наступательная риторика не сопровождалась созданием по-настоящему эффективных структур для осуществления разведывательной деятельности: конкретные неудачи американской политики в отношении Венгрии Гати склонен объяснять не только концептуальными пороками (изъянами доктрины «освобождения», впоследствии пересмотренной), но и элементарной нехваткой квалифицированных экспертов-страноведов, в том числе эффективно работающей агентуры ЦРУ в самой Венгрии. Слабость и даже сознательное лицемерие политики команды Эйзенхауэра проявились не только в отсутствии продуманных действий на фоне шумной риторики «освобождения» (для расшифровки аббревиатуры НАТО автор предложил свою, не лишенную остроумия формулу: *No Action, Talk Only* — нет действия, только разговоры), но и в противоречии между декларируемыми решениями и неспособностью или нежеланием проводить их в жизнь.

Заверив в дни венгерского кризиса Москву по дипломатическим каналам в отсутствии интересов США в регионе, всецело относящемся к советской сфере влияния, Вашингтон вопреки всей своей предшествующей «освободительной» риторике молчаливо согласился с существующим порядком вещей, понимая, что СССР не «отпустит» страну, граничащую с нейтральной, но прозападной Австрией и независимой, хотя и коммунистической Югославией. В то же время США ни разу не призвали повстанцев к сдержанности, что в тех условиях было бы единственно правильным решением. Вместо того чтобы выступить с конструктивными дипломатическими инициативами (например, с рекомендацией о поездке в Будапешт генсека ООН или с предложением обсудить вопрос об обоюдном сокращении вооруженных сил в Европе или ликвидации некоторых американских военных баз в обмен на вывод советских войск из Венгрии), госдепартамент позволил радиостанции «Свободная Европа» пропагандировать заведомо невыполнимые задачи. Декларируя во всеуслышание намерение заставить коммунистов отступить,

в осуществление которого оно и само едва ли верило, правительство США ввело в заблуждение весь мир. Главными же жертвами безответственной политики оказались молодые венгры. Поощряя и подогревая с помощью пропаганды их максималистские требования, администрация Д. Эйзенхауэра, отчасти под влиянием «ястребов», имевшихся в Пентагоне и настаивавших на более решительных действиях против СССР, манипулировала их страданиями, сделав венгерских повстанцев пешками в великой «шахматной партии», по известной метафоре Г. Киссинджера.

Таким образом, американские спецслужбы в ходе венгерских событий оказались не на высоте прежде всего в профессиональном отношении. Они недостаточно глубоко знали внутривнутриполитическую ситуацию в стране и тем самым явно недооценили возможности открытых выступлений оппозиции, оказались к ним неподготовлены, в определенной мере даже «проморгали» начало событий и только в последующие недели, уже в ноябре, стали ускоренно наверстывать упущенное, несколько активизировав в узких пределах возможного агентурную работу, усилия по налаживанию связей с оппозицией. Венгерское восстание высветило слабости в работе ЦРУ и ряда других американских структур на восточноевропейском направлении. Внимательное же прочтение представленных в сборнике документов, в которых есть хоть какие-то упоминания об агентурной деятельности западных спецслужб, скорее подтверждает (очевидно, вопреки желанию составителей книги) правоту построений Гати, нежели версии о «контрреволюционном путче», инспирированном извне.

Работа над научным аппаратом книги и археографическим описанием публикуемых документов выполнена не только не профессионально, но и крайне недобросовестно. Нет, как правило, ссылок на первые публикации тех документов, которые давно введены в научный оборот, а в данном издании опубликованы повторно. Очень много неточностей в биографических справках, иногда, например, к числу осужденных после 1956 года в самой Венгрии отнесены люди на самом деле эмигрировавшие, как, например, видная деятельница венгерской социал-демократии Анна Кетли — министр в коалиционном ка-

бинете Имре Надя. Она выехала в начале ноября в Вену для участия в сессии Социнтерна и там застала ее советская военная акция 4 ноября. Оставшись в эмиграции, Кетли позиционировала себя в качестве члена незаконно свергнутого венгерского правительства. Неправильно транскрибируются венгерские имена, фамилии, географические названия, составители, не владеющие венгерским языком и источниками на этом языке, некритически переносили в свой труд те или иные сведения из материалов КГБ середины 1950-х годов, не удосужившись перепроверить. Комментарии к документам почти отсутствуют, что противоречит элементарным принципам публикации источников. Соответственно не обращено внимание на явные неточности, встречающиеся в документах. Так, процесс по делу Ласло Райка состоялся в 1949 году, в условиях разгоравшегося советско-югославского конфликта, а не в 1946 году, видный же деятель радикального крыла венгерской оппозиции осени 1956 года Й. Дудаш к делу Райка не имел отношения.

Во вступительной статье и биографических справках доминирует черно-белый подход, иногда огульно осуждаются как враги коммунистического режима люди, занимавшие весьма неоднозначную политическую позицию. Зачастую не проводится должного водораздела между различными идейно-политическими течениями, представленными в событиях; все политически активные лица, не поддерживавшие так или иначе советскую военную акцию, безразборно оказываются в одном «контрреволюционном» лагере. Среди них и влиятельный деятель левого крыла партии мелких хозяев З. Тилди, президент Венгрии в 1946–1948 годах. Его партия, формально сохранявшаяся, кстати сказать, и после 1948 года, будучи однозначно антифашистской с момента своего основания, в одном из документов (как и социал-демократы) отнесена к фашистским²⁰. Оставить это место без комментариев — не просто научный промах, но определенная политическая позиция. Таким же образом с легкой руки составителей книги в роли «опасного го-

20 А.А. Зданович и др. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 81.

сударственного преступника» оказался и один из крупнейших философов-марксистов XX века многократно издававшийся в СССР и постсоветской России Дердь Лукач, задержанный при попытке выйти из югославского посольства 18 ноября, «благодаря высокой бдительности» сотрудников МВД, вместе с еще двумя «опасными преступниками» — бывшим первым секретарем венгерской компартии З. Санто и ветераном венгерской компартии З. Вашем, около 15 лет проведенным в хортистской тюрьме, по большей части вместе с будущим лидером венгерской компартии М. Ракоши²¹.

Вообще же некоторые штампы в гэбистских донесениях 1950-х годов (когда хортистами, к примеру, называли всех оппонентов существующего режима независимо от их убеждений) оказались настолько живучими, что повлияли, как нам представляется, и на составителей биографического справочника. Впрочем, одномерность мышления, заикленность на постоянной западной угрозе (куда более естественные в 1950-е годы, в условиях холодной войны, нежели сегодня) не мешали составителям некоторых донесений довольно адекватно оценивать дефицит народной поддержки действующего правительства, влияние общественного мнения на поведение тех или иных функционеров.

Ошибки касаются не только венгерских реалий, но и деятельности советских структур, что вызывает удивление. Так, комитет информации при МИД СССР не был ликвидирован, как утверждается, в 1954 году, а функционировал до 1958 года, что прослеживается и из публикуемых документов.

Иногда в биографических справках можно прочесть явный вздор, например о том, что непримиримый противник коммунизма кардинал Миндсенти в условиях советского военного присутствия мог руководить действиями восставших из американского посольства, в котором укрылся на рассвете 4 ноября²². Эта и некоторые другие подобные глупости тиражируются в ши-

.....
²¹ Там же. С. 347.

²² О его деятельности в 1956 году см: *Стыкалин А. С.* Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.

роком общественно-научном сознании — тираж книги велик по меркам сегодняшней научной литературы (2000 экз.), он вдвое превышает тираж упомянутого фундаментального издания «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года». Кроме того, в отличие от названного издания, рецензируемый сборник издан при финансовом содействии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, что наводит на грустные размышления о целях выполненного политико-идеологического заказа. Особенно, когда дело касается оценок во вступительной статье внешней политики СССР начиная с 1953 года. Меры, принятые руководством СССР после смерти Сталина и направленные на некоторое смягчение международной напряженности, расцениваются однозначно негативно, как ослабляющие безопасность СССР, предпочтение отдается курсу на конфронтацию с Западом. Особое сожаление выражено по поводу увольнения в 1954–1955 годах из органов нескольких тысяч сотрудников ГБ, в том числе «стоявших у истоков спецслужб послевоенного времени восточноевропейских государств»²³. Можно вспомнить в этой связи генерала М. И. Белкина, главного советника при инсценировке осенью 1949 года процесса по делу Ласло Райка, имевшего большое международное значение: по итогам этого процесса антиюгославская кампания, инициированная Сталиным в 1948 году, взошла на новый виток, Югославия объявлялась страной, находившейся во власти уже не просто националистов и ревизионистов, но шпионов и убийц. Деятельность М. Белкина и его коллег в Будапеште в 1949 году дала в то время определенные основания одному из лидеров югославской компартии М. Пьяде публично назвать сталинский СССР страной, экспортирующей виселицы в государства своей сферы влияния. Вся рецензируемая книга, вступительная статья, комментарии к ней, биографические справки не только пронизаны апологетикой конфронтационного подхода во внешней политике. Стремление защитить честь своего мундира приводит составителей в лучшем случае к замалчиванию, а в худшем к циничной апологе-

.....
²³ Зданович А. А. и др. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 36.

тике преступлений, совершенных при Сталине и осужденных на XX съезде КПСС. Фактическая солидаризация с этой позицией в 2009 году федеральной структуры — Агентства по печати и массовым коммуникациям, вызывает у непредвзятого читателя вполне естественные вопросы.

Выход в свет рецензируемой книги не случаен, отражая наметившуюся в последние годы определенную тенденцию, связанную с ревизией некоторых принципиальных оценок, утвердившихся в нашей литературе с конца 1980-х годов. В декабре 1989 года Политбюро ЦК КПСС официально признало необоснованность и ошибочность вступления войск пяти стран-участниц Организации Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 года. В 1989–1990 годах подверглась критической переоценке и советская политика в Венгрии в 1956 году, в ноябре 1992 года первый президент России Б. Н. Ельцин при посещении Будапешта говорил с трибуны венгерского парламента о неправомерности советского военного вмешательства во внутренние дела Венгрии в трагические дни «будапештской осени». Однако, судя по отклику некоторых российских СМИ на отмечавшееся в августе 2008 года 40-летие ввода войск ряда стран-членов ОВД в Чехословакию (особенно показательна публикация сотрудника ИНИОНа РАН А. И. Фурсова в «Литературной газете»²⁴), начиная со второй половины 2008 года кое-чем была предпринята попытка апологетически пересмотреть отношение к отвергнутой М. С. Горбачевым и его окружением «доктрине Брежнева», к теории «ограниченного суверенитета» стран советской (российской) сферы влияния. За этим стоит апология права СССР, как и постсоветской России, на свободу рук в своей зоне безопасности, на широкое применение силовых методов во внешней политике. Распространенным аргументом в пользу правомерности силовой политики является ссылка на аналогичные действия США и НАТО в Югославии и на Ближнем Востоке. Эта позиция все более проявляется и в учебных пособиях по истории, что соответствует официальным установкам, нашедшим отражение в прессе. Как отмечалось в документе

.....
24 Литературная газета. 2008. № 32.

государственной комиссии, разрабатывавшей концепцию новых учебников по истории, в прежних учебниках «тенденциозно, в антипатриотическом ключе рассматривается участие Советского Союза в подавлении антикоммунистических выступлений в Венгрии и в Чехословакии в 1956 и 1968 гг.»²⁵. Последовательное претворение в жизнь выше обозначенной позиции ведет к отказу от любых моральных оценок при обращении к истории и налагает *veto* на сколько-нибудь критический подход к освещению нашего недавнего прошлого. Ведь «любая критика преступлений периода коммунизма отдает русофобией и играет на руку силам, ведущим подлую игру против России», утверждает в своей статье А. Фурсов²⁶. Отечественные историки, не склонные к безудержной апологетике советской внешней политики, становятся, по его мнению, орудиями в информационно-психологической войне, цель которой заключается в том, чтобы «выработать у русских разрушительные комплексы неполноценности и вины, нанести как можно более мощные психоудары (так в тексте — А. С.) по коллективному сознанию и коллективному бессознательному нации, загнать ее в психологически оборонительную позицию». Сторонниками указанной точки зрения последовательно ставится принципиальный знак равенства между антисоветским и антироссийским²⁷, что вступает в видимое противоречие не только с научным знанием, но и с обозначенной в феврале 2006 года при посещении Будапешта позицией президента России В. В. Путина, акцентировавшего внимание именно на нетождественности советской и российской политики: современная Россия, отмежевываясь от ошибок советской внешней политики, не несет ответственности за решения, принятые в венгерском вопросе осенью 1956 года. Таким образом, любое стремление к выявлению исторической правды о нашем прошлом чревато политическими обвинениями в русофобии; во избежание таких обвинений историки вынуждены не касаться

.....
²⁵ Новая газета. 2009. 6 июля.

²⁶ Литературная газета. 2008. № 32.

²⁷ Лактионова Н. Я. Исторические фальсификации как инструмент формирования новой государственной идентичности // Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. С. 151.

острых тем, возрождается прежний, табуированный подход к отечественной истории новейшего времени. Согласно предложенной некоторыми авторами логике, поскольку критика советской, в том числе сталинской внешней политики в ее конкретных проявлениях расценивается как антироссийский акт, задача «честных» российских историков сводится к апологии советского прошлого, внешней политики СССР и к разоблачению антироссийских происков Запада.

Среди форумов, на которых клеймятся потуги «либерализующих», «мазепствующих» и т. д. историков очернить внешнюю политику СССР, можно выделить конференции в приднестровском регионе Молдавии, организованные при участии влиятельных московских спонсоров. С их трибуны декларируется уверенность в непогрешимости советского руководства, в том числе эпохи Сталина, и в то же время иной раз остро критикуется современное российское руководство за пренебрежение военным образованием и военно-патриотическим воспитанием, закрытие военных академий и т. д.²⁸ Если обнародованные архивные документы противоречат схемам, монопольно претендующим на защиту российских интересов, они отвергаются сплеча. Так, события 1940 года, связанные с катынской трагедией, ассоциируются у сотрудницы ОМЭПИ Института экономики РАН Н. Я. Лактионовой лишь с «изоэренной геббельсовской пропагандой»²⁹, что является наиболее наглядным примером возвращения части российской академической исторической науки к стереотипам советской эпохи.

Возвращение к некоторым догмам советской историографии³⁰, мало способствующее повышению престижа отечествен-

28 См.: Там же. С. 146–156.

29 Там же. С. 151.

30 Когда подготовка настоящей книги к печати была фактически завершена, на прилавках московских магазинов появилось предпринятое журналистом А. Хинштейном сенсационное издание дневников И. А. Серова, председателя КГБ в 1950-е годы: *Серов И. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / под ред., с коммент. и прим. А. Хинштейна. М.: Просвещение, 2016. Подробный источниковедческий анализ опубликованных в ней материалов станет делом будущего. Пока же следует обратить внимание на обилие во вступительной заметке к разделу о Венгрии 1956 года (там же. С. 477–478) стереотипов,*

ной гуманитарной науки, вряд ли, однако, получит поддержку исследователей, которые привыкли основывать свои штудии не на идеологемах, а на выверенных архивных источниках. Они не собираются сдавать свои позиции, хотя и подвергаются обструкции определенной части коллег и голословным обвинениям в «антироссийскости». Показательно проведение в 2008–2010 годах новых международных конференций, публикация их материалов и выпуск ряда документальных сборников и исследований (в том числе выполненных методом «oral history»³¹), проливающих свет на разные стороны и аспекты восточноевропейских кризисов эпохи социализма³². Поиск исторической истины продолжается.

.....
 вполне перекликающихся по своей тональности с трактовками, предложенными в книге «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» (определение характера тех событий как первой «цветной революции»; ложный тезис о нелегальном переходе нескольких тысяч бывших хортистских офицеров из Австрии; явно фальсифицированная цифра о 800 казненных без суда и следствия за 17 дней беспорядков; при характеристике Бела Кирая говорится лишь о его службе в хортистской армии-пособнице вермахта, но совершенно не упоминается о том, что в момент ареста в 1951 году этот генерал Венгерской народной армии, выдвинувшийся на командные должности уже в условиях послевоенной «народной демократии», был при Ракоши начальником главной в стране военной академии).

³¹ Шинкарев Л. И. «Я это всё почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.

³² «Пражская весна» и международный кризис 1968 года М., 2010. Т. 1–2; 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). Сборник статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. М., 2010.

Заключение

 По итогам Второй мировой войны Венгрия вошла в советскую сферу влияния, что объективно ограничивало поле её внешнеполитических маневров и в немалой мере предопределяло судьбу страны вплоть до слома ялтинско-потсдамской системы международных отношений в 1989–1990 годах.

Во второй половине 1940-х годов даже некоторые далекие от идей коммунизма венгерские интеллектуалы полагали, что полномасштабное участие режима Хорти в агрессии нацистской Германии против СССР и в оккупации советской территории за многие сотни километров от самой Венгрии, решающая роль СССР в освобождении Венгрии от немецких оккупантов в 1944–1945 годах и понесенные при этом огромные, как минимум 140 тыс. человек, потери Красной Армии давали СССР право требовать от новых венгерских властей последовательного проведения внешней политики, учитывающей интересы безопасности СССР, и прежде всего твёрдых гарантий нейтралитета на случай новой антисоветской войны. «После того, как командующие немецкими частями вопреки всем нормам международного права отдали вопиющий приказ расстреливать советских парламентариев, а Красная Армия оказалась вынуждена выдавливать немцев пядь за пядью, из каждого дома, с каждого этажа, Советский Союз понес такой с военной точки зрения бессмысленный и в человеческом плане неоправданный

урон, что не приходится удивляться, почему его правительство, окончив бои и похоронив своих солдат в задунайской земле, железной рукой взялось за обустройство потерявшей рассудок страны — последнего и самого верного союзника Гитлера», — писал в 1947 году первый посол послевоенной Венгрии в СССР крупный историк-консерватор Дюла Секфю¹. В этих условиях, продолжает Секфю, меньше всего можно было ожидать от советских лидеров усилий, направленных на установление в Венгрии в корне им чуждой западноевропейской демократии в ее классической форме. По сути, Секфю (не просто убежденный консерватор, но в 1920-е годы один из влиятельных идеологов хортизма, позже, в 1930-е, перешедший на последовательно антифашистские позиции, не перестав при этом быть консерватором) затронул здесь более чем деликатный вопрос о праве СССР на формирование определенных, причем долгосрочных механизмов воздействия на внутрисполитическую жизнь Венгрии в интересах поддержки просоветских сил. В первую очередь речь может, разумеется, идти о поддержке прямых «агентов советского влияния», коммунистов, воспринимавших опыт СССР в качестве путеводной звезды для себя. Именно советская сторона имела решающий голос в Союзной контрольной комиссии по Венгрии, функционировавшей до 1947 года. С конца 1940-х годов получил развитие институт советников из СССР, работавших при государственных структурах, в том числе силовых и экономических. В качестве эффективных рычагов экономического давления выступали совместные компании в разных отраслях индустрии, транспорте, банковском деле. Сохранялось и прямое советское военное присутствие в Венгрии, хотя подписание в мае 1955 года договора о восстановлении независимой Австрии лишило его юридической основы, вплоть до заключения соответствующего советско-венгерского соглашения в мае 1957 года.

В полной мере признавая за СССР право на формирование пояса безопасности вдоль своих границ, следует в то же время

.....
¹ Секфю Дюла. После революции. М., 2011. С. 51.

подчеркнуть: установленная в Венгрии к концу 1940-х годов при прямой поддержке СССР однопартийная форма правления, ориентированная на современные советские, сталинские образцы, не была глубоко укоренена в венгерском обществе, воспринимаясь в широких массах как нечто чуждое, наносное, навязанное извне. Уничтожение в самом зародыше любой идейной, а тем более политической оппозиции, массовые и зачастую превентивные репрессии, осуществление коллективизации на селе по советским стандартам, непомерные затраты на военно-промышленный комплекс, сильно сказывавшиеся на уровне жизни граждан, — всё это подрывало социальную базу нового режима. Симптомы явного неблагополучия в экономике, грозившего привести к дестабилизации политического режима, не проходили мимо внимания Москвы. После смерти Сталина руководство КПСС проявило большую обеспокоенность ситуацией в Венгрии, настояв в ходе двусторонней встречи на высшем уровне в июне 1953 года на корректировке курса, смене приоритетов в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, замедлении темпов индустриализации. Правда, новое правительство во главе с Имре Надем, взявшее курс на слишком далеко идущие реформы, лишилось со временем поддержки Кремля и не удержалось у власти. Новые перспективы открылись перед Венгрией с XX съездом КПСС, состоявшимся в феврале 1956 года.

Осудив на XX съезде Сталина и провозгласив тезис о многообразии путей перехода к социализму, «коллективное руководство» КПСС поставило в непростое положение служивших верой и правдой официальной Москве лидеров зарубежных коммунистических партий, сразу же ставших объектами резкой критики в своих странах за апологетику бесчеловечной сталинской политики, следование несостоятельным советским образцам и моделям в предшествующие годы. В той или иной мере это коснулось и партийно-государственных руководителей стран советского блока, в которых к середине 1950-х годов со все большей отчетливостью обнажились кризисные явления в экономике, свидетельствуя о несбыточности заявленных программ форсированного построения социализ-

ма и настоятельно требуя корректировки курса. Видимый поворот в политике Москвы дал моральную опору сторонникам реформ. Исходившие от них призывы к переменам, оказавшись в известном созвучии с официально провозглашенной линией КПСС, обрели значительно больший вес в общественном мнении, стали в некоторых странах реальным фактором внутривластной жизни, с которым приходилось считаться властям.

Можно, наверно, согласиться с известным венгерским политиком и публицистом, первым президентом посткоммунистической Венгрии Арпадом Гёнцием, заметившим, что в отличие от СССР в странах Восточной Европы не успел сложиться миф о незыблемости существующей системы власти². Однако в разных странах Восточной Европы ситуация не была одинаковой. Наряду с Польшей симптомы глубокого системного кризиса существующего режима особенно отчетливо обозначились в середине 1950-х годов в Венгрии, именно этим двум странам суждено было сыграть и первопротекторскую роль в процессе десталинизации советской системы. Уже к весне-лету 1956 года здесь был накоплен определенный опыт борьбы за либерализацию коммунистического режима, реформаторские течения заметно окрепли и партийно-государственные руководства, оказавшись под массированным давлением снизу, начали постепенно сдавать свои позиции. С трибуны мартовского пленума ЦК ВПТ 1956 года М. Ракоши, стремясь оградить себя от обвинений в затягивании с реабилитацией жертв репрессий, сослался на мнение «чехословацких товарищей», которые перед этим в беседе с ним в кулуарах XX съезда упрекали венгерских лидеров в излишней торопливости с пересмотром судебных дел.

В отличие от соседней Чехословакии, в Венгрии и Польше соотношение сил на внутривластной арене поставило власти перед необходимостью компромисса с реформаторски настроенной оппозицией, зародившейся в недрах правящих партий, однако к осени 1956 года все более перераставшей уз-

2 Гёнци Арпад. Будапешт, 1956... // Новое время. М., 1991. № 35. С. 30.

копартийные рамки, становившейся выразителем насущных интересов и протестных настроений всего общества. При этом в Польше действующее партийное руководство уже к началу осени пошло на контакт и даже установило союз с внутрипартийной оппозицией, что привело к возвращению В. Гомулки на политический олимп. Во время бурных событий польского Октября 1956 года коммунистические лидеры страны сумели вовремя совершить решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов в диалоге с Москвой, что нейтрализовало наиболее радикалистские настроения в обществе, чрезвычайно чувствительном к неравноправию в польско-советских отношениях, предотвратило развитие событий по венгерскому варианту. Иным было положение в Венгрии, где власти, проявляя политическую близорукость, постоянно запоздывали с принятием эффективных политических и экономических мер, способных разрядить взрывоопасную обстановку. В свою очередь и внутрипартийная оппозиция, привыкшая действовать только в рамках правящей партии, не обладала должными рычагами влияния на охваченные чувством протеста массы, оказавшиеся без направляющей духовной силы. Это в полной мере проявилось в первые дни после мощнейшего, охватившего всю страну вооруженного восстания 23 октября.

«Будапештская осень» поразила наблюдателей во всем мире не только быстротой распада прежних властных структур, но и тем, насколько быстро их место заняли новые, спонтанно возникшие³. При всей значимости интеллигентской и студенческой составляющих, главной движущей силой революции, проявившейся и в повстанческом движении конца октября — начала ноября, и особенно в период функционирования в ноябре 1956 года независимых рабочих советов, в течение трех недель фактически выступавших в роли альтернативного органа власти, стал венгерский пролетариат. На арену

.....
³ Можно во многом согласиться с И. Бибо, писавшим о том, что «стремительное развертывание венгерской революции было вызвано не ее собственной безрассудностью, а упрямством государственного руководства и сил госбезопасности, не остановившихся перед кровопролитием». См.: *Бибо Иштван*. Положение в Венгрии и мировая обстановка // *Мост. Будапешт*, 1992. № 1–2. С. 30.

борьбы с коммунистической диктатурой выступил весомо, грубо и зримо реальный рабочий класс, к которому, по словам французского политолога Э. Морена, большинство коммунистических партаппаратчиков питало ненависть уже потому, что он «порочил» своими «неправильными» действиями тот идеальный рабочий класс, который должен всегда и при любых обстоятельствах всецело подчинить себя направляющей воле правящей компартии⁴. Вкладывая в начале 1950-х годов большие средства не только в оборонную промышленность, но и в военную подготовку молодежи, тоталитарная коммунистическая власть по иронии истории сама готовила себе могильщика. Сотни молодых венгров, получивших в условиях антиюгославской истерии начала 1950-х годов блестящие профессиональные навыки воинского дела, прекрасно проявили в драматические дни «будапештской осени» свое умение на практике: но не в мифической войне с «цепным псом империализма» маршалом Тито, а в ходе реального восстания против собственной сталинистской диктатуры. А одним из символов борьбы с несправедливостями прежней системы становится идеализируемый коммунистами-реформаторами 1956 года Ласло Райк, главная жертва советско-югославского конфликта, коммунистический политик, суд над которым в сентябре 1949 года привлек огромное внимание во всем мире как наиболее наглядное свидетельство начавшегося полномасштабного экспорта в страны советской сферы влияния методов сталинской внутренней политики.

Острейший венгерский кризис 1956 года, поставив официальную Москву перед нелегким выбором между военными и мирными, политическими средствами своего урегулирования, предоставил ей шанс оценить с точки зрения адекватности и эффективности сложившиеся в сознании советской элиты представления о характере отношений СССР со странами, находящимися в советской сфере влияния, и — в более широком плане — всю доктрину безопасности СССР. Как показывают

.....
⁴ Морен Эдгар. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С. 67.

документы, силовое решение по Венгрии не было изначально predetermined, оно было принято после колебаний, явившись итогом размышлений и дискуссий, в ходе которых позиция советского руководства претерпевала эволюцию по мере изменения ситуации в самой Венгрии и поступления новой информации о развитии событий на Ближнем Востоке, где одновременно разыгрался суэцкий кризис, о реакции США и Китая на всё происходящее.

Как явствует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС, в Кремле не только осознали невысокую результативность прежней восточноевропейской политики СССР, основанной на жестком диктате, но и сделали определенный шаг к ее пересмотру. Успех мирного варианта развития в Польше (спад напряженности в этой стране с отказом Москвы от силового вмешательства в происходящие процессы) был наилучшим аргументом в пользу возможности скорректировать такую политику без ущерба для безопасности СССР, а напротив, в интересах стабилизации положения в советском лагере. В сравнении с польскими событиями венгерские представляли собой гораздо более серьезный вызов советской гегемонии в Восточной Европе, ведь в Польше власть сохранялась в руках национально ориентированных коммунистов, сумевших довольно быстро стабилизировать ситуацию, тогда как в Венгрии в результате общенационального восстания рухнула вся система партийного государства, возникла угроза утраты коммунистами власти, при этом оставались неясными перспективы дальнейшего политического развития. Тем не менее и применительно к венгерскому кризису некоторое время всерьез рассматривались возможности компромиссного решения — когда стало очевидным, что силовая акция, осуществленная в ночь на 24 октября, явно не возымела ожидавшегося эффекта и только обострила ситуацию. Таким образом, дух XX съезда КПСС, провозгласившего идею многообразия путей к социализму, имел некоторый, пусть эфемерный шанс на то, чтобы реально проявить себя, пусть в ограниченной мере, в советской внешней политике не только на югославском и польском, но и на венгерском направлении. Однако при этом

в Москве хорошо осознавали пределы уступок, границы своей внешнеполитической толерантности применительно к стране, входившей в сферу непосредственных геополитических интересов СССР. Столкнувшись с массовым сопротивлением, советские лидеры были готовы пойти на определенный компромисс даже в вопросе о многопартийности, но речь могла идти только о сохранении коммунистов у власти, в крайнем случае в коалиции с другими левыми силами, а во внешнеполитическом плане о подтверждении новым правительством союзнических обязательств Венгрии в рамках Организации Варшавского Договора.

Там, где дело касалось советских войск, дислоцированных в Венгрии, компромисс, как показали события, мог проявиться лишь во временном отказе от их вмешательства во внутренние дела страны. Но об уходе их из Венгрии и оголении сформировавшихся рубежей обороны советского блока речи быть не могло. Даже самый «либеральный» член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян был, судя по его донесениям соратникам, уверен в том, что в случае ухода советских войск из Венгрии их место вскоре займут американские войска. И после официальных заявлений Белого дома о том, что США не рассматривают Венгрию как своего союзника и не будут вмешиваться в конфликт, оставались в силе представления советской элиты об отсутствии вакуума в системе межблоковых отношений: если какое-либо звено выпадет из советского блока, этим не преминет воспользоваться Запад в своих интересах, что неминуемо приведет к нарушению баланса в международных отношениях, а значит — к возникновению потенциальной угрозы для СССР. Даже в самый разгар широко развернувшейся в мире кампании протеста против действий СССР в Венгрии некоторые влиятельные зарубежные наблюдатели, и в том числе генерал Ш. де Голль, в то время не обремененный каким-либо официальным статусом, акцентировали внимание на том, что советская акция носила в известном смысле оборонительный характер, поскольку речь шла отнюдь не об экспансии СССР в западном направлении, попытках овладения новым пространством и т. д., а всего лишь о стремлении восстано-

вить статус-кво, удержав под своим контролем и не позволив выпасть из блока одной из стран, вследствие итогов Второй мировой войны отнесенных к советской сфере влияния⁵. Здесь весьма очевиден приоритет геостратегических соображений при принятии решений над иными и, в частности, идеологическими соображениями. В 1968 году, когда возникли явные симптомы резкого ослабления советского влияния в Чехословакии, при принятии решений о способе действий официальная Москва руководствовалась в сущности теми же мотивами, что и осенью 1956 года применительно к Венгрии. Такая логика утратила силу вместе с самой ялтинско-потсдамской моделью послевоенных международных отношений лишь в конце 1980-х годов, когда явное поражение в экономическом соперничестве с США заставило Советский Союз уйти из Восточной Европы.

Сложившийся механизм воздействия КПСС и правительства СССР на ситуацию в «народно-демократических странах» предполагал нахождение местных компартий у власти, ведь всякое их оттеснение от власти неизбежно повело бы к резкому уменьшению советского влияния. Однако в условиях венгерского кризиса осени 1956 года особенно остро проявилось противоречие между возобладавшим не только в обществе, но и среди части коммунистической элиты стремлением к ослаблению диктата Москвы и, с другой стороны, усилиями СССР, направленными на удержание за собой контрольных позиций в Венгрии, как и во всей советской сфере интересов в Восточной Европе. Это противоречие было разрешено более привычным для руководства КПСС силовым путем. А. Микоян, отстаивавший курс на политическое разрешение конфликта, не был понят и поддержан своими товарищами по Президиуму ЦК.

Последовательности в проведении компромиссной линии в своей политике в отношении союзнической страны советским лидерам, таким образом, явно не хватило. С одной сто-

.....
⁵ На превентивный характер акции СССР в Венгрии в 1956 году, направленной на то, чтобы предотвратить выпадение страны из советского лагеря, позже писали З. Бжезинский, С. Хантингтон и др.

роны, ее осуществлению мешало недоверие к правительству И. Надя, подвергавшемуся сильному давлению справа и оказавшемуся неспособным консолидировать ситуацию. С другой стороны, с распадом в масштабах всей Венгрии прежних партийно-государственных структур не оказалось иной силы, на которую советское руководство могло бы сделать ставку в своем стремлении переломить ход событий (показательны слова В. М. Молотова на одном из заседаний Президиума ЦК КПСС о том, что в Венгрии стало не на кого опереться). 31 октября окончательный выбор был сделан в пользу военной интервенции. Причем, как видно при сопоставлении записей заседаний Президиума от 30 и 31 октября, определенную роль сыграла присущая Н. С. Хрущеву склонность к политической импровизации.

Предпринятая в Венгрии военная акция решила краткосрочную задачу «наведения порядка» в этой стране в соответствии с бытовавшими в Кремле и на Старой площади представлениями о стабильности в одном из государств советской сферы влияния, но в более долгосрочном плане оказалась пирровой. Ведь осенью 1956 года СССР встал перед необходимостью отреагировать на вызов Запада, проявившийся прежде всего в притягательности либеральных, демократических ценностей для населения стран Восточной Европы, живущего под сенью коммунистических диктатур, и готовности, как показали венгерские события, бороться за эти ценности с оружием в руках. Иными словами, венгерские события стали самым наглядным свидетельством поражения социализма советского и восточноевропейского типа в идеологической борьбе с Западом, в споре за умы людей. Оказавшись перед угрозой дальнейшей экспансии западных ценностей, чреватой для СССР уже очевидными геополитическими потерями, советское руководство, расписываясь в своем поражении, смогло ответить на идеологический в своей основе вызов лишь посредством демонстрации грубой силы. Всему миру была продемонстрирована решающая роль силового фактора в сохранении Восточной Европы под контролем СССР. Упущенный в 1956 году шанс перестройки на новых, более эффективных и не столь

откровенно силовых, основах системы отношений в лагере социализма способствовал углублению кризиса этой системы, приведшего в конечном итоге к ее закономерному краху на рубеже 1980-1990-х годов.

Многочисленные заявления американской администрации начиная с 1953 года дали мировой общественности основания считать, что при благоприятной международной обстановке в случае серьезного выступления восточноевропейских народов «западный мир употребит всю свою экономическую, политическую и моральную мощь в интересах того, чтобы дело этих народов было бы поставлено на повестку дня и было бы решено удовлетворительным для них образом»⁶. Но вопреки этим заверениям и постоянным обещаниям радиостанции «Свободная Европа» тысячи венгров, в октябре-ноябре 1956 года надеявшихся на американское содействие своей борьбе за независимость, никакой реальной поддержки так и не получили. В частности, Соединенным Штатам явно не хватило политического веса для того, чтобы настоять на созыве для рассмотрения венгерского вопроса специальной конференции великих держав, на которой, наряду с предоставлением гарантий безопасности СССР, можно было бы отстоять нейтральный статус Венгрии — такая идея имела хождение среди политических наблюдателей в те месяцы. И только в некоторой и отнюдь не решающей мере здесь сказалось отсутствие единства в западном лагере, вызванное принципиальным различием подходов к разрешению суэцкого кризиса, разыгравшегося в те же дни. Речь в данном случае идет не просто о серьезном уроне для репутации США в глазах определенной части мирового сообщества. Венгерские события и реакция на них официальной Москвы четко обозначили объективные лимиты западного влияния в условиях, когда расклад сил на международной арене определяла биполярная ялтинско-потсдамская модель, резко ограничивавшая возможности эффективного вмешательства каждой из двух сверхдержав в странах, относящихся к сфере интересов противоположной стороны. Эту прочность

.....
⁶ Биро Иштван. Положение в Венгрии и мировая обстановка. С. 30.

существующей системы отношений «Восток — Запад» лишь к концу 1980-х годов смогли поколебать серьезные кризисные явления внутри одного из противостоящих лагерей. Главный урок, который могли извлечь в Москве из венгерского кризиса, заключался в том, что даже масштабный локальный конфликт внутри советской сферы влияния едва ли способен привести со всей неизбежностью к серьезному межблоковому столкновению, чреватому угрозой ядерной войны: «большой войны не будет», как лаконично заметил Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 31 октября 1956 года. А летом 1968 года на другом заседании теперь уже не Президиума, а Политбюро ЦК КПСС, повторил ту же самую фразу министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. В Кремле не преувеличивали значения пропагандистской риторики американских радиостанций, понимая неготовность и нежелание США идти на большую войну с СССР во имя отстаивания тех или иных ущемленных принципов (а тем более — совершенно чуждых менталитету американской элиты принципов более демократического социализма) в одной из стран противостоящего блока. Задачи восстановления пошатнувшихся позиций СССР в Венгрии потребовали не слишком больших усилий со стороны Советской Армии. Получая от США относительную свободу рук в собственной сфере безопасности, советская сторона могла и далее практиковать те же методы в интересах сохранения своих геополитических позиций, в частности, в Восточной Европе. Венгерский опыт придавал руководству СССР уверенности в августе 1968 года, когда на повестку дня встал вопрос о разрешении чехословацкого кризиса. С другой стороны, негативный венгерский пример перечеркнул в глазах советских лидеров позитивный опыт разрешения кризиса в Польше в 1956 года, когда удалось отстаивать геополитические интересы СССР без применения военной силы. Что же касается США, то венгерский кризис, выявив доктринальные изъяны восточноевропейской политики Вашингтона, дал, как уже отмечалось, толчок ее последующему пересмотру. При этом стремление венгров к свободе, в полной мере проявившееся в событиях осени 1956 года, лишь укрепило на Западе представление о том, что дальнейшие усилия по

пропаганде либеральных ценностей на восточноевропейскую аудиторию не окажутся тщетными.

Как замечал непосредственный свидетель и один из первых серьезных исследователей венгерской революции 1956 года Тибор Мераи, уже события первого дня, 23 октября, нанесли громадной силы удар по советскому престижу, продемонстрировав нежелание венгров следовать примеру СССР. Для восстановления престижа СССР, по Мераи, надо было показать силу, причем не идеологии, а именно державной мощи. Как бы то ни было, интересы внешней политики СССР никак не могли ограничиваться периодическими демонстрациями его державной мощи. Показателен возникший в конце октября 1956 года соблазн в интересах улучшения имиджа СССР, особенно в «третьем мире», противопоставить агрессивной политике европейских держав в отношении Египта мирный способ решения Советским Союзом внутренних проблем своей сферы влияния. Однако опасения сдачи завоеваний социализма оказываются приоритетными. Перед советским руководством возникает дилемма: что важнее — репутация миролюбивого или сильного государства. Предпочтение было отдано второму, и здесь сыграл немаловажную, если не решающую роль внутренний фактор: Хрущеву ради сохранения власти важно было показать себя твердым коммунистом в глазах своего же окружения и более широких кругов советской партократии и всего общества. Та же логика действовала и в августе 1968 года, когда во главе КПСС, а фактически и Советского Союза, вновь демонстрировавшего миру свою державную мощь, стоял Л. И. Брежнев. Показывая силу, в Москве, однако, понимали и издержки силового решения. Примечательно в этой связи изменение тактики, проявившееся с учетом венгерского опыта 1956 года в 1968 года — акцию по «защите социализма» в Чехословакии пытались представить как «общее дело», стремились при этом в определенном смысле интернационализировать конфликт, разделив с союзниками ответственность за принятое решение и его реализацию, при том, что за основу брался всё тот же венгерский сценарий. Как бы то ни было, демонстрации силы были время от времени нужны советскому режиму для сохра-

нения лица великой державы. Осенью 1956 года с желанием компенсировать создавшееся сиюминутное впечатление от своей слабости было связано стремление продемонстрировать силу на Ближнем Востоке вплоть до угрозы применения ядерного оружия. Но и миролюбивая риторика не отбрасывалась. Надо было уравновесить свои действия как в Венгрии, так и на Ближнем Востоке новыми инициативами в области разоружения, которые были призваны ослабить негативный эффект силовой политики.

Осенью 1956 года в связи с событиями, происходившими в Восточной Европе, Москва впервые столкнулась с вызовом Пекина, впервые отчетливо продемонстрировавшего свои претензии на положение второго центра мирового коммунистического движения, и должна была учитывать позицию китайского руководства. Проявившиеся спорные моменты предвещали будущие острые конфликты между КПСС и КПК. Непоследовательность линии КПК в отношении венгерских событий отразила противоречие между естественным стремлением второй коммунистической державы мира использовать трудности, переживаемые Советским Союзом в восточноевропейской сфере своего влияния, в целях усиления китайских позиций в мировом коммунистическом движении, и с другой стороны, опасениями фронтального отступления социализма в непрекращающемся противоборстве двух систем.

Как явление международной жизни венгерский кризис 1956 года стал лишь эпизодом в истории холодной войны, не оказавшим долговременного влияния на состояние советско-американских и межблоковых отношений. Довольно быстро и успешно была разрешена и достаточно серьезная гуманитарная проблема, связанная с массовым наплывом в соседнюю Австрию венгерских беженцев. Ко времени поездки Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 года подавление венгерского восстания уже не было фактором, существенно сказывавшимся на атмосфере общения лидеров двух сверхдержав. Вместе с тем каждая из сторон в своем последующем диалоге и — шире — во всей своей внешней политике, как уже отмечалось, не могла не учитывать исторический опыт «бу-

дапештской осени». Уроки Венгрии 1956 года должны были учитывать в своих геополитических построениях и оппоненты правящих режимов в самих странах Восточной Европы, в том числе чехословацкие реформаторы 1968 года и польские реформаторы 1980–1981 годов, с гораздо большей осторожностью подходившие к проблеме нейтралитета своей страны. Главный вывод, к которому они приходили при осмыслении венгерского опыта: не надо «дразнить» Москву громкими декларациями о суверенитете и отказом от выполнения союзнических обязательств, акцент должен быть сделан на создании альтернативных коммунистической власти политических институтов и формировании элементов гражданского общества, неподконтрольных правящему режиму.

Даже если принять во внимание неоднозначность венгерских событий, показавших миру не только примеры героизма борцов за национальную свободу, но и акты вандализма разъяренной толпы, следует констатировать, что избранный осенью 1956 года силовой способ решения венгерского вопроса вступал в острое противоречие с нормами международного права и контрастировал с обновительной риторикой XX съезда КПСС. Всему миру были наглядно продемонстрированы реальные пределы провозглашенного курса на отказ от сталинской политической практики, предполагавшего среди прочего признание многообразия форм перехода к социализму и корректировку отношений с союзниками по социалистическому лагерю. Показав неспособность советских лидеров пойти на решительный разрыв со сталинским наследием во внешней политике, действия СССР в Венгрии пагубно сказались на его международном престиже и имидже. В частности, военное вмешательство Москвы во внутренние дела Венгрии подорвало доверие многих левых интеллектуалов на Западе, связывавших с идеями XX съезда КПСС определенные надежды на демократическое обновление коммунистического режима в СССР. Это способствовало усилению изоляции мирового коммунистического движения от потенциальных союзников.

Для внутренних процессов, происходивших в самом коммунистическом движении, венгерские события имели не меньшее

значение. Можно во многом согласиться с всемирно известным венгерским политическим мыслителем Иштваном Бибо, в начале ноября 1956 года министром в коалиционном правительстве Имре Надя, который весной 1957 года незадолго до своего ареста и тюремного заключения писал: «Когда после смерти Сталина его преемники широким фронтом приступили к смягчению сталинской политической практики, затем провалили попытку создания нового культа личной власти, а на XX съезде и принципиально порвали с некоторыми характерными сталинскими тезисами, подвергнув критике самого Сталина, все это породило среди коммунистов надежду на то, что в коммунистическом движении, и прежде всего в КПСС, есть такие силы, которые смогут вывести их на более правильный путь строительства социализма. После того, что случилось в Венгрии с 4 ноября и позже, надежда эта была навсегда подорвана»⁷. Политика СССР, нацеленная не только на удержание Венгрии в рамках советского блока, но исходившая из неприятия слишком далеко идущих мер по реформированию ее политической системы, показала сторонникам «национального коммунизма» в разных странах, что любые попытки отхода от образцовой советской модели общественного устройства могут быть восприняты официальной Москвой как посягательство на ее ведущую роль в социалистическом лагере и — шире — международном коммунистическом движении и способны вызвать с ее стороны негативную реакцию. Вследствие венгерских событий в ряде западных компартий обострилось противоречие между приверженцами национально-специфических путей к социализму и сторонниками последовательной ориентации на Москву, отчетливо наметилась тенденция к расколу. Под непосредственным влиянием венгерского кризиса приостановилось начавшееся в 1954–1955 годах сближение Советского Союза с титовской Югославией, продолжавшей упорно отстаивать программу национального коммунизма, произошло заметное осложнение советско-югославских отношений.

Довольно велико было воздействие венгерского кризиса и на внутривнутриполитическую ситуацию в СССР. Пожалуй, оно

.....
⁷ Там же. С. 31.

было неоднозначным. Венгерский опыт сопротивления системе (деятельность Кружка Петёфи и т. д.) подталкивал критически мыслящую часть советской интеллигенции к поискам путей совершенствования социализма, но, с другой стороны, усиливал консервативные настроения части элиты и более широкого общества. Иногда в среде советских либералов-шестидесятников выражались сожаления о том, что чрезмерный радикализм венгерских повстанцев не только predetermined откаты в политике Хрущева, но даже поставил под серьезную угрозу процесс «оттепели», начавшийся в СССР. Действительно, страх перед развитием событий по венгерскому варианту в случае утраты партийным руководством тотального контроля за ходом даже самых ограниченных и половинчатых реформ вызвал усиление уже в конце 1956 года антилиберальных, контрреформаторских тенденций во внутренней политике СССР. Уже в декабре 1956 года, реагируя на самые первые, поначалу довольно робкие проявления зарождающегося диссидентского движения, вызванные к жизни закрытым докладом Н. С. Хрущева о культе личности, событиями в Польше и Венгрии, ЦК КПСС распространил в низовых партийных организациях закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», в котором подчеркивалось, что «диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной»⁸. И в последующие годы контрреформаторский «венгерский синдром» неизменно присутствовал в сознании советской партократии, еще более ограничивая и без того весьма лимитированный реформаторский потенциал реального социализма, выразившийся, в частности, в непоследовательных хрущевских и, позже, косыгинских реформах.

Венгерский кризис сказался и непосредственно на внутрипартийной борьбе в руководстве КПСС, временно ослабив положение Н. С. Хрущева, усилив критику курса XX съезда КПСС

.....
⁸ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. редактор К. Аймермахер. М., 2002. С. 393–401.

с ортодоксально-охранительных позиций, что способствовало формированию антихрущевской оппозиции, предпринявшей открытое выступление в июне 1957 года.

При всем международном значении венгерских событий 1956 года, наиболее значительные последствия они имели, конечно же, для самой Венгрии. Максимализм и нетерпение повстанцев осени 1956 года вначале сыграли на руку контрреформаторским силам, но в более долгосрочной перспективе сказались на трансформации венгерской модели социализма в направлении, более отвечающем национальным интересам. Уроки, извлеченные коммунистической элитой Венгрии из «национальной трагедии», определили в целом компромиссный характер ее внутренней и внешней политики на протяжении последующих трех десятилетий. Свидетель венгерской революции польский публицист Виктор Ворошильский в послесловии к своему знаменитому «Венгерскому дневнику», написанном 20 лет спустя, в середине 1970-х годов, справедливо заметил, что в отличие от Польши, где относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в октябре 1956 года не был закреплен сколько-нибудь глубоким преобразованием институциональной системы и в результате произошел довольно быстрый откат к хотя и не слишком тиранической, но все же совершенно неэффективной, бюрократической форме социализма, в Венгрии с середины 1960-х годов коммунистический режим неуклонно развивался по пути либерализации, «искал путей выходы из ловушки», пускался в экономические эксперименты, иногда удачные, стремился прийти к соглашению с массами и с интеллигенцией, причем процесс этот не был остановлен и с началом брежневской эпохи в СССР. Во второй половине 1960-х годов в основном формируется та специфическая венгерская либерально-прагматическая модель социализма, которая довольно долгое время служила своего рода витриной социалистического содружества. В ее основе, как отмечалось на страницах этой книги, лежал компромисс между коммунистической властью и народом, которому было позволено в обмен на отказ от политической, потенциально оппозиционной, активности пользоваться определенными благами «потребительского социализма», предоставлявшего гражданам достаточно широкий набор возможно-

стей улучшения своего материального положения⁹. И в этой связи вполне закономерен вопрос, которым задавался В. Ворошильский: может быть «именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?»¹⁰.

Изучение записей заседаний Президиума ЦК КПСС с участием Я. Кадара и других документов приводит к выводу, что и в начале ноября 1956 года, когда в Москве выработывалась программа действий, и позже, стоя во главе правительства, новый венгерский лидер стремился добиться максимально широкой в сложившихся условиях самостоятельности. Это стремление в первые месяцы, как правило, не имело успеха, ведь поле маневров его правительства было резко ограничено Москвой. Все-таки Кадару в немалой мере удалось отстоять за собой принципиально важное право на формирование собственной команды. Бывшие лидеры Ракоши и Герё не только не были включены в состав высших органов новой власти, Кадар сумел настоять на резкой критике своих предшественников в первых же программных документах своего правительства, резко отмежевываясь, таким образом, с самого начала от команды Ракоши. Кадар прекрасно осознавал, что необходимым условием постепенного расширения поля для самостоятельных маневров было для него завоевание доверия Москвы. Его правоту подтвердил первый серьезный тактический успех нового правительства в отношениях с СССР — согласие Кремля на полную политическую изоляцию Ракоши весной 1957 года. Убеждаясь в прочности «социалистических завоеваний» в кадаровской Венгрии, Москва постепенно предоставляла лидеру ВСРП все больше простора для проведения внутренней политики в соответствии с его собственными, весьма прагматическими и реалистическими представлениями о социализме и теории Маркса, существующей, по его выражению, не для того, чтобы .....

⁹ Из работ, содержащих глубокий анализ этой модели, см.: *Tóké Rudolf L. Hungary's Negotiated Revolution. Economic Reform, Social Change and Political Succession, 1957–1990.* Cambridge University Press, 1998.

¹⁰ Ворошильский В. Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 145–146.

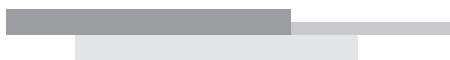
«опробовать ее верность на народе». Приобретенный в конце 1950-х годов у руководства СССР «кредит доверия» Кадар использовал десятилетием позже, когда в Венгрии была начата реформа экономического механизма, так и не завершенная в силу внешних и внутренних факторов¹¹. Кадаровская модель социализма, при которой десять с половиной миллионов венгров на протяжении многих лет пользовались принципиально большими экономическими, а отчасти и политическими свободами, нежели население большинства стран социалистического лагеря, явилась наиболее значительным плодом революции 1956 года, завоеванным в упорной борьбе и политым кровью не одной тысячи жертв.

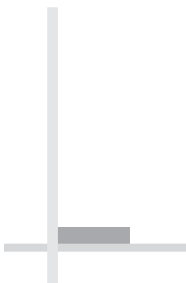
.....
¹¹ См.: Мусатов В. Л. Второе «освобождение» Восточной Европы. М., 2016

Приложение

**От «освободительного
похода» 1939 года
до «доктрины Хрущева»**
Некоторые размышления
о восточноевропейской
политике СССР

А. С. Степанов

 Осенью 1939 года началось расширение границ СССР. В итоге менее чем за год в его состав полностью или частично вошли территории шести соседних государств, на которых проживало более 20 млн человек.

В 1956 году СССР ликвидировал возникший политический кризис в соцлагере, который охватил две страны: Польшу и Венгрию.

С одной стороны, события 1939 и 1956 годов происходили не только в разное время, но и в разной исторической обстановке. Однако, с другой стороны, между ними гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

События в Польше и Венгрии 1956 года объединяет с событиями в Польше 1939 года следующее обстоятельство: все они никогда раньше не были и не являются сейчас популярными для отечественных исследователей темами; в том и в другом случае сознательно замалчиваются масштабы применения вооруженной силы и масштабы потерь советской стороны; в том и в другом до сих пор используется термины советского периода, имеющие в основе своей исключительно доктринально-пропагандистский характер; в том и в другом случае зачастую происходит подмена исторического анализа событий пропагандой и мифологизацией.

Можно выделить несколько важных схожих моментов:

1) участие в событиях 1939 и 1956 годов одних и тех же высокопоставленных советских государственных деятелей;

2) сходство официальных объяснений действий СССР в этих событиях как решение оборонительных задач и оказание помощи населению;

3) нежелательность какого-либо детального изучения событий отечественной исторической наукой, а, как следствие, их мифологизация и подмена исторического знания пропагандой;

4) использование особой идеологически выдержанной терминологии применительно к названию событий.

5) отношение к советским участникам событий со стороны государственной власти.

Остановимся более подробно на советских действующих лицах в 1939 и 1956 годах.

В 1956 году Польшу охватил сильный политический кризис. Все лето ситуация там постепенно накалялась. Первым из нескольких крупных выступлений против коммунистического правительства Польской народной республики стали беспорядки в Познани, получившие названия Познанский июнь (Poznański Czerwiec), Познанские протесты 1956 года или Познанское восстание.

В конце августа 1956 года в Ченстохове прошло грандиозное празднование 1000-летия Польши. 800 тысяч поляков стояли на коленях на площади с молитвой «Славься, дева Мария, королева Польши!» и требованиями освободить из заключения официального главу Польской католической церкви кардинала Стефана Вышиньского, арестованного летом 1953 года за отказ от выполнения правительственного декрета от 7 февраля того же года об обязательном контроле за всеми назначениями священников со стороны коммунистических властей¹.

Волнения проявились в глубоких разногласиях и в партии, где течение, выступавшее за политический поворот, идейно опиралось на Владислава Гомулку, пострадавшего от сталинских

1 Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов / гл. ред. Н. Ф. Самохвалов; ред. Ю. Н. Моруков; сост.: А. А. Зданович, В. К. Былинин, В. К. Гасанов, В. И. Коротаев, В. Ф. Лашкул. М.: Объединенная редакция МВД России, Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2009. С. 25, 490. В октябре кардинал Вышиньский был помилован по личному распоряжению В. Гомулки.

репрессий, и на его старые концепции польского пути к социализму. Однако часть Политбюро, так называемая «натолинская» группа, противилась этому. Пленум ЦК ПОРП должен был избрать новое Политбюро. Москва с тревогой следила за этими событиями.

Утром 18 октября 1956 года Президиум ЦК КПСС принял короткое постановление — направить в Польшу делегацию КПСС «ввиду создавшегося серьезного положения в руководстве ЦК ПОРП». Не позднее 18 октября министр обороны СССР Г. К. Жуков через главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора маршала И. С. Конева отдал приказ о приведении в боевую готовность советского военного контингента, находившегося в Польше, Балтийского военного флота и частей Прибалтийского военного округа. В 4 часа утра 19 октября И. С. Конев, получив указание обеспечивать взаимодействие частей Северной группы советских войск, прибыл в Варшаву с группой офицеров².

Делегацию КПСС, в тот же день прибывшую в Польшу, но без приглашения польской стороной, представляли:

первый секретарь ЦК КПСС, член Политбюро (Президиума) ЦК с 1939 года Н. С. Хрущев (в 1939 году — первый секретарь ЦК КП(б) Украины);

член Политбюро (Президиума) ЦК с 1926 года, первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр иностранных дел В. М. Молотов (в 1939 году — председатель СНК СССР и нарком иностранных дел);

член Политбюро (Президиума) ЦК с 1930 года, первый заместитель председателя Совета Министров СССР Л. М. Каганович;

член Политбюро (Президиума) ЦК с 1935 года, первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян,

.....
² Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М.: «Индрик», 2005. С. 173–174, 183. В связи с этим следует отметить, что И. С. Конев прибыл в Польшу отдельно от советской партийно-правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым, а не на одном самолете с ней, как ошибочно указывается в некоторых публикациях (см., например: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 43–44).

(в 1937–1955 годах — заместитель председателя СНК (Совета Министров) СССР)³.

Как видим, все члены этой делегации еще до войны занимали важные партийные и государственные посты в иерархии сталинской системы руководства страной.

Наиболее одиозными фигурами из них для польской стороны были В. М. Молотов, чье имя было и оставалось символом раздела Польши между Германией и СССР⁴, а также глава делегации — Н. С. Хрущев, принимавший активное участие в репрессиях на присоединенной к СССР территории Восточной Польши.

Советский посол в Польше П. К. Пономаренко, член ЦК с 1939 года, занимавший в 1938–1947 годах пост первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, точно так же, как и Хрущев, был причастен к репрессиям на присоединенных территориях. Кроме того, будучи в 1942–1944 годах начальником Центрального⁵ штаба партизанского движения при Ставке ВГК⁶, он был причастен к действиям советских партизанских отрядов⁷ против польских отрядов АК. Детальному исследованию этого вопроса посвящена, в частности, монография минского историка Сигизмунда Бородина «Неман — река раздора. Поль-

³ Высшие органы власти и управления и их руководители: 1923–1991. Историко-биографический справочник / сост. В. И. Ивкин. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 225, 298–299, 303, 411.

⁴ СССР — Германия: В 2-х кн. / сост. Ю. Фельштинский. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс: Mokslas, 1989. С. 84. Достаточно вспомнить телефонограмму В. М. Молотова германскому послу в Москве В. Шуленбургу, включенную последним в телеграмму № 300 от 8 сентября 1939 года, (получена в МИДе Германии в 5 час. 00 мин. 9 сентября): «Я только что получил от Молотова следующую телефонограмму: «Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи. Молотов.» Шуленбург».

⁵ По март 1943 года именовался Главным штабом партизанского движения при Ставке ВГК.

⁶ Высшие органы власти и управления и их руководители. С. 335–336.

⁷ Отметим, что советский посол в Венгрии Ю. В. Андропов также имел подобный опыт работы, только на присоединенных территориях Финляндии: будучи с сентября 1940 года первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР, он с начала войны участвовал в организации партизанского движения в Карелии, одновременно продолжая возглавлять комсомольскую организацию на неоккупированной части республики.

ско-советская партизанская война в 1943–1944 гг.», вышедшая в 1999 году в Варшаве на польском языке⁸.

Польский историк К. Краевский, сотрудник Института национальной памяти, сообщает по этому вопросу следующее: «22 июня 1943 г. ЦК КП(б) Белоруссии разослал всем подпольным центрам закрытое письмо (“О военно-политических задачах работы в западных областях БССР”), в котором предлагалось всеми средствами вести борьбу с польскими националистическими отрядами и группами (а именно так большевики рассматривали отряды АК). И действительно, использовались все средства — от вероломного разоружения тех отрядов АК, у которых были заключены официальные договоренности о сотрудничестве с советскими партизанами (партизанская бригада АК под командованием “Кмицица” на озере Нарочь в августе 1943 г., Столпецкая группировка АК в Налибоцкой пуще в декабре 1943 г.), засады и нападения на отряды АК, внедрение агентов и ликвидация подпольных структур АК, анонимные доносы немцам на членов АК, применение массового террора по отношению к населению, поддерживающему АК (например, карательная операция в городке Налибоки в мае 1943 г., а также в деревнях: Конюхи — в январе, Лугомовичи, Изабелин, Качаново, Бабинск, Провжалы — в феврале, Щепки и Невонянцы — в апреле, Камень — в мае 1944 г.)»⁹

К деятельности П. К. Пономаренко на присоединенных территориях¹⁰ до, во время и после войны также был причастен и С. С. Бельченко, который еще в сентябре 1939 года участвовал в боях в Восточной Польше за Гродно, с октября 1939 года занимал пост заместителя начальника Белостокско-

8 *Zygmunt Boradyn*. Niemen rzeką niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródzczyźnie 1943–1944. Warszawa: Oficyna Wydawnicza «Rytm», 2013. 368 s.

9 Краевский К. Кто расстреливал белорусских партизан? Новая Польша. 2005. № 5. С. 42–43.

10 Население и территория БССР значительно расширилась, когда в ее состав вошла часть территории Польши после соответствующего «Освободительного похода» Красной Армии 1939 года: к пяти существовавшим добавились еще пять новых областей (Вилейская, Барановичская, Пинская, Брестская, Белостокская). Территория Западной Белоруссии составляла 108 тысяч квадратных километров, на ней проживало 4 миллиона 800 тысяч человек.

го УНКВД, а в марте — июне 1941 г. — начальника УНКГБ Белостокской области. С апреля 1943 года Бельченко был заместителем П. К. Пономаренко, возглавлявшего в это время, как уже было сказано выше, Центральный штаб партизанского движения при Ставке ВГК. В 1943–1953 годах С. С. Бельченко (с 9 июля 1945 года — генерал-лейтенант) был наркомом (министром) внутренних дел БССР. Назначенный в январе 1956 года заместителем председателя КГБ при Совете Министров СССР, С. С. Бельченко вместе с другими руководителями КГБ выезжал в ноябре 1956 года в Будапешт, а в 1957 году несколько месяцев находился в Венгрии в качестве руководителя представительства КГБ¹¹.

Отсутствовавший осенью 1956 года в Польше, но руководивший в октябре — ноябре деятельностью советских органов госбезопасности на территории Венгрии¹², член ЦК с 1956 года, первый председатель КГБ при Совете Министров СССР генерал армии И. А. Серов, занимавший со 2 сентября 1939 года по 25 февраля 1941 года пост наркома внутренних дел Украинской ССР, также был причастен к «освобождению» Восточной Польши осенью 1939 года, а кроме этого — к расстрелам поляков 1940 года. По данным Н. В. Петрова, уже ставший Председателем КГБ И. А. Серов разоблачил себя, выказав недовольство чекистами, не сумевшими скрыть следов в Катыни: «С такой малостью справиться не смогли, — в сердцах проговорился он. — У меня на Украине их куда больше было. А комар носа не подточил, никто и следа не нашел...». В конце войны И. А. Серов снова концентрирует свое внимание на польских проблемах. В августе 1944 года в занятом войсками 1-го Белорусского фронта г. Люблине он занимается подавлением независимого польского национального движения. В его задачи входила организация и приведение к власти в Польше нового промосковского руководства, что диктовалось глобальной стратегией Сталина по созданию антизападного блока из стран Восточной Европы, граничащих с СССР.

¹¹ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 255; Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 495.

¹² Прибыл в Будапешт утром 24 октября.

Последний держал под контролем работу Серова в Польше и придавал ей большое значение. В первую очередь Серов проводил аресты бойцов и активистов Армии Крайовой, составлявших серьезную конкуренцию польским коммунистам¹³. С 6 марта по 27 апреля 1945 года он был советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. В 1946 году был награжден орденом Виртути милитари 4 степени, которого был лишен в 1995 году Указом Президента Польской Республики Леха Валенсы¹⁴.

Представляет интерес следующий отрывок из докладной записки И. А. Серова на имя Л. П. Берии от 24 сентября 1939 года по поводу занятия г. Львова частями Красной Армии, в котором достаточно ярко характеризуется Н. С. Хрущев:

«23.IX-39 г. утром приехали в Винники (4 км от Львова) т. ТИМОШЕНКО и ХРУЩЕВ. Встреча со мной прошла весьма сдержанно по причине инцидента в Проскурове.

ТИМОШЕНКО, возмущаясь скверной работой штаба группы ГОЛИКОВА (который в течение 3 суток не давал знать о своем существовании), сказал: “Надо весь штаб группы расстрелять, видно, что тут сидят сволочи”.

После этого он приказал начальнику штаба группы сосредоточить танковую бригаду на зап[адной] окраине Львова. На это ему нач. штаба ответил, что из 160 танков на ходу всего лишь 40, так как остальные все отстали в дороге. После этого ТИМОШЕНКО еще более рассвирепел.

Тов. ХРУЩЕВ, присутствуя при этом и подражая ТИМОШЕНКО, набросился на т. МИХЕЕВА¹⁵ со словами: “А Вы что здесь болтаетесь по тылам, Вам надо больше работать, а то не видно вашей работы”.

Тов. МИХЕЕВ ответил, что работает. Тогда ХРУЩЕВ сказал: “Какая это работа, ни одного расстрелянного”. На это ему

.....
¹³ Подробнее об этом см.: *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ генерал Иван Серов. М.: Материк, 2005.

¹⁴ *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник М.: Звенья, 1999. С. 381–382.

¹⁵ *Михеев А. Н.* (1911–1941) – в сентябре 1939 года – августе 1940 года – начальник Особого отдела НКВД КОВО.

т. МИХЕЕВ сказал, что “в З[о]лочеве расстреляно 12 человек, а без дела не стреляем”¹⁶.

Пребывание в Варшаве Н. С. Хрущева (его соратники прилетели на другом самолете несколько ранее) началось с безобразной сцены. Сразу же после спуска по трапу, он стал грозить кулаком в сторону польских руководителей, после этого подошел к членам польского Политбюро и, по-прежнему грозя кулаком и избегая рукопожатий, в ярости заорал: «Мы проливали свою кровь за освобождение этой страны, а вы хотите отдать ее американцам, но это вам не удастся, этого не будет!» Заметив В. Гомулку¹⁷, он обратился к П. К. Пономаренко: «А это кто?» Но Гомулка опередил его, ответив по-польски: «Я — Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме»¹⁸. В Протоколе заседания ЦК ПОРП от 19–21 октября 1956 года зафиксирована прямая речь В. Гомулки, касающаяся встречи советской делегации и поведения Хрущева: «Обращаясь к нам, он сказал: “Предательская деятельность т. Охаба¹⁹ обнаружилась, этот номер вам не пройдет”». Слова Хрущева были впечатаны в протокол по-русски²⁰. «Нужно было обладать большой выдержкой, чтобы не реагировать на такие слова. Вся эта речь была высказана сильно повышенным тоном, так что все в аэропорту ее слышали, даже шоферы», — заключает В. Гомулка²¹.

.....
¹⁶ Радянські органи державної безпеки у 1939 – червні 1941 р.: документи ГДА СБ України / Упоряд.: В. Даниленко, С. Кокін. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. С. 194, 196.

¹⁷ Владислав Гомулка / Władysław Gomułka (1905–1982), генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 годов. Был арестован в апреле 1951 года и первоначально приговорен к повешению. Освобожден в апреле 1956 года.

¹⁸ Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. С. 183–184.

¹⁹ Эдуард Охаб / Edward Ochab (1906–1989). Первый секретарь ЦК ПОРП. 19 октября 1956 года находился среди встречавших советскую делегацию лиц.

²⁰ Необходимо вспомнить недавнее примечательное заявление Э. Охаба, о котором 13 октября 1956 года сообщил в своей шифровке П. К. Пономаренко. В нем, в частности, говорилось: «Наши партийцы не хотят примириться с тем, что за 100 тысяч расстрелянных и замученных, в том числе поляков, должен нести ответственность только один Сталин». Советский посол уклонился от прямого ответа, что вполне понятно и не требует пояснений (См.: Орехов А. М. Указ. соч. С. 169–170).

²¹ Цит. по: Орехов А. М. Указ. соч. С. 184.

Пик кризиса во время встречи с советской делегацией наступил в 9 часов вечера 19 октября. В это время польская сторона потребовала объяснений относительно перемещений советских войск. Ответ, что это связано с плановыми учениями, не удовлетворил поляков, и В. Гомулка²² лично попросил Н. С. Хрущева вмешаться. Был объявлен перерыв, и советская делегация удалилась в посольство на совещание, где Хрущев предложил поддержать Гомулку. Возражений не было. И. С. Конев получил указание немедленно остановить продвижение танковой колонны на Варшаву. Впоследствии Хрущев признался, что ввод войск в польскую столицу мог бы стать непоправимым явлением, а Гомулка спас положение²³.

Отметим, что в 2003 году был издан сборник «Советская армия в Польше, 1944–1956. Документы и материалы», посвященный пребыванию в Польше частей Советской Армии с июля 1944 до октябрьского кризиса 1956 года²⁴. Помимо прочего, в нем также рассматривается и роль советской группы войск в Польше в разрешении этого кризиса.

Центральным вопросом переговоров был вопрос о польско-советских государственных отношений. По мнению А. М. Орехова, во время дискуссии с делегацией КПСС Гомулка понял, что более всего прочего советская сторона опасается возможного выхода Польши из Варшавского договора. Именно поэтому он старался убедить своих оппонентов в том, что этот договор отражает интересы Польши, так как гарантирует безопасность ее западных границ, и его доводы достигли цели.

А. М. Орехов указал на одно весьма примечательное обстоятельство, когда бумеранг последствий 1939 года пронесся над участниками советской делегации: «Показательное столкновение произошло между В. Гомулкой и В. М. Молотовым, о чем свидетельствует Ю. Циранкевич²⁵. В ходе дискуссии Молотов попытался подать какую-то реплику, но Гомулка

.....
²² 19 октября В. Гомулка был избран Первым секретарем ЦК ПОРП.

²³ Орехов А. М. Указ. соч. С. 191–192.

²⁴ Armia radziecka w Polsce, 1944–1956. Dokumenty i materiały / Opracowanie Mariusz Lesław Krogulski. Warszawa: Wydawnictwo von Borowiecky, 2003. 244 s.

²⁵ В 1954–1970 годах — председатель Совета Министров ПНР.

решительно прервал его: «А вам, товарищ Молотов, нечего здесь говорить. Польский народ помнит Ваше выступление на Верховном Совете Советского Союза о том, что „уродливое дитя Версальской системы перестало существовать“». Молотов стушевался и в дальнейших спорах участия уже не принимал. Несколько иначе описывает этот эпизод В. Наметкевич²⁶. По его словам, В. М. Молотов в ходе дискуссии выступил («холодно и решительно») с продолжительной информацией, в которой перечислил все, что знали в Кремле об антисоветских митингах и об опубликованных в польской печати антисоветских материалах. И тут В. Гомулка сказал: «Товарищ Молотов, после того, что вы сказали о Польше в 1939 г., трудно понять, почему вы имеете смелость приезжать в Польшу». Из этого сопоставления видно, что слова Гомулки не одинаковы, но смысл их один и тот же»²⁷.

Непримирение советских действий 1939 года в Польше отражалось осенью 1956 года не только в словах польского руководства. На многотысячных митингах, прошедших 1–21 октября в Варшаве, Кракове и Новой Гуте, помимо требований о невмешательстве СССР во внутренние дела Польши и других соцстран, о необходимости экономических и правовых реформ, заявлений о политическом банкротстве ПОРП, поднимался еще один очень важный вопрос, — вопрос о пересмотре советско-польской границы, предусматривающий, в частности, возвращение в состав Польши Львова и Вильнюса²⁸.

Подобные суждения ретранслировались и на приграничных с Польшей территориях СССР, где подхватывались проживавшим там польским населением. Так, второй секретарь ЦК КП Литвы Б. С. Шарков информировал, что события в Польше имеют «наиболее значительное влияние на г. Вильнюс и окружающие его районы, а также на г. Каунас». Наряду с увеличением числа граждан польской национальности, желающих выехать из СССР в Польшу (только по г. Вильнюсу 26 октября .....

²⁶ Польский публицист, в 1956–1970 годах личный секретарь В. Гомулки.

²⁷ Орехов А. М. Указ. соч. С. 194–195.

²⁸ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 43.

был оформлено 333 документа на продажу индивидуальных домов), имели место и проявления иных суждений. Так, поляк Матусевич, житель д. Жилинца Вильнюсского района, прямо заявил: «Сейчас в Польшу ехать нет необходимости, так как там происходит перемена власти, но в недалеком будущем польское правительство потребует вернуть Польше ранее принадлежавшие ей районы бывшего Вильнюсского воеводства, и мы лишь должны помочь польским властям изгнать из этих районов литовцев и русских»²⁹.

Почему же жестко и даже агрессивно настроенный Хрущев вынужден был смягчить свой курс по отношению к новому руководству Польши? Он не мог не осознать атмосферы поддержки польского народа своего правительства и катастрофических непредсказуемых последствий в случае советского военного вмешательства. Помимо прочего, речь шла о самой крупной и боеспособной армии среди стран Варшавского договора, а также о населении, имевшем в массе своей не только опыт вооруженной борьбы, но и четкую мотивацию своих действий. К тому же весьма непростой была и общая политическая ситуация, в которой наибольшую угрозу приобретал стремительно набиравший силы венгерский фактор³⁰ (так, И. С. Конев вскоре срочно был отправлен из Польши в Венгрию для проведения операции, получившей кодовое наименование «Вихрь», и 2 ноября прибыл в Сольнок; ранее, 24 октября, в Будапешт прибыл А. И. Микоян).

Таким образом, силовое вмешательство в Польше, которое не только не отрицалось, но, напротив, изначально занимало важное (если не ведущее) место в советских планах, как выяснилось, не могло разрешить все сложности текущего момента. Морально готовые на военные действия советские лидеры

²⁹ Социально-политическая обстановка в Прибалтике в 50-е годы. // Военно-исторический архив. 1993. Вып. 1. С. 248–249.

³⁰ Обратим внимание на то, что в известных «16 пунктах» требований студентов Будапештского строительного-технического университета от 22 октября 1956 года, в частности, говорилось: «15. Молодежь будапештского технического университета с полным единодушием выражает свою солидарность с рабочими и молодежью Польши и Варшавы, участвующими в движении за независимость Польши» — См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 318.

поняли, что угроза неудачи — вполне реальна, а возможные ее последствия — слишком велики. Именно это обстоятельство, а отнюдь не гуманность и миролюбие, которых весьма наивно было бы ожидать от тех, кто в свое время без колебаний уничтожал как внутренних врагов в собственном государстве, так и суверенитет более слабых соседей, заставило их отступить в случае с Польшей. И произошло это отнюдь не сразу. На заседании Президиума ЦК КПСС 21 октября 1956 года при обсуждении «Вопросов Польши» Н. С. Хрущев достаточно ясно выразил эту мысль: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость»³¹. Тот факт, что эта идея была окончательно похоронена лишь два дня спустя после отмены «марша на Варшаву» советской бронетанковой дивизии, говорит о ее поразительной живучести в головах советских лидеров. Но, как следует из черновых протокольных записей, сделанных на следующем заседании Президиума ЦК КПСС 23 октября 1956 года, ни один из присутствовавших на нем советских партийных лидеров даже не поднимал вопроса о возможности применения силы против Польши — вопрос уже был решен до этого³².

Однако существуют иные точки зрения на этот счет, сдвигающие вперед время принятия советским руководством решения об отказе от силового вмешательства в Польше. Так, в части III «Венгерское восстание и решения Кремля (23 октября — 3 ноября 1956 г.)» сборника документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» указано следующее: «Руководство КПСС вплоть до 23 октября продолжало считать приоритетным “польский вопрос”. Вернувшись 20 октября из Варшавы, куда делегация КПСС вылетела накануне в связи с реальной угрозой не санкционированной из Москвы смены партийного руководства, советские лидеры в течение не-

.....
³¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3-х томах. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко. — 2-е изд. испр. и доп. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 174–175. Первое издание этого тома было осуществлено в 2003 году.

³² Указ. соч. С. 176–177.

скольких дней взвешивали возможности вооруженного вмешательства в Польше»³³.

Заметим, что в тексте говорится именно о силовом решении, а не только об остроте «польского вопроса». Но, выше уже было указано, что Н. С. Хрущев принял решение отказаться от вооруженного вмешательства уже на следующий день после возвращения из Польши, поэтому в действительности, говоря о времени принятия решения, можно предположить, что речь идет максимум о сутках с небольшим, но не о нескольких днях³⁴. Причина этой ошибки заключается в том, что авторы-составители сборника тогда не располагали необходимыми документами, опубликованными лишь пять лет спустя.

Эта ошибка с датировкой перекочевала из отечественной историографии и в некоторые работы польских историков. Так, Эва Чарковска в монографии «Интервенция Советского Союза в Венгрии в 1956 году», изданной по случаю 50-летия венгерских событий, также привела ошибочное заключение по этому важному решению и его датировке. Она, в частности, указала, что вплоть до позднего вечера 23 октября 1956 года руководство СССР считало военное вмешательство в Польше приоритетной задачей, и лишь проблема с Будапештом отвлекла внимание Кремля от Варшавы³⁵.

Из числа более поздних работ в Польше, связанных с этой темой, можно, например, отметить публикацию Анджея Смолинского «Советская Армия в борьбе с венгерской революцией 1956 г.», где также подчеркивается, что возможность советского военного вмешательства с целью «защиты системы» в октябре 1956 года затрагивала не только Венгрию³⁶.

.....
33 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 322.

34 В связи с этим примечательна статья Воронова В. Красный флаг над Будапештом. К 35-летию победы СССР над Венгрией. Собеседник. 1991. № 43. С. 4. В ней еще тогда указывалась, что «23 октября, когда Будапешт встряхнуло известие об отводе советских войск от Варшавы, более трехсот тысяч демонстрантов двинулись по главным улицам к польскому посольству, скандируя лозунги «Имре Надя — к власти, Ракоши — в Дунай!», «Да здравствует Польша!» и, естественно: «Русские, убирайтесь домой!».

35 Ewa Czarkowska. Interwencja Związku Radzieckiego na Węgrzech w 1956 roku. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. S. 112

36 Andrzej Smoliński. Armia Radziecka w walce z rewolucją węgierską 1956 roku / Przegląd Historyczno-Wojskowy. Roc XIII (LXIV). № 4 (242). Warszawa, 2012. S. 213.

Триумф В. Гомулки, только что на избранного VIII пленуме ЦК ПОРП Первым секретарем ЦК, проявился на гигантском митинге в Варшаве 24 октября 1956 года — когда в Будапеште уже шли кровавые бои — символе сопричастности нации тому, что происходило в стране, а также свидетельству силы тех, с кем, к счастью, чудом удалось избежать столкновения частям Советской Армии, подчинявшихся авантюрному советскому руководству. Кинохроника запечатлела сотни тысяч людей, которые скандировали: «Веслав! Веслав!». Гомулка произнес эмоциональную речь, завершенную достаточно жестким призывом к стабилизации положения в стране:

«Товарищи!

Граждане!

Трудящиеся жители столицы!

Приветствую Вас от имени Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, который на своем последнем пленарном заседании передал управление в руки нового руководства.

В течение последних лет в Польше накопилось много зла, много беззакония и болезненных разочарований. Идеи социализма, проникнутые духом свободы человека и соблюдения прав гражданина, на практике были глубоко искажены. Слова не соответствовали действительности. Тяжелый труд рабочего класса и всего народа не принес нам ожидаемых плодов.

Товарищи, верю, что эти годы ушли безвозвратно в прошлое.
[...]

На волне огромной политической активности масс, которую пробудил VIII Пленум, кое-где начинают проявляться силы, враждебные социализму, враждебные польско-советскому союзу. Враждебные народной власти, эти силы хотят искривить, затормозить и повернуть назад социалистическую демократизацию.

Товарищи! Не позволяйте реакционным авантюристам и разным хулиганам встать на нашем пути. Руки прочь от борьбы социалистических и патриотических сил народа. Отправьте прочь провокаторов и реакционных крикунов. Государственные власти даже кратковременно не будут терпеть никаких действий,

направленных против интереса польского государства и против нашей государственной системы.

Товарищи, граждане! Время торопит. Партия должна приступить к решению тяжелых повседневных вопросов, связанных с нашей экономикой и государственной жизнью. Чем вы сегодня можете помочь руководству партии и правительству? Прежде всего, тем, что каждый станет у своего станка, на своем рабочем месте и усиленной работой и учебой проявит свою преданность и верность нашему делу. Сегодня обращаемся к трудящимся жителям Варшавы и ко всей стране с призывом: хватит проводить митинги и манифестации! Пришло время перейти к ежедневной работе, выполняемой с сознанием, что партия, объединенная с рабочим классом и народом, поведет Польшу новым путем к социализму.

Да здравствует нерасторжимая связь партии с рабочим классом и всеми трудящимися!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Польская Народная Республика!»³⁷

Официальные мотивировки действий СССР в 1939 и 1956 годах

И в 1939 и в 1956 годах официальные объяснения действий СССР подавались как решение оборонительных задач и оказание помощи населению, в 1939 году — защита населения после распада Польши (позже — как отодвигание границ Советского Союза на запад в преддверии грядущей борьбы с германским фашизмом), а в 1956 году — как защита соцлагеря от посягательств извне и помощь венгерскому народу в борьбе с фашистским мятежом.

В связи с этим отметим, что 10 сентября 1939 года во время встречи В. М. Молотова с германским послом В. Шу-

³⁷ Перевод сделан автором по Специальному выпуску польской кинохроники 1956 года «Большой митинг» (Wielki wiec. Dodatek nadzwyczajny PKF / GREAT GATHERING 1956 (1956) prod. WFD); DVD-сборник «Польская школа документального кино — Чёрная серия» (2 DVD5 «Polska Szkoła Dokumentu: Czarna Seria (1955–1958)»).

ленбургом в Москве, советский политик, помимо прочего, вполне откровенно озвучил ему и предполагающуюся мотивацию причин будущих действий СССР в лице Красной Армии против Польши. В. Шуленбург передал слова В. М. Молотова о том, что «советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благоприятной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»³⁸.

Хорошо известны также и официальные тезисы, озвученные В. М. Молотовым до и после начала Польского похода. Но уже во время с Германией, а тем более — после нее³⁹ тезис о защите и освобождение населения Восточной Польши, теперь уже звучавший как защита его от фашизма (в 1939 году так говорить было «неполиткорректно»), стал выглядеть не слишком убедительным. Согласно официальным советским данным, на бывших польских территориях, перешедших под контроль Советского Союза осенью 1939 года, проживало более 6 млн украинцев⁴⁰. О масштабах карательной политики советской власти на Западной Украине говорят следующие цифры, озвученные 26 мая 1953 года в Постановлении Президиума ЦК КПСС о политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР: «С 1944 по 1952 г.г. в западных областях Украины подверглось различным видам репрессии до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тыс., убито более 153 тыс.,

38 СССР — Германия: В 2-х кн. / сост. Фельштинский Ю. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 86–87.

39 Был повторен и в XXI веке, в частности в связи с упоминаниями о потерях советских войск осенью 1939 года: «Немалая цена за свободу народов-братьев» (См.: Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Кривошеев Г. Ф., Андроников В. М., Буриков П. Д. и др. М.: Вече, 2010. С. 164).

40 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти томах. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. С. 249.

выселено навечно за пределы УССР более 203 тыс. человек»⁴¹. Известно также, что по состоянию на 1959 г. около 1600 тыс. украинцев эмигрировало в другие страны⁴².

Ожесточенная вооруженная борьба на «присоединенных территориях», через которую, в частности, прошли и не менее 500 тыс. украинцев, «освобожденных» от Второй республики, продолжавшаяся вплоть до начала 1950-х годов, то есть на протяжении 13 лет после изъятия этих земель из состава Польши и семи лет после разгрома фашистской Германии, не могла не породить «неправильные» вопросы, в том числе и такие: кого же, от кого и как освобождала и защищала советская власть все это время ценою сотен тысяч оборванных жизней?

В связи с этим особую роль стало играть новое теоретическое дополнение — защита от готовящейся фашистской агрессии путем отодвигания западных границ СССР на запад и создание оборонительного «предполья», что позволило потом выиграть время в начале Великой Отечественной войны⁴³. И в XXI веке такая точка зрения сообщалась читателям, причем со следующим уточнением: «в результате освободительного похода Красной Армии была восстановлена⁴⁴ западная граница СССР, которая отодвигалась на запад на 250–300 км»⁴⁵.

41 Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост.: В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 47.

42 Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 523.

43 С таким же успехом можно было бы утверждать (и это была бы абсолютная правда), что выигрыш во времени и пространстве был бы еще большим, если бы западная граница была бы сдвинута к Варшаве, а еще лучше — как можно ближе к Берлину. Но тот факт, что расстояния и пространства сами по себе не обеспечивают автоматического достижения успеха в войне, что немецкие войска, наступавшие на западном направлении, всего лишь за неделю преодолели это «предполье», захватив столицу Белоруссии Минск, и взяли в плен в двух «котлах» как минимум свыше трети миллиона человек, в расчет советской пропагандой не принимался.

44 Очень важная смысловая оговорка. Восстановить можно только то, что когда-то существовало. Но, как известно, за все время с момента возникновения СССР вплоть до сентября 1939 года западная его граница никогда не менялась, поэтому «восстанавливать» ее было физически невозможно. Граница могла быть только изменена, в данном случае — перенесена на запад.

45 Россия и СССР в войнах XX века. С. 163.

Проследить эволюцию отечественной научной мысли относительно событий осени 1939 года за последние сорок лет можно на примере двух приведенных ниже отрывков. Для того чтобы читатель сам почувствовал разницу между советской точкой зрения на эти события, выраженной на страницах третьего тома «Истории Второй мировой войны», и точкой зрения образца 2010–2011 годов, приводим их без каких-либо комментариев.

«Быстрые и решительные действия Советской Армии сорвали расчет гитлеровцев захватить Западную Украину и Западную Белоруссию. Как признает бывший генерал вермахта Н. Форман, меры, предпринятые советским правительством, помешали осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР. Известно, что в начале сентября гитлеровское руководство обсуждало вопрос об образовании марионеточного украинского государства — “самостоятельной польской и галицийской Украины”. Но и этот замысел провалился. По решительному требованию советского правительства фашистский вермахт вынужден был очистить ранее занятую территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Тот день, когда об этом было принято решение, Гальдер назвал “днем позора немецкого политического руководства”»⁴⁶.

«...наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только по категорическому требованию советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 года, когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, “днем позора немецкого политического руководства”»⁴⁷.

⁴⁶ История Второй мировой войны 1939–1945.: В 12 т. М., 1974. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. С. 357.

⁴⁷ История Великой войны 1941–1945 годов: В 2 т. М., 2010. Т. I. С. 28. Эти же строки дословно воспроизводятся также и в ряде других новейших российских изданиях: Ве-

События 1956 года — защита населения Венгрии от фашистских мятежников и обеспечение внутренней незыблемости соцлагеря.

Обратимся к толкованию понятия «защита социализма», из «Военного энциклопедического словаря», подготовленного Институтом военной истории МО СССР, который был издан в 1986 году:

«ЗАЩИТА СОЦИАЛИЗМА, борьба социалистич. гос-в и их народов, направл. на сохранение и упрочнение завоеваний социализма как в одной стране (см. Защита социалистического Отечества), так и в рамках всего социалистич. содружества. Имеет два аспекта: внешний — защита от посягательств извне, подготовка стран (содружества социалистич. стран) к отражению возмож. воен. нападения; внутренний — борьба против внутр. контрреволюции, опирающейся, как правило, на междунар. реакцию. 3. с. — задача интернациональная. Она выступает как одна из закономерностей стр-ва социализма и коммунизма. Осуществляется различ. экон., полит., дипл. и воен. средствами. Реальные гарантии безопасности мир. социализма перед лицом общего врага — империализма — м. б. обеспечены только коллектив. усилиями. Выражением интернац. единства братских народов, направл. на 3.с., является Организация Варшавского Договора»⁴⁸.

Так как во время событий в Венгрии речь о смене социалистического строя в стране не шла (был поднят вопрос о выходе ее из ОВД), можно сделать вывод, что под определение «борьба против внутр. контрреволюции» (как и в случае с Чехословакией 1968 года) подпадала и борьба с политическим режимом той или иной страны, который не устраивал советское руководство, в том числе и с его социалистической вариацией.

.....
ликая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 17; Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 2-е изд., стереотипное. Т. 2: Вставай, страна огромная. М.: МГИМО — Университет, 2013. С. 50.

⁴⁸ Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. / пред. гл. ред. комиссии С. Ф. Ахромеев. М.: Воениздат, 1986. С. 271.

В 1956 году одним из краеугольных пунктов обоснования вмешательства стал объявленный правительством Надя политический нейтралитет Венгрии⁴⁹. Здесь сработал механизм реализации той самой модели, которую позже, с 1968 года, неофициально (и ошибочно) объявили «доктриной Брежнева»: «Ни одна из стран, вошедших в лагерь социализма, не может выйти из него обратно». Эта точка зрения, в частности, нашла отражение в исследовании «СССР в мировой политике» профессора Владислава Кульского⁵⁰, который подчеркивал, что отнюдь не Брежнев является создателем подобной доктрины, и прямо отсылал читателя к событиям 1956 года⁵¹.

Фактически это была «доктрина Хрущева», лишь воспроизведенная позже в несколько ином виде. По иронии судьбы сам Н. С. Хрущев в том же 1956 году в Отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду торжественно провозглашал: «Мы всегда утверждали и утверждаем, что установление нового общественного строя в той или иной стране — это внутреннее дело народов этих стран. Таковы наши позиции, основанные на великом марксистско-ленинском учении»⁵². Он также превозносил «пять принципов»⁵³,

49 Следует отметить, что внимание исследователей кризиса соцлагеря в 1956 года привлекают именно венгерские события и военное воздействие на них извне. Но, как уже указывалось выше, подобные шаги предпринимались СССР и ранее в отношении других стран. Так, в уже упомянутом исследовании Анджея Смолинского «Советская Армия в борьбе с венгерской революцией 1956 г.» подчеркивается, что вооруженное вмешательство СССР в Венгрии не было первой интервенцией такого рода в истории соцлагеря, при этом, как пример, приводится не только демонстрация силы в Восточном Берлине в июне 1953 года? но, что особо примечательно, — в Польше в октябре 1956 года (См.: *Andrzej Smoliński. Armia Radziecka w walce z rewolucją węgierską 1956 roku.* S. 203).

50 Władysław Wszelibór Kulski (1903–1987) — до и во время Второй мировой войны — польский дипломат, в 1964–1973 годах — лектор и преподаватель политологии Дюкского Университета, США (Duke University), автор многочисленных работ по истории, международным отношениям и международному праву.

51 Подробнее см.: *Kulski W. The Soviet Union in world affairs: A doc. analysis, 1946–1972.* Syracuse (N.Y.): Syracuse University Press, 1973. P. 313–315.

52 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. В 2-х частях. Часть I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 36.

53 Пять так называемых принципов мирного сосуществования были провозглашены в 1954 году в индийско-китайском соглашении о Тибете:

выдвинутых КНР и Индией: «Почему бы эти принципы не превратить в основу мирных отношений между всеми государствами в любой части земного шара? Присоединение к пяти принципам всех государств отвечало бы жизненным интересам и требованиям народов»⁵⁴. Однако подобные заявления выглядели осенью не чем иным, как банальным политическим лицемерием.

Итак, СССР, согласно сформулированной еще в советский период точке зрения, в 1939 году, пользуясь плодами пакта Молотова-Риббентропа, «обеспечивал защиту социализма в одной стране» путем включения Восточной Польши в свои границы («защита от посягательств извне»); еще до завершения Второй мировой войны и сразу после нее, пользуясь плодами Потсдамской системы, «обеспечивал защиту социализма в рамках всего социалистического содружества»; в 1956 году удерживал ключевое звено этого содружества — Польшу — и замыкал «разомкнувшееся» звено — Венгрию («борьба против внутренней контрреволюции»).

Польша 1939 года и Венгрия 1956 года — нежелательные темы в отечественной исторической науке

Сами события 1939 и 1956 годов были весьма нежелательными, как в плане ограничения простых упоминаний о них, так и однозначно — в плане какого-либо детального изучения.

Хотя специального исследования истории советско-польской войны 1939 года на уровне монографии в России до сих пор не создано⁵⁵, мы рассмотрим одну из немногочисленных

- 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- 2) ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела;
- 4) равенство и взаимная выгода;
- 5) мирное сосуществование.

⁵⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956 года. Ч. I. С. 36.

⁵⁵ Популярными издания в данном случае не рассматриваются. К подобным, например, можно отнести: *Бешанов В.* Красный блицкриг. М.: Издатель Быстров, 2006. 416 с.

отечественных работ, касающихся этой темы, — монографию М. И. Мельтюхова⁵⁶. В аннотации к ней подчеркивается: «Основное внимание автор уделяет началу Второй мировой войны — событиям сентября 1939 г. Доступные ныне архивные документы позволили подробно описать Польскую кампанию Красной армии 1939 г.»⁵⁷.

Это заявление не соответствует действительности.

Во-первых, хронологические рамки монографии из трех частей охватывают период 1917–1939 годов, но две из них объемом более 300 страниц посвящены проблемам советско-польских отношений до событий осени 1939 года и лишь заключительная Часть 3, объемом 250 страниц, непосредственно советско-польскому противостоянию 1939 года уделяет менее 150 из них, так как более ста приходится на описание германо-польского (обратим также внимание на своеобразный прием автора в отношении используемой терминологии: несмотря на название книги «Советско-польские войны», в подзаголовках упомянутой Части 3 используется иное красноречивое определение — «Польская кампания Красной армии»). Таким образом, собственно на советско-польскую войну осени 1939 года приходится не основная часть монографии, а менее 19% от общего объема текста.

Во-вторых, серьезные вопросы вызывает обращение автора с источниками. Например, в Части 3 «Сентябрь 1939 года» в разделе «Польская кампания Красной Армии: 17–21 сентября», объемом 30 страниц, соответствующие ссылки присутствовали только на девяти (!) из них. Вряд ли можно считать нормальным то обстоятельство, что целые блоки текста по 4–6 страниц не обеспечены никакими сносками⁵⁸.

В-третьих, бросается в глаза избегание упоминания и тем более анализа работ польских авторов по тематике советско-польской войны 1939 года. Автор ограничивается обращением всего

.....
Несмотря на большой объем представленного текста, в данной книге отсутствуют не только какие-либо ссылки на источники и литературу, но и список таковых.

⁵⁶ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды. 2-е изд., испр. и доп. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 670 с. (Первое издание вышло в 2001 году).

⁵⁷ Указ. соч. С. 4.

⁵⁸ Указ. соч. С. 466–469; 471–474; 484–489.

лишь к трем (!) публикациям, две из которых были опубликованы в конце 1980-х годов и одна — в 1998 году⁵⁹. Вероятно, именно поэтому в работе отсутствовал даже краткий экскурс по историографическому обзору работ польских авторов по данной теме. В связи с этим можно отметить парадоксальную на первый взгляд ситуацию: не отечественные, а польские специалисты первыми перевели на родной язык и опубликовали ряд документов из российских архивов, касающихся боевых действий РККА периода осени 1939 года. Неудивительно, что и уровень разработки многих аспектов советско-польской войны 1939 года в польской историографии, благодаря введенным в научный оборот документам, выше, чем в российской. В связи с минимальным количеством отечественных исследований по данной теме значительный интерес представляли и представляют сборники документов и публикации трудов польских авторов, как общего характера, которые касались советско-польской войны 1939 года в целом⁶⁰, так и более узких по тематике исследований, в том числе относящиеся и к применению различных родов войск⁶¹. Итак, М. И. Мельтюхов просто проигнорировал практически все новейшие польские публикации и даже не упомянул о фундаментальном исследовании этой войны 1939 года, принадлежащем перу Р. Шавловского⁶². Возможно, что эти и иные

59 *Cygan W. Kresy w ogniu: Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa, 1990; Szubanski R. Siedemnasty wrzesnia 1939. Warszawa, 1990; Grzelak C. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowjeckiego na Polske w 1939 roku. Warszawa, 1998.*

60 См., например, издания, где, в частности, использованы документы из фондов РГВА: *Agresja sowiecka na Polske w swietle dokumentow 17 wrzesnia 1939. Tom 2. (Front Ukraiński). Warszawa, 1996; Agresja sowiecka na Polske w swietle dokumentow 17 wrzesnia 1939. Tom 3. (Front Białoruski). Warszawa, 1995; Grzelak C. Dziennik Działan Bojowych Frontu Białoruskiego we wrześniu 1939 roku. Warszawa, 1998*

61 Особого внимания из них, с точки зрения автора, заслуживают монография «Красный блицкриг» о применении советских бронетанковых войск в Польше в 1939 году и статья «Польско-советская воздушная война сентября 1939 г.» об итогах действия ВВС РККА: *Magnuski J., Kolomiec M. Czerwony blitzkrieg. Wrzesień 1939: Sowietkie wojska pancerne w Polsce. — Warszawa: PELTA, 1994; Wawrzyński M. Wojna lotnicza polsko-sowiecka wrzesień 1939 // Militaria i Fakty. 2003. № 4. S. 26–28, 30–31; № 5–6. S. 27–28, 30–32.*

62 *Szawłowski R. Wojna polsko-sowiecka 1939. Wydanie III. Warszawa, 1997.* Эта монография неоднократно переиздавалась в Польше, и на момент выхода в свет работы М. И. Мельтюхова ее можно было отнести к классическому труду по данной теме.

публикации либо вообще были ему неизвестны, либо он просто не удосужился упомянуть о достижениях своих коллег. Во всяком случае, им не была упомянута ни одна из указанных выше фамилий.

Все это перечисленное выше не помешало сделать автору весьма спорное заявление о том, что «события сентября 1939 г. достаточно хорошо изучены»⁶³, имея в виду отечественную историографию, хотя на практике немногочисленных российских авторов, изучавших отдельные аспекты этой темы, М. И. Мельтюхов почему-то предпочел вообще не замечать. Например, отсутствовало упоминание о первой отечественной публикации, непосредственно посвященной боевому применению ВВС РККА против Польши осенью 1939 года, подготовленной исследователем истории авиации В. Р. Котельниковым, выход в свет которой был приурочен к 60-летию начала Второй мировой войны⁶⁴. А ведь в ней впервые были показаны численность и состав авиационной группировки СССР, выставленной против Польши, сообщалось о захвате советскими войсками значительного количества польской авиатехники и об изучении отдельных ее образцов в СССР. Подобная ситуация выглядела еще более странной в свете того, что ряд российских авторов был хорошо известен польским исследователям⁶⁵, а сами они также активно ссылались на работы польских специалистов. Так, российский читатель мог узнать из отечественных публикаций о существовании монографии «Красный блицкриг», а данные одного из ее авторов, Януша Магнуского, о потерях советских танковых войск в Польше в 1939 году были использованы известным исследователем истории развития и применения бронетанковой техники И. П. Шмелевым в статье о бронетанковых

63 Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 596.

64 Котельников В. Р. Авиация в советско-польском конфликте сентября 1939 года (по документам советских архивов) // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. 1999. № 9 (Выпуск 50). С. 5–10.

65 Это касается, в частности, упомянутой выше статьи В. Р. Котельникова (см., например, *Wawrzyński M.* Op. cit. / *Militaria i Fakty*. 2003. № 5–6. S. 32). Некоторые из отечественных авторов публиковались в Польше, как например, М. Коломиец, который был соавтором упоминавшейся выше монографии «Красный блицкриг».

войсках Польши, выход в свет которой, так же как и упомянутой выше статьи В. Р. Котельникова, был приурочен к 60-летию начала Второй мировой войны⁶⁶.

Таким образом, работа М. И. Мельтюхова о советско-польских войнах, фактически посвящена вопросам советско-польских отношений 1917–1939 годов, а непосредственно советско-польской войны осени 1939 года касается весьма ограничено, причем весьма серьезные вопросы вызывает как источниковая база, так и знание автором отечественной и зарубежной историографии проблемы.

Впрочем, эти тенденции были продолжены специалистами Института российской истории РАН в исследовании, посвященном 70-летию начала Второй мировой войны, где польским событиям была отведена глава пятая — «Документальная хроника военного похода в Западную Белоруссию и в Западную Украину. Сентябрь – октябрь 1939 г.»⁶⁷. Автор данной главы, к. и. н. Т. С. Бушуева, из 154 имевшихся в тексте ссылок привела лишь три на польские работы (причем все они были посвящены «лагерной» тематике, но не собственно военным действиям), а также практиковала массовое использование различного материала, не подтверждаемого абсолютно никакими ссылками на источники⁶⁸.

66 См. *Барятинский М., Коломиец М.* Легкий танк БТ-7 // Бронекolleкция. Приложение к журналу Моделист-конструктор. 1996. № 5 (8). С. 32; *Шмелев И. П.* Бронетанковые войска Польши 1918–1939 гг. // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра. 1999. № 9. С. 19.

67 К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии: Колл. монограф. / отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Ю. Л. Дьяков, Л. П. Колодникова, Т. С. Бушуева, А. В. Серегин. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С. 144–256.

68 Так, на с. 155 приводилось спецсообщение Особого отдела ГУГБ НКВД СССР от 16 сентября 1939 года, а три абзаца текста с выдержками из этого сообщения не подкреплялись никакими сносками; относящаяся к этому документу НКВД таблица «Белорусский особый военный округ» отображающая данные о ходе мобилизации в последнем по состоянию на 14 сентября 1939 года, почему-то сопровождалась сноской № 17 на публикацию О. Ф. Сувенирова, где речь действительно идет о различных соединениях того же округа, но только по состоянию... на 1 мая 1939 года; без ссылок на соответствующие архивные документы на пяти страницах подряд цитировался боевой приказ № 01 штаба Белорусского фронта; без ссылок давались оперативные сводки Генштаба РККА за 19–25 и 27–28 сентября 1939 года и приводимое на трех страницах сообщение Л. З. Мехлиса в НКО и в ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1939 года, запись из дневника замнаркома иностранных дел В. П. Потемкина за № 5496 от 4 октября 1939 года.

Тематика советско-польской войны 1939 года никогда не была популярной ни в советской, ни в российской историографии. Свидетельством этого является сохранение терминологии сталинского периода на официальном уровне. Двусмысленность ситуации с фактическим непризнанием официальными институтами России «Освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию» как советско-польской войны 1939 года удивляет. Хотя уже нет ни Красной Армии, ни Советского Союза, хотя Белоруссия и Украина вот уже четверть века являются независимыми государствами, термины сталинского периода успешно продолжают существовать.

Вот что пишет в связи с этим к.и.н. В. А. Токарев: «Советская пропаганда через различные жанры осваивала “освободительный” характер красноармейского блицкрига в Польше и искала привлекательную семантическую конструкцию, объяснявшую форму “освобождения”. Наиболее часто в газетных передовицах, очерках и стихах проскальзывали: “освободительный поход”, “славный освободительный поход”, “великий освободительный поход на Запад”, “освободительный марш” и т.п. Официальное и, возможно, общественное предпочтение было отдано “освободительному походу”»⁶⁹.

Достаточно своеобразно подошли к вопросу об «освободительном походе» в упомянутом выше коллективном исследовании ИРИ РАН, где в первом же абзаце отмечалось существование проблемы: «являлся ли поход в Западную Украину и Западную Белоруссию освободительным или нет»⁷⁰. Но ответа на этот вопрос, однако, так и не было дано.

Польские историки достаточно четко высказывались по этому поводу. Так, например, профессор Эвгениуш Дурачиньский (Eugeniusz Duraczyński) писал: «Военные действия, начатые

.....
⁶⁹ Токарев В. А. «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / [редкол. И. В. Нарский и др.]. Челябинск: «Каменный пояс», 2007. С. 211.

⁷⁰ К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. С. 144.

17 сентября, в Советском Союзе называют освободительным походом. Многие польские исследователи не сомневаются, что это была война, хотя ни одна из сторон ее не объявляла (Гитлер начал агрессию против Польши также без издания требуемого международным правом акта объявления войны). Ситуация, когда СССР нарушил границу между двумя государствами, когда советские и польские войска вели борьбу друг с другом, когда солдаты гибли и их брали в плен, когда Красная Армия занимала города и территории, с точки зрения международного права, была, несомненно, войной»⁷¹.

О событиях в Катыни в той или иной степени знают (или по меньшей мере слышали) значительное количество российских граждан. Но отнюдь не все из них задаются вопросом: а что же делал Советский Союз в Польше в 1939 году, если только пленных офицеров польской армии в его руках оказались десятки тысяч?

Существует официальный «Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации» — это Приложение к Федеральному закону «О ветеранах». В Разделе I к нему, помимо прочего, относятся: «Советско-польская война: март — октябрь 1920 года» и «Боевые действия при воссоединении СССР, Западной Украины и Западной Белоруссии: с 17 по 28 сентября 1939 года». Отметим, что слово «война» во втором случае отсутствует. А то, что во время «Освободительного похода» в 1939 году Красная армия вела боевые действия, не отрицала даже советская пропаганда.

Посетив в августе 2015 года Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации (ФГБУ «ЦМВС РФ» Минобороны России), автор убедился, что в обновленной экспозиции о советско-польской войне 1939 года не говорится. Вместо нее в экспозиции Зала №8 «РККА и РККФ накануне Великой Отечественной войны» на стенде «Внешняя политика СССР в 1939–1941 гг.»

.....
⁷¹ Дурачинский Э. Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика, 1939–1941. М.: Наука, 1999. С. 50–51, 62.

представлен все тот же «Освободительный поход в Западную Белоруссию и Украину 17.09.1939 – 29.09.1939», по-прежнему не только воплощающий в жизнь сталинскую точку зрения, рожденную 76 лет назад, но и противоречащий даже соответствующей официальной формулировке из Приложения к Федеральному закона «О ветеранах».

Сохранение советских подходов и терминологии к исследованию мы можем обнаружить и в ряде отечественных публикаций на рубеже XX–XXI веков, где имеются разделы, посвященные венгерским событиям 1956 года. Приведем названия соответствующих разделов этих работ. Это «Венгерский кризис»⁷², «Венгерский кризис (1956 г.)»⁷³, «Венгерские события (1956 г.)»⁷⁴, «Антисоветский мятеж в Венгрии (1956 г.)»⁷⁵. Последнее вряд ли нуждается в каких-либо дополнительных комментариях.

Чтобы у читателя не возникало ложного впечатления от кажущегося разнообразия исследований, выпущенных разными издательствами, которые в той или иной степени касаются венгерских событий, укажем на то, что некоторые из них написаны одними и теми же авторами, поэтому из фактологической базы появившихся ранее публикаций создаются новые с минимальными изменениями, но под разными названиями.

72 Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 147.

73 Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 532. Приводится название соответствующего раздела, касающегося боевых действий и потерь советских войск. В более раннем исследовании под руководством Г. Ф. Кривошеева этот назывался раздел «События в Венгрии 1956 г.» (См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Военное издательство, 1993. С. 397).

74 Книга памяти. Т. 10. 1946–1982. Справочное издание / под ред. Е. М. Чехарина. Авторы: Вартанов В. Н., Амосов И. А. и др. М.: ТЕРРА, 1999. С. 252; Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. М.: Триада-фарм, 2002. С. 221. Приводится название составляющей части раздела «Роль СССР и его вооруженных сил в сохранении единства стран-участниц варшавского договора», присутствующего в обоих изданиях.

75 Рогоза С. Л., Ачкасов Н. Б. Засекреченные войны. 1950–2000 гг. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. Приводится название главы из данной публикации.

Об уровне исполнения упомянутых исследований и о соотношении с реальностью фактов, приводимых в них, будет сказано ниже.

Пока же начнем с сопоставления друг с другом фрагментов текста из введений к тому 10 «Книги памяти», опубликованной в 1999 году и к исследованию «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века», изданного тремя годами позднее. Как уже отмечалось выше, они содержат общую часть — «Роль СССР и его вооруженных сил в сохранении единства стран-участниц варшавского договора», где присутствует описательный текст о венгерских событиях, а также пофамильный список советских военнослужащих, погибших и пропавших без вести в 1956 году.

Зная о существовании двух работ, одна из которой дублирует другую, можно только удивляться нелепости приводимых ниже фраз:

«Исторические справки, начинающие каждый из 17 разделов труда, объединенных в пять глав, — не попытка переписывания старой или написания новой истории. Это попытка нового прочтения, современного осмысления тех событий. Работа во многом носила не описательный, а скорее исследовательский характер. При подготовке обзорного исторического материала авторский коллектив стремился оценить события с высоты пройденных десятилетий. При этом мы стремились критически оценить политическую целесообразность участия советских людей в тех или иных конфликтах и войнах, и соответствие интернациональной помощи национальным интересам, и правильность решения чисто военных вопросов, и многое другое».

Воспроизведение одного и того же текста, с точки зрения авторов, разумеется, не является попыткой переписывания текста трехлетней давности и издания его под другим названием, а есть «попытка нового прочтения, современного осмысления тех событий».

Один из немногих примеров небольшого, но важного расхождения в тексте двух работ был обнаружен в отрывке, который приводится ниже:

В предисловии из «Книги памяти», написанном руководителем авторского коллектива В. Н. Вартановым, говорится, что

«авторский коллектив заранее приносит извинения за неточную и неполную порой информацию. Более того, мы предполагаем, и даже почти убеждены, что и приведенные списки погибших включают не всех, кто отдал жизнь при исполнении воинского долга. Просим расценивать это не как вину, а как беду авторского коллектива»⁷⁶. В издании «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века» от этого фрагмента осталось следующее: «Мы предполагаем, и даже почти убеждены, что приведенные списки погибших включают не всех, кто отдал жизнь при исполнении воинского долга и предстоит еще большая работа по их окончательному уточнению». Таким образом, извинения перед читателями за просчеты авторского коллектива были изъятые...

Авторы хвалят труд, созданный под руководством Г. Ф. Кривошеева: «Широкий позитивный отклик вызвала подготовленная коллективом авторов из Генерального штаба ВС РФ книга “Гриф секретности снят” (ей посвящается ссылка № 1), посвященная потерям Советских Вооруженных Сил в войнах и конфликтах XX века»⁷⁷. Однако, они не объясняли, как и почему получилось так, что данные «Грифа секретности...» отличаются от их собственных: «По данным, которые удалось установить, в локальных войнах и вооруженных конфликтах после Великой Отечественной войны советские безвозвратные потери составили 2035 человек, в том числе погибли, пропали без вести, умерли от ран и болезней... в Венгрии — 707 человек...»⁷⁸.

И в «Книге памяти», и в исследовании «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века» авторы, назвавшие один из разделов «Роль СССР и его Вооруженных Сил в сохранении единства стран-участниц Варшавского Договора», куда включены и «Венгерские события (1956 г.)», уже только этим фактически признают, что в данном случае с Венгрией упомянутое «сохранение единства» осуществлялось путем использования Советской армии⁷⁹.

.....
⁷⁶ Книга памяти. Т. 10. 1946–1982. С. 12.

⁷⁷ Указ. соч. С. 7. Во избежание повторного приведения двух одних и тех же цитат из двух изданий, здесь и ниже ограничимся ссылками только на Книгу памяти.

⁷⁸ Указ. соч. С. 11.

⁷⁹ Указ. соч. С. 250.

Приведем следующую цитату: «Широкое и многогранное взаимное сотрудничество, как тогда писали, основанное на уважении равноправия, независимости и национального суверенитета, на невмешательстве во внутренние дела, товарищеской взаимопомощи и интернациональной солидарности, крепло и развивалось. Неуклонно укреплялось единство социалистического союза, росли его сила и мощь, совершенствовался оправдавший себя механизм взаимодействия. Варшавский Договор обеспечивал надежную защиту безопасности и социалистических завоеваний братских стран.

Однако не все обстояло безоблачно и гладко. Произошедшие через полтора года после его подписания события в Венгрии, а также события в Чехословакии, имевшие место по прошествии тринадцати с лишним лет, носили ярко выраженный политический характер, свидетельствовавший о наличии в этих странах определенных сил, находящихся в поисках собственных путей национального развития. События 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии показали также, что советское руководство стремилось во что бы то ни стало сохранить единство образовавшегося военно-политического блока. Следствием этого и стало применение в этих странах вооруженной силы со стороны СССР»⁸⁰.

С одной стороны, авторы явно положительно относятся к системе ОВД, оценивая ее как «надежную защиту безопасности и социалистических завоеваний братских стран», указывая, что «советское руководство стремилось во что бы то ни стало сохранить единство образовавшегося военно-политического блока», поэтому оно и прибегало к использованию вооруженной силы в 1956 и 1968 годах.

Оптимистические формулировки, ярко подчеркивающие преимущество «товарищеской взаимопомощи и интернациональной солидарности» и «надежную защиту безопасности и социалистических завоеваний», переходят к упоминанию о наличии в Венгрии и Чехословакии неких весьма блеклых и безликих «определенных сил», находящихся в непонятном поиске путей «национального развития» своих стран.

.....
80 Указ. соч. С. 251.

Приходится признать, что, несмотря на употребляющиеся обтекаемые фразы, представленный текст в целом носит вполне определенный характер. Несмотря на то, что авторы всячески старались избегать жестких формулировок относительно характеристик неких «сил, находящихся в поисках», они точно так же отказываются дать им в принципе какую-либо четкую оценку. Но их позиция в отношении происходящих событий вполне очевидна: только барьеры вынужденной политкорректности мешают присутствовать в этих абстрактных рассуждениях терминам, подобным «венгерским фашистам» или «ползучей контрреволюции», чтобы сразу же ожили хорошо знакомые по советским временам логичные выводы о необходимости и правильности пресечения злостных покушений на социалистические завоевания братских стран.

Авторов отличает некорректная работа с источниками, которая выражается в отсутствии подробных ссылок на предшествующие публикации таковых. Так, приводимые ими документы под заголовком «Документы из архива Президента Российской Федерации», снабжены весьма странной отсылкой на журнал «Исторический архив» с указанием года и номера издания, но без указания страниц. К тому же все эти документы годом ранее уже повторно публиковались (как и полагалось, со ссылками на соответствующие страницы «Исторического архива») в сборнике «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы», причем без каких-либо пропусков, но об этом у авторов нет ни слова⁸¹.

Авторы исследования «Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века» в разделе о Венгерском кризисе указывают: «Советские потери составили: 720 человек убитыми, 1540 ранеными, 51 человек пропал без вести»⁸². При этом сноска № 233 дает отсылку на С. 516, где сообщается о работе «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и боевых конфлик-

81 Указ. соч. С. 265–273.

82 Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 147.

тах». Но проблема заключается в том, что в этой самой работе, подготовленной в 1993 году под руководством Г. Ф. Кривошеева таких цифр просто нет! В разделе «События в Венгрии 1956 г.» сообщается, что «в ходе подавления вооруженного выступления в Венгрии» (без указания какого-либо четкого хронологического ряда) советские войска понесли следующие безвозвратные потери: убито, умерло от ран — 669 человек; пропало без вести — 51 человек; всего же — 720 человек⁸³.

Как видим, к цифре 720, объединяющей убитых, умерших от ран и пропавших без вести, было повторно прибавлено число пропавших без вести! Весьма трудно объяснить эту ошибку не чем иным, как откровенно халтурным отношением авторов к выполняемой им работе. Заметим, что в данном случае речь идет не о каких-то второстепенных деталях, а о важнейших фактах, подытоживающих степень напряжения боевых действий для советских войск во время венгерских событий. Но уровень профессионализма авторского коллектива из Института военной истории оказался таковым, что не помог даже правильно воспроизвести уже написанные и опубликованные до них цифры советских потерь.

Интересно отметить, что в статье, приуроченной к 50-летию венгерских событий, А. А. Широкоград привел абсолютно такие же данные! Неизвестно, вычислил он их сам, опять повторно приплюсовав число пропавших без вести к общему числу безвозвратных потерь советских войск в Венгрии, или просто переписал из труда Института военной истории, но в итоге получилось следующее: «В ходе боевых действий потери Советской армии составили 720 человек убитыми, 1540 ранеными, 51 человек пропал без вести»⁸⁴.

В уже упоминавшемся статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» присутствует странная раздвоенность: там наличествует и «вооруженное выступление антисоциа-

83 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и боевых конфликтах. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Военное издательство, 1993. С. 397.

84 Широкоград А. Советский «Вихрь» над Венгрией. Независимое военное обозрение. 2006. 3–6 ноября. № 40 (498). С. 5.

листических сил», и «ликвидация вооруженного выступления антиправительственных сил»⁸⁵. Читатель может задаться логичными вопросами: может быть присутствовало два вида сил — антисоциалистические и антиправительственные — или это одно и то же; было ли, например, правительство И. Надя антисоциалистическим, а если да, то против кого выступали антиправительственные силы и были ли они в таком случае социалистическими, а если правительство И. Надя было социалистическим, то почему тогда появилось правительство Я. Кадара? Подобная терминология, совершенно не учитывающая не только современные знания, но и законы логики, является закономерным итогом отношения авторов к истории событий на уровне, не выходящим за рамки штампов советского образца.

От работ, главным образом созданных при активном участии Министерства обороны, перейдем к литературе, связанной с описанием деятельности советских спецслужб во время венгерских событий.

Непосредственный участник венгерских событий 1956 года А. М. Гуськов⁸⁶, почти 40 лет прослуживший в советских органах госбезопасности, в своих мемуарах не стал изображать игру в политкорректность и откровенно обозначил свою позицию как по поводу трактовки событий, так и по отношению к их венгерским участникам с противостоящей стороны, что можно увидеть в следующем, весьма ярком и красноречивом, отрывке из раздела «Спецоперация в городе Печ» главы 10 «На верхних “этажах” оперработы»:

«Однако положение сильно осложнилось тем, что разгромленная контрреволюция в Будапеште бежала в основном на юг, то есть в район города Печ, чтобы в случае необходимости уйти на территорию Югославии.

85 Россия и СССР в войнах XX века. С. 532.

86 Анатолий Михайлович Гуськов (1914–2005), с 1954 года — генерал-майор. С октября 1956 года по сентябрь 1959 года — первый заместитель начальника 3 Главного управления КГБ при СМ СССР. См.: *Тумиш М. А.* Щит и меч Советского Союза. Краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 — декабрь 1991 гг.). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 130.

По наблюдениям войсковой разведки, в горно-лесистом районе, господствующем над городом, за горою Мечек на расстоянии 10–15 км к 15 ноября сосредоточилось до 15–20 тысяч вооруженных людей. Такое “соседство” было чрезвычайно опасно, нужно было срочно принимать меры.

На вертолете совместно с командованием наших войск мы облетели район расположения вражеского лагеря и приняли решение разгромить этот лагерь минометным огнем, а с воздуха на вертолете координировать стрельбу. Подтянули оружие и ударили по самому центру этого сброда.

Многие успокоились на месте, а оставшиеся в живых были рассеяны и вся их организация была разрушена, но отдельных небольших вооруженных групп и одиночек осталось все еще много, правда они были деморализованы, некоторые из них явились с повинной, но тем не менее эта публика представляла большую опасность, так как совершала нападения на предприятия, банки, учреждения и на отдельных активистов. К тому же с помощью эмиссаров из Югославии создавались так называемые “рабочие советы”, которые пытались серьезно помешать восстановлению порядка в стране»⁸⁷.

Обратимся к известному сборнику документов «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР», авторы-составители которого использовали без каких-либо замечаний озвученные выше совершенно фантастические цифры из мемуаров А. М. Гуськова: «15.11: В этот день в горно-лесистом районе уранового рудника, находящемся за горою Мечек, на расстоянии 10–15 км от города Печ (на юге Венгрии), войсками 38-й Советской армии была разгромлена крупная группировка вооруженных мятежников, насчитывавшая от 15 до 20 тысяч человек»⁸⁸.

Численность венгерской стороны вызывает очень серьезные сомнения.

К авторам сборника гораздо больше вопросов, чем к А. М. Гуськову. Дело в том, что они сами через несколько стра-

87 Гуськов А. М. Под грифом правды: Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. М., 2004. С. 238.

88 Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 57.

ниц сообщают, что из всего венгерского населения, численностью около 10 млн чел., «в рядах вооруженных мятежников с советскими войсками и верными присяге частями ВНА сражалось не более 15000–20000 человек»⁸⁹. Налицо явное противоречие.

Что касается первоисточника — мемуаров А. М. Гуськова, то можно лишь предположить обычную техническую ошибку — опечатку в рукописи — и, в таком случае, вышеупомянутая группировка может быть оценена не 15–20 тысяч, а в 1,5–2,0 тысячи человек, то есть как крупная, но не гигантская.

Но авторы сборника, как показывают его материалы, не имеют четкой позиции относительно такой важной цифры, как общая численность противостоящей советской стороне вооруженных венгерских отрядов. Так, в сноске № 223 к тексту (в котором сообщается, что «командующий повстанцами, включая сформированную им так называемую “национальную гвардию”, генерал Бела Кирай бежал из Венгрии»⁹⁰) говорится: «По некоторым оценкам, к нач. ноября включала в себя до 25000 молодых бойцов»⁹¹. Если принять во внимание эту цифру, то необходимо учесть и тот факт, что в событиях, естественно, участвовала не только молодежь, но и люди более старшего возраста. Даже если отбросить легенду о пересекших границу тысячах хортистских офицеров с Запада, все равно эта цифра будет выше обозначенных авторами ранее предельно как 20–25 тысяч человек.

Относительно советских потерь в Венгрии авторы также высказались весьма странно: «Проводя широкомасштабную войсковую операцию “Вихрь” по подавлению контрреволюционного мятежа в Венгрии, советское командование не стремилось к кровопролитию и ориентировало войска на максимальную сдержанность. За весь период боев в Венгрии с 23 октября по 12 ноября 1956 года, в соответствии с современными официальными данными, потери советских войск составили 640 человек убитыми и 1251 чел. ранеными»⁹². В соответствующей ссылке

89 Указ. соч. С. 60.

90 Указ. соч. С. 56.

91 Указ. соч. С. 499.

92 Указ. соч. С. 60.

указан источник этой информации — статистическое исследование «Гриф секретности снят...».

Но, как уже отмечалось выше, таких цифр в нем нет. В разделе «События в Венгрии 1956 г.» там сообщается, что «в ходе подавления вооруженного выступления в Венгрии» (без указания какого-либо четкого хронологического ряда), советские войска понесли следующие потери: убито, умерло от ран — 669 чел.; пропало без вести — 51 чел.; ранено, травмировано — 1540 чел.⁹³. Кроме того, эти цифры приводятся и во всех более поздних изданиях, подготовленных под руководством упомянутого выше Г. Ф. Кривошеева⁹⁴. Возможно, конечно, что авторы располагали какими-то иными источниками, так как эти цифры никак не похожи на описанные выше бездарные манипуляции со статистикой сотрудников Института военной истории, а ссылка на «Гриф секретности...» была просто ошибкой.

Одна из главных претензий, которую можно предъявить авторам сборника, — это некорректное отношение к источникам, которое выражается в отсутствии каких-либо ссылок на предшествующие публикации таковых. Как примеры, можно привести документ «Обращение командования советских войск в Венгрии к венгерскому народу и солдатам и офицерам венгерской армии в связи с началом операции по восстановлению порядка в ВНР» от 4 ноября 1956 года⁹⁵, опубликованный в 1998 году в сборнике «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» под наименованием «Обращение командования советских войск в Венгрии к венгерскому народу»⁹⁶; документ «Информация министра обороны СССР маршала Советского Союза Г. К. Жукова в Президиум ЦК КПСС о положении в Венгрии по состоянию

.....
93 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и боевых конфликтах. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Военное издательство, 1993. С. 397.

94 См.: Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 532; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. С. 560.

95 Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 118–119.

96 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 580–581.

на 9.00 5 ноября 1956 года»⁹⁷, который, в частности, был опубликован в сборнике «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» под наименованием «Информация Министерства обороны СССР в ЦК КПСС о положении в Венгрии по состоянию на 9.00 5 ноября 1956 г.»⁹⁸; документ, именуемый в сборнике «Докладной запиской Председателя КГБ при Совете министров СССР генерала армии И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о работе органов госбезопасности на территории Венгрии на 19 ноября»⁹⁹, который был опубликован, причем несколько раз: например, в 1995 году — в журнале «Континент»¹⁰⁰, а в 1998 году — в сборнике «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» под наименованием «Телефонограмма И. А. Серова из Будапешта в ЦК КПСС о работе органов госбезопасности на территории Венгрии и фактах помощи югославских дипломатов венгерским повстанцам»¹⁰¹.

Как было показано на различных примерах выше, многие концепции советского времени благополучно живы в отечественной исторической науке и в XXI веке. В связи с этим становится неудивительным то, что в постсоветский период освещение венгерских событий началось не с новых исторических исследований, а с работ публицистического характера.

Так, ровно 25 лет назад вышла в свет статья «Красный флаг над Будапештом. К 35-летию победы СССР над Венгрией». В предисловии редакции говорилось: «В октябре 1956 года наша страна победила Венгрию. Мы так мало об этом знаем, так односторонне, что статья историка Владимира ВОРОНОВА¹⁰² не может не шокировать. Но даже если молодого историка и “заносит”, собранные им материалы помогают нам все же лучше понять, почему они так рады были освободиться от .....

⁹⁷ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 119–120.

⁹⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 588–589.

⁹⁹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 186–188.

¹⁰⁰ Континент. 1995. № 85. С. 225–228.

¹⁰¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 661–664. (Комментарии к документу — см. С. 664–665).

¹⁰² Так в тексте.

объятий “старшего брата”. И еще поражает: “как примитивно схожи все наши сценарии подавления свободы”¹⁰³. А в октябре 1995 года «Московский Комсомолец» сообщил, что, согласно докладу начальника 3-го Главного управления КГБ генерал-лейтенанта Д. С. Леонова маршалу Г. К. Жукову, за осуждение советской военной агрессии против Венгрии около 200 солдат, сержантов и офицеров Советской Армии были репрессированы органами госбезопасности СССР¹⁰⁴.

Выше мы упомянули ряд работ исследовательского и справочного характера, в которых информация о событиях в Венгрии была их составной частью, в том числе выпущенные под эгидой Министерства обороны, а также мемуаров и сборника документов по истории спецслужб, который был посвящен именно венгерским событиям.

Как это ни покажется странным и даже парадоксальным, но события в Венгрии 1956 года были «смазаны» в двух фундаментальных сборниках Института всеобщей истории РАН, посвященных, соответственно, событиям холодной войны¹⁰⁵ и локальным войнам и конфликтам в XX веке¹⁰⁶. Книга «Холодная война. 1945–1963» представляла собой некоторое исключение в том смысле, что венгерскому кризису 1956 года там уделяется приличествующее внимание, однако эта тема остается как бы в тени, подлинная роль венгерской революции в контексте истории холодной войны даже в этой книге раскрывается неполно. В монографии А. А. Фурсенко о России и международных кризисах середины XX века¹⁰⁷, где рассматриваются Суэцкий, Берлинский и Кубинский кризисы, но Венгерский не упоминается даже в связи с Суэцким, параллельно и во взаимосвязи с которым он

.....
¹⁰³ Воронов В. Красный флаг над Будапештом. К 35-летию победы СССР над Венгрией. Собеседник. 1991. № 43. С. 4.

¹⁰⁴ Московский Комсомолец. 1995. 24 октября.

¹⁰⁵ Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / отв. ред.: Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: Олма-пресс, 2003.

¹⁰⁶ Война и общество в XX веке: в 3 кн. Рук. проекта и сост. О. А. Ржешевский. Кн. 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века. М.: Наука, 2008.

¹⁰⁷ Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы: середина XX века. М.: Наука, 2006.

проходил. Как следствие, можно отметить, что историки, сосредоточенные на межблоковых отношениях, зачастую не всегда оценивали по достоинству те кризисы в истории холодной войны, которые, несмотря на внутриблоковый характер, фактически имели глобальные резонанс и последствия, что заставляло каждую из сторон в межблоковом конфликте корректировать свою политику и принимать принципиальные решения. Это венгерский 1956 года, чехословацкий 1968 года, польский 1980–1981 годов кризисы. Так, в августе 1968 года огромные соединения Советской Армии и ее союзников в короткое время продвинулись вглубь Европы на сотни километров, а таких аналогов не наблюдалось с окончания Второй мировой войны. Некоторая тенденция к недооценке глобального значения восточноевропейских кризисов с участием СССР была налицо, проявившись в том числе и в работе одного из известных специалистов российской исторической науки — покойного А. А. Фурсенко.

Таким образом, возникает закономерный вопрос, если не о своеобразном табуировании темы Венгерских событий даже в XXI веке, то по меньшей мере — о разработке ее на достаточно примитивном и ограниченном уровне, вполне достаточном для повторения и некоторой модернизации штампов советских времен, но явно недостаточном для их отбрасывания, в том числе — путем тщательного анализа и обобщения уже имеющегося сейчас в руках историков различных новых материалов.

В связи с фактическим умолчанием венгерских событий и отсутствием у официальной историографии глубокого анализа этой темы, отнюдь не случайностью является появление откровенно халтурных работ, в том числе и научно-популярного характера.

Публикация с красноречивым названием «Мятеж, обреченный на неудачу», появилась в 2015 году на страницах российского военнотехнического журнала «Техника и вооружение»¹⁰⁸. О ее научном уровне можно, в частности, сделать вывод на основе одного из высказываний автора: «Прежде, чем перейти к некоторым

.....
¹⁰⁸ Морозов В. Мятеж, обреченный на неудачу. Венгрия, 1956 г. Техника и вооружение. 2015. № 3. С. 17–26; № 4. С. 14–21.

подробностям тех событий, следует напомнить, что вся западная историография данного конфликта представляет собой, в основном, написанный в обычной для них кичевой манере пафосный бред, поскольку игнорирует многие доступные документы и реальные факты, основываясь на воспоминаниях уцелевших мятежников...»¹⁰⁹. Оставив в стороне вопрос, какая же западная историография имела в виду — «вся» или «в основном», — отметим только то обстоятельство, что автор, обещавший «представить читателям некоторые новые цифры и факты»¹¹⁰ в перечне использованной литературы (конкретные ссылки в тексте не представлены вовсе), ограничивается упоминанием всего лишь трех публикаций из «Военно-исторического журнала» более чем 20-ти летней давности¹¹¹. Более же поздние отечественные работы, в том числе сборник, изданный за шесть лет до публикации его статьи¹¹², своим вниманием автор не удостоил, возможно, и по той причине, что они ему просто неизвестны. Зато в качестве своеобразной компенсации В. Морозов не просто предлагает, а «настоятельно рекомендует» читателям пополнить свои исторические знания по событиям в Венгрии 1956 года путем просмотра американского художественного телесериала «Контора» (The Company, реж. Mikael Salomon, 2007)¹¹³!

Подобные тенденции присутствуют не только в российских публикациях. Так, к 50-летней годовщине событий в Венгрии в белорусском периодическом издании «Новая экономика» была опубликована статья с примечательным названием «Венгерский мятеж 1956 года (к 50-летию усмирения)»¹¹⁴. Уже во втором абзаце текста ее автор сообщал: «Венгерский вооруженный мятеж октя-

109 Указ. соч. Техника и вооружение. 2015. № 4. С. 14.

110 Там же.

111 Указ. соч. С. 21.

112 Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов.

113 Морозов В. Указ. соч. Техника и вооружение. 2015. № 3. С. 17. Вряд ли подлежит сомнению, что сборник «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» при всех недостатках, о которых уже было сказано в работе А. С. Стыкалина, все-таки, дает гораздо большее представление о методиках работы отечественных и зарубежных спецслужб соответствующего периода, чем американский «шпионский» фильм.

114 Шиптенко С. Венгерский мятеж 1956 года (к 50-летию усмирения). Новая экономика. 2006. № 9–10. С. 75–103.

бря 1956 г., несомненно, не спонтанное выступление недобитых на Балатоне фашистов, но кульминация тщательно готовившегося заговора. Кто, как и где его готовил, кто сегодня предстает в светлом образе борца за независимость Венгрии, каковы были цели и задачи участников мятежа, почему они потерпели поражение — эти и другие вопросы приобретают особую актуальность для потенциальных жертв “цветных революций”. В свете политической безграмотности и исторической амнезии отдельных глав западных государств сразу отметим: рассматриваемые события новейшей европейской истории достигли своей кульминации в конце октября — начале ноября 1956 года в форме попытки вооруженного мятежа, подавленного в ходе миротворческой операции с участием советских войск». Отметим, что точно такой же термин — «миротворческая операция» — был использован российским историком М. И. Мельтюховым при оценке войны 1939 года против Польши.

Современный уровень отечественной исторической науки в ряде случаев снисходит до уровня примитивной пропаганды. Особенно показательны случаи использования архивных документов без каких-либо комментариев и попыток их осмысления. Все это целиком и полностью относится как к тематике советско-польских отношений периода Второй мировой войны, так и к венгерским событиям 1956 года.

Приведем два соответствующих примера. Первый из них — это выдержка из сообщения для личного состава советских войск в Венгрии 1956 года из сборника «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР». В ней говорится, что в конце октября — начальных числах ноября самолетами Красного Креста было привезено в Будапешт около 500 путчистов. Одновременно через австрийскую границу перешли около 4 тысяч хорошо подготовленных хортистских офицеров¹¹⁵. Сноска № 204 отсылает читателя к соответствующему источнику — документу из состава Российского государственного военного архива: «См.: РГВА, Ф. 32907. Оп. 1. Д. 145. Л. 32 и сл.»¹¹⁶.

.....
¹¹⁵ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 53.

¹¹⁶ Указ. соч. С. 498.

Перед нами классический образец пропаганды, который снабжен соответствующей архивной ссылкой. Если задаться вопросами, где размещались эти четыре тысячи человек до венгерских событий, кто и как их финансировал, снабжал и тренировал, сохраняя на должном уровне их боеготовность и моральный дух спустя 11 лет с момента окончания Второй мировой войны, как они смогли перейти через границу и с чьей территории, знали ли об этом ранее советские спецслужбы, а если нет, то почему, — постепенно начинают возникать весьма серьезные сомнения в соответствии реальности этой приведенной фантастической цифры. Достаточно сказать, что гораздо более многочисленная антисоветская эмиграция из России, располагавшая несравнимо большим количеством великолепно подготовленных и идейно мотивированных бывших офицеров, никогда и нигде не обеспечивала одновременное применение таких сил против СССР ни в период после окончания гражданской войны, ни тем более спустя 10 лет после нее.

Подобный уровень достоверности имеет информация из другого документа, который имеет отношение к истории бывших польских территорий. Речь идет об интернет-публикации документов¹¹⁷, подготовленной сотрудниками ГА РФ к. ф. н. О. К. Иванцовой и Ю. Г. Орловой, историческое предисловие к которой написано в. н. с. Института славяноведения РАН д. и. н. А. Ф. Носковой. В предисловии к нему указывается: «Настоящий блок документов посвящен еще одной непростой странице истории советско-польских отношений — попыткам польского вооруженного подполья после освобождения от гитлеровцев Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы и вступления советских войск на территорию Польши

.....
¹¹⁷ Речь идет о документальной публикации с красноречивым названием «Как польское вооруженное подполье “помогало” Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.», 25 февраля 2015 года размещенной на официальном сайте Росархива. Ее подготовили: Федеральное архивное агентство, Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Архив Президента Российской Федерации (АП РФ), Центральный архив Министерства обороны России (ЦА МО РФ), Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный военный архив (РГВА), Архив внешней политики Российской Федерации ИДД МИД России (АВП РФ).

дестабилизировать тыл Красной армии». Также сказано, что «составители выражают надежду, что публикация будет способствовать восстановлению исторической правды и объективному освещению причин советских действий в отношении польского подполья»¹¹⁸.

Обратимся к документу № 11 от 31 октября 1944 года. Это «Донесение члена Военного совета 1-го Белорусского фронта К. Ф. Телегина начальнику Главного Политического управления Красной армии А. С. Щербакову о наличии подпольных вооруженных формирований Армии Крайовой в полосе предстоящих боевых действий войск фронта, и о формировании польских легионов для борьбы с Красной Армией»¹¹⁹. В нем, в частности, говорится, что попавший в немецкий плен руководитель польского сопротивления в Варшаве Бур-Комаровский «по заданию немцев формирует польские легионы для борьбы с Красной Армией»!

Можно не сомневаться в том, что история спецслужб вообще и советских, в частности, изобилует огромным количеством примеров дезинформации, осевших в архивах. Но работать с этими документами и знать об их существовании — это одно, а подавать заведомо ложную информацию читателям под видом исторической правды без каких-либо комментариев — это совсем другое. Если дипломированный специалист с ученой степенью, который значительную часть своей жизни посвятил изучению определенной проблемы, вдруг оказывается не в состоянии сопоставить хорошо известную на данный момент времени информацию с архивными данными, существует только два варианта, объясняющие его действия. Первое — это его непрофессионализм, второе — сознательное выполнение определенной задачи, ничего общего с историей не имеющей.

После распада соцлагеря отечественная историческая наука в лице конкретных определенных фигур, занимавших не самое последнее место в иерархии российских историков, позволяла

.....
¹¹⁸ <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/index.shtml>

¹¹⁹ <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/document-011.shtml> Приведена следующая ссылка: ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 487. Л. 526–527. Подлинник. Машинопись.

по отношению к бывшим союзникам по Восточному блоку такие выпады, какие в свое время не позволяла себе даже сталинская пропаганда.

Так, в середине 2008 года в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны». Ее написал входящий в редакционный совет этого издания С. Н. Ковалев, который фактически возложил на Польшу вину за развязывание Второй мировой войны!

В статье, в частности, говорилось: «Все, кто непредвзято изучал историю Второй мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы А. Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав “третьего рейха”, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, которые связали бы Восточную Пруссию с основной частью Германии. Первые два требования трудно назвать необоснованными». Далее автор отмечал, что «подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы, искренне желавшие воссоединиться с исторической родиной». «Вполне естественным было и требование насчет дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии “польского коридора” при этом не покушались», — подытоживал С. Н. Ковалев. Однако Польша отказалась удовлетворить требования Германии, поэтому немецкая сторона 28 апреля 1939 года аннулировала декларацию о дружбе и ненападении, указывал автор статьи¹²⁰.

Разразился дипломатический скандал: Министерство иностранных дел Польши потребовало объяснений у российского посла в связи с публикацией этой статьи С. Н. Ковалева на официальном сайте Минобороны России. На информационном сайте «Новости NEWSru.com» 4 июня 2009 года, в частности, сообщалось: «Скандалный текст под названием

.....
¹²⁰ Ковалев С. Н. Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 8, 15.

“Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны” пропал из раздела “История против лжи и фальсификаций” сайта Минобороны России. Напомним, статья за подписью начальника научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны, кандидата исторических наук полковника Сергея Ковалева потрясла общественность. Полковник Ковалев сделал вывод, что в начале Второй мировой войны виновата не Германия, а Польша: упрямые поляки отказались выполнить “обоснованные” требования Гитлера и отдать фашистам часть своей территории, за что и были завоеваны. Начальник Управления пресс-службы и информации МО РФ полковник Александр Дробышевский 4 июня 2009 года вынужден был выступить с разъяснениями: аналитические материалы, размещенные на сайте Минобороны РФ в разделе “Военная энциклопедия”, не являются официальной позицией российского военного ведомства и их “не следует рассматривать как официальную точку зрения Минобороны”¹²¹.

На следующий день, 5 июня 2009 года, уже сам начальник российского Генштаба, генерал армии Николай Макаров заявил журналистам в Москве, что статья военного историка Ковалева о причинах начала Второй мировой войны, опубликованная на днях на сайте Минобороны РФ, не является официальной позицией министерства¹²².

Как видим, открытая попытка пересмотра решений Нюрнбергского трибунала о виновниках Второй мировой войны со стороны оступившегося сотрудника Института военной истории Министерства обороны РФ на страницах не «желтой прессы», а ВАКовского журнала прошла без каких-либо серьезных последствий. С. Н. Ковалева не привлекли к ответственности за пропаганду фашизма и не уволили со службы, а всего лишь убрали его материал, ранее размещенный на официальном сайте.

121 Минобороны «почистило» свой сайт, сделавший Польшу виновницей Второй мировой войны (см.: <http://www.newsru.com/russia/04jun2009/polska.html>).

122 Глава Генштаба также «откrestился» от статьи, обвиняющей Польшу в начале Второй мировой войны (см.: <http://www.newsru.com/russia/05jun2009/makarov.html>).

В свое время двойственность советской политики, граничащей с лицемерным прагматизмом, можно проследить на примерах событий весны 1955 года.

В годы Второй мировой войны Австрия, инкорпорированная в состав Рейха, полностью следовала в фарватере общегерманской политики. Сразу после аншлюса почти все из 50 тысяч солдат и офицеров австрийской армии стали служить «Третьему Рейху»; позднее австрийцы в составе германского вермахта и войск СС воевали на всех фронтах¹²³. Однако после войны эту ситуацию не только сами австрийцы, но и их победители, в том числе и Советский Союз, трактовали совершенно иначе. «Тезис союзников, согласно которому Австрия стала жертвой национал-социализма, был воспринят чрезвычайно охотно и активно разрабатывался в качестве идеологии послевоенного периода. Денацификация довольно скоро сошла на нет». А за один день до подписания в Вене 15 мая 1955 года Австрийского государственного договора или Декларации о независимости, из него был изъят пункт о виновности Австрии во Второй мировой войне¹²⁴. Все это было сделано при прямом участии СССР. Ради достижения влияния на международные вопросы, связанные с Австрией, подписавшая Государственный договор советская сторона в лице В. М. Молотова предпочла благополучно забыть положение Московской декларации от 1 ноября 1943 года о том, что Австрия «не может избежать ответственности за участие в войне на стороне гитлеровской Германии». По иронии судьбы именно в этот день, 14 мая 1955 года, на Варшавском совещании европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе был подписан Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Среди прочих государств в него вошла и Венгрия, которую на протяжении нескольких лет при прямом указании из Москвы до предела милитаризировали, быстро отбросив прочь ограничительные положения Парижского договора, подписанного в 1947 году и советскими представителями.

.....
¹²³ *Wagner D., Tomkowitz G.* «Ein Volk, ein Reich, ein Führer !» Der Anschluß Österreichs. 1938. München, 1968. S. 340.

¹²⁴ *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М.: Весь Мир, 2007. С. 405–406, 412.

Ничего нового ни в методике мышления, ни в действиях советской стороны не наблюдалось. Подобные прецеденты уже упоминались выше. Например, когда В. М. Молотов 10 сентября 1939 года во время встречи с послом нацистской Германии в Москве В. Шуленбургом, посвященной вопросам подготовки советской интервенции в Польшу, известил его, что СССР объяснит действия Красной Армии тем, что «Польша разваливается на куски» и что «Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым “угрожает” Германия»; после же войны с Германией, ожесточенной борьбы с ОУН/УПА и восстановлением отношений с Польшей вторжение СССР 1939 года объяснялась уже не только защитой населения, но и безальтернативной необходимостью отодвинуть на запад границы с целью облегчения будущей борьбы с фашизмом, которую в итоге СССР выиграл, параллельно освободив и возродив ту же Польшу.

Как видим, советская система, в ряде случаев, не просто игнорировала чужие нарушения по различным международным вопросам, но могла стать и соучастницей этих нарушений, не исключая и ранее ею же самой одобренные положения. Так, именно из-за политики СССР Польша — жертва германской агрессии — стала объектом военных действий и со стороны Красной армии, а Австрия, принявшая активное участие в агрессивной войне против СССР и других стран в составе Германии, объявлялась жертвой агрессии.

«Эластичность» советской политики была безмерна. Когда было нужно, жертва фашистской агрессии могла быть объявлена его соучастницей, как в случае Польшей по вопросу о Катыни, когда СССР не только списал на зверства фашистов свои собственные преступления, но еще и обвинил всех тех, кто был не согласен с советской версией событий в контакте и сговоре с Гитлером. Когда было нужно, Австрия — фактический соучастник германской агрессии в Европе — была объявлена жертвой фашистской агрессии.

В связи с этим яростные обличения «венгерских фашистов» полутора годами позднее выглядели не просто абсолютно нелогичными, но даже лицемерными. Ведь если в 1955 году Венгрию

пригласили в братский оборонительный союз социалистического содружества, и она действительно полностью соответствовала всем критериям «правильного» социалистического государства, то кто, как не Советский Союз, дал «карт-бланш» на подобный шаг? В противном случае следовало бы признать подобное решение явной недальновидностью и граничащей с бездарностью некомпетентностью советских лидеров, а также тот факт, что годы коммунистического правления явно не пошли на пользу развитию Венгрии. Альтернативным шагом в таком случае могло бы стать бескровное и безболезненное придание ей в том же 1955 году статуса нейтрального государства (как и в случае с Австрией) с сохранением социалистического строя (чего, собственно, и стало добиваться правительство И. Надя в ходе событий 1956 года). Но советская доктрина, разумеется, полностью исключала такой шаг, одновременно автоматически перекладывая всю ответственность за последующие происходившие неудачи и провалы в собственной политике на венгерское население и его политическое руководство. Поэтому можно говорить о дне 14 мая 1955 года как о своего рода поворотной точке в исторической судьбе Венгрии.

Бои и потери — скрытые цифры

И в 1939 году, и в 1956 году советское руководство и пропаганда стремились не допустить огласки о масштабах и продолжительности боевых действий¹²⁵, максимально засекретить имеющиеся потери и всю негативную информацию об этих событиях от собственного населения. Все это сочеталось с предельно циничным отношением как к погибшим, так и к их родственникам. Эта тенденция сохраняется до настоящего времени.

Участники польских и венгерских событий никогда не были в почете. Число же жертв последних было не просто засекречено, но даже на закрытом уровне в полном объеме не было известно

.....
¹²⁵ Эта тенденция сохраняется до сих пор. Например, советские действия в Польше представляются не как война, а как «миротворческая операция» — см.: Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 602.

и остается неизвестным до сих пор. Секретность даже по поводу обстоятельств награждений за участие в венгерских событиях сохранялась вплоть до распада СССР.

По неполным данным части Красной Армии, НКВД и гражданский персонал в войне против Польши потеряли 1583 человека за время существования Украинского и Белорусского фронтов. «В настоящее время можно с полным основанием говорить о том, что польскую кампанию Красной Армии сталинское руководство подытоживало цифрами человеческих потерь, заниженных примерно вдвое», — указывает В. А. Токарев, который вывел эти данные¹²⁶.

Точно такая же пропорция занижения потерь существует и в отечественных работах XXI века. Например, согласно данным статистического исследования, подготовленного сотрудниками Генштаба и Военно-мемориального центра ВС РФ (позже переименован в Управление Минобороны по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества) и изданного в 2010 году сообщается, что советские танковые войска в «Освободительном походе» понесли следующие потери: 52 человека было убито и умерло от ран, а 81 — ранено¹²⁷.

Согласно же опубликованным еще в 1994 году материалам польского исследователя Я. Магнуского и российского историка М. Коломийца, которые были выявлены в российских архивах, в боях в Польше по 2 октября 1939 года включительно только по неполным данным 90 танкистов были убиты (Белорусский фронт — 54 человека, Украинский фронт — 36 человек), 18 пропали без вести (все — Белорусский фронт) и 152 было ранено¹²⁸.

Как видим на этом примере, Минобороны РФ до сих пор занижает людские потери Красной Армии в Польской кампании 1939 года, несмотря на то, что в научный оборот уже введены совершенно иные данные, взятые из российских же архивов.

126 Токарев В. А. «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. С. 220.

127 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. С. 166.

128 *Magnuski J., Kolomiec M. Czerwony blitzkrieg*. S. 87.

В упоминаемой выше монографии М. И. Мельтюхов также приводил не соответствующие действительности потери советской стороны в людях и боевой технике, таким образом замалчивая и степень напряженности боевых действий, и проблемы Красной Армии, вскрывшиеся в них. Так, им сообщалась информация о 17 танках и 6 самолетах потерянных РККА¹²⁹.

Согласно же данным Я. Магнуского и М. Коломийца, в боях в Польше по 2 октября 1939 года потери двух фронтов в бронетехнике по неполным данным составили 471 единицу, в том числе войска Белорусского фронта — 276 и Украинского — 153 (по мнению авторов, это были только танки, без учета бронемашин); из этого числа — 42 танка отнесены к потерям от воздействия неприятеля. Относительно последних указывалось, что, вероятнее всего, в это число входили только безвозвратные потери танков, которые не удалось ввести в строй и которые подлежали безусловному списанию, а общие потери от воздействия неприятеля были выше¹³⁰. Еще раз отметим, что эти данные неполные, так как не охватывали некоторые танковые соединения РККА, принимавшие участие в боевых действиях.

Таким образом, речь идет не о потере полутора-двух десятков танков (М. И. Мельтюхов, кстати, не конкретизировал о каких потерях — безвозвратных или общих — идет речь), не имеющих никакого значения для огромного советского танкового парка того периода, а о сотнях единицах бронетанковой техники, которых лишились советские части, задействованные против Польши. Боевой состав танковых частей за короткий срок был ослаблен на 25 %, что не могло не привести к снижению их боеспособности в целом. Кстати, эта картина повторилась менее двух лет спустя во время начального периода Великой Отечественной войны, но уже в гораздо больших масштабах.

.....
¹²⁹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды. С. 597.

¹³⁰ Maguski J., Kolomiec M. Czerwony blitzkrieg. S.87.

Что же касается потерь советской авиации, то она также были гораздо выше. Согласно оценкам польского исследователя Мирослава Вавжинского, потери советской стороны составили от 15 до 25 самолетов от всех причин¹³¹. К настоящему времени, исследовав поименные списки погибших в Польше в 1939 году, насчитывающие около 1500 человек, можно сделать вывод о гибели не менее 11 авиаторов ВВС РККА¹³². Чрезвычайно высока была аварийность. Примечательно, что только один авиаполк — 35 ИАП — потерял в авиакатастрофах четырех пилотов.

Перейдем к рассмотрению биографий некоторых Героев Советского Союза, которые имеют отношение к исследованию темы участия и потерь советских войск в событиях 1939 и 1956 годов.

Обратимся к ситуации 1939 года. Вот какую информацию сообщает В. А. Токарев: «Первое принципиальное решение, повлиявшее на модель освещения польской кампании, приняли в Кремле сразу же после получения досадной информации о гибели дважды Героя Советского Союза С. И. Грицевца на аэродроме Болбасово близ Орши... На кремлевских деятелей оршанская катастрофа, видимо, произвела удручающее впечатление. Огласка факта гибели Грицевца могла придать начавшейся польской кампании тревожную тональность и вызвать в обществе ненужные кривотолки». В результате было принято политическое решение — информация была засекречена, а смерть известного летчика временно скрыли даже от родных. «Возникла парадоксальная ситуация. Майор Грицевец продолжал быть для современников живым и легендарным (а не легендой)... Как оказалось, официальные инстанции, однажды утаив гибель Грицевца, не считали возможным постфактум информировать широкую общественность об оршанской трагедии»¹³³.

131 Данные взяты из рукописи Wawrzyński M. «Czerwone gwiazdy sojusznik czarnych krzyży nad Polska IX–X 1939 r.», любезно предоставленной автором.

132 Итоговые данные составлены автором по: Российская Федерация. Книга памяти. Т. 1. 1923–1939. М., 1998. С. 657, 665–666, 668, 672, 682–683, 687, 689, 693, 701.

133 Токарев В. А. «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. С. 210, 226–227.

В свое время советское руководство изо всех сил пыталось засекретить участие советских военнослужащих в войне в Испании. Но на практике скрыть это не получилось. Для Запада это был «секрет Полишинеля». Вот отрывок из статьи П. Н. Тренина «Эпидемия наград в Красной Армии», опубликованной в газете «Голос России» (София) от 26 января 1937 года:

«Сейчас передо мной лежат три номера газеты “Известий”, от 30 декабря, 1-го и 3-го января. В этих номерах я обнаружил 12 длинейших списков, награжденных титулами героев совсоюза, орденами и прочими драгоценными жестяными и бумажными знаками совпчета. ... Коснусь лишь главных двух списков. Первый список состоит из 17 человек. Вот как формулирует сама соввласть награду этих 17.

“О присвоении звания героя совсоюза летчикам и танкистам РККА. Постановление ЦИК СССР. ЦИК СССР постановляет: За образцовое выполнение специальных и труднейших заданий правительства по укреплению оборонной мощи совсоюза и проявленный в этом деле героизм, присвоить звание героев совсоюза, со вручением ордена Ленина”. (Следует список летчиков и танкистов, часть которых лично известна автору. *Ред.*)

О месте и роде выполнения этими летчиками и танкистами специальных заданий в приказе ничего не сказано. Поэтому не стоит говорить и нам. Ибо понятно и без слов, за что интернациональная власть Сталина наградила этих молодцов»¹³⁴.

Двадцать лет спустя ничего не изменилось. Присвоение в СССР в конце 1956 года более чем двух десятков званий «Героя Советского Союза» сопровождалось определенными жесткими ограничениями информации. Засекреченность ограждала эту самую информацию не столько от Запада, сколько от советских людей. Подобное положение сохранялось и далее. Вот изложение биографии одного из награжденных посмертно участников венгерских событий, которая была размещена в биографическом словаре, изданном в 1988 году:

.....
¹³⁴ Голос России (София), год издания — первый, № 31, 26 января 1937, вторник. С. 2.

«ЯРЦЕВ Владимир Егорович, род. 15. 10. 1924 в посёлке рудника № 3, ныне пос. Дзержинского Ровеньковского горсовета Ворошиловгр. обл., в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1946. Окончил сред. школу. В Сов. Армии с 1941. Окончил окружную школу связи в 1942 в Сталинграде.

Нач-ку связи авиац. эскадрильи гв. бомб. полка ст. лейтенанту Я. за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воин. долга, 18.12.1956 присвоено звание Героя Сов. Союза посмертно. Нагр. орденом Ленина, Красной Звезды, медалями»¹³⁵.

Обратим внимание, что в этом тексте, опубликованном всего за три года до распада СССР, отсутствуют:

- а) обстоятельства подвига;
- б) время смерти;
- в) место смерти;
- г) место захоронения;
- д) наименование части.

Если такое положение дел существовало в конце 1980-х годов, то как изменилась ситуация сейчас?

Обратимся к материалу, взятому из раздела «Герои Советского Союза на тверской земле» интернет-сайта Общественной палаты Тверской области, который был подготовлен к 30 марта 2014 года — 80-летию со дня рождения А. Д. Соловьева, погибшего в Венгрии:

«Двое наших земляков — Иван Горячёв и Алексей Соловьёв — закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР были удостоены звания Героя Советского Союза “за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга”. Речь шла о подавлении контрреволюционного мятежа (восстания) в Венгрии осенью 1956 года.

[...]

Поскольку герои-танкисты Алексей Соловьёв и Иван Горячёв служили в одном полку, погибли в один день в одном и том же бою под Кечкеметом и лежат в одной братской могиле, можно предположить, что они входили в один танковый

.....
¹³⁵ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т. 2 (Любов — Ящук) / пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1988. С. 838.

экипаж: первый был командиром танка, а второй — механиком-водителем. Но с этих документов до сих пор не снят гриф секретности»¹³⁶.

Иногда мотивы выбора награжденных были весьма странными, иногда большую роль играла политическая составляющая. Впрочем, это имело давние корни. В своих воспоминаниях Дмитрий Пантелеевич Панов (1910–1994), участник войны в Китае и Великой Отечественной войны, отмечал: «... те из “испанцев”, кому удавалось вернуться, сразу совершали резкий скачок по служебной лестнице: становились командирами полков и эскадрилий, порой не имея на это никаких способностей. Их награждали редкими тогда высокими наградами. Даже тех, кто по году пробыл в плену у Франко. Например, летчик Зверев, которого с трудом разменяли, освободив из франкистского плена, сбитый над территорией противника, был награжден орденом Красного Знамени, авторитет которого, как самой высокой боевой награды времен Гражданской войны, был по-прежнему высок. Я разговаривал со Зверевым. Он сам не знал, за что его наградили»¹³⁷. Аналогичное случалось и в 1956 году. Сошлемся на мнение Тимофея Пантелеевича Пунёва (1922–2004), летчика, участника Великой Отечественной войны с осени 1942 года. После ее окончания он продолжил службу в авиации, освоил бомбардировщик Ил-28. В 1956 году служил в 819-м гвардейском бомбардировочном авиаполку. В 1960 году в звании подполковника вышел в запас¹³⁸.

«Венгерские 1956-го года нас немного затронули. В боевой готовности наш полк был, этим всё и закончилось, но с ними у меня связана история. Если быть точным, то это произошло с летчиком, которого я хорошо знал. Фамилия этого летчика была Бобровский. Мы не были друзьями, а познакомился я с ним во время войны в запасном авиаполку, где он был инструктором. От фронта он “бегал” как только мог, мы его звали “инструктор по рулежке”, поскольку он проверял машины каждому выпуску

.....
¹³⁶ <http://www.optver.ru/rodoslovnaya/heroes/1554-2014-03-30-2>

¹³⁷ Панов Д. П. Русские на снегу. Судьба человека на фоне исторической метели. — Львів: СПОЛОМ, 2003. С. 280.

¹³⁸ Настроение личного состава тогда было самое боевое... Из воспоминаний фронтового летчика-бомбардировщика Пунёва Т. П. Мир Авиации. 2004. № 1. С. 2, 6.

пилотов на фронт. Ясное дело, что никаким авторитетом он у нас не пользовался.

И тут узнаю, что Бобровский за венгерские события получил “Героя”. Посмертно. Ого! Каким же это образом? Оказывается, послали его на разведку, начали венгры по нему “садить” из зениток. Поскольку он настоящую войну видел только на картинках, то, естественно, о противозенитном маневре не имел ни малейшего понятия. Бьют по нему, венгры, бьют, и постепенно разрывы его самолет “догоняют”. Видя это, ему с наземного КП, говорят: “Эй, парень! Ты что делаешь?! Собыют сейчас тебя на хрен, уворачивайся, маневрируй!” А он, так картинно, в ответ: “Не мешайте, я выполняю задание!” Только он это сказал, его сшибают. Весь экипаж погиб. На этом бы всё и закончилось, но кто-то из “дьячков”-политработников его “героические” слова слышал и так восхитился, что представил к Герою Советского Союза. Вот и такое бывает. Был бы на его месте нормальный боевой летчик, вряд ли бы он Героя дождался, он просто не дал бы себя сбить»¹³⁹.

В 1998 году в рамках Федеральной программы книгоиздания России был издан Том 10 «Книги памяти», посвященный «памяти советских граждан, принимавших участие в боевых действиях за пределами СССР после Второй мировой войны». В аннотации к книге указано, что «Поименная Книга памяти издана в соответствии с Законом Российской Федерации от 14 января 1993 года “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества”, Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 1004, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 августа 1995 года № 1177-р».

В 2002 году в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» было издано также уже знакомое читателю коллективное исследование «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века», подготовленное Институтом военной истории Министерства обороны Российской Федерации.

.....
¹³⁹ Указ. соч. С. 7.

Помимо всего прочего, оба этих издания оказались примечательными тем, что и в том, и в другом издании в пофамильном перечне «Советские военнослужащие, погибшие в Венгрии» отсутствовали данные про уже упоминавшегося выше начальника связи эскадрильи гвардии старшего лейтенанта Ярцева Владимира Егоровича, получившего звание Героя Советского Союза посмертно (!).

Как видим, никакое финансовое и идеологическое обеспечение не в состоянии автоматически уберечь исторические работы от кощунственной халтуры. Обратим внимание, что во введении и той, и другой работы присутствуют одни и те же высокие слова:

«Этот труд — своеобразный мемориал нашим соотечественникам, павшим в войнах второй половины XX века, памятник, на котором золотом высечены все они поименно, памятник, который никогда не разрушит ни время, ни забвение. Он — символ веры и памяти нашего поколения, олицетворение связи времен, своеобразная клятва чести, верности долгу, беззаветного служения Отечеству»¹⁴⁰.

Но эти громкие пафосные словеса, без изменений размещенные в Предисловиях к обоим трудам (!), обесцениваются тем, что авторы-составители парадоксальным образом умудрились забыть фамилию одного из четырнадцати Героев Советского Союза, получивших это звание посмертно за бои в Венгрии, несмотря на то, что еще двое из этих четырнадцати погибли вместе с ним, забытым офицером ВВС, в одном экипаже самолета в один и тот же день и час ¹⁴¹(!). Что же можно сказать об обычных погибших советских участниках войны в Венгрии...

Обратим внимание, что в силу закрытости доступных источников даже в публикации 1997 года у ее авторов не было полной уверенности, что экипаж Ил-28 из трех авиаторов, получивших звание Героев Советского Союза Указом Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 года, и начальника связи авиаэскадрильи старшего лейтенанта В. Е. Ярцева, а также, — это экипаж

¹⁴⁰ См., например: Книга памяти. Т. 10. 1946–1982. Справочное издание / под ред. Е. М. Чехарина. Авторы: Вартаков В. Н., Амосов И. А. и др. М.: ТЕРРА, 1999. С. 7.

¹⁴¹ Кроме упомянутого выше командира авиаэскадрильи капитана А. А. Бобровского, речь идет также о штурмане авиаэскадрильи капитане Д. Д. Кармишине.

погибшего от зенитного огня над островом Чепель разведчика Ил-28Р 880-го гв. бап¹⁴².

Несмотря на то, что в Книге памяти дата гибели А. А. Бобровского и Д. Д. Кармишина определяется как 7 ноября 1956 года¹⁴³, согласно иным источникам она подвергается сомнениям¹⁴⁴.

Если в сентябре 1939 года советские власти засекретили, а впоследствии замолчали гибель дважды Героя Советского Союза С. И. Грицевца по политическим причинам, то в 1999 году и в 2002 году подобные действия по отношению к памяти Героя Советского Союза В. Е. Ярцева нельзя объяснить никакими иными причинами, кроме как откровенным непрофессионализмом авторов текста — сотрудников Института военной истории. Таким образом, можно смело говорить об отсутствии точного числа погибших со стороны СССР даже спустя 60 лет со времени Венгерских событий.

Так, автору удалось выявить еще одну фамилию погибшего — рядового 33-й гвардейской механизированной дивизии Бабия, убитого 7 декабря 1956 года¹⁴⁵. Она также не попала в списки «Книги памяти» и «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века».

При анализе «Докладной записки особого отдела КГБ при СМ СССР по Особому корпусу начальнику особого отдела КГБ при СМ СССР по Южной группе войск полковнику Горбушину В. И. о проделанной работе по розыску военнослужащих, пропавших без вести в период подавления контрреволюционного мятежа в Венгрии по состоянию на 31 декабря 1956 года» за подписью Зам. начальника особого отдела КГБ при СМ СССР по Особому корпусу от 4 января 1957 года подполковника Бессараба, выявлена еще одна фамилия. Она отсутствует как в списке «Книги памяти», так и, соответственно, в списке исследования «Россия

142 См. об этом: *Егоров Ю. А., Котловоский А. В.* Удачный самолет, которому не везло. *Авиация и время.* 1997. № 1. С. 16.

143 См. Книга памяти. Т. 10. 1946–1982. Справочное издание. С. 284, 314.

144 См., например: *Якубович Н. Н.* Первый реактивный бомбардировщик Ил-28. М.: «Яуза», «Эксмо», 2013. С. 56.

145 Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 327.

(СССР) в войнах второй половины XX века». Речь идет о младшем сержанте 1195 артполка 33 гв. мехдивизии Игнатьеве Юрие Леонтьевиче, 1934 года рождения, уроженце гор. Молотова, ул. Окулова, 2, кв. 8, русский, член ВЛКСМ. Ночью 25 октября 1956 года в автомашину, на которой находились Игнатьев и рядовой того же артполка той же дивизии Каледжян Вагаршак Тигранович, попала связка гранат, брошенная из окон на проспекте Ференца (г. Будапешт). Свидетели видели, как задняя часть кузова, где сидели Игнатьев и Каледжян, взорвалась, тут же начали рваться снаряды, от которых сгорела машина. Больше Игнатьева и Каледжяна никто не видел. Полковник Бессараб в докладной записке просил указания объявить всех перечисленных в ней военнослужащих (22 человека, включая Игнатьева и Каледжян) в розыск по Южной группе войск и Прикарпатскому военному округу¹⁴⁶.

Примечательно, что авторы «Книги памяти» и «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века» сочли, что В. Т. Каледжян (он проходит в списках как «В. Т. Калейджан») достоин упоминания как погибший¹⁴⁷, но вот сидевший рядом с ним в одной машине Ю. Л. Игнатьев не упоминается вовсе. Возможно, конечно, что авторам был незнаком документ; возможно, напротив, что, у них есть иные данные, согласно которым Ю. Л. Игнатьев остался жив (или дезертировал).

Кстати, согласно изложенным в Докладной записке подполковника КГБ при СМ СССР Бессараба фактам, как минимум шесть человек, предлагавшихся к объявлению в розыск по Южной группе войск и Прикарпатскому военному округу, пропали при достаточно странных обстоятельствах.

Так, 26 октября 1956 года колонна из двух танков Т-54 и 3-х танков Т-34, во главе с командиром роты старшим лейтенантом Губановым, следовала по улице Юллеи (г. Будапешт). При этом на танке № 404 была перебита гусеница. Остальные передвигались вперед и вели бой. Экипаж танка № 404 состоял из военнору-

.....
¹⁴⁶ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 353–354, 357, 359.

¹⁴⁷ См, например: Книга памяти. Т. 10. 1946–1982. Справочное издание. С. 312.

жащих 6 гв. мехполка 2 гв. механизированной дивизии младших сержантов А. И. Кузнецова и Б. И. Поповича и рядового Л. Ф. Покутнева, в этом же танке находился старший лейтенант Губанов. По показаниям рядового Покутнева было установлено, что при воспламенении танка от бутылок с горючей смесью Кузнецов и Попович покинули его, не предупредив об этом Покутнева, и скрылись в неизвестном для него направлении. В докладной сообщались данные о пропавших без вести:

«командир танка младший сержант Кузнецов Анатолий Иванович, 1935 года рождения, уроженец Московской области Ново-Тульского района, п. Тульский, русский, образование 6 классов, член ВЛКСМ, в Советской армии с 1954 года. До призыва проживал в Саратовской области, Краснокутский р-н, совхоз № 591, не судим. Приметы: среднего роста, плотного телосложения, рост 165 см, волосы русые, нос прямой, глаза серые. Мать — Кузнецова-Вразовская Мария Моисеевна, 1912 года рождения, проживает в совхозе № 591, Краснокутского р-на, Саратовской области;

и механик-водитель, младший сержант Попович Борис Ильич, 1935 года рождения, уроженец Молдавской ССР, молдаванин, образование 6 классов, беспартийный, в Советской армии с 1954 года. До призыва в армию проживал в г. Кишиневе, ст. почта 5/30, не судим. Там же проживают его отец — Попович Илья Ефремович, мать Попович Наталья Дмитриевна, брат Николай и сестра Светлана. Приметы: среднего роста, худощавый, при разговоре картавит»¹⁴⁸.

Еще один случай был отмечен 24 октября 1956 года, когда автомашина ЗИС-150 № 05-99-55 с 85-мм самодвижущейся пушкой следуя по улице Ракоци (г. Будапешт), попала под сильный огонь. По показаниям свидетеля, машина была подбита и подожжена мятежниками, а личный состав покинул ее, и все побежал в направлении жилых домов.

В розыск предлагалось объявить военнослужащих 5 гв. механизированного полка 2 гв. мех. дивизии:

.....
¹⁴⁸ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 358–359.

«старшина батареи сержант Ткач Лаврентий Исакович, 1935 года рождения, уроженец с. Савранское, Песчанского района, Одесской области, украинец, член ВЛКСМ, образование 7 классов, в Советской армии с 1954 года. Мать — Ткач Лариса Исаковна проживает в с. Савранском. Приметы: среднего роста, нормального телосложения, сутуловат, блондин, носит короткую прическу, глаза серые;

шофер, рядовой Частыло Владимир Иванович, 1936 года рождения, уроженец г. Цурюпинск (ул. Боровского, 4), Херсонской области, украинец, беспартийный, образование 6 классов, в Советской армии с 1955 года. Мать — Частыло Александра Степановна, проживает в г. Цурюпинске. Приметы: выше среднего роста, плотного телосложения, лицо широкое, волосы темно-русые, острижен наголо, глаза серые;

орудийный номер, рядовой Серенко (возможно, Сиренко) Валентин Дмитриевич, 1936 года рождения, уроженец с. Сладковидне, Розовского района, Запорожской области, украинец, член ВЛКСМ, с 4-классным образованием, в Советской армии с 1955 года. Мать — Серенко Надежда Дмитриевна проживает в с. Федоровское, Бузинского р-на, Львовской области. Приметы: выше среднего роста, стройный, смуглый, лицо узкое, глаза карие, волосы черные, острижен наголо;

орудийный номер, рядовой Хамраев Хэлияр, 1935 года рождения, уроженец г. Динава Сухран-Дарьинской области, узбек, член ВЛКСМ, с 8-классным образованием, в Советской армии с 1955 года. Мать — Сааткулова Зенат, проживает в гор. Динава, совхоз Хаварбак, отд. № 3. Приметы: среднего роста, коренастый, атлетического телосложения, смуглый, тип восточный, лицо длинное, нос большой, волосы черные, глаза черные»¹⁴⁹.

Для сравнения: согласно имеющимся данным потери СССР убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести в ходе боевых действий в Венгрии — 720 человек¹⁵⁰ — более

.....
¹⁴⁹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 358–359.

¹⁵⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 560.

чем втрое превысили общие англо-франко-израильские потери в войне против Египта, происходившие в тот же период 1956 года (215 человек)¹⁵¹. Потери в Венгрии составили до 35 % всех потерь, понесенных вооружёнными силами СССР в послевоенных войнах и локальных конфликтах вплоть до начала войны в Афганистане.

Отметим также то обстоятельство, что сохранявшееся в СССР вплоть до его распада отсутствие какой-либо официальной информации о числе погибших в Венгрии советских военнослужащих породило совершенно фантастические цифры о потерях, которые вряд ли укрепляли имидж Советской Армии или СССР в целом. Так, упомянутый выше историк В. Воронов писал в 1991 году: «Но “победа” над слабо вооружённым противником была кровавой — советские войска потеряли в октябре-декабре 1956 г. 7 тысяч человек убитыми. Нет, это не официальная статистика — она молчит до сих пор, — это подсчеты очевидцев и западных военных специалистов»¹⁵². По запросу Международного отдела ЦК КПСС 5 февраля 1991 года, согласно представленным данным МО СССР, в военной операции «Вихрь» приняли участие 58821 советский военнослужащий, из которых 669 чел. были убиты и 1541 получили ранения различной степени тяжести¹⁵³.

Историк В. А. Токарев, проанализировав судьбу 1405 бойцов и командиров РККА, погибших в Польше осенью 1939 года, выяснил, что только по 259 из них в официальных документах было указано точное место захоронения (т.е. в 18,4 % случаев) и только в 30 % случаях была указана точная дата гибели. То есть, согласно доступным советским документам, свыше 80 % из погибших в Польше в 1939 году погибли неизвестно где, а 70 % — неизвестно когда! Автор отмечал, что «иногда погибшие приписывались к несуществующим воинским частям и нередко лишались права иметь последнюю прописку во вре-

151 *Derek Varble. The Suez Crisis 1956. London: Osprey Publishing, 2003. P. 91.*

152 *Воронов В. Красный флаг над Будапештом. С. 4.*

153 *Тыкалин А. С. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 297.*

мени и пространстве»¹⁵⁴. Таким образом, даже к собственным командирам и бойцам, выполнявшим волю советского же государства и погибшим за него, руководство СССР отнеслось как к расходному материалу.

События в Венгрии 1956 года показали, что советская власть издевательски относится не только к памяти павших, но и к судьбам их оставшихся родственников. Снова обратимся к уже упоминавшимся ранее материалам сайта Общественной палаты Тверской области. «Осенью 1956 года в ходе операции “Вихрь” в Венгрии погибли 44 бойца и командира 11-й гвардейской мехдивизии, в том числе и сержант-танкист Алексей Соловьёв. После того как в Будапеште были ликвидированы последние очаги сопротивления восставших, наши части ещё выполняли боевые задачи на автомагистрали Будапешт-Кечкемет-Сегед. Здесь в одном из боёв 9 ноября и погиб наш земляк Алексей Соловьёв. Он похоронен в братской могиле на воинском кладбище в городе Кечкемет, расположенном в центральной части Венгрии, в 86 км к юго-востоку от Будапешта. Родственникам погибших воинов советские власти категорически запретили посещение кладбища, им было запрещено даже показывать похоронки, и члены семей не получили никаких положенных в таких случаях льгот»¹⁵⁵.

Примечательно, что еще 4 ноября 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС первый заместитель председателя Совета Министров СССР М.З. Сабуров при обсуждении вопроса «О действиях и обстановке в Венгрии» касался этой темы. Его позиция была зафиксирована краткими черновыми протокольными записями, в которых, в частности, говорится:

«Наградить военных.

Обеспечить семьи погибших»¹⁵⁶.

Как видим, государство не просто быстро замолчало, но

.....
¹⁵⁴ Подробнее см.: *Токарев В. А.* «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. С. 220, 226.

¹⁵⁵ <http://www.optver.ru/rodoslovnaya/heroes/1554-2014-03-30-2>

¹⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3-х томах. Т. 1. С. 202.

и приказало забыть про проблему неокказания материальной помощи оставшимся без кормильцев семьям погибших.

Венгерская армия — краткая история

Хотелось бы дать краткую информацию о венгерской армии, с которой пришлось столкнуться советским войскам.

После окончания Второй мировой войны численность венгерской армии к 1 мая 1946 года была сокращена до 23716 человек¹⁵⁷. 10 февраля 1947 года в Париже был подписан мирный договор с Венгрией, согласно которому ей разрешалось иметь сухопутную армию, включая погранвойска, личный состав зенитной артиллерии и речной флотилии, общей численностью 65 тысяч человек и ВВС не более 5 тысяч человек. В состав последних могли входить 90 самолетов, в том числе не более 70 боевых¹⁵⁸.

Доля коммунистов среди офицерского состава резко выросла в 1948 году, достигнув 66 % (годом ранее — всего 38,3 %), а в результате политических чисток 1948–1951 годов численность членов ВПТ среди офицерского и генеральского состава выросла к маю 1954 года до 74 %¹⁵⁹.

Венгерская Народная Армия (ВНА) выросла с 36 тысяч человек в 1948 году до 211 тысяч в 1952 году (в том числе — 33 тысячи офицеров). Задача заключалась в том, чтобы иметь в строю 12 дивизий, а в случае мобилизации довести их число до 20. Но этого не удалось достичь, так как после 1953 года началось сокращение армии, и к 1956 году ее численность снизилась до 140 тысяч человек¹⁶⁰.

Резкий рост ВНА проходил в связи с послевоенным советско-югославским конфликтом 1948–1953 годов. Интересно, что в связи с ним в октябре 1951 года в американском журнале «Кольерс»

.....
157 Зарождение народных армий стран-участниц Варшавского Договора. 1941–1949 гг. / отв. ред. М. И. Семиряга. М.: Наука, 1975. С. 326.

158 Указ. соч. С. 329.

159 Указ. соч. С. 331, 334–335.

160 *Erwin A. Schmidt, Laszlo Ritter*. The Hungarian Revolution 1956. Oxford: Osprey Publishing, 2008. P. 32.

был опубликован сценарий новой мировой войны. Согласно ему 10 мая 1952 года советские спецслужбы осуществляют попытку покушения на Тито (такие планы действительно существовали), советские войска и армии стран-союзников СССР переходят границы Югославии. Армия и партизанские формирования ФНРЮ (как и предполагалось реальными планами обороны) оказывают вооруженное сопротивление, а США начинают атомные бомбардировки военных целей Советского Союза... В связи с этим автор исследования о российско-югославских отношениях С. А. Романенко указал: «Естественно, подобные материалы дали советской пропаганде новый стимул для изображения Тито агентом американского империализма. А югославской — для подтверждения своих внешнеполитических позиций как возможного объекта нападения со стороны СССР и его союзников». Примечательно, что в следующем же месяце — ноябре 1951 года — Специальный политический комитет ООН разбирал жалобу ФНРЮ «на враждебную деятельность, которую по отношению к ней ведет правительство Союза Советских Социалистических Республик и правительства Болгарии, Венгрии, Румынии и Албании, а также правительства Чехословакии и Польши»¹⁶¹.

В 1956 году ВНА находилась в процессе реорганизации. Что касается сухопутных войск, то в состав четырех стрелковых, двух механизированных и одной артиллерийской дивизий входило: 14 стрелковых полков, 6 полков механизированной пехоты, 6 танковых полков, 13 артиллерийских полков, 6 полков штурмовой артиллерии, минометный полк, противотанковый полк, 14 полков ПВО, вспомогательные части. Большое количество образцов вооружения и снаряжения, использовавшихся ВНА, относилось к периоду Второй мировой войны, включая переданное из советских арсеналов. К их числу, в частности, относились винтовки Мосина и пистолеты-пулеметы Шпагина, а также танки Т-34 с 85-мм орудием¹⁶².

.....
 161 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 474, 500.

162 Erwin A. Schmidt, Laszlo Ritter. The Hungarian Revolution 1956. P. 41.

О подавляющей доле советских образцов среди 103735 единиц индивидуального стрелкового оружия, взятого под контроль в период событий в Венгрии, говорят «Сведения о захваченном и собранном вооружении войсками Особого корпуса»¹⁶³ по состоянию на 14 декабря 1956 года. Обратим внимание на то, что отнюдь не все из этих образцов были переданы СССР Венгрии после окончания Второй мировой войны или захвачены венграми во время боев 1956 года. В конце 1940-х годов Венгрия вынуждена была приобрести лицензии от Советского Союза для производства различных видов советского стрелкового оружия. Так, на предприятии *Fémáru és Gépgyár (FEG)* в Будапеште в 1949–1955 годах выпускались копии: винтовок Мосина 1891 / 1930 под обозначением *Gyalogsági Puska, 48. Minta* (модель 48), в 1952–1953 годах — карабина образца 1944 года под обозначением *Gyalogsági Karabély, 48. Minta*, в 1948–1955 годах — пистолета-пулемета ПППШ — под обозначением 1948 *Minta Géppisztoly*, в 1947–1958 годах — пистолета ТТ — под обозначением *Pisztoly 48. Minta*.

То есть речь может идти, прежде всего, о советских образцах, но собственно венгерского производства. Согласно «Сведениям...», наиболее распространенными образцами были: винтовки калибра 7,62-мм, которых было собрано, захвачено, получено от коменданта и т.д. — 9753, а еще 33361 находилось на складах частей ВНА под охраной советских войск; автоматы ПППШ — 11272 и 10516, соответственно; карабины калибра 7,62 мм — 14124 и 2540; пистолеты ТТ — 1040 и 10010.

Единственным массовым военным образцом несоветского образца были 5260 винтовок, обозначенных как «Маузер», из которых более 4000 находились на складах. Возможно, что речь шла о винтовке *Mannlicher* образца 1943 года — *Gyalogsági Puska, 43. Minta*, которая была приспособлена под стандартный немецкий патрон 7,92×57 *Mauser* («Маузер»).

Практически все остальные образцы были представлены 2473 малокалиберными винтовками для учебных целей (из

.....
¹⁶³ Приводимые ниже цифры даются по: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 315.

них 1137 находились на складах ВНА) или сигнальными пистолетами (почти все они, кроме 37, были на складах). Речь может идти об однозарядных учебных винтовках калибра 5,6 мм (22 LR), либо довоенного производства, известные под название Kispuska («маленькое ружье»), или Levente Puska («кадетская винтовка») разных модификаций, либо послевоенного — Lámpagyár Kispuska 48M, которые производились с 1946 года на Электроламповом заводе в Будапеште. Подобные винтовки широко использовались коммунистическими молодежными и спортивными союзами для военной подготовки населения к «неизбежной конфронтации с Западом», были довольно легко доступны и очень популярны как до, так и во время событий 1956 года.

Факт, что среди более 40 тысяч единиц захваченного индивидуального стрелкового оружия приходилось всего 47 автоматов и 163 пистолета иностранного производства полностью опровергает версию об имевшей место его широкомасштабной переброске западными спецслужбами из-за рубежа. В милитаризованной в сталинско-ракошистский период Венгрии оружия было более чем достаточно и без этого.

Хочется также обратиться к широко распространенной легенде о раскрытом секрете конструкции автомата Калашникова, образцы которого попали в руки западных разведок именно в Венгрии осенью 1956 года, что якобы нанесло серьезный ущерб интересам СССР. В действительности упомянутый выше завод FEG в Будапеште начали переоснащать для производства лицензионного варианта автомата Калашникова — 7,62 mm AK-55 Gépkarabély — уже в 1957 году (как видим, решение о его производстве в Венгрии было принято еще до событий 1956 года), а первый образец АК-55 покинул завод в 1959 году. Таким образом, автомат уже перестал быть секретом, когда стал объектом экспорта и это не имеет к событиям 1956 года никакого отношения.

Обычно, говоря о событиях в Венгрии, подразумевают наземные столкновения. В данном случае будет рассмотрен вопрос об авиации сторон накануне и во время событий 1956 года.

К 23.00 23 октября советская авиация была приведена в боевую готовность — одна ИАД и одна БАД в Венгрии и одна ИАД и одна БАД Прикарпатского военного округа, всего — 159 истребителей и 122 бомбардировщика¹⁶⁴.

Всего же советские ВВС за время венгерских событий совершили около 1300 боевых вылетов. Например, самолеты дислоцированной в Венгрии 155 ИАД (три авиаполка) в период с 24 октября по 24 ноября 1956 года совершили 570 самолето-вылетов (143 — накрытие войск, 140 — на разведку, 99 — перелеты на другие аэродромы, 38 — на штурмовку позиций повстанцев¹⁶⁵, 23 — на блокирование венгерских аэродромов, 16 — на сопровождение своих транспортных самолетов, 15 — на перехваты нарушителей).

Самолеты дислоцированной в Венгрии 177-й бомбардировочной авиадивизии (три авиаполка Ил-28 и смешанная авиаэскадрилья) ограничивались выполнением демонстрационных и разведывательных полетов. Так, утром 24 октября 27 Ил-28 из состава 674 полка этой дивизии, действуя с аэродром Дебрецен, совершили 84 боевых вылетов — демонстрационных и разведывательных — над Будапештом и другими районами страны. Известно, что в наземных боях дивизия потеряла шесть человек ранеными.

Интенсивно использовалась военно-транспортная авиация в составе пяти транспортных авиаполков. Также активно применялись вертолеты. Так, с 5 по 12 ноября вертолеты Ми-4 35-й десантно-транспортной авиадивизии перевезли 1033 чел. (из них 355 раненых) и 154 тонны груза.

Помимо получивших повреждения от огня с земли машин (в частности, это касалось транспортной авиации), имели место и различные виды потерь авиатехники. Так, 7 ноября один вертолет Ми-4 в условиях плохой видимости врезался в гору и разбился, при этом погибли три человека, а двое были тяжело ранены¹⁶⁶.

.....
¹⁶⁴ Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 86.

¹⁶⁵ Так, 7 ноября, 8 самолетов МиГ-17 осуществляли штурмовку позиций одной из зенитных батарей в районе населенного пункта Дунапентеле, оказывавшей сопротивление советским войскам.

¹⁶⁶ Котловский А. В. Венгрия, пятидесятые: горячий фронт холодной войны. Арсенал — Коллекция. 2012. № 2 (2). С. 28, 30–31.

Одним из наиболее серьезных случаев имел место, когда зенитным огнем над островом Чепель был сбит разведчик Ил-28Р и погиб весь его экипаж из трех человек (этот случай был подробнее описан выше). Отметим также, что в опубликованном списке погибших в венгерских событиях военнослужащих Советской армии его создатели, входившие в состав коллектива «Книги памяти» (они же — авторы исследования «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века»), как уже отмечалось, не только не включили в него Героя Советского Союза В. Е. Ярцева¹⁶⁷, но и сместили, по некоторым данным, даты гибели двух остальных авиаторов с 8 на 7 ноября 1956 года.

После разгрома основных сил повстанцев, бои с остатками их отрядов продолжались в горах и лесах. Так, в середине ноября 1956 года генерал-майор КГБ А. М. Гуськов на вертолете совместно с командованием советских войск облетели район расположения сил повстанцев на расстоянии 10–15 км от города Печ на юге Венгрии и приняли решение разгромить их лагерь минометным огнем, корректируя ее с вертолета¹⁶⁸.

Согласно описанию оперативно-боевой и служебной деятельности 12-го мотострелкового Рымникского ордена Богдана Хмельницкого отряда внутренней охраны МВД, при выполнении специального задания в связи с событиями в Венгрии в период с 26 октября 1956 года по 13 января 1957 года «имели также место и случаи обстрелов советских транспортных самолетов, следовавших над территорией Венгрии, при этом мятежниками был сбит один вертолет и несколько самолетов повреждено»¹⁶⁹.

Если обратится к процессу развития венгерской военной авиации, то можно выделить период резкого наращивания ее ударной мощи, связанный с обострением отношений с Югославией. Начавшийся на рубеже 1940–1950-х годов, этот процесс достиг

.....
¹⁶⁷ Еще раз вспомним в связи с этим фразу магнитогорского историка В. А. Токарева о погибших в 1939 году в Польше, которые» нередко лишались права иметь последнюю прописку во времени и пространстве»

¹⁶⁸ Гуськов А. М. Под грифом правды: Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. М., 2004. С. 238.

¹⁶⁹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 390, 398.

своего пика зимой 1952–1953 годов и по инерции продолжался еще около полугода после смерти И. В. Сталина.

В сентябре 1949 года из СССР на авиабазу Кечкемет прибыла первая партия из 50 истребителей Як-9. Всего же ВВС Венгрии получили по разным источникам до 120 самолетов этого типа и вошли в число стран, где эти машины использовались в значительном количестве. В авиачастях он получил названием «Vercse» («Сокол») ¹⁷⁰.

В ВВС Венгрии поступили также 64 поршневых учебно-тренировочных истребителя Як-11. Из них 49 были собственно советской постройки и 15 — чехословацкие С-11, выпуск которых был организован в начале 1950-х годов на заводе «Лет» (первый самолет выпущен в октябре 1953 года). Два экземпляра были позже переданы в аэроклубы. В 1956 году как минимум один Як-11 использовался повстанцами ¹⁷¹.

Между 9 и 14 сентября 1949 года в венгерские ВВС из СССР поступила первая закупленная партия из 50 штурмовиков Ил-10 и 2 УИл-10 ¹⁷², которые до этого уже находились в эксплуатации (некоторые даже прошли бои Второй мировой). Поскольку процесс подготовки пилотов шел медленно, венгры переоборудовали несколько Ил-10 в учебные, а осенью 1950 года прибыла еще одна небольшая партия таких же из СССР. В этом же году был сформирован единственный на тот период штурмовой авиapolк, но кроме него Илы использовались также в Офицерской летной школе и других частях. В 1951 году началось формирование авиадивизии трехполкового состава. В дальнейшем, в связи с тем, что с конца 1951 года в Чехословацкой Республике на заводе «Авиа» было налажено их лицензионное производство под обозначением В-33 и СВ-33 соответственно ¹⁷³, а в СССР производство штурмовиков прекратили двумя годами ранее, довооружение штурмовых полков ВВС Венгрии шло за счет по-

170 Robert Panek. Yakovlev Yak-9 U & P. Mushroom Model Magazine Special № 6119 (Yellow Series). – Sandomierz: Mushroom Model Publications, 2006. P. 28.

171 Комиссаров С. Д. Учебно-тренировочный самолет Як-11. Авиакolleкция. Приложение к журналу «Моделист-конструктор». 2012. № 1. С. 9, 24.

172 Учебно-тренировочный вариант Ил-10.

173 По 1955 год включительно на Avia было изготовлено 1200 В-33 всех модификаций.

ставок чехословацких машин. Это позволило в 1953 году укомплектовать ими авиадивизию: в период с 17 февраля по 7 июля 1953 года поступила партия из 100 самолетов. В итоге всего ВВС Венгрии получили 159 разных модификаций самолетов Ил-10 и В-33. В Венгрии первоначально штурмовик получил прозвище «Россия», а завершил службу как «Parduc» («Пантера»). В период их эксплуатации произошло 15 катастроф, унесших жизнь 10 человек. В 1955 году командование ВВС Венгрии приняло решение о замене на реактивные самолеты МиГ-15 штурмовиков Ил-10. В результате они использовались до второй половины 1956 года, когда штурмовые соединения были распущены, а 120 машин просто пустили на слом¹⁷⁴.

В рамках реорганизации венгерской авиации в декабре 1952 года началось формирование 82-й бомбардировочной дивизии в составе трех полков. Они оснащались бомбардировщиками Ту-2. Все машины этого типа (включая изготовленные во время Второй мировой войны) передавались из советских авиачастей. Первые самолеты прибыли 23 января 1953 года, а всего до сентября того же года было получено 62 самолета. Далее численность этих машин постоянно уменьшалась из-за аварийности и износа. В декабре 1955 года дивизия была расформирована, последние 10 машин были определены разведывательному полку и для учебных целей. По-видимому, в ходе событий 1956 года венгры лишились последних машин этого типа¹⁷⁵.

Обратим внимание на то, что степень напряженности советско-югославского конфликта 1948–1953 годов была высокой, а участие Венгрии в нем достаточно активное. Об этом говорит подробная статистика инцидентов по всей протяженности границ ФНРЮ с враждебными ей странами с 1 июля 1948 года по 30 сентября 1950 года.

.....
¹⁷⁴ Jaroslav Yanečka a Václav Němeček. Iljušin Il-10 (Avia B-33) a Il-16 / Letectví + kosmonautika. 1971. № 13. S. 23-24; Robert Michulec. Il-2, Il-10. Monografie lotnicze. № 22. Gdańsk: AJ PRESS, 1995. S. 29; Hans-Heiri Stapfer. Il-2 Stormovik in action (Aircraft number 155). Carrollton, Texas: Squadron/Signal Publications, Inc., 1995. P. 49-50.

¹⁷⁵ Саукке М. Б., Котельников В. Р. Бомбардировщик Ту-2. Часть 2. Авиаколлекция. 2008. Специальный выпуск № 2 (3). С. 65.

На югославско-албанской границе произошло 210 инцидентов (в том числе: пограничных — 128, нарушений границы — 56, нарушений воздушного пространства — 26);

на югославско-болгарской — 310 (192, 106, 16 соответственно);

на югославско-румынской — 190 (183, 1, 6 соответственно);

на югославско-венгерской — 334 (204, 9, 104 соответственно).

Как видим, помимо того, что Венгрия была безусловным лидером и по общему числу инцидентов, и по пограничным инцидентам, она еще являлась абсолютным и относительным лидером по воздушным¹⁷⁶.

В исследовании об истории развития военно-воздушных сил стран Варшавского договора отмечается, что в начале 1950-х годов ВВС Венгрии расширились далеко за рамки ограничений Парижского договора 1947 года и подчеркивается, что непосредственно перед восстанием 1956 года «венгры имели самую сильную авиацию на Балканах»¹⁷⁷.

Помимо авиатехники, которая была спроектирована еще во время Второй мировой войны (истребители Як-9, штурмовики Ил-10, бомбардировщики Ту-2) и к началу 1950-х годов и физически, и морально устарела, для обеспечения большей боеспособности венгерской авиации в случае войны с Югославией с марта 1951 года появились поставки из СССР реактивных машин, начавшиеся с истребителей МиГ-15 (годом ранее впервые примененных в войне в Корее), за которыми вскоре последовали поставки МиГ-15 бис¹⁷⁸. В ВВС страны самолет МиГ-15¹⁷⁹ неофициально назывался «Ягуар», а МиГ-15бис —

¹⁷⁶ Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 468.

¹⁷⁷ Hans-Heiri Stapfer. Warsaw Pact Air Forces. Carrollton, Texas: Squadron/Signal Publications, Inc., 1991. P. 5.

¹⁷⁸ Ibidem.

¹⁷⁹ МиГ-15, выпуск которого начался в 1949 году стал самым массовым реактивным боевым самолетом в мире (с учетом производства модификации МиГ-15 бис и учебно-тренировочного варианта МиГ-15 УТИ, выпускавшейся по 1959 год, а также с учетом лицензионного производства в ПНР и ЧССР).

«Sas» («Орел»)¹⁸⁰. Отметим также, что реактивные самолеты кроме СССР поставляла еще и Чехословацкая Республика (как в случае с Ил-10). В 1954 году, на предприятии Aero-Vodochody (AV) началось производство учебно-тренировочного варианта МиГ-15 УТИ (CS 102/UTI MiG-15). Венгрия получила 15 таких машин¹⁸¹.

В 1956 году в Венгрию из СССР начались поставки разных модификаций самолетов МиГ-17¹⁸². Примечательно, что первый самолет типа МиГ-17 ПФ — перехватчик, оснащенный РЛС — был замечен наблюдателями из НАТО именно в Венгрии летом того же года и получил кодовое обозначение «Fresco D» («Фреска»). В ВВС Венгрии МиГ-17 получил неофициальное прозвище «Czuczo» («Планер»)¹⁸³.

Всего к октябрю 1956 года в строю находилось около 360 летательных аппаратов всех типов (в том числе и вертолеты). Истребительная авиация (пять авиаполков, сведенные в две авиадивизии) была представлена в основном истребителями МиГ-15 и МиГ-15 бис, также начали поступать МиГ-17Ф и МиГ-17ПФ¹⁸⁴. Штурмовая авиация имела на вооружении самолеты Ил-10/ В-33. Основу ударных сил бомбардировочной авиации составляли авиаполк двухмоторных реактивных бомбардировщиков Ил-28, которых насчитывалось 37¹⁸⁵. Необходимо отметить, что выпускавшийся с 1952 года Ил-28 стал самым массовым реактивным бомбардировщиком, а также самым массовым реактивным многомоторным самолетом в мире (всего изготовлено свыше 6300). Могла быть использована из резерва и устаревшая техника, находящаяся на консервации.

.....
180 *Hans-Heiri Stapfer*. MiG-15 in action (Aircraft number 116). Carrollton, Texas: Squadron/Signal Publications, Inc., 1991. P. 9, 17.

181 *Котловковский А., Мараяев Р.* МиГ-15 — реактивный бестселлер. *Авиация и время*. 2013. №2. С. 13, 15

182 *Якубович Н. В.* Истребитель МиГ-17. *Авиаколлекция. Приложение к журналу «Моделист-конструктор»*. 2007. № 5. С. 29.

183 *Hans-Heiri Stapfer*. MiG-17 Fresco in action (Aircraft number 125). Carrollton, Texas: Squadron/Signal Publications, Inc., 1992. P. 16, 44.

184 *Котловковский А. В.* Венгрия, пятидесятые: горячий фронт холодной войны. *Арсенал — Коллекция*. 2012. № 2 (2). С. 26–27.

185 *Егоров Ю. А., Котловковский А. В.* Удачный самолет, которому не везло. *Авиация и время*. 1997. № 1. С. 18.

До конца октября 1956 года было отмечено применение венгерской стороной самых разных самолетов, в том числе как боевых поршневых — Ил-10, Ту-2 и реактивных МиГ-15, так и одно- и двухмоторных учебно-боевых, учебно-тренировочных, связных и транспортных поршневых машин, а также вертолетов Ми-4. Иногда советские зенитчики открывали по ним огонь и в ряде случаев фиксировали повреждения самолетов.

27 октября несколько МиГ-15 66-й ИАД произвели атаку «лагеря контрреволюционеров», а в действительности — цыганского табора. В результате погибли 17 человек, еще 110 получили ранения. В тот же день пилот одного МиГ-15бис потерял управление при осуществлении разведки на малой высоте и разбился (позже было объявлено, что «самолет был сбит огнем контрреволюционеров»). Еще один самолет, по данным советских зенитчиков, был сбит 31 октября.

Всего во время событий венгерские ВВС совершили 255 самолето-вылетов с общим налетом 199 час. 10 мин., в том числе транспортная авиация (самолеты Ли-2 и вертолеты Ми-4) — 199 самолето-вылетов и 140 часов соответственно. Из оставшихся 56 самолето-вылетов, помимо агитационных, демонстрационных, разведывательных и связных, — 10 было совершено как по повстанцам, так и по советским войскам, в том числе по последним несколько вылетов сделали Ил-28 и МиГ-15¹⁸⁶.

4 ноября 1956 года начался захват венгерских аэродромов с авиатехникой. В информации Министерства обороны СССР за подписью Г. К. Жукова в ЦК КПСС о положении в Венгрии по состоянию на 9.00 5 ноября 1956 года, в частности, указывалось: «Вся венгерская авиация захвачена нашими войсками»¹⁸⁷.

В телефонограмме И. А. Серова из Будапешта в ЦК КПСС о работе органов госбезопасности на территории Венгрии и фактах помощи югославских дипломатов венгерским повстанцам от 19 ноября 1956 года, в частности, сообщалось: «Вчера

.....
¹⁸⁶ Котловский А. В. Венгрия, пятидесятые: горячий фронт холодной войны. С. 28, 30.

¹⁸⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 588–589.

через наши возможности были выведены из частной квартиры военного атташе Югославии Вукмировича командующий военно-воздушными силами в Венгрии полковник Надор Ференц¹⁸⁸ и майор венгерской армии, находящийся с Надером»¹⁸⁹.

После завершения боевых действий в ВВС, как и во всех вооруженных силах страны, была проведена чистка. В Справке начальника особого отдела КГБ по Южной группе войск полковника Горбушина В. И. командующему группой генералу армии Казакову М. И. о настроях офицеров 3-го стрелкового корпуса венгерской армии от 12 декабря 1956 года, в частности, сообщалось: «Некоторые офицеры отказались дать так называемую офицерскую подписку о верности рабоче-крестьянскому правительству.

Командир авиационной дивизии подполковник Терек Бела отказался дать офицерскую подписку и открыто заявил, что ввод советских войск в Венгрию — это вооруженная интервенция и что советские офицеры и солдаты уничтожили Венгрию. Терек во время мятежа дал свое согласие контрреволюционному комитету участвовать в вооруженном сопротивлении советским войскам.

Заместитель командира этой дивизии майор Иван Деже, отказавшись от дачи офицерской подписки, среди офицеров ведет пропаганду против пребывания советских войск в Венгрии и оказываемой помощи революционному правительству Венгрии». Позднее оба они были арестованы и осуждены¹⁹⁰.

В венгерской авиации осталось всего 96 самолетов. В СССР под предлогом того, что это — советская собственность, данная Венгрии во временную аренду, были возвращены 136 реактивных истребителей (позже, однако, 12 МиГ-17 ПФ вновь передали венгерской стороне). Еще 105 самолетов (транспортные и учебные) были распределены по различным венгерским организациям — авиакомпания MALEV, Государ-

¹⁸⁸ В документе он ошибочно именовался «Надер Ференц».

¹⁸⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 661, 663.

¹⁹⁰ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 308–309, 477.

ственной Скорой Помощи, Военно-спортивной организации МНС. Воссоздание ВВС Венгрии началось с весны 1957 года, но лишь к концу 1950-х годов новая структура приобрела боеспособный вид¹⁹¹.

По данным Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР, уже в самом начале вооруженных столкновений из 26 тысячи военнослужащих ВНА на сторону повстанцев перешло 12 тысяч человек¹⁹². Всего же по приблизительным оценкам следует, что не менее половины сил армии поддерживали повстанцев. Не менее 185 венгерских военнослужащих было убито и 137 ранено во время боев. Еще 570 человек позднее обвинялись в поддержке повстанцев, 30 были репрессированы¹⁹³. Еще большие цифры называют российские источники. Так, согласно данным из докладной записки советника КГБ при СМ СССР в органах военной контрразведки венгерской армии полковника Непомнящего о состоянии армии и оперативной работе органов военной контрразведки от 4 июня 1957 года следует, что помимо арестов, произведенных военной контрразведкой, «другими органами МВД было арестовано еще 38 армейских офицеров и 3 генерала, в основном за контрреволюционные преступления, из них закончены следствием дела на 13 арестованных. Военной прокуратурой... было арестовано 859 военнослужащих, в том числе 92 человека за антигосударственные преступления». Согласно информации из той же записки, по неполным данным, «за границу ушло 1923 военнослужащих и вольнонаемных из ВНА и пограничных войск МВД»¹⁹⁴.

Для стабилизации ситуации и установления контроля над офицерским корпусом, были использованы три полка, сформированные из офицеров, сотрудников госбезопасности и членов партии.

.....

¹⁹¹ Котлововский А. В. Венгрия, пятидесятые: горячий фронт холодной войны. С. 31.

¹⁹² Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 48.

¹⁹³ Erwin A. Schmidt, Laszlo Ritter. The Hungarian Revolution 1956, P. 42–43.

¹⁹⁴ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 465, 471–472.

В процессе реорганизации ВНА после событий 1956 года наряду с арестами проводилась работа по очищению армии от «контрреволюционных элементов» и политически неблагонадежных лиц. Уже в самом начале реорганизации было демобилизовано из армии 6228 офицеров, не подписавших заявления о поддержке правительства Кадара¹⁹⁵. Позже по директиве Министерства обороны были созданы во всех соединениях и частях специальные комиссии по проверке офицерского состава. В эти комиссии контрразведкой были переданы для разбора компрометирующие материалы на многих офицеров ВНА. Указанные комиссии за весь период своего существования проверили 1007 военнослужащих, в том числе 6 генералов, 194 старших офицера и 807 офицеров и вынесли решения о демобилизации из армии по компрометирующим материалам 4-х генералов и 683 офицеров. По указанию министра обороны все новые назначения на офицерские должности и прием на работу служащих проводились Управлением кадров только после согласования с органами военной контрразведки¹⁹⁶.

По поводу численности и укомплектованности ВНА в записке полковника Непомнящего сообщалось:

«Численность армии после окончательного ее укомплектования будет доведена до 61450 человек, в том числе 9538 офицеров и 13130 вольнонаемных.

В настоящее время укомплектование армии в основном закончено. Офицерским составом части укомплектованы примерно на 92% от штатной положенности, рядовым составом на 100%.

По состоянию на 15 мая с.г. стрелковым оружием укомплектованы все воинские части в соответствии со штатной положен-

.....
¹⁹⁵ Ранее в справке полковника Непомнящего от 20 февраля 1957 года о состоянии реорганизации венгерской армии по состоянию на февраль того же года сообщалось: «Как известно, из армии уже уволено 5600 офицеров, не подписавших заявления о поддержке правительства Кадара, кроме этого подлежат увольнению еще около 7000 офицеров в связи с сокращением армии» (см. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 429, 431).

¹⁹⁶ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 471.

ностью. Артиллерией, танками и авиацией части укомплектованы еще не полностью».

По новой организационной структуре в ВНА входило: три механизированных дивизии, одна артиллерийская бригада, четыре зенитно-артиллерийских полка, отдельный противотанковый артполк, отдельный танковый полк, полк связи, радиоразведывательный полк, отдельный полк охраны, бригада речной флотилии, четыре отдельных инженерно-технических батальона, а также различные части обслуживания, обеспечения, учебные и тренировочные. Кроме того, в состав армии входил отдельный офицерский полк и 11 отдельных офицерских батальонов для поддержания общественного порядка в стране. От ВВС остался только учебный тренировочный центр по подготовке летного состава¹⁹⁷.

Некоторое внимание нужно уделить символике и униформе, которая использовалась в венгерской армии. Этот вопрос, на первый взгляд, может показаться второстепенным и незначительным, но именно он был также озвучен среди прочих в известных требованиях студентов Будапештского строительного-технического университета от 22 октября 1956 года. Приведем соответствующий пункт целиком: «14. Вместо существующего абсолютно чуждого венгерскому народу герба, мы желаем восстановить старый венгерский герб Кошута¹⁹⁸. Требуем ввести достойную наших национальных традиций военную форму в венгерской армии. Объявить 15 марта национальным праздником, а 6 октября — днем национального траура и свободным днем для учащихся»¹⁹⁹.

Так как события в Венгрии имели ярко выраженный националистический характер, униформа, выполненная в советском

.....
¹⁹⁷ Указ. соч. С. 466–467.

¹⁹⁸ После провозглашения Венгрии республикой, с 1 февраля 1946 года был возвращен государственный герб и флаг 1849 года, а с 18 августа 1949 года Конституцией ВНР был утвержден новый герб в виде окруженных с двух сторон пшеничными колосьями скрещенных золотых молота и колоса на голубом поле, над которыми размещалась красная пятиконечная звезда с золотыми лучами. Этот герб также был размещен и в центре трехцветного государственного флага (См.: Бурков В. Г. Государственная геральдика и вексиллология: Россия, СНГ, Европа, Америка. Научно-справочное издание. СПб.: Издательство «Эго», 2004. С. 148).

¹⁹⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 317–318.

стиле, в этих частях была «мадьяризирована». В частности были ликвидированы погоны, которые, в соответствии с традициями, восходящими к временам Австро-Венгерской империи, заменялись знаками отличий на цветных петлицах. Удалялись красные звезды и другие коммунистические атрибуты, которые по возможности заменялись старыми трехцветными венгерскими кокардами. Из-за линчевания сотрудников госбезопасности, которые использовали форму военного образца с ярко-голубыми петлицами, большая часть персонала ВВС и войск связи, которые также использовали подобные, правда с несколько иными оттенками, предпочла расстаться с ними, во избежание обвинения в принадлежности к спецслужбам. Может показаться парадоксальным, но впоследствии режим Кадара отказался от мысли реанимировать прежнюю символику в армии, которая считалась «сталинистской», и намеренно сохранил многие элементы военной формы, использованные повстанцами в период событий²⁰⁰. В связи с этим политическим ходом нового венгерского руководства интересна следующая информация. Заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличев после встречи с послом ВНР в СССР Я. Болдоцким 12 ноября 1956 года записал в своем дневнике: «Однако его очень беспокоит то, что тов. Кадар высказался за введение вместо существовавшего герба Венгерской Народной Республики старого герба Кошута. По мнению Болдоцкого, этот кажущийся невинным факт чреват очень большими последствиями. Дело в том, что на гербе Кошута изображено четыре реки — Дунай, Тиса, Драва и Сава и горы — Матра, Фатра и Татра. Введение этого герба затрагивает, таким образом, интересы Чехословакии и Румынии и может привести к возрождению шовинистических настроений»²⁰¹.

После событий 1956 года с советской точки зрения венгерская армия не заслуживала доверия. Так, в исследовании 1974 года о состоянии армий европейских стран прямо подчеркивалось, что в СССР не были впечатлены действиями Венгерской народ-

.....
²⁰⁰ Erwin A. Schmidt, Laszlo Ritter. The Hungarian Revolution 1956. P. 42–43.

²⁰¹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. С. 153.

ной армии во время вторжения в Чехословакию в 1968 году²⁰². В более поздней работе также было отмечено, что части ВНА в Чехословакии показали себя слабо дисциплинированными и обладающими низкой боеспособностью. В случае возникновения соответствующих обстоятельств венгерская армия могла более или менее мотивированно использоваться внутри ОВД только против Румынии, в которой видела традиционного врага. К тому же Венгрия не граничила ни с одной страной-членом НАТО, а соприкасалась с нейтральными Австрией и Югославией. Все эти обстоятельства не способствовали ни ее росту, ни оснащению современной техникой²⁰³.

А. С. Степанов,
д. и. н., научный сотрудник Русского фонда
содействия образованию и науке,
ведущий научный сотрудник Института
российской истории РАН

.....
²⁰² См, например: *Otto von Pivka*. The armies of Europe today. Berkshire: Osprey Publishing Limited, 1974. P. 141.

²⁰³ *Gordon L. Rottman*. Warsaw Pact Ground Forces. London: Osprey Publishing, 1987. P. 32.

Библиографическая справка

Очерк 1. Советский дипломат перед национал-коммунистическим вызовом. Ю. В. Андропов в Венгрии (1953–1957)

Опубликовано: Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю. В. Андропова // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке) / отв. редактор Е. П. Серапионова. М., Институт славяноведения РАН, 2008. С. 283–317.

Опубликовано также в материалах международной летней школы «Международные кризисы: от холодной войны к новому миропорядку» (Геленджик, сентябрь 2007 г.)

Вариант опубликован также в Сербии на русском языке: Юрий Андропов — дипломат. Начало одной головокружительной карьеры // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова / гл. редактор С. Селинич. Београд, 2012. С. 351–383.

Опубликовано также в Румынии на румынском языке: Iurii Andropov — diplomat // Putere și societate. Lagărul comunist sub impactul destalinizării. 1956 / Coordonatori Dan Cătănuș. Vasile Buga. București, Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului. 2006, pp 152–185.

Вариант для прессы: Юрий Андропов — дипломат // Российский курьер Центральной Европы. Вена — Будапешт. № 12–15. Июнь — август 2004.

Интернет-версии: Андропов в Венгрии (1953–1957): посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране // Сайт общества «Мемориал» «Уроки

истории. XX век» (март 2014 г.); У истоков одной головокружительной карьеры. Ю. В. Андропов — дипломат в Венгрии // Информационно-аналитический портал ava.md (Молдова), февраль 2014 г.

Краткая англоязычная версия: Iurii Andropov — The Ambassador in Hungary in 1950-es. The Beginning of the Career of the Future Party Leader // Romanian and European Diplomacy. From Cabinet Diplomacy to the 21-th Century Challenge / Ed. by Gh. Cliveti, Ceobanu A.-B., Vițalaru A., Nistor. Iași I., Editura Universității Cuza, A.I. 2012. P. 388–394.

Очерк 2. Президиум ЦК КПСС в поисках путей разрешения венгерского кризиса 1956 года. Влияние внешних факторов на принятие решения

Опубликовано: Президиум ЦК КПСС в поисках путей выхода из венгерского кризиса 1956 г. Влияние внешних факторов на принятие решения // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение. М., 2014. № 18 (140). С. 106–115.

Дополненный вариант: Президиум ЦК КПСС в поисках путей разрешения венгерского кризиса 1956 г. Влияние польского и ближневосточного факторов на принятие решения (черты группового портрета на фоне внешнеполитического вызова) // Российско-польский исторический альманах. Вып. VII / отв. редактор А. Н. Птицын. Ставрополь, 2014. С. 211–221.

Опубликовано также в Молдове в материалах международной конференции: Politica marilor puteri în Balcani și Europa Centrală. În onorem Gheorghe Gonța. Materialele Simpozionului Internațional 10–13 Octombrie, 2013 / Redactor șef N. Chicuș. Chișinău, 2013. P. 496–503.

Очерк 3. Имре Надь — реальность и мифы. Заметки на полях политической биографии И. Надя

Впервые опубликовано: Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. С. 223–238.

Дополненный вариант для книжного издания: К выходу на русском языке биографии Имре Надя // Восточный блок и советско-вен-

герские отношения. 1945–1989 годы / под ред. А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой. СПб., «Алетейя», 2010. С. 128–149.

Интернет-версия: Имре Надь: современная биография // Интернет-журнал «Historia.ru», 2008. № 1.

Вариант для прессы: Имре Надь через 50 лет после смерти: правда и вымысел // Российский курьер Центральной Европы. Вена – Будапешт, 1–15 июня 2008 г.

Очерк 4. Кардинал Миндсенти на политической сцене Венгрии

Опубликовано: Кардинал Миндсенти на политической арене Венгрии (1945–1956 гг.) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. редактор А. И. Филимонова. М., 2011. С. 288–313.

Дополненная версия: Из истории взаимоотношений власти и церкви в послевоенной Венгрии. Кардинал Миндсенти в событиях 1956 г. // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского / отв. редактор К. В. Никифоров. М.- СПб., Нестор-История, 2013. С. 435–458.

Журнальный вариант: Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.

Очерк 5. Венгерский кризис 1956: к вопросу о роли журналистского сообщества

Опубликовано: Европейские сравнительно-исторические исследования. Выпуск 3. История и сообщества / отв. редактор Ар. А. Улунян. М., ИВИ РАН, 2010. С. 113–139.

Очерк 6. Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х – начала 1960-х годов

Первоначальный вариант опубликован: Советско-югославские отношения и внутривластная ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // Spoljna politika jugoslavije. 1950–1961. Zbornik radova / отв. редактор М. Митрович. Beograd, 2008. С. 139–167.

Очерк 7. События октября 1956 года в Польше и Венгрии и коммунистическое руководство Китая

Первоначальная версия: К вопросу о позиции коммунистического руководства Китая в связи с польскими событиями октября 1956 года // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И. И. Костюшко). М., 2009. С. 322–342.

Дополненный вариант: Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г. // *Российско-польский исторический альманах*. Вып. IV / отв. ред. А. Н. Птицын. Ставрополь – Волгоград – Москва, 2009. С. 78–101.

Очерк 8. К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество, 1956–1957

Опубликовано: Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. / отв. редактор Т. А. Покивайлова. СПб., «Алетейя», 2011. С. 273–322.

Электронный вариант опубликован на сайте общества «Мемориал» «Уроки истории. XX век» (сентябрь 2015 г.).

Вариант для прессы: Венгерские беженцы и мировое сообщество // *Российский курьер Центральной Европы*. Вена – Будапешт, октябрь 2015 г.

Очерк 9. К вопросу о реакции советской интеллигенции на венгерские события 1956 года

Первоначальная версия: Венгерские события 1956 г. и советское общество // *Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций*. Сборник статей / отв. ред-р Н. И. Басовская. М., Изд-во РГГУ, 2009. С. 183–197.

Англоязычная версия: The 1956 Hungarian Revolution and Soviet public opinion. New sources // *The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc Countries: Reactions and Repercussions* / Ed. by Rainer J. M. and Somlai K. Budapest, 2007, pp. 15–23.

Версия на венгерском языке: Az 1956-os magyar forradalom hatása a szovjet közvéleményre. Új források // *Az 1956-os forradalom visszhangja a szovjet tömb országaiban*. 1956 Intézet. Évkönyv XIV. 2006-2007 / Szerk. Rainer M.J., Somlai K. Budapest, 2007, 17–26. o.

На румынском языке: "Eroismul ungar merită admirație..." Evenimentele din Ungaria, din anul 1956, în aprecierile a doi oameni de știință ruși // In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credință. București, Editura Enciclopedică, 2013, pp. 630–651.

Сокращенные версии публиковались также в прессе и Интернете.

Очерк 10. Илья Эренбург и осень 1956 года.

К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада

Опубликовано: Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы) // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских / отв. редактор Ю. П. Гусев. М., 2007. С. 218–247.

Англоязычная версия: Ilya Ehrenburg and Hungary's 1956. Ehrenburg, the Khrushchev Party Elite and the Western Intelligentsia. Trondheim Studies on East European Cultures and Societies. № 27. December 2008. 38 p.

На русском языке опубликовано также в Румынии: Synthesis, XXXI–XXXIII. 2004–2006. București, Editura Academiei Române, 2007, pp. 141–165.

Опубликовано также в Венгрии на венгерском языке: Ilja Ehrenburg és az 1956-os magyarországi események. Az író viszonya a hruscovi pártelithez és a nyugati baloldali értelmiséghez az 1950-es években // Múltunk, 2007. № 1. 4–25. o.

Интернет-версия: Илья Эренбург и осень 1956 // Сайт общества «Мемориал» «Уроки истории. XX век» (январь 2016 г.).

Очерк 11. Опыт 1956 года в 12-летней ретроспективе. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии

Опубликовано: «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история, 2012. № 5. С. 21–41.

Первоначальная, неполная версия: «Пражская весна» 1968 года и позиция Венгрии // Славяноведение. 1998. № 5. С. 68–80. Публиковалось также на румынском языке в материалах конференции: «Primavara

de la Praga» din 1968 și atitudinea Ungariei // Anii 1961–1972. Țările Europei de Est, între speranțele reformei și realitatea stagnării. Analele Sighet 9. București. Fundația academia civică, 2001, pp. 740–759. В дополненном виде публиковалось также в издании: «Пражская весна» 1968 г. и позиция руководства Венгрии // Международные отношения: история и современные аспекты. Теории и исследовательские практики. Вып. 1. Москва – Ставрополь – Воронеж – Тамбов – Пятигорск, 2007. С. 227–255.

Публиковалось также в Сербии на русском языке: «Пражская весна» 1968 г. и позиция руководства Венгрии // 1968 – четрдесет годин после. 1968 – Forty years later. Сборник радова / отв. редактор М. Митрович. Београд, 2008. С. 181–213.

Англоязычная версия: The Soviet Intervention in Czechoslovakia in 1968 and the Position of Hungary // Historical Yearbook. Institute of History “Nicolae Iorga”. București, vol. VIII, 2011, pp. 171–194.

Публиковалось также в прессе: Янош Кадар и «Пражская весна» // Российский курьер Центральной Европы. Вена – Будапешт, август 2008 г.

Очерк 12. От революции 1956 года к «смене систем» в 1989 году: эволюция исторической памяти венгерской нации

Впервые опубликовано: От Венгрии 1956-го к Венгрии 1989 года: метаморфозы исторической памяти нации // Неприкосновенный запас. 2009. № 6. С. 180–196.

Более полная версия: От революции 1956 г. к «смене систем» в 1989 г.: метаморфозы исторической памяти венгерской нации // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / отв. редактор К. В. Никифоров. М., РОССПЭН, 2011. С. 324–349.

Публиковалось также в прессе: 1956-й в 1989-м. Память о революции в эпоху смены систем // Российский курьер Центральной Европы. Вена – Будапешт, июнь – июль 2009 г.

Очерк 13. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе

Опубликовано: Славяноведение, 2011. № 5. С. 52–67.

Дополненная версия: Российско-польский исторический альманах. Вып. V. Ставрополь – Волгоград – Москва, 2011. С. 85–107.

Публиковалось также в прессе: Польская «Солидарность» и позиция Яноша Кадара // Российский курьер Центральной Европы. Вена – Будапешт, декабрь 2011 – январь 2012.

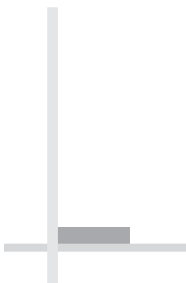
**Очерк 14. Венгерские события 1956 года
в западной историографии и общественно-
научном сознании (1956–1989)**

Опубликовано: Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 11. Ставрополь, 2010. С. 211–245.

**Очерк 15. По замкнутому кругу. О некоторых
веяниях современной российской историографии
в трактовке роли Запада в венгерском кризисе
1956 года. Заметки на полях одного
несовершенного издания**

Изначальная версия: Советские спецслужбы в венгерских событиях 1956 года. Размышления над книгой // Славяноведение. 2012. № 4. С. 42–52.

Дополненная версия: О некоторых веяниях современной российской историографии в трактовке роли Запада в восточноевропейских кризисах времен холодной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., ИВИ РАН, 2014. Вып. 2 (25). Печатная версия – 2015. С. 73–90.

Книги, выпущенные издательством Университета Дмитрия Пожарского (Русский фонд содействия образованию и науке)

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru.

ГЕОПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ:

1. *Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке.* Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century / предисловие Г. М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2015, 2016.
2. *Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750.* Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750 / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2015, 2016.
3. *Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы.* Wallerstein Immanuel. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2016.
4. *Зверев В. О. Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.).* М., 2016.

5. *Кикнадзе В. Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.
6. *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013.
7. *Котельников В. Р.* Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009. М., 2010.
8. *Люттвак Эдвард Н.* Возвышение Китая наперекор логике стратегии. Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2016.
9. *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016.
10. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: логика войны и мира. Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace / пер. с англ. А. Н. Коваля, Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015, 2016.
11. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. Luttwak Edward N. Coup d'État: Practical Handbook / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015.
12. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2015.
13. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012.
14. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941 гг. М., 2016.
15. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948 гг. М., 2016.
16. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг. М., 2016.
17. *Рашид Ахмед.* Талибан / пер. с англ. М. В. Поваляева. М., 2003.
18. *Свойский Ю. М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
19. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015.
20. *Симонов Н. С.* Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышлен-

- ности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940–1969 годы. М., 2013.
21. *Симонов Н. С.* Очерки истории банковской системы России. 1988–2013 гг. М., 2016.
22. *Симонов Н. С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016.
23. *Степанов А. С.* Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М., 2009.
24. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
25. *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
26. *Тумшиц М. А., Золотарёв В. А.* Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. М., 2016.
27. *Тумшиц М. А.* Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 – декабрь 1991 гг.). М., 2016.
28. *Улунян Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013.
29. *Фомин А. М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.
30. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов. М., 2012.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

31. *Исэров А. А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М., 2011.
32. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг. М., 2011.
33. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817–1828 гг. М., 2011.
34. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг. М., 2011.
35. *Платошкин Н. Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация. М., 2011.

36. Платошкин Н. Н. Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года. М., 2013.
37. Платошкин Н. Н. Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия. М., 2015.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ:

а) Сборники и хрестоматии:

38. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
39. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибииков, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
40. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
41. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
42. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
43. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
44. Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2010.
45. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
46. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: Пашуто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.

47. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2013, 2015.
48. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2013.
49. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М., 2014.
50. Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 2016.
51. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2016.
52. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.
53. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
54. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
55. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.
56. Немецкие анналы и хроники X – XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова. М., 2012.
57. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том 1 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
58. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том 2 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
59. Формирование территории Российского государства. XVI – начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015.

б) Русь и Россия. Славянский мир:

60. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.
61. *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015.
62. *Бадаланова Геллер Ф. К.* Книга сущая в устах: фольклорная Библия бессарабских и таврических болгар. М., 2016.
63. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
64. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
65. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
66. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
67. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
68. *Каштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
69. *Каштанов С. М.* Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
70. *Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.
71. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
72. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.
73. *Мендюков А. В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. М., 2016.
74. *Менькова И. Г.* Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки. М., 2014.
75. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
76. *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016.

77. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М., 2013, 2015.
78. Рахаев Д. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
79. Собрание проповедей протоиерея Валентина Амфитеатрова / сост. Е. Н. Викторова, И. Н. Сергеев. М., 2016.
80. Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) Западный мир. Восток:

81. Агишев С. Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
82. Ауров О. В., Марей А. В. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование. М., 2012.
83. Белозёрова В. Г. Традиционное искусство Китая: В 2 т. Том 1: Неолит – IX век / отв. ред. М. Е. Кравцова. М., 2016.
84. Большаков О. Г. Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.). М., 2016.
85. Ганина Н. А. Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования. М., 2014.
86. Генрих Хантингдонский. История англов / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015.
87. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
88. Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / перевод А. Ю. Серёгиной. М., 2013.
89. Долгорукова Н. М. Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII в. М., 2016.
90. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
91. Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
92. Лидов А. М. Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
93. Марей Е. С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.

94. *Мереминский С. Г.* Формирование традиции: английское историописание второй половины XI – первой половины XII веков. М., 2016.
95. *Святитель Хромотий Аквилейский.* Проповеди / пер., вступ. ст. С. С. Кима. М., 2014.
96. *Юлиана Нориджская.* Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. Julian of Norwich. Revelations of Divine Love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina. М., 2010.

ЭТНОГРАФИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ:

97. *Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012
98. *Иванова Л. И.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
99. *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011.
100. *Лобанова Н. В., Филатова В. Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015.
101. *Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
102. *Логонов К. К.* Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья. М., 2010.
103. *Ольговский С. Я.* Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М., 2014.
104. *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.

АНТИЧНОСТЬ. ВИЗАНТИНИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОЛОГИЯ:

105. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 1 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
106. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 2–4 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
107. *Квинт Смирнский.* После Гомера / вступ. ст., пер. с др.греч. яз., прим. А. П. Большакова М., 2016.

108. *Прокл Диадох*. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / пер. А. И. Щетникова. М., 2013.
109. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Херсон. Том I / Золотарёв М. И. и др. М., 2013.
110. Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и комм. И. Ю. Шабаги. М., 2016.
111. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко. М., 2015.
112. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П. В. Кузенкова. М., 2013.
113. *Gaudeamus Igitur*: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе. М., 2010.
114. *Виноградов А. Ю.* Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
115. *Виноградов А. Ю.* «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа. М., 2014.
116. *Ермолаева Е. Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». М., 2011.
117. *Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
118. *Завойкина Н. В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
119. *Кузьмин Ю. Н.* Аристократия Бери в эпоху эллинизма. М., 2013.
120. *Кулланда С. В.* Скифы: язык и этногенез. М., 2016.
121. *Лапырёнок Р. В.* Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э. М., 2016.
122. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия Византийской империи. Luttwak Edward N. The Grand Strategy of the Byzantine Empire / пер. с англ. А. Н. Ковалёва. М., 2010, 2012, 2016.
123. *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
124. *Позднев М. М.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М., 2010.
125. *Ревзин Г.* Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями. М., 2006.
126. *Смирнов С. В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
127. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть I. М., 2013.

128. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть II. М., 2013.
129. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть III. М., 2013.
130. *Суриков И. Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009.
131. *Суриков И. Е.* Античный полис. М., 2010.
132. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.
133. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
134. *Суриков И. Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2013, 2015.
135. *Файер В. В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010.
136. *Файер В. В.* Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М., 2013.

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»:

137. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. I. М., 2010.
138. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. II. М., 2010.
139. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. III. М., 2011.
140. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IV. М., 2011.
141. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. V. М., 2012.
142. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VI. М., 2012.
143. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VII. М., 2013.
144. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VIII. М., 2013.
145. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IX. М., 2014.

146. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. X. М., 2014.
147. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XI. М., 2015.
148. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XII. М., 2015.
149. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XIII. М., 2016.

ЕГИПТОЛОГИЯ:

150. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2013.
151. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2014.
152. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2015.
153. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2016.
154. Лаврентьева Н. В. Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства). М., 2012.
155. Прусаков Д. Б. Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации. М., 2015.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

156. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2006.
157. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2008.
158. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2009.
159. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2010.
160. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2011.
161. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2012.

162. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей в 2 ч. / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2013.
163. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2015.
164. Антоненц Е. В. Введение в римскую палеографию. М., 2009.
165. Вальков Д. В. Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2015.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО:

166. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура. М., 2014.
167. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (2). Русь и Византия. М., 2015.
168. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (3). Политические репрессии на севере России (материалы работы Соловецкого семинара). М., 2016.
169. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2 (4). Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

Четыре тома избранных произведений

О. А. Седаковой:

170. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том). М., 2010.
171. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том). М., 2010.
172. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том). М., 2010.
173. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том). М., 2010.
174. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / под ред. А. В. Маркова, Н. В. Ликвинцевой, С. М. Панич, И. А. Седаковой. М., 2013.

Собрание сочинений В. В. Библихина:

175. Библихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I. М., 2010.

176. *Бибихин В. В.* Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II. М., 2013.
177. *Бибихин В. В.* Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III. М., 2013.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

178. *Кизим А. В.* Крымская война. Учебное пособие. М., 2016.
179. *Девяткина К. С.* Сборник упражнений к учебнику ENGLISH IX (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.
180. *Девяткина К. С.* Сборник упражнений к учебнику ENGLISH X (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.
181. *Девяткина К. С.* Сборник упражнений к учебнику ENGLISH XI (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.
182. *Зайков А. В.* Римское частное право в систематическом изложении. Учебник. М., 2012.
183. *Поливанова А. К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари. М., 2013.
184. *Рязановский А. Р.* Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён. М., 2015.
185. *Смышляев А. Л.* История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие. М., 2007.
186. *Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой.* М., 2016.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudr@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка. Благодарим за сотрудничество.

Полный список книжных магазинов, в которых можно приобрести наши книги, представлен на сайте www.s-and-e.ru.

Университет Дмитрия Пожарского

Университет носит имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского — восстановителя и защитника российской государственности в Смутное время, навсегда вошедшего в историю нашей Родины как пример верности долгу, искренней и деятельной любви к Отчизне.

Университет Дмитрия Пожарского ориентирован на получение фундаментальных и прикладных исследовательских результатов мирового уровня в естественных и гуманитарных науках. Он ставит перед собой задачу подготовить для России высококвалифицированных специалистов-исследователей в ключевых областях знания и сферах человеческой деятельности.

Приоритетом Университета является восстановление ценности классического фундаментального образования, науки и практики в России. Университет Дмитрия Пожарского призван стать Университетом в исконном значении этого слова.

Мы видим выпускников Университета людьми с большой внутренней мотивацией, источник которой — их образование, чувство чести и любовь к Родине, — людьми сильными, не боящимися трудностей жизни и напряженных усилий, способными к внутреннему росту, изменению людей и мира вокруг себя.

Университет поможет сформировать собственное, глубокое и цельное мировоззрение, умение аналитически мыслить, постигать новое, видеть связь вещей и явлений, способность понять структуру любой области человеческого знания и деятельности и готовность грамотно взаимодействовать с профессионалами в этой области, умение прочесть любую книгу и понять ее содержание, способность решать самые сложные задачи.

Эти качества позволят выпускникам участвовать в руководстве народным образованием и наукой в национальном масштабе, разрабатывать решения научных и социальных проблем первостепенной важности, руководить ведущими образовательными и научными организациями, сотрудничать с органами власти всех уровней.

В 2016 г. открылась магистратура по двум направлениям:

Экономико-физико-математическое направление включает изучение совокупности предметов, которые позволят понять экономическое и социальное устройство современного общества и его эволюцию, — математики, теоретической физики, экономических дисциплин, социологии, психологии.

Гуманитарное направление даст лингвистическую, историческую и филологическую подготовку, открывающую широкую перспективу научно-педагогической деятельности.

Оба направления предполагают овладение серьезной интеллектуальной культурой: общими предметами являются история и иностранные языки, магистрантам экономико-физико-математического отделения будет дано представление о современном гуманитарном знании, а гуманитарного — о современной физике и математике.

В дальнейшем планируется открытие бакалавриата и аспирантуры.

Более подробная информация на сайте Университета
www.usdp.ru

Научное издание
Холодная война

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Стыкалин Александр Сергеевич

ВЕНГЕРСКИЙ КРИЗИС 1956 ГОДА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Корректор *Я. А. Давиденко*
Компьютерная верстка,
дизайн и оформление *М. А. Ормонт*

Подписано в печать 29.10.16. Формат 60 × 90 1/16.
Тираж 1000 экз. Первый завод 500 экз. Заказ .

«Русский фонд содействия образованию и науке».
Университет Дмитрия Пожарского.
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.
www.s-and-e.ru.

Отпечатано: ПАО «Т 8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.